

**Министерство обороны Российской Федерации
Российская академия ракетных и артиллерийских наук
Военно-исторический музей
артиллерии, инженерных войск и войск связи**

**Война и оружие
Новые исследования и материалы**

**Труды Четвертой Международной
научно-практической конференции**

15–17 мая 2013 года

Часть II

**Санкт-Петербург
ВИМАИВиВС
2013**

Печатается по решению Ученого совета ВИМАИВиВС
Научный редактор – *С.В. Ефимов*

Организационный комитет конференции
«Война и оружие. Новые исследования и материалы»:

В.М. Крылов, директор Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, Заслуженный работник культуры Российской Федерации,
С.В. Ефимов, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи по научно-просветительской и выставочной работе, кандидат исторических наук,
С.В. Успенская, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат культурологии, Заслуженный работник культуры Российской Федерации,
В.И. Кобякова, начальник военно-научного отдела сохранности памятников культуры и истории Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат технических наук,
Ю.В. Утянский, старший научный сотрудник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи

Война и оружие **Новые исследования и материалы**

Труды Четвертой Международной
научно-практической конференции

В четырех частях

Часть 2

Информационная поддержка

© ВИМАИВиВС, 2013
© Коллектив авторов, 2013

ISBN 975-5-7937-0905-3

М.Ю. Данков (Петрозаводск)

**ЗАГАДОЧНАЯ «ФОРТЕЦИЯ»
НА ОНЕЖСКОМ ОЗЕРЕ
И ЧЕРТЕЖ М. ВИТВЕРА ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ
XVIII ВЕКА**

П ОДЛИННЫХ архивных источников, включая археологические свидетельства о шестибастионной деревоземляной «фортеции», возведенной в 1712–1713 гг., как и о первых укреплениях заводского посада в Шуйском погосте Олонецкого уезда¹, к сожалению, почти не сохранилось².

Вместе с тем, «Шуйский» (Петровский) металлургический завод³ с жилой слободой на берегу Онежского озера, возникшие осенью 1703 г., почти сразу после закладки в мае на невском острове Янисаари (Jenisarij) Петербургской крепости, имел все основания иметь для «обереги» от летучих шведских отрядов серьезные защитные сооружения. Промышленная слобода и крепостные валы, а позже фортеция свидетельствуют о своеобразии русской градостроительной и оборонной традиции начала XVIII столетия⁴.

В то же время изучение оборонных объектов индустриального центра способно прояснить ситуацию, связанную с созданием в напряженные годы Северной войны (1700–1721) в безлюдных землях устойчивых тыловых крепостных укреплений.

Вернувшись из европейского вояжа, молодой царь Петр охотно перенес в русские условия изысканную методику возведения «идеально правильных деревоземляных сооружений», способных уменьшить наступательные действия противника⁵. В этом смысле, строительство на Русском Севере «городов-заводов» с земляной фортификацией стимулировалось не только западным опытом, но и военным фактором. Вместе с тем обустройство «заводских» укреплений на землях, пограничных со Шведским королевством, имеет ряд особенностей и массу глухих недоговоренностей.

К сожалению, памятник петровского времени, возведенный на одной из нижних горизонталей в устье Лососинки⁶, впадающей в Онего, не сохранился и во многом для современных исследователей представляется виртуальным объектом. В то же время источниковедческие лакуны о крупном заводском поселке в 600 дворов и 3000 человек⁷ в ревизских сказках 1720–1723 гг. именуемом Солдатской слободой⁸, усложнены размытыми представлениями о вооружении и иных характеристиках самой «фортеции»⁹.

Это не случайно. До сих пор из поля зрения историков выпадает целый пласт установочных документов, способных раскрыть сюжеты строительства деревоземляной крепости, включая реляции, наказы, обязывающие администрацию Олонецкого уезда приступить к возведению заводской оборонительной линии. К тому же дефицит открытых и ясных по смыслу исторических сведений сформировал досужее представление о непосредственной причастности государя к строительству посада и «фортеции» на берегу Онежского озера. Между тем, какое-либо участие Петра I в возведении «крепостицы» – миф, который относится к области легенд и преданий. Специалистам по-прежнему недоступны инженерные

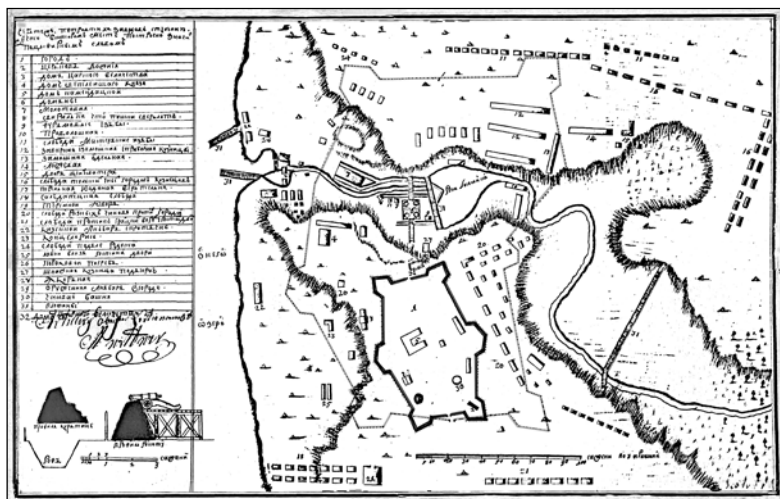

Рис. 1. «Чертеж Петровских заводов строению, а что в котором месте построено значит под цыфирным словом». Собрание РГАДА. Автор М. Витвер. 1721–1722 гг.

чертежи, по которым сооружались объекты, неизвестны архивные источники, способные ответить, когда именно и какими силами строились укрепления посада и цитадели, каков по численности был гарнизон крепости, чему равнялся артиллерийский парк «фортеции», кто оказался первым комендантом ее гарнизона. Серьезно усложняет реконструкцию отсутствие системных полевых данных о фортификационных памятниках раннепетровской эпохи на территории Шуйского погоста. В этом смысле думается, что в будущем инструментальный археологический поиск поможет более остро взглянуть на укрепления заводского посада.

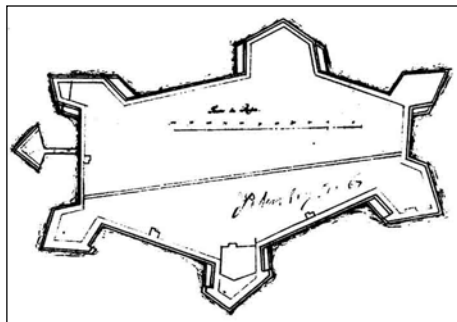

Рис. 2. План Петербургской крепости. Контурный план тушью. Собрание РО БРАН. Автор Ламбер де Герэн

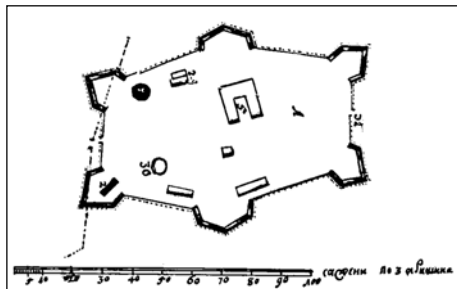

Рис. 3. План «фортеции» на территории Шуйского погоста с «Чертежа» М. Витвера. 1712–1713 гг.

под цифирным словам»¹⁰. Эксклюзивный чертежный лист, хранящийся в Российском государственном архиве древних актов, выполнен рукой «сговоренного» в Западной Европе артиллериста и фейерверкера Матвея Матвеевича Витвера [Matthe(us)w Wittwer]¹¹. Авторство уникального документа подтверждает автограф иноземного инженера – «artillery oberster M. Wittwer»¹², указанный в нижней части экспликации плана. Фиксационный

чертеж слободы выполнен с учетом масштабной инструментальной линейки от 5 до 100 единиц, имеющей в «саженях 3 аршина». Сознвая важность документа, подтвердим, мы столкнулись не только с самым ранним изображением правильного шестибастионного укрепления, опоясывающего Шуйский металлургический завод. Более существенно, что план М. Витвера впервые скрупулезно отмечает шестибастионную «фортецию» 1712–1713 гг., конструктивно, как две капли воды, созвучную первой деревоземляной крепости в дельте Невы, нареченной на голландско-немецкий манер «Санкт-Питер-Бурх»¹³. Стоит указать на еще одну параллель. Оказывается, Петербургская крепость отстраивалась по «чертежу» фортификатора Ж.Г. Ламбер де Герэна [J.G. Lambert de Guerin]¹⁴, который в 1702 г. в «олонецких дебрях», вместе с монархом, преодолел легендарную «Осудареву дорогу» от Белого моря к Балтике¹⁵.

Как бы там ни было, петрозаводские ученые Е. Еленевский и И. Миронов обнаружили и смогли лишь в 1960 г. опубликовать рисованную версию «чертежа» М. Витвера¹⁶. Через десятилетие важный документ был проанализирован маститым карельским исследователем И. Мулло¹⁷. С тех пор «ленд-карта» неизменно вызывает обостренный исследовательский интерес и многочисленные интерпретации¹⁸.

К сожалению, М. Витвер не указал дату своей работы. Однако можно предположить, документ с «маштапом», фиксирующий не только земляной защитный вал со рвом 1703–1704 гг., но и «фортецию» 1712–1713 гг., был создан не позже апреля 1722 г., времени отъезда «с реки Сестра»¹⁹ на Урал бывшего начальника Олонецких заводов голландца В.И. Геннина [Hennin Willim]²⁰.

Тогда выдающегося инженера-администратора²¹ монарх назначил комендантом Верхотурского и Тобольского уездов, чтобы «делать укладу сталь, жесь и дощатое кровельное железо»²². Из Карелии знаменитый металлург вывез не только специалистов²³, но, что важно, часть инженерной документации Петровского завода. В этом смысле можно допустить, строительство екатеринбургских заводов велось по «неким» чертежам и планам, присланным из Олонецкого уезда. Идея привести заводское дело Урала «в доброе состояние» заставила создать «чертежи против маштапа», чтобы «могли в Сибири против того построить»²⁴. Работа иноземного инженера М.М. Витвера, без сомнения, могла стать фрагментом

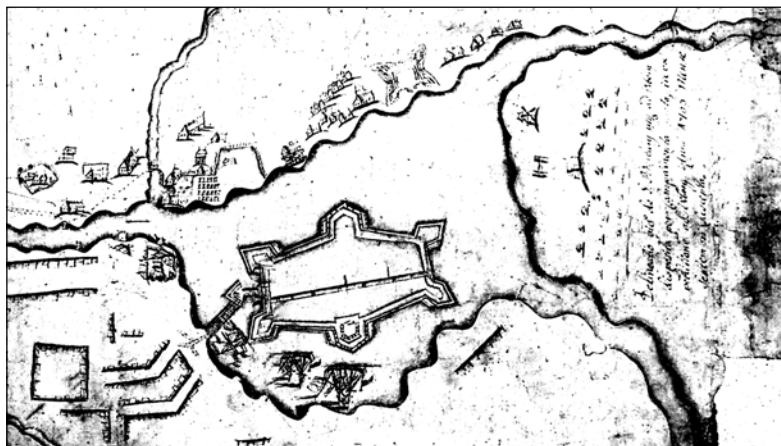

Рис. 4. Схематичный план Санкт-Петербурга в первые годы его существования с обозначением начала маршрута русских войск во время похода в 1706 г. на Выборг. Собрание РГА ВМФ

тех самых загадочных планов, предназначенных для строительства крепости и металлургического завода в Екатеринбурге²⁵.

«Чертеж» М. Витвера, который с октября 1721 г. в документах именуется полковником²⁶, подтверждает тот факт, что планировочные и проектные действия в петровской России, в том числе создание «ленд-карт» с планами крепостей, часто поручались иноземцам, прекрасно владеющим топографической культурой и математическими методами расчета.

«Чертеж» действительно отразил не только промышленный и жилой комплекс посада, но зафиксировал для нас любопытные провинциальные фортификационные новации. В этом смысле план начала XVIII столетия учел индустриальную и военную логику прифронтной территории и превратился в самый ранний генеральный «чертеж развития» будущего города Петрозаводска²⁷. Документ успешно демонстрирует пространственную перспективу одновременного культурного освоения до этого пустовавшей территории с немалой площадью в 36 десятин.

Индустриальный центр предназначался для литья орудий от 3- до 30- фунтового калибра, ядер, корабельных якорей, изготовления мушкетов и солдатских фузей, багинетов, а также офицерских

шпаг. Милитаристический характер производства обязывал администрацию более щепетильно относиться к организации вокруг завода реального кольца обороны. Аналогичный земляной вал, скорее всего в 1703–1705 гг.²⁸, был воздвигнут и на «Олонецком верфу»²⁹, который с «Шуйским» заводом оказался в «смежном» и едином производственном цикле.

Линия обороны, пролегающая по периметру заводского посада, через десятилетие послужила матрицей для возведения на береговой террасе Онежского озера более мощной «фортеции» внутри слободы. Тем не менее, вопрос о характеристиках защитного вала достаточно мутный. Степень его инженерного совершенства до сих пор вызывает сомнения. В этом смысле обратим внимание на одно курьезное примечание топографического чертежа. В юго-восточном углу плана М. Витвер почему-то вынес за линию укреплений некие постройки «в линию», которые назвал «Слободой подъле редута». Казармы оказались незащищенными за пятиугольным выступом бастиона. Отмечая понятие «редут», фейерверкер почему-то не именуется сам вал, который фиксирует ломаной пунктирной линией. В петровскую эпоху редут («редюитом») называлось внутреннее инженерное укрепление в углах замкнутой крепостной ограды, способное самостоятельно держать оборону. Чем вызвано, что поселок «подле редута» оказался «под ударом» и за пределами оборонительной линии? «Слобода подъле редута», отмеченная литерой «24», очевидно, возникла позже строительства укреплений, когда угроза налета шведских захватчиков потеряла смысл. Объяснение увязывается с иными объектами за периметром, которые

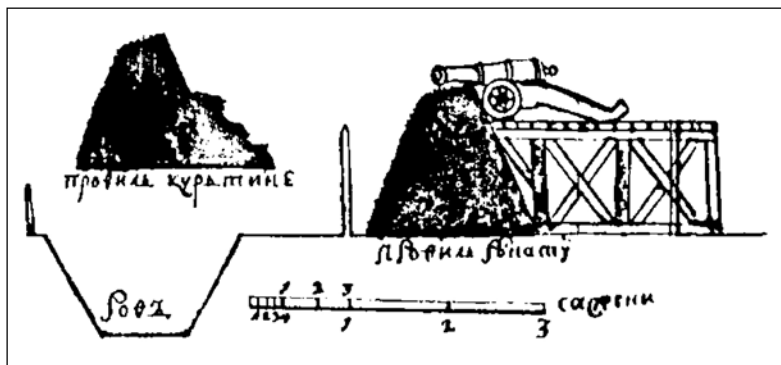

Рис. 5. Рисунки в экспликации «Чертежа» М. Витвера. 1721–1722 гг.

точно возводились в годы расцвета заводского посада. Это мазанковые постройки «Слободы мастерские избыбы» под литерой «11», «Слободы тульских [и] иных городов кузнецов» под номером «16», «Якорьная» с номером «28», а также «Дворцейкватера»³⁰ под литерой «15». За пределами защитной стены также оказалась «Ложевая» мастерская под номером «14», «Казенный анбар и протгычие» с литерой «22» и две «Плотины» с литерой «31». На левом берегу Лососинки вне вала была отстроена «Сальдатская слобода» под номером «18» и «Слобода против градцких ворот го-стин двор», имеющая литеру «21»³¹.

Тот факт, что начальные земляные укрепления утратили смысл к 1710-м гг., подтверждают материалы археологической экспедиции ПетрГУ под руководством А.М. Спиридонова, которая в 1996–2000 гг. изучала

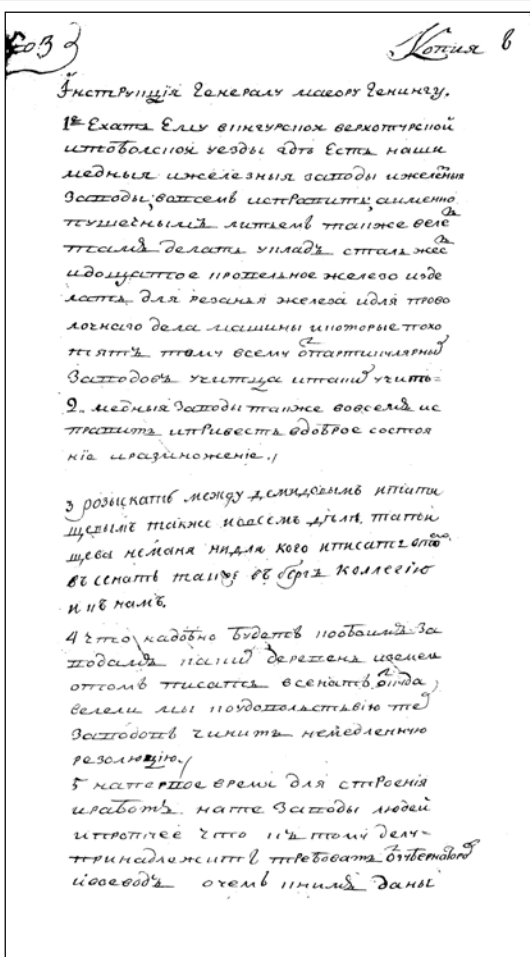

Рис. 6. Лист «Инструкция о переезде В.И. Геннина с Олонецких заводов в Верхотурский и Тобольский уезд чтобы "делать укладу сталь, жечь и дощатое кровельное железо и зделать для резанья железа машины"». Собрание НАРКа

территорию заводского посада. Материалы раскопок сейчас находятся в фондах Национального музея Республики Карелия³². В результате раскопок на площади в 600 кв. м частично были выявлены фрагменты оборонительной линии начала XVIII в., отмеченной на «Чертеже» М. Витвера.

В раскопе номер V, площадью 40 кв. м, на склоне естественной террасы, обращенной к Онежскому озеру, на глубине 0,5 м, археологи зафиксировали материковый провал с развалом камней, залегавших в серой глине с галькой, которые подстилались прослойками истлевшей щепы. В результате расчистки было выявлено углубление с «неровными краями», шириной от 4,6 м до 5,7 м и глубиной от уровня материка до 0,9 м. На дне эскарпированного склона исследователи отметили крупные валуны, плотно пригнанные друг к другу. Скорее всего, речь идет о «рве», выкопанном в 1703–1704 гг. вокруг заводского поселения. Однако находки в его заполнении оказались крайне скудными и «невыразительными». Речь идет о бытовых отбросах, расколотых костях животных, кованых гвоздях, фрагментах бутылочного стекла и глиняной посуды. По фрагменту московской чернолощеной керамики из верхнего заполнения, а также по чугунной «капле» орудийной шрапнели, отлитой на «Шуйском» (Петровском) заводе, ров датирован XVIII столетием³³. Археологический материал позволяет предварительно сделать скромный, но принципиально важный вывод. Периферийный оборонительный вал вокруг посада, скорее всего по южной линии, не имел классического рва, с четким геометрическим профилем. Это подтверждает сам М. Витвер, отмечая укрепление слепым пунктиром, а не двойной линией, как вдоль более поздней «фортеции». На наш взгляд, выкапывание мощного рва отвлекло бы первопоселенцев от начального строительства заводских цехов, плотин, «анбаров», пристаней, казарм и других жилых зданий. Все говорит о том, что южная граница природной террасы, в донной части которой скопилось около 10 см темного слоя почвы, была лишь незначительно «подрезана». Здесь исследователи зафиксировали слабую прослойку щепы и сброшенные вниз склона камни с глиной. «Неубедительность» рва также связана с отсутствием архивных свидетельств о насыпных объектах с частоколом. Натурные исследования подтвердили необходимость проведения в будущем на территории «петровской слободы»³⁴ более серьезных археологических раскопок.

Итак, скорее всего, начальный земельный вал срыли, а неглубокий ров засыпали уже в 1710 г., при В.И. Геннине, после того как шведы были вытеснены с территории Северного Приладожья и Ижорского плато. Театр военных действий сместился на запад к Балтийскому побережью. Идея иметь и обслуживать «кольцо обороны», опоясывающее металлургический завод, утратила смысл. Администрация горного округа Олонецкого уезда в новых военно-политических условиях решила внутри устаревшего внешнего вала выстроить меньшую по площади, но более функциональную и внушительную деревоземляную «фортецию».

Рассуждая об обстоятельствах возведения крепости на берегу Онежского озера, приходится вспомнить указ от 20 февраля 1705 г.³⁵

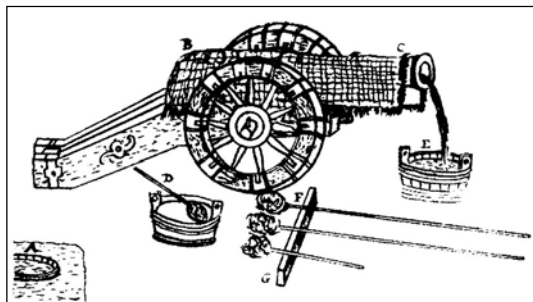

Рис. 7. Охлаждение орудия после стрельбы.
Гравюра конца XVII в.

Любопытный документ подписан графом А.Д. Меншиковым, губернатором шлисельбургским (ингерманландским).

Стремясь снять противоречия, возникшие между комендантом округа И.Я. Яковлевым и его заместителем А.С. Чоглоковым,

любимец царя попытался разругать напряженный личный конфликт. Указ отнес под «руку и глаз» А. Чоглокова к «железному делу...всех (крестьян. – М.Д.) Олонецкого уезду погостов и волостей» а также «Соловецкого монастыря посацких людей». Под начало И. Яковлева к строительству верфи на Свири, приписывались работные люди Каргопольского, Белозерского и Пошехонского уездов. Таким образом, «ведать» стройкой заводского посада, а значит, в скором времени крепости, обязывался «виц-комендант Алексей Чоглоков», которому «во всем быть ему послушны»³⁶.

Однако имя А.С. Чоглокова напрямую связывать со строительством «фортеции» нельзя. Хотя именно он, после инспирированного скандала, косвенно оказался причастным к старту масштабной работы. Получилось так, что в ноябре 1711 г. подозреваемого в

злоупотреблениях олонецкого начальника, много сделавшего для процветания завода и слободы, срочно, с приходно-расходными книгами, вызвали в Петербургскую канцелярию земских дел³⁷. Позднее А. Чоглоков изложил суть решительного царского «разноса». В ноябре 1727 г. в «челобитной», поданной в Верховный тайный совет, комендант достаточно подробно обрисовал ситуацию, сложившуюся за несколько месяцев до начала строительства крепости на берегу Онежского озера. Задетый за живое, исполнительный Чоглоков вспоминал, «его императорское величество изволил о заводских делах на меня ...гнев свой возыметь и пред собственным своим лицом наказанием истязать по словесному своему...изволению», хотя и «без письменного произведения». В результате имущество гордого чиновника описали, а его самого взяли под караул. Но вскоре, несмотря на то что бывший олонецкий комендант продолжал расстраиваться попреками, государь простил креативного администратора и, чтобы «позор снять»³⁸, назначил комендантом Ямбурга, а вскоре земским комиссаром в Серпухов. Временно заменивший А.С. Чоглокова комиссар Олонецкой верфи И.А. Тормасов³⁹, через несколько лет сделавший головокружительную карьеру, в январе 1712 г. доносил ингерманландскому ландрихтеру⁴⁰ и петербургскому вице-губернатору Я.Н. Римскому-Корсакову⁴¹ о наказе строить у Олонца и на заводах некие «фортеции». Сообщалось о наборе для этих целей более 2000 человек⁴².

Несколько месяцев спустя, в июне 1712 г. в связи с ростом и срочностью военных заказов Адмиралтейства, государь объединил в одном лице функции коменданта «на Олонце» и руководителя верфи в Лодейном Поле⁴³.

Генерал-губернатор А.Д. Меншиков сдал дела главе Адмиралтейского приказа генерал-адмиралу Ф.М. Апраксину. Первым адмиралтейским комендантом Олонецкого уезда на несколько месяцев становится малоизвестный управленец Лука Сытин.

В этом смысле, к непосредственному строительству петровской «крепостицы» у Онежского озера могли приступить либо зимой 1712 г. при И. Тормасове, либо при Л. Сытине летом того же года. Однако закладка крепости могла состояться осенью 1713 г., когда начальником и комендантом Олонецких заводов был назначен подполковник В.И. Геннин, до этого руководивший в Петербурге работами на Литейном (Пушечном) дворе и Пороховых погребах⁴⁴.

Между тем, исследователи до сих пор не могут подтвердить эту «растиражированную» версию.

Как бы там ни случилось, к тяжелой работе по возведению новых укреплений посада по рекрутскому набору были привлечены черносошные крестьяне, посадские и подьяческие дети, прочий «монастырский люд» Олонецкого уезда. Впечатляет география набора – Шуйский, Шунгский, Толвуйский, Кижский, Челмужский, Пудожский, Андомский, Шальский, Выгозерский, Селецкий, Семчезерский, Линдозерский погосты, Святозерская, Сямозерская, Кузарандская, Тубозерская волости, ну и, конечно, Повенецкий рядок⁴⁵. Кроме того использовался труд приписанных к Олонечким заводам крестьян из вотчин Новгородского Юрьева, Тихвинского, Вяжицкого и Хутынского монастырей⁴⁶.

И хотя юридический статус нанятых «работных людей» не позволял считать крепостными крестьянами⁴⁷, их жизнь из-за этого не стала более безопасной и комфортной. Крестьяне часто выражали протест, отказывались выходить на работу, блокировали несправедливые решения, организовывали саботаж, совершали побег. К «беглецам и ослушникам» власть вынужденно применяла карательные меры, хотя, по циничному выражению В. Геннина, высказанному в 1714 г., в записке Ф. Апраксину, такой люд «кнутом содержать» уже невозможно, «а вешать грех»⁴⁸.

Репрессии заводской администрации отличались крайней жестокостью. Чаще всего беглецов наказывали кнутом «при многих работных людех», а жен и детей «бегунков» брали «за караул» как заложников и держали в особых амбарах, вкопанных «венцов десять в землю»⁴⁹. Более поражает сознание кровавый указ А.Д. Меншикова от 15 июня 1708 г. Документ регламентировал, «которые бежали, и тех сыскав, перевешав тут же на заводах» при женах, «чтоб на них смотря, другие к побегу охоты не имели». В другой депеше любимец царя вновь предписывал «беглецов, пятого вешать з жеребья»⁵⁰.

Однако вернемся к заводской «крепостице», возведенной примерно в 90 саженьях (191,7 м)⁵¹ от озерной береговой черты, и постараемся ответить на вопрос, что она собой представляла. «Фортеция» с «розмерениями» 100 x 80 саженьей (213 x 170,4 м), имела шесть пятиугольных выступов, для успешного боевого контроля пространства вдоль стен. Вытянутые по меридиану насыпные деревоземляные укрепления без сомнения имели геометрическую

схожесть с формой Санкт-Петербургской «крепости, которая ныне есть»⁵². Однако если конфигурация невской крепости была обусловлена естественными очертаниями Заячьего острова⁵³, то онежская «фортеция» возводилась с учетом фортификационной моды и «новоманерных» традиций, сложившихся на Севере России.

Тем не менее, сравнение «цитадели» на работе М. Витвера с архаическими планами земляной крепости на Неве, в том числе из собрания Рукописного отдела Библиотеки Российской АН, многое проясняет. Отметим безымянный «План Петербургской крепости. Контурный план тушью»⁵⁴ с масштабной линейкой, который, очевидно принадлежит руке авантюрного французского инженера Ламбер де Герэна. Также представляет интерес проектно-фиксационный «Совмещенный план дерево-земляной и каменной Санкт-Петербургской крепости. Около 1706 г.»⁵⁵ В число наиболее древних источников по картографии «Города», отметивших сходные с олонецкой «фортецией» куртины и бастионы, также входит схематичный план Санкт-Петербурга 1706 г. (?) из архивного собрания Военно-морского флота⁵⁶.

Если скорректировать масштаб изображений двух крепостей, то получается завораживающий результат. Оказывается, онежская цитадель 1712–1713 гг. с «чертежа» М. Витвера и петербургская крепость 1703–1704 гг. при наложении друг на друга, по существу, «сливаются» по меридианальной линии. Бастионы земляной крепости на Заячьем острове⁵⁷ получили имена участников похода по «Осударевой дороге» А.Д. Меншикова, А.М. Зотова, Г.И. Головкина, К.А. Нарышкина, Ю.Ю. Трубецкого и самого государя⁵⁸. Однако, укрепления на Онежском озере оказались безымянными, хотя именно эти герои в 1702 г. преодолели карельский маршрут⁵⁹.

Как бы там ни было, М. Витвер на «Чертеже» 1721–1722 гг. под цифрой «1» изобразил классическое, с контрфорсными признаками, многометровое и многоугольное укрепление, обнесенное палисадом. Нет ничего удивительного, что «крепостица», согласно фортификационной традиции петровского времени, как и большинство русских крепостей начала XVIII в., именовалась «Городом»⁶⁰. Укажем, что в 1703 г. «полудержавный властелин» А.Д. Меншиков, ведающий стройкой петербургской цитадели, в депешах к царю сообщал, что «городовое (т.е. оборонное – М.Д.) дело управляется, как надлежит» и что «городовое здесь дело без меня не таково»⁶¹.

Между тем, «Чертеж» М. Витвера формирует впечатление, что онежская «фортеция», в отличие от древнего вала, предназначалась не для «прямой» обороны цехов завода от атаки шведов, а скорее для защиты личных интересов руководства. Неслучайно внутри «Города», обозначен «Дом камендацкой» с палисадом, заводская контора, здание «Архива каменная» с чугунными дверьми и решетками в проемах и тюрьма. На территории крепости разместились «заводская лаборатория», при воротах 2 караульни, «Оружейной аньбар в городе»⁶², 2 казенных «аньбара», 14 провиантских и 16 казенных лавок⁶³. Под литерой «2» внутри «фортеции» отмечена летняя «Церковь божа(і)я» во имя первоверховных св. апостолов Петра и Павла, пожалуй, самая величественная постройка, относящаяся к 1704–1705 гг.⁶⁴ Рядом с новоманерным храмом, под литерой «30», картограф указал «Часовую башню» и звонницу с колоколами-курантами.

И все-таки не совсем понятно, почему за периметром «крепостицы» под номером «23» оказалось здание «Концелярии» горного округа, «Тюремный двор» с литерой «18», а также, под номером «15», двор начальника Арсенала, или «Двор цейхкватера» и, что совсем вне логики, «Пороховой погреб» с литерой «26». Кроме того, М. Витвер оставил «немыми», без цифровых и содержательных пояснений, около сорока хозяйственных и административных строений, а государевы хоромы «Дом царского величества», под литерами «3» и «32», отметил даже два раза.

Картографический план одновременно не зафиксировал «апроши» и «пробные площадки», столь важные военные и оборонительные заводские объекты, которые существовали недалеко от пристаней⁶⁵.

В этом контексте выдвинем полуфантастическую версию. Быть может, завораживающая неточность «ленд-карты», которая как бы правдиво, но явно небрежно отмечает оборонные строения заводской слободы, есть не что иное, как результат продуманной игры, своего рода целевая дезинформация для шведских агентов? Вдруг автор стратегического документа специально учел возможность попадания чертежа в руки неприятеля? Как бы там ни было, загадочный фиксационный план М.М. Витвера является пока единственным документом, который помогает воссоздать в пространстве спорные, малопонятные, но увлекательные обстоятельства истории индустриального центра в Шуйском погосте. Вместе с тем,

доверять данным источника, безусловно, надо с разумной «оглядкой».

Обращаясь к топографической схеме, современные исследователи достаточно точно могут воссоздать инженерное своеобразие и артиллерийскую боеготовность петровской «фортеции». Образную реконструкцию «крепостицы» дополняют «предметные» изображения в экспликации «Чертежа». Ниже 3-«саженной» масштабной линейки Витвер вмонтировал три контурных рисунка «Профиль куртины», «Ровъ» и «Провиль раскату»⁶⁶. Изображения выполнены пером, один рисунок фиксирует орудийную площадку с базовой деревянной конструкцией, на которой установлена пушка с лафетом. Другой – контрастный рисунок, оригинальный многоступенчатый профиль куртины, а третий – глубину и конфигурацию рва.

Исходя из масштаба, получается, что высота стены куртины и, очевидно, самого крепостного бастиона равнялась $1\frac{1}{2}$ сажени (3,2 м), а ширина вала в основании – 2 саж. (4,26 м). «Розмерения» позволяют отметить ширину вала в верхней части, составляющую около 1,07 м. Анализируя рисунок, отметим длину «раскату» – орудийного помоста из бревен, смонтированного с внутренней стороны насыпного и профилированного вала, которая достигала 4,26 м. Мощный настил без парапета расчетливо оторван от земли на одну сажень и представляет собой прекрасно спроектированную столбовую конструкцию с крепкой плотницей диагональной «перевязкой». «Пушкарская» площадка, очевидно, дополнительно имела «въезд» для закатывания орудий наверх, который М. Витвер не указал. На «раскату», особенно в сторону береговой линии, могло быть установлено несколько пушек в ряд. Размер сооружения также позволял орудью, после артиллерийского залпа, безопасно для команды пушкарей, делать на подвижном станке полный откат. В момент выстрела одну 6-фунтовую пушку обслуживала команда в пять человек. На бревенчатой площадке, кроме того, находились пирамиды с ядрами, в том числе цепными, бадьи с водой для охлаждения стволов, ведра с пыжами, бочонки с поддонами для фитилей и запального пороха, подставки для прибойников, банников и пыжовников, боевые фонари⁶⁷.

Обратим внимание, что М. Витвер разрез внутренней стенки куртины изобразил многоугольным профилем с четко выраженными нишами-уступами для солдат гарнизона, способных вести ружейную стрельбу по фронту атаки.

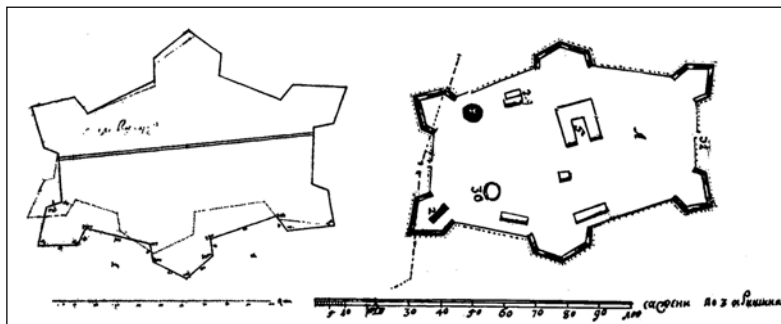

Рис. 8. Сравнение чертежа Петербургской крепости 1706 г. и плана «фортеции» в Шуйском погосте 1712–1713 гг.

Особенностью онежской цитадели являлся эскарпированный ров, который по периметру опоясывал деревоземляное укрепление и отстоял от внешней стены на $1\frac{1}{2}$ сажени (около 3,2 м). Глубина рва достигала одной сажени (2,13 м) при аналогичной ширине донной площадки и размере «провала» в 2 саж. (4,26 м). В этой связи отметим, что канал 1703 г. внутри Петропавловской крепости⁶⁸, между Петровской и Васильевской кургунами, имел ширину $2\frac{1}{2}$ сажени⁶⁹, что близко к характеристике рва «фортеции» Шуйского погоста. Однако был ли ров карельской цитадели укреплен булыжником или ряжами, как в Петербурге, заполнялся ли он водой, уверенно сказать пока невозможно.

В этой связи отметим еще один любопытный факт. В ходе археологических работ 2000 г., в раскопе VII, исследователи у «путевого дворца Петра I», на глубине 25–30 см от дневной поверхности, зафиксировали некое гидротехническое сооружение с деревянной трубой для транспортировки воды⁷⁰.

Это значит, что технология подъема и перекачки воды, вне зависимости от удаленности «фортеции» от озера и Лососинки, теоретически могла использоваться для наполнения «водного кольца» крепости. К тому же в это время вододействующие механизмы с подпорными запрудами и насосами в Олонецком уезде не являлись редкостью. Известно, что с помощью специального оборудования работники Падмозерского завода из шахт медного рудника успешно могли откачивать воду⁷¹. Однако М. Витвер на чертеже не отметил никакой водяной машины, схожей с агрегатом, указанным

берлинским мастером Г.П. Бушем на «Плане крепости, города и местоположения С.-Петербурга», созданном в 1717–1721 гг.⁷²

В то же время, пожалуй, самым туманным вопросом является численность гарнизона фортеции. Считается, что в 1710-х гг. в крепости было расквартировано 325 солдат⁷³, однако архивных подтверждений этому свидетельству мы обнаружить не смогли. Тем не менее, уместно предположить, что в форс-мажорных ситуациях заводская администрация могла привлекать «ленд-милицких» и закомплектных солдат, обязанных быть при службе до потери трудоспособности. Кроме того, в число «защитников» определенно вливались «оружейные» мастера, в совершенстве владевшие огнестрельным оружием. По обыкновению «ленд-милицкие» солдаты набирались только в военное время и распускались после завершения кампании. Что касается «закомплектных» солдат, то после ликвидации в 1716 г. Олонецкого батальона⁷⁴, на территории Шуйского погоста их собралось более 300 человек⁷⁵. Исполнительный начальник заводов В. Геннин с воодушевлением отнесся к «освободившимся» и тут же направил на наиболее тяжелые подсобные работы. Однако в случае возможного появления в округе шведов и угрозы «разора» металлургического завода, «закомплектные» солдаты обязывались оказывать помощь основному гарнизону крепости⁷⁶. Сохранились разрозненные архивные материалы, свидетельствующие о критическом материальном положении таких солдат в мирное время. Размер их годового жалованья составлял минимальную сумму в пределах от 10 р. 80 к. до 12 р. с обычной скромной «добавкой» в 3-ть четверти хлеба⁷⁷.

В отличие от «ленд-милицких» и «закомплектных», гарнизонные солдаты онежской «фортеции» наделялись несравненно более широкими правами, имели возможность даже участвовать в решениях военного суда и ставить подпись под тем или иным приговором⁷⁸.

Вопрос о степени вооружения онежской «крепостицы», к сожалению, не менее мутный, чем сведения о подлинной численности ее гарнизона. К сожалению, архивные источники не проясняют сюжет об артиллерийском парке гарнизона, месте отливки, количестве и калибре орудий, размещенных на бастионах «фортеции», не указывают численность пушкарской команды. В этом смысле логично предположить, что орудия все-таки изготавливались на Петровском заводе, несмотря на то что большая часть продукции отправлялась «к флоту». В то же время можно более продуктивно

рассуждать о калибре орудий. Изучая один из масштабных рисунков М. Витвера, получается, что длина ствола «условной» пушки равнялась 1 сажени, а соответственно, лафета – $1\frac{1}{2}$ саж. (около 3,2 м). Это значит, что орудие очень похоже на гладкоствольную пушку 6-фунтового калибра⁷⁹.

Тем не менее, о количестве орудий «фортеции» сегодня говорить непросто. Об артиллерийском парке сохранилась лишь косвенная информация, связанная с малоизвестным эпизодом прибытия на «Петровские заводы» кортежа сенатора и князя А.Д. Меншикова. Текст его «Поденных записок» сообщает, что в честь президента Военной коллегии⁸⁰ 22 июля 1719 г. «палили с болверхов из 25 пушек»⁸¹. В этом смысле было бы ошибкой считать упоминаемый «болверх»⁸² укреплением на «насыпи вокруг заводского поселения», как думает исследователь Д.З. Генделев⁸³.

Пушки, которые заметил генерал-фельдмаршал, скорее всего находились на бастионах крепости, ведь внешнего земляного вала в действительности к этому времени уже не существовало.

Завершая исследование, хочется упомянуть еще один, пусть более поздний документ, фиксирующий фрагмент «фортеции». Речь идет о «Примерном плане, снятом в 1810 году⁸⁴ в Петрозаводске...»⁸⁵, подготовленном к печати шихмейстером⁸⁶ Т.В. Баландиным. Работа выполнена на основе глазомерной съемки и по воспоминаниям просвещенных горожан и «старцев». Топографический план подтвердил видоизмененное существование «малозначущих развалин» петровской «фортеции», обращенных к озеру. В то же время документ чрезвычайно условен и вносит планировочный разноречивый в современные представления о фортификационных городских объектах начала XVIII столетия.

Таким образом, несмотря на краткосрочность существования загадочных защитных укреплений заводского посада в Шуйском погосте, столь похожих на оборонительную линию Петропавловской крепости, онежский вал и «крепостица» с честью выполнили историческую миссию. Лишь решительные акции русских войск в Ижории, Приладожье и на Балтике, в результате которых был взломан «балтийский вал» и в 1721 г. подписан Ништадтский мир, привели к ликвидации угрозы шведского нападения на онежский металлургический центр. Оборонительные укрепления слободы навсегда потеряли военный смысл, а Олонецкий уезд обоснованно приобрел статус «тыловой территории».

- ¹ Начальный заводской посад, или «Петрозаводская» слобода, по указу Екатерины II от 21 марта 1777 г., переименована в город Петрозаводск. См. Полное собрание Законов Российской империи с 1649 года. Т. XX. СПб., 1830. С. 514.
- ² Основным источником по истории промышленного посада в Шуйском погосте в 1703–1712 гг. являются документы из «Фонда Канцелярии Олонекских заводов», который хранится в РГАДА (Москва), Ф. бывшего Государственного архива. Разряд 26. Оп. 2, 3.
- ³ С августа 1703 г. доменное и молотовое предприятие именовалось «Шуйский оружейный завод», затем в сентябре 1713 г. получило название «Петровский завод». Вместе с Повенецким казенным заводом (1703), Алексеевским доменно-молотовым заводом (1705) и Кончезерским медеплавильным заводом (1707) металлургические предприятия в 1710-х гг. получили общую аббревиатуру «Олонекские заводы».
- ⁴ Лотарева Р.М. Города-заводы России XVIII – первой половины XIX вв. Екатеринбург, 1993. С. 158.
- ⁵ Карма Ю.Ю. Петрозаводск трех веков. Становление структуры города на фоне его планирования // Краевед. Сб. статей. Петрозаводск, 2007. С. 32.
- ⁶ В Писцовой книге Обонежской пятины 1563 г. река названа «Лососинница». См.: Писцовые книги Обонежской пятины в 1496 и 1563 гг. Л., 1930. Однако уже в XVIII в. она стала называться Лососинка, но порой «р. Лосена» – см.: Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 165. Кн. 4. Л. 195.
- ⁷ РГАДА. Ф. Берг-коллегии. Кн. 558. Л. 66–66 об., 67.
- ⁸ Глаголева А.П. Олонекские заводы в первой четверти XVIII века. М., 1957. С. 137.
- ⁹ Ситуацию не могут прояснить случайные находки, например ствол разорвавшейся чугунной пушки (КГМ 1623), с клеймом «OLONEZ 1711», поднятой в 1960 г., при дноуглубительных работах в акватории Онежского озера, ныне экспонируемой в рекреации Национального музея Республики Карелия на смотровой площадке в Губернаторском саду.
- ¹⁰ РГАДА. Ф. 192. Карт. Отдел МИД. Карты Олонекской губернии. Оп. 1. Д. 2. Ч. III.
- ¹¹ Витвер Матвей Матвеевич [Витфер, Витферг 1681/1682 (?)–5.07.1735], иноземный артиллерист и фейерверкер. См. Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д. Великое посольство. Рубеж эпох, или начало пути. 1697–1698. СПб., 2008. С. 267, 501.
- ¹² Некоторые исследователи ошибочно вместо «oberster» читают «oberst». См.: Карма Ю.Ю. Указ. соч. С. 33.
- ¹³ Андреева Е.А., Тронь А.А. Рождение Петербурга. СПб., 2011. С. 43.
- ¹⁴ Данков М.Ю. Баловень фортуны. О загадочной судьбе Ламбера де Герэна // «Петровское время в лицах-2006». Труды Государственного Эрмитажа. XXXII. Материалы научной конференции, посвященной 25-летию открытия экспозиции Эрмитажа «Дворец Меншикова». Культура России первой трети XVIII века. СПб., 2006. С. 113–121; Его же. «Первоклассный офицер, дуэлянт, придворный шут, дезертир» в России // «История в подробностях». № 7(13). 2012. С. 46–51.
- ¹⁵ Его же. Трасса «Осударева дорога» // Петровские памятники России. СПб., 2010. С. 294–296; Кротов П.А. Осударева дорога. 1702 года. СПб., 2011.
- ¹⁶ Еленевский Е.П., Миронов И.М. Планы городов Карелии XVII – первой половины XIX вв. Петрозаводск, 1960. С. 8.

- ¹⁷ Мулло И.М. Петровская слобода. Петрозаводск, 1981. С. 5, 45–62.
- ¹⁸ Жульников А.М., Спиридонов А.М. Древности Петрозаводска. Петрозаводск, 2003. С. 72; Историко-картографический атлас Петрозаводска / гл. редактор В.Ю. Лагдграф. Петрозаводск, 2010. С. 4, Карма Ю.Ю. Указ. соч. С. 33; Мулло И.М. Указ. соч. С. 5, 45, 47–68.
- ¹⁹ Полковник В.И. Геннин, наезжая в Петровский завод, с июля 1721 по май 1722 гг. возглавил строительство Сестрорецкого оружейного завода. В апреле 1722 г. царь Петр I командирует инженера в Уральский горный округ, для развития сталелитейных заводов на р. Исеть.
- ²⁰ Геннин (Ди Генан, Дегеннин, Геннинг; Hennin) Георг Вильгельм (Виллим Иванович, 1676–1750), в течение девяти лет, с сентября 1713 по июль 1721 гг. являлся начальником Олонецких заводов. РГАДА. Ф. оружейной палаты. Д. 986 (1684). Л. 5 об.; см. также: Данков М.Ю. Геннин Виллим Иванович (Георг Вилим, Геннинг, Генан, Вильгельм) Де (Hennin Willim Ivanovich De) // Голландцы на Русском Севере в XVI–XX веках. Библиографический справочник. Архангельск, 2007. С. 114–117; Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д. Первое европейское путешествие царя. Аналитическая библиография за три столетия. 1697–2006. СПб., 2008. С. 846.
- ²¹ По данным А.П. Глаголевой, В. Геннин выехал на Урал в июне 1722 г. См.: Глаголева А.П. Указ. соч. С. 149.
- ²² НАРК. Ф. 445. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.
- ²³ После того как в декабре 1722 г. В. Геннин обосновался на Урале, он сообщил Ф.М. Апраксину об олонцеком медеплавильном мастере М. Циммермане, обучающем уральских рабочих «плавить медь». РГАДА. Ф. Берг-коллегии. Кн. 560. Л. 192, см. также «Горный журнал» Кн. 4. 1826. С. 113, 117, 119.
- ²⁴ РГАДА. Ф. Берг-коллегии. Кн. 559. Л.103.
- ²⁵ Мулло И.М. Указ. соч. С. 59.
- ²⁶ РГАДА. Ф. 248. Д. 621. Л. 394. См. также: Агеева О.Г. Матвей Матвеевич Витвер – «директор фейерверков» Петра Великого // Петровское время в лицах-2002. Краткое содержание докладов научной конференции, посвященной 300 летию основания Санкт-Петербурга. СПб., 2002. С. 7–9.
- ²⁷ Семенцов С.В. Последовательное формирование Санктпетербургской агломерации при Петре Первом // «Мы были». Генерал-фельдцейхмейстер Я.В. Брюс и его эпоха. Ч. II. СПб., 2004. С. 54.
- ²⁸ Жульников А.М., Спиридонов А.М. Указ. соч. С. 98; Мулло И.М. Указ. соч. С. 56.
- ²⁹ «Олонецкий верф» допустимо называть «Свирской», или «Лодейнопольской верфью». Значение кораблестроительной верфи подтверждает сентенция Петра I: «сперва на Олонцеком верфу флот начался делать». См.: Письма и бумаги Петра Великого. СПб., 1907. Т. 5. С. 27.
- ³⁰ «Цейхкватер» искаженное («цейхвар[х]тер»), в эпоху Петра I либо начальник Арсенала, либо охранник при Арсенале.
- ³¹ Адаптированный текст экспликации «Чертеж Петровских заводов строению, а что в котором месте построено значит под цифирным словам», по просьбе автора любезно подготовила к печати Е.Н. Кутькова, сотрудник Национальной библиотеки Республики Карелия.
- ³² КГМ 36707/1-230; 37888/1-459.
- ³³ Жульников А.М., Спиридонов А.М. Указ. соч. С. 98.
- ³⁴ Топоним «Петровская слобода» имеет современный «литературный» смысл.

В источниках петровского времени словообразование не встречается.

³⁵ РГАДА. Разряд 26. Ч. 114. № 18. Л. 1.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. Ч. 87. № 85. ЛЛ. 166 об.–169 об., 182–183, 353–353 об. См. также: Глаголева А.П. Указ. соч. С. 192.

³⁸ Сборник Императорского русского исторического общества (РИО). Т. 69. СПб., 1889. С. 846–847.

³⁹ Тормасов Иван Афанасьевич, в 1716 г. обер-комиссар Адмиралтейства, подполковник, с 1719 г. обер-секретарь Адмиралтейств-коллегии, с 1726 г. полковник и прокурор Адмиралтейств-коллегии. См. также: Пашков А.М. Иностранные специалисты на Петровских заводах (начало XVIII в.) // «Свое» и «Чужое» в культуре народов Европейского Севера. Материалы 40-й международной научной конференции. Петрозаводск, 2003. С. 36.

⁴⁰ Ландрихтер – в начале XVIII в. назначался Сенатом по представлению губернатора и занимался судебными, розыскными и финансовыми делами.

⁴¹ Римский-Корсаков Яков Никитич, в 1706 г. по указу А.Д. Меншикова комендант Копорья, с 1707 г. ландрихтер Ингерманландии, а с 1708 г. управляющий земскими делами Пскова с пригородами. В 1711 г. вице-губернатор С.-Петербурга. За выявленные злоупотребления в 1715 г. отправлен в ссылку.

⁴² Глаголева А.П. Указ. соч. С. 193.

⁴³ Доклады и приговоры Сената. Т. II. Кн. 2. СПб., 1883. С. 465.

⁴⁴ Юркин И.Н. Петр железный. Петр Великий и тульский край: факты, гипотезы, документы. СПб., 2012. С. 241.

⁴⁵ РГАДА. Разряд 26. Ч. 119. № 17. Л. 90, 91 об. См. также: Глаголева А.П. Указ. соч. С. 181.

⁴⁶ Сборник РИО. Т. 69. СПб., 1889. С. 888–889, 899; Т. 84. СПб., 1883. С. 380–381.

⁴⁷ Глаголева А.П. Указ. соч. С. 207–209.

⁴⁸ «Горный журнал». Кн. 1. 1826. С. 87–88.

⁴⁹ РГАДА. Разряд 26. Ч. 116. № 46. Л. 186. См. также: Глаголева А.П. Указ. соч. С. 200.

⁵⁰ Там же. Ч. 6. № 19. Л. 16, № 14. Л. 1. См. также: Глаголева А.П. Указ. соч. С. 223.

⁵¹ В петровское время 1 сажень составляла 2, 13 м.

⁵² Карма Ю.Ю. Указ. соч. С. 33; Мулло И.М. Указ. соч. С. 57; См. также: Базарова Т.А. Планы Петровского Петербурга. Источниковедческое исследование. СПб., 2003. С. 110.

⁵³ Точные размеры Петербургской деревоземляной крепости 1703–1704 гг. не известны. По традиции, характеристики цитадели увязываются с площадью Заячьего острова, «приросшего» с южной стороны, после фортификационной «присыпки» грунта, и составляют 730 (50) x 360 м (342,7(352,1) x 169,0 саж.). См.: Бутми В. А. Начало строительства Петропавловской крепости // Научные сообщения Государственной инспекции по охране памятников. Л., 1959. С. 5–14.

⁵⁴ «План Петербургской крепости. Контурный план тушью. Обозначений нет. Масштаб в сажнях (Toyses de Russie). 29 x 41 (обрезано неровно)» // Рукописный отдел Библиотеки Российской Академии наук (РО БРАН). Собрание иностранных рукописей. F-266. Т. 3. № 137. Л. 14.

⁵⁵ «Совмещенный план дерево-земляной и каменной Санкт-Петербургской

крепости. Около 1706 г.» // РО БРАН. F-266. Т. 3. Л. 13.

⁵⁶ РГАВМФ. Ф. 3. Л. Оп. 34. Ед. хр. 2461.

⁵⁷ В XVII в. во время шведской колонизации остров в устье р. Нева, назывался «Люст-Эйлант» (Веселая земля), или «Люст Хольм» (Веселый остров), чуть позднее «Тойфель-хольм» (Чертов остров). Бытовало также финское название «Яниссаари» (Janissaari), что в переводе на русский язык означало остров «Заячий».

⁵⁸ Андреева Е.А., Тронь А.А. Указ. соч. С. 40.

⁵⁹ Данков М.Ю. «Осударева дорога» в контексте геополитики нового времени // Приневье до Петербурга. Сб. научных статей. СПб., 2006. С. 91.

⁶⁰ Один из ранних планов Петербурга «Plan of the foundation of the fort and town of St. Petersburg in 1703–1705» (План основания крепости и города С.-Петербурга в 1703–1705 гг.), находящийся в фондах Государственного архива Швеции [SPA. Defensions-kommisionen. Vol. 135. 18. 1. 1705], фиксирует Петропавловскую крепость как «Staden», т. е. «Город». См.: Базарова Т.А. Планы Петровского Петербурга... С. 41.

⁶¹ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Д. 2. Л. 531, 555. См. также Андреева Е.К. Первый губернатор и строитель Петербурга // Александр Данилович Меншиков первый губернатор строитель Санкт-Петербурга. Каталог выставки Государственного Эрмитажа и Санкт-Петербургского института истории Российской Академии наук. СПб., 2003. С. 10.

⁶² Имеется в виду Арсенал.

⁶³ РГАДА. Ф. Берг-коллегии. Кн. 799. Л. 89–91, 127–134, См. также: Глаголева А.П. Указ. соч. С. 137.

⁶⁴ Петропавловский храм, вместе с иконостасом и церковным убранством в 1924 г. полностью утрачен.

⁶⁵ РГАДА. Ф. Берг-коллегии. Л. 7–98 – документ указывает на существование у Петровского завода трех гаваней (127 x 5 саж.; 115 x 3 саж.; 55 x 4 саж.). См. также: Глаголева А.П. Указ. соч. С. 136–137.

⁶⁶ «Провиль раскату», один из терминов, употребляемых в фортификации XVIII столетия. «Раскат», или «Роскат», это рубленое из дерева, иногда каменное, порой земляное сооружение, имеющее горизонтальный помост для установки артиллерийских орудий.

⁶⁷ «Цепные ядра» использовались для одновременной стрельбы из двух орудий, длина цепи достигала 4 м. «Прибойник», приспособление для заряжания орудия. «Банник» использовался для чистки канала ствола, а «пыжовник» – для разрядки орудия.

⁶⁸ Андреева О.В., Иоаннисян О.М., Сорокин П. Е. Охранные археологические исследования на территории Петропавловской крепости в 2006–2007 гг. Предварительные результаты // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Вып. 3 / ред. и сост. П.Е. Сорокин. СПб., 2009. С. 250.

⁶⁹ Богданов А.И. Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга от начала заведения его с 1703 г. по 1715 г., сочиненное г. Богдановым в Санкт-Петербурге. СПб., 1749. С. 17.

⁷⁰ Жульников А.М., Спиридонов А.М. Указ. соч. С. 89–90.

⁷¹ Глаголева А.П. Указ. соч. 155.

⁷² На гравюре «План крепости, города и местоположения С.-Петербурга» 1717–1721 гг. берлинский мастер Георг Пауль Буш у Летнего дворца Петра I, рядом с истоком р. Фонтанки, под литерой «R» обозначил машину для подъема воды.

В действительности водовзводная башня находилась ниже по течению р. Фонтанки. См. Базарова Т.А. Планы Петровского Петербурга...С. 133.

⁷³ Мулло И.М. Указ. соч. С. 58.

⁷⁴ По другим данным, «Олонецкий» солдатский полк расформирован в 1712 г. См. также: Леонов О.Г., Ульянов И.Э. Регулярная пехота 1698–1801. Боевая летопись, организация, обмундирование, вооружение, снаряжение. М., 1995. С. 274.

⁷⁵ Глаголева А.П. Указ. соч. С. 142.

⁷⁶ РГАДА. Ф. Берг-коллегии. Кн. 559. Л. 10–19. См. также: Глаголева А.П. Указ. соч. 142.

⁷⁷ Там же. Кн. 634. Л. 1250–1261об. См. также: Глаголева А.П. Указ. соч. С. 211.

⁷⁸ Там же. Берг-коллегии. Кн. 889. Л. 94 об. См. также: Глаголева А.П. Указ. соч. С. 209.

⁷⁹ Тревожные годы Архангельска. 1700–1721: Документы по истории Беломорья в эпоху Петра Великого. Архангельск, 1993. С. 218–259.

⁸⁰ Архив генерал фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса Т. I. Письма Я.В. Брюса (1704–1705) / публикация подг. С.В. Ефимовым и Л.К. Маковской. Науч. ред. В.М. Крылов. СПб., Щелково, 2004. С. 136.

⁸¹ «Поденные записки князя Меншикова» // Материалы для истории Русского флота: Извлечение из журналов Петра Великого, Екатерины I и князя Меншикова и Морские журналы Н.А. Синявина и графа Апраксина. СПб., 1866, см. также НАРК. Ф. 2. Оп. 47. Д. 3/76. Л. 76–79.

⁸² «Болверк», или «бастион», пятиконечный выступ перед оборонительным валом или куртиной, применялся в России в XVIII столетии.

⁸³ Петрозаводск. 300 лет истории. Документы и материалы в трех книгах. Кн. 1. 1703–1802 / сост. З.Г. Генделев. Примеч. Петрозаводск, 2001. С. 385.

⁸⁴ В исследовательской литературе имеются разночтения о датировке работы Т.В. Баландина. Краевед И. Мулло указывает конец XVIII столетия. См.: Мулло И.М. Указ. соч. С. 56; Археологи А. Жульников, А. Спиридонов, ссылаясь на А.П. Пашкова «1810 г.», см.: Жульников А.М., Спиридонов А.М. Указ. соч. С. 73, См. также Пашков А.М. Горнозаводское краеведение Карелии конца XVIII начала XX века. Петрозаводск 2007. С. 32. Между тем А. Глаголева считает, что план Петровского завода, составлен «по распоряжению горного начальника Олонецких заводов в 1819 г.». См.: Глаголева А.П. Указ. соч. С. 137.

⁸⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 226. Оп. 1. Д. 66. Л. 1; «План бывшему расположению Дворца и чугуно-литейного завода Государя императора Петра Великого в городке Петрозаводске. Оз. Онего» составлен на основе данных Т.В. Баландина и был опубликован в 1826 г. А.А. Фуллоном. См. «Горный журнал». Кн. 6. 1826. Приложения. С. 145–149. В 1858 г. план с «объяснительными примечаниями... в тексте записок» опубликовал А.И. Иванов. См.: Памятная книжка Олонецкой губернии на 1858 год. СПб., 1858. См. также: Мегорский В. Предание об основании Петрозаводска // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1908 год. Петрозаводск, 1908. С. 277–288.

⁸⁶ Шихмейстер (от нем. schichte-смена рабочих) – в «Табели о рангах» соответствует XIV классу, самому низшему горному чину.

А.Р. Джисоева (Санкт-Петербург)

Артиллерийское полковое знамя: материалы к истории бытования

ПРИВОДИМЫЕ в данной публикации материалы к истории бытования артиллерийского знамени из фондов Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС)¹ – часть запланированной работы, которая должна включать не только сведения о памятнике с указанным инвентарным номером, но и свидетельства о предшествовавших ему полковых артиллерийских знаменах, в свое время также воплощавших воинскую доблесть артиллерии и как бы в наследство передававших свою славу следующему, новому знамени.

Долгое время знамя датировалось 1745 годом. Однако недавно было доказано, что памятник был создан в 1739–1740 гг.² Новая атрибуция не только «состарила» знамя на 5 лет, но и на 18 лет углубила историю его бытования. Прежде считалось, что первое упоминание о нем в документах в связи с участием в публичных мероприятиях относится к периоду Семилетней войны – к вывозу артиллерийской регалии на Крещенские парады перед Зимним дворцом с 1758 г. по 1763 г.³ Теперь же ясно, что его спешили сделать к параду, проведенному перед Зимним дворцом в честь заключения мира между Россией и Турцией 27 января 1740 г.⁴ Событие описано в ежегодном приложении к Санкт-Петербургским ведомостям за 1740 г. под заголовком «Краткое описание торжества, с которым славный мир в С.-Петербурге празднован»⁵. На параде были представлены со своими распущенными знаменами все полки, участвовавшие в Русско-турецкой войне 1736–1739 гг. Артиллеристы шли под командой бомбардирского поручика Гвардии вслед за эффектно оформленным шествием конногвардейцев,

открывших парад. За артиллеристами шел командующий парадом генерал-лейтенант Густав фон Бирон со свитой и всеми остальными войсками, шедшими «преизрядным порядком»⁶. Как сказано все в том же примечании, «сей вход помянутых баталионов, толь знатнее и наибольшего зрения достоин был, что оныя в таком же военном порядке сюда входили, с каким ополчением к неприятелю шли; а при том не только рядовые до одного человека зеленя елевья и дубоваго листу пучки, но и все Офицеры лавровыя ветви на шляпах имели»⁷.

Не менее торжественны были и другие церемонии, в которых выносилось артиллерийское знамя⁸. Следующий парад с его вывозом на литавренной коляске, насколько нам пока известно, происходил на водосвятие в Крещение 1758 г. Очевидно, участие артиллерийских войск в тот год было обусловлено вкладом артиллерии в успешный ход военных действий в Семилетней войне и энергии графа П.И. Шувалова, получившего должность генерал-фельдцейхмейстера в мае 1756 г. Для участия в этом параде поновлялись и украшались 24-фунтовая пушка и литавренная коляска, в которой устанавливалось знамя⁹. Были отданы многочисленные распоряжения, свидетельствующие об уровне подготовки к выходу артиллеристов на то январское торжество. Так, например, на 9 фурлейтов, сопровождавших коляску со знаменем и пушку, надо было построить, притом с «деннонощным поспешением», новые картузы и мундиры василькового сукна с золотым позументом, а также камзолы и штаны белого сукна, еще к этому разные мелочи от сапог до перчаток, и это далеко не полный список приготовлений¹⁰.

Все было действительно выполнено в срок, так как через некоторое время после парада часть вещей следовало сдать в цейхгауз¹¹. Стоимость девяти мундиров с позументом и «прикладом» и еще хомутов с «принадлежностями» для лошадей литавренной коляски и 24-фунтовой пушки, составила «564 рубля 74 копейки и три четверти»¹².

В ведомости, адресованной генерал-фельдмаршалу А.Б. Бутурлину в день парада, представлен список участвовавших в нем служителей артиллерийского корпуса. В их числе были 1 майор, 2 капитана, 1 квартирмейстер, 2 поручика, 1 поручик фурштата, 2 подпоручика, 3 штык-юнкера, 1 адъютант, 6 сержантов, 3 капитанармуса, 4 фурьера, 8 капралов, 246 рядовых, 8 барабанщиков и «флейщиков», 8 мастеровых, 9 фурлейтов, всего – 310 человек¹³.

Таким образом, артиллерия на этом первом для себя Крещенском параде была представлена весьма эффектно.

Еще грандиознее выглядел вывоз артиллерийского знамени на парад 1759 г. К нему начали готовиться уже с середины октября 1758 г., и на этот раз было дано распоряжение сшить парадные мундиры на всех музыкантов обоих артиллерийских полков¹⁴ – «капельмейстеров, трубачев, валторнистов, габаистов и литаврщиков, всего на двадцать на четыре человека нового парадного мундира сукна алаго»¹⁵.

Причем за день до парада был назначен генеральный смотр, на котором «господам ротным командирам» было велено «старатца, и чтоб команда была приумножена», а подполковнику Баннеру, делавшему смотр, рекомендовалось, «чтоб в параде ундер-офицеров, капралов и редовых было не менее четырехсот человек»¹⁶. Кроме того, в параде должны были участвовать «горазди из артиллерийских служителей, как бомбардирского корпуса, так первого и второго артиллерийских полков», – все те, «кои нынешним летом в компаменте экзерцицированы были»¹⁷. Капитану Яшину было поручено заложить литавренную коляску и 24-фунтовую пушку и проверить их ход, чтобы «когда команда маршировать имеет, никакой остановки не последовало»¹⁸. Был также дан приказ командировать квартирмейстера к генеральному дежурному, отвечающему за будущий парад, и требовать, «чтоб место дано было против Двора Ея Императорскаго Величества, где прошлаго году артиллерийской корпус стоял»¹⁹.

Парад 6 января 1760 г., по всей вероятности, проходил так же великолепно. Вскоре после занятия русскими войсками Берлина 28 сентября 1760 г. (что было бы немислимо без артиллерийской поддержки), был опубликован рескрипт императрицы (23 октября 1760 г.) генерал-поручику Глебову с выражением «монаршей милости» артиллеристам – участникам взятия Берлина²⁰. На следующий же день генерал-фельдцейхмейстер Шувалов направил ордер в КГАиФ о необходимости изготовить новую литавренную коляску, которая в результате общих усилий разных дел мастеров получилась роскошной колесницей со сложной, скульптурной деревянной резьбой и грозной фигурой Минервы в шлеме с копьем и щитом²¹ (после реставрации находится в экспозиции ВИМАИВиВС).

Однако праздник Крещенья в 1761 г. ввиду болезни Елизаветы Петровны отмечался, хотя и торжественно, но более скромно, чем

обычно. Государыня отменила парад, и на водосвятие у Иордани «несли одне полковыя знамена с принадлежащею при них командою»²². Тогда, в 1761 г., артиллерийское знамя на парад вывозилось впервые на новой роскошной колеснице. Причем было отдано распоряжение «для больших парадных литавров и богатых завесов во время церемонии в ненасные погоды..., а на литавреную ново-строющуюся коляску, дабы от дождей и снегу позолоте не было повреждения, чехлы шить при мундирном строении»; ткань должен был выбрать майор Мелиссино²³. Велено было также купить для смазки колес литавренной коляски и лафета для 24-фунтовой пушки «мыла простого один пуд»²⁴. Знаменщиком тогда был назначен штык-юнкер Мусин-Пушкин²⁵. Удивительно, что, несмотря на отмену парада, в тот год сопровождать знамя артиллерии к водосвятию было командировано более 200 человек, в числе которых было 12 «флейщиков и барабанщиков» и 180 рядовых – «сильных и расторопных»²⁶.

В декабре 1761 г. императрица скончалась. В траурной церемонии прощания с телом государыни 5 февраля 1762 г. участвовали и артиллеристы со своим знаменем. Представляет интерес документ из архива ВИМАИВиВС, в котором сообщается артиллерии генерал-поручику И.Ф. Глебову о порядке, каким следовало войскам сопровождать траурную процессию: по сторонам от дощатого помоста, проложенного от Петропавловского собора через Неву к Зимнему дворцу в две шеренги с каждой стороны должны были стоять, держа ружья на плече, Лейб-гвардии Преображенский и Измайловский полки, армейские – Ингерманландский и Астраханский, Конной гвардии, Семеновский, «Артиллерийских – сколько их будет», Великолукский, 1-й Московский и батальон Тобольского полка. Всем им предписывалось, «как скоро гроб с телом... по выносе ис печальной залы против котораго полку зближится, то тот час всем тем полкам сказать “На караул”, бить в барабан “Поход” бес чехлов, и музыке играть же, и знамена, против которых гроб поравняется, уклоняя по тому же, и офицерам экспантонами и ружьями селютовать; а когда гроб которой полк минет, то тот же час, сказав “Ружье, на погребение”, и барабанщикам, надев печальные на барабан чехлы, бить, и на габоях и протчей музыке играть “На погребение”, и так, полк от полку, провозать даже до прошествия с телом Ея Императорскаго Величества в церковь»²⁷.

В том же 1762 году, за месяц до траурного шествия с телом государыни, знамя вывозилось на Крещенские торжества, к которым готовились не менее тщательно, чем прежде. Молодой император Петр Федорович, как известно, очень любил прусскую муштру и блеск военных парадов, поэтому, наверное, в преддверии праздника проводились полковые учения с «деревянными кремнями» (с тем, чтоб 6-го числа стрелять патронами «в три золотника с половиною неотменно»)²⁸, а офицерам было рекомендовано «для марширования ко Иордани мимо Двора Его Императорского Величества» быть «в богатых мундирах, шарфах и знаках»²⁹, и только так называемый флер на рукавах указывал на траур по почившей императрице. Готовился к тому Крещенью и фейерверк³⁰.

Во время этих событий скончался генерал-фельдцейхмейстер П.И. Шувалов (4 января 1762 г.), и знамя вновь вывозилось на литавренной колеснице в траурной церемонии (20 января 1762 г.)³¹. Упражняться в марше «На погребение» артиллерийские служащие начали уже через день после кончины «его сиятельства»³². Размах этой последней шуваловской церемонии отметила и Екатерина II в своих воспоминаниях: «Хотя огромные похороны и при оных великолепные выносы указом покойной Государыни запрещены были, но однако господа Шуваловы выпросили у бывшего Императора, дабы граф Петр Иван, со великолепной церемонией погребен был: сам Император обещался быть на выносе»³³.

На Крещенском параде 1763 г. знамя выносилось в строю уже без литавренной колесницы, без прежней суетливой подготовки, которая бы отразилась в соответствующей документации, в сопровождении лишь роты бомбардирского полка³⁴.

Несмотря на то что только закончилась Семилетняя война, также называемая иногда первой артиллерийской, в которой русская артиллерия неоднократно отличилась, при новом генерал-фельдцейхмейстере А.Н. Вильбоа в апреле 1763 г. были приняты новые штаты, по которым артиллерии знамен иметь не полагалось. Известно, что Екатерина II, пришедшая к власти нелегитимно, всегда была настороже, опасаясь очередного дворцового переворота. Возможно, ей не слишком нравился грозный вид Минервы на литавренной колеснице под развевающимся артиллерийским знаменем, так что, должно быть, молодая государыня с удовлетворением приняла это решение А.Н. Вильбоа об усекновении регалий артиллерии, еще и преумноженных недавно стараниями честолюбивого

графа Шувалова. А.Н. Вильбоа выгодно отличался в глазах императрицы от своего предшественника разумной скромностью и в дополнение к выдающимся административным достоинствам и репутации, заслуженной на недавней войне, был участником похода Екатерины в «Ранибоум» 28 июня 1762 г., командуя артиллерией³⁵. Александр Никитич полностью оправдывал доверие, оказанное императрицей. Отмена знамен явилась следствием новой реорганизации артиллерии. Вся полевая артиллерия была сведена в артиллерийский корпус в составе пяти полков: бомбардирского, двух канонирских и двух фузилерных. И эти новые полки знамен не получили³⁶.

Тем не менее, в июне 1765 г. на больших двусторонних маневрах под Красным Селом артиллерия (бомбардирский полк) участвовала со своим уже старым артиллерийским знаменем и литавренной колесницей; по возвращении с маневров и знамя, и колесница нуждались в ремонте³⁷.

По всей видимости, артиллерийское знамя, подвигами солдат и офицеров заслужившее славу в боях и слишком красивое, чтобы его вдруг сложить в арсенал, после 1763 г. по-прежнему находилось на квартире генерал-фельдцейхмейстера, став уже регалией, относящейся, скорее, к должности главы артиллерии. Показательно, что оно даже стало иначе именоваться – штандартом. Первое известное нам упоминание знамени как штандарта встречается в Указах и предложениях Правительствующего Сената за 1796 г. по артиллерийской экспедиции за подписью князя Платона Зубова: «Его императорское величество высочайше указать соизволил в артиллерийских полках и командах ружей не иметь, а вследствие сего и знаменам не быть, и офицерам знаков не иметь; штандарту же при артиллерийском корпусе состоять на прежнем основании»³⁸.

Когда в 22 декабря 1797 г. порядком обветшавшее знамя, «в дырах и в местах изорванное», все же было сдано в Санкт-Петербургский арсенал, оно было в списке «знамен Российских»³⁹. Но позднее, уже будучи переданным в Достопамятный зал (с 1809 г.), оно опять стало фигурировать в документах как штандарт. Так оно значится в описи Достопамятного зала 1841 г.⁴⁰ и в инвентарной книге 1882 г.⁴¹

Л.К. Маковская в своем известном исследовании колесницы и знамени привела также свидетельства о почитании знамени в XIX – начале XX вв. Из них явствует, что под знаменем принимали

присягу на верность службе офицеры и генералы при производстве в следующий чин. Кроме того, знамя участвовало в траурной церемонии погребения генерал-фельдцейхмейстера великого князя Михаила Павловича в 1849 г. и во время похорон генерал-фельдцейхмейстера великого князя Михаила Николаевича в 1909 г.⁴²

Можно вообразить, какое волнующее зрелище представляли собой все перечисленные церемонии, связанные с отданием чести полковому знамени. Артиллерийское знамя должно было вдохновлять не только на подвиг жертвенности, готовность русского воина к которому всегда поражала иноземцев, но и к бодрым и точным действиям в бою.

Я.В. Брюс, руководивший артиллерией с 1701 г., с самого начала Северной войны прилагал титанические усилия для поднятия боеспособности реорганизованных на новый европейский лад недавних пушкарей, которым предстояло значительное участие в победе над одной из сильнейших армий Европы. Он прекрасно понимал необходимость и нового же знамени, отличного от старого пушкарского, испещренного вязью молитвословий и образами святых⁴³. Нужно было знамя, в котором бы символически переданы были ценности нового времени и его динамика.

Первое описание этого нового знамени с эмблемой, изображающей «пушку на колесах», мы встречаем в связи с его построением в переписке Брюса 1705 г.⁴⁴ Кроме нового знамени нужны были, очевидно, также и какие-то тоже новые, другие, знаменщики. Видимо, главу артиллерии не удовлетворяла степень подготовки в ношении знамени прапорщиков первых лет Северной войны, с трудом постигающих устав А. Вейде. Во всяком случае, в ведомости о получении жалованья артиллерийскими служащими за 1705 г. встречается «знаменщик», занесенный в список под именем «Яган Готлоб» и подписавшийся аккуратным изящным почерком как «Johann Gottlob Knobels»⁴⁵. В списке начальных и нижних чинов артиллерии на январь 1706 г. есть запись о двух знаменщиках Яганах, происхождением из «Саксонских земель». Первый, Яган Готлоб Knobель, был взят на русскую службу в 1704 г. в чине «знаменщика» с жалованьем в 12 р. (как у прапорщика), определен «в поле» (полковую артиллерию), в том же чине пребывал и в январе 1706 г., представлен к повышению в чине поручика с жалованьем 15 р.⁴⁶ Его товарищ Яган Горн был также взят в 1704 г. знаменщиком, определен с тем же жалованьем «в Киев», пребывал там же в том же чине на январь 1706 г., к повышению,

в отличие от Кнобеля, представлен тогда не был, и следы его в делопроизводственных документах Артиллерийского приказа теряются. О Ягане Кнобеле узнаем, что в 1708 г. он был поощрен восемью локтями сукна за участие в «строении фигур» перед Петром на праздновании нового, 1708-го, года в Жолкве⁴⁷. В 1711 г. его имя встречается в протоколе допроса канонира Тверева с товарищами «об удовлетворении провиантом от поручика Кнобеля», и те свидетельствовали, что получали от поручика и хлеб, и галстуки, и сапоги⁴⁸. Возможно, Яган Гоглоб Кнобель оставил русскую службу в 1710–1711 гг. Интересно то, что Я.В. Брюс, судя по его переписке об изготовлении еще одного нового знамени в 1706 г. и новой литавренной коляски, смог заменить «саксонского» знаменщика только после готовности этой коляски. Новое, 1706 г., знамя было огромным, три аршина с четвертью (примерно 230 см) в ширину и три аршина в длину⁴⁹. Оно, видимо, было больше, чем предыдущее, так как в одной из ведомостей 1706 г. наличия артиллерийских припасов оно именуется артиллерным знаменем большим⁵⁰. Поэтому надежнее было закреплять его в литавренной тележке. Вместе с тем, за два года Кнобель мог подготовить достойную себе замену.

Таким образом, мы видим, что еще Я.В. Брюс придавал важнейшее значение артиллерийским регалиям и целенаправленно работал над тем, чтобы артиллерийское знамя, «защищая и устрашая», как гласит его девиз⁵¹, развевалось над войском в бою. И хотя на протяжении еще полутора столетий после введения штатов 1763 г. артиллерия обходилась без своих знамен, в торжественные минуты, связанные с глубоким осмыслением воинской этики, такой символ ее, как знамя, был всегда необходим. Благодаря этому и сохранилась артиллерийская регалия, позволяющая нам прикоснуться, хотя бы отчасти, к славным страницам нашей истории.

¹ Инв. № 9/6431; размер 223 x 200 см.

² См.: Круглова А.Р. Новая атрибуция артиллерийского полкового знамени // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Третьей межд. науч.-практ. конф. СПб., 2012. Ч. 2. С. 62–66.

³ См. Маковская Л.К. Уникальные памятники военной истории // Музей военной истории и боевой славы: Сб. статей и материалов, посвященных 240-летию музея. Вып. 7. СПб., 1996. С. 287–262; Успенская С.В., Маковская Л.К. Парадная литавренная колесница 1760 года для вывоза артиллерийского знамени (история создания, бытования, музеефикации, реставрации). СПб., 2009. С. 12–13.

⁴ Даты приведены по старому стилю.

⁵ Примечаний на ведомости в Санкт-Петербурге 1740 (год). СПб., 1740. С. 61–92.

⁶ Там же. С. 64.

⁷ Там же. С. 67.

⁸ Кратко описаны в ст.: Маковская Л.К. Уникальные памятники военной истории. С. 287–262. Некоторые документы, свидетельствующие о приготовлениях к парадом 1758–1762 гг., приведены в кн.: Успенская С.В., Маковская Л.К. Указ. соч.

⁹ См., например, «ордер» пейхвартеру Завалишину: Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Полк.отд. Д. 641. Л. 3 об.

¹⁰ Там же. Л. 3–3 об.

¹¹ Там же. Л. 9 об. – 10.

¹² Там же. Л. 6.

¹³ Там же. Л. 4 – 4 об. – Любопытно, что в КГАиФ был также подан рапорт со списком штаб-, обер- и унтер-офицеров артиллерийского корпуса, допущенных на маскарад при дворе «Ея Императорского Величества», состоявшийся на следующий день после Крещенского парада. Семеро из 13 приглашенных должны были явиться «с фамилиею» – с женами (Там же. Л. 4 об.).

¹⁴ По штату 1757 г. полевая артиллерия была преобразована в 2 полка (ПСЗ. Т. 43. Ч.1. № 10682, 11 января 1757 г.)

¹⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ГП. Д. 487. Л. 159–160. Текст документа полностью опубликован в кн.: Успенская С.В., Маковская Л.К. Указ. соч. С. 74.

¹⁶ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Полк. отд. Д. 648. Л. 1 об.

¹⁷ Там же. Л. 1.

¹⁸ Там же. Л. 1 об.

¹⁹ Там же. Л. 1.

²⁰ Маковская Л.К. Указ. соч. С. 286.

²¹ Подробно об этом см.: Там же. С. 286–293. – Еще более подробно, с публикацией документов и фотографий, см.: Успенская С.В., Маковская Л.К. Указ. соч.

²² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Полк. отд. Д. 755. Л. 1, 2.

²³ Там же. Д. 699. Л. 2 об.

²⁴ Там же. Л. 5 об.

²⁵ Там же. Д. 676. Л. 2 об.

²⁶ Там же. Л. 2 об.

²⁷ Там же. Д. 704. Л. 2 – 2 об.

²⁸ Там же. Д. 705. Л. 2.

²⁹ Там же. Л. 3 – 3 об.

³⁰ Там же. Д. 676. Л. 168 об.

³¹ Там же. Д. 705. Л. 10–11.

³² Там же. Л. 4, 5.

³³ Екатерина П. Сочинения / сост. и примеч. В.К. Былинина и М.П. Одесского. М., 1990.

³⁴ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Полк. отд. Д. 717. Л. 39 об. – 40; Д. 718. Л. 2.

³⁵ Столетие военного министерства: 1802–1902. Ч. 1. Кн. 1. СПб., 1902. С. 263–268.

³⁶ Львовский П.Д. Знамена Отечественной артиллерии: Исторический очерк // Сб. иссл. и мат.-лов Артиллерийского исторического музея. Вып. 2. Л., 1958. С. 250, 284.

- ³⁷ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ГП. Д. 734. Л. 139–139 об.
- ³⁸ Там же. Д. 1424. Л. 607. – Выражаю глубокую благодарность Е.И. Юркевичу, указавшему мне на этот документ.
- ³⁹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Арс. отд. Д. 1290. Л. 11, 12, 15.
- ⁴⁰ Там же. Ф. 21. Оп. 92/1. Д. 9. Л. 100 об.
- ⁴¹ Там же. Ф. 22. Оп. 111. Д. 3. Л. 201 об.
- ⁴² Маковская Л.К. Указ. соч. С. 296–297.
- ⁴³ Подробное описание см.: Яковлев Л. Русские старинные знамена. М., 1865. Ч. 2. С. 15–18.
- ⁴⁴ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4. Л. 368, 368 об. Опубликованный текст документа см.: Круглова А.Р., Смоленчук Е.В. Еще раз об артиллерийском знамени 1745 года // Сборник исследований и материалов Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. СПб., 2010. Вып. 9. С. 381.
- ⁴⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3. Л. 103, 105.
- ⁴⁶ Там же. Д. 10. Л. 3.
- ⁴⁷ Там же. Д. 32. Л. 620–621.
- ⁴⁸ Там же. Д. 7. Л. 726–727.
- ⁴⁹ Там же. Д. 10. Л. 237.
- ⁵⁰ Там же. Л. 207.
- ⁵¹ Девиз «Tuetur et Terret» (защищает и устрашает) появился не позднее 1720 г. (См.: Круглова А.Р., Смоленчук Е.В. Указ. соч. С. 380.).

Я.Л. Диденко, О.В. Брель (Чигирин, Республика Украина)

МУЗЕЙ «ИСТОРИЯ ЧИГИРИНСКОЙ КРЕПОСТИ». ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОЗДАНИЯ ПОСТОЯННОЙ ЭКСПОЗИЦИИ

ЧИГИРИНСКИЙ замок известен в истории Украины как один из наиболее укрепленных в XVI–XVII вв. на юге Правобережной Украины. Его размещение было обусловлено удачным географическим положением на границе с Диким полем и необходимостью защиты территории украинских земель от постоянной агрессии со стороны Османской империи и татарского Крыма.

История Чигиринской крепости связана с именами Остафия Дашкевича и Александра Вишневецкого. В 1576 г. польский король Стефан Баторий подарил казакам Чигирин вместе с замком¹. С этого момента Чигирин находился в центре событий, связанных с борьбой украинского народа за свою независимость. В середине XVII в., во времена гетманства Б. Хмельницкого, в Чигиринском замке находился артиллерийский арсенал Войска Запорожского. По свидетельству Петрония Ласки, посланника киевского воеводы Адама Киселя к гетману, в июне 1648 г. при Хмельницком в Чигирине «было 10 000 войска и 74 пушки»². В этот период, по словам современника – Павла Алеппского, замок «...не имел себе равных во всей стране казаков»³. Через несколько лет Эвлия Челеби (турецкий путешественник XVII в.) писал: «Сейчас это мощная крепость, которая имеет три ряда стен... Ее цитадель стоит на крутой скале. Вокруг крепости три ряда непроходимых рвов.... В цитадели стоят дома солдат-казаков.... Там же арсенал, великолепные пушки, монастырь с колокольней, похожей на башню»⁴.

В период Руины город оказался в центре междоусобных войн за гетманскую булаву, был осажден войсками Юрия Хмельницкого, Ивана Брюховецкого. А во времена гетмана Петра Дорошенко –

московско-казацкими войсками во главе с Григорием Ромодановским и гетманом Иваном Самойловичем.

Во время Чигиринских походов 1677 и 1678 гг. благодаря мужеству и героизму защитников крепость в Чигирине сыграла решающую роль в защите Правобережья Украины и Киева от нападения турецко-татарского войска.

События, связанные с историей Чигиринской крепости, известны благодаря многим историческим источникам: «Летопись Самуила Величко», «Летопись Г. Грабянки», «История Руссов», «Летопись Самовидца», записки путешественников, которые побывали в Чигирине в XVI–XVII вв., дневники П. Гордона, последнего коменданта Чигиринского замка в 1678 г., план города 1677 г. французского агента Шарля О. Нуантеля.

На территории замка были проведены археологические исследования, которые позволили обнаружить и благодаря государственной «Комплексной программе развития историко-архитектурного комплекса “Резиденция Б. Хмельницкого” на 2004–2010 гг.» воссоздать его часть – бастион Дорошенко.

Первые археологические исследования Замковой горы, где находился Чигиринский замок, были проведены В.В. Хвойкой в начале XX в. Он открыл и частично исследовал остатки оборонных сооружений в Чигирине на горе и у подножья. Результаты этих исследований были опубликованы в «Археологической летописи Южной России». На склонах горы В.В. Хвойка открыл остатки большого каменного сооружения XV–XVI вв., очевидно остатки крепости⁵.

Он, в частности, пишет о том, что сооружение шло в глубь горы и состояло из двух параллельных стен. Расстояние между ними равнялось 8 аршинам. Толщина стены – 2 аршина, а высота 3,5 аршина. Как далеко эти стены шли в глубь горы – неизвестно. В.В. Хвойкой они были расчищены вглубь лишь на 4 аршина. Возле нижних частей стен были видны остатки каменных столбов, которые поддерживали свод сооружения. Стены сложены из больших камней. Сооружение имело кирпичный свод, который провалился внутрь. В кирпичном завале были найдены несколько чугунных ядер. В кладке использовался желобковый, или литовский, кирпич, размером 30x15x6 см⁶.

У подножья горы, на правом возвышенном берегу реки Тясмин В.В. Хвойка обнаружил остатки другого каменного сооружения,

значительно большего, чем первое. Свод здесь также был выложен из кирпича. В нижней части стен были заметны следы кирпичной кладки, которой были облицованы стены. Все эти сооружения В.В. Хвойка не раскрывал, ограничившись небольшими шурфами⁷.

Это сооружение исследователь также датировал XV–XVI вв. Материалы исследований были опубликованы в «Археологической летописи Южной России». К сожалению, в упомянутой публикации отсутствуют чертежи и ориентиры, поэтому определить их местонахождение невозможно. Отсутствуют также научные отчеты о проведенных В.В. Хвойкой раскопках в Чигирине⁸.

В 1953 г. архитектурно-археологические исследования на территории города проводил доктор архитектуры Г.Н. Логвин. Во время раскопок на Замковой горе им были открыты остатки мощной оборонительной стены XVI–XVII вв., сложенной из местного камня-песчаника⁹.

В 1972–1973 гг. археологическая экспедиция в составе к. и. н. Р.О. Юры и к. и. н. П.А. Горишнего провела в Чигирине разведки и раскопки. На склонах горы в шурфах и траншеях часто попадались печные изразцы, обломки желобкового кирпича, фрагменты керамической посуды XVII в., покрытой зеленой и желтой глазурью¹⁰.

С 1989 г. начинается новый этап археологических исследований Чигирина. Во время полевых сезонов 1989–1992 гг. Чигиринская экспедиция во главе с П.А. Горишним продолжала исследование остатков гетманского замка, а именно – бастиона Дорошенко. Была раскопана его подземная часть, открыты три помещения. Одно из них треугольное, с достаточно мощными стенами из больших камней, соединенных известковым раствором; окна отсутствуют. Помещение соединяется с большой камерой со сводчатым потолком. Общая площадь данного помещения более 200 м². В заполнении обнаружены более 100 ядер к гаковницам и пушкам разных калибров, свинцовые пули, детали замка кремневого ружья, боевой топор, молот, подковы от казацких сапог, ножи, курительные трубки и другие бытовые вещи¹¹.

Большое помещение соединялось проходом с другой частью подземелья, откуда, по ступеням вверх, можно было выйти во двор посреди крепости. Хорошо сохранились остатки ступеней, которые были вмурованы в стены; было найдено значительное количество печных изразцов с рельефным растительным и геометрическим орнаментом, фрагменты керамики XVII в.

В верхней части стены центрального помещения раскрыты остатки пушечных амбразур¹².

В августе – ноябре 2004 г. в Чигирине работала экспедиция Черниговского государственного педагогического университета им. Т.Г. Шевченко и Сиверского института региональных исследований во главе с В.И. Полтавцом, Г.А. Мудрицким и Т.Г. Новик. Одним из объектов исследований была внешняя территория бастиона Дорошенко, на склоне Замковой горы. С целью исследования дополнительных земляных фортификационных сооружений было разбито пять траншей перпендикулярно северо-восточной стене бастиона и три траншеи перпендикулярно юго-восточной стене. Толщина культурного слоя на исследованной территории достигала 1,7–4,5 м. Общая площадь раскопок – 61,35 м²¹³. Таким образом, была тщательно исследована внешняя территория бастиона. Среди археологических находок – большое количество фрагментов керамики, курительных трубок, пули, ядра и их фрагменты, картечь, гвозди¹⁴.

Реконструкция бастиона Дорошенко была проведена согласно Генеральному плану развития Национального историко-культурного заповедника «Чигирин». Согласно постановлению кабинета министров Украины № 721 «Об утверждении Комплексной программы развития историко-архитектурного комплекса “Резиденция Богдана Хмельницкого” на 2004–2010 гг.»¹⁵ бастион Дорошенко был восстановлен. В подвальной аутентичной части бастиона – памятника архитектуры и археологии местного значения – в помещении площадью 100 м² было решено разместить музей «История Чигиринской крепости». В нем планируется показать историю крепости, ее строительства, страницы из жизни обитателей замка в мирное время и во время военных событий.

В ходе подготовки концепции, структурного и тематико-экспозиционного планов нового музея возникли определенные трудности. В это же время в заповеднике уже проводились работы по созданию хронологически и тематически близкого ему музея Богдана Хмельницкого. Именно поэтому основной логический акцент при создании нового музея должен был быть сделан на возможности воссоздания ситуативной картины жизни защитников Чигиринского замка во время осады крепости турками. Вместе с тем, существенное внимание должно быть оказано археологическим исследованиям и находкам на территории крепости. Главным же

экспонатом должны были стать сами аутентичные остатки бастиона Дорошенко.

Создание вышеупомянутых документов стало возможным благодаря тщательной работе с источниками по данной тематике. Это дневники коменданта Чигиринской крепости, руководителя обороны замка во время турецкого похода на Чигирин в 1678 г. полковника, инженера-фортификатора Патрика Гордона, казацкие летописи, материалы фондов Государственного исторического музея (отдел письменных источников) и Российского государственного архива древних актов.

Будущая экспозиция музея предусматривает несколько разделов: «Чигиринский замок – памятник бастионной фортификации», «История развития крепости», «Крепость во время Чигиринских походов 1677 и 1678 гг.», «Археологические исследования Чигиринской крепости», «Воссоздание исторической среды из жизни гарнизона Чигиринского замка XVI–XVII в.»¹⁶ Экспозиция будет построена по хронологическому принципу. Планируется широкое использование цитат из воспоминаний современников о роли и значении Чигиринского замка. Эти документы станут своеобразными аннотациями, которые, удачно дополняя экспозицию, позволят посетителю взглянуть на крепость глазами очевидцев. Планируется использовать первое упоминание о замке – запись из дневника Ю. Язловецкого, датированную 1571 г.; универсал о пожаловании права владения чигиринскими землями с разрешением о постройке замка А. Вишневецкому (1589 г.); универсал о пожаловании Чигирину Магдебургского права в 1592 г.; опись чигиринских укреплений по ревизии 1622 г.; описание крепости путешественниками, которые посетили ее в 1655–1656 гг. – П. Алеппским и Э. Челеби. Весомую роль в раскрытии тем отдельных разделов экспозиции будут играть копии документов из российских архивов. Среди них – записи об отправке в Чигирин людей и припасов, о ремонте городских укреплений во время Чигиринских походов 1677 и 1678 гг., благодарность за участие в Чигиринских походах всему Запорожскому войску от царя Федора Алексеевича (1679 г.), страницы из дневника П. Гордона. Одни из самых интересных документальных свидетельств, которые позволяют воссоздать внешний вид Чигиринского замка, это иконографические материалы: план крепости П. Гордона, план города и замка 1677 г., оригинал которого хранится в Дипломатическом архиве министерства

иностранных дел Франции в Париже. Также планируется представить в экспозиции портреты исторических деятелей, жизнь которых была связана с историей замка и города: П. Дорошенко, П. Гордона, И. Самойловича, Кара Мустафы¹⁷.

Основными экспозитами нового музея должны стать предметы, найденные во время археологических раскопок фундамента бастиона Дорошенко. Среди них личные вещи защитников замка (подковы для обуви, курительные трубки, оружие) и казацкое снаряжение (пули, свинец, кремни для ружей, стрелы, ядра и их фрагменты).

Значительная часть экспозиционной площади должна быть отдана под реконструкцию ситуативной картинки – защитники бастиона Дорошенко во время второго Чигиринского похода. Эта идея предполагает изготовление восковых фигур участников обороны – казаков и московских стрелков, воссоздание интерьера, изготовление копий, муляжей оружия и защитных приспособлений, изображения которых есть в дневнике П. Гордона (фашины, габионы, туры).

Тематико-экспозиционный план будущего музея предусматривает активное использование новых интерактивных методов подачи материала в экспозиции музея, звуковых и световых эффектов.

На данный момент завершена первая очередь реставрационного воссоздания оборонных стен Чигиринского замка – бастиона Дорошенко, который передан на баланс Национального историко-культурного заповедника «Чигирин». К сожалению, отсутствие средств не дает возможности воплощения в жизнь планов коллектива. Надеемся, что с началом финансирования и созданием экспозиции новый музей станет еще одним привлекательным туристическим объектом, местом проведения исторических реконструкций и военных фестивалей.

¹ Граб'янка Г. Літопис // Збірник козацьких літописів: Густинський, Самійла Величка, Граб'янки. К.: Дніпро, 2006. С. 884.

² Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах. Т. 2: 1648–1651 годы. М.: Издательство Академии наук, 1954. С. 44.

³ Халебський П. Україна – земля козаків: Подорожній щоденник / Упоряд. М.О. Рябий; Післям. В.О. Яворівського. П. Халебський. К.: Ярославів вал, 2009. С. 245.

⁴ Челеби Э. Книга путешествий. Земли Молдавии и Украины. Т. V. [Электронный ресурс]. URL:

<http://www.vostlit.info/Texts/rus8/Celebi3/text5.phtml?id=1731>

⁵ Горішній П.А. Археологічні дослідження в Чигирині // Археологічні дослідження на Черкащині. Черкаси: облредвидав «Сіач», 1995. С. 119.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Логвин Г.Н. Чигирин – Суботів. Киев, 1954. С. 10.

¹⁰ Горішній П.А. Указ. соч. С. 120.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Полтавець В.І., Мудрицький Г.А., Новик Т.Г. Звіт про виконання наукових археологічних робіт на території резиденції Богдана Хмельницького в м. Чигирині в 2004 р. Чигирин, 2004. С. 1.

¹⁴ Там же. С. 4–10.

¹⁵ Постанова від 2 червня 2004 р. № 721 «Про затвердження Комплексної програми розвитку історико-архітектурного комплексу «Резиденція Богдана Хмельницького» на 2004–2010 роки». [Електронний ресурс]: Кабінет Міністрів України, д. 721–2004-п. URL: <http://www.uapravo.net/data/base29/ukr29718.htm>

¹⁶ Капуста В.І., Проценко О.В. Структурний план музею «Історія Чигиринської фортеці». Чигирин, 2007.

¹⁷ Они же. Тематико-експозиційний план музею «Історія Чигиринської фортеці». Чигирин, 2007.

Е.Е. Дроздова (Тула)

ТУЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ОРУЖИЯ: НОВОЕ ЗДАНИЕ – НОВАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ

В 1996 г. Тульский музей оружия был выведен из состава Тульского оружейного завода, в связи с чем было принято решение о строительстве для него нового здания. В то время музей располагался в здании Богоявленского собора на территории Тульского кремля.

Строительство было завершено в марте 2012 г. Новое здание, выполненное в форме шлема, расположено в исторической части города, где предположительно были поселены в 1595 г. оружейные мастера в соответствии с указом царя Федора Иоанновича. Рядом находятся Николо-Зарецкий храм – усыпальница семейства оружейников Демидовых, а также открытый в 1996 г. памятник Никите Демидову (рис. 1).

Рис. 1. Новое здание музея

В связи с вводом здания в эксплуатацию остро встал вопрос о проектировании новой экспозиции. Работа по ее созданию в тот период находилась на стадии завершенной научной концепции.

История разработки концепции представляет определенный интерес. Процесс ее написания может быть условно разделен на два этапа. Итогом каждого из этих этапов стало появление отдельной завершенной концепции. Причем вторая, в основном базируясь на первой, имела ряд принципиальных отличий и реализовала несколько иной подход к освещению истории оружия.

При написании первой концепции преследовалась цель создать абсолютно новый музей, привлекательный для посетителей, прежде всего, своей непохожестью на существующий. Это не означает, что действующая экспозиция, созданная в 80-е гг. прошлого века, утратила жизнеспособность. Выполненная на высочайшем профессиональном уровне художниками объединения «Росмонументискусство», она продолжает представлять интерес как для жителей Тулы, так и для гостей города. Подтверждением этому служит высокая посещаемость музея, которая составила в 2012 г. более 90 тыс. чел.

Существующая постоянная экспозиция, которая сегодня по-прежнему находится в здании Богоявленского собора, занимает площадь 1000 м². Тема экспозиции – «Эволюция огнестрельного и холодного оружия с XVI в. до настоящего времени» – раскрыта достаточно полно с точки зрения многообразия видов оружия и его последовательных конструктивных изменений. Тематическое решение экспозиции построено на сочетании проблем технического совершенствования оружия и его производства с акцентом на роль Тулы в укреплении обороноспособности России.

Преобладающим методом архитектурно-художественного решения является систематический. Удачная композиция экспонатов обеспечивает их соподчинение друг другу, придает экспозиционным комплексам единство и цельность. Однако перегруженность систематическими рядами значительно уменьшает эффект данного достоинства экспозиции. Тематические комплексы, реализованные с применением ансамблевого метода, немногочисленны (рис. 2).

Усилению эмоционального звучания экспозиции в значительной мере способствует художественная роспись потолка, каждый сюжет которой тематически сопряжен с расположенным в данном месте экспозиционным комплексом.

Рис. 2. Постоянная экспозиция музея в настоящее время

Тематическая структура существующей экспозиции базируется на отражении истории оружия в контексте его конструктивного совершенствования. В данной трактовке содержание экспозиции достаточно сложно для восприятия среднестатистического посетителя и становится доступным, а значит, интересным лишь при участии экскурсовода. Исходя из этого, было решено в новой экспозиции максимально усилить исторический фон событий, сопутствовавших эволюционным изменениям в оружейной сфере. В качестве способа решения данной проблемы рассматривалось, главным образом, широкое применение изобразительных средств.

Кроме того, в экспозиции предполагалось подчеркнуть взаимосвязь трансформации оружия с тактикой ведения боевых действий. Это позволило бы приблизить тематику экспозиции к военной истории, сделав ее более доступной широкой посетительской аудитории.

Для более полной характеристики социальной среды, непосредственно влиявшей на развитие оружия, планировалось существенно шире проиллюстрировать персональный состав конструкторских и производственных коллективов, показать истоки формирования Тулы как одного из крупнейших центров России по разработке оружия с опорой на достижения первых тульских

изобретателей-оружейников. Не менее важным было выявление средствами экспозиции состава технической администрации Тульского оружейного завода в XIX – начале XX вв., замалчиваемой долгое время в связи с тем, что ее представители принадлежали к русскому офицерству.

Экспозиционные площади нового здания расположены в четырех залах на 2–5 этажах. Залы имеют круглую форму с многочисленными колоннами. Высота потолков в трех залах местами менее 3 м. Зал пятого этажа имеет купольное завершение. Площадь залов составляет: 1 зал (2 этаж) – 948,5 м², 2 зал – 1358,2 м², 3 зал – 952,7 м², 4 зал – 1331,8 м². На прилегающей к зданию территории предусмотрена возможность открытого экспонирования крупногабаритных образцов вооружения и военной техники.

На начальном этапе работы над концепцией экспозиции было принято решение оставить существующую формулировку темы, поскольку предметная база в основе оставалась прежней – огнестрельное и холодное оружие. Изменения заключались лишь в более широкой представленности отдельных видов вооружения.

Согласно начальному замыслу в каждом из четырех залов должен был разместиться тематически самостоятельный раздел экспозиции. Так, первый зал был посвящен истории вооружения армии с детальной демонстрацией последовательных этапов эволюции стрелкового и холодного оружия. Предметной базой данного раздела являлось боевое оружие, главным образом, российской армии, боеприпасы, документы.

Круглая форма зала обеспечивает оптимальные условия для применения архитектурно-художественного решения экспозиции, опирающегося на теорию спиралевидного развития истории. При реализации такого подхода музейные предметы располагаются в хронологической последовательности вдоль концентрических окружностей с центром в середине зала, который является символической стартовой точкой отсчета эволюции оружия.

Не нарушая общей хронологии событий, иллюстрируемых по окружностям, по радиальным линиям предполагалось расположить предметы вооружения одного вида, например, пистолеты по одной такой прямой, винтовки – по другой, пулеметы – по третьей и т. д. Таким образом, посетитель мог ознакомиться с общей историей оружия, следуя по кругу, и с историей каждого отдельного его вида, пройдя по радиальным направлениям.

В этом зале планировалось построение нескольких инсталляций, таких как окоп, дзот, пулеметный расчет и т. д., которые обеспечили бы более полное погружение посетителя в эпоху тех или иных событий военной истории.

Во втором зале была отражена тема разработки и производства вооружения, реализованная с привлечением материалов, относящихся преимущественно к истории Тульского оружейного завода – старейшего в России государственного предприятия по производству стрелкового оружия. Прежде всего, это модели станков XIX – первой половины XX вв., а также документальные источники – фотографии завода и мастерских, крупных специалистов оружейной промышленности второй половины XIX – первой половины XX вв. Наряду с моделями станков в качестве иллюстрации технологии производства использовались лекала и калибры, детали оружия, инструменты, использовавшиеся в различные временные периоды. Свидетельством высокого мастерства оружейников выступали действующие миниатюры оружия, а также – художественно оформленное оружие.

Интерактивные элементы экспозиции в данном ее разделе были сосредоточены в тематических комплексах, включающих инсталляции мастерской оружейника конца XVII в.; заводской приемной палаты начала XIX в., где осуществляли контроль качества частей оружия и отстрел готовых ружей; заводской мастерской последней четверти XIX в. с действующими станками; мастерской по художественной отделке оружия, где посетители могли освоить на практике инкрустацию проволоки по дереву – один из наиболее распространенных способов художественного оформления оружия, более известного под наименованием «всечка».

Исходя из того что оружейные заводы в XIX в. были привлечены к разработке оружия, а позднее явились базой для создания конструкторских бюро, в данный раздел экспозиции вполне обоснованно были включены опытные образцы оружия. Они, с одной стороны, проиллюстрировали предысторию штатных образцов, выставленных в первом зале, с другой – создали оптимальные условия для введения в экспозицию сведений о конструкторах-оружейниках.

В третьем зале планировалось расположить экспозицию охотничьего и спортивного оружия начала XIX–XXI вв. Обусловленность конструктивных особенностей различных типов такого оружия

сферой его применения была продемонстрирована с помощью реконструкций, например фрагментов соревнований по стендовой стрельбе или охоты с ружьем-уточницей.

Электронный тир для посетителей было решено оформить в стиле 30-х гг. XX в., когда стрелковый спорт в СССР пользовался особой популярностью, а тир для стрельбы из пневматического оружия являлись непременным атрибутом зон отдыха граждан.

В четвертом зале предполагалось размещение экспозиции вооружения военной техники, образцы которого разработаны и изготовлены преимущественно в Туле. Это позволяло подчеркнуть значение Тулы как современного центра разработки и производства оружия. Широкое использование моделей самолетов, вертолетов, кораблей и т. д., а также видеоматериалов, демонстрируемых с привлечением современных технических средств, иллюстрировало применение различных образцов такого оружия, которые в качестве самостоятельного экспоната утрачивают значительную часть своей атрактивности.

Разработанная концепция была представлена в Министерство культуры Российской Федерации, где для ее обсуждения была создана специальная комиссия в составе работников музеев Москвы и дизайнеров музейных экспозиций. В ходе обсуждения недостатками концепции было признано деление экспозиции на 4 самостоятельных раздела, а также ее узкий историко-технический характер, в связи с чем было указано на необходимость усилить гуманитарную составляющую экспозиции. Кроме того, было рекомендовано в качестве куратора привлечь к работе по устранению недостатков концепции заведующую научно-методическим отделом Государственного исторического музея Л.И. Скрипкину, что и было сделано.

Модернизация концепции в соответствии с результатами ее обсуждения явилась вторым этапом работы по ее написанию. Главной задачей данного этапа стало осуществление междисциплинарного подхода к отражению истории оружия, отвечающего потребностям не только технического, но и гуманитарного характера.

Следствием отказа от тематической изолированности экспозиционных залов явился возврат к хронологической последовательности изложения единой темы истории оружия в объеме всей экспозиции, т. е. к принципам ее тематического построения, аналогичным существующим в настоящее время.

Тема экспозиции теперь была сформулирована как «История стрелкового и холодного оружия с XIV в. до современности». Хронологические рамки рассматриваемого исторического процесса были расширены ввиду решения показать более ранний период путем использования типологических предметов вооружения, изготовленных позднее. Начальный этап распространения стрелкового оружия, а также соответствующий хронологический период в истории холодного оружия, не обеспеченные фондами, решено было проиллюстрировать с применением мультимедийных средств.

Основной идеей будущей экспозиции стала тема развития общества и его вооружения в процессе становления российской цивилизации, что позволило представить историю оружия как неотъемлемую часть общей российской истории. Для реализации основной идеи было необходимо представить историю оружия как существенную составляющую общеисторического процесса с опорой на наиболее важные и характерные явления в истории вооружения российской армии, истории охоты и спорта, а также истории Тулы как старейшего центра государственного оружейного производства России. Для достижения этой цели средствами экспозиции следовало решить следующие задачи:

- показать развитие стрелкового и холодного оружия российской армии, выявить его особенности путем сравнительного анализа с вооружением других стран;
- дать характеристику условий создания и особенности становления оборонной промышленности в тульском регионе, представить ее как часть исторического процесса развития российского оборонно-промышленного комплекса в целом в контексте природного, географического и политического факторов;
- показать наиболее яркие эпизоды военной истории России с точки зрения применявшегося вооружения, что обеспечит эффект патриотического воспитания на основе гордости за высокие достижения российских конструкторов-оружейников и отечественной оружейной промышленности;
- проследить изменение роли охотничьего и спортивного оружия в жизни общества, подчеркнуть характерное для ряда временных периодов опережающее развитие охотничьего оружия по сравнению с оружием армейского образца;
- определить место оружия в истории общества, выявить сферы

его применения как инструмента насилия и защиты, а также как инструмента политического влияния.

В результате решения поставленных задач история оружия окажется интегрированной в развитие российской цивилизации. При этом эволюция оружейных конструкций по замыслу авторов должна составить второй план раскрываемого исторического процесса.

Однако сравнительный анализ тематической структуры экспозиции первого и второго варианта концепции обнаруживает значительное число тем и подтем, которые, несмотря на различие в их формулировке – историко-технической в первом случае и гуманитарной во втором, имеют одну предметную базу и не отличаются с содержательной точки зрения.

Например, в последнем варианте подтема «Противостояние традиционных ополчений и регулярных армий европейского типа как особенность Кавказской войны» эквивалентна по содержанию подтеме предшествующего этапа работы «Оружие иррегулярных частей» темы «Оружие армии и флота России второй половины XVIII – начала XIX вв.»

Подтема «Крымская война как катализатор процесса перевооружения армии России» нашла отражение в предшествующей структуре как «Нарезное капсюльное оружие российской армии 50-х гг. XIX в.»

Многие темы гуманитарного характера не только были предусмотрены уже на первом этапе работы над проектом экспозиции, но и реализованы в существующей экспозиции. Среди них – «Частные оружейные мануфактуры на территории Тульского края», «Формирование сословия тульских оружейников», «Вклад тульских оружейников в победу России в Отечественной войне 1812 г.» и многие другие.

Новых проблем гуманитарного характера, нашедших отражение в создаваемой экспозиции, немного. К их числу принадлежат следующие: «Военно-техническое образование в России и уровень профессиональной подготовки кадров Тульского оружейного завода, «Географические реалии России как условие существования эгалитарной охоты», «Реорганизация управления Тульским оружейным заводом, отстранение офицеров от руководства производством» (1918–1920 гг.), «Провозглашение принципа массовости стрелкового спорта как способа подготовки гражданского населения к защите советского государства».

Наряду с этим более широкое толкование получили некоторые традиционные темы экспозиции. Это – «Изменение характера дуэлей в связи с распространением огнестрельного оружия», «Окопная война и ее влияние на развитие личного и индивидуального оружия и снаряжения», «Промысловая охота как одно из условий экономического развития советского государства, расширение ассортимента охотничьего оружия» и ряд других.

Важно отметить, что в существующей экспозиции музея широко освещена тема конструкторов-оружейников. Способ ее экспозиционного решения, а именно, представленность портретами и текстами биографического характера, является устаревшим. Отсутствие в фондах музея предметов личного характера не позволяет создать полноценные экспозиционные комплексы, посвященные этим конструкторам. Изначально планировалось при создании новой экспозиции существенно глубже раскрыть данную тему с привлечением материалов, хранящихся в семьях конструкторов, и реализовать ее с применением современных мультимедийных технологий.

Отдельного внимания заслуживает стремление экспозиционеров увести техническую составляющую тематики на второй план. Безусловно, подробное рассмотрение отдельных узлов конструкции оружия представляет интерес для незначительной части посетителей музея. Однако именно осознание всей сложности эволюционного процесса в данной сфере является необходимым фундаментом для понимания роли конструктора в истории оружия, а значит и в укреплении военной мощи страны.

Более того, широкая известность Тульского государственного музея оружия основана на представленности в его экспозиции значительного числа опытных образцов. Многие из них сохранились в единственном числе и, как следствие, имеют большую историческую ценность. Акцентировать внимание посетителей на этих предметах можно лишь при четком определении их места общем процессе развития оружия, что означает обращение к техническим решениям, реализованным в том или ином образце оружия.

Из вышесказанного следует, что гуманитарный подход в освещении истории оружия может быть реализован главным образом за счет художественного решения, поскольку фондовое обеспечение экспозиции такой возможности не дает. В связи с этим исключительное значение приобретает художественный проект

экспозиции. Его разработка была осуществлена Александром Никитичем Коновым.

А.Н. Конов – Заслуженный художник Российской Федерации, член Союза художников России. Он ведет постоянную работу над музейными и выставочными проектами крупнейших музеев Москвы и России, в числе которых Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, Государственный исторический музей, Государственный Дарвиновский музей, Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник, Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна» и др.

А.Н. Конов много работает за рубежом. Он является автором эскизного проекта художественного решения зала заседаний Совета безопасности ООН (Нью-Йорк, США). В рамках культурных программ Правительства Москвы им были созданы выставочные проекты в Англии, Франции, Германии, Австрии, Финляндии, Бельгии, Испании, Югославии, Польше, Корее, Латвии, Китае.

В основу художественной концепции положен принцип построения фортеции – средневековой крепости, для которой характерно большое количество острых углов различной конфигурации. По подобию фортеции располагаются витрины середины части экспозиции (рис. 3). Их размещение относительно друг друга в каждом зале различно. Если в первом зале они расположены в непосредственной близости друг к другу, то в

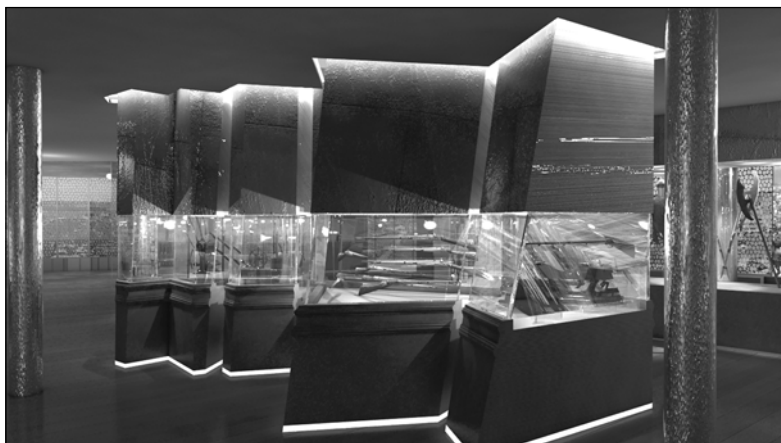

Рис. 3. Проектируемая экспозиция. Первый зал

следующих залах расстояние между ними постепенно увеличивается. В последнем зале они напоминают разлетающиеся осколки, что символизирует распад агрессивности, заложенной в милитаристской направленности витрин, и реализует главную идею экспозиции, заключающуюся в том, что человечество выжило во многом благодаря оружию (рис. 4).

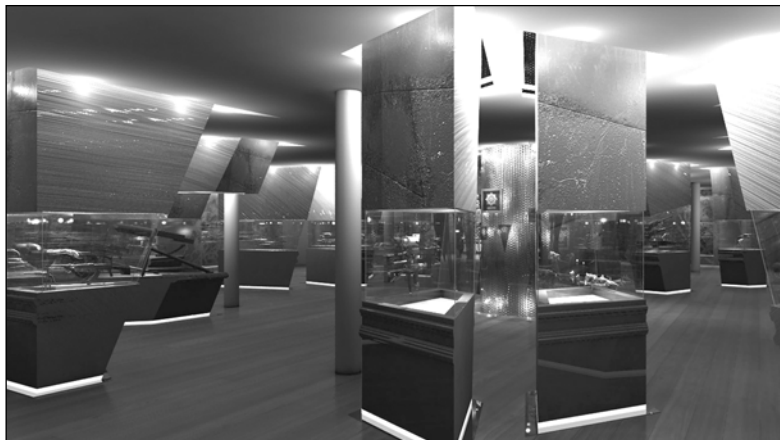

Рис. 4. Проектируемая экспозиция. Третий зал

Каждая витрина по своей конструкции является аналогом винтовки. Ее нижняя часть выполнена из дерева, что соотносится с прикладом. Верхняя часть – металлическая, символизирует ствол. Средняя застекленная часть, в которой расположены экспонаты, по своему значению приравнена к ствольной коробке – наиболее важной части оружия с точки зрения насыщенности техническими решениями.

В проектируемой экспозиции предполагается применить новейшие технические средства визуализации. Значительная роль отводится художественному иллюстративному материалу.

Интерактивное сопровождение экспозиции будет сосредоточено в периферийной части залов. Здесь разместятся инсталляции, которые в сочетании с проекционными экранами будут обеспечивать эффект присутствия, например, в мастерской завода XIX в. или в окопе Первой мировой войны.

Часть периферийной зоны будет звукоизолирована, что позволит реализовать игровые ситуации в работе с детскими группами.

Информационный уровень экспозиции окажется в диапазоне доступности для посетителей любого возраста и любой степени подготовленности к восприятию материала.

Зал пятого этажа в настоящее время активно используется для проведения различных мероприятий, что предполагается сохранить и в будущем. В связи с этим его тематическое и художественное решение выведено из общего контекста экспозиции, выстроенного в хронологической последовательности. Этот зал решено оформить как зал славы русского оружия. Его центральная часть останется свободной, а по окружности будут размещены карты двенадцати наиболее значимых побед России, а также проекционные экраны, с помощью которых будут демонстрироваться фрагменты фильмов о соответствующих событиях и кадры кинохроники.

Проект новой экспозиций разрабатывался с учетом последних достижений в области музейного дизайна. При условии полной реализации проекта Тульский государственный музей оружия сможет конкурировать с лучшими музеями мирового уровня.

И.Г. Дуров (Белгородская обл.)

РУССКАЯ БАНЯ – НЕЗАМЕНИМОЕ НАРОДНОЕ СРЕДСТВО ЛИЧНОЙ ГИГИЕНЫ И ПОДДЕРЖАНИЯ ЗДОРОВЬЯ ВОЕННЫХ И МОРСКИХ ЧИНОВ В XVIII ВЕКЕ

ПОСЛЕ НАЗНАЧЕНИЯ министром обороны генерала армии С.К. Шойгу, им было принято решение отменить в ближайшее время (до конца 2013 г.) в Вооруженных силах «банные дни», которые по установившейся давней традиции в воинских частях проходят каждую субботу.

Войсковая (гарнизонная) баня – специально оборудованное типовое помещение, предназначенное для принятия водных и тепловых процедур с профилактической и лечебной целью, в которой также осуществляются и гигиенические мероприятия – мытье. Кроме того, в бане военнослужащий по призыву, под контролем старшины роты (воинской команды), обменивает после помывки использованное в течение недели нательное белье и портянки на чистые (постиранные). Как правило, в одном здании с баннным помещением находится и прачечная.

Банно-прачечное обслуживание рядового и сержантского состава по призыву планируется заменить устройством во всех казарменных помещениях душевых кабин для практически ежедневного их использования солдатами и матросами. Таким образом, скоро такая важнейшая составляющая военного быта личного состава армии и флота, как баня, сохранявшаяся на протяжении более чем трех веков уйдет в историю.

Широко известно, что баня издавна играла важную роль в жизни русского человека.

Нормативно-законодательные акты XVII–XVIII вв. Московского государства и Российской империи подразделяют русские бани на два хозяйственно-бытовых вида: торговые («городские»)¹

и домовые (в именных указах монархов и приговорах Правительствующего Сената содержатся названия «домашние»; «общие»; «мыльни»)².

Домовая баня составляла традиционный элемент хозяйственной принадлежности не только дворянского двора («хоромного строения») царедворца, но содержалась в селах и деревнях, в посадах городов, даже у бедных людей, а также и нижних чинов армии и флота³.

В обществе сложилось устойчивое мнение, что любые лекарственные средства по своему значению почти ничтожны для больного человека, по сравнению с народной панацеей против всех недугов – русской баней⁴. Именно бани исстари предохраняли русских людей от многих, и, прежде всего, от простудных болезней, поэтому, как для дворян, так для крестьян и посадских людей, в будни и праздники была всегда готова помочь излечить их недуги «баня – мать вторая»⁵.

Бывший на русской военной службе в 1600–1611 гг. и успевший послужить царям Борису Годунову и Василию Шуйскому, Лжедмитриям француз по национальности капитан Жак Маржерет в своих записках, относившихся к 1607 г., приводит весьма любопытные факты, «универсального лечения» русских крестьян и посадских людей, которые из-за внушенной местными знахарями и знахарками панической боязни импортных лекарств всячески избегали посещения врачей-иностранцев: «Если простолюдины заболевают, они берут обычно водки на хороший глоток и засыпают туда заряд аркебузного пороха или же головку толченого чеснока, размешивают это, выпивают и тотчас идут в парильню, столь жаркую, что почти невозможно вытерпеть, и остаются там, пока не попотеют час или два, и так поступают [они] при всякой болезни»⁶.

Видный историк XIX в. академик Н.Г. Устрялов писал, что исключительно в банях, по традиции, в селах и посадах городов, «лечится [русский] народ во всех болезнях»⁷.

Русские люди небезосновательно считали, что баня источник истинного удовольствия, отдохновения для души и тела и даже морального очищения и совершенства, и поэтому свои домашние бани очень ценили и берегли.

Так, стольник И.П. Иванчин-Писарев, любивший лечиться в своей домашней бане от многочисленных болезней, полученных на длительной военной службе, в 1649 г. подал челобитную монарху:

«Царю Государю и Великому Князю, Алексею Михайловичу, всея России, бьет челом холоп Твой Ивко Петров сын Иванчин Писарев. Дворишко у меня на Москве смежно с Матвеем Пуциным, и он Матвей, хотя меня, холопа твоего разорить, бил челом Тебе, Великому Государю, в Земском Приказе, чтоб у меня банишку сломать, будто я городьбы не горожу, и баню поставил возле его саду близко, и будто за моей негородьбою, его овощ посох и яблони поломаны; и то Государь, он, Матвей в челобитной своей писал напрасно: банишка, Государь стоит на моем огородишке, а городьба, Государь, от огорода вся моя. – Милосердый Госуд. Царь и Вел. Кн., всея В. и М. и Б. России Самодержец, помилосердуй меня, холопа твоего, не вели его челобитью верить, а меня разорять, банишки моей ломать, а вели послать и досмотреть мою городьбу. Царь Государь смилуйся»⁸.

Даже знатные особы, например сам глава Аптекарского приказа боярин князь Н.И. Одоевский, назначенный на должность в 1676 г., отдавая предпочтения в лечении болезней домашним баням, а не лекарствам, не верили не только докторам и лекарям⁹, но и иноземным аптекарям. Эта неприязнь нашла яркое отражение в пословицах русского народа: «Не дал Бог здоровья – не даст и лекарь»; «Аптека – не на два века», «Не лечит аптека, калечит», «Аптека и лечит, так и калечит», «И хорошая аптека убавит века», «Аптека увечит на полвека», «Аптекам предаться (отдаться) – деньгами не жаться», «Аптекари лечат – хворые кричат», «Чистый счет аптекарский – темные ночи осенняя», «Кто лечит, тот и увечит», «Лекарь свой карман лечит», «Где много лекарей, там много и больных (и недугов)»¹⁰.

Лечение требовало значительных денежных средств («имения многа истощив») на приглашение докторов и лекарей, а также оплату лекарств, что не могли себе позволить абсолютное большинство жителей страны¹¹.

Русская баня сыграла косвенную роль в свержении с царского трона самозванца Лжедмитрия I. В Московском государстве установилась устойчивая традиция частого посещения монархом своей мыльни, что считалось естественной потребностью русского православного царя. Агенты князя Василия Шуйского весной 1606 г. усиленно разносили слухи по Москве, что царь Дмитрий является не настоящим сыном Ивана Грозного, а самозванцем, поскольку не придерживается старинных русских обычаев и обрядов, в том числе «в баню не ходит; хотя каждый день бани топятся, а он со своей

еретичкой женой (Мариной Мнишек. – *И.Д.*) спит, да так, не обмывшись...[после первой брачной ночи]»¹².

12 мая 1606 г. русские люди «торжественно» говорили на улицах и площадях Москвы, что «мнимый Димитрий есть царь *поганый*; не чтит святых икон, не любит набожности, питается гнусными яствами, ходит в церковь нечистый, прямо с ложа скверного, и **еще ни однажды не мылся в бане** (выделено нами. – *И.Д.*) со своею *поганою* царицею; что он, без сомнения, еретик (принадлежащий к католической церкви. – *И.Д.*) и не крови царской»¹³.

Наряду с домашними банями, для прибывающих по хозяйственным и служебным делам в командировки, а также жителей, по различным причинам не владеющих банями, казной учреждались торговые бани. Сбор с торговых бань традиционно отдавался на откуп на публичных торгах. Денежные сборы учитывались первоначально в Приказе Большия Казны, а затем были переданы в Конюшенный приказ. С 1704 г. ими ведали Ижорская (Ингерманландская) канцелярия и Семеновская приказная палата. С 1719 г. сборы банных денег начали осуществляться через Камер-коллегию¹⁴.

Российское законодательство запрещало владельцам принимать в торговые бани работников, являвшихся материально-ответственными лицами, без установления их личности, социального положения и без поручительства. Поручная запись – это форма письменного обязательства, которое брал на себя сборщик оброка – «целовальник», за которое он отвечал личным имуществом или состоянием, а в случае разорения его, недобора денег или когда объявленная сумма в крепости (контракте) не была собрана, отвечали своим состоянием лица, выбравшие целовальника на эту должность и поручившиеся за него¹⁵.

Важно отметить, что всегда по прибытии на новое место жительства (военной службы, работы), наряду с возведением жилья, русский человек обязательно строил баню¹⁶. Так, практически сразу после занятия турецкой крепости Азов русскими войсками и флотом, 18 июля 1696 г., из сплавленного по Дону лесу, начали возводить «полковничьи», «подполковничьи» и других «начальных людей» дворы, а для нижних чинов – избы¹⁷. Разные по жилым и хозяйственным постройкам, размерам, были эти дворы.

Для офицеров выстраивались жилые покои с хозяйственными постройками, включавшими светлицы, конюшни, поварни, пекарни, ледники, амбары, сараи, бани.

Стрельцам, солдатам, матросам и унтер-офицерам возводились мазанки с сенями, избы бревенчатые, пластинные, дощатые с сенями, а в большинстве случаев и без них¹⁸. Некоторые нижние чины жилых солдатских и стрелецких полков, матросы местного Адмиралтейства, составившие гарнизон, построили домашние бани у себя во дворах.

В 1697 г. в Азове было расквартировано пять солдатских жилых полков. Всего в Азове и крепости Троицкой (Таганроге) проходили службу 6291 жилой ратный человек¹⁹. Кроме того, в Азове находились четыре московских стрелецких полка (2758 чел.)²⁰.

Практически одновременно в новые земли Приазовья – Придонья власти отправляли переселенцев с низовых городов, несостоятельных должников, осужденных разбойников и грабителей, «кроме татевных и убийственных», на поселение и для заведения хозяйства²¹.

Как правило, крестьянская и солдатская (матросская) баня представляла собой небольшое бревенчатое (дощатое) строение, в котором располагался очаг с раскаленными камнями, на которые лили воду, чтобы образовался пар. Она топилась «по-черному», в ней отсутствовал дымоход, поэтому стены и потолок были сильно закопчены. Чтобы не допустить отравления людей угарным газом, вентиляцию осуществляли, открывая двери.

Кроме домовых бань, в Азове, и в частности в его предместье в Алексеевском городе, согласно архивной описи от 15 сентября 1699 г., были еще большие по площади три торговые бани. Они принадлежали московским стрельцам, где, наряду с оказанием банщиками помывочных, парильных и прочих санитарно-гигиенических услуг, торговали водкой (хлебным вином), вином, пивом, квасом, сбитнем и другими продуктами²².

Основной доход от торговых бань шел не от платы за помывку, копейка за вход, и даже не от количества посетителей, а от продажи там горячительных напитков. Больше всего посетители бань традиционно потребляли хлебное вино, дефицита которого как в Азове, так и затем, с 1703 г., в районе Петербурга, никогда не было, несмотря на сложности подвоза²³.

Архивная опись, составленная в 1700 г. по указанию азовского воеводы С.И. Салтыкова, дает представление о площадях торговых бань, одна из них принадлежала стремени Иванова полку Конищева приставу Филиппу Федорову, ее размеры 14 сажений

в длину и 8 сажень в ширину, расположена на берегу Дона. Там же находилась и торговая баня протопопа Саввы Набыкова, и неподалеку от нее стояла еще одна стрелецкая баня²⁴.

В том же году С.И. Салтыков получил царскую грамоту, которая повелевала ему переписать в Азове и его городских предместьях «шалашы и скамейные места и квасные кади, харчевни и торговые бани...», которыми ранее владели мятежные московские стрельцы, и после переписи производственных помещений, оборудования и имущества отдать на торги «всяких чинов охочим людям, кто с чего оброк больше даст [в казну]...»

После инвентаризации баня была на торгу отдана казаку П. Емельянову в оброк за 10 руб. в год. Торговая баня явно приносила ощутимый доход П. Емельянову, потому что на следующих публичных торгах, проходивших через год, он, перебивая размеры оброка, предлагаемые конкурентами, увеличил плату в казну в два раза, и поэтому выиграл торги²⁵.

В связи с ростом численности военных чинов и переселенцев, по переписи 1700 г. в Азове – 12 901 житель²⁶, сеть торговых бань в приморской крепости продолжала расширяться. В 1701 г. там была построена из бударного леса²⁷ еще одна торговая баня²⁸.

Согласно архивной росписи хозяйственных построек на 1711 г., за Александровскими воротами крепости Азов «подле реки Дон [находился еще и] банной двор на оброке»²⁹.

Строительству бань и их функционированию препятствовало отсутствие местных строительных материалов и дров. Лесоматериалы и дрова с открытием навигации сплавлялись в Азов из района Воронежа и других мест по Дону на плотках и стругах³⁰.

Постоянно возникали сложности с обеспечением и распределением дров между военными чинами³¹. И только к концу первого десятилетия XVIII в. была налажена поставка дров в Азов, и, прежде всего, для войск гарнизона и команд военных судов³².

Кроме того, дрова, которые из-за доставки стоили дорого, продавались на рынке³³.

Отсутствие собственного дровяного топлива в Приазовье и довольно суровые зимы, «против московских», как утверждали современники, делали жизнь военных и морских чинов в зимнее время невыносимой. Единственным топливом здесь был камыш, который быстро сгорал в печи и давал мало тепла. Этих тяжелых условий жизни и отсутствия налаженного быта

не выдерживали даже работные и ремесленные люди, присланные в морские крепости только на время строительных работ (сезон для них продолжался полгода). Поэтому, несмотря на жестокие наказания за побег, бегство нижних чинов из городов-крепостей Приазовья – Придонья не прекращалось. Оставшиеся, и то только из-за страха жестоких физических наказаний и направления на каторгу, солдаты и стрельцы из-за холода и голода страдали многочисленными простудными и заразными заболеваниями, иногда приводившими к летальным исходам³⁴. Поэтому торговые бани в осенне-зимний период были переполнены нижними военными и морскими чинами, они там «нагревались» до цвета вареных раков, после чего обливали себя холодной водой и до изнеможения били вениками, выгоняя из тела простуды и прочие заболевания.

В бане находились шайки, чаны с водой, корцы, скамьи, полки, березовые веники.

Как уже отмечалось, баня являлась обязательной принадлежностью построек двора «начального чина», проживающего в Азове³⁵, потому что в каждом имении помещика, призванного на военную службу, имелась домовая баня³⁶. Эта была баня, построенная «по-белому», большая как по размерам, так и количеству помещений, чем баня «по-черному».

Источником тепла в бане «по-белому» была печь-каменка с дымоходом («печь и каменница»³⁷), топившаяся дровами, загружаемыми в нее из другого помещения. В парное отделение выходила только нагревающая поверхность печи, в которую для лучшей теплоотдачи и парообразования клали камни-булыжники. Моющиеся в бане люди, поливая раскаленные камни водой, получали пар, при этом дым, копоть, зола и угарный газ не попадали в парное отделение. В бане «по-белому» имелся притвор, который по размеру обычно равнялся сеним в жилых покоях и назывался «перемыльень» и предбанник.

В период 1703–1704 гг. в Азове был построен «Великого Государя двор» и дом адмиралтейца Ф.М. Апраксина, составной принадлежностью которых являлись бани³⁸. На подворье Петра I на берегу Дона находилась мыльня, построенная из соснового леса, ее крыша была покрыта тесом. К мыльне с двух торцевых сторон были приделаны сени.

Кроме бань монарха и будущего главы Морского ведомства, в крепости на губернаторском подворье³⁹ находилась большая по площади баня с сеними и крыльцом⁴⁰.

Внутри Азовской крепости также имелись еще две небольшие бани, соединенные между собой сенями, их крыши были покрыты дранью. На территории Алексеевского гонверка (предместья), пристроенного к главной крепостной ограде после завоевания турецкой крепости, были возведены две воинские, вероятно, полковые деревянные бани⁴¹.

Кроме переведенных крестьян, пленных шведов, осужденных лиц, совершивших нетяжкие преступления, Азов также являлся местом ссылки для офицеров русской регулярной армии, уклонявшихся от военной службы и объявлявших себя больными и немощными.

Так, 2 декабря 1704 г. Петр I проводил строевой смотр войск, дислоцированных в Нарве. На данный смотр не прибыло 14 оберофицеров, из которых, после задержания и проведенного расследования, по указу монарха, шесть офицеров были выпороты за неявку кнутом и отправлены с остальными восемью, в качестве наказания, в Азов «на вечное житье»⁴². Совместно с офицерами военно-политическое руководство страны ссылало в Азов и Таганрог и провинившихся солдат⁴³. Направлялись все они в солдатские жилые полки. На данный период времени в Азове находились три солдатских жилых полка (2286 чел.), в приморской крепости Троицкой (Таганроге) размещались также три полка (2400 чел.)⁴⁴.

Всего именной список офицеров, наказанных за различные уголовные и дисциплинарные проступки, посланных в Азов «на вечное жилье», в сентябре – октябре 1705 г. содержит фамилии и имена 38 чел.⁴⁵ В большинстве своем это помещики, владевшие поместьями и вотчинами⁴⁶, что позволяло им построить (купить⁴⁷) дворы с банями на новом месте службы, однако за пользование ими с 1704 г. они начали платить банный налог.

Именной указ монарха от 9 февраля 1704 г. предписал стольнику Алексею Синявину переписать «Всего Московскаго Государства» бани и установить новый окладный денежный оброк с их владельцев: с бояр, окольных, думных дворян и гостей по 3 р.; стольников, дворян, дьяков и подьячих приказов, купцов, церковных чинов, детей боярских, офицеров из природных россиян по 1 р., а у крестьян с бани – по 15 к. в год. Для тех кто «не бив челом» и не подав челобитную в Ижорскую канцелярию, возвел во дворе баню, повелевалось взыскивать «за построение [домашней] бани утайкою пени по 50 рублей».

Правительство стремилось изыскивать в государстве все новые контингенты владельцев, плативших денежный оброк с домовых бань, и увеличивать его размеры.

Так, именной указ от 14 ноября 1704 г. обязал собирать с бань села Покровского оброк против московских жителей по 1 р. в год. В Воронеже, бывшем с 1695 по 1711 гг. центром судостроения Азовского флота, где существенно увеличилось население, налог в размере 1 р. платили воронежцы, «на которых домах домовныя ж бани есть, оброк брать на тех людях, кто на тех дворах живет, и кому те дворы для приезду отданы». Со служилых низовых казаков и стрельцов, бывших на военной службе, брали по 15 к. с бани в год.

Именным указом от 5 января 1705 г. денежный оброк по 15 к. с бани был установлен для детей боярских, однодворцев, ямщиков, церковников, «маломочных и скудных служивых», драгун, пушкарей и «иных нижних чинов людей». Торговые люди, имевшие «пожитков» менее 50 р., платили 15 к., а 50 р. и более – 1 р. с бани в год.

Основная причина уменьшения размеров оброка – потому что в 1704 г. «с тех бань за скудостью против указа рублевых денег не платили и оплатиться с правежа нечем...» Однако те, «которые за указом домашния свои бани сломали, а иные переделали в избы, не хотя оброчных денег платить, и с тех имать оброк, что с кого надлежит по указу».

Военные (морские) и прочие чины, переведенные «на вечное житье» в новозавоеванные города, у которых после убытия их дворы и бани остались «пусты», по прежнему месту жительства оброк не платили вовсе. Если бояре, окольные, думные дворяне и гости, платившие оброчных денег с домашних бань по 3 р. в год, передали их родственникам или продали лицам, которым по указу предписано вычитать за пользование банями 1 р., то с новых владельцев «тех бань оброку имать ... по 3 рубли на год».

Оброчные деньги не удерживались с тех владельцев домашних бань, у которых бани сгорели, стали негодными в результате стихийного бедствия или «от инаго какого разорения придут в убожество и скудость», что не позволяло бедным крестьянам (посадским людям) и нижним чинам построить новые бани, «и оброку им платить будет нечем или не в мочь...»⁴⁸

Однако недостаточность денежных средств в крестьянских и посадских общинах, которые при Петре I несли основное тяжелое

налоговое бремя, и постоянная нужда в деньгах воюющей страны (с 1706 г. «велено збирать деньги, которые не годятца в службу, и с отставных [военных из дворянского сословия], и с вдов, и с девок, и с недорослей»⁴⁹) привели к тому, что власти вынуждены вновь уменьшить размеры оброка с домовых бань.

Указ от 12 июня 1705 г., состоявшийся в Ингерманландской канцелярии, предписал брать «на Москве и во всех городах Его Великого Государя» с домовых бань оброчных денег по 10 к. в текущем и в следующих годах – с дворцовых, патриарших, архиерейских, монастырских, церковных, помещиковых и вотчинниковых крестьян и деловых людей.

13 июня 1705 г. состоялся приговор А.Д. Меншикова, предписавший, чтобы с домовой бани, находившейся в общем владении у нескольких хозяев, брали оброк как «с одного человека за одну баню, а не со всякаго человека порознь (с офицера 1 р., с нижнего чина армии (флота) и им равного – 15 к., с крестьянина – 10 к. в год. – *И.Д.*)»⁵⁰.

К примеру, к 1710 г. приморской крепости Азова только в Никольском приходе было построено 468 офицерских и солдатских изб «бревенных сосновых», 150 еловых и 50 бань на подворьях, а в Сергиевском приходе – 120 изб и 26 бань⁵¹. Бани были положены в оклад, и с них офицеры, унтер-офицеры, солдаты (матросы) платили в казну оброчные деньги.

Неудачный для русской армии Прутский поход 1711 г. и заключенный затем мирный договор привели за относительно небольшую цену уступок к выходу из войны с турками, однако приморские крепости Азов и Таганрог, как форпосты России на юге, были утрачены.

По условиям мирного договора Азов был передан туркам 12 января 1712 г.⁵²

29 января 1712 г. английский посол при царском дворе Ч. Витворт сообщал в Лондон, что в Азове «укрепления снесены, пригороды сожжены, дома разрушены все, кроме одного или двух, купленных турками для их надобностей... Таганрог тоже [полностью] разрушен»⁵³.

Острая нужда в деньгах и поиск дополнительных средств пополнения казны подвигли монарха на обнародование именного указа от 7 января 1704 г. на отдачу всех торговых бань в государстве на откуп. Повелевалось ведать денежный сбор с торговых бань

в Ижорской канцелярии А.Д. Меншикову, а у того сбора находиться стольнику Алексею Синявину.

Указ в преамбуле объявлял, что в Москве и других городах торговые бани отданы на откуп сроком от пяти и десяти лет и больше, по пожалованным грамотам монастырям и всяким прочим чинам людям, которые, однако, оброки в государеву казну не платят.

Предписывалось допросить прежних обротчиков, уточнить размеры оброка и затем переобротчить вновь и отдать бани с торгу из наддачи⁵⁴, «прикладывая пошлины по указу».

Минимальный срок аренды должен был составлять три года, а на более чем пять лет торговые бани без торга и наддачи на откупа никому не отдавать. Всем обротчикам, участвующим в торге, иметь с собой поручительные записи и представлять только состоятельных поручителей. Организаторы торгов должны были следить, чтобы обротчики между собой не договаривались по цене и не совершали других противоправных деяний.

Если же торговые бани были построены на обротчиковых крепостных дворовых землях, а у тех бань по отдачам на откуп сроки не вышли, их следовало переобротчивать, но «охочим людям на откуп не отдавать вновь из наддачи». Новые торговые бани предписывалось строить в городах в удобных для жителей местах, но на таком расстоянии от имеющихся в наличии, чтобы у «старых бань в платежах оброков недоборов не было».

Торговые бани запрещалось возводить в городах и на посадах, в двorcовых селах и подмонастырских слободах на дворах «всяких чинов людей». Строительство торговых бань в населенных пунктах начиналось только при их численности от 500–1000 дворов и более, под контролем специально направленных из Ижорской канцелярии дворян. Затраченные материальные и денежные средства на сооружение бани засчитывались в платеж оброка: «Им Дворянам искать из того Великому Государю прибыли, и отдавать те бани на оброк охочим людям, на урочные годы». Если же обротчики не желали строить новые торговые бани, их предписывалось возводить бурмистрам, и быть тогда у банных сборов «верным Головам и целовальникам». Все имеющиеся на дворах торговые бани предписывалось сломать, наложить пени по 5 р. на человека, и эти штрафные деньги присылать в Москву.

После того как имеющиеся торговые бани после проведенного публичного торга были отданы на оброк с взятием поручных

записей, а после будут челобитчики, которые предложат больше выплачивать оброку, то новым откупщикам отдавать бани, но после того, как закончится срок у предыдущего откупщика. Банные откупщики должны были вносить в казну оброчные деньги ежемесячно, разрешалось принимать их до срока полгода и год.

Все челобитные «о банных ссорах» рассматривались в Ижорской канцелярии.

Всем воеводам в новозавоеванных городах и на судостроительных верфях, куда на «вечное житье» или на сезонные работы были направлены большие контингенты работных людей, а также где были дислоцированы войска, повелевалось построить торговые бани.

Предписывалось содержать обслуживающий персонал: подьячих, сторожей, работников, солдат торговых бань за счет банных сборов и выплачивать им годовое денежное жалованье, наравне с окладами чинов, находившихся в Ижорской канцелярии⁵⁵.

7 января 1704 г. состоялся еще именной указ монарха, объявленный из Разряда Сибирскому приказу «О построении в Новгороде, Пскове и других городах торговых бань, об отдаче оных на откуп и о ведении сего сбора в Семеновской приказной палате».

Указ требовал «для нынешняго военного времени» построить торговые бани в Новгороде, Пскове, в городах, которые являлись передовой тыловой базой русской регулярной армии, успешно воевавшей против шведских войск в Эстляндии и Лифляндии.

Именно в Великом Новгороде и Пскове, после нарвского разгрома 1700 г., остатки подразделений низовых казаков, стрельцов, военных чинов «иноземного строя», городских дворян и посадских людей использовались Петром I и его сподвижниками как ближайшее ядро для пополнения первого формирования полков и учреждения новых воинских частей.

Так, во второй половине декабря 1700 г., месяц спустя после нарвской «конфузии», на рубежах военного противостояния со шведами находились в Пскове 22 207 чел., в том числе 7290 украинских казаков, в Печорах – 1118 стрельцов, в резерве в Великом Новгороде после ухода в Москву лейб-гвардии осталось 20 299 чел. – всего более 43 000 чел. Значительные по численности гарнизонные полки были в пограничных крепостях: Ладоге, Гдове, Олонце⁵⁶.

Кроме того, туда непрерывно из рекрутских станций поступали с отводчиками маршевые команды новобранцев. Войска и рекруты постоянно нуждались в регулярном банном обслуживании,

а имеющиеся в наличии производственные мощности торговых бань не могли его обеспечить.

Новые торговые бани в городах предписывалось строить бурмистрам на средства Земских изб, в пригодных местах и «во всем против Московских торговых бань». После окончания строительства торговые бани под контролем бурмистров отдать на оброк тем лицам, которые на торгах предложат большую сумму оброчных денег, имеют поручные записи и надежных поручителей. С 1 января 1704 г. сборы банных денег предписывалось вводить в Семеновской Приказной палате, в том числе и тех торговых бань, которые были построены до объявленного указа. Воеводы должны были ежегодно представлять в Разряд (Военный приказ) «подлинную ведомость» о наличии и состоянии торговых бань⁵⁷.

Закладка города святого апостола Петра на крайнем западе российских владений, на первом же отвоеванном у шведов клочке побережья Балтийского моря в 1703 г., показала ближайшие намерения монарха-преобразователя⁵⁸ возвести не только город-крепость, но учредить судостроительные верфи, Адмиралтейство, создать инфраструктуру военного порта. Строительство Санкт-Петербурга потребовало привлечения из уездов страны огромного количества работных и мастеровых людей. Первое время на всех работах широко использовались солдаты и матросы⁵⁹, которые из-за сложных географических и физико-климатических особенностей преимущественно болотистой местности Петербурга, вызывавших возникновение инфекционных и простудных болезней и их последующее развитие в различных формах, остро нуждались в лечении и в банном обслуживании.

Очень любил париться и лечиться в русской бане и сам Петр I. И независимо от того, где бы монарх ни находился, у себя в стране⁶⁰ или за границей в западноевропейских государствах⁶¹, он всегда велел ее строить. Более того, находясь в Голландии в 1697–1698 гг. и работая на верфи, он лично, рядом с домом в Зандаме, выстроил баню⁶². В своем горячо любимом «парадизе» неутомимый труженик на русском троне также имел баню, расположенную в его царском дворе, и «нередко в нее с денщиками хаживал»⁶³.

Власти осознавали оздоровительные и лечебные свойства бань. Так, 10 марта 1705 г. ответственный за возведение объектов князь Р. Мещерский писал коменданту Олонецкого уезда И.Я. Яковлеву из Санкт-Петербурга, что на Адмиралтейском дворе построена баня⁶⁴.

Для ускорения работ, в соответствии с традициями Русского Севера, строительство жилых изб, амбаров, бань и других зданий велось из заранее доставленных комплектов бревен, брусев, прочих типовых деревянных деталей и изделий⁶⁵. Сборка привезенного в разобранном виде сруба занимала у бригады плотников не более двух-трех дней работы⁶⁶.

Личный состав Санкт-Петербургского гарнизона (четыре полка⁶⁷), который при Петре I был как городское предместье, размещался за палисадами в полковых слободах⁶⁸, где на своих дворах часть офицеров и нижних чинов построили домовые бани. Так, «Ведомость» за подписью коменданта Дена Бильса, датированная августом 1710 г., фиксирует в Санкт-Петербурге наличие 127 офицерских дворов, на них строений: 47 светлиц, 165 изб, 63 бани, а солдатских и пушкарских имелось 470 дворов, на них строений: 512 изб и 135 бань⁶⁹.

Акт проверки противопожарного состояния печей и кровли домов жителей Адмиралтейского острова, относящийся к августу 1711 г., зафиксировал, что из 271 двора, принадлежность которых указана, примерно около половины являлись собственностью различных морских и адмиралтейских чинов, как природных русских, так и иноземцев⁷⁰.

Таким образом, общее количество дворов, принадлежащих офицерским, артиллерийским, морским и военным чинам в Санкт-Петербурге в 1710–1711 гг. составляло 730, что, с учетом дворов обывателей, близко к цифре, около 800 дворов с 8000 жителей, проживавших в 1711 г., что подсчитал известный историк северной столицы С.П. Луппов⁷¹.

22 января 1712 г. английский посланник при царском дворе Ч. Витворт сообщал в Лондон статс-секретарю по иностранным делам С. Джону, что в отличие от завоеванных русскими городов Риги, Дерпта и Нарвы, «Петербург же сильно растет по числу домов: их теперь на разных островах и на ингерманландской стороне Невы разбросано около 1500»⁷².

Однако большинство построенных дворов являли собой контраст по сравнению с застройкой на центральных набережных. Автор трактата «Точное известие о ...крепости и городе Санкт-Петербург...» писал, что «ниже по течению реки [в глубине Петербургского острова] находится слобода русского простонародья, или предместье, где живет преимущественно чернь... Затем следует Татарская

слобода, где живут сплошь татары, калмыки, казаки, турки и другие подобные народы в соответствии со своими обычаями»⁷³.

По данным историка петровского Петербурга О.Е. Кошелевой, в вышеназванных слободах дворовые строения обывателей обычно состояли из избы с печью, с сенями, у большинства хозяев имелись еще и домовые бани, в которых обязательно ставилась печь⁷⁴.

По подсчетам С.П. Лупшова, в 1716–1717 гг. в трех основных районах Санкт-Петербурга – на Московской и Выборгской стороне и Городовом (Петербургском) острове офицерам и нижним чинам принадлежало 1143 двора, или 45 % всех домов⁷⁵, то есть их количество за 5–6 лет увеличилось в 1,5 раза и столица фактически стала городом военных.

Вполне естественно, что в столице увеличилось и количество бань, как домашних, так и для удовлетворения гигиенических потребностей войск, и это тоже не осталось незамеченным.

К примеру, брауншвейгский резидент при царском дворе Ф.-Х. Вебер в 1714 г. писал, что за Финской слободой, в лесу у небольшой речки было выстроено более тридцати бань⁷⁶.

Можно предположить, что эти бани предназначались для помывки новобранцев, прибывающих в столицу в маршевых командах из губернских рекрутских станций и направлявшихся для пополнения Финляндского корпуса, нижние чины которого болели цингой и другими болезнями, и эвакуировались для лечения в Санкт-Петербургский госпиталь.

Так, по состоянию на 28 мая 1714 г. в военном госпитале находилось 1383 больных и раненых нижних чинов из семи полевых пехотных полков русской армии (Лефортовского – 57 чел., Рязанского – 215 чел., Гренадерского – 230 чел., Воронежского – 318 чел., Копорского – 92 чел., Шлиссельбургского – 233 чел., Тобольского – 248 чел.)⁷⁷.

В течение лета их численность еще больше возросла, и на 2 сентября на стационарном лечении находились раненые и больные солдаты и унтер-офицеры из дивизий генералов: В.В. Долгорукова – 337 чел., А.А. Вейде – 1122, М.М. Голицына – 849, а всего 2308 чел.⁷⁸

27 апреля 1715 г. командующий Финляндским корпусом генерал князь М.М. Голицын в письме-докладе сообщал генерал-адмиралу графу Ф.М. Апраксину из Або, где находился временный полевой военный госпиталь: «Прошу В.С. дабы приказали взять с собой медикаменту на полки, понеже здесь 2 доктора, а больных зело

умножилось и не мало помирает, а оные отговариваются, что надлежащего к тем болезням нет медикаменту»⁷⁹.

Также 13 мая 1716 г. генерал-адмирал Ф.М. Апраксин писал генерал-фельдмаршалу А.Д. Меншикову из Або, после проверки готовности галерного флота к походу в Швецию: «Прошу о немедленном сюда отправлении провианту, рекрут и медикаменту, понеже в том здесь обстоит самая нужда; истинно доношу больных во всех полках [Финляндского корпуса] более 5000 [человек], а лекарств ничего [в аптеках] не имеем, помирают туне»⁸⁰.

Заболевания цингой в Финляндском корпусе усилились в кампанию 1717 г. Больных нижних чинов лечили настоем хвои, почек и молодых побегов в кипяченом пиве⁸¹.

Раненые и больные военные и морские чины, бывшие на излечении, мылись в госпитальных банях. Каждый сухопутный и морской госпиталь мог иметь несколько бань⁸².

Во всех госпиталях была налажена стирка нательного и постельного белья. Помывка больных в госпитальных банях проводилась во временные сроки, установленные доктором.

Так, 2 августа 1710 г. по указу Петра I стряпчему с ключом П.Б. Сумарокову: «Велено тебе быть для надзору и призрения разных полков у больных солдат». В казармах, где «больные солдаты будут лежать, осматривать и очищать, чтобы всегда было ... чисто, а на них солдатах черные рубашки переменять и перемывать, чтоб [они] были белые»⁸³.

Генеральный Регламент о госпиталях предписывал содержать в военном (морском) госпитале работниц для мытья платья, нательного и постельного белья больных, дифференцированных по болезням, из расчета на одну «бабу» к: 20 трудным поносным; 30 средним поносным; 40 трудным, кроме поносных; 50 больным средним и легким⁸⁴.

Постепенно основное местопребывание личного состава Балтийского флота переместилось из невской столицы на Котлин. Бывший шведский пленник полковой аудитор Л.Ю. Эренмалм, находившийся в 1710–1712 гг. в русском плену, после своего освобождения написал о проживании русских моряков на Котлине: «На этом острове морские офицеры имеют свои дома, в которых живут летом, когда здесь стоят их корабли; в мое время говорили, что через год они совсем переедут из Петербурга в Кроншлот, после того как корабли или флот будут иметь зимний лагерь не в Петербурге, а в Кроншлоте»⁸⁵.

Архивное «Ведение» от 1 сентября 1714 г. показывает, что в Кроншлоте было 293 двора с 473 избами – светлицами и черными избами, 44 бани, которые принадлежали штаб- и обер-офицерам, урядникам, нижним чинам⁸⁶. Другое «Ведение», также от 1 сентября 1714 г., дополняет, что еще в Александровской крепости на острове Котлин находилось 120 светлиц и черных изб, 21 домовая баня, являвшихся собственностью офицеров и солдат⁸⁷.

Согласно архивному «Реестру дворам котлинских жителей, где надлежит быть пруду (докам. – *И.Д.*), и где с канала и с пруда сыпать землю», составленного 18 мая 1720 г., среди 213 дворов военных, морских и артиллерийских чинов было 77 бань⁸⁸. Более того, и моряки-иностранцы котлинской эскадры также построили на своих дворах русские бани⁸⁹.

Строителями при прокладке канала к доку по состоянию на 15 сентября 1720 г. было сломано 40 домашних бань, власти оценили стоимость каждой бани в 2 р.⁹⁰ Впоследствии их восстановили при возведении дворов в новой слободе, учрежденной царем на Котлине.

На Котлинской (Кронштадтской с 1723 г.) и Ревельской эскадрах для помывки корабельных нижних чинов и унтер-офицеров при нахождении на базе, после завершения кампании флота и разоружения судов, были построены большие адмиралтейские бани⁹¹.

В своем сочинении англичанин Джон Ден, прослуживший с 1712 по 1721 гг. на фрегатах и линейном корабле в петровском флоте, которое является ценнейшим и единственным источником по истории русского военно-морского флота, написанным современником, тремя годами спустя, после увольнения в отставку, отмечал, что русские люди «так привержены к баням, что, если не сходят в нее хоть раз в неделю помывться, их вконец одолевают насекомые (вши, блохи, клопы. – *И.Д.*)»⁹².

Нижние чины и унтер-офицеры с линейных кораблей и военных (ластовых) судов, стоявших на рейде, в бани для помывки и обратно доставлялись на ботах и шлюпках⁹³.

2 февраля 1720 г. из Канцелярии полицмейстерских дел был объявлен именной указ самодержца, что в Санкт-Петербурге домовые «бани строить везде позволяется, а прочее строение [вести] по указу»⁹⁴. Домовые бани в районе северной столицы возводились, по сложившейся исстари русской строительной традиции, в основном, из лесоматериалов⁹⁵, однако у аристократов, канцлера Российской империи графа Г.И. Головкина, вице-канцлера барона

П.П. Шафирова и других сподвижников Петра I, были возведены каменные бани⁹⁶.

Нижние чины армии и флота, стоящие на постое, мылись в хозяйских банях. Постоянная повинность являлась одним из наиболее тяжелых видов повинностей, возложенных на население России. По указу Петра I от 25 мая 1718 г. «солдат ставить всем на дворы по пропорции, какаго б кто рангу ни был»⁹⁷. Освобождений от постоя в Петербурге, Кронштадте, Ревеле⁹⁸ было мало. Казарменно-жилищный фонд там был незначителен⁹⁹.

От постоев в северной столице освобождались только дворцовые плотники, «так как они постоянно были на работе», подьячие Правительствующего Сената «за приказные их труды», священники, при наличии у них одного дома¹⁰⁰, а также «пивные компанейщики», на дворах которых хранилось пиво¹⁰¹, и особо «господин Бас», генерал-майор И.М. Головин¹⁰².

4 марта 1715 г. Петр I направил распоряжение обер-коменданту Ревеля генерал-майору В. Фондезину, в котором предписал ставить на постой военных и морских чинов у всех ревельских мещан, кроме бургомистра и «церковных и шляхтичных дворов»¹⁰³.

Местная администрация распределяла нижних чинов на постой в дома по числу печей, не делая никакой скидки на служебное и сословное положение владельца частного жилья. Поэтому солдаты и матросы (3–4 чел.¹⁰⁴ и более¹⁰⁵) на постое могли находиться у своего сослуживца, владельца двора, в крестьянской избе и доме сановника¹⁰⁶.

Например, на воинском постое в осень – зиму 1716–1717 гг. в одном из трех домов К.И. Крюйса, расположенных на Адмиралтейском острове, содержался 21 матрос¹⁰⁷, а в деревне Курбеоке Выборгского уезда Петербургской губернии (88 душ мужского пола и 43 бобыля), пожалованной Петром I вице-адмиралу за большие заслуги, стояли 62 драгуна¹⁰⁸.

Как в столице, так и на Котлине, жилища нижних чинов армии и флота, с содержавшимися на постое в их избах сослуживцами, отличались крайней теснотой¹⁰⁹.

К примеру, в 1720 г. на «дворе матросов морского флота» вместе проживали корабельные матросы С. Никитин, И. Соколов, А. Кувалдин, И. Денисов, И. Зимин, В. Белый, Ф. Богатый, М. Пышников и конопатчик И. Лищуков (всего девять чел.), а «на том дворе

строения изба бревенчатая с сениями дощатыми, баня с предбанником, дощатые ворота, да огород...»¹¹⁰ Несколько меньше находилось на постое у фельдшера Новгородского солдатского полка Г. Петрова – 7 чел.; у матросов с линейных кораблей: Е. Орлова («Гангут») – 6 чел.; Л. Юрьева («Ревель») – 5 чел.; А. Курмина (название корабля в источнике отсутствует) – 3 чел. Вероятно, что «с комфортом» размещались в двух избах и мылись в бане, принадлежащих матросу Ф. Белоусову («Шлиссельбург»), четыре его сослуживца¹¹¹.

Однако об уменьшении числа постояльцев не могло идти даже речи. В Петербурге в 1724–1727 гг. «ставились жителям на постой» большинство из 12 000 солдат и унтер-офицеров, в том числе нижние чины лейб-гвардии Преображенского и Семеновского полков, не имевших казарм¹¹². Тогда как в городе в 1722 г. весь жилищный фонд составлял 4163 двора¹¹³, кроме Васильевского острова, где в 1725 г. находилось еще 463 (489) дома¹¹⁴.

И хотя 2 сентября 1723 г. император Петр I издал указ, где постоянная повинность в столице заменялась ежегодным денежным сбором с обывателей¹¹⁵, однако процесс перевода нижних чинов армии и флота в казармы, после его смерти, растянулся на десятилетия.

Запреты и ограничения Петра I по вырубке леса¹¹⁶ («о разведении и соблюдении лесов изданы были Государем многие указы строгие, и сие было одним из важных его предметов [деятельности]»¹¹⁷) являлись причиной большой дороговизны дров, что оказывало существенное влияние на их нормирование для различных потребителей в армии и во флоте.

Морякам-иноземцам на хозяйственно-бытовые нужды выдавалось, до введения указа Петра I «О производстве жалованья чинам флота» от 25 ноября 1706 г., сажень дров: капитану корабля – 5; капитан-поручику – 4; поручику, подпоручику, штурману, подштурману, лекарю, боцману, констапелю – 3; боцманматам и матросам, состоявшим в браке – 2, а холостым – 4 (на 7 чел.) в год.¹¹⁸

Именно дороговизна дров, «от чего происходила народная тягость», вызывала необходимость привозить их в столицу издалека¹¹⁹, тем самым способствуя постоянному росту их стоимости. Так, в 1706–1707 гг. в любимом «парадизе» царя березовые дрова подражались по цене 23 алтына 2 денги за сажень, а сосновые – 24 алтына 4 денги¹²⁰, в 1718–1719 гг. – 1 р. 3 алтына 2 денги¹²¹, в 1720 г. – уже

по 1 р. 16 алтын 4 денги за сажень без провозу¹²² и 2 р. с доставкой¹²³, в 1722 г. – 1 р. 16 алтын 4 денги¹²⁴ – 1 р. 26 алтын за сажень¹²⁵, в 1723 г. – 1 р. 26 алтын 2 денги за сажень¹²⁶, в 1724 г. – 1 р. 90 к.¹²⁷ В отдельных случаях, в 1713 г. и 1724 г. в столице за сажень дров платили и по 3 р.¹²⁸

Важно отметить, что, несмотря на дороговизну дров, военные и морские чины, традиционно приверженные к чистоте собственного тела, приобретали их на рынках для топки бань, так после помывки многие оставались там и ночевать на теплой печи (лежанке).

Автор «Точного известия...» писал, что «дрова еще как-то можно раздобывать, тонкие и мелкие со временем доставляют хотя бы издалека водой. Тем более что его царское величество под страхом смертной казни запретил срубать в С.-Петербурге и особенно на острове Ретусари (Котлине. – *И.Д.*) хотя бы ветку, не говоря уже о [целом] дереве»¹²⁹.

Правительство было вынуждено заняться регулированием цен на дровяное топливо.

11 декабря 1719 г. монарх разрешил свободную рубку леса на строение и дрова для жителей столицы от речки Славянки, по обоим берегам Невы и прочим рекам от Шлиссельбурга и далее по всем участкам, отступая от берегов на 1000 сажень (2133,6 м), потому что «в лесу (в стройматериалах. – *И.Д.*) и дровах учинилась великая дороговизна»¹³⁰.

13 декабря 1719 г. самодержец уточнил организацию заготовки дров, предписал генерал-полицмейстеру А.М. Девиеру осуществлять работы только по порубочным билетам, командой не менее в 20 человек, «дабы от помещиков в рубке в их дачах лесов не происходило воспряжения, обиды и грабежа»¹³¹. 22 января 1720 г. был издан именной указ Петра I, который регулировал покупку у подрядчиков и продажу дров в северной столице¹³².

8 марта 1720 г. он фактически повторил положения своего указа от 11 декабря 1719 г., разрешив рубку лесов около Петербурга «в позволенных местах всем невозбранно»¹³³.

С 14 декабря 1719 г. солдатам, проживавшим в казармах, установили единые нормы ежедневного отпуска дров¹³⁴. Всего на роту отпускалось $1\frac{1}{2}$ аршина ($7\frac{1}{2}$ пуда) дров¹³⁵.

Дрова для отопления казарменных помещений, выпечки хлеба и приготовления пищи, нагрева воды в банях заготавливали специально назначенные воинские команды¹³⁶.

Рубке в лесу подлежали деревья диаметром не более $1/2$ фута и на заготовительных участках, определенных местными властями¹³⁷, в соответствии с письменным разрешением¹³⁸, к примеру, по берегу реки Тосно¹³⁹, так как самовольная вырубка деревьев в районе Петербурга ослушниками, по указам монарха, каралась смертной казнью¹⁴⁰.

Перед началом кампании флота командующий Котлинской (Ревельской) эскадрой направлял в Адмиралтейский приказ (Адмиралтейств-коллегию) рапорт, где просил обеспечить линейные корабли и военные (ластовые) суда, береговые части дровами¹⁴¹.

Из всех видов повинностей, установленных для населения Ревеля, после его перехода в 1710 г. под власть русской короны, наиболее тяжелой была постоянная повинность. Она противоречила всему протестантскому укладу их жизни¹⁴². 12 декабря 1724 г. оберкомендант Ревеля генерал-майор В. Фондезин докладывал губернатору Ф.М. Апраксину, что «обыватели от великого постоя пришли во всеконечное разорение...»¹⁴³

Жалобы мещан на стоящих на постое в их домах солдат и матросов имели – те, пользуясь снисходительностью командиров, сжигали при отоплении и приготовлении пищи, при помывке в бане большее количество дров, чем требовалось, воровали у хозяев продукты и вещи, «причиняя обывателям тесноту и разорение»¹⁴⁴.

На квартирах местных жителей «в удобных местах»¹⁴⁵ находились 118 обер-офицеров, 321 унтер-офицер, 552 пушкаря, 2889 солдат и матросов, 579 их жен, 257 детей¹⁴⁶.

Кроме того, под жилье рядовых четырех пехотных полков русской армии¹⁴⁷ в городе были использованы 50 конюшен и 12 хлебов «скотских». Всего с учетом других контингентов (чиновники различных коллегий) на постое состояли 5482 чел.¹⁴⁸, тогда как по состоянию на 6 декабря 1711 г. в Ревеле имелось 486 домов, оставшихся пригодными для жилья после обстрела города русской артиллерией, из них 369 каменных, 74 деревянных строения, а также 43 дома «поповых, учителей и школе надлежащих», в которых проживали 1732 чел. мещан и 309 «шляхты» мужского и женского пола с «челядью»¹⁴⁹. Численность населения Ревеля с пригородами в первой половине 1710 г. составляла 13 000–14 000 чел.¹⁵⁰

24 февраля 1725 г. бургомистр Ревеля направил письмо Ф.М. Апраксину, где сообщал генерал-губернатору Ревельской губернии, что в городе, пока он до 29 сентября 1710 г. принадлежал

шведской короне, постоя войск не было¹⁵¹, и просил принять практические меры для облегчения постоянного бремени местных жителей¹⁵².

Однако среднее количество проживающих на постое моряков в домах ревельских обывателей не превышало 3–4 чел.¹⁵³ Эти показатели соответствовали установленной норме размещения военных и морских чинов в других городах Российской империи. Например, даже на Котлине после постройки казарм в 1721–1722 гг., представлялось «здоровым и больным (матросам. – *И.Д.*) квартиры на каждую избу здоровых по 3 человека...»¹⁵⁴

И все-таки 6 июня 1725 г. генерал-адмирал Ф.М. Апраксин отдал распоряжение командующему Ревельской эскадрой контр-адмиралу Дуффусу¹⁵⁵ и вице-губернатору Ф. фон Левену о том, чтобы впредь морским офицерам и приезжающим в город чиновникам «квартиры безденежно не давать», дрова «на варение еств и печение хлеба» бесплатно не отпускать¹⁵⁶, продолжить строительство казарм для нижних чинов¹⁵⁷, для чего в городе и его предместье магистрат выделил участки земли¹⁵⁸. Всего за 1721–1725 гг. в Ревеле было построено шесть казарм с отдельными кухнями и банями, расположенными в одну линию¹⁵⁹.

Дороговизна дров ощущалась и в пунктах базирования Балтийского флота – Кронштадте, Ревеле¹⁶⁰. К примеру, из-за запретов рубки местными жителями «годнаго на большия мачты и заповеднаго леса» в районе Нарвы¹⁶¹ дефицит в Ревеле с дровами был таков, что даже Петру I в 1720 г. для варения пива и браги на царскую пивоварню отпускали только «негодные леса», так как «дрова здесь зело дороги»¹⁶². Поэтому дрова для бытовых потребностей Ревельской эскадры и других войск местного гарнизона экипажмейстеры на военных (ластовых) судах привозили из Финляндии (до 1721 г.) и закупали у подрядчиков¹⁶³.

В последующие годы цены на дровяное топливо увеличились не только в северной столице¹⁶⁴, но и в первопрестольной¹⁶⁵, где Петром Великим было учреждено отделение Адмиралтейств-коллегии – Адмиралтейская контора.

2 марта 1720 г. самодержец запретил строительство домашних бань лицам «из подлого народа», то есть податных сословий¹⁶⁶, отныне они должны мыться в торговых банях, построенных казной и переданных после публичных торгов на оброк, с уплатой пошлины. Основная причина запрета мыться «подлым» людям «в сухое летнее

время» в домовых банях заключалась в «предосторожности от пожарных случаев»¹⁶⁷, а также чтобы иметь дополнительную прибыль в казну, полученную от их массовой помывки в торговых банях.

Власти по традиции принимали законодательные меры по предотвращению пожаров, в инструкции вновь назначенным воеводам обязательно имелся параграф, чтобы «в городех и слободах в летнюю пору велеть учинить заказ крепкой, чтоб всякие люди летом изб и бань не топили...», «опричь торговых бань». Также они осуществляли визуальный контроль, путем круглосуточного патрулирования городских улиц «объезжими головами», регулярно проверяли исправность противопожарных средств, хранившихся на посадских дворах¹⁶⁸.

Так, 23 июня 1719 г. Петр I издал именной указ, в котором предписал генерал-полицмейстеру А.М. Девиеру следить, чтобы в Санкт-Петербурге жители топили в летнее время печи в избах и банях только один раз в неделю по субботам. И штрафы следовало брать с ослушников за нарушения дифференцированно, и причем, только по сословиям («вышним» и «подлым»). Так, штраф за первое нарушение для представителей «вышних» составлял 50 к. для «подлых» – 25 к., да за привод в полицию каждый из них платил по 13 к. отдельно, при втором нарушении и приводе штраф увеличивался вдвое, при третьем – втрое, а при четвертом предписывалось «чинить наказание, бить батоги нещадно...»¹⁶⁹

Однако нет никаких документальных свидетельств о том, что указ от 2 марта 1720 г. о запрете строительства «подлыми людьми» домашних бань в столице был выполнен¹⁷⁰, по-прежнему в стране продолжались окладные сборы с владельцев этого вида русских бань.

В 1724 г. по окладным сборам «с домовых бань разночинцев» в Российской империи получен доход в размере 40 293 р. 50 $\frac{1}{2}$ к., а с крестьянских домовых бань – 26 609 р. 64 к. В начале августа 1724 г. Петр I решил отменить сбор денег с крестьянских домовых бань и поставил в «Табеле о таможенных и кабацких и канцелярских и оброчных и других окладных сборах и неокладных сборах...» «крыж (+)», а перед строкой «с домовых бань разночинцев» – «округлил», тем самым оставил «в сумнительных впредь к рассмотрению»¹⁷¹.

16 декабря 1724 г. Правительствующий Сенат по доношению Камер-коллегии отменил взимание банных денег только с тех нижних чинов, которые положены в подушный оклад (однодворцев),

а также и с остальных категорий крестьян, и исключил их из оклада¹⁷².

Более того, в изданных нормативно-законодательных актах пре-емниками Петра Великого на российском троне излагаются меропрятия по увеличению суммы сборов, устанавливаются временные сроки переписи домашних бань, исключаются с оклада банных денег отставные военные чины, и, наконец, отменяется плата для всех подданных в 1775 г.

7 февраля 1727 г. состоялся приговор Правительствующего Сената, чтобы «домовых бань в С.Петербурге до указа не переписывать, и сбору с них никакого не собирать»¹⁷³.

8 августа 1761 г. правительство предписало Камер-коллегии впредь составлять описи домовым баням каждые три года, увеличить сбор денег, для чего проверить наличие ведомостей по всем губерниям. Причина появления данного указа – большой недобор банных денег. Так, в 1757 г. по Табелю государственных доходов с домовых бань оклад – 22 302 р., фактически собрано 10 888 р., то есть почти в четыре раза меньше, чем при Петре Великом «с домовых бань разночинцев» в 1724 г., в недоборе («доимке») 12 216 р., в том числе с бань, пришедших в негодное состояние и исчезнувших («за пустою»), 9213 р.¹⁷⁴

19 декабря 1771 г. императрица Екатерина II своим указом отменила оброк с городских домашних бань у отставных офицеров, унтер-офицеров и рядовых¹⁷⁵. Она же по случаю мира, заключенного с Портою Оттоманскою, 17 марта 1775 г. даровала милость и военным и морским чинам, находившимся на действительной военной службе: «Отрешаем сбор с домовых бань в городах и уездах с помещиков и вотчинников и всякого чина и звания людей и церковных причетников, и повелеваем онаго впредь не собирать и не платить»¹⁷⁶.

Наряду с домашними банями, по данным историка северной столицы А.И. Богданова, при правлении Петра Великого в городе имелись торговые бани, расположенные: 1. «...на Санктпетербургской стороне, на Малой Неве, у Аптекарского Острова, против Синявина баталиона. 2. На другой Малой Невке в Мокруше, против Васильевского Острова... 3. На Литейной Стороне... на Пустом Рынке. 4. ...позади Галерного двора, на Речке Мойка»¹⁷⁷.

Опубликованные результаты исследований и законодательные акты показывают, что в 1718 г.¹⁷⁸ и 1722 г. казной были построены

две торговые бани на Аптекарском острове и одна после 1725 г. на Васильевском острове, которые на публичных торгах отдали на откуп.

Еще при жизни императора Петра I по его указу Полицмейстерская канцелярия начала возведение на Мойке за Галерным двором трех каменных адмиралтейских бань¹⁷⁹. Основная причина в том, что построенная еще в 1705 г. деревянная баня на Адмиралтейском дворе из-за увеличения численности нижних чинов линейных кораблей и военных судов после завершения кампании флота из-за ветхости с трудом обеспечивала их помывку. К примеру, в 1725 г. на Адмиралтейском дворе в 36 морских казармах зимовало 2038 чел.¹⁸⁰

Современник француз О. де ла Мотрэ, посетивший северную столицу в 1726 г., написал о торговых банях, «стоящих вдоль набережной или довольно близко ней» на Малой Неве у Аптекарского острова: «Эти бани по великолепию и чистоте не могут идти ни в какое сравнение с турецкими банями, но они тоже полны всегда народу... Каждый должен заплатить казне за купание больше, чем даже турки платят владельцам бань. Те, кто имеет баню в собственном доме, также не освобождены от этого: они и их дети и слуги должны платить на тех же условиях, как и в общественных банях... Русские так же привычны к купанию в бане, как к еде и питью, они используют баню в качестве универсального лечения от любого недуга, как турки свою. Русские бани построены в основном из дерева, и лучшая из них, какую я видел в Петербурге или в других местах, через какие проезжал, не сравнится с наихудшей турецкой, где бани построены из мрамора или твердого камня»¹⁸¹.

19 марта 1730 г. Адмиралтейств-коллегия постановила послать промеморию в Полицмейстерскую канцелярию, «в которой объявить: построенная на адмиралтейском острове торговые каменные бани, по архитектуре и по данному чертежу освидетельствовать от полицмейстерской канцелярии, понеже отдача строением тех бань была именным блаженныя и вечнодостойныя памяти Его И.В. указом от оной канцелярии, и по освидетельствовании, в коллегии сообщить; а об отдаче вновь тех бань на откуп, чрез оную канцелярию публиковать и в пристойных местах выставить билеты и кто [из купцов] явится и почему на год давать будет [откупных денег от аренды бани], предложить коллегии»¹⁸².

12 октября 1730 г. Адмиралтейств-коллегия определила, имеющиеся на Адмиралтейском острове каменные торговые бани отдать на откуп Григорию Артемьеву за предложенную им высшую цену 679 р. в год, «и те деньги платить ему с отдачи оных бань, по происшествии каждой трети [года¹⁸³] неотложно ... у вышеписанного откупщика Артемьева в содержании тех бань и в платеже на положенные сроки откупных денег взять добрых и надежных порук, и освидетельствовав, по регламенту учинить контракт...»¹⁸⁴

20 мая 1734 г. Адмиралтейств-коллегия рассмотрела доношение петербургского жителя купецкого человека Г. Артемьева, который содержал торговые адмиралтейские бани, и постановила, объявленные по договору за январскую треть сего года принять от него 238 р. в контору генерал-кригс-комиссара, записать в приход, выдать ему квитанцию¹⁸⁵.

Ученый швед К.Р. Берк, посетивший столицу Российской империи в 1735–1736 гг., также, как и француз О. де ла Мотре, написал о большой популярности торговых бань и их наполняемости, «известно, что русские моются часто, и это для простолюдинов если не универсальное средство лечения [всех болезней], то во всяком случае профилактика...»¹⁸⁶

Другой иноземец, секретарь командующего Донской флотилией вице-адмирала П.П. Бредаля в 1737–1738 гг. и проповедник для моряков евангелического вероисповедования датчанин Педер фон Хавен в своем сочинении, изданном в 1743 г., подтверждает выводы многих иностранцев, посещавших Московское государство и Российскую империю или проживавших здесь значительное время, о благоприятном воздействии русской бани в стране, где только «водка и баня – вот два средства, благодаря которым русские живут [в холодном, резко континентальном климате] и [тем самым, успешно] поддерживают свое здоровье»¹⁸⁷.

Сведения Педера фон Хавена достоверны, о потреблении русскими водки писали многие иноземцы. К примеру, Койэт Балтазар, находившийся в составе голландского посольства, посетившего Москву в 1676 г., в своих записках отметил: «Водка – любимейший их напиток, который пьют все [русские люди] без различия, будь то мужчины или женщины, лица духовные или светские, знатные или купцы, мещане или крестьяне. Пьют ее и до, и после обеда, даже целый день кряду, вроде как у нас [виноградное] вино»¹⁸⁸.

Петр I ввел хлебное вино в состав матросской пищевой порции. Для предотвращения простудных болезней, для обогрева членов экипажа, скрашивания однообразной обстановки в море, повышения аппетита матросам, канонирам и унтер-офицерам русского военно-морского флота четыре раза в неделю (с 1765 г. ежедневно) выдавалось по одной чарке вина.

При переходе архангелогородских линейных кораблей к Кроншлоту в экстремальных условиях осенью-зимой 1713, 1715 гг.¹⁸⁹ и в последующие годы¹⁹⁰ выдача вина команде, в соответствии «с консилиумом господ офицеров», производилась ежедневно, по две чарки на одного человека в сутки. Причина подобного решения оговаривалась в предписании капитана¹⁹¹, и выданное количество вина «не в зачет» записывалось в шканечный журнал¹⁹².

Количество кружечных дворов в стране в царствование великого преобразователя увеличилось в десять раз. К 1730 г. общее количество торговых точек, торгующих хлебным вином, в столице достигло 120 и продолжало ежегодно увеличиваться на 10 единиц¹⁹³.

К 1737 г. деревянные торговые бани, построенные еще при Петре Великом, пришли в негодность («развалились»). Столичный купец Иван Лебянов в 1738 г. построил за собственный кошт одну каменную торговую баню на Васильевском острове.

Комиссия о Санкт-Петербургском строении в 1738 г. проанализировала утвержденный план устройства Адмиралтейского острова, по которому назначено было построить на Глухой речке две каменных торговых бани и, принимая во внимание растущее население в центре столицы, полагала, что надобно еще построить две бани на Фонтанке.

Для строительства одних бань Комиссия выбрала площадку у Обуховского моста, на земле, принадлежащей графам Шереметевым. Другие бани предполагалось построить «между дворами генерал-интенданта и иностранца Янсена, на порозжем месте». Третьи бани следовало возвести в Московской стороне (Нарвской части), ниже Обуховского завода¹⁹⁴.

На строительство трех торговых бань на Адмиралтейском и двух на Аптекарском острове был устроен публичный торг среди трех, подавших заявки, купцов. Однако вначале на торгах объявленная сумма отчислений банных денег в казну нисколько не устроила власти.

Основная причина срочного строительства новых торговых бань в северной столице Правительствующим Сенатом определена в его приговоре от 29 декабря 1738 г.: «Во многих домах, на которых дворники живут, содержат бани и пускают парильщиков за деньги, от чего тому [банному] сбору чинится умаление..., к тому же де немалая от тех [домовых] бань опасность и от пожарнаго случая, что оные имеются не в надлежащих местах»¹⁹⁵.

Главная Полицмейстерская канцелярия выявила нарушителей, которые «прибыль себе получают без всякаго в казну платежа» от находившихся в партикулярных домах бань, куда они пускали за плату «обретающихся здесь разных чинов», и представила доклад кабинет-министрам. 1 августа 1740 г. правительство своим постановлением запретило содержать в домах торговые бани и предписало построить их «на всех островах в пристойных местах от казны». Предписывалось для сбора денег определить «верных» сборщиков или отдать на публичных торгах на откуп «надежным людям», с платежом¹⁹⁶.

Новые торговые бани строились каменные, в соответствии с высочайшей резолюцией, наложенной 20 апреля 1738 г. императрицей Анной Иоанновной на доклад Комиссии о Санкт-Петербургском строении¹⁹⁷. Безусловно, на решение монархини строить каменные здания в столице, в том числе и торговые бани, повлияли крупные пожары, случившиеся в Санкт-Петербурге 11 августа 1736 г.¹⁹⁸ и в Москве 29 мая 1737 г., которые нанесли большой ущерб казне и обывателям, в том числе и любителям париться. Так, в первопрестольной столице сильный огонь уничтожил шесть торговых бань¹⁹⁹.

Строительство торговых бань с 1741 г. началось в столице на Выборгской стороне²⁰⁰.

А.И. Богданов показывает три района расположения «нынешних» торговых бань, то есть построенных после 1738 г.²⁰¹, у Обуховского моста, около Александро-Невского монастыря, на Васильевском острове. Отдельно от каменных торговых бань представлены полковые бани лейб-гвардии Преображенского и Семеновского пехотных полков²⁰².

Полковые бани были сооружены и у гарнизонных пехотных полков (Копорского, Ямбургского, Невского, Белозерского), нижние чины которых к 1738 г. получили казармы²⁰³.

В русской регулярной армии и флоте много внимания уделялось вопросам личной и общественной гигиены. Всем начальникам вменялось в обязанности следить, чтобы нижние чины были

чистоплотны, мыли руки и лицо; каждую неделю ходили в баню²⁰⁴, чистили военную форму и чтобы «подчиненные имели надлежащий вид солдата, а не мужика»²⁰⁵.

Наличие полковой бани позволяло нижнему чину бесплатно получать банное обслуживание и экономить деньги, которые он тратил, посещая торговые бани. Если даже допустить, что он еженедельно по субботам и перед праздниками ходил в баню, его затраты могли достигать до одного рубля в год. А это было существенно для его бюджета, так из положенного должностного окладного жалованья «чистыми» на руки он получал малую часть. Жалованье солдата, с учетом стоимости провианта, было 10 р. 95 к. в год²⁰⁶.

С 1708 г. за военный мундир с него вычитали по 5 р. 32 к.²⁰⁷, что составляло примерно 49 % от суммы жалованья. Это побуждало солдат и младших командиров (унтер-офицеров) беречь казенное обмундирование и обувь как собственное имущество²⁰⁸. Кроме того, из его денежного жалованья удерживали по 12 к. в год на покупку медикаментов²⁰⁹.

Выдающийся отечественный лексикограф и военный врач по второй профессии В.И. Даль знал не понаслышке о фактическом отсутствии медицины в провинции XVIII в., что вынуждало при лечении больных крестьян, отставных чинов использовать исключительно бани и местные лекарственные средства. Недаром он записал пословицу про «русского человека, что парит (баня), то и правит (лечит)»²¹⁰.

Отставные военные чины из дворян, проживающие в своих имениях или в городах, кроме лечения в военно-лечебных учреждениях армии и флота²¹¹ медицинскую помощь получали от редких даже в губернских городах, «партикулярных» лекарей²¹² и поэтому занимались самолечением.

А также они традиционно обращались к услугам местных знахарей и знахарок – народных лекарей, лечивших больных декоктом, приготовленным из целебных трав и кореньев, собираемых в лесах, лугах и полях, на склонах гор и на болотах, берегах рек.

В 1737 г. указом императрицы Анны Иоанновны повелевалось завести по городам «партикулярных» врачей и платить им годовое жалованье из сборов от посадских общин.

Несмотря на этот указ, уезды оставались фактически отрезанными от медицинского обеспечения. Исключение составляла врачебная помощь жителям, оказываемая полковым лекарем, когда

воинская часть постоянно или временно находилась в данной местности²¹³.

Когда в 1737 г. в Пскове распространилась какая-то эпидемическая «головная болезнь», выписать лекаря из столицы оказалось практически невыполнимым делом. Медицинская канцелярия ответствовала, что выслать некого, поскольку находившиеся при ней штатт-физикус и лекарь были заняты в Санкт-Петербурге. Тогда по докладу Медицинской канцелярии и было постановлено определить в городах, расположенных неподалеку от Москвы и Петербурга, в Пскове, Новгороде, Твери, Ярославле и «прочих знатных городах» отставных военных лекарей, из таких, которые «за старостью не могут нести полевой службы», с выдачей им жалованья из Ратуши по 12 р. в месяц. Кроме жалованья, магистраты обязывались отводить им бесплатную квартиру.

Врачи должны были сами заготавливать медикаменты, получая для этого плату за лечение больных²¹⁴. По указу 1737 г. врачей следовало определить в 11 губернских городах, 31 провинциальном, 9 городах малороссийских полков и 5 городах слободских полков²¹⁵.

Для практической реализации указа монархини в стране требовалось иметь много лекарей, но их негде было взять. В 1735–1739 гг. Россия вела войну с Турцией и поэтому остро нуждалась в медицинском персонале для укомплектования штатных должностей в армии и Донской военной флотилии. Медицинская канцелярия была вынуждена разыскивать по российским городам врачей и срочно направлять их в пехотные и драгунские полки действующей армии, а также в развернутые полевые военные и морские госпитали²¹⁶.

К примеру, кабинет-министры 29 августа 1738 г. разрешили контр-адмиралу З.Д. Мишукову, «за его несносною болезнью», взять с собою с убытием для прохождения дальнейшей военной службы на Днепровскую флотилию доктора из столичного морского госпиталя, «понеже там в Брянску не токмо доктора, но и достойнаго лекаря не имеется»²¹⁷.

Поэтому «партикулярные» врачи смогли появиться в губернских, провинциальных и уездных городах только после окончания русско-турецкой войны. Так, с 1737 по 1739 г. лекари и «вольные» аптеки находились только в двух городах – Ярославле и Новгороде²¹⁸.

К 1749 г. из 57 городов, куда намечалось направить лекарей, фактически они прибыли только в 17: в четырех губернских – Новгород, Белгород, Нижний Новгород и Иркутск; десять провинциальных – Рязань, Владимир, Углич, Тулу, Калугу, Ярославль, Псков, Тверь, Севск, Вологду; и города малороссийских и слободских полков – Нежин, Стародуб и Харьков. К 1756 г. лекари содержались только в 26 городах Российской империи²¹⁹.

В селах и деревнях врачи отсутствовали, и отставные чины, поселившиеся после увольнения с военной службы у родственников, фактически лишались медицинской помощи. Путешествующий по России С.Г. Гмелин отметил, к примеру, в 1786 г. в своем описании Воронежской губернии: «...поелику **здесьние жители не имеют лекарей и лекарств не знают** (выделено нами. – *И.Д.*), какую им в пище и питии меру наблюдать должно, к тому же не хотят в посты пользоваться и случающимися лекарствами...»²²⁰

Основным средством их лечения, как и всюду по стране, оставалась русская баня. Так, в конце июля 1792 г. заболел лихорадкой, а затем «водянкой» слуга Григорий плац-майора Семипалатинской крепости Сибирского корпуса И.Г. Андреева, которого он уже отчаялся увидеть живым. Лекарства не помогали, и штаб-лекарь Ерошевский прислал пожилого опытного цирюльника (фельдшера) Якова Кривцова, который, по согласованию с И.Г. Андреевым, решил «лечить Русским и странным лекарством, о котором правда я слышал от простых людей: истопить баню не так чрезвычайно жарко, чтоб можно было париться, насеявши довольно печной золы и согревши оную так, чтоб тело терпело, насыпав на большой войлок, в ладонь толщины, положи больнаго и засыпав такую же горячею золою, обвертеть и держать да такого времени, чтоб зола теплоту свою оставила, но когда остывала, всегда вновь осыпали и перекладывали, сколь сие для больнаго чувствительно, что без памяти прося избавления и пить, но, не смотря ни на что, сие продолжали; через трои сутки и с помощью Божию вся сия из него вода парами исчезла. Продержав, таким образом, 6 дней в бережливости теплоты, получив он [в бане] совершенное избавление...[от болезней]»²²¹.

Русские люди по установившейся традиции всей семьей одновременно ходили в бани. Однако 21 декабря 1743 г. Правительствующий Сенат запретил «мужескому и женскому полу вместе париться» в торговых банях, приговорил Камер-конторе разделить помещения всех торговых бань в стране на два отделения: женское

и мужское. Контроль запрета возлагался на данную контору и Главную Полицмейстерскую канцелярию²²².

Вместе с тем, П.Н. Петров считал, что «такой беспорядок – как совместное мытье, публично, в одних банях, разных полов – продолжался повсеместно, во весь XVIII век; да едва ли не при Александре I, уже прекратился, [только] с заведением семейных бань»²²³. Доводы П.Н. Петрова подтверждены приведенными нами законодательными актами²²⁴.

Во второй половине XVIII в. численность населения и гарнизона Санкт-Петербурга продолжали увеличиваться. Начавшаяся война России в коалиции государств с Пруссией (1757–1763 гг.) привела к страшной переполненности столичных богаделен, где призывались ветераны, и «за много присланными из разных команд и из полков отставных унтер-офицеров и рядовых солдат (по состоянию на 13 декабря 1760 г. – 2065 человек²²⁵. – И.Д.) не можно [там проживать], ибо де вмещаются с великой трудностью, да и суммы [кормовых денег две копейки в сутки] не достает и нищих женок [супругов солдат и матросов] деть некуда»²²⁶. Основным эффективным средством уменьшения воздействия на организм человека промозглого балтийского ветра и сильных холодов, безусловно, считали как можно более частое потребление водки и посещение парилок торговых бань.

В 1760 г. были заведены еще две торговые бани в домах купцов Кусовникова и Сокольниковца, с платой за помещения каждой большой по тем временам суммы, 580 р. в год. Сенат отметил, что число торговых бань в столице не должно увеличиваться против того, которое сдано на откуп, «дабы от того излишней из казны траты не было»²²⁷.

19 января 1767 г. были опубликованы «Кондиции, постановленные к заключению контрактов». С этого времени в губерниях, кроме Москвы и Санкт-Петербурга, все торговые бани должны были на публичных торгах передаваться на откуп с заключением контрактов на четыре года. Предписывалось в городских торговых банях «с парильщиков “всякаго чина людей”, которые парятся “со сторожкой”, удерживать по одной копейке, а без охраны их вещей и одежды – денгу²²⁸». В очередной раз власти запрещали обывателям пускать париться посторонних лиц в домовые бани, а также и в полковые бани за плату²²⁹. 27 августа 1770 г. в периодической печати была опубликована форма контракта на содержание на откупе

торговых бань. В нем были повторены размер цены за посещение парилок торговых бань со «сторожкой» (одна копейка) и не в охраняемом помещении (одна денга)²³⁰.

6 ноября 1774 г. императрица Екатерина II именным указом, данным Правительствующему Сенату, пожаловала для столичного городского Магистрата 6404 р. 25 к. на выплату жалованья приказным служителям и другие надобности, получаемых от откупа торговых бань. Размеры банного сбора она оставила на прежнем основании²³¹.

Выводы: В связи с зачаточным состоянием медицины в Российской империи в XVIII в. бани продолжали оставаться для населения, и прежде всего для представителей податных сословий, основным средством лечения. В новозавоеванных на юге и в городах, учрежденных на возвращенных – силой оружия в сражениях со шведами – северо-западных землях, офицеры и нижние чины русской армии и флота возводили дворы, основным элементом которых по устоявшейся вековой традиции являлась домовая баня.

В течение более 70 лет (1704–1775 гг.) за пользование домовыми банями военные и морские чины платили в казну налог, размеры которого устанавливались в зависимости от их служебного положения. Направление в Азов и Таганрог, в район Петербурга крупных контингентов войск, работных и мастеровых людей вызвали необходимость строительства казной торговых бань, которые на публичных торгах передавались на откуп. В торговых банях, наряду с оказанием посетителям различных банных услуг, активно торговали спиртными и прохладительными напитками, продуктами питания, что приносило дополнительный доход.

Нижние чины и унтер-офицеры, стоявшие на воинском постое, в избах обывателей мылись в хозяйских банях, а солдаты гарнизонных полков и корабельные матросы – в полковых и адмиралтейских (флотских) банях. На нагрев воды в банном помещении по установленной норме обеспечения отпускалось дровяное топливо, которое заготавливалось в лесу специальными воинскими командами по поручочным билетам в определенном месте.

В целом, домовые, полковые, адмиралтейские и торговые бани надежно обеспечивали чистоплотность военного и морского чина, даря ему истинное наслаждение в парилке.

¹ ПСЗ. СПб., 1830. Т. I. № 1. С. 103–104; Т. II. № 876. С. 329–331; № 1044. С. 561–562; Т. III. № 1420. С. 116–117; № 1579. С. 289; Т. IV. № 1833. С. 134–139; № 1883. С. 134–139; № 1954. С. 230–231; № 1955. С. 231–232; № 1959. С. 240–241; Т. V. № 3395. С. 718; № 3466. С. 767; Т. VI. № 3730. С. 352; № 4047. С. 728; Т. VIII. № 5333. С. 109; № 5789. С. 490–501; Т. X. № 7654. С. 483; № 7718. С. 681–683; Т. XI. № 8192. С. 207–208; № 8471. С. 534–536; № 8842. С. 984; Т. XIII. № 9741. С. 258–259; № 9981. С. 646–648; Т. XV. № 10906. С. 299–303; № 11094. С. 499–500; № 11184. С. 602; Т. XVIII. № 12818. С. 20–21; Т. XIX. № 13503. С. 122, 124–125; № 14211. С. 1047–1048; Т. XXI. № 15379. С. 468, 480, 484; Т. XXII. № 16188. С. 379, 381; Т. XXIII. № 16908. С. 171.

² Там же. Т. I. № 600. С. 1001–1004; № 603. С. 1005–1006; Т. III. № 1542. С. 249; № 1579. С. 289; № 1594. С. 372; № 1595. С. 400; № 1650. С. 487; № 1670. С. 550; Т. IV. № 1792. С. 37; № 1822. С. 127; № 1836. С. 151; № 1968. С. 247; № 1998. С. 272; № 2011. С. 281; № 2058. С. 309; № 2060. С. 310; Т. VI. № 3505. С. 125; № 3535. С. 160; № 4047. С. 728, 729; Т. VII. № 4616. С. 385; № 4888. С. 652; № 5006. С. 732–733; Т. VIII. № 5333. С. 109; Т. X. № 7718. С. 681–683; Т. XI. № 8192. С. 207–208; Т. XIII. № 9981. С. 646–648; Т. XV. № 11184. С. 602; № 11303. С. 764; Т. XVIII. № 12818. С. 20–21; Т. XIX. № 13719. С. 404–406; Т. XX. № 14275. С. 85.

³ РГАВМФ. Ф. 235. Д. 149. Л. 13, 19, 30, 34 об.; МИРФ. СПб., 1866. Ч. III. Отд. V. № 12. С. 550; № 14. С. 551; № 140. С. 620; Из актов собрания Н.Ф. Самарина. Акт № 3. 1704–1717 гг. О сборе „баннных денег” в Москве и Галиче; Акт № 7. 1695 г. Поступная и купчая, данная М. Мельниковой П.В. Фролову на хоромы и землю в Москве, в Кожевниках, в приходе Св. Троицы // ЧОИДР. 1903. Кн. 3. Двести шестая. Отд. IV. Смесь. С. 5–7, 10–11; Костомаров Н.И. Русские нравы («Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях»). М., 1995. С. 40, 41–42; Базарова Т.А. Планы Петровского Петербурга: Источниковедческое исследование. СПб., 2003. С. 241; Агеева О.Г. «Величайший и славнейший более всех градов на свете...» – Град Святого Петра. СПб., 1999. С. 224–226; Кошелева О.Е. Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. М., 2004. С. 107, ⁹¹ ссылка, 108, 110, 111, 112, 114; Богданов И.А. Три века петербургской бани. СПб., 2000. С. 34–35; Анисимов Е.В. Юный град. Петербург времен Петра Великого. СПб., 2003. С. 320–321.

⁴ Домовая летопись Андреева, по роду их, писанная капитаном Иваном Андреевым в 1789 году. Начата в Семипалатинске. Сообщил Г.Н.Потанин // ЧОИДР. 1870. Октябрь – декабрь. Кн. 4. Отд. V. Смесь. С. 126; Герман Ф.Л. Врачебный быт допетровской Руси (Материалы по истории медицины в России). Харьков, 1891. Вып. I. С. 9; Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 83–84; Смирнов Д.Н. Нижегородская старина. Нижний Новгород, 1995. С. 92; Записки де ла Невилля о Московии 1689 г. Пер. с франц. А.И. Браудо // РС. 1891. Т. LXXII. Ноябрь. С. 267; Тюрьмы и госпитали в России в 18-м веке, по наблюдениям Уильяма Кокса // РС. 1907. Т. 131. Июль. С. 36; Состояние России при нынешнем царе. Сочинение капитана Джона Перри. Перевод с англ. княжны Ольги Михайловны Дондуковой-Корсаковой // ЧОИДР. 1871. Апрель-июнь. Кн. 2. Отд. IV. С. 176–177.

⁵ А.Р. О русских пословицах. Письмо к Б.М. Федорову // ОЗ. 1824. Ч. XX. Кн. LVI. С. 435–436.

- ⁶ Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. С. 244.
- ⁷ Устрялов Н.Г. Сказания о Дмитрие Самозванце. СПб., 1859. Ч. I. С. 292.
- ⁸ Иванчин-Писарев Н.Д. Семейные акты Иванчиных-Писаревых, XVII столетия. Акт № IV. Важность бани // ЧОИДР. 1847. Кн. 9. Отд. IV. Смесь. С. 9–10.
- ⁹ Путешествие в Московию барона Августина Майерберга и Горация Вильгельма Кальвуччи, послов Императора Леопольда к Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу в 1661 году. Перевод с лат. А.Н.Шемакина с предисловием О.М. Бодянского // ЧОИДР. 1873. Июль-сентябрь. Кн. 3. Отд. IV. С. 85–86; Арсеньев Ю.В. Ближний боярин князь Никита Иванович Одоевской и его переписка с Галицкою вотчиной (1650–1684 гг.) // ЧОИДР. 1903. Кн. 2. Двести пятая. Отд. I. С. 18–19; Бергман В. История Петра Великого. Пер. с нем. Е. Аладын. СПб., 1833. Т. I. С. 91.
- ¹⁰ Даль В.И. Сборник. Пословицы русского народа // ЧОИДР. 1861. Октябрь–декабрь. Кн. 4. Отд. II. С. 427–428.
- ¹¹ Скворцов Д.И. Дионисий Зобинский архимандрит Троицкого Сергиева монастыря. (Ныне Лавры). Историческое исследование. Тверь, 1890. С. 11–12.
- ¹² Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. М., 1994. С. 256.
- ¹³ Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 2002. С. 907–908.
- ¹⁴ ПСЗ. Т. V. № 3466, п. 14. С. 767.
- ¹⁵ Там же. Т. II. № 876, ст. 2. С. 329–330; № 1044. С. 561–562; Т. III. № 1420. С. 116–117; Т. V. № 3466, п. 14. С. 767; Перепечаева Л.Б. Азов – пограничная крепость России конца XVII – начала XVIII вв. Очерки истории Азова. Азов, 2001. Вып. 6. С. 106.
- ¹⁶ Челобитные царям Михаилу Федоровичу и Алексею Михайловичу, короченского воеводы Ивана Милославского. Сообщил Ф. Зайцев // ЧОИДР. 1859. Апрель-июнь. Кн. 2. Отд. II. Челобитные № 39 и № 40. С. 216; МИРФ. СПб., 1867. Ч. IV. Отд. VIII. № 240. С. 210.
- ¹⁷ РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 1. Л. 49.
- ¹⁸ Там же. Ф. 233. Оп. 1. Д. 31. Л. 325.
- ¹⁹ Там же. Ф. 177. Оп. 1. Д. 37. Ч. I. Л. 135, 398.
- ²⁰ Там же. Д. 1. Л. 50.
- ²¹ ПСЗ. Т. III. № 1566. С. 272–273; П. и Б. СПб., 1887. Т. I. С. 111–112; Перепечаева Л.Б. Указ. соч. С. 35–41.
- ²² РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 10. Л. 234–235.
- ²³ Дуров И.Г. Провиантское обеспечение флота в эпоху Петра Великого. Нижний Новгород, 2002. С. 162–163, 335–345.
- ²⁴ РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 1. Л. 234–235.
- ²⁵ Там же. Д. 22. Л. 22–23 об.
- ²⁶ Там же. Д. 37. Ч. I. Л. 150.
- ²⁷ Будара – грузовая лодка, длиной 11–14 аршин, шириной 1 1/2 аршина, поднимает 15–25 пудов груза. – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2005. Т. I (А–З). С. 135.
- Будары и плоты с запасами материальных средств, в том числе с лесом и дровами, сплавливались по Дону. Грузы поставлялись в Азов из Воронежа, Коротояка, Романова, Козлова и других российских городов. Будары, пришедшие в результате плаванья в негодное состояние («худые») разбирались и использовались, прежде всего, как строительные материалы. – ГАВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 233. Л. 1, 2, 4, 5, 6, 9.

- ²⁸ РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 22. Л. 104 об.
- ²⁹ Там же. Д. 19. Л. 495.
- ³⁰ Там же. Ф. 176. Оп. 1. Д. 54. Л. 878 об., 963 об.; Ф. 177. Оп. 1. Д. 22. Л. 493.
- ³¹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 105. Оп. 1. Д. 21. Л. 6.
- ³² РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 11. Л. 89.
- ³³ Перепечаева Л.Б. Указ. соч. С. 64–65, 95–108; Пушкаренко А.А. Приазовский край в конце XVII – начале XVIII вв. (Очерки заселения и хозяйственного освоения края). Дисс. ... канд. ист. наук. Ростовский государственный университет, 1966. С. 262–302.
- ³⁴ Перепечаева Л.Б. Указ. соч. С. 49–50.
- ³⁵ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 31. Л. 302, 323–325, 328.
- ³⁶ Попов Н.А. В.Н. Татищев и его время. М., 1861. С. 231; Из актов собрания Н.Ф. Самарина... С. 6.
- ³⁷ Кошелева О.Е. Указ. соч. С. 114.
- ³⁸ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 19. Л. 493; Ф. 177. Оп. 1. Д. 36. Ч. I. Л. 445–445 об.
- ³⁹ В письме от 16 апреля 1706 г. Петр I впервые обратился к Ивану Андреевичу Толстому «Господин губернатор». – Комолов Н.А. Азовская губерния (1709–1725 гг.): территория и высшие администраторы. Ростов-на-Дону, 2009. С. 116.
- ⁴⁰ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 31. Л. 302, 328.
- ⁴¹ Перепечаева Л.Б. Указ. соч. С. 134, 137–138, 139.
- ⁴² Архив СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 496. Л. 1–8; Д. 497. Л. 1–1 об.; Д. 489. Л. 1–16 об.
- ⁴³ РГАДА. Ф. 160. Оп. 1, 1702 г. Д. 23. Л. 42 об.
- ⁴⁴ РГАВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 54. Л. 3, 196–196 об.
- ⁴⁵ Там же. Ф. 177. Оп. 1. Д. 57. Ч. II. Л. 141–144.
- ⁴⁶ РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 3. Л. 43; Иван Андреевич Толстой. Письма к нему Петра Великого. 1703–1712. Сообщил П.С. Толстой // РС. 1879. Т. XXV. С. 150.
- ⁴⁷ РГАДА. Ф. 158. Оп. 1, 1702 г. Д. 78. Л. 3.
- ⁴⁸ ПСЗ. Т. IV. № 1968. С. 247; № 1998. С. 272; № 2011. С. 281; Из актов собрания Н.Ф. Самарина... С. 5–7.
- ⁴⁹ П. и Б. СПб., 1907. Т. V. С. 111; Багалей Д.И. О новых материалах для истории Слободской Украины // Сборник Харьковского историко-филологического общества. 1893. Т. 5. Вып. I. С. 198, 199, 201, 204, 208, 221, 225, 228, 243.
- ⁵⁰ ПСЗ. Т. IV. № 2058. С. 309; № 2060. С. 310; Из актов собрания Н.Ф. Самарина... С. 5–7.
- ⁵¹ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 31. Л. 325.
- ⁵² Фактически 2 февраля 1712 г.
- ⁵³ Водарский Я.Е. Загадки Прутского похода Петра I. М., 2004. С. 184; Сб. РИО. СПб., 1888. Т. 61. С. 131.
- ⁵⁴ Наддача – придача, что наддано, набавлено. – Даль В.И. Толковый словарь... Т. II (И-О). С. 400.
- ⁵⁵ ПСЗ. Т. IV. № 1954. С. 230–231.
- ⁵⁶ Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708–1714 гг.: (Документы государственного архива) / Изд. А.З. Мышлаевский // Сб. ВИМ. СПб., 1893. Вып. V. Прил. 1; Балашова Ю.П. Из истории Великой Северной войны (начало Малой войны – зима 1700–1701 года) // Ученые записки Московского областного педагогического института имени Н.К.Крупской. М., 1958.

Т. 74. С. 187.

⁵⁷ ПСЗ. Т. IV. № 1955. С. 231–232.

⁵⁸ Кротов П.А. Основание Санкт-Петербурга: Загадки старинной рукописи. СПб., 2006. С. 6.

⁵⁹ П. и Б. СПб., 1889. Т. II. Примеч. К № 571. С. 625; Анисимов Е.В. Указ. соч. С. 107–111.

⁶⁰ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 31. Л. 328; Беспятых Ю.Н. Архангельск накануне и в годы Северной войны 1700–1721. СПб., 2010. С. 389; Анисимов Е.В. Указ. соч. С. 350; ПЖ 1714 года. СПб., 1854. С. 87, 89, 92–94, 96, 99, 100, 102–106, 112–115, 116–119, 120–122, 129–131, 133, 134, 138–140, 142, 144, 146, 147, 151; ПЖ 1715 года. СПб., 1855. С. 46–48, 56, 68, 70, 71, 74, 75, 77.

⁶¹ Майков Л.Н. Петр Великий в рассказах Нартова, его учителя в токарном мастерстве в 1712–1725 гг. // РС. 1892. Т. LXXIV. Апрель. С. 49; Нартов А.А. Рассказы о Петре Великом (по авторской рукописи) / Подготовка текста рукописи, приложений, вступительная статья П.А. Кротова. СПб., 2001. С. 101.

⁶² Катифор (Катифоро) А. Житие Петра Великого, императора и самодержца всероссийского, отца отечества. Собранные из разных книг. Во Франции и Голландии изданных... / пер. с ит. Ст. Писарева. М., 1788. С. 137–138.

⁶³ Нартов А.А. Указ. соч. С. 72.

Имелась «государева» баня и в Кронштадте, вход в нее был прямо из спальни дворца Петра I. – П.С. Поездка в Кронштадт // ОЗ. 1820. Ч. I. С. 239.

Любил париться в бане и его правнук, будущий император Павел. – Сб. РИО. СПб., 1875. Т. 15. С. 9.

⁶⁴ МИРФ. СПб., 1866. Ч. III. Отд. V. № 2. С. 546.

⁶⁵ Семенцов С.В. Градостроительная история формирования планировки района Большой и Малой Морских улиц в XVIII–начале XIX в. // Петербургские чтения–96. СПб., 1996. С. 80.

⁶⁶ Анисимов Е.В. Указ. соч. С. 339.

⁶⁷ РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 13. Л. 119–119 об.

⁶⁸ Петров П.Н. История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по Учреждениям о губерниях. 1703–1782. СПб., 1885. Примечания. С. 210–211, 222.

⁶⁹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 3805. Л. 1.

⁷⁰ РГАВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 62. Л. 207–225. Подсчеты наши.

⁷¹ Луппов С.П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М.-Л., 1957. С. 23.

⁷² Сб. РИО. СПб., 1888. Т. 61. № 35. С. 124.

⁷³ Точное известие о ...крепости и городе Санкт-Петербург, о крепостце Кроншлот и их окрестностях... // Беспятых Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 51–52.

⁷⁴ Кошелева О.Е. Указ. соч. С. 114.

⁷⁵ Луппов С.П. Указ. соч. С. 36, 37.

⁷⁶ Вебер Ф.-Х. Записки о Петре Великом и его царствовании брауншвейгского резидента Вебера // РА. 1872. Кн. 6. Стб. 1091.

⁷⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 2. Кн. 37. Л. 139. По нашим подсчетам, 1393 человека.

⁷⁸ Там же. Л. 161–162.

⁷⁹ МИРФ. СПб., 1865. Ч. I. Отд. I. № 1014. С. 615.

⁸⁰ Там же. СПб., 1865. Ч. II. Отд. I. № 1321. С. 66.

⁸¹ Сб. РИО. СПб., 1881. Т. 34. № 72. С. 224.

- ⁸² ПСЗ. Т. VI. № 3937. С. 594; Т. IX. № 6852. С. 668; Т. X. № 7285. С. 179–180.
- ⁸³ Чистович Я.А. Очерки из истории русских медицинских учреждений XVIII столетия. СПб., 1870. С. 221–222.
- ⁸⁴ ПСЗ. Т. IX. № 6852. С. 664.
- ⁸⁵ Эренмалм Л.Ю. Описание города Петербурга вкупе с несколькими замечаниями // Беспятых Ю.Н. Петербург Петра I... С. 94.
- ⁸⁶ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 6739. Л. 1.
- ⁸⁷ Там же. Д. 6741. Л. 1.
- ⁸⁸ РГАВМФ. Ф. 235. Оп. 1. Д. 149. Л. 1 об.–40, 43–67 об. Подсчеты наши.
- ⁸⁹ Там же. Л. 12, 12 об., 13, 24, 26 об, 27 об., 28, 29 об., 30, 31 об., 34, 34 об.
- ⁹⁰ МИРФ. Ч. III. Отд. V. № 139. С. 620.
- ⁹¹ Материалы для истории морского дела при Петре Великом, в 1717–1720 годах. Сообщил Н.А. Попов // ЧОИДР. 1859. Октябрь–декабрь. Кн. 4. Отд. II. Предисловие. С. I.
- ⁹² Ден Д. История Российского флота в царствование Петра Великого / пер. с англ. Е.Е. Путятина; Вст. ст., науч. ред. и уточн. пер., прим. П.А. Кротова. СПб., 1999. С. 121.
- ⁹³ МИРФ. СПб., 1875. Ч. V. № 192. С. 355.
- ⁹⁴ ПСЗ. Т. VI. № 3505. С. 125.
- ⁹⁵ По состоянию на август 1720 г. на о. Котлин находились разночинные домовые бани бревенчатые с предбанниками, а также пластинчатые и дощатые. – РГАВМФ. Ф. 235. Оп. 1. Д. 149. Л. 1 об.–40, 43–67 об.
- ⁹⁶ Мотре О. де ла. Из «Путешествия...» // Беспятых Ю.Н. Петербург Петра I... С. 218; Кошелева О.Е. Указ. соч. С. 30, 34, 112, 113, 114, 379.
- ⁹⁷ ПСЗ. Т. V. № 3203. С. 571.
- ⁹⁸ Русский город Кольвань, ныне Таллин (Эстония).
- ⁹⁹ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 237. Л. 76, 79–88, 110–115.
- ¹⁰⁰ Вряд ли были освобождены полностью от постоя священник Котлинской эскадры Г. Иванов, имевший 3 избы, или пастор протестантской церкви в Кроншлоте И. Крук, владевший двумя светлицами и двумя избами. – РГАВМФ. Ф. 235. Оп. 1. Д. 149. Л. 26 об., 34.
- ¹⁰¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 11. Кн. 604. Л. 1121; Ф. 198. Оп. 1. Д. 101. Л. 3 об.
- ¹⁰² Сб. РИО. СПб., 1873. Т. 11. № XXXIV. С. 22.
- ¹⁰³ РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 9. Л. 9.
- ¹⁰⁴ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 69. Л. 1.
- ¹⁰⁵ Там же. Ф. 870. Оп. 1. Д. 42. Л. 111 об.–112.
- ¹⁰⁶ Там же. Ф. 235. Оп. 1. Д. 149. Л. 2, 20–21, 22, 23 об.–24, 25, 26 об., 27 об. –35 об., 37–39, 40–40 об., 42.
- ¹⁰⁷ РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 10. Л. 26 об.
- ¹⁰⁸ Там же. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 64. Л. 1137.
- ¹⁰⁹ РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 42. Л. 111 об.–112.
- ¹¹⁰ Там же. Ф. 235. Оп. 1. Д. 149. Л. 2.
- ¹¹¹ Там же. Л. 20–20 об., 21 об., 25 об., 32 об.
- ¹¹² Сб. РИО. СПб., 1881. Т. 34. № 130. С. 374.
- ¹¹³ Петров П.Н. Указ. соч. СПб., 1883. С. 183.
- ¹¹⁴ Георги И.Г. Описание столичного города Санкт-Петербурга. СПб., 1794. Ч. I. С. 20; Лупшов С.П. Указ. соч. С. 99.
- ¹¹⁵ Сб. РИО. Т. 11. № ССССV. С. 521.
- ¹¹⁶ ПСЗ. Т. IV. № 1950. С. 228; № 2017. С. 283–284; Т. V. № 2757. С. 76; № 2895.

С. 152; № 3329. С. 680; № 3377. С. 700; № 3391. С. 716–717; № 3433. С. 736; № 3439. С. 743; № 3440. С. 744; Т. VI. № 3509. С. 127; № 3922. С. 517; Т. VII. № 4176. С. 27; № 4594. С. 367; МИРФ. Ч. IV. Отд. X. Определения коллегии. 1721 год. С. 466; 1722 год. С. 498–499; 1723 год. С. 578; Шелгунов Н. История русского лесного законодательства. СПб., 1857. С. 50–90.

Современник ганноверский резидент в Санкт-Петербурге Ф.Х. Вебер свидетельствует, что никому не дозволялось «срубить хотя бы самую малость» не только деревья, но даже кустарник. Любой подданный царя, нарушавший этот запрет, подвергался крупному денежному штрафу и физическим наказаниям. Дипломат описывает случай, когда за самовольную вырубку деревьев по распоряжению монарха был беспощадно выдран кнутом полковник, разрешивший крепостным крестьянам употреблять для своих нужд казенный лес. – Вебер Ф.-Х. Из книги Фридриха-Христиана Вебера «Преображенная Россия» (ч. I) // Беспятых Ю.Н. Петербург Петра I... С. 111.

И он был не одним пострадавшим за нарушение указов монарха. Так, за порубку заповедных лесов многие дворяне в 1720 г. были биты кнутом, а иные прогонялись шпицрутенюм сквозь строй и наказывались морскими кошками и линьками. – ПСЗ. Т. VI. № 3509. С. 127.

16 мая 1722 г. отставному солдату, который срубил сырую березу диаметром 15 дюймов, был объявлен указ царя, что ему за посечку полагается наказание кнутом, но за долговременную службу, участие в баталиях и штурмах, это наказание заменяется на месте, где он «посечку починил», нещадным битьем батогами при публике. – МИРФ. Ч. IV. Отд. X. Определения коллегии 1722 г. С. 504.

Крестьянам же позволялась только рубка липовых деревьев для получения лык, чтобы изготовить себе лапти. – ПСЗ. Т. VI. № 3719. С. 346.

Особенно жестко спрашивал самодержец с губернаторов за сохранность дубовых заповедных лесов, требуя от них самого сурового наказания самовольных рубщиков этой ценной древесины, крайне необходимой для строительства линейных кораблей, военных и транспортных судов русского военно-морского флота. – ПСЗ. Т. V. № 3149. С. 533; Т. VI. № 3543. С. 200–202; № 3656. С. 240; № 4028. С. 718–719.

¹¹⁷ Нартов А.А. Указ. соч. С. 69.

¹¹⁸ РГАВМФ. Ф. 234. Оп. 1. Д. 2. Л. 77 об.–78.

¹¹⁹ Беспятых Ю.Н. Петербург Петра I... С. 58, 111, 162.

¹²⁰ РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 71. Л. 57 об.

¹²¹ ОААНЛ. 1717–1719 годы. СПб., 1911. Т. II. Стб. 927.

Подрядчики поставляли дрова также по цене 1 р. 24 алтына 2 денги, 1 р. 25 алтын и 2 р. за сажень. – РГАВМФ. Ф. 219. Оп. 1. Д. 26. Л. 1, 7, 8–9; Документы по делу царевича Алексея Петровича, вновь найденные Г.В. Есиповым // ЧОИДР. 1861. Июль–сентябрь. Кн. 3. Отд. II. Ч. V. Приходно-расходная книга Тайной канцелярии в 1718 году. С. 126.

¹²² Архив СПб ИИ РАН. Колл. 95. Оп. 1. Д. 9. Л. 380; РГАДА. Ф. 248. Оп. 11. Кн. 607. Л. 395.

1 пуд = 16, 38 кг; 1 четверть = 8 четверикам = 8 пудам; 1 трехаршинная сажень сухих сосновых дров = 50 пудам; 1 аршин = 71,12 см

¹²³ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 1720. Д. 41. Л. 78 об.–79.

¹²⁴ МИРФ. Ч. III. Отд. III. № 134. С. 478.

¹²⁵ Подрядчики поставляли в северную столицу дрова ольховые, березовые,

сосновые, еловые внешней водой в 1722 г., из «оных добрых, ... сечки здоровым и не гнилые 1000 сажень как длина, так и ширина и плахи трехаршинные печатною сажень...» – Архив СПб ИИ РАН. Колл. 95. Оп. 1. Д. 11. Л. 1.

¹²⁶ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Д. 63. Л. 903.

¹²⁷ ОДДСПС. СПб., 1880. Т. IV. (1724 г.). Стб. 400.

¹²⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Кн. 29. Л. 524; Ф. 9. Отд. II. Д. 76. Л. 299.

¹²⁹ Точное известие о... С. 58.

¹³⁰ ПСЗ. Т. V. № 3467. С. 770.

В годы правления императрицы Екатерины I организация заготовки дров для северной столицы осуществлялась по законодательным актам, изданным Петром Великим.

31 октября 1726 г. было разрешено населению, проживавшему вблизи берегов Волги, Оки, Дона, Днепра, Двины и прочих больших рек, заготавливать дрова на расстоянии 20 верст под контролем воевод, которым в помощь следовало выделять из шляхетства 1-2 чел. Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 56. № 83. С. 119–120; № 156. С. 312.

31 октября 1727 г. Верховный Тайный Совет приговорил разрешить «всякаго чина людям рубить и расчищать леса, на розданных им местах на Преображенском (Васильевском. – И.Д.) и прочих островах С.-Петербурга, а также и во всей Ингерманландии, без особаго разрешения вальдмейстерской конторы, за исключением заповедных лесов». – Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 69. № 384. С. 608–611.

¹³¹ ПСЗ. Т. V. № 3469. С. 771.

¹³² Там же. Т. VI. № 3530. С. 139–140.

¹³³ Там же. № 3537. С. 161.

¹³⁴ МИРФ. Ч. IV. Отд. X. Определения коллегии. 1719 год. С. 399.

В продолжение темы нормирования дров и свечей для солдатских казарм, см.: Сб. РИО. Юрьев, 1902. Т. 114. № 144. С. 446–447.

С 1738 г. нормы дров устанавливались в зависимости от площади воинской казармы (избы, где нижние чины стояли на постое). – Сб. РИО. СПб., 1905. Т. 120. № 89. С. 474–476.

¹³⁵ Постельников В. Об устройстве кухонных очагов в казармах и лагерях // ИЖ. 1866. № 6. Неофиц. отд. С. 883.

Нормировался также расход дров и для отопления других служебных помещений. – ПСПР. 1722 год. СПб., 1872. Т. II. С. 21–22.

¹³⁶ При заготовке ольховых и березовых дров артелью крестьян выплачивалось по 30 к. за каждую сажень. – МИРФ. Ч. IV. Отд. X. Определения коллегии. 1723 год. С. 578.

¹³⁷ МИРФ. Ч. I. Отд. I. № 142. С. 112; № 198. С. 142; РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Д. 11. Л. 6, 9–9 об.

¹³⁸ МИРФ. Ч. I. Отд. I. № 177. С. 132; № 1125. С. 670; Ч. II. Отд. I. № 1624. С. 223; Ч. IV. Отд. X. Определения коллегии. 1719 год. С. 377; 1720 год. С. 424.

¹³⁹ Архив СПб ИИ РАН. Колл. 95. Оп. 1. Д. 15. Л. 429–429 об.; МИРФ. Ч. V. № 292. С. 679–680.

Эти участки использовались для заготовки дров и в годы правления императрицы Анны Иоанновны. – МИРФ. СПб., 1879. Ч. VII. № 22. С. 28–29.

¹⁴⁰ Луппов С.П. Указ. соч. С. 107; Нартов А.А. Указ. соч. С. 69; Копии с указов... Петра Первого с 1714 по 1722 г. ... СПб., 1739. С. 74–75, 163–164.

¹⁴¹ МИРФ. Ч. I. Отд. I. № 746. С. 407–408.

2 декабря 1714 г., в разгар сильных морозов, флота капитан Э. Лейн, ответ-

- ственный за возведение адмиралтейских объектов, докладывал генерал-адмиралу графу Ф.М. Апраксину, что «дров на Котлине острове ничего нет, в которых есть нужда к Государевым делам». – МИРФ. Ч. I. Отд. I. № 961. С. 584.
- ¹⁴² Уманец С.И. Ревельская старина // ИВ. 1897. Апрель–май–июнь. Т. 68. С. 196.
- ¹⁴³ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 237. Л. 3.
- ¹⁴⁴ Ляпидевский Н. История казарменного помещения войск в России // ИЖ. 1881. № 4. С. 308–309.
- ¹⁴⁵ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 100. Л. 73.
- ¹⁴⁶ Там же. Д. 237. Л. 13–13 об., 46–48.
- ¹⁴⁷ РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 13. Л. 119–119 об.
- ¹⁴⁸ Там же. Л. 48.
- ¹⁴⁹ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Д. 14. Л. 483.
- ¹⁵⁰ Вейспак Т.Х. Население города Ревеля в конце XVII–начале XVIII в. (1680–1710). Таллин, 1986. С. 8.
- ¹⁵¹ Там же. С. 14.
- ¹⁵² РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 237. Л. 14, 48, 59–59 об.
- ¹⁵³ Там же. Л. 93–94.
- ¹⁵⁴ Там же. Ф. 315. Оп. 1. Д. 877. Л. 31.
- ¹⁵⁵ Там же. Д. 948. Л. 14.
- ¹⁵⁶ Там же. Ф. 233. Оп. 1. Д. 237. Л. 60–62, 66; Ф. 212. Оп. 1724 г. Д. 49. Л. 4–5, 15.
- ¹⁵⁷ МИРФ. Ч. III. Отд. V. № 262. С. 673.
- ¹⁵⁸ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 237. Л. 3.
- ¹⁵⁹ Кваشین-Самарин Е. Историческая справка о Ревеле при Петре Великом // МС. 1909. № 9. Неофиц. отд. С. 36.
- ¹⁶⁰ Ревель (русская Колывань) – официальное название Таллина в 1219–1917 гг.
- ¹⁶¹ МИРФ. Ч. IV. Отд. X. Определение коллегии. 1721 год. С. 443.
- ¹⁶² РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 1724 г. Д. 49. Л. 5.
- ¹⁶³ МИРФ. Ч. II. Отд. I. № 1807. С. 307–308; № 2430. С. 629; № 2437. С. 633; СПб., 1867. Ч. IV. Отд. X. Определения коллегии. 1721 год. С. 442; Материалы для истории морского дела при Петре Великом... С. 13; Архив СПб ИИ РАН. Ф. 95. Оп. 1. Д. 33. Л. 82–83 об.
- ¹⁶⁴ В 1798 г. на закупку дров для кораблей и береговых частей Адмиралтейств-коллегии, дислоцируемых только в районе Петербурга, казна выделяла 50 тыс. р. – МИРФ. СПб., 1902. Ч. XVI. № 465. С. 303.
- ¹⁶⁵ Филиппов А.И. История Сената в правление Верховного Тайного Совета и Кабинета. Ч. I. Сенат в правление Верховного Тайного Совета. Юрьев, 1895. С. 304, сноска 110-я.
- ¹⁶⁶ ПСЗ. Т. VI. № 3535. С. 160; Богданов И.А. Указ. соч. С. 34–35.
- ¹⁶⁷ Запреты о топке печей изб и домовых бань, их опечатывание полицией на летнее время, периодически осуществлялись в северной столице в течение XVIII столетия. – ПСЗ. Т. VII. № 4888. С. 652; Т. VIII. № 5333, п. 39. С. 109; Т. XIII. № 9981. С. 646–648; Т. XVIII. № 12818, п. 21. С. 20–21.
- ¹⁶⁸ РГАВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 16. Ч. I. Л. 344–355; Д. 62. Л. 113–114; ПСЗ. Т. I. № 600. С. 1001–1004; № 603. С. 1005–1006; Т. III. № 1542, п. 31. С. 249; № 1579, п. 20. С. 289 (Цитата); № 1594, п. 29. С. 372 (Цитата); № 1595, п. 25. С. 400; № 1650. С. 487; № 1670, п. 18. С. 550; Т. IV. № 1792, п. 28. С. 37; № 1822, п. 60. С. 127; № 1836, ст. 9. С. 151; Т. VI. № 4047, п. 12–14. С. 729; Агеева О.Г.

Указ. соч. С. 137–140.

10 февраля 1721 г. Сенат, заслушав донесение вице-губернатора Московской губернии Воейкова, приговорил потолки в торговых банях Москвы делать «по-прежнему обыкновению», не бревенчатые и не дощатые, а с глиною, чтобы уберечь их от огня. – ПСЗ. Т. VI. № 3730. С. 352.

В продолжение темы регламентации отделки потолков торговых бань глиной, см.: Инструкцию московскому обер-полицеймейстеру Грекову от 9 июля 1722 г. ПСЗ. Т. VI. № 4047, п. 5, 6. С. 728.

¹⁶⁹ ПСЗ. Т. V. № 3395. С. 718.

До этого, вопросы, связанные с организацией противопожарной службы в северной столице, указом от 5 декабря 1717 г. возлагались на Морское ведомство. ПСЗ. Т. V. № 3125. С. 524.

¹⁷⁰ Кошелева О.Е. Указ. соч. С. 114.

¹⁷¹ ПСЗ. Т. VII. № 4548. С. 340.

¹⁷² Там же. № 4616. С. 385.

¹⁷³ Там же. № 5006. С. 733.

¹⁷⁴ Там же. Т. XV. № 11303. С. 764; Петров П.Н. Указ. соч. С. 639.

¹⁷⁵ ПСЗ. Т. XIX. № 13719. С. 404–406.

¹⁷⁶ Там же. Т. XX. № 14275. С. 85.

¹⁷⁷ Богданов А.И. Описание Санктпетербурга. М., 1997. С. 201–202.

В 1723 г. доходы торговых бань Санкт-Петербургской губернии составили 1102 р. 28 ¹/₄ к. – Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства / пред. Л.А. Гольденберга и др. М., 1977. С. 60. Всего же по окладным сборам с торговых бань в Российской империи получен в 1724 г. доход в размере 8881 р. 56 к. – ПСЗ. Т. VII. № 4548. С. 338.

¹⁷⁸ Базарова Т.А. Указ. соч. С. 194.

¹⁷⁹ Об торговых банях, расположенных на Адмиралтейском острове, содержится в сочинении русского посла в Англии в тридцатые годы XVIII в. князя А.Д. Кантемира. – См.: Кантемир А.Д. [Описание Кронштадта и Петербурга] // Беспятых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии. СПб., 1997. С. 460.

¹⁸⁰ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 79. Л. 135 об.; РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 236. Л. 360.

¹⁸¹ Мотре О. де ла / Указ. соч. С. 217–218.

¹⁸² МИРФ. СПб., 1879. Ч. VII. № 22. С. 35.

¹⁸³ Январь – апрель; май – август; сентябрь – декабрь.

¹⁸⁴ МИРФ. Ч. VII. № 22. С. 69–70.

¹⁸⁵ Там же. № 237. С. 702–703.

¹⁸⁶ Берк К.Р. Путевые заметки о России // Беспятых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны... С. 172.

В продолжение темы, см.: Сб. РИО. Юрьев, 1907. Т. 126. № 74. С. 529.

¹⁸⁷ Хавен П. фон. Путешествие в Россию // Беспятых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны... С. 341.

¹⁸⁸ Койэт Б. Посольство Кунраада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу. СПб., 1900. С. 528.

¹⁸⁹ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Д. 14. Л. 461; Д. 24. Л. 543.

¹⁹⁰ ПСЗ. Т. XII. № 8924. С. 86–87.

В продолжение темы, см.: МИРФ. СПб., 1881. Ч. IX. № 203. С. 439.

¹⁹¹ Книга Устав Морской. СПб., 1763. С. 37.

- ¹⁹² РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 67 «б». Л. 26–26 об.
- ¹⁹³ Пыляев М.И. Начало общественной и частной жизни в столице // Труд. 1890. Июль – сентябрь. Т. VII. С. 385–386.
- ¹⁹⁴ Петров П.Н. Указ. соч. С. 366.
- ¹⁹⁵ ПСЗ. Т. X. № 7718. С. 681–683 (Цитата).
- ¹⁹⁶ Там же. Т. XI. № 8192. С. 207–208.
- В продолжение темы публичных торгов с передачей на откуп с наддачей в Москве торговых бань, сроком на 7 лет, см.: ПСЗ. Т. XV. № 10906. С. 301.
- ¹⁹⁷ ПСЗ. Т. X. № 7654, п. 17. С. 483.
- ¹⁹⁸ Базарова Т.А. Указ. соч. С. 196; Петров П.Н. Указ. соч. С. 356, 360.
- ¹⁹⁹ В огне пожара 11 августа 1736 г. на Малой Морской улице на Адмиралтейском острове Санкт-Петербурга сгорели жилые дома, административные здания, Мытный двор и прочие торговые строения. Донесение Ея Императорскому Величеству Государыне Императрице Анне Иоанновне, о московском большом пожаре мая 29-го 1737 года. Сообщил П.И. Иванов // ЧОИДР. 1858. Кн. 3. Июль – сентябрь. Отд. V. Смес. С. 1–50. О сгоревших торговых банях, см.: С. 10, 14, 15, 17.
- ²⁰⁰ ПСЗ. Т. XI. № 8471. С. 534–536.
- ²⁰¹ А.И. Богданов начал писать данный труд не ранее 1748 г. а возможно, в 1749 г., а завершил в 1751-м. – Это верхняя дата Описания на титуле первого издания, см.: Кобленц И.Н. Андрей Иванович Богданов 1692–1766: Из прошлого русской исторической науки и книговедения. М., 1958. С. 56. Сердечно благодарю профессора Ю.Н. Беспятых за консультацию и уточнение временных сроков строительства торговых бань в Санкт-Петербурге в первой половине XVIII столетия.
- ²⁰² Богданов А.И. Описание Санктпетербурга. С. 201–202.
- ²⁰³ Петров П.Н. Указ. соч. Примечания. С. 222.
- ²⁰⁴ Для сравнения: Педер фон Хавен, находившийся в России в 1737–1737 гг., отметил в своем сочинении: «В этой стране [русские люди] моются дважды в неделю [в бане], дабы содержать тело чистым и здоровым» – Хавен П. фон. Указ. соч. С. 378.
- ²⁰⁵ Шелехов Ф.П. История 145-го пехотного Новочеркасского императора Александра III полка. 1796–1896. СПб., 1896. С. 8. Для сравнения, см.: В июне-июле 1770 г. контр-адмирал Арф, командующий 2-й русской эскадрой, шедшей из Кронштадта в Средиземное море к Архипелагу, при заходе в Копенгаген, для помывки команд, «получил разрешение на устройство бань на берегу моря...» – МИРФ. СПб., 1886. Ч. XI. № 335. С. 764.
- ²⁰⁶ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 1720 г. Д. 34. Л. 730.
- ²⁰⁷ ПСЗ. Т. IV. № 2524. С. 832–834.
- ²⁰⁸ История тыла и снабжения русской армии. Калинин, 1955. С. 39; Соловьев Н.И. Исторические очерки устройства и довольствия русских регулярных войск в первой половине XVIII века (1700–1761). СПб., 1900. С. 117.
- ²⁰⁹ ПСЗ. Т. IV. № 2524. С. 833.
- ²¹⁰ Даль В.И. Сборник. Пословицы... С. 343.
- ²¹¹ Дионисий архимандрит. Можайские акты. 1506–1775. СПб., 1892. С. 500.
- ²¹² Смирнов Д.Н. Указ. соч. С. 262.
- ²¹³ К концу первой четверти XVIII в. в полках русской армии, на линейных кораблях, в госпиталях, в войсковых (флотских) лазаретах служили около 150 лекарей. Большая часть российских врачей были иностранцами. – Будко А.А.,

Шабунин А.В. История медицины Санкт-Петербурга. XVIII век. СПб., 2003. С. 69.

²¹⁴ ПСЗ. Т. X. № 7245. С. 136–137.

В Риге в 1734 г. имелось три лекаря. В июне 1734 г. в город прибыли доктор и лекарь из Санкт-Петербурга. В 1735 г. городской доктор был определен в Рижский военный госпиталь. – Сб. РИО. Юрьев, 1900. Т. 108. № 75. С. 174; № 88. С. 210; Юрьев, 1901. Т. 111. № 190. С. 501.

²¹⁵ Чистович И.Я. История первых медицинских школ в России. СПб., 1883. С. 554–558.

²¹⁶ По сведениям К.Р. Берка, все хирурги, находящиеся в госпиталях, как и в армии, были немцами по национальности. Это происходило потому, что русские ученики, обучавшиеся в госпитальных школах, по большей части пускаются в «распутство» и пьянство еще до завершения курса медицинского образования. – Берк К.Р. Путевые заметки о России // Беспятых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны... С. 137–138.

²¹⁷ Сб. РИО. Юрьев, 1906. Т. 124. № 27. С. 177.

²¹⁸ ПСЗ. Т. X. № 7963. С. 963–965; Сб. РИО. Юрьев, 1907. Т. 126. № 51. С. 355. В мае 1734 г. в Новгород был направлен лекарь. – Сб. РИО. Юрьев, 1900. Т. 108. № 75. С. 174.

²¹⁹ Кизеветтер А.А. Посадская община в России XVIII столетия. СПб., 1903. С. 537–538.

В продолжение темы наличия лекарей в Тобольске, см.: Домовая летопись Андреева... С. 74.

²²⁰ Цит. по: Тарандин И.П. Материалы по истории медицины в Воронежском крае XVII, XVIII и начала XIX столетия // Труды Воронежского государственного университета. 1927. Т. IV. С. 494.

²²¹ Домовая летопись Андреева... С. 126.

²²² ПСЗ. Т. XI. № 8842. С. 984.

²²³ Петров П.Н. Указ. соч. С. 486.

²²⁴ 31 августа 1760 г. вновь состоялся приговор Правительствующего Сената, «что в торговых банях, за неоднократно запретительными указами, мужеска и женска пола люди парятся вместе...» Правительство в очередной раз требовало запретить совместные походы мужчин и женщин для принятия водных процедур в одном помещении торговой бани. – ПСЗ. Т. XV. № 11094. С. 499–500. В 1782 г. Сенат приговорил: «Буде кто мужеска пола старше 7 лет войдет в торговую баню женскаго пола, или женскаго пола войдет в торговую баню мужеска пола, когда в оных парятся: то взыскать с него или с нее полусуточное содержание содержаннаго в смирительном доме и послать его, или ее, бани топить в том дом, дондеже заплатит» – ПСЗ. Т. XXI. № 15379, п. 71, 220, 262. С. 468, 480, 484 (Цитата).

²²⁵ ЦАНО. Ф. 579. Оп. 604, 1760 г. Д. 8. Л. 298–298 об.

²²⁶ ПСЗ. Т. XV. № 11389. С. 874.

²²⁷ Петров П.Н. Указ. соч. С. 618.

²²⁸ К.Р. Берк, посетивший северную столицу в 1735–1736 гг., отметил в своем сочинении: «От каждого [посетителя], кто моется [в торговой бане], копейка идет императрице и полкопейки банщикам за веник и хранение одежды. Дворяне, равно как священники и крестьяне (для крестьян, положенных в подушный оклад, банный сбор с 1724 г. был отменен. – И.Д.), ежегодно платят за собственные бани». – Берк К.Р. Указ. соч. С. 172–173.

²²⁹ ПСЗ. Т. XVIII. № 12818, п. 21. С. 20–21.

²³⁰ Там же. Т. XIX. № 13503, п. 4. С. 121, 122.

²³¹ Там же. Т. XIX. № 14211. С. 1047–1048; Петров П.Н. Указ. соч. С. 796.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Архив СПб ИИ РАН – Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН
ГАВО – Государственный архив Воронежской области
ИВ – Исторический вестник
ИЖ – Инженерный журнал
МИРФ – Материалы для истории русского флота
МС – Морской сборник
ОЗ – Отечественные записки
ОААНЛ – Описание архива Александро-Невской лавры за время царствования императора Петра Великого
ОДДСПС – Опись документов и дел Святейшего Правительствующего Синода
ПЖ – Походный журнал
П. и Б. – Письма и бумаги императора Петра Великого
ПСПр – Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи
ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. 1-е Собрание.
РА – Русский архив
РГАВМФ – Российский государственный архив Военно-Морского Флота (Санкт-Петербург)
РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва)
РС – Русская старина
Сб. ВИМ – Сборник военно-исторических материалов
Сб. РИО – Сборник императорского Русского исторического общества
ЧОИДР – Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете
ЦАНО – Центральный архив Нижегородской области

С.А. Егорейченко (Несвиж, Республика Беларусь)

**ОРУЖИЕ И ДОСПЕХИ АРСЕНАЛА
НЕСВИЖСКОГО ЗАМКА В СОБРАНИИ МУЗЕЯ
«МЕТРОПОЛИТАН» (НЬЮ-ЙОРК).
ПЕРСПЕКТИВА ИЗУЧЕНИЯ,
ЭКСПОЗИЦИОННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
И «МЯГКОЙ» ФОРМЫ РЕСТИТУЦИИ**

СОБРАНИЯ культурных ценностей, принадлежавших знаменитому княжескому роду Радзивиллов, находящиеся ныне в разных музеях и частных коллекциях мира, с трудом поддаются оценке. Множество раз стены Несвижского замка подвергались масштабным разграблениям однако зачастую ценные предметы оружейного дела покидали Несвиж и на законных основаниях, как в 1926–1927 гг. – по результатам аукционов, организованных XVI несвижским ординатом Альбрехтом Радзивиллом.

В настоящее время, когда историко-культурный комплекс в Несвиже находится в стадии формирования коллекций, остро встает вопрос если не о возвращении памятников истории и культуры, то, по меньшей мере, о «мягкой» форме реституционного процесса – установления принадлежности предметов к данной культурной агломерации, их описания, введения в научный оборот в качестве артефактов, имеющих выдающуюся ценность для Несвижа. В данный момент эта работа находится в начальной стадии, очень долгие годы практически никто не занимался поиском и изучением артефактов, имеющих отношение к Несвижскому дворцу с научной и реституционной точки зрения.

На протяжении последнего столетия благодаря стечению многих политических, экономических, бытовых обстоятельств большое количество предметов, принадлежавших несвижской ординации рода Радзивиллов, попало в музей современного искусства

Метрополитан (The Metropolitan Museum of Art), Нью-Йорк, США. Артефакты появились в коллекциях этого крупнейшего музея благодаря закупкам на аукционах и у частных лиц, подаркам и пожертвованиям и т. д.

Полное комплексное изучение всего спектра предметов, хранящихся в музее Метрополитан, подразумевает продолжительную и тщательную работу в фондах квалифицированного специалиста, досконально изучившего материальное наследие рода Радзивиллов. К сожалению, такая возможность в настоящее время отсутствует, поэтому при разработке данной темы приходится использовать различные разрозненные сведения, доступные исследователю благодаря современной литературе, а также онлайн-каталогу коллекций музея Метрополитан. Однако нельзя отрицать тот факт, что сама работа по изучению и установлению более или менее полного списка артефактов, имеющих отношение к Несвижу в фондах Метрополитан, фактически еще не начиналась. В связи с этим даже обработка материалов, имеющихся в настоящее время, представляет большую ценность для исследователя.

По запросу «Radziwill» онлайн-каталог сайта музея metropolitan.org выдает перечень 106 предметов, которые так или иначе имеют отношение к собраниям несвижских Радзивиллов. 103 предмета являются артефактами оружейного дела либо элементами доспехов.

Вместе с тем представляется вероятным то, что в фондах музея Метрополитан может находиться достаточно большое количество артефактов, в том числе оружия и доспехов, которые имеют прямое отношение к истории рода Радзивиллов, при этом прямо они не идентифицированы как таковые. В качестве примера можно привести три слущких пояса авторства мастера Лео Маджарского (инв. номера 33.44; 33.99.2 и 11.58.16) основателя традиции слущких поясов, произведенных на мануфактурах, относящихся к клиентелле Михала Казимира Радзивилла «Рыбоньки». Эти шедевры искусства представляют огромную ценность для истории белорусских земель и несвижской ветви Радзивиллов. При этом в описании их отсутствует всяческое упоминание об отношении к роду Радзивиллов. Кроме того наблюдаются разночтения в локализации множества артефактов. Поскольку одна и та же местность могла в разное время принадлежать разным государствам, зачастую в каталоге разные территории современной Беларуси могут быть

помечены как части Польши, Литвы либо России. Представляется вероятным, что подобных предметов в коллекциях Метрополитан может быть достаточно большое количество и что среди них есть также предметы оружейного дела. По предварительной субъективной оценке, общее количество артефактов, так или иначе связанных с историей Несвижа и Радзивиллов в фондах Метрополитан, может достигать двухсот единиц.

Процесс работы с онлайн-каталогом затруднен тем обстоятельством, что далеко не все музейные предметы в нем сопровождаются фотографией и хоть сколько-нибудь подробным описанием. В связи с этим, до проведения серьезной исследовательской работы в фондах нью-йоркского музея можно только констатировать наличие предмета из той или иной описываемой группы.

Сегодня можно с уверенностью говорить о трех основных путях появления радзивилловских предметов в коллекциях музея Метрополитан:

- Первый и наиболее запутанный путь – закупка предметов, так или иначе покинувших Несвижский дворец в 1812 г., после ухода последнего представителя несвижской ординации Доминика Радзивилла с остатками Великой армии. Несвиж и Несвижский дворец были заняты русскими войсками под командованием генерала Тучкова. Изъятие культурных ценностей проходило с ограниченной степенью контроля, в результате чего было вывезено огромное количество предметов искусства и культурных ценностей. Многие специалисты считают, что разграбление 1812 г. являлось самым масштабным за всю историю Несвижского дворца. Большое количество наиболее ценных предметов, предположительно, исчезли из дворца именно в этот период. Еще одно разграбление произошло после событий 1831 г., когда российскими войсками было подавлено масштабное национально-освободительное восстание. Эти два события послужили причиной утери шедевра мировой живописи – портрета неизвестной женщины кисти Рембрандта ван Рейна (инв. в музее Метрополитан 14.40.625), а также легендарных доспешных гарнитуров, принадлежавших Николаю Радзивиллу «Черному», Николаю Радзивиллу «Сиротке». Картина Рембрандта и многие элементы указанных гарнитуров ныне хранятся именно в музее Метрополитан. Большое количество элементов доспехов, принадлежавших этим представителям семейства Радзивиллов, также хранятся в Вене и Париже.

- Второй путь – покупка радзивилловских вещей на аукционных распродажах, организованных аукционным домом Кристи (Christie's). В 1926–1927 гг. распродажи коллекций организовывались с целью поправить финансовое положение ординации. На них присутствовали эмиссары различных фондов и музеев, в том числе и музея Метрополитан. Каталог аукциона 14 июня 1927 г. содержит описания многих предметов, которые совпадают с описаниями предметов, хранящихся в фондах Метрополитан. Ниже будет подробнее рассмотрен этот вопрос.

- Наконец, третий путь – дарение артефактов предпоследним несвижским ординатом Альбрехтом Радзивиллом, которое имело место в тот же период, что и организованные аукционные распродажи коллекций. Онлайн-каталог Метрополитан достаточно показателен в этом плане. Большое количество артефактов в графе «Provenance» («Происхождение») имеют запись «Gift of prince Albrecht Radziwill» («Дар князя Альбрехта Радзивилла»).

Предметы радзивилловского арсенала в коллекции Метрополитан целесообразно рассматривать по группам.

Первая и наиболее обширная группа предметов – доспехи и элементы доспехов из арсенала Несвижского дворца, а также так или иначе имеющие отношение к истории несвижских Радзивиллов. Среди этих предметов особую ценность имеют несколько экспонатов: Это доспешного гарнитура Николая Радзивилла «Черного». Этот гарнитур, изготовленный около 1555 г. знаменитым нюрнбергским доспешником Кунцом Лохнером, по праву считается шедевром мирового оружейного дела. Многие его элементы утеряны, оставшиеся разбросаны по нескольким крупным музеям мира. Существовало четыре комплекта доспехов, относящихся к этому гарнитуру: тяжелый и легкий доспехи для копейщика, доспехи для свободного турнирного боя и схватки через барьер. Один из четырех комплектов этого гарнитура практически полностью находится в Венском музее вооружений.

В музее Метрополитан находятся конское наголовье (инв. 21.42), пластина шейного покрытия (инв. 14.25.854), щиток копья (инв. 14.25.855), левый наплечник (инв. 14.25.856) и пара набедренников (инв. 14.25.881a, b) из доспешного гарнитура Николая Радзивилла «Черного». Безусловно, при научном подходе рассматриваться может только комплекс предметов, однако с точки зрения экспозиции наибольший интерес представляет собой конское

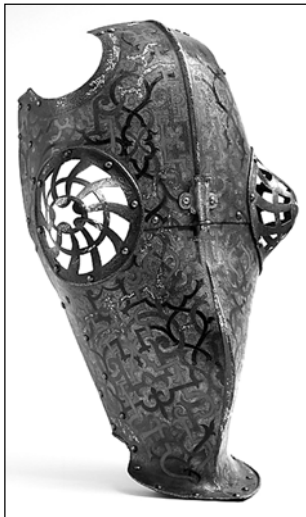

Рис. 1. Шафрон из гарнитура Николая Радзивилла «Черного». Кунц Лохнер, Нюрнберг, ок. 1555 г.

Рис. 2. Спинная пластина доспеха Ежи Радзивилла «Литовского Геркулеса». Кольман Хелмшмид, Аугсбург, ок. 1525 г.

наголовье (шафрон), достаточно подробно описанное в издании музея Метрополитан «The Armored horse in Europe 1480–1620» (рис. 1). Этот элемент, вероятней всего, покинул несвижский дворец, в числе прочих артефактов, после событий 1831 г., подавления польского восстания и очередного разграбления коллекции.

Комплекс предметов гарнитуры Николая Радзивилла «Черного» из музея Метрополитан, за исключением вышеупомянутого шафрона, до 1860 г. принадлежал известному коллекционеру Петру (Пьеру) Салтыкову. Затем часть предметов была продана американскому коллекционеру Вильяму Риггсу, благодаря которому описанные предметы попали в собрания музея Метрополитан. Остается открытым только вопрос касательно анонимной продажи шафрона в 1912 г. в Париж¹. Этот элемент не находился в коллекции Салтыкова, однако есть сведения о его хранении в неназванной частной коллекции в Санкт-Петербурге.

Не менее интересным экспонатам Метрополитан-музея является спинная пластина доспеха Ежи Радзивилла «Литовского Геркулеса» (инв. 24.179). Этот доспех был изготовлен не менее известным, чем Лохнер, мастером из Аугсбурга – Кольманом Хелмшмидом² около 1525 г. (рис. 2). Хелмшмид являлся автором доспехов для целого ряда именитых заказчиков,

он работал по заказу императора Максимилиана I Габсбурга и эрцгерцога Сигизмунда Тирольского. Этот мастер был широко известен благодаря своим инновационным техническим и художественным подходам к производству брони. В музей Метрополитан этот элемент попал в 1927 г. из коллекции знаменитого исследователя и коллекционера, основателя отдела и экспозиции оружия и доспехов Метрополитан, Башфорда Дина, который располагал огромным собранием шедевров оружейного и доспешного дела со всего мира. Отдельным элементом этого доспеха, представленным в экспозиции, являются латные наручи (инв. 24.179; 26.188.1, .2; 29.158.363а, б).

Интересна также крепежная пластина (collar plate) (инв. 1999.448) к шлему Генриха Валуа – короля Речи Посполитой (1573–1575). Неизвестно ее происхождение и то, как она попала в Радзивилловскую зброевню, однако ее принадлежность к несвижскому арсеналу не вызывает сомнений. Она была произведена во Франции (предположительно Париж) в 1570-е гг. (рис. 3).

Рис. 3. Крепежная пластина к шлему короля Генриха Валуа. Париж, 1570-е гг.

Кроме того, онлайн-каталог Метрополитан-музея содержит информацию как минимум об одном пейтрале (элементе конского доспеха – нагрудника), полностью совпадающем с описанием нескольких подобных пейтралов, проданных на аукционе 14 июня 1927 г. (стальных, состоящих из трех пластин, с нанесенным клеймом гильдии мастеров Нюрнберга, произведенных приблизительно в 1520 г.³) (рис. 4). То же самое касается еще нескольких шафранов, однако, к сожалению, для них отсутствуют фотоснимки и представляется проблематичным проводить соотнесение с описанием каталога аукциона Кристис. Эта работа еще предстоит и, вероятно, будет проведена в этом году.

Кроме описанных элементов доспехов, можно выделить следующие наименования экспонатов, изъятых так или иначе из

Кроме того, онлайн-каталог Метрополитан-музея содержит информацию как минимум об одном пейтрале (элементе конского доспеха – нагрудника), полностью совпадающем с описанием нескольких подобных пейтралов, проданных на аукционе 14 июня

Рис. 4. Пейтрал. Нюрнберг, ок. 1520 г.

радзивилловского арсенала: латные рукавицы (4), полные конские доспехи (2), шлемы и элементы шлемов (3), кольчуги и элементы кольчужных доспехов (бармицы, рукава, шейная защита и т. д.) (35), спинные и грудные пластины доспехов (4), латные налокотники (3), латные наколенники и

элементы защиты колен (13), ножные латы (поножи) (пара), щитки копья для турнирного боя (3), гульфик (1), горжеты (3), защита ступни (1), полный доспех (1), полудоспех (1). К сожалению, эти предметы также представлены без описания и фотоснимков, что делает невозможной на момент написания статьи атрибуционную работу с ними. Тем не менее, прослеживаются определенные аналогии с вышеупомянутым каталогом аукциона Кристис от 1927 г.

Вторая категория артефактов, имеющих отношение к арсеналу несвижа в коллекции департамента оружия и доспехов – это холодное оружие. Это гораздо более скромное собрание, нежели коллекция доспехов, это связано прежде всего с тем, что предметов оружия было продано в 1927 г. гораздо меньше, нежели элементов доспехов. Кроме того зачастую определить происхождение холодного оружия (тем более типового) сложнее, чем доспеха. Тем не менее, в каталоге аукциона Кристис есть описания, напоминающие некоторые предметы онлайн-каталога музея Метрополитан. В частности, это относится к немецкому двуручному мечу середины – второй половины XVI в. (инв. 28.100.1). Дважды подобные мечи упоминаются в каталоге распродажи.

Не меньший интерес представляют собой три рапиры, представленные в коллекции. Все три помечены как дар князя Альбрехта Радзивилла от 1928 г., однако они были подарены не напрямую музею Метрополитан, а находились в коллекции исторического музея Дрездена (Германия), откуда, вероятно, и попали в Нью-Йорк. В описании одной из них присутствует фотография и достаточно подробное описание, двух других фотографий нет.

Рис. 5. Рапира. Себастьян Эрнандес-младший, Толедо, вторая половина XVI в.

Первая рапира (инв. 28.100.2) была изготовлена в Толедо во второй половине XVI в. мастером Себастьяном Эрнандесом-старшим, о чем свидетельствует соответствующее клеймо (рис. 5). Вторая (инв. 28.100.4) произведена, предположительно, в Золингене мастером Питером Тишем около 1600 г. Наконец, третья, также немецкая (инв. 28.100.3) изготовлена около 1610 г. На ней присутствует клеймо xxINVALIDIN x TIA xxx. Больше никаких сведений о ней нет.

Наконец, еще в онлайн-каталоге Метрополитан присутствуют пять ножей из охотничьего набора (инв. 28.100.18–22).

Третья категория – огнестрельное оружие. Оно представлено пистолетами – колесцовыми и кремневыми, а также ружьями и винтовками – также кремневыми, колесцовыми и фитильными. Все экспонаты этой группы помечены как «дар князя Альбрехта Радзивилла» от 1928 г.

Пистолеты представлены наборами по парам. Самая старая пара колесцовых пистолетов (инв. 28.100.8, .9) изготовлена в 1584 г. Вторая пара (инв. 28.100.12, .13) – австрийские кремневые пистолеты начала XVIII в. Третья – итальянские пистолеты также с кремневым замком (инв. 28.100.10, .11) – XVIII в. К сожалению, нет фотографий ни одной пары.

Среди ружей самое раннее - немецкое фитильное ружье середины XVI в.а (инв. 28.100.6) (рис. 6). Это настоящее произведение

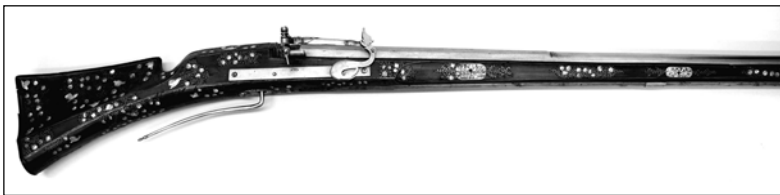

Рис. 6. Немецкое фитильное ружье. Середина XVI в.

искусства благодаря богатому декору, в котором доминируют растительные орнаменты. Не менее интересно немецкое колесцовое охотничье ружье (инв. 28.100.7), которое относится к 1589 г. Оно украшено ореховым деревом, латунными вставками, оленьим рогом. На стопорной пластине находится изображение геральдической лилии (Флер-де-Лис), вписанной в щит, на корпусе, закрывающем колесо, выгравирован герб Саксонии. Присутствует также ряд других знаков, говорящих о принадлежности этого оружия разным владельцам. До того как оно попало в Метрополитан, это ружье, как и рапиры, находилось в историческом музее Дрездена.

В коллекции присутствует также польская (произведена, вероятно, в Варшаве) колесцовая винтовка XVII в. (инв. 28.100.5).

Самой поздней из достоверно установленных винтовок, относящихся к радзивилловской коллекции, является охотничья винтовка, изготовленная в 1722 г. в Стокгольме мастером Йонасом Щертингером-младшим, о чем свидетельствует инскрипция на левой стороне ложи винтовки. Этот мастер служил членом Стокгольмской гильдии столяров-краснодеревщиков. Винтовка оснащена так называемым голландским замком (также называемым в англоязычной литературе термином *Sparhaunce*), который являлся своеобразным промежуточным решением между колесцовой системой и кремневыми замками (рис. 7).

Рис. 7. Охотничья винтовка. Йонас Щертингер-младший, Стокгольм, 1722 г.

Вышеописанными предметами, вероятно, не ограничивается список артефактов в собрании департамента оружия и доспехов Метрополитан-музея, имевших так или иначе отношение к несвижскому арсеналу Радзивиллов. В отношении многих предметов не работает стандартный критерий поиска в онлайн-каталоге «Radziwill». В частности, это относится к копейному щитку из гарнизона Николая Радзивилла «Черного». Этот предмет не фигурирует в литературе, посвященной радзивилловским доспехам

наряду с другими элементами данного доспеха (рис. 8). Если затрагивать не только тему оружия и доспехов, то подобная ситуация возникает также с упомянутыми в начале статьи слуцкими поясами. При удаленной работе приходится оперировать нестандартными категориями поиска, однако нельзя отбрасывать тот факт, что число подобных категорий стремится к бесконечности, а онлайн-каталог даже третьего по величине музея мира, к сожалению, далек от совершенства. Более или менее исчерпывающую информацию можно получить только после кропотливой работы в фондах самого музея Метрополитан.

Рис. 8. Щиток копья из гарнитура Николая Радзивилла «Черного». Кунц Лохнер, Нюрнберг, ок. 1555 г.

Следует отметить, что необходимость работы по предметам из радзивилловских собраний в музее Метрополитан относится не только к артефактам из департамента оружия и доспехов. Метрополитан также располагает рядом картин, произведений декоративного искусства (слуцкие пояса, талеровый кубок, картина кисти Рембрандта ван Рея) и т. д., принадлежавших ранее роду Радзивиллов. Многие из этих предметов до сих пор не описаны надлежащим образом. Ряд артефактов вовсе не введен в научный оборот.

Все это создает предпосылку для масштабной исследовательской и выставочной работы. Одним из приоритетных направлений деятельности является не только изучение артефактов, но и открытие их жителям региона, к которому эти предметы когда-то принадлежали. Без восприятия их невозможно составить полное впечатление о богатстве истории не только отдельного рода, но и целой страны.

В 2013–2014 гг. Национальный историко-культурный музей-заповедник «Несвиж», совместно с министерством культуры и министерством иностранных дел Республики Беларусь начинает

масштабный выставочно-исследовательский проект, в рамках которого планируется проведение выставки предметов, бывших во владении Радзивиллов, из коллекции музея современного искусства Метрополитан. В настоящее время ведутся переговоры с руководством этого учреждения о возможности краткосрочного депозита целого ряда предметов, многие из которых были перечислены в данной статье.

Проведению данной выставки, однако, будет предшествовать достаточно большая работа по отбору экспонатов и их первичному изучению сотрудниками музея-заповедника «Несвиж» в фондах Метрополитан, о чем также ведутся активные переговоры на момент написания статьи. Большой объем работы предстоит в момент проведения выставки на территории Беларуси. В частности, необходимо затронуть вопросы т. н. мягкой формы реституции – т. е. введения в научный оборот перемещенных предметов. Как уже отмечалось выше, многие из указанных предметов до сих пор не описаны не только в русскоязычной, но и в англоязычной литературе.

Осуществлению данного проекта предшествует большая аналитическая работа, часть которой уже проведена и итоги ее описаны в данной статье. В будущем представляется возможным издание целого ряда результатов атрибуционных и иных мероприятий, проведенной в рамках реализации проекта.

Иллюстрации, использованные в статье, автор взял из открытого доступа в онлайн-каталоге музея современного искусства Метрополитан. Все авторские права на них принадлежат данному учреждению.

¹ Ruhrr S.W., LaRocca D.J., Breiding D.H.. The Armored horse in Europe 1480–1620 New-York: The Metropolitan Museum of Art, 2005. P. 49–50.

² Зброя Вялікага Князства Літоўскага 1385–1676. Мінск: Беларусь, 2003. С. 22.

³ Там же. С. 85.

А.М. Егоров (Псков)

ОПОЧЕЦКОЕ ЗРВУ – ШКОЛА МУЖЕСТВА И БОЕВОГО МАСТЕРСТВА

СЕРЕДИНА XX в. открыла новую, «ядерную» эпоху в истории вооружений, которая обусловила в свою очередь бурную модернизацию и создание новых образцов зенитного артиллерийского и ракетного оружия, радиотехнических средств разведки, управления и создания помех в интересах противовоздушной обороны (ПВО). Неуклонное возрастание роли и значения ПВО для безопасности страны связано с тем, что большинство современных летательных аппаратов могут быть использованы в качестве носителей оружия массового поражения или для доставки обычных средств поражения, которые во много раз превосходят по мощности свои аналоги, применявшиеся в период Второй мировой войны¹.

Знаменательно и глубоко символично в этой связи, что одной из кузниц противовоздушного щита, предназначенного для защиты от ударов противника административно-политических центров, промышленных регионов, группировок Вооруженных сил и других важных объектов нашей страны, в 1960–1970-е гг. являлось Опочецкое зенитное ракетное военное училище.

Старинный русский город Опочка, известный своим вкладом в службу ратную с начала XV в., представляет собой одну из вершин символического «артиллерийского треугольника» в самом сердце Псковского края. От Опочки рукой подать до Пушкинских Гор с окрестными селцами Петровское, Михайловское, Воскресенское, которые вполне можно считать обителью не только поэтических муз. Как утверждает молва, в предках великого поэта А.С. Пушкина по отцовской линии числится Григорий Александрович Морхин по прозвищу «Пушка» – первый российский артиллерист.

Недаром с незапамятных времен на въезде в усадьбу Михайловское гостей встречает маленькая, но вполне боеспособная пушечка.

Профессиональными артиллеристами были и родственники А.С. Пушкина по материнской линии. Его прадед Абрам (Ибрагим) Петрович Ганнибал (1691–1781), знаменитый «арап Петра Великого», в 1722 г. окончил артиллерийскую школу во французском городе Ла-Фер. На следующий год в чине капитан-лейтенанта он был зачислен в бомбардирскую роту Преображенского полка. С 1755 г. А.П. Ганнибал возглавлял Инженерный корпус. Будучи генерал-инженером Главной канцелярии артиллерии и фортификации, он являлся организатором полигона для практических стрельб и обучения войск способам инженерной атаки крепостей под Санкт-Петербургом².

По стопам отца пошли его дети. Старший сын П.А. Ганнибал стал генерал-майором артиллерии. Средний О.А. Ганнибал, родной дед А.С. Пушкина, служил в морской артиллерии, так же как и младший двоюродный дед поэта И.А. Ганнибал (позднее последний командовал артиллерийской группой в Нашебургском пехотном полку)³.

Опочка с окрестными уездами, похоже, издавна была благоприятной средой для воспитания талантливых артиллеристов. В деревне Теревени под Опочкой находилось одно из имений рода Голенищевых-Кутузовых. Эти места связаны с детством генерал-фельдмаршала Михаила Илларионовича Кутузова, который в двенадцать лет был направлен на учебу в Артиллерийскую и Инженерную школу в Петербург. Здесь же похоронены его родители. Отец великого полководца, инженер-полковник Ларион Кутузов, писал в апреле 1759 г.: «И как оный сын мой ревностное желание и охоту имеет служить Е. И. В. в артиллерийском корпусе...» Вероятно, на выбор военной профессии первого в отечественной истории полного георгиевского кавалера повлиял род занятий его окружения. Тем более, недалеко, по соседству, в селе Ладино, находилось имение генерал-аншефа русской артиллерии Корнилия Богдановича Бороздина, умелым действиям которого русская армия была во многом обязана победой под Кунерсдорфом в 1759 г.⁴

Во второй половине XX в. многим псковским мальчишкам повезло приобщиться к артиллерийской науке, не покидая родных мест.

Развитие средств нападения с воздуха, особенно в условиях блокового противостояния, было неразрывно связано с совершенствованием и развитием системы противовоздушной обороны. Для выполнения этой важной задачи Войска ПВО нуждались в профессиональных кадровых офицерах, подготовку которых осуществляли бы специализированные военно-учебные заведения. С этой целью 4 июня 1949 г. директивой Генерального штаба МО СССР на базе в/ч 51115 в числе других было сформировано 3-е зенитное артиллерийское училище. Местом его дислокации был определен латвийский город Алуксне (бывший Мариенбург), расположенный вблизи западной границы Псковской области. Это довольно маленький городок, известный в основном тем, что в августе 1702 г. его взяли войска фельдмаршала Шереметева. Среди захваченных при этом пленников среди прочих была прачка Марта Скавронская – будущая супруга Петра I, более известная под именем Екатерины I.

Первоначально училище занимало относительно небольшую площадь и располагалось в здании, где до 1940 г. дислоцировался танковый полк, а в первые послевоенные годы размещалась исправительно-трудовая колония. Интересно, что в настоящее время здесь базируется учебный центр сухопутных войск Латвии⁵.

Первым начальником училища был назначен полковник В.С. Орловский – фронтовой офицер, впоследствии генерал-майор артиллерии. Перед формируемым им училищем была поставлена важная задача: подготовка высококвалифицированных специалистов для ПВО, а конкретно – артиллеристов-зенитчиков.

В сентябре 1950 г. училище провело первый набор курсантов по трехгодичной программе обучения для подготовки командиров взводов зенитных батарей 85-мм зенитных пушек (1951–1953 гг.). Среди выпускников этого набора почетное место в истории Войск ПВО занимают генералы Р.С. Акчурина и В.А. Белоусов. В частности, генерал-полковник Р.С. Акчурина в должности Командующего зенитными ракетными войсками ПВО очень много сделал для оснащения вверенных частей и соединений современной боевой техникой, а также совершенствования боевого мастерства ракетчиков – особенно в условиях проводимых тактических учений с боевой стрельбой на полигонах Сары Шаган и Ашулук⁶.

В период пребывания училища в Алуксне на вооружение Войск ПВО принимались современные на тот момент средства поражения

воздушных целей: 100-мм зенитный артиллерийский комплекс с приборами управления ПУАЗО-7, станцией орудийной наводки СОН-4 и средствами боевого управления. В августе 1951 г. был осуществлен второй набор курсантов по трехгодичной программе, но уже для подготовки взводов 100-мм зенитных батарей. Интересно, что в том же году в Алуксне из Житомирского зенитно-артиллерийского училища перевели взвод румынских курсантов (14 человек), один из которых позднее возглавлял ПВО Румынии.

С 1953 по 1957 г. личный состав училища регулярно выезжал на боевые артиллерийские стрельбы в полевой лагерь Морье на побережье Ладожского озера. Здесь с курсантами в качестве орудийных номеров и операторов отрабатывались навыки обычных и ночных стрельб радиолокационных станций. Используемые для подготовки методики демонстрировали положительную динамику в организации учебного процесса:

- 1953 г. – 93 % боевых стрельб были проведены с оценкой «хорошо»;
- 1954 г. – 100 % с оценкой «хорошо»;
- 1955 г. – 100 % с оценкой «отлично»⁷.

В 1955 г. на должность начальника училища назначается полковник К.С. Стифеев, офицер-фронтовик, обладавший большим опытом организаторской и воспитательной работы в войсках ПВО. В свою очередь, первый начальник училища генерал В.С. Орловский был переведен на должность начальника Ставропольского авиационно-технического училища.

Одновременно наметилась трансформация в профиле зенитно-го училища, что было продиктовано объективными причинами. К середине 1950-х гг. в связи с увеличением высот и скоростей полета, повышением маневренности реактивной авиации, эффективности огня зенитной артиллерии, особенно среднего и крупного калибра, заметно снизилась (из-за невозможности корректировать полет снарядов). Задача по уничтожению воздушных целей и, прежде всего, реактивной авиации стала возлагаться на принципиально новое оружие – зенитные ракетные комплексы (ЗРК), представляющие собой совокупность функционально связанных боевых и технических средств, обеспечивающих автономное выполнение задач по уничтожению воздушных целей зенитными управляемыми ракетами (ЗУР)⁸.

Рис. 1. На плацу ЗРВУ, г. Опочка, Псковская обл. 1974 г.

Первая зенитная управляемая ракета была создана и испытана уже в середине 1948 г. благодаря крупным достижениям в разных областях науки и техники, особенно в радиоэлектронике, химии, автоматике, телемеханике и аэродинамике. В 1952 г. были сформированы первые зенитные ракетные части, а уже к концу 1950-х гг. зенитные ракетные войска оформились как самостоятельный род войск, входящий в войска ПВО страны.

Указанные выше тенденции непосредственно сказались на дальнейшей судьбе училища. В 1956 г. оно перешло на подготовку командно-технического состава, и в сентябре этого же года был проведен первый набор курсантов для подготовки специалистов по ЗРК С-75. Это был новый этап в развитии ПВО по сравнению со ствольной зенитной артиллерией. Зенитные управляемые ракеты комплекса могли уничтожить воздушные цели на дальности до 50 км и высотах до 30 км. Уже в августе 1959 г. состоялся первый выпуск офицеров, подготовленных к эксплуатации и боевому применению ЗРК С-75.

Для училища это стало перспективным направлением, т. к. впоследствии боевые характеристики данного ЗРК постоянно совершенствовались, и несколько позднее он хорошо зарекомендовал себя при охране и обороне воздушных границ государства, а также при боевом применении в локальных войнах и конфликтах. Достаточно отметить, что исход войны во Вьетнаме решили именно зенитные ракетные комплексы С-75, которые поставлялись туда с

1965 г. По данным архива ВВС США в небе Северного Вьетнама они потеряли не менее 617 самолетов⁹. Только с 18 по 30 декабря 1972 г. средствами ПВО был уничтожен 81 американский самолет, причем ЗРК уничтожили 54, а из 34 бомбардировщиков В-52 ракетчики сбили 31. Сразу после этого налеты прекратились, а 27 января 1973 г. американцы подписали мирное соглашение с Вьетнамом.

В апреле 1959 г. начальником училища был назначен полковник Е.И. Белоусов, который находился в этой должности 12 лет. Офицер-фронтовик, он встретил войну командиром взвода и до последнего дня находился в действующих частях зенитной артиллерии, будучи несколько раз раненным. За мужество и умелое руководство подразделениями ПВО при прорыве блокады Ленинграда, взятии Данцига, Штеттина и других городов Белоусов был награжден орденами Отечественной войны I и II степени, двумя орденами Красной Звезды и многими медалями.

К этому времени история училища уже начала пополняться новыми героями послевоенного времени. Одним из них стал выпускник 1951 г. майор Н.И. Шелудько, служивший в зенитном ракетном дивизионе, который 1 мая 1960 г. сбил американский самолет-шпион У-2 под управлением захваченного в плен пилота Гарри Пауэрса. За проявленное мастерство и умелое применение боевого оружия майор Н.И. Шелудько был награжден орденом Красного Знамени.

В августе 1962 г. в связи с расширением училище переводится из Алуксне в Псковскую область, город Опочка. Как раз перед этим событием в апреле 1962 г. Е.И. Белоусову было присвоено воинское звание генерал-майор артиллерии.

Военный городок в Опочке существовал еще до войны и сразу после нее. В 1950-х гг. здесь стояли две воинские части: авиационных техников и учебное подразделение для подготовки артиллерийских инструментальных разведчиков, которых потом сменил батальон химической защиты. После передислокации сюда зенитно-ракетного училища, его территория заняла около 46 гектаров. Е.И. Белоусов в короткие сроки организовал капитальный ремонт казарм, столовой, учебного корпуса. Осенью 1964 г. был оборудован и введен в эксплуатацию парк для боевой техники и специальные классы, в которых были размещены элементы зенитного комплекса С-75. С 20 ноября 1965 г. училище было переименовано в Опочечкое радиотехническое училище ПВО.

Помимо укрепления материальной базы осуществлялась целенаправленная деятельность по комплектованию училища профессиональными кадрами, повышению их квалификации. О высоком уровне подготовки и авторитете его офицеров в войсках свидетельствует их привлечение к участию в командно-штабных учениях в качестве посредников. Престиж училища поддерживался боевыми заслугами лучших представителей его постоянного состава – таких, как Герой Советского Союза, подполковник В.В. Королев, возглавлявший в 1963–1965 гг. его партийную организацию. Своего высокого звания он был удостоен за подвиг, совершенный при форсировании Вислы в июле 1944 г. Командуя расчетом орудия, в то время еще сержант Королев в районе села Кемпа Хотецка Люблинской губернии под сильным артиллерийским и автоматным огнем противника на пароме первым форсировал реку. От попадания снаряда паром затонул недалеко от берега, но оставшиеся в живых бойцы во главе с Королевым вытащили орудие из воды, установили его на западном берегу и прямой наводкой отразили четыре контратаки противника силой до двух рот, удержав необходимый для дальнейшего наступления плацдарм. Чуть позже действуя без поддержки пехоты и уже без орудийного расчета, В.В. Королев лично уничтожил два пулемета и до 80 солдат и офицеров противника, а когда кончились снаряды, он выдвинулся вперед с ручным пулеметом и уничтожил еще 30 фашистов¹⁰. После работы в Опочечком училище В.В. Королев продолжил службу на ответственных должностях в ВС СССР и закончил ее в звании

генерал-майора артиллерии.

Рис. 2. Во время проведения присяги, 1972 г. Опочка, Псковская обл.

Состояние учебно-материальной базы, наличие вооружения и боевой техники, приборов и наглядных пособий позволило училищу с 1 сентября 1967 г. перейти на единый профиль подготовки

курсантов и начать обучение офицеров для эксплуатации ЗРК дальнего действия С-200. На тот момент это было самое современное и надежное средство поражения воздушных целей в широком диапазоне высот и скоростей полета. Мощная энергетика как радиотехнических элементов ЗРК, так и зенитной управляемой ракеты позволяла уничтожить воздушные цели на дальностях свыше 200 км и высоте более 40 км¹¹. С 14 мая 1968 г. учебное заведение стало называться Опочечким зенитным ракетным училищем ПВО страны.

Выпускники училища достойно выполняли боевые задачи в локальных конфликтах того времени. Особенно заметно они проявили себя во время событий начала 1970-х гг. на Ближнем Востоке, во Вьетнаме и других горячих точках мира.

Одним из самых известных в профессиональной среде участников египетско-израильской войны 1970 г. стал подполковник В.М. Толоконников. Выпускник 1951 г., он был фронтовиком и одним из самых опытных командиров зенитных дивизионов на данном ТВД. 18 июня 1970 г. противник предпринял попытку ликвидировать зенитную ракетную группировку, прикрывавшую объекты и расположение египетских войск. В налете на группу ЗРДН, в составе которой находился и дивизион В.М. Толоконникова, участвовало 24 «Фантома», которые осуществляли налет с разных направлений. Точными пусками дивизион в первые же минуты боя уничтожил три самолета противника. Однако израильские штурмовики, заходившие с другого направления, все-таки успели дать залп по огневой позиции дивизиона. Взрывной волной весь расчет вместе с командиром выбросило из кабины управления зенитной установкой. Личный состав, находившийся на стартовой позиции, был контужен. А вокруг рвались бомбы, пылала боевая техника. Тем не менее, по мнению военных экспертов, проявленная в сложившихся условиях стойкость личного состава и его командира позволяет обоснованно утверждать, что зенитно-ракетный дивизион бой выиграл¹².

Дивизион другого выпускника училища подполковника Н.М. Кутынцева совместно с арабскими подразделениями прикрывал в тот же период район Суэцкого канала. 3 августа 1970 г. дивизионы подполковников Н.М. Кутынцева и К.И. Попова в противоздушном бою уничтожили три и подбили один израильский самолет, сами не понеся никаких потерь. Совместно с египетскими военными в этот день было уничтожено 5 израильских самолетов¹³.

Рис. 3. Псковские курсанты-ракетчики. 1975 г.

Безусловно, эти события ускорили заключение 5 августа 1970 г. перемирия между Израилем и Египтом. Но еще в течение нескольких месяцев наши ракетчики несли боевое дежурство, охраняя небо над страной песков и пирамид.

Показавший себя мастером ракетного огня, Николай Кутынец вернулся из этой командировки Героем Советского Союза. Он и Василий Толоконников стали такой же гордостью училища, как еще раньше их коллега Н.И. Шелудько. Командование специально приглашало в Опочку этих заслуженных выпускников училища на встречи с курсантами – встречи, которые имели серьезный морально-воспитательный эффект для молодых псковских артиллеристов.

В следующем, 1971 г. в Опочечком военном училище состоялся юбилейный, двадцатый выпуск офицеров, после которого генерал Е.И. Белоусов был назначен начальником военной кафедры Ленинградского политехнического института. Сменивший его в августе 1971 г. полковник Г.В. Киселев (впоследствии генерал-майор артиллерии) также являлся участником Великой Отечественной войны. Кроме того, он имел опыт ведения современных противоздушных боев в реальных боевых условиях, т. к. до перевода в Опочку был военным советником в Египте.

Постепенно штат училища стал укомплектовываться офицерами из войск и академий, обладавшими не только высокой теоретической подготовкой, но и серьезной практикой в эксплуатации новейшей боевой техники. Часть из них, как и сам начальник училища, имели опыт боевых действий в локальных конфликтах за рубежом. Это касалось не только профессорско-преподавательского состава, но и представителей других служб. Например, возглавлявший в 1970-е гг. политотдел училища полковник В.М. Стрижков принял боевое крещение в Египте.

После событий на Ближнем Востоке и во Вьетнаме престиж отечественных сил противовоздушной обороны возрос чрезвычайно. Свой весомый вклад в подготовку специалистов внесло Опочечкое ракетное зенитное училище. 20 февраля 1975 г. был установлен ежегодный праздник – День Войск противовоздушной обороны страны, а в марте 1975 г. учрежден нагрудный знак военнослужащих Войск ПВО.

В июне 1975 г. училище переводится в ранг высшего учебного заведения, а в августе получает наименование – Опочечкое высшее зенитное ракетное командное училище ПВО. С 1 сентября 1975 г. курсанты начали заниматься в новом учебном корпусе с современной лабораторной базой и необходимыми условиями для научной и методической работы преподавателей. Увеличивается объем программ по тактическим и тактико-специальным дисциплинам, связи, военной топографии, уставам и организации службы войск, военной администрации и основам права, оружию и военной технике, военно-инженерной, огневой, строевой, физической подготовке. Расширились программы по изучению общественных наук, военной педагогики и психологии, ряду общеинженерных дисциплин – начертательной геометрии и машиностроительного черчения, теоретической механики, сопротивления материалов, технологии металлов, электротехнике, технической термодинамике, гидравлике и гидравлическим машинам, высшей математике, физике, химии и иностранным языкам.

В декабре 1976 г. начальником училища был назначен генерал-майор артиллерии Ю.А. Гончаренко, под руководством которого в июле 1978 г. училище передислоцировалось из Опочки в Днепропетровск, где его, к сожалению, и закрыли вскоре после распада Советского Союза¹⁴. До этого момента на псковской земле было подготовлено более 4 тыс. специалистов для Войск ПВО страны, а

**Рис. 4. В Пушкинских Горах
(в увольнении)**

всего с 1949 по 1991 гг. училище выпустило более 10 тыс. кадровых артиллеристов-ракетчиков, внося тем самым серьезный вклад в укрепление обороноспособности страны¹⁵.

Училище дало путевку в жизнь нескольким поколениям замечательных офицеров-артиллеристов и ракетчиков. Среди них известные генералы Р.С. Акчурин, К.Я. Кин, В.А. Белоусов, Н.Е. Столяров, С.Д. Ледовский,

а в числе последнего на псковской земле набора – уроженец Опочецкого района, первый командующий войсками воздушно-космической обороны Валерий Иванов.

¹ Андерсен Ю.А. и др. Противовоздушная оборона Сухопутных войск / общ. ред. П.Г. Левченко. М.: Воениздат, 1979. С. 4.

² Розов Н.Г. Ожерелье Псковской земли. Дворянские усадьбы. Кн. 2. Великие Луки: Изд-во Сергея Маркелова, 2011. С. 214.

³ Там же. С. 195.

⁴ Егоров А. «Псков сделался центром России...» Дворянин Голенищев-Кутузов и его земляки // Родина. 2012. № 6. С. 65.

⁵ НАТО. Краткий справочник / под общ. ред. Маргуса Колга. Таллинн, 2007. С. 534.

⁶ Ильин М.М., Ледовской С.Д. Святое воинское братство. Псков: «Псковская энциклопедия», 2001. С. 21–22.

⁷ Там же. С. 25.

⁸ Ашкерев В.П. Зенитные ракетные войска и зенитная артиллерия. М.: Воениздат, 1968. С. 24.

⁹ Макнаб К. Оружие уничтожения XXI века. Регулярные войска, полиция и террористы. М.: Эксмо, 2009. С. 302.

¹⁰ Ильин М.М., Ледовской С.Д. Указ. соч. С. 62.

¹¹ См. Советская военная энциклопедия. Т. 2–3. М.: Воениздат, 1976/77.

¹² Ильин М.М., Ледовской С.Д. Указ. соч. С. 16.

¹³ Там же. С. 17.

¹⁴ Бондаренко А. Прерванный полет // Красная звезда. 1999. 10 сент.

¹⁵ Днепротетровское зенитное ракетное. М.: Воениздат, 1988. С. 5.

С.В. Ефимов (Санкт-Петербург)

**«ТОТ, КТО НЕ ХОЧЕТ СТАТЬ ПОСМЕШИЩЕМ,
ДОЛЖЕН БЫТЬ ПОКОРНЫМ».
ЕВРОПЕЙСКИЕ ПОЗОРНЫЕ МАСКИ
XVI–XVII ВЕКОВ**

В О МНОГИХ западноевропейских музеях хранятся разнообразные орудия правосудия, предназначенные для пыток, наказаний и казней. Следует отметить, что эти «инструменты Немезиды» вызывают постоянный и неподдельный интерес у посетителей.

Огромной популярностью пользуется Музей криминальной истории Средневековья, или Музей средневекового уголовного права (*Medieval Crime Museum (Mittelalterliches Kriminalmuseum)*), в городе Ротенбурге в Баварии. В этом музее, созданном на основе как подлинных предметов, так и умелых реконструкций, посетители погружаются в жестокий мир средневекового правосудия.

Одна из лучших в мире экспозиций такого рода создана также в лондонском музее Данджен (*London Dungeon*). Здесь представлена не только самая известная экспозиция средневековых ужасов, но и орудия, связанные с ремеслом палача. Похожие музеи имеются в Амстердаме, Вене, Праге и многих других европейских городах.

В российских государственных музеях подобные экспонаты, как правило, надежно спрятаны в запасниках. Несколько десятилетий назад в Музее истории религии и атеизма (ныне Государственный музей истории религии) была закрыта экспозиция, посвященная инквизиции, где была представлена одна из лучших коллекций средневековых орудий пыток. В Государственном Эрмитаже инструменты палачей, хранящиеся в Арсенале, никогда не экспонировались.

Тем большим спросом пользуются передвижные частные выставки наподобие «Орудий пыток Средневековья» (в Петропавловской крепости), составленные из более или менее качественно сделанных новоделов.

В Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи уже несколько лет открыта экспозиция «Оружие Западной Европы XV–XVII веков». Это единственная в России музейная экспозиция, где, хоть и в небольшом количестве, представлены подлинные орудия правосудия. Наряду с рыцарскими доспехами, клинковым, древковым и огнестрельным оружием там можно увидеть и меч правосудия, мечи палачей, а также три необычные маски XVI–XVII вв.

Первая из них – самая маленькая по размерам (инв. № 0137/244, кн. № 33526). Высота маски – 260 мм, ширина – 300 мм. Масса – 1970 г. Маска изготовлена из кованого железа толщиной около 1 мм. Маска сделана в виде усатой человеческой головы, лоб которой покрыт тремя рядами тщательно проработанных морщин. Губы вокруг ротового отверстия четко оформлены, над верхней губой – длинные витые усы, достигающие щек, на которых также изображены сглаженные морщины. Вокруг глазных отверстий – веки. На лбу закреплена железная пластина в виде венчика, украшенного тринадцатью выпуклостями в виде полушариев. Венчик соединяет между собой рифленые конусообразные рожки высотой по 37 мм каждый. Над носом расположен витой крючок с кольцом на конце. Вместо ноздрей – одно дыхательное отверстие. К маске, по-видимому, крепились железные уши, которые за исключением небольших фрагментов утрачены. Голова увенчана волнистым гребнем, имевшим тридцать один изгиб (один утрачен). На личине и гребне

маски сохранились следы темно-красной краски, на купольной и затылочной части – черной. Сохранилась скоба, запирающая маску с помощью навесного замка. Маска напоминает лицо пожилого человека со щегольскими усами, возможно, ландскнехта, поскольку схожие усы носили солдаты-наемники в XVI – начале XVII вв. Рожки и гребень придают ей дьявольское выражение.

Маска поступила со списочного учета по акту № 13 от 20 июня 1969 г., а следовательно, скорее всего относится к числу вывезенных с территории

**Позорная маска XVI–XVII вв. ВИМАИВиВС.
Инв. № 0137/244**

Германии музейных предметов. Установить ее происхождение ввиду отсутствия документов не представляется возможным¹.

Вторая маска (инв. № 0137/233, кн. № 31911) имеет большие размеры и самая тяжелая по весу. Ее размеры составляют 300 мм в высоту и 275 мм в ширину. Вес – 11 860 г. Маска выкована из железа толщиной от 1 до 3 мм по типу рейтарских шлемов, но таковым не являлась из-за своей массивности и, следовательно, не может быть переделочной. Личина сделана в виде наглухо закрепленного забрала. В отличие от первой маски черты лица не так тщательно воспроизведены. Глазницы выпуклые, обведены белой краской. В носу прорези в виде двух ноздрей. Ротовое отверстие сделано в виде пасти с шестью белыми металлическими зубами треугольной формы (два сверху и четыре снизу).

Прикрепленные к маске большие усы сохранили следы красно-коричневого цвета. Правый ус состоял из шести частей (одна не сохранилась), левый – из семи. Трубчатые длинные уши прикреплены к шлему каждое двумя заклепками. Запирающая маску скоба состоит из двух частей (на одной петля, на другой проушина). Скоба соединяется сзади шлема в шейной области и запиралась, по-видимому, на замок. Маска окрашена в черный цвет и своим внешним видом напоминает средневековые изображения дьявола. Эта маска также поступила со списочного учета по акту № 1 от 10 января 1963 г.

**Позорная маска XVI–
XVII вв. ВИМАИВиВС.
Инв. № 0137/233**

Третья маска (инв. № 0137/234, кн. № 31912) изготовлена из железа по типу шлема-бургиньота, на котором жестко закреплено забрало в виде примитивно сделанного человеческого (возможно, женского) лица с ротовым, носовыми и глазными отверстиями. Высота маски – 315 мм, ширина – 180 мм. Весит маска 2190 г. Толщина железа – около 0,5–0,7 мм. С боков имеются трубчатые уши с остатками на них золотистой краски, которой также покрыт и гребень маски. Личина сохраняет следы коричневой краски, в то время как весь шлем был черного цвета. Губы были выкрашены

ярко-красной краской. На ожерелье сохранилась (с утратами) надпись на немецком языке, выполненная белой краской: «WER NICHT WILL STROH FINDEN DER MUSS ALLEN VERWENDEN» («Тот, кто не хочет стать посмешищем, должен быть покорным»). Под ушами, закрепленными каждое на двух заклепках, по пять небольших круглых отверстий. Запирающая скоба состоит из двух частей, также как у № 0137/233. На внутренней стороне маски на двух пластинах сохранились сборочные метки мастера в виде параллельных насечек. Такие метки делались на деталях и помогали при сборке комплекта. Подобные метки имеются и на рыцарских доспехах, в том числе и из собрания ВИМАИВиВС. Маска, как и предыдущая, поступила со списочного учета одновременно с предыдущей.

**Позорная маска XVI–XVII вв. ВИМАИВиВС.
Инв. № 0137/234**

Эти маски относятся к так называемым «позорным» маскам (нем. *Schandmaske*), имевшим широкое распространение в Западной Европе и, прежде всего, в немецких землях в XVI–XVII вв. Средневековые наказания, такие как ношение «позорной маски», «позорной шубы», выставление у позорного столба, проведение преступника в специальной одежде по главным улицам и т. д., относятся к разряду моральных наказаний, в основе которых лежали важнейшие для понимания средневекового сознания представления о чести и бесчестье². Такие наказания (в отличие от телесных наказаний за уголовные преступления, предполагавших под собой уродование осужденного преступника, нанесение ему увечий или причинение смерти и назначавшихся за преступление установленных в государстве законов) являлись одним из средств социального дисциплинирования и назначались не за правовое нарушение, а за нарушение морально-этического кодекса, принятого в обществе³.

Нарушителей, на которых были надеты позорные маски, в некоторых случаях водили по городу, но чаще всего выставляли на городской площади в колодках или на цепи у позорного столба.

Позорные маски. Западная Европа.
XVI–XVII вв.

Собравшаяся поглазеть на наказание толпа издевалась над провинившимися. Их забрасывали отбросами, камнями, вымазывали нечистотами. Удары и броски наносили серьезные, нередко смертельные травмы. Предпринимались даже попытки ограничить эти издевательства. Например, французский эдикт 1347 г. о богохульниках гласит, что они должны выставляться у позорного столба «и грязь, и прочий мусор, кроме камней или ранищих предметов, можно бросать им в лицо». При повторном богохульстве наказание ужесточалось: «Постановляем, чтобы в случае рецидива богохульник был выставлен к позорному столбу в праздничный рыночный день и чтобы ему рассекли (каменьями. – С.Е.) верхнюю губу, обнажив зубы»⁴ ...

Позорная маска XVI в. из собрания Оружейной палаты в Мариенкирхе в Бернау. Фото начала XX в.

Стояние у позорного столба, особенно если осужденный был закован в колодки, могло привести к смерти, если преступник успел как следует насолить согражданам. Отправляясь на экзекуцию, самые осторожные брали с собой лопаточку на длинной рукоятке, которой можно было хотя бы защитить лицо от града камней и всевозможной дряни. Однако грудь, спина, конечности

**Позорные маски в комнате пыток Нюрнбергского замка.
Фотография конца XIX в.**

и другие части тела могли в полной мере испытать на себе точность метальщиков.

Весьма печально закончилась карьера известной английской сводницы XVIII в. Элизабет Нидхэм (Мамаши Нидхэм), которая поставляла проституток высокопоставленным клиентам. Она заманивала в свои «сети порока» легковверных девиц из провинции, приезжавших в Лондон на заработки. Сомнительная репутация бандерши и давление со стороны столичных моралистов вынудили власти ее арестовать за нарушение общественного порядка. Сводню приговорили к стоянию у позорного столба, к чему она весьма тщательно приготовилась – наняла телохранителей и запаслась лопаточкой для лица. Однако ничего не помогло. Толпа так отделала ее камнями, что через несколько дней мамаша Нидхэм испустила дух. На тот свет старая сводня утянула в качестве компенсации еще одну жертву – один из сорванцов, чтобы лучше разглядеть ее позор, вскарабкался на фонарь, но не удержался и упал на железную ограду, отчего и умер на месте⁵.

Таким образом, позорные маски служили в некотором роде защитой для лица и головы человека от тяжелых повреждений.

В некоторых случаях приговоренные оставались на свободе, но должны были в течение определенного судом времени носить маску не снимая, подвергаясь таким образом насмешкам соседей и прочих добропорядочных горожан. Психологический эффект от ношения маски был также велик. Никому не хотелось оказаться на месте жертвы. Горожанин, зажатый в тесное кольцо крепостных стен и узкий круг сограждан, боялся позора не меньше меча палача или виселицы. Позорный столб и уродливая маска были главным профилактическим средством пенитенциарной системы. Однако арсенал правосудия того времени располагал и другими орудиями наказания за незначительные правонарушения.

Например, деревянная или железная «скрипка» для одной или для двух женщин своей формой напоминала музыкальный инструмент. Ее применяли, в основном, к виновным в клевете или оскорблении личности. Руки и шея жертвы закреплялись в небольших отверстиях так, что человек оказывался в молитвенной позе. Иногда две публично повздорившие между собой женщины вынуждены были сидеть зажатые «двухместной» скрипкой друг напротив друга.

С помощью специальной «флейты» обездвиживали голову и руки жертвы. Большой обруч охватывал шею, в то время как пальцы были стиснуты зажимами, причинявшими осужденному нестерпимую боль. К «флейте» приговаривали за клевету, сквернословие и богохульство.

На злоупотреблявших «зеленым змием» надевали специальную «бочку пьяницы». Физическая сторона наказания состояла в том, что жертва вынуждена была удерживать вес бочки на плечах, что было, конечно, весьма изнурительно. Кроме того, бочка была разрисована сюжетами в виде своеобразных комиксов, демонстрировавших непристойное поведение средневековых алкоголиков, что вызывало еще больший смех сограждан.

Азартного игрока ждали огромные игральные кости, вырезанные из дерева или камня, которые вешали ему на шею. Для большего позора подверженного игровой зависимости «украшали» деревянными игральными картами внушительного размера и веса.

За мелкие правонарушения могли повесить на шею «камень сарацина» (или «ядро сарацина»), представлявшее собой увесистый

груз, прикрепленный на цепи к ошейнику, надетому на шею правонарушителя⁶.

В Голландии торговца запрещенными книгами водили по городу в докторской шапочке и со связкой злополучного товара на шее. Мелких воришек заставляли нести на голове украденные предметы, при этом их сопровождали два стражника⁷.

Выставляя нарушителя общественного порядка на всеобщее посмеище, власти рассчитывали, что «люди обязательно сохраняют в памяти публичное зрелище, позорный столб, пытку и страдания, которые они наблюдали»⁸.

Маска должна была показать всем совершенный человеком проступок. Маска также способствовала исполнению широко распространенного средневекового правила: «*Mulier tacet in ecclesia*» («Женщина должна молчать в церкви»). Под словом «церковь» правящие церковные и светские власти понимали весь мир. Женщина же считалась низшим существом в отличие от более высшего — мужчины, и постепенно правило приобрело смысл: «Пусть женщина молчит в присутствии мужчин».

Следует отметить, что к ношению позорных масок приговаривали на основании обычного права либо судебных прецедентов. Известно, например, что Каролина (*Constitutio Criminalis Carolina*)⁹ — важнейший памятник средневекового германского уголовного права, названный в честь императора Карла V Габсбурга, действовавший в ряде своих положений вплоть до 1870 г., — предусматривала в качестве наказания (или одного из наказаний) выставление к позорному столбу. Однако в этом кодексе нигде не говорится о надевании на преступника позорной маски¹⁰.

Все это можно рассматривать как унижения «способами, заимствованными из репертуара народной юстиции»¹¹.

Маски изготавливали, как правило, из грубого неполированного железа, и они были достаточно массивными. Конструкции их тоже отличались большим разнообразием, видимо, в зависимости от преступления. Они могли выглядеть наподобие закрытых рыцарских шлемов, иногда представляли собой частично открытую конструкцию в виде клетки из полос железа, которой были приданы антропоморфные или зооморфные черты.

В очень редких случаях маски делали из дерева. Несколько лет назад на одном из известных аукционов в Германии была выставлена на продажу позорная маска, вырезанная из дерева в виде

Позорная маска в виде головы волка. Германия. XVII в.

Деревянная позорная маска в виде головы кабана (свиньи). Германия. XVI–XVII вв.

Позорная маска в виде головы волка. Германия. XVII в.

голова кабана (или свиньи). Эта маска заперлась на голове осужденного на простой крючок. Поскольку снять ее с головы было достаточно легко, то, скорее всего, руки носившего ее были заперты в колодке либо прикованы к позорному столбу¹².

Некоторые маски представляли собой настоящие произведения искусства в виде раскрашенных яркими красками голов фантастических существ, с длинными клювами или языком, крыльями, перьями, ушами и рогами¹³.

Каждый элемент такой позорной маски соответствовал какому-либо человеческому греху. Например, на гравюре Ганса Бальдунг, прозванного Гринем (нем. *Hans Baldung Grien*; 1480, 1484 или 1485–1545) гротескно изображены семь смертных грехов (гордость, скупость, блуд, зависть, гнев, чревоугодие, лень) в виде фантастических животных, наделенных, тем не менее, чертами реальных – свиньи, петуха, козла, собаки и др.

Маски делали всеобщим посмешищем тех, кого обвиняли в гробности, сквернословии, в мошенничестве, в супружеской измене. Например, мужчину, который попался на пьянстве, приговаривали носить за «свинское поведение» маску свиньи (или кабана), любопытную женщину — маску с длинным носом и очками, а скандалистку

и сплетницу — маску с длинным языком, нерадивого студента — маску в виде ослиной морды, драчун удостоивался маски петуха. На злоязыких сплетников надевали маску волка с острыми зубами и высунутым языком¹⁴. Маски часто применяли для наказания неверных жен, а также за сварливость, невоздержанность, бранчивость и т. п.

На некоторых дошедших до нашего времени масок можно увидеть трубчатые уши, которые также имели большое значение и указывали на прегрешения наказуемого. Эти уши отсылали

Семь смертных грехов. Гравюра Ганса Бальдунга. Начало XVI в.

Выставление у позорного столба с позорной маской на голове. Надпись на табличке: «Злая жена». Немецкая открытка конца XIX в.

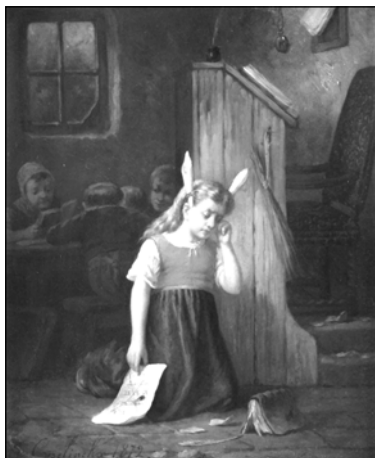
Выставление у позорного столба с позорной маской на голове. Надпись на табличке: «Наказан за сквернословие». Немецкая открытка конца XIX в.

зрителя к античному мифу о царе Мидасе. Известно, что он, будучи судьей в споре между Аполлоном и Паном (или, как вариант, Марсием), признал Аполлона побежденным в игре на флейте. Разгневанный Аполлон наделил Мидаса ослиными ушами, которые царю все время приходилось прятать под шапкой. Об ослиных ушах царя из придворных знал только брадобрей. Мучаясь тайной, которую никому нельзя было рассказать из-за угрозы потерять жизнь, он выкопал яму и прошептал в нее: «У царя Мидаса ослиные уши!» и засыпал землей. Из ямы вырос тростник, который раскрыл эту тайну всему свету, повторяя шепот брадобрея. В другом варианте окончания этой легенды рассказывается, что из выросшего тростника мальчик-пастушок сделал дудочку, которая и запела голосом брадобрея. Из этой легенды родилось крылатое выражение: «уши Мидаса», или «уши осла» – обозначающее глупость, невежество, которые невозможно скрыть¹⁵. Именно такие «уши осла» присутствуют на двух масках из собрания ВИМАИВиВС и, возможно, имелись и на третьей.

Следует отметить, что бумажные «ослиные уши» на голове ученика любили изображать европейские художники XIX в. в жанровых картинах из школьной жизни. Типичный сюжет: в центре класса стоит (или сидит на специальном позорном стуле) нерадивый ученик с привязанными «ослиными ушами», остальные смеются над бедолагой, либо же с еще большим прилежанием внимают учителю, дабы не подвергнуться наказанию.

Такие сцены можно видеть на полотнах швейцарца Фрица Зубер-Бюлера (*Fritz Zuber-Buhler*, 1822–1896) «Раскаяние. Уши осла», англичан Джона Майси Райта (*John Masey Wright*, 1777–1866) «Балбес» и Элизабет Хантер (*Elizabeth Hunter*, 1853–1883) «Позор», французов Жюля Давида (*Jules David*, 1808–1892) «Школьный учитель» и Теофиля Эмманюэля Дюверге (*Theophile Emmanuel Duverger*, 1821–1886) «Непослушные ученики», бельгийца Иосифа Гуселинкса (*Joseph Gyselincx*, 1817–1884) «Уши осла» и др.

Две из трех имеющихся в коллекции ВИМАИВиВС масок имеют усы, равно как они есть и на некоторых других масках, представленных в зарубежных музеях. Относительно этих усов возникают некоторые предположения. Вполне возможно, что

Уши осла. Картина Иосифа Гуселинка. 1872 г.

Школьный учитель. Гравюра с картины Жюля Давида. Вторая половина XIX в.

позорные маски с усами предназначались для наказания мужчин, в отличие от безусых – женских.

Кроме того, эти усы очень напоминают пышные и холеные усы ландскнехтов XVI–XVII вв., столь колоритно представленные на гравюрах Ханса Бургкмайра Старшего (*Hans Burgkmair der Alteste*, 1473–1531), Альбрехта Дюрера (*Albrecht Durer*, 1471–1528), Урса Графа (*Urs Graf*, между 1485 и 1490 – ок. 1529), Лукаса Кранаха Старшего (*Lucas Cranach der Altere*, 1472–1553), Якоба де Гейна (*Jacob de Gheyn*, 1565–1629) и других мастеров того времени.

Напомним, что у современников к ландскнехтам было двоякое отношение. Никто не сомневался в их профессиональных качествах как военных наемников. Каждый наемник, как в собственных глазах, так и в глазах общества, прежде всего являлся членом военного сообщества, мощной, многочисленной корпорации, вне которой он себя не мыслил сам и вне которой он не рассматривался социумом. В то же время образ жизни, которую вел ландскнехт, был абсолютно отличен от строго регламентированной жизни добропорядочного горожанина или крестьянина. «Различия в мировоззрении между военными и невоенными были настолько велики, что пропасть, разверзшаяся между ними, в подавляющем большинстве случаев оказывалась непреодолимой»¹⁶, – отмечает один исследователь.

Изображения ландскнехтов (фрагменты) на гравюрах
XVI – начала XVII вв.

Полагали, что ландскнехты якшаются с нечистым. Например, «Молот ведьм» (1485 г.), признаваемый в качестве непрерываемого авторитета как католиками, так и лютеранами, сообщает и о чрезвычайной распространенности в среде военных и настоящего колдовства. В частности, речь идет о стрелках из лука, арбалета и пищали,

которые, «дабы не знать промаха», заключали договор с дьяволом и поражали пулей или стрелой изображение Спасителя столько раз, сколько планировалось убить людей в намеченный день. Подобные поступки считались отречением от Христа, «...ни с чем не сравнимым поруганием...»¹⁷. Равным образом квалифицировалось и уродование Распятия с целью предотвратить ранения (отрубалась или повреждалась та часть тела статуи, защитить которую требовалось), причем сообщается, что этот безобразный обычай настолько распространен, что «...из десяти изображений Христа, стоящих на перекрестках, не найдется ни одного совершенно целого»¹⁸.

Следует отметить, что эта практика существовала и позднее. Практически о том же в начале XVII в. писал военный теоретик Й.Я. Валльгаузен, отстаивая веру в Бога, которого, по его словам, должен иметь в сердце каждый военный: «...а на иные заказанные идольския меры и на ведовство не надеяться и от оружия от поколотия на стрельбы не заговариватися. Которое все от диявола есть, но защите и оборонению его быти то, что Бога в сердца своем имети, который многим лутчи может помощи и избавить, нежели такая идолския и дияволския меры. А те которыя таких мер держатся не Бога, но диявола в сердца своем имеют»¹⁹.

Характерно, что «Молот ведьм», предусматривая в качестве наказания для приютивших стрелков-колдунов и прочих князей и военачальников отлучение от церкви, особенно оговаривает неприкосновенность войска, «находящего удовольствие в меткой стрельбе колдуна»²⁰, т. е. даже строгие отцы-инквизиторы, подобно светским властям, опасаясь наемников, относились к их «грешкам» попустительски даже на бумаге. В реальности же практически все действия колдовского характера, совершенные военными, оказывались безнаказанными и в пик охоты на ведьм, и более того, нередко приветствовались командованием. Судя по всему, довольно типичной являлась ситуация, описанная Г.Я.К. Гриммельсгаузенем, в которой фигурировал профос-колдун. «Искусство» этого профоса, который «был заклятый чернокнижник, умел вертеть решето и заклинать дьявола, и не только сам был крепок как булат, но и других мог сделать неуязвимыми и, вдобавок, напустить в поле целые эскадроны всадников [создать мираж]...», не считалось грехом и использовалось на практике, к примеру, для выявления вора, причем на официальных началах²¹. Распространенным среди наемников видом колдовства

считался и заключенный с дьяволом договор, имевший целью обеспечение постоянного успеха в игре.

Естественно, такая, абсолютно противоположная всеобщей, атмосфера не могла способствовать проявлению даже внешнего уважения к религии. Церкви и монастыри безжалостно разорялись, священнослужители подвергались всевозможным издевательствам, вопреки строжайшим запретам статейных грамот. Собственные капелланы нередко оказывались на положении шутов.

Однако самым укоренившимся пороком в среде ландскнехтов, резко бросавшимся в глаза, были божба и богохульство, почти единственные в то время формы брани, производившие настолько глубокое впечатление на современников, что в немецком языке до сих пор употребительным является фразеологизм «ругаться (проклинать) как ландскнехт» (*«fluchen wie ein Landsknecht»*), в одном из военных трактатов была даже приведена ироническая схема, изображавшая распространенные объекты божбы: распятия, раны Христовы и т. п. Разумеется, это также предусматривало наказание вплоть до лишения жизни, но лишь формально. Поэтому неудивительно, что постороннему наблюдателю солдаты казались «хулителями Христа и его учения, а вовсе не христианами»²². До некоторой степени такое утверждение соответствовало действительности.

В немецких народных историях (шванках) XVI–XVII вв. сохранилось большое количество сюжетов о связях ландскнехтов с дьяволом, их богохульстве, сквернословии, жадности и т. п. В одной из них, в частности, рассказывается, как некая группа ландскнехтов, служивших в одном подразделении и всех вместе павших на поле брани в полном боевом порядке с развернутыми знаменами, отправилась в Ад. Они сами рассудили, что именно там им и место. Черти настолько испугались грозных наемников, что забаррикадировали все входы в Преисподнюю. А страж адских ворот обратился к ландскнехтам с речью, которой убедил вояк, что место им в Раю.

Ворота Рая ландскнехтам преградил Святой Петр со словами: «Катитесь отсюда, пока вас взащей не вытолкали! Проваливайте, изверги и насильники!» Тогда один из солдат дал святому ответь: «Подобает ли свирепому волчищу, пожирающему без разбора коров, телят и овец, именовать разбойником жалкого лиса лишь потому, что тот, случается (да и приходится), душит иногда кур? Или ты, лысый чурбан, позабыл о своих собственных прегрешениях? Позабыл, как солгал своему Учителю и Спасителю и как от Него

отрекся? Отрекся не один раз, а трижды! А ведь никого из нас ни в чем подобном нельзя упрекнуть».

Святой Петр устыдился слов ландскнехта, да и побоялся, что его слова услышат другие райские насельники. Скрепя сердце он пропустил солдат в райские кущи²³.

Эта история как нельзя лучше демонстрирует то, что в народном сознании наемники были хоть и сплоченной группой, но совершенно асоциальными элементами, не боявшимися ни черта, ни святых угодников.

То что позволялось ландскнехту, было совершенно неприемлемо и запрещено для других сословий. Можно, предположить, что усы на позорных масках напоминали зрителям о сквернословии и богохульстве наемников, а человек, носивший маску, уподоблялся в своей грубости ландскнехту.

Социальный эффект ношения позорной маски, как и других наказаний такого рода, заключался в уничтожении социального облика человека путем его обезличивания: опозоренный, потерявший честь человек, что называется, «терял свое лицо». Он надевал уродливую личину, которая как бы отражала суть его поступков и его нравственный облик в глазах сограждан. Ему нечего было делать среди добропорядочных граждан, и он символически оттеснялся за границы социальной жизни. Именно в этом заключена причина часто бестиарного, или зооморфного, характера позорных масок. Как уже отмечалось выше, человеческие пороки, страсти и грехи в средневековой культуре часто изображались через посредство образов животных²⁴. Тем самым подчеркивалась низшая, животная природа человеческих слабостей и страстей в противовес высшей природе истинно духовной жизни. Поэтому человек, нарушивший морально-этические нормы, пошедший на поводу своих страстей и слабостей, и уподоблялся животному, не знающему меры и границы, и заслуживал общественного порицания.

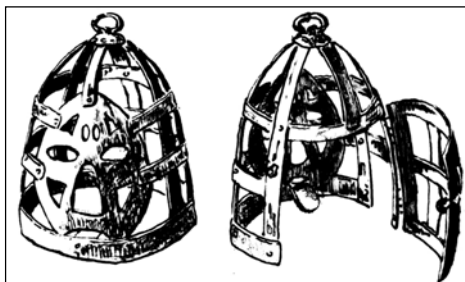
Разновидностью позорной маски была так называемая «уздечка для сварливых жен» (англ. *scold's bridle; the branks; brank's bridle*). Она получила широкое распространение в Англии, Уэльсе и Шотландии со второй половины XVII в., однако применяли ее и на континенте, в основном в германских землях. «Уздечка» представляла собой железный намордник, сделанный из железных полос и напоминающий клетку для головы²⁵. Очень часто конструкция снабжалась металлическим кляпом, который жестко закрепляли на уровне рта.

В некоторых случаях для ужесточения наказания кляп был утыкан железными шипами²⁶.

«Уздечка» надевалась на голову наказуемого и фиксировалась с помощью замка. Кляп оказывался в полости рта, мешая говорить, шипы давили на язык, причиняя нестерпимую боль. Название маски говорит само за себя. Чаще всего «узdechки» надевали на сплетниц и клеветниц.

По приговору судьи палач (при отсутствии такового это мог выполнить и стражник из магистрата) приходил в дом провинившейся, надевал на голову маску, привязывал цепь и вел «сварливую жену» к позорному столбу под издевательства и поношения толпы. Надо полагать, что к физическим страданиям для злоязыкого человека добавлялись и моральные, из-за кляпа во рту у него не было возможности грызаться.

Именно эту особенность «узdechки» отмечал в конце XVII в. один из современников: «В Ньюкасле и Уолсолле для воспитания и исправления любителей сквернословия применяют любопытное и остроумное приспособление, столь эффективное и безопасное в своем действии, что я считаю его гораздо предпочтительнее *ночного трона*²⁷, который не только ставит под угрозу здоровье провинившейся, но и оставляет ее языку свободу разражаться бранью при каждом погружении (в воду. – С.Е.).

«Уздечка для сварливых жен» в виде клетки. Англия. XVII в.
Рис. Карла фон Амира

Стражник ведет на цепи женщину с «узdechкой» на голове. Английский рисунок XVII в.

Упомянутое приспособление лишено обоих этих недостатков и служит надежным кляпом для распущенного языка»²⁸.

Некоторые «уздечки» обеспечивали жертве дополнительные мучения, поскольку были снабжены специальным закручивающимся устройством, позволявшим стягивать железные полосы вокруг головы. Существовали также конструкции, имевшие на месте отверстий для глаз специальные выпуклости, давившие при стягивании «уздечки» на глазные яблоки, что доставляло дополнительные мучения²⁹.

В Англии «уздечку» использовали вплоть до середины XIX в. Особенно долго обычай надевать этот рудимент средневекового права сохранялся в английской провинции. Так, например, в графстве Чешир намордник в последний раз применили в 1834 г. Жители городка Олтринхэма в предместьях Манчестера в 1820 г. решили выгулять в «уздечке» местную старушку, которая допекла всех своим сквернословием. Однако в последний момент у бабушки отнялись ноги. Тогда милосердные горожане повезли ее по улицам в тачке – не отменять же наказание из-за каких-то пустяков! В тюрьме Престона в графстве Ланкашир намордником наказывали за ругань и богохульство вплоть до 1850 г., когда, наконец, вышестоящее начальство не сочло это наказание вопиющим анахронизмом и изъяло у тюремщиков варварский инструмент³⁰.

Первое упоминание о применении «уздечки» в Шотландии относится к 1567 г., когда к часовому стоянию у

«Уздечка» с винтами.
Англия. XVII в.

«Уздечка». Англия или
Шотландия. XVII в.

Позорная маска XVII в. из
собрания Kelvingrove Art
Gallery and Museum
(Шотландия. Глазго)

позорного столба в «уздечке» приговорили Бесси Тайлифейер за хулу на бейлифа (помощника шерифа или судьи) Томаса Хунтера³¹.

Несмотря на то что «уздечка для сварливых» была изобретена именно для женщин, в некоторых случаях ее надевали и на мужчин. В 1591 г. в Абердине некий Патрик Пратт был приговорен к стоянию у позорного столба в «уздечке». В 1559 г. одного из преступников приговорили к ношению аналогичной конструкции на голове в течение суток³².

В городке Уолтон-на-Темзе (*Walton-on-Thames*) в ризнице церкви, построенной в 1633 г., хранилась уздечка, подаренная магистратами города Честера. На ней была надпись: «Честер дарит Уолтону уздечку, чтобы обуздать сквернословие женщин»³³.

В XVIII – начале XIX вв. «уздечку» применяли и в печально известных работных домах (*Workhouses*) для наказания женщин, нарушавших суровый режим содержания.

Одна из таких «уздечек», происходящая из Стаффорда, сохранилась в собрании замка Кобург (*Veste Coburg*). Она имеет типичную конструкцию и была изготовлена в 1600–1650-е гг. На одной из металлических полос нанесена белой краской надпись по-латыни: «GARRULA LINGUA NOCET» («Болтливый язык приносит

вред»). Кроме того, на «уздечке» стоит дата – 1838 г., свидетельствующая о последнем применении этого средства наказания. По свидетельству газеты «*Staffordshire Advertiser*», ему была подвергнута Мэри Кэрелесс³⁴.

В некоторых случаях суды ограничивались угрозами применить «уздечку». В 1653 г. одной из эдинбургских любительниц крепкого словца

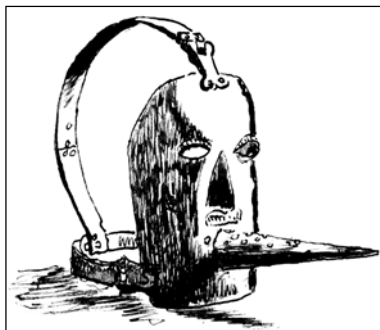

Женщина, наказанная ношением «уздечки». Рис. 1885 г.

судья лишь пригрозил, что если ее еще раз заметят сквернословящей или бранящейся, тогда на нее наденут «уздечку» и проведут по городу.

Существовали специальные маски для пыток. Например, в фондах Государственного Эрмитажа хранится несколько так называемых «масок голода». Они сделаны в виде шлемов с вытянутыми в виде крысиных мордочек и жестко закрепленными забралами. В самый кончик «носа» клали кусочек сыра (или другой еды), который своим аппетитным запахом, выходящим через многочисленные отверстия, постоянно раздражал мучимую голодом жертву. Однако, вполне возможно, что вместо сыра палачи помещали в «крысиный нос» отнюдь не аппетитные вещи, а совсем даже наоборот.

Маска для пытки водой представляла собой металлическую конструкцию, надеваемую на голову и полностью закрывавшую лицо жертвы, оставляя лишь отверстия для глаз (чтобы жертва могла все видеть) и удлиненное отверстие для залива воды непосредственно в рот жертвы. С внешней стороны это отверстие выглядело как воронка, на внутренней же поверхности маски находилась трубка, которая при надевании маски на лицо жертвы вставлялась жертве в рот и исключала возможность жертвы закрыть рот и заблокировать тем самым поток воды, направляемый через трубку.

**Маска голода. Западная Европа.
XVI–XVII вв. Рисунок Карла
фон Амира**

В инструментарии средневековых палачей имелась так называемая «ведьмина сбруя» (англ. *harness the witches*), конструкция которой практически совпадала с устройством «уздечек». Отличие состояло лишь в том, что в «уздечке» выставляли к позорному столбу или водили по городу в течение достаточно короткого времени – как правило, не более часа. «Ведьмину сбрую» затягивали на голове жертвы на более длительное время, не давая при этом спать и подвергая дополнительным истязаниям³⁵.

Приведем лишь один пример применения «ведьминой сбруи». Он связан с массовыми судебными процессами в шотландском

графстве Северный Бервик в 1590–1592 гг., которые начались из-за ряда неожиданных, едва ли не чудесных, исцелений, осуществленных служанкой Джилли Дункан. Своим возникновением эти суды были обязаны любопытству Дэвида Ситона – заместителя бейлифа небольшого городка Транента в десяти милях от Эдинбурга, по поводу подозрительных ночных прогулок его молодой служанки, Джилли Дункан. Девушка быстро приобрела репутацию целительницы «всех тех, кого беспокоили или причиняли муки любого рода недомогания или немощь». Как показалось Ситону, ее искусство было противоестественным и дьявольским. Тогда, чтобы выявить ее связь с Сатаной, он подверг ее пыткам: резко дергал ее голову веревкой, которой она была обвязана, раздрабливал пальцы тисками и обследовал ее на предмет клейма дьявола, которое, как он предполагал, было на ее горле. После этого она призналась ему в «преднамеренном обольщении и связи с дьяволом». Вскоре после того как хозяин передал ее властям, она была вынуждена назвать своих сообщников, тут же «арестованных один за другим». Среди указанных ею «бесчисленных» лиц, живших около Эдинбурга и Лейта, были пожилая и получившая хорошее образование Агнесс Семпсон, доктор Джон Файан, школьный учитель в Солтпенсе и две женщины, Эвфемия Маклин и Барбара Напьер, «пользовавшиеся репутацией самых добропорядочных горожанок из когда-либо проживавших в городе Эдинбурге».

Агнесс Семпсон, превосходящая «по положению и уровню развития обычный уровень, серьезная и точная в своих ответах», была допрошена самим королем Яковом VI в замке Холируд. Агнесс «настойчиво отрицала все, что было выдвинуто в качестве ее обвинения». Тогда «все ее волосы были обриты, в каждой части тела», она была грубо обыскана, и клеймо дьявола обнаружено на наружных половых органах. Она была прикована к стене ее камеры «уздечкой ведьмы», с четырьмя острыми зубьями на кляпе, вставленном ей в рот так, что два зуба сдавливали язык, а два других давили на щеки. Ей не давали спать, кроме того, вокруг ее головы была обвязана веревка, причинявшая дополнительные мучения³⁶. Только после подобных тяжелых испытаний Агнесс Семпсон признала 53 обвинения, выдвинутых против нее, в основном связанных с лечением болезней с помощью заговоров. Она начала с признания простейших заговоров, белого «Отче наш» («Откройте, врата небесные») и черного «Отче наш»: «В четырех углах дома по четыре

ангела. В середину грядут Иисус Христос, Лука, Марк, Матфей, Иоанн. Да будет Господь над этим домом и над нами!» А на суде ее простая, искренняя вечерняя молитва превратилась в заговор для вызывания дьявола: «Матфей, Марк, Лука и Иоанн! Благословите мою кровать!»

Затем пришел черед предполагаемых историй о волшебных порошках, домашнем духе в виде собаки по имени Элва, жившей в колодце. Наконец, истощенная пытками и допросами Агнес рассказала о собрании около 90 женщин (в некоторых источниках говорится о 200) и 6 мужчин в День Всех Святых. Развеселившись от выпитых бутылей вина, они поплыли в «решетах или ситах» в Норт-Бервик. Здесь они высадились и танцевали в круге с Джилл Дункан, игравшей на еврейской арфе; мужчины поворачивались «шесть раз против солнца [движения часовой стрелки], и женщины шесть раз». Церковь была освещена черными свечами, и дьявол, в образе мужчины лежавший на перилах кафедры, приказал, «чтобы в знак преданности они поцеловали его в зад, причем каждый делал это как будто наслаждаясь». Затем они обсуждали способы причинения вреда королю и вызывания бури, которая могла бы уничтожить его корабль, плывущий в Данию.

Легковерный монарх был так зачарован этой историей, что заставил Джилли Дункан сыграть «*Gyllatripes*» перед ним на арфе «к его большому удовольствию и удивлению». Продолжая допрос Агнесс, король Яков I решил, что все ведьмы «были исключительными лгуньями». Когда Агнесс шепотом пересказала ему слова, которые он говорил своей 15-летней королеве, Анне Датской, во время их свадебной ночи в Осло (Норвегия), Яков признал «ее слова как самые правдивые и, следовательно, принял на веру все остальное, что было заявлено перед этим».

Следует напомнить, что единственным свидетелем подобного выходящего за пределы разумного представления был он сам; фанатика можно было легко убедить, особенно когда все это выглядело как возможный заговор против его жизни.

Признания Агнесс Семпсон стали еще более удивительными: она якобы подвесила черную жабу на три дня и собрала ее яд в устричную раковину; она пыталась достать что-нибудь из белья короля, чтобы заколдовать его с помощью яда и заставить короля чувствовать, «как будто он лежит на острых зубьях и концах иголок». Агнесс Семпсон и другие ведьмы изготовили восковое подобие

короля и расплавили его. Она получила саван и два сустава от трупа, чтобы сделать магический порошок. Она помогла вызвать самый известный шторм в истории колдовства, окрестив кота, привязав конечности мертвецов к его лапам и закинув его в море. Выдумки бедной Агнес так утомили ее палачей, что они прекратили пытку «уздечкой», но она была задушена и сожжена как ведьма³⁷.

Барбара Напье, золовка лейрда из Каршогахилла была обвинена в соучастии с Агнес Семпсон и Ричардом Грехемом, якобы известным чародеем. Прежде всего она была обвинена «во множестве предательских заговоров, предпринятых с помощью колдовства, чтобы уничтожить королевскую персону с помощью изображения из воска и чтобы утопить корабль, плывший из Лейта в Кин-хорн, когда шесть человек пропали без вести». Заслушав эти обвинения, судья сессии выездных присяжных прекратил дело. Этот поступок привел короля в такую ярость, что он заставил суд собраться снова и распорядился, чтобы Барбара Напье была задушена и сожжена у позорного столба, ее собственность конфискована в его пользу. Те судьи, которые голосовали за ее освобождение, были затем подвергнуты пытке за «сознательно допущенную ошибку на сессии, оправдавшей ведьму». Миссис Напье молила о пощаде в связи с беременностью, и спустя некоторое время «поскольку никто не настаивал на ее преследовании, была освобождена».

Другой известной обвиняемой была Эвфемия Маклин, дочь лорда Клифтонхолла и жена Патрика Москропа, богатого и влиятельного человека. 6 адвокатов взяли на себя смелость защищать ее. Она отказалась признаться в чем-либо (основными обвинениями были знахарство и колдовство).

Судья размышлял всю ночь, и старшина присяжных был вынужден распустить суд, прежде чем был возвращен обвинительный вердикт. Возможно, потому что Эвфемия была подругой графа Босуэлла и католичкой, король Яков I настоял на том, чтобы она была «заживо сожжена дотла». 25 июля 1591 г. граф Босуэлл, несмотря на то, что его содержали в Эдинбургском замке, смог убежать без вреда. Позже Ричард Грэхем был обвинен вместе с Барбарой Напье в том, что он якобы помогал Босуэллу околдовать короля. После допросов, проведенных лично Яковом I,

Грэхем был сожжен в феврале 1592 г. вместе с другими обвиненными «в колдовстве и чародействе»³⁸.

Этот процесс произвел большое впечатление на короля. Он стал увлекаться демонологией и даже издал в 1597 г. трактат о борьбе с колдовством³⁹.

У масок и уздечек были еще и другие предназначения. Маска, которую носил приговоренный к смерти, но помилованный преступник, своим внешним видом напоминала оскалившийся человеческий череп. Во время религиозных войн во Франции в XVI в. католические толпы водили женщин-протестанток по улицам в масках-намордниках или терновых венцах. Протестантских проповедников, ведя на казнь, одевали как сумасшедших в зеленые одежды и взнуздывали как лошадей намордниками (уздечками) с кляпами⁴⁰.

Некоторые исследователи полагают, что «маску голода» палачи использовали для изощренного умерщвления приговоренного голодной смертью⁴¹.

В некоторых случаях маски надевали на приговоренных к сожжению на костре, чтобы не дать жертве говорить (на костре живьем сжигали нераскаявшихся еретиков, которые до последнего отстаивали и проповедовали свои убеждения), а также заглушить страшные крики во время мучительной агонии⁴².

¹ Ефимов С.В. Трофейная комиссия Артиллерийского исторического музея в Германии (1945–1946 гг.) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Межд. науч.-практ. конф. СПб., 2010. Ч. 1. С. 249–276.

² См. подробнее: Стюарт К. Позорная шуба, или Непреднамеренные эффекты социального дисциплинирования // История и антропология: Междисциплинарные исследования на рубеже XX–XXI веков. СПб., 2006. С. 225–264; Левинсон К.А. Палач в средневековом германском городе: Чиновник. Ремесленник. Знахарь // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 3. Человек внутри городских стен. Формы общественных связей. М., 1999. С. 223–231; Тогоева И.О. Казнь в средневековом городе: зрелище и судебный ритуал // Там же. С. 353–361; Zaremska A. *Niegodne rzemioslo: Kat w spotoczenstwie Polski w XIV–XV st.* Warszawa. 1986.

³ Brushfield T.N. *On Obsolete Punishments with particular reference to those of Cheshire. Part I. The Brank, or Scolds Bridle* // Journal of the Architectural, Archaeological, and Historic Society, for the County, City, and Neighbourhood of Chester. Chester, MDCCCLXIV. Vol. II. P. 3.

⁴ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова М., 1999. С. 161.

⁵ Коути Е. Недобрая старая Англия. СПб., 2013. С. 220–223.

⁶ *Das Tagebuch des Meister Franz, Scharfrichter zu Nurnberg*. Nachdruck der Buchausgabe von 1801. Kommentar von Jurgen Carl Jacobs und Heinz Rolleke. Dortmund 1980. S. 178.

⁷ Зюмтор П. Повседневная жизнь Голландии во времена Рембранта / пер. с фр. М.В. Глаголева. М., 2000. С. 292.

⁸ Фуко М. Указ. соч. С. 67.

⁹ Свод законов Каролина был утвержден в царствование императора Карла V в 1532 г. рейхстагом в Регенсбурге. Источниками Каролины были Бамбергское уложение (*Bambergensis* – «*mater Carolinae*») и почти идентичное ему Бранденбургское уложение (*Brandenburgika* – «*soror Carolinae*»), составленные Шварценбергом (*Freiherr Johann von Schwarzenberg*), жившим в 1463–1528 гг. Каролина действовала полностью или частично на всей территории Германии, причем в отдельных местах признавалась как *Gemeines Deutsches Recht* (общее германское право) по 1870 г.

¹⁰ См. подробнее: Каролина. Уголовно-судебное уложение Карла V / пер., пред. и прим. Булатова С.Я. Алма-Ата, 1967.

¹¹ Дэвис Н.З. Обряды насилия // История и антропология: Междисциплинарные исследования на рубеже XX–XXI веков. СПб., 2006. С. 152.

¹² См.: http://www.hermann-historica.de/gb/index_abgeschlossen_N.html (Аукцион 59, состоялся 9–10 апреля 2010 г.)

¹³ Fairholt F.W. *On a Grottesque Mask of Punishment Obtained in the Castle of Nuremberg* // Transactions of the Historic Society of Lancashire and Cheshire. Ed. by J.H. Parker for the Historic Society of Lancashire and Cheshire. London, 1855. P. 62–64.

¹⁴ Уникальная коллекция изображений европейских позорных масок стала доступна благодаря электронной публикации архива известного немецкого историка права Карла фон Амира (Karl von Amira, 1848–1830) на сайте <http://bsbdipriorkat.bsb.lrz.de/amira/projekt/amira.php>

¹⁵ Грейвс Р. Мифы Древней Греции / пер. с англ. М., 1992. С. 215–217; Словарь античности / пер. с нем. М., 1989. С. 353.

¹⁶ Александров С.Е. Немецкий наемник конца XV – середины XVII вв.: грани ментальности // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 110.

¹⁷ Шпренгер Я., Инститорис Г. Молот ведьм. Саранск, 1991. С. 243–244, 247.

¹⁸ Там же. С. 246.

¹⁹ Вальдгаузен Й.Я. Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. СПб., 1904. С. 27.

²⁰ Шпренгер Я., Инститорис Г. Молот ведьм. С. 246.

²¹ Гриммельсгаузен Г.Я.К. Симплиссимус. М., 1976. С. 149–150.

²² Там же. С. 81.

²³ Немецкие шванки и народные книги XVI века / пер. с нем. М., 1990. С. 255–256.

²⁴ См. подробнее: Махов А.Е. HOSTIS ANTIQUUS: Категории и образы средневековой христианской демонологии. Опыт словаря. М., 2006.

²⁵ *Torture and Punishment*. London, 2003. P. 19.

²⁶ Heiginbotham, Henry. *Stockport: ancient and modern*. Sampson Low, Marston, Searle & Rivington, 1877. P. 56; Andrews, William. *Les chatiments de jadis: histoire de la torture et des punitions corporelles en Angleterre*. Paris: Charles Carrington, 1902. Fig. 60.

- ²⁷ «Ночным треном», или «ведьминым треном», называлось специальное кресло, закрепленное на длинном рычаге. Оно выполняло те же функции, что и «узденка» – с помощью него наказывали за аналогичные преступления. Человеческого привязывали для наказания к креслу, и с помощью рычага несколько раз окунали в воду. Это кресло получило распространение в Англии и Германии в XVI–XVIII вв.
- ²⁸ Цит. по: Скотт Д.Р. История пыток / пер. с англ. А.А. Обухова. М., 2002. С. 308.
- ²⁹ Heyl C. *The metamorphosis of the mask in seventeenth- and eighteenth century London* // *Masquerade and Identities. Essays on Gender, Sexuality and Marginality*. Ed. by Efrat Tseelon. L., 2001. P. 115.
- ³⁰ Коути Е. Указ. соч. С. 224–225.
- ³¹ Chambers Robert. *Domestic Annals of Scotland*. Edinburgh: W & R Chambers. 1885. P. 37
- ³² Andrews W. *Old Time Punishments*. Hull, 1890. P. 255–256.
- ³³ Earle A. M. *Curious Punishments of Bygone Days*. Chicago, 1896. P. 338.
- ³⁴ Coburg, Kunstsammlungen der Veste Coburg, Inventar-Nr. Gr. Kat.XIV/001
- ³⁵ Бессонов Н.В. Суды над колдовством. Иллюстрированная история. М., 2002. С. 290.
- ³⁶ Роббинс Р.Х. Энциклопедия колдовства и демонологии. М., 1996. С. 285
- ³⁷ Ведьмы из Северного Бервика // Бич и Молот. Охота на ведьм в XVI–XVIII веках / пер. с англ. Н. Масловой. СПб., 2005. С. 379–380.
- ³⁸ Подробнее о процессе см.: Murray M.A. *The 'Devil' of North Berwick* // *Articles on Witchcraft, Magic and Demonology. A Twelve Volume Anthology of Scholarly Articles* / Ed. by B. P. Levack. 12 vols. New York, London, 1992. Vol. 7. P. 284–295; Roughead W. *The witches of North Berwick* // *Articles on Witchcraft, Magic and Demonology. A Twelve Volume Anthology of Scholarly Articles* / Ed. by B. P. Levack. 12 vols. New York, London, 1992. Vol. 3. P. 296–318; Stafford H. *Notes on Scottish Witchcraft cases, 1590–1591* // *Articles on Witchcraft, Magic and Demonology. A Twelve Volume Anthology of Scholarly Articles* / Ed. by B. P. Levack. 12 vols. New York, London, 1992. Vol. 6. P. 284–320.
- ³⁹ James the VI Stuart. *Demonology in the form of a Dialogue, Divided into Three Books*. London, 1597.
- ⁴⁰ Дэвис Н.З. Указ. соч. С. 153
- ⁴¹ Монестье М. Смертная казнь: История и виды высшей меры наказания от начала времен до наших дней / пер. с фр.. М., 2008. С. 35
- ⁴² Sawthorne N. *Public Executions. From Ancient Rome to the Present Day*. London, 2006. P. 112; *The Book of Execution: an Encyclopedia of Methods of Judicial Execution*. London, 1994. P. 220–223.

С.В. Ефимов (Санкт-Петербург)

ШВЕДСКИЕ АРТИЛЛЕРИСТЫ В РУССКОМ ПЛЕНУ (1709–1721)

В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ, особенно в связи с 300-летним юбилеем Полтавской баталии (27 июня 1709 г.), возникает все больший интерес к судьбам военнопленных – как русских в Швеции, так и шведов в России¹.

После катастрофического поражения шведской армии под Полтавой и капитуляции оставшейся ее части при Переволочне на Днепре в русском плену оказалось огромное по меркам XVIII в. число военнопленных. Среди них были как военные в различных чинах – от солдата до генерал-фельдмаршала, так и гражданский персонал (чиновники, мастеровые различных специальностей, офицерские семьи и т. п.), сопровождавший армию Карла XII. В русском плену оказалась и большая часть шведского артиллерийского полка.

В Архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи отложились документы, связанные с пребыванием в России пленных шведских артиллеристов. Эти документы, в своем большинстве не введенные в научный оборот и не известные даже специалистам, позволяют осветить историю пребывания военнопленных шведских артиллеристов в России.

Следует оговориться, что под пленными шведскими артиллеристами (или, как тогда называли, «артиллерийскими служителями») подразумевались не только офицеры и рядовые, состоявшие на службе в полку, но и гражданские специалисты, обслуживавшие артиллерийский парк.

Со времен «льва Севера» – короля Густава II Адольфа – шведская артиллерия считалась одной из лучших в Европе. Полевой

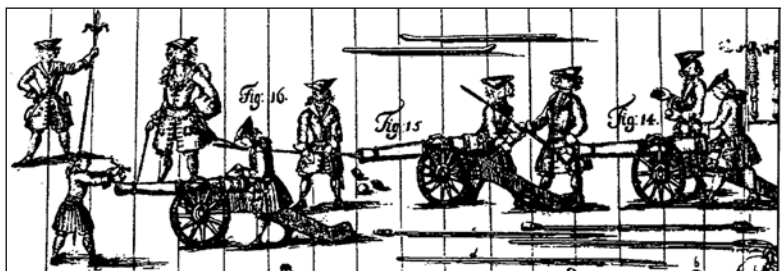
артиллерийский полк шведской армии был учрежден еще в 1655 г.² В годы Северной войны шведская артиллерия прекрасно зарекомендовала себя в сражениях под Нарвой (1700 г.), при Салатах (1703 г.), Якобштадте (1704 г.), Гемауэртгофе (1705 г.), Головчино (1708 г.), Гадебуше (1712 г.) и др. Тем не менее, в историографии прочно закрепилась точка зрения, что Карл XII, в отличие от своих предшественников, пренебрегал артиллерией³. По этой, якобы, причине, а также из-за отсутствия достаточного количества боеприпасов

**Шведская артиллерия.
Рис. Марка Гривеса**

и пороха, шведы не использовали в Полтавском сражении свою перво-классную и довольно многочисленную артиллерию⁴. В последние годы это утверждение успешно опровергнуто благодаря ряду исследований. В ходе Северной войны шведы использовали артиллерию «широко и во многом новаторски». Именно они стали успешно применять мас-сирование огня на направ-лении главного удара и моби-льное артиллерийское

наступление⁵. Накануне Полтавской баталии шведы специально распускали слухи о крайнем недостатке боезарядов и пороха, наряду с иллюзией малочисленности их армии, дабы спровоцировать русских на сражение. Реальной причиной отсутствия шведской

Шведские артиллеристы. Фрагмент гравюры начала XVIII в.

Шведская артиллерия в бою в годы Северной войны

артиллерии на поле боя под Полтавой стали тактические соображения. Шведская армия ориентировалась на скрытность подхода, нежелательность отягощения войск и снижения наступления при прохождении редутов и атаке укрепленного лагеря. Король посчитал артиллерию «ненужной в том скоротечном и внезапном бою, на который рассчитывали шведы»⁶. В разгар сражения этот промах станет очевидным, но изменить что-либо будет уже невозможно.

Накануне решающего сражения шведская артиллерия располагала 39 орудиями, при них находилось 519 человек и 549 лошадей⁷. В Полтавском сражении основная часть артиллерийского полка шведской армии находилась в резерве у села Пушкаревки (символичное название!), большие орудия (возможно, пудовые гаубицы и 6-фунтовые пушки) отправили еще около 25 июня к Санжарам⁸. Командир полка полковник Рудольф фон Бунау (von Bünau)⁹ со своим штабом находился с главными силами. В Полтавском сражении он был тяжело ранен и скончался 1 июля. По окончании сражения часть артиллеристов вместе со шведской армией отступила к Переволочне, где безуспешно пытались организовать строительство плотов для переправы на другой берег Днепра¹⁰.

Под Полтавой и Переволочной русскими войсками были захвачены четыре 6-фунтовых, одна 5-фунтовая, двенадцать 3-фунтовых, две 3-фунтовые русские пушки (захваченные шведами в Веприке), две 16-фунтовые гаубицы, четыре 6-фунтовые мортиры, четыре 3-фунтовые мортиры и три железные 3-фунтовые пушки¹¹. Всего были взяты в плен 200 человек «служащих» шведских артиллеристов, 34 – «неслужащих» и 301 человек «всяких мастеровых и иных niskих служителей»¹². Удивляет большое число нестроевого обслуживающего персонала полка. Дело в том, что немало важную роль в полевых условиях играли кузнецы, плотники и другие мастера, сопровождавшие артиллерийский полк. Они занимались починкой лафетов, изготовлением и ремонтом повозок, поскольку на одно орудие в среднем приходилось четыре специальных повозки, предназначенных для перевозки запасных частей, колес, лафетов, инструментов, боеприпасов и т. д. Изготовление боеприпасов часто проводилось в полевых условиях, и для этого также требовались соответствующие мастера.

Каждому артиллерийскому орудью полагался не только орудийный расчет, но и довольно большой обслуживающий персонал. Например, 3-фунтовая полковая пушка перевозилась тремя лошадьми, запряженными в передок; прислугу ее составляли пять артиллеристов (констапель, два ученика констапеля, два гантлангера¹³). Кроме того, в состав прислуги каждого орудия включалось 12 нестроевых чинов (гантверкеров¹⁴ и ездовых – фурлейтов¹⁵). Каждым орудием командовал либо унтер-офицер, либо младший офицер артиллерии. Во главе взвода из двух орудий стоял либо штгык-юнкер, либо фенрих (прапорщик) или лейтенант. Ротой из четырех орудий командовал капитан. В зависимости от калибра и веса орудия, его транспортировка осуществлялась различным количеством людей, лошадей или быков.

В Архиве ВИМАИВиВС сохранилась «Ведомость полоненным артиллерийским служителем офицерам и рядовым» (см. фрагмент «Ведомости» в приложении к статье), датированная 1 июля 1709 г. Благодаря этому уникальному документу становятся известными имена и фамилии строевых и нестроевых чинов полка с указанием их национальностей (в большинстве случаев). В артиллерийском полку служили не только коренные шведы, но и финны, датчане, голландцы, саксонцы, поляки, выходцы из Померании, Бранденбурга, Пруссии, Бремена, Лифляндии, Шлезвиг-Гольштейна и других земель¹⁶.

1709. Июля 1. Дня победности, Полтавской
 битвы. Шведский артиллерийский офицерский состав
 в плену.

Полтавского артиллерийского полка
 Полковник Яковлев Федорович — — — — — 1. Умер в плену 1709
 Подполковник Яковлев Яковлевич } шведские
 Яковлев Яковлевич }
 Мажор, Гросс, Гейсль, Трахтенберг — — — — — шведские
 Полковой квартирмейстер Корнелиус Яковлевич — — — — — шведские

Пасторы
 Яковлев Яковлевич — — — — — шведские
 Яковлев Яковлевич — — — — — шведские

Офицеры, Гейсль, Гейсль, Гейсль — — — — — шведские
 Яковлев Яковлевич — — — — — шведские
 Яковлев Яковлевич — — — — — шведские
 Яковлев Яковлевич — — — — — шведские
 Яковлев Яковлевич — — — — — шведские
 Яковлев Яковлевич — — — — — шведские
 Яковлев Яковлевич — — — — — шведские
 Яковлев Яковлевич — — — — — шведские
 Яковлев Яковлевич — — — — — шведские
 Яковлев Яковлевич — — — — — шведские

Ведомость полоненным артиллерийским
 служителям офицерам и рядов. 1 июля 1709 г.
 Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 40. Л. 121

менно шла спешная подготовка указов об условиях приема пленных в русскую военную службу.

Надо полагать, что принятию решения пленными шведами о своей дальнейшей судьбе способствовала впечатляющая акция устрашения, разыгранная 6 июля на месте «генеральной баталии», где были выстроены в линии полки регулярной армии, казаки и «опоздавшие» к началу битвы калмыки. После демонстрации многочисленных трофеев, шведы вынуждены были пройти между рядами вспомогательных русских войск. «Когда оные пленные между линией

После Полтавской победы над шведами остро встал вопрос, что делать с огромной массой военнопленных. Значительная часть пленных (до 3000 человек) была отправлена в Воронеж¹⁷. В Стародуб (ныне г. Стародубна-Клязьме в Брянской области, западнее Севска) было отправлено 2000 рядовых. По городам к востоку от Полтавы – Изюму, Харькову – и к северу – Ахтырке – был распределен отряд в 2223 человека¹⁸. Пленных отправляли также в Ораниенбург (ныне г. Чаплыгин, Липецкая обл.), Смоленск, Казань и Астрахань. Одновременно

калмыков и казаков шли, – писал очевидец событий, – калмыки смотря на пленных скрежетали зубами, ломали руки, грызли пальцы и прочие престрашные свирепости образы являли; пленные от великого их страха страшились на них и глядеть, а прочие закрывали глаза шляпами и имели страх, дабы некоторая часть плена не отдана была им, ибо у них было слышно, что калмыки пленных пекут и едят, и кровь их пьют, и того ради, возводя глаза на небо с криком говорили: “Спаси нас Боже!” и рассуждали, когда б сии человекоядцы были при Полтавской или при Переволоченской сдаче, то б не один человек из них не спасен был»¹⁹.

Ужас, испытанный скандинавами перед восточными варварами, которых многие видели впервые в жизни, заставил многих шведов задуматься о своей дальнейшей судьбе в «дикой Московии». И буквально на следующий день среди военнопленных развернулась активная вербовка на русскую службу, что, впрочем, было распространенной традицией в европейских войнах XVII–XVIII вв.

8 июля 1709 г. командующий русскими войсками генерал-фельдмаршал Б.П. Шереметев направил начальнику русской артиллерии Я.В. Брюсу предписание о переходе шведских пленнх офицеров и рядовых на русскую службу, «как немцев, так и природных шведов». «Дабы оные, которые похотят, – отмечал Шереметев, – писались в службу его царского величества, и обнадежить, что желающим службы жалование дано будет им по достоинству, а ежели немцы в службу не пойдут, и оные будут держаны как природныя шведы в неволе, також ежели природныя шведы желающие в службу царского величества станут объявлять, что они в службу против своего государя служить не могут, им обещать, что они будут употребляться кроме шведской службы»²⁰.

10 июля Б.П. Шереметев отдал еще один приказ Я.В. Брюсу отобрать в русскую службу шведских пленнх артиллеристов²¹. На следующий день Я.В. Брюс ответил Б.П. Шереметеву, что пленные отказываются давать подписки о переходе в русскую службу, пока им не объявят размер жалованья. Об этом обстоятельстве Шереметев известил Петра особым донесением. Находясь в Решетилловке, Петр поставил на документе резолюцию: «Дать офицером на месяц, а солдатам по рублю»²².

В первых числах июля 1709 г. часть артиллеристов в количестве 84 человек согласились перейти на русскую службу. Их отделили от остальных пленнх и передали под надзор полковника

Поступившие на русскую службу выпадали из категории пленных, и в дальнейшем в документах (ведомостях на выплату жалованья, списках личного состава, донесениях и пр.) они фигурируют наряду с русскими артиллеристами и наемными западноевропейскими специалистами.

Однако более сотни человек³⁰ из числа военнопленных артиллеристов отказались перейти на русскую службу. Среди их списочного состава были сержанты, писари, бомбардиры, канониры, гантлангеры, фуриеры, полковые профосы, лекари, фурлейторы, артиллерийская прислуга и мастеровые. По росписи их передали под начало обер-комиссара Артиллерийского приказа Е.П. Зыбина³¹. «Отказники» были препровождены под конвоем в Москву и размещены, по-видимому, на Московском пушечном дворе. Именно об этих людях и пойдет далее речь.

Пленным шведским артиллеристам довелось стать и невольными участниками грандиозного триумфального шествия, состоявшегося в столице 21 декабря 1709 г. в честь Полтавской виктории. Капрал Эрик Ларссон Смепуст в своих заметках писал, что в течение трех дней всех пленных шведов пешком проводили через триумфальную арку, возведенную в русской столице «на стыд и позор» шведам, и вели дальше по городским улицам. Колокола на церквях звонили, народ кричал, кто-то выкрикивал ругательства и проклятья пленным. Был «такой грохот и шум, что люди вряд ли слышали друг друга на улицах». В первый день по улицам прошли рядовые солдаты, капралы и унтер-офицеры, на следующий день – артиллерия со знаменами, штандартами, литаврами и барабанами, а на третий день – все генералы, младшие и старшие офицеры с теми носилками, которые использовали для переноски раненого Карла XII³².

На известной гравюре А.Ф. Зубова «Торжественное вступление русских войск в Москву 21 декабря 1709 г. после Полтавской победы» (1711 г.) под № 11 в самом центре гравюры (в четвертой от зрителя «линии» шествия) изображена шведская артиллерия, сопровождаемая пленными артиллеристами, а в конце триумфального шествия под № 29 видны артиллерийские повозки. В первом варианте гравюры, датированном 1710 г., художник изобразил шведскую артиллерию еще ближе – во второй «линии»³³.

На гравюре П. Пикарта (1711 г.), посвященной этому же сюжету, шведские пушки вместе с сопровождающими их пленниками отчетливо видны в четвертой «линии»³⁴.

**Торжественное вступление русских войск в Москву после
Полтавской победы 21 декабря 1709 г.
Фрагмент гравюры Пикарта. 1711 г.**

По окончании триумфа, пленных шведов (или, как их называли в документах – «арестантов») стали использовать как рабочую силу. На Пушечном дворе пленные выполняли многочисленные и подчас весьма тяжелые работы. Они изготавливали формы для литья пушек и мортир³⁵. Переносили различные «железные припасы», доски, дубовые брусья (т. е. выполняли тяжелые такелажные работы), таскали щебень, чистили снег, ремонтировали постройки на Пушечном и Полевом дворе³⁶.

В Артиллерийском приказе шведы занимались строительством кладовой палаты и других каменных построек, в т. ч. нового здания приказа и артиллерийской школы³⁷.

Участвовали они и в строительстве новых фортификационных укреплений Московского Кремля, в частности в возведении болверка (от нем. *Bollwerk* – бастион) у Наугольной башни³⁸ и у Сре-тенских ворот³⁹. В декабре 1716 г. пленных шведов отправили на строительство московского губернаторского двора⁴⁰.

Шведы должны были заниматься заготовкой и возкой дров для Литейного двора⁴¹, складывали «бомбы в груды»⁴².

Того количества пленных шведов, которые оставались в ведении Артиллерийского приказа в Москве, иногда было недостаточно для выполнения срочных работ. Например, в июле 1716 г. по распоряжению Петра I необходимо было в кратчайшее время изготовить 50 палубных «решетчатых» подвод и отправить их в Санкт-Петербург. По этой причине с Пушечного двора на Артиллерийский деловой двор были спешно переведены 39 пленных шведских плотников⁴³.

Ответственные за пленников подьячие Артиллерийского приказа ежемесячно подавали руководству отчеты об их работе, на основании которого выдавались кормовые деньги⁴⁴.

Количество оставшихся при Артиллерийском приказе к середине 1710-х гг. пленных шведов было не велико. Так, например, судя по ведомостям, в августе 1716 г. там находилось 146 человек, из них 130 использовалось в работах (в т. ч. 1 вахмистр, 3 сержанта, 5 капралов и 121 рядовой). «За работами» (т. е. неработающих) было 15 человек больных, и с ними находился пастор⁴⁵.

В декабре того же года при артиллерийском ведомстве состоялось 142 военнопленных, из них 13 человек были больны, а один даже «впал в изумление» – т. е. сошел с ума, не вынеся, вероятно, тяжелых условий многолетнего плена⁴⁶.

К сожалению, практически не сохранилось сведений о содержании и лечении заболевших военнопленных. Можно лишь предполагать, что вряд ли для них вызывали врачей или обращались за лекарствами в аптеку. Скорее всего, больным приходилось полагаться на собственные силы, минимальные медицинские познания и доброе отношение товарищей по несчастью. Известно лишь, что больным шведам позволялось жить за пределами Пушечного двора. В 1716 г. начальство «потеряло» двух пленников – Андреаса Тюльмана и Ульрика Блюма, забыв, что «жили они и лечились в Немецкой слободе, а не в воротничкой, где поставлены с своею братиею на фатеры» (т. е. не в помещении у ворот, где всегда находились караульные)⁴⁷.

Пленные шведские артиллеристы, как рядовой состав, так и офицеры, оставались на положении арестантов, что предопределяло ограничения в свободе передвижения и праве переписки. При расселении и переводах с места на место они находились под охраной караульных из числа солдат или казаков. В августе 1711 г. в Москве всего содержалось 1469 пленных шведов, 152 человека составляли их жены и дети. При них на карауле состояло 849 солдат и офицеров. Таким образом, в столице на двух пленных шведов приходился один караульный. Несмотря на жесткие меры охраны, в 1712 г. был раскрыт заговор пленных шведских офицеров с целью побега, в результате чего 44 человека были разосланы по подмосковным монастырям⁴⁸.

Однако побег, в т. ч. и шведских артиллеристов, не прекращались. Одна из таких попыток побега пленников с Пушечного двора в Москве была предпринята весной 1714 г. Двоих беглецов задержали в Смоленске, очевидно, что они намеревались бежать в Польшу, а оттуда попытаться вернуться на родину – «хотели пройти

в шведскую землю». Шведов арестовали осенью или в начале зимы. Несколько месяцев они пробирались к границам Российского государства, избегая, вероятно, больших дорог и населенных пунктов, питаясь чем придется. Задержанные сообщили, что были взяты в плен еще под Нарвой (т. е. в 1704 г.) и «отданы в работу на Пушечный двор». Десять лет эти люди томились в неволе, выполняя тяжелую работу. Беглецов доставили из Смоленска в канцелярию московского гарнизона, а оттуда передали под арест в Артиллерийский приказ. В январе 1715 г. их судьба, очевидно, была решена Я.В. Брюсом, и они были возвращены к прежней работе⁴⁹.

Осенью 1714 г. сержант Григорий Ушаков подал «ведение» об «ухожении с Пушечного двора шведов арестантов шести человек»⁵⁰. Летом 1715 г. в Артиллерийский приказ были возвращены из-под Можайска три пленных беглеца. В допросе шведы сказали, что «бежали они сами собою, без подговору, и хотели идти в свою землю». Один из арестантов заявил, что это уже вторая его попытка бежать на родину⁵¹.

Иногда попытки бегства заканчивались трагически. Об одном таком случае рассказывает осведомленный шотландский офицер-артиллерист на русской службе и дальний родственник начальника русской артиллерии Питер Генри Брюс в своих «Мемуарах».

«Я не могу не упомянуть, – пишет автор, – что случилось в мое собственно время с двумя шведскими офицерами, которые были взяты в плен во время Полтавского сражения. Их не досчитались, и был объявлен большой розыск, но о них не было ничего слышно. Из этого заключили, что офицеров убили. Некоторое время спустя исчезли четверо других, их отсутствие не было замечено до тех пор, пока один из них, капитан Горн, не вернулся, раненный в плечо пулей. Он лично обратился к нашему артиллерийскому лейтенанту, который был его прежним знакомым во время шведской службы, ему он рассказал о несчастье, которое случилось с ним и его товарищами. Лейтенант сразу же информировал генерал-майора артиллерии Гюнтера⁵² о том, что случилось со шведскими офицерами, и что негодяи [подозреваемые в преступлении], на которых донесли, находятся в доме в той части города, где расквартированы артиллеристы. Генерал сразу же распорядился, чтобы их взяли под стражу, состоящую из четырех человек. Вкратце история была такова. Еврей, который принял христианскую веру по греческому обряду и который был гравером по ремеслу, подделывал паспорта

с канцелярской печатью и договорился с двумя первыми офицерами переправить их в Польшу за некоторую сумму денег, отсюда они могли бы спокойно перебраться в свою собственную страну. В паспорте они были указаны как два офицера, направляющиеся в армию, каждый с одним слугой. Они прибыли к польской границе, и никто их не задержал и не заподозрил. Когда они проследовали через Смоленск, еврей захотел, чтобы они написали своим товарищам в Москву и сообщили бы им, как просто удалось совершить побег. Офицеры сделали это и порекомендовали еврея как подходящего человека, которого можно нанять, если кто-то из сотоварищей соберется сбежать так же, как сделали они. После того как еврей получил эти рекомендательные письма, он предложил сопровождать офицеров еще один день пути, и они согласились. Офицеры ехали вместе через лес и поздравляли друг друга с удачным побегом, а еврей со своим приятелем ехали за ними в качестве слуг. Каждый из них выхватил по пистолету и так хорошо прицелился, что оба офицера были убиты наповал. Ограбив убитых, они вернулись в Москву, где завлекли в ту же самую ловушку капитана Горна и еще троих [шведских офицеров], показав им письма тех, кто [якобы] уже совершил побег. Отправившись с паспортом на четырех офицеров и с таким же числом слуг, они также добрались к польской границе. Они ехали поздно ночью, “слуги” выстрелили и каждый убил своего “господина”, за исключением капитана Горна, который был ранен в плечо. Он упал с лошади, и они думали, что офицер мертв также, как и остальные, пошли за лошадьми, которые убежали, испугавшись выстрелов. Тем временем капитан Горн очнулся, пробрался в лес, где и спрятался. Злодеи, когда вернулись, не обнаружили его и начали искать. Так как было темно, то они не могли его найти, и, ограбив трех других [офицеров], они вернулись в Москву, особенно не беспокоясь по поводу капитана Горна, так как он не осмелится, как они решили, вернуться и донести на них. Капитан, однако, чтобы не допустить продолжения этих злодеяний и наказать [преступников], решил вернуться. Он открылся управляющему одного дворянина близ Смоленска, который в то время как раз отправлял сани с провизией для своего господина в Москву. Капитан воспользовался этой возможностью и поехал с ними. По приезде [в Москву] он признался, как уже было рассказано выше. Четверо злодеев были взяты под стражу, допрошены и признались в том, о чем я рассказал. Они преподнесли все это так,

будто совершали похвальные деяния, уничтожая врагов его величества, которые собирались бежать из тюрьмы. Счастливым обстоятельством было то, что Горн спасся, иначе бы они наделали много горя, если бы не были раскрыты, так как у них были рекомендации от четырех последних несчастных погибших дворян. Злодеев пытали, посадили в тюрьму, а затем всех колесовали»⁵³.

Надо полагать, что в то время в Москве побег пленных шведов организовывались заинтересованными лицами за деньги. Во всяком случае, отголоски этого фигурируют в одном из писем Я.В. Брюса в Артиллерийский приказ. Требуя выяснить причины бегства пойманных шведов, генерал-фельдцейхмейстер пишет: «...прикажете их роспросить, кто не обещал ли им за деньги или за иное что тот путь к побегу показать из Москвы, и до которого места выпроводить»⁵⁴. Режим содержания пленных шведов в столице пытались ужесточить и на самом высоком уровне. Петр I писал московскому обер-коменданту князю М.П. Гагарину: «Также слышно здесь, что в Немецкой слободе много явилось бездельных людей, которые имеют противную корреспонденцию с шведами, больше чаем из тех же шведов, которые ходят в слободе по воле, или те, которые приняты в службу; того для приставь ты над слободою ведать кого доброго человека из царедворцов, чтоб он того накрепко смотрел и таких людей, которые в худых поступках или корреспонденциях явятца, имал и приводил в приказ»⁵⁵.

Заметим, что Я.В. Брюс был категорически против наказания возвращенных беглецов: «Арестантов за побег штрафовать не надлежит, понеже всякой полоняник ищет того, как бы ему свободитца»⁵⁶. В другом письме он повторял свою мысль: «Шведов двух человек, которые было ушли, наказания им чинить не для чего. Понеже всякой невольник ищет своей свободы, как бы ему оную получить»⁵⁷. Всю вину за побег генерал-фельдцейхмейстер возлагал на нерадивых караульчиков, которых следовало допросить и наказать, а пленных шведов вернуть к прежней работе⁵⁸. За пленными надлежало «смотреть и караулить накрепко, дабы впредь тако ж бы не чинили». Вновь назначаемых караульных следовало предупредить, что за побег будет взыскано именно с них, а не со шведов⁵⁹.

Особенно Я.В. Брюса возмутил случай, произошедший 14 сентября 1715 г. на Пушечном дворе, когда оттуда из-под караула сбежал арестант Ирик Грост. Беглеца «прозевали» солдат Михайло

Белозеров и сержант Белозерского полка Петр Кура. Швед умудрился сбежать из избы (казармы), где жили под караулом пленные. «Донесли мне, – писал Брюс, – что тот арестант ушел в день (т. е. днем. – С.Е.) из избы, где они бывают, а не с работы, что не без дивности есть, понеже с работы уйтить, мнитца, способнее было, нежели как из той избы»⁶⁰.

Тем не менее, побег шведских военнопленных не были чем-то экстраординарным, во всяком случае, в приказной переписке они рассматриваются как типичные реалии того времени.

В поисках средств к существованию пленные шведы, и прежде всего офицеры, поступали на службу в русские дворянские семьи⁶¹. Упомянутый выше шотландец П.Г. Брюс, входящий благодаря своему высокопоставленному родственнику в высшее московское общество, отмечал, намекая на некий сексуальный подтекст, что многие русские дворянки в отсутствие находившихся на войне мужей охотно «брали к себе в семьи шведских офицеров, взятых в плен под Полтавой. Некоторые из них были привратниками, некоторые – гувернерами детей, а некоторые учили их музыке и танцам. Поэтому все их балы устраиваются со шведскими джентльменами и другими иностранцами, которых они очень любят»⁶².

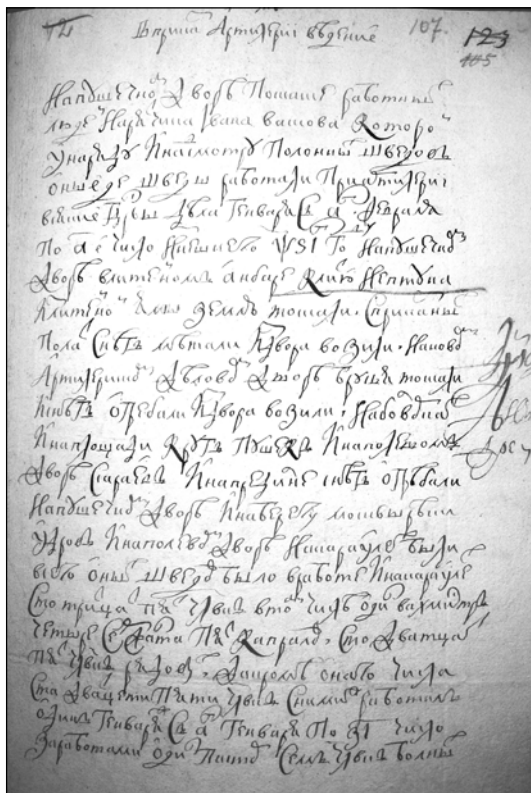
Правительство пыталось контролировать распределение пленных шведов среди частных лиц, и особенно в столице. В январе 1712 г. был разослан указ, требовавший добровольно сообщить «у кого при доме» живут пленные, представить их списки, с указанием, «какой земли» (т. е. откуда происходят). За укрывательство власти грозили огромным штрафом в 50 рублей⁶³.

Генерал-фельдцейхмейстер Я.В. Брюс один из первых стал использовать образованных шведских офицеров в качестве переводчиков остро необходимой технической и другой иностранной литературы. Брюс, будучи полиглотом, к сожалению, не знал шведского языка и не мог читать шведские книги. Выход из этого положения был найден следующим образом. Начальник артиллерийского ведомства приказал пленному шведу Густаву Адаму Мунку перевести книгу о селитроварении со шведского на немецкий, а последним Брюс владел свободно. Позднее тот же шведский пленник переводил для Брюса некие «тракционы» (трактаты), которые «писаны в прошловывшей войне короля швецкого з датчанами и о случившихся тамо в то время дел их». За свою работу Г.А. Мунк получил вознаграждение в 10 рублей⁶⁴.

Однако перевод некоторых книг на русский язык вызывал большие затруднения. По распоряжению Петра I начальник русской артиллерии поручил пленному шведу Якобу Рейнгольду перевести на русский язык (или подыскать переводчика) некие «тетради» на немецком языке⁶⁵. После нескольких месяцев мытарств швед вернул «тетради» в Артиллерийский приказ, заявив, что перевести их не удастся, «ибо писано в оных зело высокие речи»⁶⁶.

Нельзя не отметить еще один интересный сюжет из жизни пленных шведских артиллеристов в России. Согласно документам Артиллерийского приказа летом и осенью 1716 г. они вместе с русскими мастерами, под руководством голландского литейного мастера на русской службе Михея (Михеля) Арпольга, по именному указу самого Петра I участвовали в изготовлении статуи Нептуна (ныне находящейся рядом с дворцом Монплеизир в Нижнем парке в Петергофе)⁶⁷. По некоторым сведениям, рисунок будущей скульптуры бога морей сделал сам Петр I⁶⁸. Отливка происходила на Московском пушечном дворе в литейном амбаре по специально изготовленной деревянной модели: «Для литья того Нептуна деревянный образец зделан, за которого дано за работу 10 рублей, и оный образец для литья оного Нептуна ему, Арпольгу, отдан»⁶⁹. Согласно донесению подъячего Артиллерийского приказа Иллариона Докукина⁷⁰ шведские арестанты «на Пушечном дворе в литейном амбаре к литью Нептуна яму чистили и фурму (т. е. форму. – С.Е.) в яме поставили, и землю колотами (деревянными колотушками для утрамбовывания земли. – С.Е.) обивали, дрова рубили и в амбар носили»⁷¹. Кроме того шведы «к заводу формы личинной (т.е. статуи. – С.Е.) срубили горн и кругом шалаш основали бревенчатой и лубьем обили и покрыли»⁷². Этот монумент считается первой светской скульптурой, изготовленной в России.

В документах Артиллерийского приказа лишь частично отражены те тяготы и невзгоды, которые довелось пережить пленным шведским артиллеристам в России. Небольшого денежного довольствия, которое получали арестанты, едва хватало на пропитание. Ветхая одежда не спасала арестантов от суровой русской зимы, в то время как многие работы шведы выполняли на открытом воздухе. Несколько десятков пленных вынуждены были обратиться с прошением на имя царя о выдаче им теплых шуб: «Работаем мы... на Пушечном дворе всякую работу, а ныне зимнее время, и без шуб на работе великого государя быть нам не возможно, а своими деньгами

Донесение в Артиллерийский приказ о работе плененных шведов, в т. ч. об участии в отливке статуи Нептуна. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 156. Кн. 1. Л. 107

купить нечем, для того, которые даются нам кормовые деньги⁷³, и на те за дорогою ценою и хлебом кормицца нам будет с нуждою»⁷⁴. Шведы просили Петра I «пожаловать указать за свое многолетнее здравие выдать... по шубе»⁷⁵. В лучших традициях российской бюрократии, после длительной приказной переписки и выяснения вопроса о том, из каких денег оплачивать приобретение шуб и т. д., и т. п., проблема была решена только благодаря личному вмешательству генерал-фельдцейхмейстера Я.В. Брюса. Он приказал комиссару В. Арсеньеву

«купить... настоящей прямой ценой бес передачи арестантам (денег. – С.Е.)... сороку дву человеком, которые работают на Пущечном дворе для зимняго времени по шубе бараньей да по рукавицам и роздать им по росписи»⁷⁶. Сохранился список счастливых, получивших ради царского здоровья долгожданные шубы⁷⁷.

Шубы выдавали «на три зимы». Кроме того шведских пленников снабжали «зипунами и штанами из сукна сермяжного», которые выдавали «на два лета». Известно также, что шведы получали по десяти алтын кормового жалованья в месяц⁷⁸. Заметим, что

Г. Кашуб А. С. 1711
 1302
 Копить влезъ настояще правод швед
 Перевести арестантов Ариско
 на штурму старшии Ороид дву дню
 которые работадрель напашетномей олод
 Для Финяго воевани пашов таранье
 Аспонанцима Прядать и поросписи
 Взять Зайков Ороидата Шашата
 Ордиданин, Аспонить таво востни
 Ариско Вещариод пять сотей сабен
 Саше
 Кашуб
 Одаря 29 Аня
 1714 Г. 45

**Распоряжение генерал-фельдцейхмейстера
 Я.В. Брюса о покупке для пленных шведов
 шуб. Архив ВИМАИВиВС.
 Ф. 2. Оп. 1. Д. 165. Л. 130а**

примерно в то же время «ис полонных шведов Петр Алберн» был принят на Пушечный двор в «пушечные токари» и получал ежемесячное жалованье в размере 1 рубля⁷⁹. В 1718 г. пленные из числа приписанных к артиллерийскому ведомству подали прошение об увеличении им кормового жалованья с 4 денег до 3 копеек в день, как получали другие военнопленные, «которые... были под командою генерала Адама Левенгаупта»⁸⁰. Однако просьба осталась без ответа...

В 1721 г., после заключения Ништадтского мира между Россией и Швецией судьба военнопленных резко изменилась. Согласно мирному договору все пленные должны были быть возвращены на родину. 20 сентября 1721 г. Я.В. Брюс получил распоряжение Военной коллегии о прекращении отправки военнопленных шведов в Сибирь и в другие места в связи с заключением мира⁸¹. Спустя некоторое время Военная коллегия прислала в Главную артиллерию приказ о направлении в Петербург всех находившихся в ее ведении шведских пленных⁸². Начался трудный, а в некоторых случаях и растянувшийся на годы, процесс возвращения пленных шведов домой.

Приложение

**1709 года июля 1-го дня ведомость полоненным артиллерийским
служителем офицерам и рядовым (фрагменты)**

Полкового штату

Полковник Рудолп Фонбунов умре 1 июля 1709 г.

Подполковник Никлас Арапе

Вилим Магриц Фолпыт – швецкие

Маеор Густ Гиллен Гранат – швецкой

Полковой квартермистр Лоренц Фонфитвен – лифланской

Пасторы

Фридрих Крум Гарт – турынгент (т. е. тюрингенец. – *С.Е.*)

Эрих Фестадиус – швецкой

аудитор Ингель Беэрудатей – швецкой

отютант Нилс Громпак – швецкой

нотарин Грайль Трейдигар – швецкой

комисариус Сфейрунфал – швецкой

полковой лекарь Густ Мермар – швецкой

Ротные лекари

Яган Давид Фик – 5 июня не был – штрасбарген

Фридрих Клеснер – лифланской

Прядильщик Карл Эрон – швецкой //

Профосы

Каспор Эк – лифланской

Ари Голст Нилзон – филланс

Лейб-кумпагние (т. е. штаб полка. – *С.Е.*)

Капитан порутчик Петер Зиэплат – швецкой

Штык юнкеры

Карл Рилман – швецкой

Ефим Гардар – иноземец (на полях пометка: «*желает служить*»)

Ганц Вернер – швецкой

Сержанты

Пауль Кроук – швецкой

Герман Розин Брон – бреймер поморской

Писарь

Индрах Крей – поморской

Фуриер

Ленарт Зиэрас – швецкой

Канониры

Ларс Лиунгнак – шведкой
Менс Билстолпе – шведкой
Генс Лунтгрэн – шведкой
Берхт Муркеснаух – шведкой

Гантлангеры

Матис Штафс – фин
Ларс Турсберх – шведкой
Петр Гаморсот – шведкой
Симон Шульц – прусской (на полях пометка:
«*желает служить*»)
Даниил Безенберх – шведкой //
Даниил Фалау – поморской
Брунк Тагул – прусской

Полуполковничей роты роспись

Прапорщик

Иознас Круус – поморской

Штик юнкеры

Ганс Дува – шведкой
Матис Лунт – шведкой
Петер Эк Кибист – шведкой

Сержанты

Даниил Вейменер – шведкой
Эрех Галт Кат – шведкой

Писарь

Карл Кат – шведкой

Канониры

Индрих Ламмерс – бреймарской
Никс Блом – шведкой

Ученики

Петер Приих – бреймарской
Грелс Андерсон – шведкой
Болде Энзон – шведкой

Гантлангеры

Петер Энгмал – шведкой
Эндрих Гастат – бреймар
Петер Гризам – лифланской (на полях пометка:
«*желает служить*») //
Андрос Бозым Золцыский – прусской (на полях пометка:
«*желает служить*»)

Ганц Христофон Зон – шведкой

Михал Геркин – шлезингерх

Ганц Эорх Бенгериле – саксонской

Полуполковничьи Белгунзома рота

Порутчик Якуб Шифер – фин

Прапорщик Юлиус Гагман – шведкой

Штык юнкир Ботолф Фуннкам – шведкой

Сержант Энс Герлин – шведкой

Канониры

Давид Коронберх-- лифланской

Яган Зантал – шведкой

Гендрик Лепс – лифланской

Гебиерн Баск – шведкой

Эндрих Шперлин – шведкой

Нилс Моберх – шведкой

Даних Флинн – шведкой

Ученики

Матис Лала – ревелской

Андреас Галандер – шведкой

Яган Гринфелт – шведкой

Нем Якопсон – шведкой

Гантлангеры

Ганц Гинст – лифланской

Геннын Геллау – поморской //

Ионас Этингрен – шведкой

Пергир Рамзон – шведкой

Яган Давидсон – лифланской

Яган Шрейдар – поморской

Яган Берейт – лифланской (на полях пометка: «7 июля не был»)

Эрих Вестберх – шведкой

Маеорская рота

Порутчик Ганц Георх Фонвинен – шведкой

Прапорщик Фридрих Яган Орнберх – шведкой

Штык юнкоры

Петер Бломгрен – шведкой

Яган Кенат – шведкой

Сержанты

Петер Цынин – поморской (на полях пометка:

«желает служить»)

Яган Каландар – швед

Фуриеры

Карл Фодарилг – швед

Яган Фалк – швед

Канониры

Эрех Эрбен – швед

Яган Цынтаст – швед

Пер Голм – швед

Петер Виден – швед

Пауль Рыси – швед <...>

Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 40. Л. 121–123.

¹ См, например: Шебалдина Г.В. Шведские военнопленные в Сибири. Первая четверть XVIII века. М., 2005; Полтава. Судьбы пленных и взаимодействие культур / под ред. Т. Тоштендаль-Салычевой и Л. Юнсон. М., 2009; Демкин А.В. Шведский вельможа в русском плену (1709–1718) // Полтава. К 300-летию сражения. Сборник статей. М., 2009. С. 195–199; Козлов С.А. Русские пленные Великой Северной войны 1700–1721 гг. СПб., 2011.

² Høglund L.E. *Den Karolinska Armens uniformer under Stora Nordiska Kriget*. Karlstadt, 1995. S. 13; Hagman H. *Kungl. Artilleriet, Karl XI:s och Karl XII:s tid*. Redaktor Hans Ulfhjelm, 1993. S. 36–41.

³ Эта точка зрения продолжает существовать и сегодня. См, например, статью современного шведского историка: Шестем О. Шведская тактика на поле боя в эпоху Карла XII. 1700–1709 гг. // Совместный выпуск «Военно-исторического журнала» и журнала «Старый Цейхгауз», посвященный 300-летию Полтавского сражения. 2009. С. 123. На самом деле шведский король пренебрег артиллерией только в двух генеральных сражениях – при Клишове (1702 г.) и Полтаве (1709 г.). В первом случае ожидание подхода артиллерии могло привести к значительному усилению польско-саксонской армии, стоявшей на укрепленных позициях, что было абсолютно невыгодно шведам. Во втором – это была роковая ошибка не тяжело раненного монарха, а его заместителя – генерал-фельдмаршала графа К.Г. Реншильда. Именно Реншильд пренебрег рекогносцировкой, что в тактическом смысле и привело шведскую армию к катастрофе (Konow J. *Karoliner Rehnskiold*. Faltmarskalk. Karlskrona, 2001. S. 132).

⁴ Стилле А. Карл XII как стратег и тактик в 1707–1709 гг. СПб., 1912. С. 108; Шельс И.Г. Сражение при Полтаве 27 июня 1709 г. // Военный журнал. 1845. № 3. С. 61.

⁵ Беспалов А.В. Артиллерия Швеции в Великой Северной войне. Организация, вооружение, обмундирование (<http://www.academygps.ru/img/napoln/istoriya/publicy/artill.pdf>). О шведской артиллерии накануне Полтавской битвы см.: Колосов Е.Е. Артиллерия в Полтавском сражении // Полтава. К 250-летию Полтавского сражения. Сборник статей. М., 1959. С. 100–102.

⁶ Молтусов В.А. Полтавская битва: Уроки военной истории. 1709–2009 гг. М., 2009. С. 390–393.

⁷ Колосов Е.Е. Артиллерия в Полтавском сражении. С. 102.

⁸ Показания волоха Михаила Судникова 23 июня 1709 г. // Труды Императорского Русского Военно-исторического общества. Т. III. Документы Северной войны. Полтавский период (Ноябрь 1708 г. – июль 1709 г.). СПб., 1909. С. 207–208; Шельс И.Г. Сражение при Полтаве 27 июня 1709 г. С. 62.

⁹ Рудольф фон Бунау командовал артиллерийским полком с 1706 г. (Hoglund Lars-Eric. *The Uniforms of The Swedish Army in the Great Northern War*. Acedia, Karlstad, 1996. S. 13).

¹⁰ Полковая реляция генерал-квартирмейстера Акселя Юлленкрука / публ. и пер. со швед. Е. Чевкиной, вступит. статья Б. Нильссона // Совместный выпуск «Военно-исторического журнала» и журнала «Старый Цейтгауз», посвященный 300-летию юбилею Полтавского сражения. С. 111.

¹¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 40. Л. 408–409.

¹² Письма и бумаги императора Петра Великого. М.; Л., 1950. Т. IX (Январь – декабрь 1709). Вып. 1. С. 271–273.

¹³ Гантлангер (от нем. *handlanger* – длиннорукий) – рядовой артиллерист низшего разряда, помощник канонира, а иногда и бомбардира. Гантлангеры были вожатыми зарядных ящиков и правили лошадьми в орудийных передках. В бою главной их обязанностью была подноска снарядов к орудиям. Кроме того, они помогали канонирам или бомбардирам устанавливать орудие после выстрела на прежнее место и поворачивать его в разные стороны, в случае же необходимости должны были заменять канониров, а порой и бомбардиров, и выполнять их обязанности. Лучшие гантлангеры, обретшие нужный опыт и знания, производились в канониры, а иногда и в бомбардиры.

¹⁴ Гантwerker (от нем. *Handwerker*) – мастеровой.

¹⁵ Фурлейт (фурлей, фурман, от нем. *Fuhrleute* – возчики) – обслуживавший обозные фуры.

¹⁶ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 40. Л. 121–131 об.

¹⁷ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. IX. Вып. 1. С. 292; Там же. М.; Л., 1950. Т. IX. Вып. 2. С. 1129.

¹⁸ Там же. Т. IX. Вып. 2. С. 1129.

¹⁹ Дневник пребывания царя в Воронеже, поездки его через Азов в Троицкий городок и о состоявшемся там переговоре с Портою // Труды Императорского Русского Военно-исторического общества. Т. III. Документы Северной войны. Полтавский период (Ноябрь 1708 г. – июль 1709 г.). СПб., 1909. С. 307.

²⁰ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 39. Л. 98–98 об.

²¹ Там же. С. 1128.

²² Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. IX. Вып. 1. С. 297.

²³ Карташев Григорий Иванович, полковник, в 1704–1711 гг. командир пехотного полка корпуса генерал-фельдмаршала Б.П. Шереметева (с 1708 г. – Киевского солдатского полка), участвовавшего в Полтавской биталини. С декабря 1708 г. по лето 1709 г. комендант мест. Сорочинцы. Комендант Митавы (1710 г.) (См.: Рабинович М.Д. Полки петровской армии 1698–1725 гг. Краткий справочник. М., 1977. № 124. С. 36; Полтавская битва 27 июня 1709 г.: Документы и материалы. М., 2011. С. 595).

²⁴ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 39. Л. 98.

²⁵ Там же. Д. 40. Л. 184.

- ²⁶ Там же. Л. 174.
- ²⁷ Там же. Л. 184, 191–192 об.
- ²⁸ Там же. Л. 202.
- ²⁹ Там же. Л. 898.
- ³⁰ По спискам на 13 июля 1709 г. – 111 человек, несколькими днями позднее – 113 человек: Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 40. Л. 175–176, 180–181.
- ³¹ Зыбин Ефим Панкратьевич (ум. 1725), подполковник, обер-комиссар Приказа артиллерии. Участник Прутского похода 1711 г., член Комиссии об управлении и учреждении гражданских и иных дел в Лифляндской провинции (1710–1711), обер-комиссар Лифляндии (1710–1711), судья Приказа артиллерии (1714–1717), член Комиссии о сочинении Нового Уложения (1720–1725).
- ³² Тоштендаль Р. Полтава: сражение, история, символ // Полтава. Судьбы пленных и взаимодействие культур. С. 41.
- ³³ Алексеева М.А. Гравюра Петровского времени. Л., 1990. С. 117–118.
- ³⁴ Там же. С. 119–120. См. также: Карев А.А. Комплекс гравюр, посвященных триумфальному вступлению русских войск в Москву после Полтавской победы: Эмблематика праздника и символика изображения // Полтава. К 300-летию Полтавского сражения. Сборник статей. М., 2009. С. 274–286.
- ³⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 156. Кн. 2. Л. 1089.
- ³⁶ Там же. Л. 720.
- ³⁷ Там же. Кн. 1. Л. 834, 925.
- ³⁸ Там же. Кн. 2. Л. 1089.
- ³⁹ Там же. Кн. 1. Л. 925.
- ⁴⁰ Там же. Кн. 2. Л. 1176.
- ⁴¹ Там же. Кн. 1. Л. 534, 539, 925.
- ⁴² Там же. Л. 627.
- ⁴³ Там же. Кн. 2. Л. 929–929 об.
- ⁴⁴ Там же. Д. 165. Кн. 1. Л. 108, 108 а, 127, 130 а, 130 б, 154–156; Д. 161. Л. 50, 65, 73, 76; Д. 162. Л. 52, 53; Д. 163. Л. 7, 25, 33, 89, 131, 164; Д. 156. Л. 107, 108, 164–165, 386–387, 498–499, 534–535, 550–552, 616–617, 629, 720, 721, 776–777, 832–835, 929–931, 962–964, 1089–1090, 1173–1177, 1269–1270; Д. 198. Л. 11, 21–22, 35–36, 44–45, 52–53, 62–63, 70.
- ⁴⁵ Там же. Д. 156. Кн. 2. Л. 720.
- ⁴⁶ Там же. Л. 1776.
- ⁴⁷ Там же. Л. 832.
- ⁴⁸ Акишин М.О. Пленные Северной войны: Правовое положение // Полтава. К 300-летию Полтавского сражения. Сборник статей. М., 2009. С. 183.
- ⁴⁹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 165. Кн. 2. Л. 128 об.; Д. 180. Л. 6–6 об.
- ⁵⁰ Там же. Д. 162. Л. 53
- ⁵¹ Там же. Д. 180. Л. 281.
- ⁵² Гинтер Иван Яковлевич (Johann Gunther, 1670–1729), третий российский генерал-фельдцейхмейстер. Служил в артиллерии голландской армии. Петр I в 1698 г., во время пребывания Великого посольства в Амстердаме, пригласил И. Гинтера и его брата Якова на службу с тем, чтобы в России «им быть первыми бомбардирами и огнестрельными мастерами». Вступив капитаном в бомбардирскую роту Преображенского полка, И.Я. Гинтер участвовал в Северной войне. В Полтавской битве ему поручены были войска, охранявшие укрепленный русский лагерь. В 1719 г. он был назначен членом Военной коллегии. Екатерина I, в связи с увольнением в отставку генерал-фельдцейхмейстера

Я.В. Брюса, поручила И.Я. Гинтеру управление всей артиллерией. В 1728 г. он был утверждён в звании генерал-фельдцейхмейстера. (Таубин И.А. Иван Яковлевич Гинтер – третий генерал-фельдцейхмейстер // Сборник исследований и материалов ВИМАИВиВС. Вып. VIII. СПб., 2006. С. 296–300).

⁵³ Шотландец в России (Из «Мемуаров Питера Генри Брюса, эсквайра, офицера на службе Пруссии, России и Великобритании, содержащие известия о его путешествиях по Германии, России, Татарии, Турции и Вест-Индии...») / вводная статья, пер. и комментарии С.В. Ефимова и Н.Ю. Павловой // Ориенталистские чтения. Сборник научных статей и публикаций. Вып. I (Эпоха Петра Великого). СПб., 2001. С. 222–223.

⁵⁴ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 180. Л. 8.

⁵⁵ Указы и письма Петра I к московскому коменданту, а потом сибирскому губернатору Матвее Петровичу Гагарину // Сборник Русского исторического общества. Т. XI. СПб., 1873. № XXVIII. С. 134.

⁵⁶ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 180. Л. 312.

⁵⁷ Там же. Л. 8.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же. Л. 312.

⁶⁰ Там же. Л. 316 об.

⁶¹ Особенно это касалось офицеров, не получавших денежных переводов с родины. Обмен такими переводами был налажен еще в первые годы Северной войны через иностранных дипломатов и купцов третьих стран (См., например: Пипер Г.А. Извлечение из записок прапорщика Густава Абрама Пипера впоследствии генерал-майора и губернатора // Грот Я.К. Труды Я.К. Грота из русской истории. СПб., 1901. С. 145–146). Деньги получали русские пленные в Швеции и шведы в Москве. Не гнушался заниматься выгодными денежными переводами даже шведский резидент Томас (Книппер) Книпперкрон, находившийся со своей семьей в русском плену с осени 1700 г. (См.: Ефимов С.В. Шведский дипломат Томас Книппер в России // От Нарвы до Ништадта: Петровская Россия в годы Северной войны 1700–1721 гг. Сборник материалов всероссийской научной конференции, посвященной 280-летию Ништадтского мира. СПб., 2001. С. 41; Захаров В.Н. Западноевропейские купцы в России: Эпоха Петра I. М., 1996. С. 51, 259).

⁶² Шотландец в России. С. 214.

⁶³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 147. Л. 362 об.

⁶⁴ Там же. Д. 165. Л. 92. Педантичный Брюс приказал комиссару Артиллерийского приказа Василию Арсеньеву выдать деньги и взять со шведа расписку, которую сам составил и заботливо приложил к письму (См. там же. Л. 92 а).

⁶⁵ Там же. Д. 164. Л. 83 об.–84, 100, 112 об.

⁶⁶ Там же. Л. 130 об.

⁶⁷ Заметим, что это была, по-видимому, не первая статуя, отлитая на Пушечном дворе в Москве. 5 января 1715 г. руководство артиллерийским ведомством получило распоряжение: «Велено сделать на Пушечном дворе медную штатуйную фигуру в легкой дом его царского величества в сад» (Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 180. Л. 1 об.).

⁶⁸ История русского искусства. Т. V (Русское искусство первой половины XVIII в.). М., 1960. С. 456.

⁶⁹ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 165. Л. 84.

⁷⁰ Докукин Илларион (Ларион) (ум. 1718), подьячий Приказа артиллерии,

поступил на службу в середине 1680-х гг., в 1687–1688 гг. получал годовой оклад в 1 рубль. В 1688–1689 гг. – молодой подьячий с окладом в 3 рубля. В 1714 г. по доносу фискала обвинен в служебных злоупотреблениях и вызван в Санкт-Петербург для разбирательства. Благодаря заступничеству царевича Алексея Петровича в 1715 г. освобожден от денежного взыскания, но отставлен от службы. Вернувшись в Москву, занимался богословскими выписками из церковных книг. В 1718 г. после отречения царевича Алексея от престола публично отказался подписать присягу новому наследнику царевичу Петру Петровичу. Во время богослужения в с. Преображенском отдал неподписанную присягу и свои выписки лично Петру I, был арестован, неоднократно пытан по делу царевича Алексея и 17 марта 1718 г. колесован на Красной площади (Есипов Г.В. Подьячий Докукин // Есипов Г.В. Раскольничьи дела XVIII столетия извлеченные из дел Преображенского приказа и Тайной розыскных дел канцелярии. СПб., 1861. С. 157–184).

⁷¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 156. Кн. 1. Л. 107, 534; Д. 165. Кн. 2. Л. 84.

⁷² Там же. Д. 156. Кн. 1. Л. 550.

⁷³ Из челобитной известно, что шведы получали по 4 деньги в день, а находившийся при них пастор – 8 денег (Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 156. Кн. 1. Л. 1234).

⁷⁴ В тяжелых условиях находились не только рядовые, но и офицеры. Пленный шведский прапорщик Г.А. Пипер, сосланный с денщиком в Чухлому, писал, что в первое время они жили на сумму не более 12 копеек в месяц: «Пища наша главным образом состояла в овсяной похлебке и толстых, довольно сухих блинах». При этом он отмечал, что в провинции все стоит достаточно дешево: «Бочка ржи стоила 30 коп., бык 80 коп. (за продажею кожи и сала одно мясо стоило 30 коп.), 40 яиц 1 коп., 6 цыплят 1 коп., 1 баран 7 или 8 коп., 4 зайца 1 коп., и проч.» (Пипер Г.А. Извлечение из записок прапорщика Густава Абрама Пипера. С. 142). Естественно, что жизнь пленных шведских артиллеристов в столице была не в пример дороже.

⁷⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 156. Кн. 1. Л. 1234.

⁷⁶ Там же. Д. 165. Л. 130а.

⁷⁷ Там же. Л. 156.

⁷⁸ Там же. Д. 162. Л. 53 об.

⁷⁹ Там же. Д. 165. Л. 127.

⁸⁰ Там же. Кн. 5. Л. 490 об.

⁸¹ Там же. Ф. Генеральное повытье. Д. 57. Л. 491, 492.

⁸² Там же. Л. 522, 523, 594, 595.

Д.А. Журавлев (Санкт-Петербург)

ОКАЗАНИЕ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ АМЕРИКАНСКИМ ГРАЖДАНАМ НА ТЕРРИТОРИИ ЕВРОПЫ, ОСВОБОЖДЕННОЙ ОТ ПРОТИВНИКА В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ВСТУПАЯ на территорию Европы, захваченной противником, советские войска выполняли миссию освободителей. Из концлагерей, тюрем и рабства советские воины освободили миллионы взрослых и детей, представителей разных национальностей, вернув их своим народам, семьям. Во время Второй мировой войны 1939–1945 гг. и после ее окончания советская сторона репатриировала на родину 1 016 588 человек более чем 33 национальностей, освобожденных Красной армией от уз угнетения. Среди них числились и 22 481 гражданин Соединенных Штатов Америки, 22 429 из которых составляли военнопленные, а остальные 52 относились к категории интернированных¹.

Медицинской службе отводилась при этом особая роль. Изможденные, обессиленные узники фашистских лагерей крайне нуждались в медицинской помощи. Кроме того, необходимо было не допустить возникновения неизменных спутников войн – эпидемий, предупредить всеми методами возможный занос инфекции на территорию страны.

Репатриация организовывалась и осуществлялась в соответствии с Постановлением Совета народных комиссаров СССР № 31-13 от 6 января 1945 г. В соответствии с ним на начальников отделов по делам репатриации фронтов возлагались сбор, учет и размещение освобожденных Красной армией военнопленных и граждан союзных государств. С июня 1945 года эти функции возлагались на Управление по репатриации при группах войск (ГСОВГ, СГВ, ЦГВ, ЮГВ).

Начальники отделов по делам репатриации фронтов совместно с начальниками тыла фронтов создавали специальные отдельные сборные пункты емкостью 1–1,5 тыс. человек. В каждом сборном пункте назначалась комендатура, являвшаяся его администрацией. Наряду с управленческими функциями на нее возлагалась охрана репатриантов. Комендант сборного пункта подчинялся непосредственно начальнику отдела репатриации фронта².

Несмотря на отсутствие опыта в организации этой работы, органы репатриации совместно со штабами действующих фронтов, Генштабом и Штабом тыла Вооруженных сил сумели в течение одного месяца развернуть 18 фронтовых и 9 территориальных сборных пунктов емкостью до 3 тыс. человек каждый и 5 транзитных лагерей на территории Советского Союза емкостью до 10 тыс. человек каждый. Одновременно с этим была создана материальная база для организации бесперебойного питания и экипировки больших масс людей, которые должны были поступать на сборные пункты и в транзитные лагеря. При каждом действующем фронте и в некоторых тыловых округах было предусмотрено также развертывание специальных госпиталей для медицинского обслуживания нуждающихся иностранцев. По мере увеличения числа освобожденных иностранных граждан увеличилось и количество действующих сборных пунктов при фронтах и лагерях, а также при тыловых округах на территории СССР. К моменту окончания войны всего насчитывалось 77 фронтовых и окружных сборных пунктов и лагерей, в которых было занято 3 473 военнослужащих – офицеров и солдат Красной армии. Все иностранные граждане, освобожденные из немецкого плена, в период нахождения на сборных пунктах и до момента передачи их представителям соответствующих властей питались по фронтовой норме № 2 солдат и офицеров Красной армии³.

Всего советскими войсками было освобождено из немецкого плена 1 479 954 иностранных гражданина, преобладающее число из которых содержалось на сборных пунктах и в лагерях непродолжительное время, ожидая отправки на родину. С США и Великобританией 11 февраля 1945 г. было заключено соглашение о взаимной репатриации. Непосредственно к перемещению иностранных граждан, освобожденных из фашистской неволи, и в первую очередь американцев и англичан, органы репатриации приступили еще 7 марта 1945 г. В этот период Великой Отечественной войны

наиболее удобный и возможный путь для репатриации иностранцев был морской, и проходил он через советские порты городов Одессы и Мурманска.

В целях разгрузки фронтовых комендатур от большого скопления в них иностранных военнопленных и приближения их к портам отправки на территории Советского Союза в апреле 1945 г. было организовано еще 8 транзитных лагерей и 7 сборных пунктов.

После окончания Великой Отечественной войны встал вопрос о возможности репатриации иностранных граждан наикратчайшим путем – через линию войск. Для решения этого вопроса с 16 по 22 мая 1945 г. в г. Галле состоялись переговоры между представителями Верховного главного командования Красной армии и представителями Главнокомандующего союзных экспедиционных сил. В результате переговоров, 22 мая 1945 г. был подписан план о взаимной репатриации советских граждан, освобожденных войсками союзных стран и иностранных граждан, освобожденных войсками Красной армии. Для этой цели был развернут ряд пунктов передачи на линии войск с пропускной способностью каждого до 5 тыс. человек ежедневно. В связи с новыми открывшимися путями репатриации, сразу же после подписания указанного плана началась взаимная передача советских и иностранных граждан во всех передаточных пунктах одновременно.

Поскольку планом о взаимной репатриации предусматривалась передача всех граждан стран-членов Организации Объединенных Наций, англо-американским властям через линию войск передавались также французы, бельгийцы, голландцы и др., т. е. люди всех национальностей из западноевропейских стран. Вместе с этим началась репатриация и тех иностранных граждан, которые могли быть переданы непосредственно представителям их государств – Польши, Югославии и Чехословакии.

В каждом сборном пункте создавались отделения по контингентам репатрируемых. Так, в обязательном порядке должны были выделяться отделения (помещения) для: а) офицерского состава, б) солдат и младших командиров, в) интернированных граждан. В основном сборные пункты располагались вблизи железнодорожных станций, в наиболее безопасной зоне и в приспособленных для проживания зданиях. Нередко сборные пункты создавались на базе лагерей, где ранее располагались военнопленные союзных государств после соответствующего их переоборудования.

Категорически запрещалось совместное размещение военнопленных союзных государств и интернированных иностранных граждан с пленными солдатами и офицерами немецкой армии.

Отправка репатриантов со сборных пунктов через транзитные лагеря осуществлялась только с разрешения и по указанию Уполномоченного Совета народных комиссаров СССР по делам репатриации⁴.

Сборные пункты союзных государств и иностранных интернированных граждан обеспечивались хозяйственным, столовым и кухонным инвентарем и посудой из расчета ежедневного обслуживания 1–1,5 тыс. человек, а также походными кухнями или котлами для приготовления горячей пищи и кипятка. Для хозяйственного обслуживания каждому сборному пункту выделялись 2-3 автомашины.

Как указывалось выше, питание военнопленных и интернированных граждан осуществлялось по норме № 2 приказа НКО № 312-1941 г., с обеспечением трехразовым горячим питанием. По этой же норме им выдавалось довольствие на весь путь следования. Кроме того, каждый сборный пункт обязан был иметь неснижаемый запас продовольствия в объеме 2 тыс. суточ. Освобожденные военнопленные обеспечивались новыми предметами вещевого имущества по нормам довольствия офицеров, сержантов и рядовых Красной армии. Интернированным иностранным гражданам при необходимости выдавалось бывшее в употреблении, отремонтированное обмундирование и годная к носке обувь. На каждом сборном пункте предусматривалось иметь запас в количестве 500 комплектов чистого белья и 2 тыс. пар обуви, из них 5 % женского.

Амбулаторная медицинская помощь репатриантам оказывалась непосредственно на сборных пунктах, стационарная – в специально выделенных для этой цели госпиталях.

Перед отправкой репатриантов в транзитные лагеря и на родину им проводилась полная санитарная обработка с дезинсекцией обмундирования и белья. Перевозка осуществлялась эшелонами, оборудованными в соответствии с временем года. На каждый эшелон выделялась команда сопровождения в составе офицера – начальника эшелона, сержанта, 10–15 бойцов, врача и двух средних медработников. Начальник эшелона получал продовольственный аттестат на весь личный состав эшелона для получения продовольствия в пути следования на специальных пунктах – «Военпродукты».

До 1 октября 1945 г. было репатрировано около 730 тыс. человек, в том числе 294 тыс. французов, 159 тыс. поляков, 97 тыс. югославов, 33 тыс. бельгийцев, 32 тыс. голландцев, 30 тыс. чехов и словаков, 24 тыс. англичан, 22 тыс. американцев, 22 тыс. румын и свыше 17 тыс. лиц других национальностей⁵.

За период с октября 1944 г. по январь 1946 г. среди репатрированных советских граждан в количестве 5 204 599 человек, на сборно-пересыльных пунктах и в лагерях выявлено 1 080 034 человека больных, из которых 385 206 человек (33,7 %) нуждались в стационарном лечении, а 692 828 человек (66,3 %) – в амбулаторной помощи⁶.

Показатель заболеваемости репатриантов из союзных стран был значительно ниже, чем у советских репатриантов. Это объяснялось тем, что материально-бытовые и санитарно-гигиенические условия содержания иностранных репатриантов были более благоприятными, чем советских граждан. Кроме того, среди интернированных граждан СССР было значительное число лиц пожилого возраста, женщин и детей, более подверженных различным заболеваниям.

Обратимся к судьбам американских граждан, которые проходили лечение в советских медицинских учреждениях в 1944–1945 гг. Красноречивым источником в данном случае выступят истории болезни, которые хранятся в Филиале Центрального архива Министерства обороны (военно-медицинских документов).

22-летний лейтенант военно-воздушных сил Соединенных Штатов Америки (в истории болезни значится – «Занимаемая должность: летчик-американец») Раймонд Клац при выполнении боевого задания 26 декабря 1944 г. был сбит противником над территорией Венгрии. Спустя два дня он был найден в поле двумя советскими казаками и доставлен в госпиталь № 19397 в очень тяжелом состоянии, с предварительным диагнозом: сквозное осколочное ранение правого плечевого сустава с нарушением целостности костей лопатки и плеча, раневой сепсис. После поступления в госпиталь ему была наложена асептическая повязка, дан горячий чай с вином, после чего военные хирурги приступили к операции. Под наркозом рана была рассечена и осколки извлечены из раны, было сделано два переливания крови. К сожалению, все усилия врачей не привели к благополучному исходу, и 5 января 1945 г. Раймонд Клац скончался от сепсиса. После патологоанатомического вскрытия

6 января американский летчик был погребен в венгерской земле, на городском кладбище г. Сенсарде.

Офицер, военный корреспондент Браен Лант (в истории болезни указано отчество – «Афе») 5 февраля 1945 г. был доставлен из сборного пункта советских граждан в лазарет воинской части 18497 в г. Рембертове с диагнозом: касательное пулевое ранение левой голени с краевым повреждением большой берцовой кости, остеомиелит. Ранение он получил 12 сентября 1944 г. В сложных полевых условиях больному была оказана первая врачебная помощь и проведено краткое диагностическое обследование (взяты анализы, сделан рентген), после чего он был направлен в эвакуационный госпиталь № 2014, где при хирургической обработке раны пуля была удалена. 23 февраля 1945 г. Браен Лант, в связи с отъездом на родину, был выписан из госпиталя по выздоровлению.

29-летний Юджин Джонс, уроженец Чикаго, в 1943 г. окончил летную школу. Получив военную специальность, был назначен летчиком-штурманом на «летающую крепость». В последние месяцы войны в Европе он совершил немало боевых вылетов. При выполнении очередного задания 24 марта 1945 г. в полете был ранен в левое бедро. Первую помощь в порядке взаимопомощи ему оказал товарищ по экипажу, затем Юджин был доставлен в медицинский пункт батальона аэродромного обслуживания, где ему была оказана медицинская помощь. Далее, в лазарете воинской части 53958 была произведена первичная хирургическая обработка раны – наложены асептическая повязка, шины, а также введены противостолбнячная и противогангренозная сыворотки. А дальше начинается долгий путь Юджина Джонса по лечебным учреждениям Красной армии, которая быстро продвигалась вперед, освобождая от противника все новые территории.

После лазарета воинской части 53958, он поступил в армейский авиационный госпиталь № 136, где ему было произведено удаление инородного тела, вероятно, осколка зенитного снаряда. После проведенного госпитального обследования (рентгеноскопия, анализы и др.), больному было прописано диетическое питание, в состав которого входило в качестве обязательного красное вино. Затем Джонс был переведен в эвакуационный госпиталь № 5488, а далее – в эвакуационный госпиталь № 3955. В последующем лечение было закончено в сортировочно-эвакуационном госпитале

№ 1098 местного эвакуационного пункта Санитарного управления Центральной группы войск.

Трагически сложилась судьба лейтенанта военно-воздушных сил США Мишеля Даве. 1 февраля 1945 г. он поступил в госпиталь № 4167 эвакуационного пункта № 173 без направления. Мишель находился в крайне тяжелом состоянии. Предварительно у него был диагностирован туберкулез легких, однако собрать какие-либо сведения у больного не удалось из-за отсутствия переводчика, либо лица, знавшего английский язык. При нем находилось письмо, написанное заместителем начальника разведотдела армии подполковником Селиверстовым: «Начальнику госпиталя армии 4167. Направляю для лечения лейтенанта американской армии. Прошу принять и оказать всемерное лечение, как офицеру Союзного нам Государства. Это требование генерал-лейтенанта тов. Бокова. 1 февраля 1945 г.» Несмотря на все старания советских медиков, лейтенант Даве скончался 4 февраля 1945 г. в 9 часов утра при явлениях сердечной недостаточности. Как показало патологоанатомическое вскрытие, причиной смерти явилась двусторонняя крупозная неразрешившаяся пневмония.

Другому представителю ВВС США, несмотря на длительный срок лечения, выпал шанс познакомиться с выдающимся представителем отечественной медицины. 20-летний летчик Дональд Бенус поступил в сортировочный эвакуационный госпиталь № 1872 13 декабря 1944 г. в состоянии средней тяжести по поводу осколочного ранения мягких тканей обоих бедер, ушиба правого коленного сустава. Американскому летчику уделяли особое внимание. Был сделан рентген, взяты все необходимые анализы, было назначено индивидуальное питание, с обязательной дозой коньяка, массаж, облучение кварцем. Проводились консультации ведущих специалистов. 22 декабря Дональда Бенуса осмотрел известный советский хирург, генерал-лейтенант медицинской службы, доктор медицинских наук, профессор Николай Николаевич Еланский. Больному было сделано несколько операций, что значительно улучшило его состояние. 7 апреля 1945 г. Бенус был выписан в распоряжение Союзной контрольной комиссии.

Благополучным был и исход ранения 23-летнего американского летчика Франциса Доноуса. 2 марта 1945 г. его «летающая крепость» совершила вынужденную посадку. Приземление прошло неудачно – летчик почувствовал резкую боль в ногах и не мог

самостоятельно идти. Резко отекала левая нога, появились кровоподтеки. Вместе с тем, Францис сохранял присутствие духа и мужество, был активен и весел. В таком состоянии на следующий день он был доставлен в госпиталь для легкораненых № 1702, который дислоцировался в г. Домбоваре. После недолгого времени нахождения в нем Францис был переведен в специализированный эвакуационный госпиталь № 3174 в г. Суботица. Из него 27 марта 1945 г. он был выписан в свою часть для дальнейшего лечения.

Схожим был путь 20-летнего американского летчика Ленмана Воода. Вероятно, он был членом экипажа «летающей крепости», на которой служил Францис Дононус, потерпевшей аварию 2 марта 1945 г. при посадке. Вначале Ленман поступил в госпиталь для легкораненых № 1702, а затем в эвакуационный госпиталь № 3174 с диагнозом: забрюшинное кровоизлияние селезеночного угла, ушиб правой малой берцовой кости. И в том, и в другом лечебном учреждении ему предписывался строгий постельный режим, микстуры, а в эвакуационном госпитале ему было назначено по 100 грамм вина каждый день. 22 марта 1945 г. Ленман Вуд был выписан в часть с заключением военно-врачебной комиссии госпиталя «годен к фронтовой службе». Такое заключение необходимо при выписке советских солдат и офицеров, и практически не встречается в историях болезни иностранных военнослужащих.

27-летний лейтенант 93-го пехотного полка американской армии Вильяс Брюнц, уроженец города Сан-Мари штата Огайо, участвовал в наступательной операции союзников в Западной Европе, но 13 сентября 1944 г. попал в плен и находился в лагере военнопленных в городе Шубен. Здесь он пробыл до 13 декабря 1944 г., когда заболел дифтерией: на фоне общей большой слабости не мог ходить, беспокоили боли в поясничной области и в горле. Лечился в немецкой гражданской больнице г. Шубен. 21 января 1945 г. Вильяс Брюнц был освобожден войсками Красной армии из концлагеря и был направлен в г. Зейнин в эвакуационный госпиталь, откуда 5 февраля 1945 г. поступил в г. Ванковец (Польша). 5 мая 1945 г. был доставлен самолетом в сопровождении представителя Санитарного отдела фронта в эвакуационный госпиталь № 4652, располагавшийся в г. Ландсберг, с диагнозом: неврастения, миокардит. Большой лейтенант жаловался на общую слабость, быструю утомляемость при движении, тремор рук.

В госпитале больному проводилось общеукрепляющее и медикаментозное лечение. Кроме этого ему были выписаны рыбий жир и витамин С, предписано выпивать по 100 граммов вина ежедневно. В Брюнца консультировали ведущие специалисты госпиталя: невропатолог, хирург, терапевт. Вскоре эффективность лечения стала очевидной. Одна из последних записей, сделанных перед выпиской, свидетельствует: «самочувствие больного хорошее, жалоб нет. Сон спокойный, аппетит умеренный». В Брюнц был выписан 21 июня в г. Магдебург, «на пункт обмена советских и американских граждан».

28-летний Антон Дерол Бент, сержант 392-й пехотной армии, уроженец города Ойнт-сити штата Айова. В 1945 г., после освобождения советскими воинами из фашистского лагеря, был определен в сборный пункт советских граждан. 5 февраля 1945 г. он поступил в лазарет воинской части № 18497, которая дислоцировалась в польском г. Рембертув. Случай Бента является особым, поскольку американец был прислан из сборного пункта по просьбе командования лазарета для оказания помощи в обслуживании иностранных больных, о чем свидетельствует запись, сделанная в его истории болезни: «Здоров. Прикомандирован для ухода за военнопленными офицерами (англичанами и американцами). Жалоб не предъявлял». Оказывая посильную помощь медицинским работникам в лечении и уходе за больными, 10 февраля он сам заболел, появились «с ночи общее недомогание, головная боль при глотании». Благодаря усилиям врачей Бент, временно ставший им «коллегой», пошел на поправку. Вскоре он был переведен в эвакуационный госпиталь № 2014, откуда 23 февраля 1945 года выписан по выздоровлению, ввиду отъезда на родину.

Приведенные по данным историй болезни случаи свидетельствуют о том, что несмотря на тяжелейшие условия Второй мировой войны, советские военные медики с честью выполнили свой профессиональный долг, спасая жизни не только советских военнослужащих, но и союзников. Раненым и больным иностранных союзных государств, наравне с советскими военнослужащими, оказывались все виды медицинской помощи, в зависимости от этапа эвакуации. Человеческая жизнь была в равной степени дорога, был ли это советский или иностранный гражданин. В этом проявился гуманизм советской военной медицины, отечественной медицины в целом, заслугой которой явились сотни вернувшихся в строй

военнослужащих иностранных армий, которые не только помогли приблизить долгожданную победу, но и сохранили в душах чувство благодарности советским медицинским работникам, проявившим заботу в один из самых трудных периодов жизни каждого из них.

¹ Галицкий В.П. А действительно, куда исчезли 20 000 американцев // Военно-исторический журнал. 1991. № 8. С. 80.

² Филиал Центрального архива Министерства обороны (военно-медицинских документов) (далее – филиал ЦАМО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 574. Л. 41–46.

³ Отчет о научно-исследовательской работе «Организация медицинского обслуживания репатриантов в завершающем периоде Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и после ее окончания». [Машинопись.] СПб., 1999. С. 42.

⁴ Филиал ЦАМО. Ф. 1. Оп. 44667. Д. 501. Л. 503.

⁵ Боголюбов А.И. Медицинское обслуживание репатрируемых // Труды Военно-медицинского музея. Т. 5. Медицинское обеспечение Висло-Одерской наступательной операции 1945 года. Л., 1956. С. 150–159.

⁶ Филиал ЦАМО. Ф. 1. Оп. 44667. Д. 502. Л. 169, 401.

С.А. Иванов (Волжский)

АНДРЕЙ УШАКОВ – КОМАНДИР ПАРТИЗАНСКОГО ОТРЯДА ПЕТРА ВЕЛИКОГО

В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ историографии имя Андрея Ивановича Ушакова (1670–1747 гг.) чаще всего связывают с первым ведомством русских спецслужб – Тайной розыскных дел канцелярией, службе в которой он посвятил большую часть своей жизни. При этом биографические очерки опускают один из немаловажных периодов его жизни. В частности мало кто знает, что А.И. Ушаков в полтавский период Великой Северной войны (осень 1708 – лето 1709 гг.) проявил себя как опытный специалист тактической разведки и партизанских действий в тылу противника. По своему мужеству и отваге он не уступает прославленному герою Отечественной войны 1812 г. партизану-поэту Денису Васильевичу Давыдову.

Одна из причин такого поверхностного изучения партизанского прошлого А.И. Ушакова состоит в том, что военные историки на протяжении долгого времени не уделяли должного внимания процессу изучения темы развития тактики малой (партизанской) войны в отечественной истории. Традиционно считалось, что масштабное применение такого способа ведения боевых действий стало использоваться в русской армии только в период Отечественной войны 1812 г., когда легкие отряды регулярных войск и казаков заходили в тыл французов с целью проведения разведывательных и диверсионных действий. К сожалению, военные историки в своих исследованиях упустили немаловажные факты из отечественной истории, которая наполнена примерами применения малой войны в общей схеме ведения боевых действий русской армией задолго до XIX в. Особенно заметно это проявилось в начале XVIII в. в период

правления Петра Великого. Во время Великой Северной войны (1700–1721 гг.) особенно ярко обнаружилась роль малой войны, включенной в общую стратегию военных действий русской армии.

В способах ведения войны Петр I был сторонником активной обороны, как в стратегическом, так и в тактическом плане. В до-полтавский период Великой Северной войны царю и его солдатам было еще тяжело тягаться в открытом бою с хорошо организованной шведской военной машиной. Русская армия была подобна кочевым племенам, которые были бессильны против фаланг и легионов греко-римского мира. Осенью 1708 г. во время вторжения шведов в русские пределы Петр I и его полководцы обратились к опыту малой войны с целью измотать противника, избегая крупных столкновений в период подготовки к решающему сражению.

Для выполнения операций малой войны в русской армии фор-

мировались специальные мобильные разведывательно-диверсионные отряды («партии»). Их управление требовало назначения на должности командиров добросовестных офицеров, способных быстро оценить обстановку и принять нужное решение. Одним из таких командиров партизанского отряда стал А.И. Ушаков, который осенью 1708 г. проходил службу капитан-поручиком в гвардейском Преображенском полку и выполнял обязанности царского адъютанта¹ (рис. 1).

Рис. 1. Андрей Иванович Ушаков. Неизвестный художник XVIII в.

Может возникнуть вопрос, почему мы используем название «партизанский отряд»? Ведь для выполнения задач малой войны выделялись подразделения из

состава регулярной армии, а не народные мстители из местного населения. Дело в том, что слово «партизан» происходит от французского термина *partie* (часть, отряд), а часто упоминаемое в русских документах слово «партия» употреблялось для определения

отрядов, направляемых для выполнения разведывательно-диверсионных операций в тылу врага и на линии соприкосновения с противником. В связи с этим военный историк В.Н. Клембовский отмечал, что партизанами называют «легкие отряды, бросившие связь с армией на более или менее продолжительное время и направленные на фланги и тыл противника с целью нанесения ему там возможно большего материального и нравственного ущерба»². Стоит отметить, что в военной историографии при обозначении партизанской войны мог использоваться термин «малая война», т.к. до середины XX в. эти два понятия несли одну и ту же смысловую нагрузку.

Состав партизанских отрядов периода Великой Северной войны не был стабильным и однообразным. Он зависел от многих обстоятельств и формировался в зависимости от обстановки. Как правило, партии состояли из некоторого количества кавалеристов регулярных драгунских полков с приданием к ним подразделений иррегулярных войск (казаков, калмыков и пр.). Основную часть разведывательно-диверсионного отряда А.И. Ушакова в 1708–1709 гг. составляла легкая кавалерия (донские и чугуевские казаки, калмыки).

Мобильные и автономно действующие разведывательно-диверсионные отряды русских войск должны были выполнять две основные задачи: вести войсковую разведку путем сбора самых точных и подробных сведений о противнике (поиск, наблюдение, шпионская деятельность), максимально тревожить врага диверсионными действиями (засады и налеты).

На так называемый украинский фронт А.И. Ушаков прибыл после подавления Булавинского восстания на Дону, где командовал одним из карательных отрядов регулярных войск. Первое донесение царю в роли командира разведывательно-диверсионного отряда датировано 22 сентября 1708 г.³ из Пустосежска – поста летучей почты. Здесь, отправляя разведывательные партии к Кричеву, где расположилась на стоянку шведская армия, А.И. Ушаков отслеживал направление пути движения войск Карла XII по территории Северной Украины. Капитан-поручик сообщал Петру I, что «изконная партия от нас послана была до шведскаго обозу под Кричев, для осмотра, которою дорогою пошел неприятель <...> видно по его обороту, что на Стародуб пошел дорогами, а на Рославль не пошел»⁴. Для сбора сведений о противнике кроме разведывательных отрядов

А.И. Ушаков использовал шпионов, которые под видом местных жителей «повезли для продажи к шведу хлеб»⁵. Полученные капитан-поручиком данные дали возможность произвести правильную расстановку сил, выиграть время и действовать на упреждение действиям шведских войск. Отряды русских войск двигались впереди авангарда противника, создавая на его пути зону отчуждения с разрушенными мостами, пустыми деревнями, отсутствием припасов и фуража.

В том же письме А.И. Ушаков писал: «...енорал майор Инфлант, Рословель оставя, прошел на Почеп сентября 22 дня, отобрав лучших лошадей (для увеличения скорости марша. – *С.И.*); идет с великим поспешением <...> дабы у неприятеля перед взять <...> Також Федор Бартенев, взяв с собою драгун 20 человек, поехал на переди до Стародуба, для осмотра города и дорог...»⁶. Командиры партизанских отрядов – А.И. Ушаков, Н.Ю. Инфлант, Ф.О. Барте-нев, ускоренным маршем двигались к стратегически важным населенным пунктам Северщины. 18 сентября 1708 г. царь указывал Ф.О. Барте-неву план дальнейших действий «...поезжай, не мешкав, к Ифлянту и там, как возможно взяв конечно у неприятеля перед <...> оному препятствуйте на всех пасах, тако ж засеканием лесов и пожиганием деревень <...> И о фсем давай нам знать, как наискоря, с Ушаковым»⁷.

Воспользовавшись нерасторопностью шведского авангарда, русские отряды 29 сентября 1708 г. заняли ключевой город Северской Украины – Стародуб. В тот же день А.И. Ушаков докладывал царю из города, что его отряд продолжает отслеживать пути движения вражеской армии «на Стародуб или на Почеп», а «под неприятелем ныне на переди дровни (деревни. – *С.И.*) жгут»⁸. В Стародубе капитан-поручик столкнулся с немаловажной проблемой, когда планируемые для использования в шпионской деятельности стародубские торговцы-евреи были уничтожены агрессивными местными жителями. Об этом ущербе, нанесенном русской разведке, А.И. Ушаков доложил царю⁹, который возмущенно требовал от него разобраться и наказать виновных.

В конце октября 1708 г. капитан-поручик находился при царской ставке в Погребках, откуда 30 октября направляется к Черниговскому архиепископу Иоанну (Максимовичу) для сопровождения его в город Глухов¹⁰. Здесь должны были состояться выборы нового украинского гетмана, необходимость которых возникла после

предательства И.С. Мазепы. Данный факт показывает особое доверие царя к своему адъютанту. 7 ноября 1708 г. новым гетманом был избран стародубский полковник Иван Ильич Скоропадский. Все это время А.И. Ушаков находился при царе, а после завершения всех мероприятий, связанных с выборами нового гетмана, возвращается к разведывательно-диверсионной деятельности. Направляя своего адъютанта в район соприкосновения с противником 13 ноября 1708 г. Петр I по пунктам распisał задачи для его партизанского отряда: «...2. Неперестанно партиями неприятелю докучать, а наипаче, езда кругом неприятельского войска, смотреть того, чтоб жители здешние не возили ничево <...> 3. Всеми меры тшитца (добиваться – С.И.), чтоб взять знатнаго офицера, дабы ведать о неприятельском намерении...4. Непрестанно как через партии, так и через шпионов проведывать, што неприятель делает, и буде идет, куды идет, и о том по вся дни присылать ведомость. 5. В прочем чинить с помощью Божию все, что к убытку неприятелю, а нам к пользе, как доброму и чесному офицеру надлежит»¹¹.

Партизанский отряд А.И. Ушакова приступил к выполнению поставленных царем задач и совместно с отрядом Ф.О. Бартенева преследовал шведский арьергард. Капитан-поручик Ф.О. Бартенев докладывал Петру 17 ноября 1708 г. из Батурина: «По указу твоему приехали мы на двор изменника Мозепы и ево не зостали <...> поехал к Гадичю <...> А мы пошли за неприятелем, чтоб добыть языка з господином Ушаковым и с козаками»¹². Дождавшись расположения шведских войск на зимних квартирах, партизанские отряды заняли ближайšie к ним населенные пункты для удобства ведения разведки. 20 ноября 1708 г. из местечка Талалаевка в ставку поступил доклад от А.И. Ушакова о квартирах войск Карла XII, добытых летучими партиями, которые вели непрерывный поиск и захватили в плен «шведского порутчика и с ним два капрала шведских, такожде трех человек поляков»¹³. Кроме этого капитан-поручик занимался стимулированием местного казачества на поимку шведских солдат и офицеров, выплачивая им за это денежное вознаграждение из расчета за «генерала <...> две тысячи рублей, за полковника тысячу рублей; а за иных офицеров за каждого по росчету, против чина их; а за рядовых рейтар, солдат и драгун по пяти рублей...»¹⁴.

Партизанский отряд А.И. Ушакова действовал на достаточно близком расстоянии от войск противника, всего лишь в полутора

километрах от него. 23 и 24 ноября из местечка Липовое отправлялись разведывательные отряды к Ромнам и Бубнам, где были захвачены «гвардии королевской четыре человека, в том числе фотермистр (конох. – *С.И.*) ротной и протпрапарщик, також драгун два человека»¹⁵. Благодаря этому были получены сведения о слабости войск в Бубнах, и «ежели бы были драгуны в совокуплении при донских: мочно бы в Бубнах учинить над ними поиск, понеже незапным нападением»¹⁶. Здесь стоит отметить, что задействованные в малой войне воинские подразделения при необходимости и наличии достаточных сил вступали в открытый бой с противником, который в теории малой войны называется нападением. Это был стандартный вид боя, однако в его содержании выделялись существенные особенности: полная самостоятельность действия отряда, с возможностью немедленного прекращения нападения на противника в случае угрозы поражения и выход из боя. Основными видами боя при выполнении задач малой войны являлись засада и налет.

Нападение на Бубны осуществить не удалось, т.к. 26 ноября 1708 г. отряд А.И. Ушакова был атакован в местечке Кореницкое противником, которому досаждали летучие партии капитан-поручика. 30 ноября адъютант докладывал царю из Карабутова об этих событиях: «...против ноября 26 в полночь, с трех сторон били на нас <...> и стояли противу неприятеля час или больши, и пришел с пехотой, конницею сильной, и могли уступить. Наших убито пять человек, а неприятельских побито тритцать пять человек, один вышней афицер – маеор или полуполковник. И <...> отошли в целости...»¹⁷. Несмотря на это, разведчики А.И. Ушакова продолжали курсировать, собирая сведения в местах расположения шведских войск (Бубны, Медвежье, Алексеевка, Красный Колядин и Ромны).

Ночью 3 декабря партизанский отряд царского адъютанта вновь был атакован противником в деревне Агировке: «неприятель с пехотой и с концей <...> силен: могли отгойти. У нас убито 6 человек, роненых 20 человек и лошадей с пядесят». Под давлением противника А.И. Ушаков, рассылая для разведки в стороны партии, отходил к Тернам, предлагая провести контрмеры против атак шведов «такош ночью или на себя наждав (засадой – *С.И.*)»¹⁸.

9 декабря 1708 г. Петр I дал указание А.И. Ушакову «с казаками, которые с вами есть, подайся сюды к Лебедину ближе»¹⁹, в котором находилась штаб-квартира русской армии. Капитан-поручик

отвечал 12 декабря письмом, что не может выполнить указание царя, т.к. «податца ближе – доволство оным не будет»²⁰. Также он сообщил о неудачной попытке его партизанского отряда оказать помощь жителям местечка Терны, атакованным шведскими войсками: «Тутешный народ засели было в замок и стрелялися часа з два, однакож неприятель <...> взяли оный замок и жителей несколько стратили (казнили – *С.И.*) <...> И посылал того ж числа сильную партию на сикурс к тому местечку, и неприятеля <...> малым чем не застали и гнали за ним, а догнать не могли»²¹. Государь вскоре меняет свои планы и 14 декабря 1708 г. приказывает А.И. Ушакову «казакам всем, которые с вами есть <...> идти к Недрыгайлову, а сам ты одною своею персоною поезжай <...> к господину генералу Аларту»²², который находился в Ольшанах у Недрыгайлова. Данное распоряжение было сделано в связи с подготовкой к предстоящей диверсионной операции против шведских квартир в Ромнах и Гадяче.

В результате обманного маневра русских войск основные шведские силы во главе с Карлом XII покинули 16 декабря 1708 г. Ромны и направились к Гадячу, которому, как им казалось, угрожала опасность. Важную роль в получении разведывательной информации сыграли партизаны А.И. Ушакова, задержавшие в районе Недрыгайлова отряд шведских волохов (11 чел.), из допроса которых стало известно, что «король <...> рано утром отправился в поход (из Ромен – *С.И.*) <...> что он сразу перед выступлением <...> отдал приказ всей армии идти на Гадяч»²³. К сожалению, командование не воспользовалось этой информацией и потеряло шанс захватить в плен И.С. Мазепу, который покинул Ромны «декабря 17 ж дня до вечера за два часа»²⁴. Адьютант царя был возмущен тем, что вовремя полученная его отрядом информация не была проанализирована должным образом, а командиры «не поспешили <...> по таким ведомостям и стояли сутки в Олешне неведомо для чего»²⁵.

18 декабря русские диверсионные отряды бригадира Ф.И. Фастмана и полковника А. Ветерани, в состав которых входили разведчики А.И. Ушакова, заняли Ромны. Здесь произошел еще один неприятный эпизод. Не встретив должного сопротивления (в крепости находились 1 капитан, 1 поручик и 1 прапорщик) и опьянев от легкой победы, солдаты и офицеры вместо организации сторожевой службы предались грабежу²⁶. А.И. Ушаков докладывал царю об этом акте мародерства в письме от 19 декабря: «...командиры не

поставя караулов, как пришли в местечко, которые тутешние народы обрадовались приходу нашему, и радость их превратилась в печаль: дома их пришли в разорение <...> И потом оные кумандиры приказали то местечко и слободы жечь. И я им в том воспрещал»²⁷. Среди общей вакханалии партизаны капитан-поручика продолжали нести службу и вслед уходящему противнику была отправлена партия, солдаты которой «отсталых взяли языков: четырех офицеров, рядовых восемь человек, один пивовар королевской с женою»²⁸.

Отряд А.И. Ушакова задержался в Ромнах, где на какое-то время был организован центр разведывательной службы по наблюдению за действиями противника. В конце декабря партии казаков ходили к Гадячу, Глинску и Липовой долине, а добытая ими информация вовремя доходила до Петра I. Кроме этого в Ромнах капитан-поручик занимался контрразведывательной деятельностью. Так, 23 декабря 1708 г. были задержаны вражеские «шпики», из допроса которых были получены первые сведения о намерениях шведской армии двигаться к Полтаве²⁹. Здесь стоит отметить, что именно этим числом было датировано указание Петра I полковнику А.С. Келину на движение к Ахтырке, откуда он был отправлен в Полтаву на усиление гарнизона³⁰. Возможно, что на принятие этого решения повлияли сообщения царского адъютанта. 25 декабря казаками А.И. Ушакова был задержан назначенный И.С. Мазепой атаман Ромен, «оный бегал, ныне пойман в деревне Фесевке и сидит у нас за караулом»³¹.

Недалеко от Ромен (3 км) в Глинске расположился 3-х тысячный отряд шведов, который создавал помехи в ведении разведывательной деятельности. 2 января 1709 г. А.И. Ушаков отправил к Глинским укреплениям казачью партию для разведки боем и захвата пленных. Отряд должен был провести стандартную разведывательно-диверсионную атаку – быстрый налет и отступление с заманиванием преследующего противника в засаду, но атака не удалась: «партия наша часовых убили четырех человек и ружье отбрали и лошадь одну совсем взяли в самых рогатках. И дожидались, чтобы от них была погоня, и не погнались за нашими»³². Но капитан-поручик не отступал и предлагал царю провести усиленную атаку на шведский гарнизон в Глинске более крупными силами, «потому что отдалел от войска и сикурсу неотколь ждать. Ежели бы было пехоты <...> мошно б ево выгнать. И ныне он в великом страхе тут сидит»³³. Но атака на городок не понадобилась, 5 января

Рис. 2. Нападение казаков на шведский обоз. Худ. С. Кравченко

стало известно, что шведы покинули Глинск и отошли в местечко Сребрянное³⁴ (рис. 2).

К 11 января 1709 г. А.И. Ушаков по указу царя, оставив в распоряжении роменского коменданта П.Э. Ласси 300 своих казаков, перешел в Лебедин³⁵. Здесь им были получены распоряжения А.Д. Меншикова на перемещения его партизанского отряда в Ахтырку³⁶, которая на этот момент являлась стратегически важным пунктом и нуждалась в таких профессионалах разведки, каким был адъютант Петра I.

В это время русское командование сталкивается с проблемой, связанной с поступлением сведений о снятии с квартир и выходе войск Карла XII из Гадяча в неизвестном направлении. 12 января Петр I дает указание А.И. Ушакову «пошли проведать, правда ль то, и буде правда, то куды пошел оной, и подлинную ведомость немедленно пришли к нам»³⁷. О выполнении приказа царя капитан-поручик докладывал 13 января из Лебедина, что «по написании сего письма послал я партию под Гадич и со всеми казаками надале к неприятелю. И что будет чинитца, и о том будем писать впредь до вашего величества»³⁸. Разведывательной партии удалось добыть сведения, что «король шведский пошел со всеми под Сорочин (Большие Сорочинцы – С.И.)»³⁹. Не дожидаясь дополнительных

указаний А.И. Ушаков отправил свой отряд на разведку сторожевых пунктов шведов в Рымареве, Красной Луке и у Гадяча, чтобы «достать языка как возможно»⁴⁰. 14 января разведчики вернулись и привезли сведения о том, что «под Гадичем кругом шведов нико-во нет: все пошли (к Большим Сорочинцам – *С.И.*). А при изменике (И.С. Мазепе – *С.И.*) в Гадиче оставлено, сказывают, четыре тысячи. А для отъезжево караулу оставлены кругом Гадича волохов и кунпанецев с пять сот человек»⁴¹.

Для изучения сложившейся обстановки, как говорится, изнутри, А.И. Ушаков направил в расположение шведов шпиона – православного священника, который «у Мазепы был генваря 13 дня, и <...> сего числа поехал еще в Гадич и к нам даст ведомость»⁴². От этого же священника стало известно о положении бывшего гетмана в шведском лагере: «и провианту изменнику не дают: все покупает, и караул за ним зело крепок»⁴³. В это же время А.И. Ушаков получает письмо с повторным указанием А.Д. Меншикова переместиться со всем отрядом из Лебедина в Ахтырку. Капитан-поручик выполнил приказ князя и через какое-то время его партизаны уже действовали на новом ответственном направлении совместно с украинскими казаками гетмана И.И. Скоропадского. О действиях А.И. Ушакова в этот период можно судить из письма А.Д. Меншикова к И.И. Скоропадскому от 25 января 1709 г.: «...о донских казаках и калмыках, господину полковнику Миргородцкому обещанных <...> то давно прямым исполнено делом; не точию несколько десятков, но и пятьсот человек дано, с которыми определен отъютант царского величества Ушаков, и велено ему быть при них гоподах полковниках Миргородцком и Полтавском»⁴⁴.

С наступлением тепла шведская армия пришла в движение, меняя район своего расквартирования. В связи с этим Петр I указывал 21 февраля 1709 г. Г.Ф. Долгорукому, чтобы он с действовавшими совместно с ним казачьими войсками И.И. Скоропадского «от Днепра в сии места выступали, где неприятель себе прочит на весну, не для бою, но чтоб оголодить оныя места...»⁴⁵ В это время Карл XII начал выдвигание с частью своей армии за Ворсклу, оставляя в своих тылах небольшие отряды на Суле, чем расширил свой квартирный район. Петр I продолжал осуществлять свой план по стеснению района расквартирования шведской армии с севера и запада. Весной 1709 г. русским главнокомандованием планировался большой разведывательно-диверсионный рейд по тылам

противника. Сводное подразделение для этой миссии, состоящее из регулярной пехоты, кавалерии и малороссийских казаков, возглавил фельдмаршал Б.П. Шереметев. Сюда же для ведения разведки был придан и А.И. Ушаков со своим отрядом. Партизаны из корпуса фельдмаршала оказывали давление на уже истрепавшиеся за зимнюю кампанию подразделения шведских войск. Атаки на гарнизоны, фуражиров и мелкие группы противника держали в постоянном напряжении армию врага, заставляя принимать меры для борьбы с партизанством. О действиях отряда А.И. Ушакова Б.П. Шереметев докладывал царю 14 марта: «9-го числа от Белоцерковки приходила неприятельская партия под Голтву, на которую Волконской и полковник миргородской отправили Ушакова с казаками. И оной <...> щастливо напал и взяли в полон ротмистра, корнета, 2 каптенармуса, капрала, рейтар 19 человек, а достальных побили и покололи и ни одного не упустили, которых было 52 человека»⁴⁶. В июле 1742 г., будучи уже генералом, А.И. Ушаков составил собственноручную Ведомость о государевой службе, где в частности говорилось, что «...в бытность при Его Императорском Величестве Петре первом адъютантом <...> был в разных многих и знатных посылках и партиях с казаками в Малой России и в бытность под Голтвою от неприятеля вторично ранен...»⁴⁷ Возможно ранение нашего героя было получено именно в этом бою (рис. 3).

Помимо диверсионных рейдов против шведских войск русская армия совершала карательные налеты на поддерживающих «мазепинцев» и запорожцев жите-

Рис. 3. Автограф А.И. Ушакова из «сказки» о службе в 1742 г.

лей небольших населенных пунктов и деревень. В апреле 1709 г. фельдмаршал Б.П. Шереметев направил диверсионный отряд к местечку Новые Санжары с миссией устрашения, «и оная партия <...> щастливое нападение учинила и многих запорожцов и мужиков, которые показали себя в противности, порубила и поколола, а несколько живьем взяла, а достальные ушли в замок, и те многие, бежав от страхования чрез реку Ворскл, перетопли. И под тем местечком наши слободы все выжгли, и в самом замке дворы горели ж,

понеже тогда был ветер немалый, и надемся, что много выгорело»⁴⁸. В этой операции, в команде генерал-майора А.Г. Волконского, участвовал и А.И. Ушаков во главе отряда донских казаков⁴⁹.

В мае 1709 г. отряд А.И. Ушакова (600 донских казаков) находился в распоряжении гетмана И.И. Скоропадского и дислоцировался в Голтве, которая стала центром оперативных действий русских войск на этом направлении. Б.П. Шереметев писал царю 18 мая, что «полковник миргородский сего числа объявил полученные ведомости чрез шпигов <...> якобы от неприятельскаго войска часть приготовилась под Голтву <...> Ушакову, который ныне в Голтве, поход в партии с донскими козаками велено исполнять по вашим указам...»⁵⁰. Капитан-поручик проводил налеты на шведские расположения и имел «непрестанно бой» с запорожцами. 23 мая 1709 г. А.И. Ушаков с казаками участвовал в диверсионном рейде на деревню Белики и, как докладывал адъютант царю, «оной городок, слободы обожгли и противников для страху несколько покололи»⁵¹. 25 мая партизанский отряд царского адъютанта действовал уже в районе деревни Федоровки⁵².

В период летней операции у Полтавы А.И. Ушаков в составе казачьих войск гетмана И.И. Скоропадского действовал на линии русских сторожевых постов, выставленных на реке Псел в местах возможной переправы шведской армии, в случае ее отступления к Днепру. Действовавшие здесь отряды выполняли указание царя «со фсем конным войском, регулярными и нерегулярными, з другую сторону напасть и потщитца (стараться – *С.И.*) доброю диверсию учинить и ущерб, по возможности, неприятелю»⁵³. Т.е. помимо сторожевой службы беспокоить позиции шведов с тыльной стороны их расположения у Полтавы.

27 июня 1709 г. произошел коренной перелом в ходе Великой Северной войны, а период, названный в отечественной истории полтавским, навсегда оставил яркий отпечаток в биографии будущего главы Тайной канцелярии. И это несмотря на то, что партизанской деятельностью в таких масштабах царскому адъютанту заниматься уже не приходилось.

Военный исследователь Н.В. Клембовский в своей работе «Партизанские действия» дал достаточно емкую характеристику командира разведывательно-диверсионного отряда. По его мнению, он должен обладать следующими качествами: «врожденной страстью к опасным предприятиям и храбростью, соединенной с

разумной осторожностью; быть предприимчивым, хладнокровным и способным найтись в самых затруднительных обстоятельствах; уметь внушить к себе любовь и доверие подчиненных, но вместе с тем поддерживать среди них самую строгую дисциплину»⁵⁴. Можно сказать, что всеми этими качествами в полной мере обладал Андрей Иванович Ушаков, один из первых русских профессионалов войсковой (тактической) разведки. Недаром Петр I выделял А.И. Ушакова среди других гвардейских офицеров, даже превосходящих его по статусу и чину, отмечая, что если бы он «имел много подобных офицеров, то мог бы назвать себя совершенно счастливым»⁵⁵.

¹ Письма и бумаги императора Петра Великого (далее ПиБПВ). Т. 8. Вып. 1. М.; Л., 1948. С. 333.

² Клембовский В.Н. Партизанские действия (исследование). Петроград, 1919. С. 1.

³ Здесь и далее в тексте даты даны по старому стилю.

⁴ Труды Императорского русского военно-исторического общества. Документы Северной войны. Полтавский период (далее ТИРВИО). Т. I. Спб., 1909. С. 100.

⁵ Там же. С. 100.

⁶ Там же. С. 100.

⁷ ПиБПВ. Т. 8. Вып. 1. М.; Л., 1948. С. 147.

⁸ ТИРВИО. Т. I. Спб., 1909. С. 101.

⁹ ПиБПВ. Т. 8. Вып. 1. С. 194.

¹⁰ Там же. С. 257.

¹¹ Там же. С. 310–311.

¹² Полтавская битва 27 июня 1709 года: Документы и материалы. М., 2011. С. 201.

¹³ ТИРВИО. Т. III. Спб., 1909. С. 24.

¹⁴ Маркевич Н. История Малороссии. Т. IV. М., 1842. С. 245.

¹⁵ ТИРВИО. Т. III. С. 30.

¹⁶ Там же. С. 30–31.

¹⁷ Полтавская битва 27 июня ... С. 216.

¹⁸ Там же. С. 220.

¹⁹ ПиБПВ. Т. 8. Вып. 1. С. 348.

²⁰ Там же. Вып. 2. С. 1017.

²¹ Там же. С. 1016–1017.

²² Там же. Вып. 1. С. 351.

²³ Там же. Вып. 2. С. 1029.

²⁴ ТИРВИО. Т. III. С. 55.

²⁵ Там же.

²⁶ Указом Петра I, по факту разорения Ромен русскими войсками, царские адъютанты Ф.О. Бартевев и А.И. Ушаков провели расследование с суровым наказанием виновных.

²⁷ ТИРВИО. Т. III. С. 54.

²⁸ Там же. С. 54–55.

- ²⁹ Там же. С. 61.
- ³⁰ Полтавская битва 27 июня ... С. 239.
- ³¹ Там же. С. 247.
- ³² Там же. С. 249.
- ³³ Там же.
- ³⁴ ТИРВИО. Т. III. С. 68.
- ³⁵ Юнаков Н.Л. Северная война. Кампания 1708–1709 гг. Военные действия на левом берегу Днепра. (ноябрь 1708 г. – июль 1709 г.) // ТИРВИО. Т. IV. СПб., 1909. С. 45.
- ³⁶ ПиБПВ. Т. 9. Вып. 2. М., 1952. С. 573.
- ³⁷ Там же. Вып. 1. М.; Л., 1950. С. 22.
- ³⁸ Там же. Вып. 2. С. 575.
- ³⁹ ТИРВИО. Т. III. С. 71.
- ⁴⁰ Там же. С. 71.
- ⁴¹ Полтавская битва 27 июня ... С. 258.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Материалы военно-ученого архива главного штаба. Т. I. СПб., 1871. С. 568.
- ⁴⁵ ПиБПВ. Т. 9. Вып. 1. С. 98.
- ⁴⁶ Там же. Вып. 2. С. 777.
- ⁴⁷ Квадри В.В. Императорская главная квартира: История государевой свиты. Восемнадцатый век. Кн. 1. Приложение ко 2 главе. СПб., 1902. С. 63.
- ⁴⁸ Судиненко М.О. Материалы для отечественной истории. Т. 2. Киев, 1855. С. 335.
- ⁴⁹ Письма к государю императору Петру Великому от генерал-фельдмаршала, тайного советника, мальгійского, с. Апостола Андрея, великого орла и прусского ордена кавалера, графа Бориса Петровича Шереметева. Ч. 2. М., 1778. С. 211.
- ⁵⁰ Судиненко М.О. Указ. соч. С. 340.
- ⁵¹ Полтавская битва 27 июня ... С. 386.
- ⁵² Юнаков Н.Л. Указ. соч. С. 53.
- ⁵³ ПиБПВ. Т. 9. Вып. 1. С. 204.
- ⁵⁴ Клембовский В.Н. Указ. соч. С. 64.
- ⁵⁵ Бантыш-Каменский Д.Н. Словарь достопамятных людей русской земли. Ч. 3. СПб., 1847. С. 445.

О.Б. Ивлева (Тула)

РОЛЬ С.Б. ВАРТАЗАРЯНА В ОРГАНИЗАЦИИ ОРУЖЕЙНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ТУЛЕ

В ИССЛЕДОВАНИЯХ, посвященных истории разработки новых образцов оружия, основное внимание, как правило, уделяется их непосредственным создателям¹. В меньшей степени освещена деятельность более многочисленного контингента специалистов оборонных предприятий, а именно инженерно-технических служащих, квалифицированных рабочих и руководителей, без общих усилий которых невозможна постановка новых моделей на серийное производство. Благодаря данным категориям сотрудников осуществляется не менее значимый по сравнению с изобретением самого оружия процесс превращения единичных опытных моделей в массовые миллионные образцы, отвечающие предъявляемым практическим требованиям, что свою очередь позволяет им стать основой стрелкового вооружения армий.

К числу лиц, составлявших огромную армию работников советского военно-промышленного комплекса и внесших свой вклад в его формирование и развитие, можно с полным правом отнести одного из активных и неординарных руководителей и организаторов производства на Тульском оружейном заводе (далее – ТОЗ) Сурена Багратовича Вартазаряна (1908 – 1980 гг.)².

Становление С.Б. Вартазаряна как специалиста пришлось на 20–30-е гг. XX в. Это был период модернизации отечественной военной промышленности в условиях формирования и функционирования новой политико-экономической системы³. Принятый большевистским руководством курс на милитаризацию государства предусматривал интенсивное расширение оборонной индустрии, которое, однако, было затруднено отсутствием необходимого

количества квалифицированных кадров в оружейной промышленности.

События 1917–1920 гг. имели негативные последствия для руководящего состава оборонных предприятий: военно-техническая интеллигенция, состоявшая в основном из высокообразованных офицеров, занимавших должности от помощников начальников мастерских до начальников заводов ⁴, были отстранены от управления производством и заменены благонадежными выходцами из «трудящихся слоев».

Ярким представителем нового класса «красных специалистов» периода создания «пролетарской производственно-технической интеллигенции» ⁵, когда приоритетным качеством кандидатов на управленческие должности считалась идеологическая близость к советской власти, нежели профессионализм, является С.Б. Вартазарян.

Источниковой базой настоящего сообщения послужили личные документы С.Б. Вартазаряна, переданные в Тульский государственный музей оружия его дочерью. Однако биографические сведения в них представлены весьма скудно. Основная информация получена из послужного списка, личного листка по учету кадров и выписки из трудовой книжки, в которых последовательно перечислены этапы служебного роста ⁶. Из этих документов удалось установить, что в 1924 г. шестнадцатилетний Сурен ⁷ покинул армянское село Старый Герюсы, в котором с 11 лет трудился батраком, чтобы прокормить оставшихся на его попечении после смерти родителей пятерых братьев и сестер, и поступил на Ереванский рабочий факультет. В 1928 г. после окончания рабфака он получил направление от Народного комиссариата просвещения Армянской ССР в Ленинградский политехнический институт им. М.И. Калинина, где окончил три курса механического факультета ⁸. В соответствии с приказом № 28 Главного управления Рабоче-крестьянской Красной армии по личному составу в 1930 г. был зачислен слушателем III курса промышленного отделения артиллерийского факультета Военно-технической академии РККА им. Ф.Э. Дзержинского.

Для того чтобы составить общее представление о личностных качествах С.Б. Вартазаряна в начале его деятельности на заводе, достаточно обратиться к характеристике, выданной в академии ⁹. В ней отмечаются дисциплинированность, исполнительность, энергия, настойчивость, точность и аккуратность, особенно проявляемые

при выполнении учебных заданий, поддающихся с трудом ввиду плохого знания русского языка. Однако наравне с положительными качествами в характеристике упомянуты отсутствие уравновешенности и выдержки, вспыльчивость, излишняя горячность и настойчивость, обнаруживаемые при защите собственных суждений. Также замечена неспособность к научно-исследовательской деятельности. При этом было указано, что С.Б. Вартазарян успешно освоил физико-математический и социально-экономический циклы и ему присвоена специальность «артиллерийского инженера-технолога» с возможностью работать инженером-конструктором стрелкового оружия.

Программа обучения в академии предусматривала прохождение практики на оборонных предприятиях. С.Б. Вартазарян получал практические навыки на ТОЗ, где изучал технологические процессы изготовления пистолета Токарева обр. 1930 г. (ТТ)¹⁰ и куда после окончания учебного заведения был направлен на постоянную работу. На заводе по рекомендации конструктора Ф.В. Токарева, с которым у него во время практики сложились дружеские отношения (свидетельством этому служат адресованные С.Б. Вартазаряну письма Ф.В. Токарева¹¹, отправленные им в годы войны из эвакуации в Златоусте), был назначен помощником начальника пулеметного цеха, позднее, после проведенной на предприятии в 1933 г. реорганизации, – помощником начальника технического бюро указанного цеха. В том же году его перевели на должность руководителя спецучастка, занимавшегося сборкой авиационных турелей конструкции Н.Ф. Токарева для пулеметов Шпитальново-Комарицкого обр. 1932 г. (ШКАС).

Начало трудовой деятельности С.Б. Вартазаряна совпало с первыми годами индустриализации и развитием в СССР стахановского движения, породившего на предприятиях страны поиск новых организационных форм и новых методов труда, способствовавшим, наряду с изобретательством и рационализаторством, повышению производительности.

В 30-е гг. на ТОЗ лучшим стахановским коллективом было признано руководимое С.Б. Вартазаряном молодежное отделение № 5 четвертого пулеметного цеха¹², что явилось закономерным итогом внесенных им предложений организационного, технического и воспитательного характера по улучшению деятельности вверенного ему подразделения.

До назначения С.Б. Вартазаряна отделение состояло из участков, поделенных в свою очередь на хозрасчетные бригады, возглавляемые избранными из числа рабочих бригадирами. Они не были освобождены от основной работы, но получали дополнительную плату за выполнение своих обязанностей, что, однако, сводилось в основном к необременительному обеспечению работающих инструментом.

По инициативе С.Б. Вартазаряна и с санкции дирекции завода была пересмотрена организационная структура отделения и создана комплексная бригада, состоявшая из начальника отделения, технолога-нормировщика, плановика, контрольного мастера, наладчика и нескольких рабочих высшей квалификации. Также отказались от существовавшей практики выборных бригадиров. После нововведения назначенный бригадир становился лицом, несшим всю полноту ответственности за количество и качество выпускаемой на его участке продукции. При этом все члены бригады старались изобретать наиболее эффективные способы работы.

Следующее прогрессивное начинание С.Б. Вартазаряна было направлено на ликвидацию простоев из-за отсутствия инструмента. Он предложил создать инструментально-раздаточную кладовую с сигнализацией от рабочих мест. В кладовой хранился нормированный запас инструментов в размере пятидневной потребности в нем. Пополнение новым инструментом осуществлялось взаиморасчетом взамен ставшего непригодным к использованию. Для быстрого нахождения и строгого учета в помещении кладовой собственными силами были оборудованы стеллажи, разделенные на участки под существующее в отделении количество инструмента и приспособлений, а также обустроена контрольная доска с указанием их наличия. За каждым станком закреплялось по два комплекта инструмента. При необходимости замены одного комплекта другим рабочий поднимал красный флажок и одновременно нажимал сигнальную кнопку, обеспечивавшую связь с кладовой, откуда «подносчик» приносил новый инструмент. Оригинальным стало применение цветной маркировки, обозначающей местонахождение инструмента. Так, белый цвет указывал на то, что предмет хранится в кладовой, а черный – используется в работе на станке.

Еще одно достижение С.Б. Вартазаряна – это внедренная впервые в истории завода диспетчеризация подразделений отделения для оперативного решения возникавших производственных

вопросов. Диспетчерская связь осуществлялась при помощи коммутатора, телефонных будок и радиоустановки, расположенных на производственных площадях отделения. Позднее аналогичная система диспетчерской связи получила применение на всем предприятии.

Экономии рабочего времени и повышению производительности способствовало введение предварительного звонка за пять минут до общего включения станков (они работали от единой трансмиссии) в начале рабочего дня и после обеденного перерыва, а также оборудование рабочих мест специальными тумбочками, близкое нахождение которых со станком позволяло рабочему не делать лишних движений. Крышка тумбочки использовалась для размещения калибров, на среднюю полку помещались режущие инструменты, выдвигной ящик в нижней части предназначался для измерительных приборов. В тумбочке было выделено отдельное место для хранения приносимых из дома еды, посуды и папирос, чуть позднее оборудовали шкафы для одежды.

Немаловажное значение для создания благоприятной обстановки в цеху имело требование обязательного соблюдения чистоты и порядка, которому следовали все рабочие. Никто из них не уходил с работы, пока не сдавал убранный станок. С энтузиазмом была поддержана инициатива С.Б. Вартазаряна, потратившего полученные за рационализаторское предложение деньги на озеленение цеха, ставшего в скором времени похожим на оранжерею. Инновационным явилось и создание санитарной комиссии, состоявшей из девяти человек – по одному от каждой бригады.

В 1935 г. перед Наркоматом тяжелой промышленности, в чьей подведомственности в то время находился завод, была поставлена задача в течение нескольких лет охватить технической учебой всех рабочих¹³. На ТОЗ именно С.Б. Вартазарян стал одним из первых руководителей, который помимо оказания помощи рабочим в освоении новых методов труда, способствовал их обучению вне производства. Так, значительное число молодежи, составлявшей основной костяк возглавляемого им отделения, переводили на работу в первую смену, предоставляя тем самым возможность получать образование в техникумах и на курсах по подготовке к поступлению в высшие учебные заведения. Остальные молодые рабочие могли по выбору учиться на курсах «соцмастеров» или в вечерних общеобразовательных школах. К тому же действовало обязательное

правило направления вновь поступивших на предприятие в кружки по ликвидации неграмотности.

Столь активная деятельность С.Б. Вартазаряна не могла остаться незамеченной. Его карьера начинает стремительно идти вверх: в 1936 г. он стал начальником цеха в Центральном конструкторском бюро – ЦКБ-14, в 1939 г. – директором тульского завода «Красный Октябрь». В мае 1941 г. по предложению наркома вооружений СССР Д.Ф. Устинова предполагалось назначение Сурена Багратовича на должность директора Ковровского пулеметного завода. Однако первый секретарь Тульского обкома ВКП (б) В.Г. Жаворонков обратился к заведующему отделом руководящих партийных органов ЦК ВКП (б) В.Г. Маленкову с просьбой назначить С.Б. Вартазаряна начальником отдела по оборонной и химической промышленности обкома. Задачей этого подразделения являлись контроль над своевременным качественным выпуском военной продукции на тульских заводах, ее распределение, учет и отправка¹⁴.

С началом Великой Отечественной войны в ведение отдела добавились и другие функции: обеспечение перевода на «военные рельсы» всех местных предприятий, оказание помощи в эвакуации оружейного, станкостроительного и патронного заводов, организация 12-часового рабочего дня, привлечение на производство женщин, подростков и стариков.

Высокую оценку заслуживает деятельность С.Б. Вартазаряна и в дни обороны Тулы осенью 1941 г., особенно в то время, когда остро встал вопрос об обеспечении сформированного в Туле рабочего полка оружием, в частности, минометами. Изготовление 82-мм минометов Городской комитет обороны поручил производственной группе № 1 Тульского станкостроительного завода. Персональную ответственность за выполнение этого постановления ГКО нес Д.В. Романов, назначенный осенью 1943 г. директором Тульского оружейного завода. Как опытный организатор С.Б. Вартазарян оказывал постоянную помощь станкостроителям до тех пор, пока Тульский рабочий полк не был обеспечен минометом¹⁵.

Своеобразное «признание» своей активной деятельности С.Б. Вартазарян получил и от фашистов. В ноябре 1941 г. в разбросанных над Тулой немецких листовках жители читали: «Скоро мы войдем в город. Сделаны уже три виселицы. Одна – для В.Г. Жаворонкова, вторая – для Н.И. Чмутова¹⁶, третья – для С.Б. Вартазаряна»¹⁷.

Кроме выполнения перечисленных обязанностей С.Б. Вартазарян в дни обороны Тулы и в последующие месяцы руководил «отрядом соблюдения революционного порядка», куда входили технические секретари, машинистки и инструкторы обкома. С ними он проводил занятия по строевой подготовке и военному делу, изучал образцы стрелкового оружия, стоявшие на вооружении РККА. На одном из таких занятий в помещении Тульского обкома партии 20 мая 1942 г. произошел несчастный случай, который мог губительным образом повлиять на дальнейшую судьбу С.Б. Вартазаряна.

С.Б. Вартазарян в присутствии заведующих отделами обкома Н.А. Терентьева и И.С. Резнова демонстрировал пистолет-пулемет С.А. Коровина, разработанный в Туле в дни ее обороны. Как позднее установило следствие, С.Б. Вартазарян нарушил правило безопасности, применив вместо холостых патронов боевые. К тому же он производил разборку и сборку оружия в непосредственной близости от слушателей, разместившихся вокруг него¹⁸. Не проверив, разряжено ли оружие, С.Б. Вартазарян для снятия затвора с боевого взвода нажал на спусковой крючок и произвел короткую очередь. Пули попали в Н.А. Терентьева и И.С. Резнова, причинив им тяжелые ранения. И.С. Резнов через три дня от полученных ран скончался.

С.Б. Вартазарян признал себя виновным в небрежном обращении с оружием. Ему было инкриминировано совершение преступления, предусмотренного статьей 139 Уголовного Кодекса РСФСР 1926 г. – «Убийство по неосторожности». Тульский областной суд при вынесении меры наказания учел представленные в поддержку С.Б. Вартазаряна положительные характеристики, подписанные всеми сотрудниками Тульского обкома ВКП (б), его активное участие в мероприятиях по организации производства и ремонта оружия во время обороны Тулы, а также наличие правительственной награды – ордена Красной Звезды (он был одним из первых на заводе, получившим эту награду)¹⁹. С.Б. Вартазарян был приговорен к лишению свободы сроком на полтора года с отсрочкой исполнения и направлением в действующую армию. Позднее Верховный суд РСФСР изменил приговор суда первой инстанции на один год исправительных работ.

В апреле 1943 г. С.Б. Вартазарян обратился к народному комиссару вооружения СССР Д.Ф. Устинову с просьбой оказать содействие

в снятии судимости, обещая трудом оправдать оказанное доверие²⁰. С таким же ходатайством в мае того года дирекция ТОО обратилась в комиссию по частной амнистии при Верховном Совете РСФСР. В документе вновь отмечалась активная деятельность С.Б. Вартазаряна по обеспечению Красной армии оружием, восстановлению деятельности заводов № 535 (Тульского станкостроительного) и № 536 (Тульского оружейного). Подписавшие заявление полагали, что снятие судимости с С.Б. Вартазаряна «окрылит его и не замедлит отразиться в отдаче сил и энергии на дело повышения выпуска оружия для Красной Армии»²¹. Ходатайство администрации и партийного руководства завода также поддерживали конструкторы Ф.В. Токарев, С.А. Коровин, А. Куренков, А.А. Волков, С.А. Ярцев, военный представитель Главного артиллерийского управления завода № 535 и др.²² Указанные лица объясняли случившуюся трагедию как следствие большой усталости и нервного возбуждения, явившиеся результатом круглосуточной работы по организации мастерских по ремонту оружия. В июле 1943 г. на заседании Президиума Верховного Совета РСФСР было принято решение о снятии судимости с Вартазаряна²³.

В период войны С.Б. Вартазаряну приходилось работать на самых ответственных участках: в 1942–1944 гг. он заместитель главного инженера Тульского оружейного завода, в 1944–1946 гг. – начальник Центрального конструкторского бюро № 14 Министерства вооружений СССР.

Основанием для освобождения от последней занимаемой должности, как указано в трудовой книжке, послужил перевод на другую работу. Тем не менее, можно предположить, что этот переход стал следствием возникшей конфликтной ситуации, вызванной мерами, предпринятыми С.Б. Вартазаряном против нарушителей трудовой дисциплины. Уволенные им за пьянство сотрудники в свою очередь спровоцировали мероприятия по организации ревизии финансово-хозяйственной деятельности ЦКБ-14 за период руководства С.Б. Вартазаряном. Сохранившиеся документы не позволяют установить действительную степень вины С.Б. Вартазаряна, однако достоверно известно, что уголовное дело не было возбуждено.

Послевоенное время ознаменовалось новым назначением. В 1946–1947 гг. С.Б. Вартазарян занимал должность начальника производства и заместителя начальника цеха ТОО. В 1949 г. он был

назначен главным инженером завода «Тулаторфмаш» (с 1956 г. завод «Электропривод» Министерства химического и нефтяного машиностроения), а с 1957 г. – его директором. Завод за годы руководства С.Б. Вартазаряном от производства торфяного оборудования перешел к выпуску электроприводов для трубопроводной арматуры, освоив 12 видов новой продукции, и стал головным предприятием своей отрасли. Благодаря инициативе и настойчивости С.Б. Вартазаряна значительно улучшились жилищно-бытовые условия работающих на заводе: был построен благоустроенный заводской поселок с коммунальными удобствами, открыто четыре магазина, домовая кухня-столовая, из средств фонда предприятия построен образцовый детский сад-ясли²⁴.

Таким образом, жизненный путь С.Б. Вартазаряна, являющийся во многом типичным для руководителей предприятий советской военной промышленности, характеризует эпоху, которая требовала выдвижения на первые посты неординарных личностей.

¹ См., например: Болотин Д.Н. История советского стрелкового оружия и патронов. СПб.: Полигон, 1995; Маркевич В.Е. Стрелковое оружие мира. М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2005.

² В некоторых источниках встречается другой год рождения – 1906 г. См.: Тульский биографический словарь. Т. 1. Тула: Пересвет, 1996. С. 97.

³ Мухин М. Эволюция системы управления советской оборонной промышленности в 1921–1941 годах и смена приоритетов «оборонки». (Электронный ресурс): URL: <http://www.rkka.ru/analys/oboronka/oboronka.htm>

⁴ Дроздова Е.Е. Военно-техническая интеллигенция Тулы (1870–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тула, 2005. С. 14.

⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 5. М.: Политиздат, 1971. С. 139.

⁶ Личный листок по учету кадров С.Б. Вартазаряна (Тула. 1956) – Тул. гос. музей оружия, ТГМО ВФ-269; Трудовая книжка Вартазаряна С.Б. (Тула. 1939–1979) – Тул. гос. музей оружия, ТГМО КП-2-20201.

⁷ С.Б. Вартазарян родился в Азербайджане 20 октября 1908 г. в крестьянской семье. См.: Послужной список на слушателя Военно-технической академии РККА имени тов. Дзержинского С.Б. Вартазаряна – Тул. гос. музей оружия, ТГМО ВФ-2700.

⁸ Лекционная книжка № 1402 студента механического факультета Ленинградского Политехнического института имени М.И. Калинина С.Б. Вартазаряна (1928–1930) – Тул. гос. музей оружия, ТГМО КП-2-20228.

⁹ Аттестация С.Б. Вартазаряна за 1932 г. на слушателя IV курса Промышленного отделения (Ружейно-пулеметная специальность) Артиллерийского факультета Военно-технической академии РККА им. Тов. Дзержинского (1932) – Тул. гос. музей оружия, ТГМО ВФ-2701.

¹⁰ Воспоминания С.Б. Вартазаряна о работе на Тульском оружейном заводе с июля 1932 г. по декабрь 1933 г. – Тул. гос. музей оружия, ТГМО КП-2-20203/1.

¹¹ Письмо Ф.В. Токарева С.Б. Вартазаряну – Тул. гос. музей оружия, ТГМО КП-2-20198.

¹² Воспоминания С.Б. Вартазаряна о стахановском движении на Тульском оружейном заводе. 1935–1936 гг. (черновой вариант) – Тул. гос. музей оружия, ТГМО КП-2-20200/2, 3, 4, 5; Белякова В. Молодые хозяева // Коммунар. 15 декабря 1935. № 260.

¹³ Мы – с Тульского оружейного / сост. Г.М. Чуднов и др. Тула: Приок. кн. изд-во, 1987. С. 184.

¹⁴ Воспоминания Вартазаряна С.Б. – Тул. гос. музей оружия, ТГМО КП-2-20227/11; Воспоминания С.Б. Вартазаряна об обороне г. Тулы осенью 1941 г. (черновой вариант) – Тул. гос. музей оружия, ТГМО КП-2-20193/2.

¹⁵ Сотников М.А., Чуднов Г.М. Тульский машиностроительный. ТМЗ им. В.М. Рябикова – 50 лет. Тула: Приок. кн. изд-во, 1989. С. 136.

¹⁶ В.Г. Жаворонков – председатель Тульского городского комитета обороны. См.: Тульский биографический словарь. Т. 1. Тула: Пересвет, 1996. С. 208; Н.И. Чмутов – член Тульского городского комитета обороны. См.: Тульский биографический словарь. Т. 2. Тула: Пересвет, 1996. С. 309.

¹⁷ Тула выстояла, Тула победила // За прогресс. 2005. № 18–33. С. 40.

¹⁸ Копия обвинительного заключения по делу С.Б. Вартазаряна – Тул. гос. музей оружия, ТГМО КП-2-20227/4; Копия приговора судебной коллегии по уголовным делам Московского уголовного суда по делу С-У 117 С.Б. Вартазаряна – Тул. гос. музей оружия, ТГМО КП-2-20227/6; Копия определения судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР по делу С.Б. Вартазаряна – Тул. гос. музей оружия, ТГМО КП-2-20227/4.

¹⁹ Также С.Б. Вартазарян награжден орденами Знак Почета, Трудового Красного Знамени, медалями «За оборону Москвы», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». См.: Трудовая книжка Вартазаряна С.Б.; Сотников М.А., Чуднов Г.М. Указ. соч. С. 95.

²⁰ Обращение С.Б. Вартазаряна к Народному комиссару Вооружения СССР Д.Ф. Устинову – Тул. гос. музей оружия, ТГМО КП-2-20227/9.

²¹ Ходатайство директора Б.И. Агафонова и парторга В. Гордеева завода № 536 в комиссию по частной амнистии при Верховном Совете РСФСР о снятии судимости с С.Б. Вартазаряна – Тул. гос. музей оружия, ТГМО КП-2-20227/10.

²² Ходатайство сотрудников завода № 535 Народного комиссариата вооружения СССР в комиссию по частной амнистии при Верховном Совете РСФСР об освобождении от наказания осужденного С.Б. Вартазаряна. – Тул. гос. музей оружия, ТГМО КП-2-20227/8; Копия ходатайства сотрудников ЦКБ-14 в комиссию по частной амнистии при Верховном Совете РСФСР об амнистии осужденному С.Б. Вартазаряну – Тул. гос. музей оружия, ТГМО КП-2-20227/7.

²³ Выписка из протокола № 15 заседания Президиума Верховного Совета РСФСР по делу С.Б. Вартазаряна – Тул. гос. музей оружия, ТГМО КП-2-20227/5.

²⁴ Характеристика на С.Б. Вартазаряна – Тул. гос. музей оружия, ТГМО КП-2-20226/5.

К.Г. Игошин (Москва)

СИСТЕМА АРАКЧЕЕВА И ЧЕРТЕЖИ ПОЛЕВОЙ АРТИЛЛЕРИИ 1805 ГОДА

С ОГЛАСНО устоявшимся представлениям, в эпоху наполеоновских войн на вооружении российской полевой артиллерии находились орудия некой «системы 1805 года», или «аракчевской», принятой на вооружение по результатам работы созданной в 1802 г. особой комиссии под руководством генерал-лейтенанта графа А.А. Аракчеева. В ряде работ последнего времени можно даже найти состав этой комиссии. В нее входили: Эйлер, Базин, Сиверс, Резвой, Гогель, Кутайсов, Плотто, Маркевич, Апрельев.

Список довольно странный, так как в него попали люди, действительно сыгравшие значительную роль в истории российской артиллерии, но на протяжении длительного (примерно двадцатилетнего) периода времени, а вовсе не коллеги по комиссии, якобы работавшей с 1802 по 1805 гг. Перечисленные лица являются представителями как минимум двух поколений российских артиллерийских руководителей, и имели в указанный период неравный статус.

Например, генералы А.О. Базин (1743–1816) и Х.Л. Эйлер (1743–1808) были уже с 1799 г. в отставке. Полковники граф Я.К. Сиверс (1773–1810), И.Г. Гогель (1770–1834) и майор барон В.К. Плотто (?–1810) были всего лишь командирами артиллерийских рот. Полковник граф А.И. Кутайсов (1784–1812) был адъютантом инспектора всей артиллерии А.И. Корсакова, поэтому выглядит очень неправдоподобно, что восемнадцатилетний юноша стал членом комиссии, к руководству которой его патрона не допустили. Преподаватель 2-го кадетского корпуса подполковник А.И. Маркевич (1771–1832) к 1802 г. уже успел обратить на себя внимание

своими переводами и изобретениями, но еще не имел того научно-го веса, который позволил бы ему заседать в такого рода комиссии. Теоретически, только генералы Д.П. Резвой (1762–1823) и Ф.И. Апрельев (1764–1837) имели шансы войти в ее состав, если бы она была создана.

Более пристальное изучение данного вопроса заставляет пересмотреть эту привычную, но ложную версию исторических событий. Критическое обращение к источникам и литературе по истории материальной части отечественной артиллерии интересующего нас периода позволило выявить цепочку последовательных ошибок, которые и породили общепринятую в настоящее время версию.

Первым делом была предпринята попытка найти в литературе какие-либо уточняющие сведения о работе комиссии, а в опубликованных источниках какие-либо следы принятых этой комиссией решений. Следует заметить, что в первое десятилетие XIX в. в России все, даже самые частные решения, касающиеся армии, проходили этап высочайшего утверждения. Поэтому такое масштабное событие, как принятие целой системы артиллерийского вооружения обязательно должно было найти свое отражение в виде доклада вышеупомянутой комиссии на высочайшее имя и последующего его утверждения. Такого рода документы были опубликованы в 1830 г. в «Полном собрании законов Российской империи»¹. Тем не менее, из дюжины опубликованных там постановлений за 1805 г., так или иначе касающихся артиллерии, нет ни одного, где бы говорилось о принятии новой системы артиллерийского вооружения.

Кроме того, ни в одном документе за 1805 или ближайшие годы, из числа опубликованных, или из числа тех, с которыми удалось ознакомиться в Научном архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи или в Российском государственном военно-историческом архиве, ни разу не встретился термин «система 1805 года». Вместо этого усовершенствованные орудия или их отдельные элементы называются «нынеупотребимыми», или «новыми», «нового положения», в противовес «прежних», «прежнего манера», «прежней системы», «прежнего литья» и т. д., к которым в равной степени относятся все устаревшие образцы екатерининской, павловской, и александровской эпох.

Ничего не говорится о «системе 1805 года» в таких основополагающих для каждого изучающего историю российской артиллерии

первой четверти XIX в. трудах, как изданные в 1816 г. членами Военно-ученого комитета «Основания артиллерийской и понтонной науки»², также и в изданном в 1820–1824 гг. генералом А.И. Маркевичем учебнике для Великих князей «Руководство по артиллерийскому искусству»³. А ведь авторы этих книг, являясь членами Ученого комитета по артиллерийской части, лучше прочих знали о том, как происходила разработка и внедрение в артиллерию технических «инвенций». Наконец, и Маркевич, и Гогель фигурируют в вышеприведенном списке артиллеристов, якобы участвовавших в разработке этой системы.

С таким же молчанием о работе «особой комиссии 1802–1805 гг.» и о принятии в 1805 г. новой системы артиллерийского вооружения можно столкнуться, если обратиться к самому первому историческому описанию, в котором рассматривается вопрос развития в том числе и материальной части российской артиллерии интересующего нас периода: «Краткому обозрению состояния артиллерии с 1798 по 1848 год», составленному к 50-летию юбилею нахождения Великого князя Михаила Павловича в звании Генерал-фельдцейхмейстера, и преподнесенному ему в январе 1848 г. Оно было опубликовано в 1852–1853 гг. в «Артиллерийском журнале» и в 1853 г. было издано в виде отдельной книги⁴.

Составленное на основе материалов делопроизводства высших органов управления артиллерией (архивов Артиллерийского департамента Военного Министерства и его предшественников) «Краткое обозрение» до сих пор остается одним из наиболее подробных и точных трудов по истории отечественной артиллерии первой половины XIX в. Раздел «Материальная часть и технические заведения» составляет треть от общего объема этой работы. К сожалению, имя автора (или имена членов авторского коллектива) выяснить не удалось, но не исключено, что в работе над «Кратким обозрением» принимал участие известный впоследствии артиллерийский писатель и историк Василий Федорович Ратч.

В.Ф. Ратч является автором ряда работ по истории российской артиллерии от времен Петра I до конца наполеоновских войн. Без преувеличения его можно назвать крупнейшим исследователем истории российской артиллерии своего времени. В публичных лекциях, «читанных при гвардейской артиллерии» в 1859–1861 гг. и опубликованных на страницах Артиллерийского журнала в 1860–1861 гг.⁵, он, опираясь на документы архивов гвардейской артиллерии, архива

Артиллерийского департамента Военного Министерства и на воспоминания артиллерийских офицеров (в том числе предоставленных ему живыми участниками событий), подробно рассматривает вопросы широкомасштабных преобразований, произведенных в российской артиллерии в конце XVIII – начале XIX вв.

В.Ф. Ратч выделяет 1805 г. только как год аустерлицкой кампании, когда предшествующие преобразования были испробованы в деле, и были получены уроки, послужившие поводом для дальнейших изменений, но ничего не говорит о принятии в 1805 г. системы артиллерийского вооружения. Он рассматривает весь период 1797–1815 гг. как период постепенных, поступательных преобразований материальной части российской артиллерии, в ходе которых не вдруг сложилась стройная система, называемая им «системой Аракчеева». «В главных основаниях, лишь с частными изменениями, русская артиллерия долго сохраняла материальную часть, организацию и строевое образование времени Императора Павла, приведенная к единообразию и улучшенная графом Аракчеевым, который с 1803 года вторично стал во главе артиллерийского управления; но только с 1807 года начали устанавливаться долго бывшая в брожении убеждения русских артиллеристов»⁶.

Говоря об особой роли Аракчеева как преобразователя артиллерии в первые годы царствования Александра I, В.Ф. Ратч пишет: «Далеко еще было от графа Аракчеева то время, когда в 1815 году наша артиллерия гордилась своею аракчеевскою системою. Описываемая эпоха нам еще недостаточно знакома, чтобы вполне оценить заслуги графа Аракчеева касательно устройства нашей артиллерии, при всех встречаемых им препонах»⁷. В данном случае Ратч следует традиции, заложенной еще самим Аракчеевым, который всячески подчеркивал свою руководящую роль в реформировании российской артиллерии. Не случайно тонко чувствовавший настроения руководства председатель Военно-ученого комитета генерал-майор И.Г. Гогель в 1816 г. в предисловии к «Основаниям артиллерийской и понтонной науки» называет графа Аракчеева «Знаменитым Преобразователем Артиллерии нашей»⁸.

Внимательное прочтение лекций Ратча позволяет сделать первый шаг в разгадке появления в литературе особой комиссии из десяти персон. Рассказывая о преобразованиях графа Аракчеева, он, в частности, пишет: «Мы встречаем весьма разноречивые мнения о графе Аракчееве, по словам наших артиллеристов того

времени; если некоторые приписывают все сделанные в артиллерии преобразования ему одному, то с другой стороны находятся и такие противники графа Аракчеева, которые оставляют ему одно только достоинство, – уметь чужими руками жар загребать; они говорят, что работали Базин, Эйлер, граф Сиверс, Резвый, Гогель, Кутайсов, Плото, Маркевич, Апрелев и много молодых способных офицеров, и что все их труды пошли за труды Аракчеева»⁹. Знакомый список! Правда, эти люди у Ратча не работают ни в какой особой комиссии. Но зато мы теперь знаем, кто впервые собрал этих выдающихся российских артиллеристов конца XVIII – начала XIX вв. в один ряд.

Имеются у Ратча и некоторые сведения о комиссии. «При Императоре Александре, в 1802 году, составила комиссия для преобразования артиллерии, в которую был вызван и Аракчеев. Если участие в комиссии инспектора Карсакова сочли излишним, то нельзя полагать, чтобы в то время хотя сколько-нибудь заботились об его мнении. Проект, подписанный членами комиссии, между прочим и отставным генерал-лейтенантом графом Аракчеевым, был поднесен на утверждение Государя»¹⁰. Эти сведения несколько отличаются от принятой в современной литературе версии. Аракчеев вовсе не председательствует в комиссии, ничего не говорится ни о сроках ее работы, ни о том, что она занималась разработкой материальной части.

Впрочем, надо признать, что процитированный пассаж не совсем внятен и содержит неточности. Обращение к «Краткому обозрению состояния артиллерии» и поиск в «Полном собрании законов» позволили выяснить, о какой именно комиссии и о каком именно проекте идет речь.

24 июня 1801 г. молодой Император Александр I образовал Военную (Военную) комиссию для рассмотрения положения войск и устройства оных¹¹. В рамках работы комиссии рассматривались и вопросы возможного преобразования артиллерии. Председателем комиссии был назначен Великий князь Константин Павлович. В состав вошли генералы от инфантерии князь Прозоровский, Ламб, Татищев, Голенищев-Кутузов, генерал-провиантмейстер Свечин, генерал-лейтенанты Тормасов, князя Волконский и Долгорукий. В дальнейшем состав комиссии менялся, но все чиновники, подписывавшие от ее имени доклады, проекты и прочие документы, относились к высшему армейскому руководству. В конце

1802 или в начале 1803 г. в состав комиссии в качестве рядового члена был включен находившийся в отставке, а с 14 мая 1803 г. вновь принятый в службу и назначенный Инспектором артиллерии Аракчеев.

Результаты работы комиссии выразились в ряде представленных на рассмотрение Александру I документов, среди которых был и доклад «О штате артиллерийских батальонов», который 19 марта 1803 г. был одобрен Государем¹².

Доклад содержал в себе примерные штаты и табели батальонам полевой и осадной артиллерии, закладывавал новые принципы организации отечественной артиллерии, и фактически явился одним из основополагающих документов, предопределивших дальнейшее ее развитие на ближайшие 3–4 года, а по некоторым пунктам и далее. По новому положению предполагалось увеличить общее количество рот и батальонов, вернуть в использование (на новых основаниях) полковую артиллерию, увеличить количество используемых калибров артиллерийских орудий. Состав рот при этом оставался неизменным со времен предыдущего царствования и, несмотря на свою архаичность, победоносно пережил всю эпоху наполеоновских войн.

В то же время содержащиеся в докладе предписания почти никак не регламентировали конструктивные особенности материальной части российской артиллерии. Исключением является введение в состав батарейных рот неких 3-фунтовых единорогов для егерских полков (по-видимому, уже разработанных и утвержденных), декларирование необходимости отказаться от зарядных фур и вернуться к зарядным ящикам (конструкцию которых еще предстояло разработать), заменить шорную запряжку хомутовой. Последующие документы, созданные Военной комиссией, также не углублялись в подробности разработки и принятия образцов материальной части артиллерии.

Таким образом, вырисовывается настоящая картина развития событий. В целом ясно происхождение термина «аракчеевская артиллерия», понятно, о какой комиссии идет речь, откуда взялся и что на самом деле представляет собой список выдающихся артиллеристов эпохи Аракчеева. Но откуда появилась пресловутая «система 1805 года» и кто придумал «комиссию Аракчеева» из десяти персон, занимавшуюся разработкой этой системы?

Термин «система 1805 года», по-видимому, появился в специальной литературе только в середине XIX в. К этому времени в материальной части российской артиллерии произошли значительные перемены. В 1838 г. на вооружение были приняты артиллерийские орудия (стволы) новой конструкции, а в 1840–1846 гг. новые лафеты, передки и пр. Первое время артиллеристы продолжали именовать устаревшие, но продолжавшие использоваться системы «прежними», а новопринятые системы «новыми», но теперь с указанием года принятия на вооружение¹³. Постепенно новая традиция закрепилась, и возникла необходимость привязать и устаревшие системы к какой-то дате.

Самое раннее употребление даты «1805 год», применительно к принятию на вооружение конструкции материальной части российской артиллерии, которое удалось найти, относится к 1851 г. В своем учебнике по артиллерии для младшего офицерского класса Михайловского артиллерийского училища Е.Х. Вессель¹⁴ продолжает использовать традиционную терминологию относительно орудийных стволов, но, говоря о лафетах «прежней» конструкции, указывает дату их принятия на вооружение. «Ныне у нас на службе состоит два рода полевых лафетов: прежние, введенные при преобразовании нашей артиллерии в начале нынешнего столетия (в 1805) и лафеты новаго устройства, принятые в 1846 году»¹⁵.

Можно предположить, что это издание является одним из первых или первым, зафиксировавшим начавшую формироваться новую терминологию, впоследствии ставшую общепринятой. Следует заметить, что ее автором является не военный историк, а ученый-артиллерист, преподаватель курса артиллерии, не вдававшийся в серьезные изыскания о происхождении того или иного образца артиллерийского вооружения.

Источником для заблуждения генерал-майора Е.Х. Весселя и появления «магической» даты «1805 год», предположительно стал титульный лист переиздания 1817 г. «Чертежей всем легким и батарейным орудиям, их лафетам, передкам, зарядному ящику с гнездами разных калибров и всей принадлежности оных орудий»¹⁶, на котором сразу же после этого пространного названия указан год их первого издания – 1805. Незнакомому с историей создания и переиздания этих чертежей человеку может показаться, что в данном случае указан год принятия на вооружение изображенных на них орудий (ср. рис. 1 и 2).

Кроме того, видимо, уже тогда появилось заблуждение, что вышеупомянутые чертежи являются неким образцовым изданием, впервые регламентирующим производство материальной части российской артиллерии. В действительности предназначение этих чертежей было несколько иным. Чтобы их значение для отечественной артиллерии стало понятно, следует остановиться на истории их создания подробно.

В Научном архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи хранится «Записка о причинах издания Артиллерийских чертежей»¹⁷, написанная инспектором артиллерии графом А. А. Аракчеевым и возможно являющаяся неопубликованной статьей для «Артиллерийского журнала».

По его словам, в XVIII в. в арсеналах при производстве практиковалось использование рукописных чертежей, присылаемых от Артиллерийской экспедиции. Эти чертежи от употребления приходили в негодность, а при их копировании множились ошибки. Что же касается артиллерийских офицеров и мастеровых в подразделениях, а также учащихся военных заведений, то в последней четверти XVIII в. они вообще были лишены каких-либо пособий, так как единственными доступными чертежами были опубликованные в изданном в 1767 г. И.А. Вельяшевым-Вольтцовым учебнике «Артиллерийские предложения».

«В отвращение всех сих неудобств выгравированы ныне в управление мое артиллерийским департаментом для литейных домов чертежи орудиям в натуральную величину на медных досках, кои и служат теперь им всегдашними образцами для литья и поверки оных орудий, а сверх того под особым моим наставлением сочинены и напечатаны чертежи в четвертую долю против натурального трудами господ подполковника Маркевича и майора барона Плотто всем ныне употребляющимся полковым и батарейным орудиям, лафетам, передкам, зарядному ящику с гнездами разных калибров, и всей принадлежности оных орудий. <...> Сверх того сочинены краткия записки обо всех оковках, к оным чертежам принадлежащих, с показанием, которая из них в каких разных местах или к разным вещам употребляется, и с приобщением таблиц о размере и весе всей полковой и батарейной артиллерии. Таким образом не только литейные дома получили верные чертежи, но и всем как служащим в артиллерии так и обучающимся сему искусству поданы способы

ЧЕРТЕЖИ

ВСѢМЪ ЛЕГКИМЪ и БАТАРЕЙНЫМЪ ОРУДІЯМЪ,
ИХЪ ЛАФЕТАМЪ, ПЕРЕДКАМЪ, ЗАРЯДНОМУ ЯЩИКУ
СЪ ГНЕЗДАМИ РАЗНЫХЪ КАЛИБРОВЪ и ВСЕЙ
ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ОНЫХЪ ОРУДІЙ.

1805 ГОДА

СОЧИНЕНЫ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛЕНІЮ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

ВЪ ПРАВЕЛЕНІЕ АРТИЛЛЕРІЕЮ

ЕГО СІЯТЕЛЪСТВА ВСЕЙ АРТИЛЛЕРІИ ИНСПЕКТОРА

ГРАФА АРАКЧЕЕВА

*Второго Надетскаго Корпуса Подполковника Маркесевича
и Артиллеріи Майора Барона Плотто*

*Къ какъ Военнымъ Чинамъ Комитета въ вторымъ
тисненіямъ издамы съ перелътками послъ первого
изданія послъбовавшими.*

С^т ПЕТЕРБУРГЪ

1817 ГОДА.

Рис. 1. Титульный лист второго издания чертежей
полевой артиллерии. 1817 г.

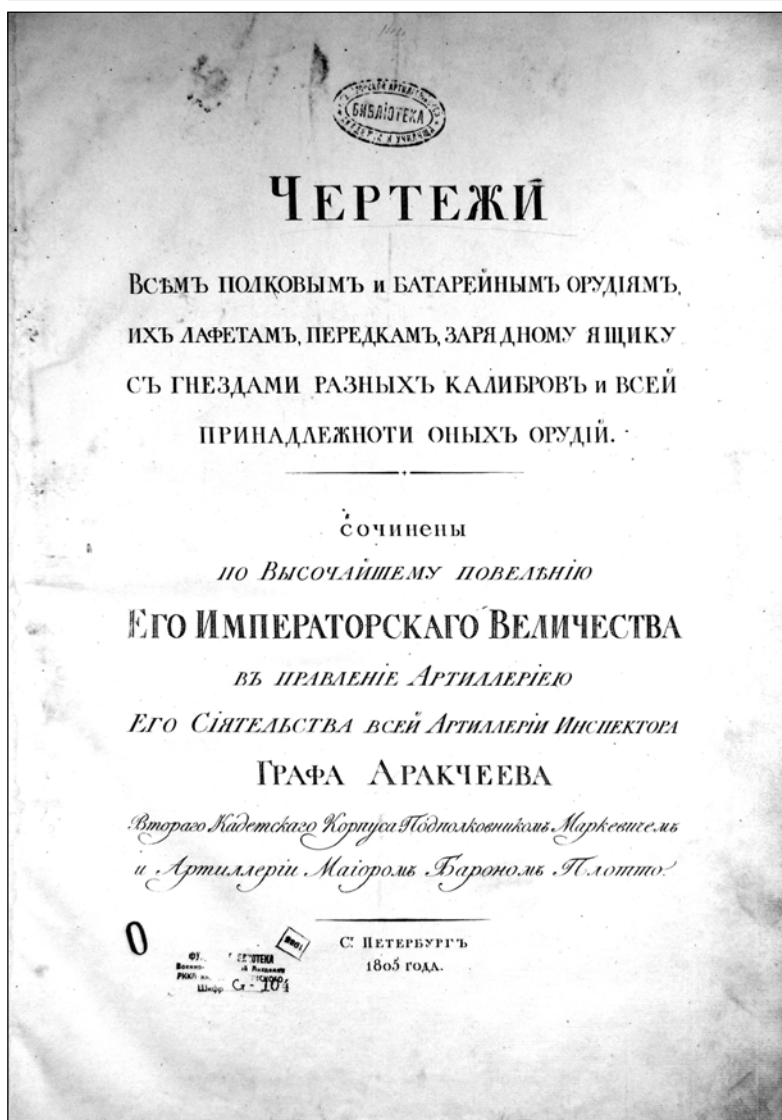

Рис. 2. Титульный лист первого издания чертежей полевой артиллерии. 1805 г.

иметь надлежащие сведения об употребляющихся ныне у нас орудиях со всею их принадлежностью»¹⁸.

Чертежи в натуральную величину на медных досках для производств были изготовлены «под смотрением» барона В. К. Плотто в 1803 г. Печатные чертежи создавались в период 1804–1806 гг. Уже в феврале 1804 г. были готовы первые медные печатные доски¹⁹, которые гравировались наемными мастерами «под смотрением» уже проявивших себя артиллерийских изобретателей, членов «Временного комитета для рассмотрения гарнизонной артиллерии» (будущего «Ученого комитета по артиллерийской части»), подполковника А.И. Маркевича и майора барона В.К. Плотто. Последних, в свою очередь, контролировала Артиллерийская экспедиция Военного министерства и лично граф Аракчеев, принимавший в поверке и утверждении каждого листа непосредственное участие. Всего было напечатано 500 комплектов чертежей²⁰ и «Кратких записок об оковках» к ним²¹.

Первые экземпляры были разосланы в арсеналы, военные учебные заведения, а также высшему российскому генералитету. Также планировалось разослать комплекты в артиллерийские роты. Поступавшие в роты чертежи были подотчетным казенным имуществом. Весной 1806 г. император Александр I согласился с предложением графа Аракчеева выдать чертежи за счет казны всем артиллерийским генералам и штаб-офицерам для того, «чтобы служащие в артиллерии штаб и обер офицеры имели чем руководствоваться в черчении артиллерийских орудиев, лафет, передков, зарядных ящиков и всей принадлежности, а также и при случающихся построениях артиллерии, могли бы всякой производить оное единообразно, сходно с установленными правилами»²². Одновременно было одобрено издание второй и третьей частей чертежей²³.

В августе было принято решение переплести 75 экземпляров для генералитета и полковников в красный «французский» переплет с золотым обрезом, и 125 экземпляров для прочих штаб-офицеров «в корешок»²⁴. В сентябре разрешено продавать оставшиеся непереpletенные экземпляры всем желающим²⁵.

Уже осенью 1806 г. в чертежи стали вноситься актуальные перемены, для чего листы с неверными или устаревшими чертежами изымались, а новые клеивались. Эта практика продолжалась и в дальнейшем, и выявить все такие перемены пока не удалось. По неизвестной причине, вероятно, из-за продолжавшихся военных действий, рассылка экземпляров задержалась до весны 1808 г.

В 1806–1807 г. бароном Плотто были подготовлены образцовые медные доски с чертежами в натуральную величину для производств, а затем вторая часть атласа чертежей, содержащая в себе чертежи понтонов, артиллерийского обоза, прицельных приспособлений и прочего²⁶, а также краткие записки об оковках к ним²⁷. Рассылка по ротам затянулась до осени 1809 г. Тогда же вместе со второй частью в роты были отправлены в дополнение к первой еще два чертежа: 8-фунтовому единорогу «с колпаком, надеваемым на цапфы для употребления в действие на лафетах четвертьпудовых; и полозьям для зимняго времени под батарейную и полковую артиллерию и ящики ея во время похода»²⁸.

Весной 1808 г. полковник барон Плотто занимался гравированием чертежей орудий осадной артиллерии на медных досках в натуральную величину²⁹. А в ноябре того же года Ученому комитету по артиллерийской части генерал-инспектором всей артиллерии графом Аракчеевым было предписано «приступить немедленно к напечатанию чертежей осадной артиллерии, как то: мартирам 5-ти и 2-х пудовым, единорогам 1-го пуда и пушкам 24-х и 18-ти фунтовым, станкам, лафетам их и всей принадлежности фурам и ящикам также мартирцам 6-и фунтовым с принадлежностью. <...> И сии чертежи должны быть зделаны в одинаковой формат и во всем соответственно с напечатанными чертежами батарейной и легкой артиллерии; даже то самое число их напечатать, какое и тех было издано, по исполнении ж сего мне донести»³⁰.

Наконец, в 1811 г. усилиями Ученого комитета, в котором к этому времени не было уже ни покинувшего его Маркевича, ни умершего в 1810 г. барона Плотто, были сделаны на медных досках в натуральную величину образцовые чертежи снарядов сухопутной артиллерии³¹. Были ли напечатаны такие чертежи в масштабе на бумаге – неизвестно.

В первой половине 1812 г. в роты, арсеналы и запасные парки были разосланы чертежи «О устройении при батарейной и легкой артиллерии при лафетах правил по новому расположению»³², в июле того же года были готовы чертежи и инструкции по установке прицела подполковника И.П. Кабанова³³. Эти и прочие перемены, а также серьезные изменения в конструкции казенной части стволов и затравок, введенные в период 1812–1815 гг., заставили, наконец, в 1816–1817 г. предпринять уже упомянутое «второе

тиснение» образцовых чертежей «с переменами после первого издания последовавшими».

Растянувшийся на пятнадцать лет (1803–1817) проект создания образцовых чертежей в натуральную величину на медных досках и печатного издания справочных чертежей в масштабе был важной мерой в ряду усилий российского артиллерийского руководства и лично графа Аракчеева по стандартизации и улучшению качества материальной части российской артиллерии начала XIX в. Но выход первой части справочных чертежей в 1805 г. никак нельзя рассматривать как дату принятия на вооружение артиллерийской системы.

Тем не менее, предложенная Весселем версия быстро закрепились не только в учебной, но и в профессиональной справочной литературе. Уже в 1862 г. в первом томе составленной известными артиллеристами своего времени К.Н. Шварцем, П.А. Крыжановским и их коллегами «Карманной справочной книжке для артиллерийских офицеров»³⁴ о лафетах говорится: «Полевые лафеты, передки и зарядные ящики употребляются у нас двух конструкций: прежней – 1805 г., с изменениями 1840 г., и новой – 1845 г., с изменениями 1848, 1849, 1850, 1859 и 1860 г.»³⁵. При этом, также как и у Весселя, орудия (стволы) «конструкции 1805 года» не упоминаются³⁶.

К началу XX в. в среде профессиональных артиллеристов миф о «системе 1805 года» в целом сформировался. Работой, в которой была сформулирована общепринятая ныне версия, стала написанная в 1904 г. преподавателем Михайловской артиллерийской академии полковником А.А. Нилусом «История материальной части артиллерии»³⁷. Этот двухтомный учебник для слушателей академии был для своего времени уникальным изданием, вводящим в российский научный оборот массу сведений об истории развития отечественной и европейской артиллерии с древнейших времен до начала XX в. Однако, как это часто бывает с обзорными трудами, имеющими широкий тематический и временной охват, проработка частных вопросов в нем оставляет желать лучшего.

Описывая русскую артиллерию первой четверти XIX в., А. А. Нилус пишет: «В 1802 году была составлена особая комиссия под председательством Аракчеева, вызванного из отставки и снова назначенного в 1803 году инспектором всей артиллерии. Выработанная комиссиею система полевых орудий получила название

Аракчеевской или системы 1805 года»³⁸. И здесь же в сноске добавляет: «Хотя Аракчеев был действительно великим администратором и устройтелем нашей артиллерии, но нельзя не упомянуть и славных имен его ближайших помощников: Эйлера, Базина, Сиверса, Резвого, Гогеля, Кутайсова, Плотно, Маркевича, Апрелева. Подробности об Аракчееве и его характеристика см. Арт. Журн. 1810 г. [Опечатка, должно быть: 1860 г. – *К. И.*], № 5».

Нетрудно узнать в этом тексте два источника, послужившие для него основанием: утвердившуюся за полвека в среде артиллеристов версию о существовании «системы 1805 года» и творчески обработанные (до искажения первоначального смысла) А. А. Нилусом, уже цитированные выше фрагменты IV лекции В. Ф. Ратча из «Артиллерийского журнала» № 5 за 1860 г. Соединив их воедино, Нилус создал версию, перекочевавшую впоследствии в многочисленные научные и научно-популярные издания, так или иначе затрагивающие тему российской артиллерии начала XIX в.

Что же касается списка артиллерийских генералов, то если у Ратча это были выдающиеся артиллеристы, помимо Аракчеева сделавшие немалый вклад в усовершенствование отечественной артиллерии в конце XVIII – начале XIX в., то у Нилуса они становятся «ближайшими помощниками» Аракчеева. А расположение списка в сноске, относящейся к словам о разработке и принятии системы 1805 г., позволило позднее трактовать его как список членов той самой «особой комиссии». Впрочем, сам Нилус не имел этого в виду.

В дальнейшем формулировка, предложенная А. А. Нилусом, не подвергалась сомнению и тиражировалась в работах по истории материальной части отечественной артиллерии, созданных в советское время. Даже в опирающейся на многочисленные архивные материалы «Истории отечественной артиллерии», написанной в 1962 г. авторским коллективом под редакцией Б. А. Светлосанова³⁹, утверждается, что «на вооружение полевой артиллерии в 1805 г. вводится система орудий, которая была выработана особой комиссией»⁴⁰. А ведь это лучший такого рода труд XX в.

Последним этапом в формировании современной версии стала выпущенная в 1998 г. брошюра «“Аракчеевская” артиллерия», написанная известным современным историком эпохи Отечественной войны 1812 г. и отечественной артиллерии А. А. Смирновым⁴¹. В ней впервые дается трактовка приведенного А. А. Нилусом списка

«ближайших помощников» Аракчеева, как списка членов «специально созданной в 1802 г. Комиссии»⁴². Авторитет А.А. Нилуса оказался настолько сильным, что позднее, разобравшись, что речь на самом деле идет о «Воинской комиссии», А.А. Смирнов вносит уточнение, что вышеприведенные артиллеристы составили в ней «подкомиссию по артиллерии»⁴³.

Работа А.А. Смирнова получила большую популярность среди всех любителей военной истории. Более того, она стала известна за пределами России и вошла в зарубежный научный оборот. В частности, в книге «Napoleonic Artillery», написанной в 2007 г. А. и П. Доусонами и С. Саммерфилдом⁴⁴ (одной из лучших англоязычных такого рода книг), в разделе, посвященном российской артиллерии, цитируется пассаж А.А. Нилуса о создании в 1802 г. комиссии под руководством Аракчеева, и приводится список ее членов, позаимствованный у А. А. Смирнова⁴⁵. При этом в англоязычный текст переключались и ошибки в инициалах русских артиллеристов, появившиеся еще в брошюре А.А. Смирнова. По-видимому, там они явились результатом плохой работы корректора, ведь издатель умудрился сделать ошибки даже в инициалах автора на обложке.

На основании вышесказанного можно резюмировать, что господствующие по сей день в научной и научно-популярной литературе представления о процессе реформирования материальной части российской артиллерии эпохи наполеоновских войн не соответствуют действительности. Процесс разработки и внедрения стандартизированной системы артиллерийского вооружения начался задолго до 1802 г. и не закончился в 1805. Нет также оснований говорить о дате 1805 г., как о значительной вехе в развитии материальной части отечественной артиллерии. Более того, нет никаких оснований выделять в качестве особой артиллерийской системы материальную часть российской артиллерии последних лет XVIII в. и говорить о создании новой системы в первые годы XIX в.

В связи с этим следует отказаться от употребления терминов «система (конструкция, образец) 1805 года» и использовать имеющий более давнюю традицию и все исторические основания термин «система Аракчеева». Было бы целесообразно расширить его значение, включив в него и материальную часть артиллерии, введенную в период правления Павла I.

Следует также признать, что в научном обороте на сегодняшний день почти отсутствуют сведения о разработке и внедрении

технических решений в материальной части российской артиллерии рубежа XVIII–XIX вв. Выяснение обстоятельств приема на вооружение новых элементов материальной части, а также подробных сведений о перевооружении артиллерийских частей являются перспективными направлениями для исследования. Разработка этих тем позволит создать объективную картину решительных преобразований в российской артиллерии в указанный период.

¹ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. (Далее ПСЗ-1.)

² Гогель И.Г., Фицтум И.И., Гебгард К.К. Основания Артиллерийской и Понтонной науки. СПб., 1816.

³ Маркевич А.И. Руководство по артиллерийскому искусству для употребления Их Императорских Высочеств Государей Великих князей Николая Павловича и Михаила Павловича, сочиненное второго кадетского корпуса генерал-майором Андреем Маркевичем. Т. I–II. СПб., 1820–1824.

⁴ Краткое обозрение состояния артиллерии с 1798 по 1848 год // Артиллерийский журнал. СПб., 1852. № 4–6; 1853. № 1–2.

⁵ Ратч В.Ф. Публичные лекции, читанные при гвардейской артиллерии // Артиллерийский журнал. СПб., 1860. № 4–5; 1861. № 1, 10–11.

⁶ Его же. Публичные лекции, читанные генерал-майором Ратчем гг. офицерам гвардейской артиллерии в 1861 году // Артиллерийский журнал. СПб., 1861. № 10. II. Отдел ученый и технический. С. 744.

⁷ Его же. Публичные лекции, читанные при гвардейской артиллерии полковником (ныне генерал-майор) Ратчем в 1860 году // Артиллерийский журнал. СПб., 1861. № 1. II. Отдел ученый и технический. С. 8.

⁸ Гогель И.Г. и др. Основания Артиллерийской и Понтонной науки. Предисловие. С. I.

⁹ Ратч В.Ф. Публичные лекции, читанные при гвардейской артиллерии полковником Ратчем в 1859 году // Артиллерийский журнал. СПб., 1860. № 5. II. Отдел ученый и технический. С. 348.

¹⁰ Там же. С. 352.

¹¹ ПСЗ-1. Т. 26. № 19926.

¹² ПСЗ-1. Т. 27. № 20672.

¹³ См., например: Резвой О.П. Артиллерийские записки, составленные Инспектором классов Артиллерийского училища Полковником Резвым, для преподавания Его Императорскому Высочеству Великому князю Константину Николаевичу. Ч. I. СПб, 1844.

¹⁴ Вессель Е. Х. Артиллерия. Учебное руководство для военно-учебных заведений. Ч. I. СПб, 1851.

¹⁵ Там же. С. 241–242.

¹⁶ Маркевич А.И., Плотто В.К. Чертежи всем легким и батарейным орудиям, их лафетам, передкам, зарядному ящику с гнездами разных калибров и всей принадлежности оных орудий 1805 года. Сочинены по Высочайшему повелению Его Императорского Величества в правление артиллериею его сиятельства всей артиллерии инспектора графа Аракчеева. Ныне Военным Ученым комитетом вторым тиснением изданы с переменама после первого издания

последовавшими. СПб., 1817.

¹⁷ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. Инспекторская. Д. 747а.

¹⁸ Там же. Л. 6–8 об.

¹⁹ Там же. Д. 640. Л. 73, 73 об.

²⁰ Маркевич А.И., Плотно В.К. Чертежи всем полковым и батарейным орудиям, их лафетам, передкам, зарядному ящику с гнездами разных калибров и всей принадлежности оных орудий. Сочинены по Высочайшему повелению Его Императорского Величества в правление артиллериею его сиятельства всей артиллерии инспектора графа Аракчеева. СПб., 1805.

²¹ Маркевич А.И. Краткие записки, показывающие, сколько и каких именно оковок употребляется при полковой и батарейной артиллерии к лафетам, передкам, зарядному ящику и ко всей принадлежности; с означением их номеров и знаков или букв, коими они клеймятся и с приобщением таблиц, показывающих размер и вес полковых и батарейных орудий, лафетов, передков и зарядного ящика с гнездами разных калибров. Сочиненные в правление артиллериею Его Сиятельства всей артиллерии Инспектора графа Аракчеева. СПб., 1805.

²² ВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. Штаб генерал-фельдцейхмейстера. Д. 5498. Л. 94.

²³ Там же. Оп. Инспекторская. Д. 709. Л. 497.

²⁴ Там же. Д. 710. Л. 127–129 об.

²⁵ Там же. Л. 351 об.

²⁶ Плотно В.К. Чертежи пантонной фуры переднему и заднему ходам, пантону с его принадлежностями, походной кузницы, постановлению на всех орудиях полевой артиллерии мушек и диоптров, заготовлению разного леса для всех до полевой артиллерии касающихся предметов, повозкам для инструментов, роспусков и вновь исправленным оковкам при полковых и батарейных лафетах, при батарейном передке и зарядном ящике. Сочинены по Высочайшему повелению Его Императорского Величества в правление артиллериею его сиятельства всей артиллерии инспектора графа Аракчеева. Ч. II. СПб., 1807.

²⁷ Его же. Краткие записки показывающие, сколько и каких именно оковок употребляется к пантонной фуры, пантону и его принадлежности, походной кузнице, повозке для инструментов, роспускам для возки при артиллерии запасных колес и прочего запасного леса, и к ведру для коломази, с означением их номеров и знаков или букв коими они клеймятся; с приложением описания разного сорта каната при полевой артиллерии и пантонах употребляемого, также таблиц показывающих размер пантонной фуры, пантона и его принадлежности, походной кузницы, повозки для инструментов, роспусков, мушек и диоптров на всех полковых и батарейных орудиях постановляемых; с приобщением к оному двух ведомостей о разных сортах железа для выделывания оковок к оным орудиям и заготовления для оных разного леса; и, наконец, с прибавлением вновь исправленных оковок при полковых и батарейных лафетах, при батарейном передке и зарядном ящике сочиненных в правление артиллериею Его Сиятельства всей артиллерии Инспектора графа Аракчеева. СПб., 1807.

²⁸ Там же. Оп. Штаб генерал-фельдцейхмейстера. Д. 5616. Л. 224, 415.

²⁹ Там же. Д. 5498. Л. 136.

³⁰ Там же. Ф. 4. Оп. 40/1. Д. 16. Л. 1.

³¹ Там же. Д. 38. Л. 4.

³² Там же. Ф. 3. Оп. Арсенальная. Д. 2259.

³³ Там же. Д. 2287. Л. 25.

- ³⁴ Шварц К.Н., Крыжановский П.А. Карманная справочная книжка для артиллерийских офицеров. Ч. I. СПб., 1862.
- ³⁵ Там же. С. 192.
- ³⁶ Там же. С. 83.
- ³⁷ Нилус А.А. История материальной части артиллерии. Т. 1–2. СПб., 1904.
- ³⁸ Там же. Т. 2. С. 20.
- ³⁹ История отечественной артиллерии / под ред. Б.А. Светлосанова. Т. 1. Кн. 3. М., 1962.
- ⁴⁰ Там же. С. 32.
- ⁴¹ Смирнов А.А. «Аракчеевская» артиллерия. Русская полевая артиллерия системы 1805 года. М., 1998.
- ⁴² Там же. С. 3.
- ⁴³ Смирнов А.А. Александр Иванович Кутайсов. М., 2002. С. 10.
- ⁴⁴ Dawson A.L., Dawson P.L., Summerfield S. Napoleonic Artillery. Ramsbury, 2007.
- ⁴⁵ Ibid. P. 52.

В.В. Изонов (Москва)

8-Й ЭСТОНСКИЙ СТРЕЛКОВЫЙ КОРПУС: ИСТОРИЯ. ЛЮДИ. ПОДВИГИ

З А ВРЕМЯ Великой Отечественной войны эстонские национальные соединения Красной армии, в которых воевало в общей сложности около 70 тыс. человек, прошли славный боевой путь. Сформированный в 1942 г. эстонский стрелковый корпус находился в составе действующей армии 916 дней. В полном составе он вел наступательные бои в течение 123 дней, из них под Великими Луками 37 дней, при освобождении советской Эстонии – 69 и в Курляндии – 17 дней. Кроме того, артиллерийские и танковые части корпуса более пяти месяцев участвовали в боях в составе других соединений. В непосредственном соприкосновении с противником соединения и части корпуса находились в общей сложности 344 дня.

Весной 1942-го было тяжелое время для страны. Враг стоял в 120 километрах от Москвы, германские войска рвались к Сталинграду и в предгорья Кавказа.

Руководство Эстонской ССР, после того как были созданы две стрелковые дивизии и отлажена система их пополнения обученными резервами, 19 мая 1942 г. обратилось к И.В. Сталину с просьбой о формировании эстонского стрелкового корпуса, кадры для комплектования командного состава которого уже имелись. Кроме того, руководство республики просило включить в состав корпуса еще одну гвардейскую дивизию, на которую эстонские соединения могли бы равняться во время боевых действий. Была также высказана просьба учесть при определении момента направления корпуса в бой то обстоятельство, что национальное

формирование необходимо было бы сохранить для предстоящих боев за освобождение территории Эстонской ССР.

В мае 1942 г. в Государственном Комитете Оборона был положительно решен вопрос о формировании корпуса. После того как обе дивизии были сформированы, полностью укомплектованы, подготовлены для ведения боевых действий¹, они сосредоточились ближе к линии фронта². 25 сентября 1942 г. была принята директива Наркомата обороны СССР о формировании 8-го эстонского стрелкового корпуса (II формирования).

В состав корпуса были также включены соединения и части, укомплектованные личным составом не эстонской национальности: 9-я гв. сд³ (генерал-майор А.П. Белобородов), 85-й кап (подполковник Д. Михайленко), 45-й тп, а также 28-й сапб и 49-й батальон связи.

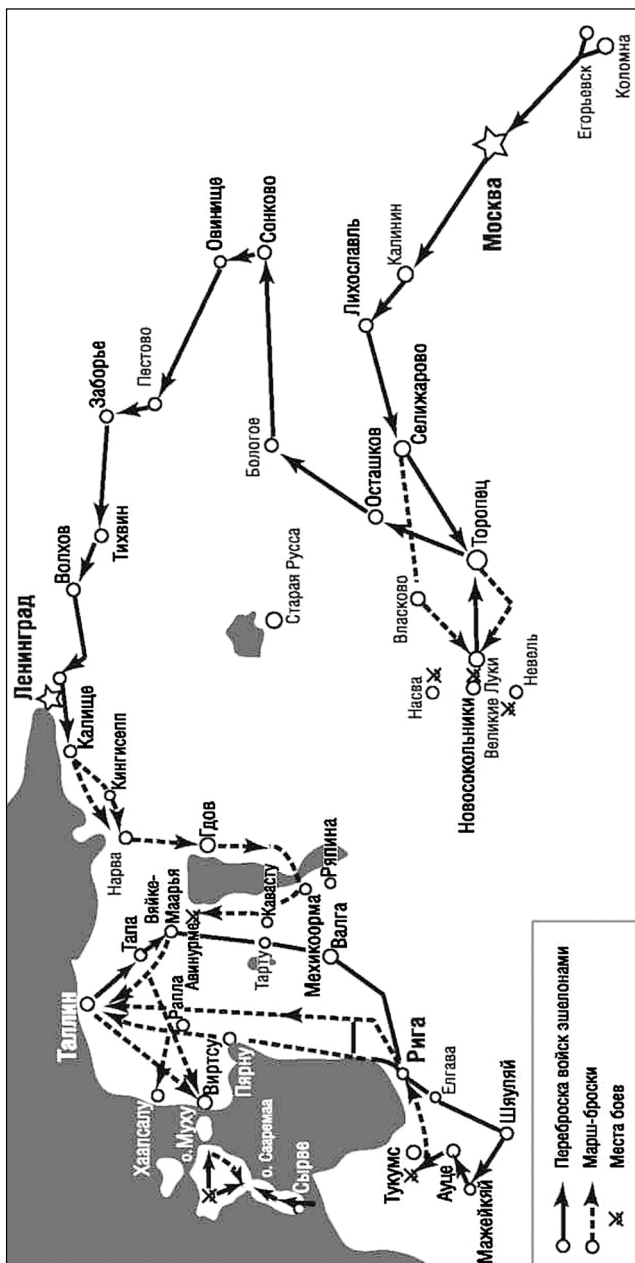
Корпус к концу формирования состоял на 75,7 % из рабочих, 6,6 % – из крестьян, 7,2 % – служащих и прочих – 10,5 %. Эстонцы составляли 88,8 % численности корпуса (19 658 человек), русские – 9,9 %, представители других национальностей – 1,3 %⁴. 82 % воинов эстонских дивизий до войны жили в Эстонской ССР.

Командиром корпуса был назначен генерал-майор (с 15 сентября 1943 г. генерал-лейтенант) Л.А. Пэрн. Генерал был фронтовиком с первого дня войны, имевшим за плечами две военные академии⁵. Начальником штаба стал полковник Я. Лукас, начальником политического отдела – полковой комиссар А.А. Пуста.

По состоянию на ноябрь 1942 г. общая численность военнослужащих эстонских соединений составляла 27 311 человек, в том числе в 7-й сд 10 052 человека, в 249-й сд – 10 235 человек, в запасном полку – 6617 человек.

63,6 % бойцов 7-й сд и 70 % в 249-й сд до начала Великой Отечественной войны прошли действительную военную службу. Абсолютное большинство офицеров до войны окончили военные училища. Одна треть служила в Красной армии, участвовала в сражениях Великой Отечественной войны и, таким образом, имела определенный боевой опыт.

12 октября корпус был передан в резерв Ставки ВГК. Еще 9 октября, незадолго до отправки на фронт, в торжественной обстановке 7-й сд было вручено боевое Красное Знамя. 249-я сд получила его 18 октября.

К 7 ноября 1942 г. корпус прибыл в состав войск на Калининский фронт (генерал-лейтенант М.А. Пуркаев). В пути следования и на станциях разгрузки часть эшелонов подверглась бомбежкам. Корпус понес первые потери в личном составе и боевой технике. Был убит 21 человек и столько же ранено. Здесь с 9 ноября 1942 г. в состав корпуса была приказом командующего войсками Калининского фронта включена 19-я гв. сд (генерал-майор Д.М. Баринов). 9 декабря корпус перешел в подчинение командующего 3-й ударной армией (генерал-лейтенант К.Н. Галицкий). Корпус изготовился к участию в Великолукской наступательной операции.

Ко времени прибытия корпуса на фронт уже шла начавшаяся 24 ноября 1942 г. операция по освобождению Великих Лук, где с 29 ноября был окружен гарнизон численностью 7,2 тыс. человек, под командованием подполковника фон Засса.

Соединения корпуса получили следующие задачи. 249-я сд (полковник А. Сауэсельг) была поставлена в оборону на внешнем фронте во втором эшелоне 5-го гв. ск (генерал-майор А.П. Белобородов). Дивизия должна была подготовиться к отражению контратак противника с северо-запада из района Насвы или с запада из района Новосokolьников.

7-я сд (полковник А. Вассиль) должна была сменить войска, блокировавшие Великие Луки с востока и юга, и подготовиться к штурму с восточного и южного направлений во взаимодействии с 257-й и 357-й сд. Ей была поставлена задача наступать на юго-восточную часть города через совхоз Богдановский; а из района Максимово – на Болтово – Шутово – Рыбики (восточные); и от Борисовичей – на Зенцы.

В этот день 7-я сд, остановив противника на широком фронте, преодолевая его ожесточенное сопротивление, сильный артиллерийский огонь и контратаки, прорвала глубоко эшелонированную полосу укреплений предполья и вклинилась в главную полосу обороны противника между Каменкой и Муракино. Бойцы и командиры сражались отважно.

14 декабря были введены в бой вторые эшелоны 7-й сд. Во взаимодействии с 257-й и 357-й сд к полудню 16 декабря от противника была очищена вся западная, наименее укрепленная, часть города до реки Ловать, за исключением старой крепости. Бойцы пошли на прорыв обороны после 2,5-часовой артиллерийской

подготовки. Сломить сопротивление противника не удалось, хотя ему и были нанесены существенные потери.

Полки 249-й сд вели напряженные бои на внешнем фронте окружения. К 20 декабря дивизия заняла оборону во втором эшелоне, за позициями 19-й гв. сд, на юго-западных подступах к Великим Лукам.

С утра 21 декабря на Алексейково начали наступать до 40 танков и свыше полка пехоты. Здесь, на узком участке фронта, немцы стремились пробиться сквозь оборону 19-й гв. сд и 249-й сд и проложить себе путь к окруженному гарнизону. К концу дня противнику удалось вклиниться в оборону частей 249-й сд.

С утра 22 декабря противник начал наступать на отдельный учебный батальон 249-й сд (подполковник Х. Вирит). Однако враг был встречен мощным огнем и не прошел. В ходе боя, где противник применил артиллерию и шестиствольные минометы, первая рота учебного батальона под командованием лейтенанта Й. Леппа почти полностью погибла.

249-й сд было приказано перейти на южную окраину Великих Лук и принять участие в штурме окруженного гарнизона. Сюда же перенес свой командный пункт командир корпуса. В задачу 249-й сд входило нанести главный удар с рубежа Смолянино – Муракино на Тарашанку и Мишнево-Бово, развивать наступление в северном направлении, а частью сил освободить восточные кварталы центра. 25 декабря начался решающий штурм. Начальник вражеского гарнизона и его штаб были взяты в плен. Последний очаг сопротивления был подавлен в ночь на 17 января.

Части корпуса взяли в плен 1554 человека, в том числе 61 офицера, уничтожено 123 дзота, 261 огневая точка, 12 танков, 50 орудий и 21 миномет, подавили большое число целей, взяты богатые трофеи. На поле боя в Великих Луках осталось свыше 8300 гитлеровцев.

25 января 1943 г. войска, участвовавшие в освобождении Великих Лук, были отмечены в приказе Верховного Главнокомандующего. Бои в городских кварталах, оборудованных немцами как долговременные укрепления, носили ожесточенный и кровопролитный характер. В атаках участвовали все офицеры вплоть до командиров полков. Эстонские части понесли значительные потери, особенно в офицерском составе: погибли или были ранены почти поголовно все командиры взводов, рот и батальонов. Из строя выбыло

около 75 % всего личного состава корпуса. В 249-й сд из-за ранений, полученных на поле боя, вышли из строя все командиры полков. 1386 отличившихся в сражении за Великие Луки эстонских солдат, сержантов и офицеров были награждены орденами и медалями.

Командование высоко оценило боевую работу эстонского корпуса. Командарм К.Н. Галицкий заявил, что боевое крещение эстонские части и соединения выдержали с достоинством, что дрались они мужественно и храбро. Командир соседнего 5-го гв. ск генерал-майор А.П. Белобородов и генерал армии Г.К. Жуков в эти дни похвально отзывались об эстонских воинах.

21 января 1943 г. корпус был выведен в резерв Калининского фронта. 6 мая 1943 г. корпусу был торжественно передан 221-й тп, названный «За Советскую Эстонию». 20 июня 1943 г. – 87-я отдельная авиаэскадрилья ночных бомбардировщиков «Тазуя» (14 самолетов У-2). Летом 1943 г. в 159-ю танковую бригаду был включен танковый полк «Лембиту». В корпус также поступила батарея из четырех 122-мм гаубиц, которая была введена в состав 85-го кап. Вся эта боевая техника была построена на средства, собранные эстонскими воинами и теми трудящимися, которые из Эстонской ССР эвакуировались в глубокий тыл.

До осени 1943 г. эстонские формирования участвовали в строительстве укреплений в верховьях Западной Двины. При этом корпус вел боевую подготовку, одновременно подготавливая и занимая оборону во втором эшелоне 3-й ударной армии на рубеже Павлово – Назимово – Федюкино – Курово – Севастьяново – река Западная Двина – река Велеса – озеро Жаркое – железнодорожная станция Кашенко.

12 октября 1943 г. корпус был включен в состав вновь созданного 2-го Прибалтийского фронта (генерал армии М.М. Попов). В ноябре три артиллерийских полка корпуса (85-й корпусной, 23-й и 779-й дивизионные) были направлены на поддержку действий соединений 6-й гвардейской армии. Соединениям армии была поставлена задача отрезать войска противника, наступавшие на Невель. Бои здесь велись с 10 по 25 ноября. Эстонские артиллеристы, поддерживая поочередно боевые действия 51-й и 52-й гв. сд, проявили здесь все свое мастерство, особенно в ведении сосредоточенного и массированного огня. За отвагу, проявленную в боях под Невелем, 80 артиллеристов получили награды. 23-й ап 5 февраля

1944 г. был награжден орденом Суворова 2-й степени.

Сразу же после боев под Невелем все три артиллерийских полка были использованы в боях отдельно от корпуса, который по-прежнему стоял в обороне западнее Великих Лук, во втором эшелоне 22-й армии (генерал-лейтенант В.А. Юшкевич). На этот раз они должны были поддерживать наступление 22-й армии на Ново-сокольники – железнодорожный узел и крупный населенный пункт. Они отлично справились с поставленной боевой задачей.

1 февраля был отдан приказ о включении эстонского корпуса в состав войск Ленинградского фронта (маршал Советского Союза Л.А. Говоров). К 15 февраля корпус сосредоточился в районе Котлы – Кингисепп – Литизно. В составе корпуса было две дивизии, два танковых полка, 87-я отдельная эскадрилья ночных бомбардировщиков.

2 марта корпус прибыл в состав 2-й ударной армии (генерал-лейтенант И.И. Федюнинский). Армия в марте – апреле вела бои за расширение Аувереского плацдарма на западном берегу реки Нарва и за освобождение Ивангорода. В связи с нараставшим по силе натиском противника командование Ленинградским фронтом подготовило запасный оборонительный рубеж по восточному берегу реки Луга. К его строительству начиная с 23 апреля привлекли части 8-го эстонского стрелкового корпуса. За два с половиной месяца они построили оборонительный рубеж на линии Куровицы – Поречье. Одновременно корпус усиленно готовился к наступательным боям в условиях лесисто-болотистой местности, близких к тем, с которыми придется иметь дело в Эстонии; тренировались в форсировании речной преграды, в штурме укреплений противника. Проводились показательные учения с боевой стрельбой, отработывались методы огневого сопровождения пехоты и танков.

С 24 июля по 10 августа 1944 г. армии Ленинградского фронта провели наступательную операцию, в ходе которой 26 июля была освобождена Нарва. В этих операциях корпус не принимал участия в полном составе. Но наступательные бои вел ряд его частей: 354-й и 917-й сп, три саперных батальона, отдельная штурмовая рота, все три артиллерийских полка, оба танковых полка, эскадрилья ночных бомбардировщиков и другие части. Все они активно действовали в решительном штурме Нарвы. 85-му корпусному артиллерийскому полку было за эти бои 9 августа присвоено почетное наименование Нарвский.

5 сентября эстонский корпус был включен в состав 2-й ударной армии. Согласно плану перегруппировки войск, корпус наряду с другими соединениями армии перебрасывался с Нарвского участка в район юго-восточнее Тарту и принял участие в Таллинской наступательной операции войск 2-й ударной и 8-й армий.

Корпусу пришлось проделать трудный марш: он прошел ночными переходами более 200 км за шесть суток по дорогам, размытым сильными дождями.

Корпус с боями вошел в составе 2-й ударной армии на территорию Эстонской ССР. В его задачу входило: одной дивизией форсировать реки Суур – Эмайыги на участке Кастре – Кокутая, уничтожить оборонявшегося на северном берегу реки противника. Затем, введя в бой дивизию второго эшелона, овладеть рубежом Казепа – Кооза – Алайыэ. Далее – развивать наступление в направлении Калласте – Ярвемыйза, выйти на рубеж Омеду – Кюти – Одивере.

7-я и 249-я сд заняли исходные позиции для наступления. В 7 часов 30 минут 17 сентября корпус повел артиллерийскую подготовку. Через час 27-й (полковник Н. Транкман) и 354-й (полковник В. Вырк) сп 7-й сд форсировали реку Эмайыги. Сметая сопротивлявшиеся части противника, они стали успешно развивать подержанное танками наступление в северном направлении.

К четырем часам дня 7-я сд продвинулась до 20 км и полностью прорвала основную полосу вражеской обороны. Сопротивление противника начинало усиливаться. Подведя резервы, он намеревался остановить продвижение корпуса на рубеже рек Омеду и Кяэпа.

В ночь на 18 сентября были введены в действие два стрелковых полка 249-й сд при поддержке огня семи артиллерийских полков. Тем самым планы гитлеровского командования закрепиться на промежуточных рубежах были сорваны. Уже во второй половине дня 18 сентября, преследуя отступающего противника, части корпуса форсировали реки Омеду и Кяэпа. К утру 19 сентября они были на шоссе Муствеэ – Йыгева. В тот же день был освобожден город Муствеэ.

249-я сд переправилась через Эмайыги в 10 часов 45 минут 17 сентября. Она вышла в район Тяхемаа – Табри и стала развивать наступление в направлении Селгузе – Вяльяотса – Ярвемыйза. В ходе форсирования Эмайыги смертью храбрых пали около

ста воинов эстонских частей, а ранено было около 300 человек, в том числе и командир дивизии генерал-майор И.Э. Ломбак. В командование дивизией вступил его заместитель полковник А.Ю. Фельдман.

За два дня дивизии эстонского корпуса прошли более 50 километров. К тому времени с 20 часов 18 сентября началось поспешное отступление войск противника с Нарвского участка фронта.

19 сентября, получив во второй половине дня данные разведки о движении колонн войск противника на запад и юго-запад, командир корпуса принял решение разгромить эти колонны во встречном бою. По его приказу командир 7-й сд полковник К. Алликас немедленно сформировал передовой отряд под командованием командира 27-го сп полковника Н. Транкмана. Колонна врага длиной свыше пяти километров была разгромлена. Здесь потерпели полное поражение 113-й пп 258-й охранной дивизии, 20-й ап СС и два полка 300-й пд особого назначения.

Вечером 20 сентября по радио был передан приказ Верховного Главнокомандующего с благодарностью войскам Ленинградского фронта за успешный прорыв сильно укрепленной обороны противника севернее Тарту. Среди перечислявшихся в приказе войск был упомянут эстонский корпус, и впервые была названа фамилия генерала Л.А. Пэрна. В честь войск Ленинградского фронта в Москве был дан салют 20 залпами из 224 орудий.

С началом второго этапа Таллиннской наступательной операции корпус с 22 часов 21 сентября был передан в состав 8-й армии (генерал-лейтенант Ф.Н. Стариков).

В ходе преследования отходившего противника 21 сентября в районе озера Поркуни на марше была обнаружена колонна войск противника численностью в 1500 человек – остатки 20-й эстонской дивизии СС и 209-й пд. Группа была быстро окружена и разбита войсками 249-й сд. К исходу дня главные силы корпуса вышли на линию железной дороги Тапа – Тарту.

По приказу командира Эстонского корпуса был сформирован один из подвижных передовых отрядов фронта, шедших на Таллинн впереди войск.

В подвижной моторизованный отряд корпуса вошли два стрелковых батальона, рота автоматчиков, взвод разведки, два взвода противотанковых ружей, взвод 45-миллиметровых пушек, рота пулеметчиков – все из 354-го сп. Отряду придали 45-й тп корпуса

(полковник Э. Куслапуу) и 952-й сап. Отряд был посажен на автомашины. Отрядом командовал полковник В. Вырк, командир 354-го сп 7-й сд.

Отряд полковника В. Вырка к восьми часам достиг реки Пирита у Васкьяла, захватил под Таллинном аэродром с 25 самолетами. В девять утра завязались бои за Таллинн. Во взаимодействии с прибывшими одновременно в город подвижными отрядами 8-й армии центр города был освобожден от врага к полудню, а весь город – к вечеру.

22 сентября в честь освободителей Таллинна, среди которых был назван эстонский корпус, в Москве был дан салют 24 артиллерийскими залпами из 324 орудий.

Красное знамя на древней башне Длинный Герман таллиннского замка Тоомпеа подняли командир взвода 3-й роты 354-го сп лейтенант Й. Лумисте и ефрейтор Э. Нагельман. А бойцы 14-го сп 72-й сд В. Вьюрков и Н. Головань укрепили красный флаг на здании Президиума Верховного Совета Эстонской ССР.

После взятия Таллинна войска 2-й ударной армии развернулись фронтом на запад и юго-запад и продолжали наступление. Основные силы эстонского корпуса также быстро продвигались вперед. 24 сентября подвижной отряд 249-й сд освободил Хаапсалу и Рохукюла, было взято несколько тысяч пленных и большие трофеи. На следующий день авангард 7-й сд под командованием майора В. Ханнула полностью овладел портом Виртсу. За десять дней сентябрьских боев к 26 сентября от оккупантов была очищена вся территория республики за исключением островов Моонзундского архипелага.

Корпус вел наступательные бои, им было уничтожено более 10 тыс. вражеских солдат и офицеров, более 4 тыс. человек было взято в плен. В виде трофеев в руках корпуса оказалось до 200 орудий и минометов, свыше тысячи пулеметов и автоматов, сотни вагонов с боеприпасами и снарядами. За успешное выполнение боевых заданий наименование Таллиннских было приказом Верховного Главнокомандующего 22 октября присвоено эстонскому стрелковому корпусу, 7-й сд, а также 45-му тп и действовавшему с корпусом 952-му сап. 249-я сд и 85-й кап были награждены орденом Красного Знамени. 221-му тп присвоено наименование Пярнуский. За отличные боевые действия около 20 тыс. солдат и офицеров корпуса получили боевые награды.

Десантная операция по освобождению четырех островов Моонзундского архипелага началась 27 сентября и длилась до 24 ноября 1944 г. Утром 27 сентября был освобожден остров Вормси, на который высадился десант морской пехоты, доставленной на остров из Палдиски на торпедных катерах.

Преодолевая сопротивление противника, войска 249-й сд в быстром темпе и с малыми потерями преодолели семикилометровый пролив Сур-Вяйн и к семи часам утра 30 сентября полностью освободили остров Муху. Но не удалось с ходу захватить дамбу, соединяющую Муху и Сааремаа. Отступающий враг взорвал ее в нескольких местах. Захват Муху с ходу стал для немецкого командования полной неожиданностью.

2 октября частями 109-й сд был освобожден Кярдла, а 3 октября – весь остров Хийумаа. Этим завершился первый этап Моонзундской десантной операции.

Начались длительные и кровопролитные бои за освобождение острова Сааремаа, главным образом, его укрепленной южной оконечности – полуострова Сырве.

Уже 3 октября командир корпуса принял решение о наступлении на Сааремаа с форсированием пролива Вяйке-Вяйн ночью одновременно двумя дивизиями – 7-й и 249-й. Одновременно с острова Хийумаа высаживалась 131-я сд из 109-го ск. Не встретив серьезного сопротивления со стороны противника, к середине дня 5 октября они продвинулись в глубину острова до десяти километров. К исходу дня советские войска прошли в глубь острова 20–25 км.

В течение дня 6 октября наступление продолжалось. На следующий день бойцы 7-й сд освободили город Курессааре. 8 октября воины 249-й и 131-й сд вышли на западное побережье острова. 9–12 октября наши войска ожесточенно атаковали позиции противника на Сырве. Попытка прорвать их с ходу успеха не имела.

На полуострове было построено несколько укрепленных полос. Их обороняли части 218-й и 23-й пд численностью до 12–14 тыс. человек. Сюда были также подведены значительные силы военно-морского флота противника – восемь эсминцев, сторожевые корабли, торпедные катера и тяжелый крейсер «Принц Эуген».

249-я сд была с захваченных позиций выведена, ее сменила 131-я сд 109-го ск, и с 20 октября управление боем на Сырве перешло к его командиру генерал-лейтенанту И.П. Алферову. К 21 октября

удалось прорвать лишь первый рубеж обороны, овладев узкой частью полуострова Сырве. На этом закончился первый этап освобождения островов Моонзундского архипелага.

Оценив обстановку, Военный совет 8-й армии принял решение о подготовке новой операции. После перегруппировки и пополнения войск 18 ноября был осуществлен фронтальный прорыв укрепленного оборонительного рубежа противника силами 249-й сд (еще 7 октября 7-ю сд передислоцировали в Таллин), 131-й и 109-й сд 109-го ск и 64-й гв. сд Ленинградского фронта. К исходу дня 19 ноября советские войска вышли к району Винтри – Ингенланди – Льюпуллу – Рахусте. Действиям сухопутных войск активно способствовали авиация и корабли Балтийского флота.

В 13 часов 23 ноября части 249-й сд перешли в наступление. Они расчленили оборону противника и к концу дня освободили Лаада и Кюлле. Вдоль юго-восточного берега Сырве наступали части 109-й и 64-й гв. сд. В 10 часов 24 ноября 249-я сд достигла южной оконечности полуострова, части 131-й сд освободили деревню Свалферот, 109-я сд вышла на побережье у Карьямы.

Только за последние четыре дня боев части 249-й сд уничтожили свыше 2200 гитлеровцев и захватили значительное число пленных.

После окончания боев на Сааремаа 249-я сд и другие части были выведены на материк. Здесь они получали и обучали пополнение, приводили себя в порядок после длительных боев.

24 ноября 1944 г. в честь освободителей Сааремаа – войск Ленинградского фронта, в том числе 8-го эстонского стрелкового корпуса а также моряков Балтийского флота – в Москве был дан салют 20 артиллерийскими залпами из 224 орудий.

В боях на острове Сааремаа отличился командир взвода 5-й роты 300-го полка младший лейтенант А. Аллик: со своим взводом он на весельных лодках первым форсировал пролив Вяйке – Вяйн шириной четыре километра и высадился на острове Сааремаа. В бою за деревню Кяру, после того как выбыл из строя командир роты, он взял на себя командование. Был ранен, но продолжал командовать действиями роты в бою. Были захвачены четыре миномета, два орудия и автомашина со снарядами. Плацдарм был удержан до подхода основных сил десанта.

При освобождении острова Муху совершил подвиг пулеметчик 1-й роты 925-го сп младший сержант Н.Н. Матяшин. Огнем из ручного

пулемета он вывел из строя прислугу орудия и двух пулеметов противника, чем обеспечил успешную высадку своей роты, которая прямо от берега пошла в наступление. Матяшин был ранен, но не покинул поля боя, пока десантники первого эшелона не закрепились на плацдарме.

В бою на острове Муху 29 сентября отличился командир взвода 925-го сп лейтенант А. Репсон. Когда завязался бой за плацдарм, он первым бросился в воду, под сильным огнем противника устремился к берегу, уничтожил команды огневых установок врага, что обеспечило успех действий его взвода. Репсон был ранен в обе руки, но остался в строю и продолжал командовать взводом до окончательного закрепления плацдарма.

При освобождении острова Муху во многих боях проявили мужество и героизм разведчики лейтенант Г. Соо, младший сержант Э.Ю. Тяхе⁶, ефрейтор П. Але, сержант П. Славин. За мужество в боях по освобождению Эстонской ССР 8796 командиров и солдат корпуса были награждены орденами и медалями.

8–18 декабря части корпуса несли оборону побережья Финского залива, строили здесь оборонительные позиции, вели занятия по боевой подготовке.

11–22 февраля 1945 г. корпус передислоцировался из Эстонии по железной дороге в Литовскую ССР (район Мажейкяй, Жидикяй) К 13 марта корпус вошел в состав 42-й армии (генерал-лейтенант В.П. Свиридов) 2-го Прибалтийского фронта и участвовал в боях против Курляндской группировки. На период этой операции в состав корпуса была введена 51-я гв. сд (полковник И.Ф. Пряхин).

42-я армия наступала на Салдус с юго-востока и востока силами 130-го латышского и 8-го эстонского ск. Эти корпуса оставляли ударную группировку армии, наступая на ее правом фланге. В полосе наступления эстонского корпуса оборонялись две пехотные дивизии, усиленные большим количеством тяжелой артиллерии и танками, а также бронепоездами. Эстонский корпус был усилен танками и артиллерией, располагал более 700 орудий и минометов.

17 марта части 7-й сд действовали успешно. Продвигаясь вперед на участке Пикули – Витени, они перерезали железную дорогу Елгава – Лиепая. Отбив контратаку противника, поддержанную огнем бронепоезда, части дивизии к исходу дня вышли на

подступы к Пикули и вклинились во вражескую оборону более чем на два километра. 249-я сд в этот день достигла озера Цицерес.

В течение 18 марта дивизии корпуса отбивали контратаки и продвижения не имели. В бою при освобождении железнодорожной станции Блидене в ночь на 18 марта совершил подвиг командир взвода 1-й роты 300-го полка 7-й дивизии лейтенант Я. Кундер, своим телом закрыв амбразуру.

Только 19 марта 121-й гв. сп 43-й гв. сд, отразивший перед этим три контратаки противника из района Пилсблидене, во взаимодействии с 300-м сп 7-й сд освободил станцию Блидене. В тот же день населенный пункт Каулаци был взят 27-м сп 7-й сд. К исходу дня 249-я сд, медленно продвигаясь, достигла шоссе Пакалны – Бринти. 21 марта в бой в полосе корпуса была введена 51-я гв. сд. К исходу дня в своем продвижении соединения корпуса вышли на подступы к Катарьяги и Викстраути в 9 км северо-восточнее Салдуса. Корпус прорвал к 21 марта две линии оборонительных позиций врага на фронте шириной около шести километров и глубиной около четырех. Были взяты господствующая высота с укрепленным пунктом Каулицас, участок дороги Ремте – Салдус.

7-я сд устремилась в глубину обороны противника в направлении Тапас, а 249-я сд – на Скайани. На эту линию корпус вышел к утру 23 марта. 24 марта 8-й эстонский стрелковый корпус получил приказ закрепиться на достигнутых рубежах и перейти к обороне. 4 мая эстонский корпус перешел в подчинение 1-й ударной армии (генерал-лейтенант В.Н. Разуваев). Ему предстояло участие в решающей майской операции по разгрому Курляндской группировки, начало которой было намечено на 9 мая.

Корпус с 9 по 13 мая 1945 г. вел операции по прочесыванию лесов севернее и восточнее Салдуса. Кое-где бойцы корпуса вели бои с отдельными вражескими группами, еще оказывавшими сопротивление, разоружали капитулировавших солдат и офицеров, собирали брошенную технику и вооружение. Части корпуса передали комендатурам и на специальные сборные пункты 7 немецких генералов, 54 600 солдат и офицеров, 58 танков, около 1100 орудий и минометов и много других трофеев. За героизм в ходе боев в Курляндии 7 тыс. воинов корпуса были удостоены правительственных наград.

Приказом Наркома обороны СССР 28 июня 1945 г. корпус был за проявленные героизм и отвагу, стойкость и мужество,

дисциплину, организованность и умелое выполнение заданий командования в боях с фашистскими захватчиками преобразован в 41-й гвардейский эстонский Таллинский стрелковый корпус, 7-я дивизия – в 118-ю гвардейскую эстонскую Таллинскую Краснознаменную стрелковую дивизию, 249-я дивизия – в 122-ю гвардейскую эстонскую Краснознаменную стрелковую дивизию. Пять бойцов корпуса за особые боевые заслуги удостоились в ходе войны звания Героя Советского Союза. Орденами и медалями за отвагу на полях сражений награждены 20 042 воина корпуса.

Победа досталась нелегко. Из личного состава корпуса получили ранения 19 600 человек. Из них в строй после выздоровления вернулись 70 %. Из общего числа раненых умерли только 1,5 %.

Таким образом, ввод в бой корпуса проводился только по специальному разрешению Верховного Главнокомандования. Принятию решения на этот счет предшествовали контакты с руководством ЭССР.

Корпус сражался в составе войск Калининского, 2-го Прибалтийского, Ленинградского фронтов. Он принял участие в освобождении городов Таллин, Великие Луки, Невель, Новосокольники, Нарва, Калласте, Муствеэ, Хаапсалу, Курессааре, пяти портов и более 4100 других населенных пунктов.

Эстонские национальные воинские части прошли с боями почти 900 км, а всего пешим порядком до 3030 км. Весь путь корпуса за время войны составил 7 тыс. км.

¹ Срок военного обучения для эстонских формирований был удлинён – он составил около десяти месяцев, что намного превышало тогдашнюю продолжительность обучения перед отправкой на фронт других соединений Красной армии. Военное обучение и политическая работа проводились в дивизии на эстонском языке.

² Обе эстонские стрелковые дивизии сосредоточились в Московской области: 7-я в районе Егорьевска, 249-я в районе Коломны.

³ К моменту отправки на фронт гвардейская дивизия из состава корпуса была.

⁴ Например, в 249-й эстонской стрелковой дивизии воевали 67 эстонских шведов.

⁵ Эстонцы командовали и были политработниками в звеньях: корпус – дивизия – полк. Последующие боевые действия неизбежно вносили изменения в командный состав, но при этом всегда соблюдался принцип: должности в эстонских воинских частях замещались прежде всего эстонцами.

⁶ 2 января 1952 г. лишен звания Героя Советского Союза (осужден).

Т.Н. Ильина (Санкт-Петербург)

МЕДАЛИ, КОТОРЫЕ НОСИЛ И.И. ДИБИЧ

Генерал-фельдмаршал кавалер ордена святого Георгия четырех степеней¹ граф Иван Иванович Дибич-Забалканский – личность широко известная. Дибичи – графский и баронский род, происходивший из Силезии. Родоначальник – Фридрих фон Девич или Дибич (v. Dewitsch, Diebitsch) – был в 1435 г. гроссмейстером герцога Людвиг II Лигницкого. Николай Готфрид фон Дибич в 1732 г. был возведен в графское достоинство Богемского королевства. Его внук барон Ганс Эренфрид (Иван Иванович) Дибич (1737–1822) воспитывался в Берлинском кадетском корпусе, служил в прусской армии, отличился в Семилетней войне. Во время войны за Баварское наследство (1778) состоял адъютантом при Фридрихе Великом. В 1798 г. перешел на русскую службу, был зачислен в свиту Павла I, получил чин полковника, но затем впал в немилость, уволен от службы. Позднее, по ходатайству Великого князя Александра Павловича, был

Генерал-адъютант граф И.И. Дибич. Борель с картины Дау. Литография Мюнстера, С.-Петербург. Из собрания 148-го пехотного Каспийского полка. Инв. № 1/1508

возвращен на службу, произведен в генерал-майоры. С 1800 г. состоял при 1-м Кадетском корпусе для воспитания племянника императрицы Марии Федоровны принца Евгения Вюртембергского². В 1811 г. был назначен директором 1-го Кадетского корпуса, затем начальником Сестрорецкого оружейного завода. Автор трудов по военному делу³.

Его сыном и являлся знаменитый российский генерал-фельдмаршал Иван Иванович (Иоганн Карл Фридрих Антон) Дибич-Забалканский (1785–1831), которому суждено было прожить только 45 лет. Как и отец, юноша воспитывался в Берлинском кадетском корпусе, из которого отец забрал его в 1801 г. для определения на русскую службу. Король Пруссии неохотно отпустил талантливого юношу. По приезде в Россию в том же был определен в Лейб-гвардии Семеновский полк, усердно совершенствовал свое военное образование и русский язык. По словам знавшего его генерал-лейтенанта Дениса Васильевича Давыдова (16.07.1784–23.04.1839), Дибич брал уроки у майора Генерального штаба Торри. В составе Лейб-гвардии Семеновского полка участвовал в кампаниях 1805, 1806–1807 гг., заслужив за боевые отличия золотое оружие «За храбрость», орден св. Георгия 4-й ст. В 1810 г. перешел в свиту Его Императорского Величества на службу по многоуважаемой и мудрой квартирмейстерской части. Обер-квартирмейстером в корпусе графа П.Х. Витгенштейна участвовал в Отечественной войне 1812 г. За отличие при штурме Полоцка был награжден орденом св. Георгия 3-й ст. За «блистательную распорядительность, оказанную в Кульмском сражении», генерал-квартирмейстер Дибич был удостоен ордена св. Владимира 2 ст. За отличие в битве под Лейпцигом Александр I произвел его в генерал-лейтенанты, а за взятие Парижа пожаловал орден св. Александра Невского. В начале 1815 г. И.И. Дибич женился на племяннице князя Барклая-де-Толли баронессе Жени Торнау. В 1821 г. Александр I взял его с собой на Лайсбахский конгресс, и с этого времени Иван Иванович Дибич стал неразлучным спутником императора. С 1824 г. он – начальник Главного штаба, генерал-адъютант. Сопровождал императора Александра I в путешествии, присутствовал при его кончине в Таганроге. В 1827 г. генерал от инфантерии И.И. Дибич был возведен в графское достоинство. Во время Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. он находился в действующей армии. За взятие Варны в сентябре 1828 г. награжден орденом св. Андрея Первозванного, позднее, в августе

1829 г., получил алмазные знаки этого ордена. 9 февраля 1829 г. был поставлен во главе русской армии на Балканском полуострове. За победу при Кулевче награжден орденом св. Георгия 2-й ст. После подписания победного Адрианопольского мира был удостоен ордена св. Георгия 1-й ст., чина фельдмаршала, титула Забалканского, его жена – графиня Анна (Жени) Егоровна – пожалована в статс-дамы. (Анна Егоровна умерла в марте 1830 г. на 31-м году жизни. Ее ранняя смерть надломила любящего Ивана Ивановича, оставшегося в 45 лет бездетным вдовцом.)

Во время польского мятежа 1830–1831 г. И.И. Дибич вновь встал во главе действующей армии. 13 февраля 1831 г. разгромил поляков под Гроховым. В ночь на 29 мая 1831 г. в селе Клещеве близ Пултуска Иван Иванович скончался от холеры. После бальзамирования тело было морем отправлено в Петербург.

29 августа 1831 г. государь император Николай Павлович утвердил церемониал встречи и погребения тела генерал-фельдмаршала. Распоряжения по погребению были возложены на действительного статского советника Ахлопкова. Из придворной конторы ему отпустили «печальную колесницу, на коей привезено было в Санкт-Петербург тело Государя Цесаревича⁴, но без балдахина» а также верховых лошадей и экипаж «по церемониалу»⁵. 11 сентября 1831 г. Николай I специально прибыл из Царского Села в Петербург для участия в похоронах. Он встречал процессию, прибыв «к въезду, ведущему из Московской ямской прямо по Лиговскому каналу через двор деревянной казармы, принадлежащей Правлению путей сообщения»⁶.

Погребен Иван Иванович Дибич в Петербурге на Волковском лютеранском кладбище.

Оценки его личности были спорны, неоднозначны: «При неоспоримо высоком военном даровании Дибича, ему недоставало качеств, которые привлекают и греют сердца солдат. При этом ему недоставало внешних достоинств полководца: маленькая приземистая фигура, короткая шея, безобразно большая голова, темно-багровое лицо, длинные рыжие волосы, грубый, крикливый голос и неряшество в одежде, доходившее до неопрятности»⁷.

В этой характеристике сказывается явное отсутствие симпатии к фельдмаршалу. Сохранились и другие оценки: «Лицо некрасивое, но останавливающее на себе невольное внимание присущим ему выражением энергии и ума. Взгляд живой, быстрый и чрезвычайно

проницательный. Характер вспыльчивый до самозабвения, но и также быстро отходчив. За кипучесть нрава одно высокопоставленное лицо дало ему меткое прозвище “самовара”. Сердце Дибича было чрезвычайно доброе и справедливое. Граф был очень религиозен, добр и внимателен к подчиненным. Замечательно образован»⁸.

Но, в данном случае, не личность Ивана Ивановича Дибича является предметом нашего рассмотрения.

Колодка с медалями И.И. Дибича

Волею судеб в музейном собрании оказался уникальный памятник жизни и деятельности фельдмаршала: принадлежавшая ему колодочка с тремя миниатюрными медалями. Их размер и облик говорят о том, что перед нами изготовленные в частной мастерской «фрачные знаки» – уменьшенные копии серебряной и бронзовой медалей «В память Отечественной войны 1812 года» и серебряной медали «За взятие Парижа 19 марта 1814».

Теперь уже довольно трудно проследить путь медалей в музей. В Шепелевском доме Зимнего дворца хранились бумаги И.И. Дибича. Николай I поручил разобрать их генерал-лейтенанту Федору Федоровичу Шуберту⁹, генерал-адъютанту (1828) графу Владимиру Федоровичу Адлербергу¹⁰ и одному из генералов Главного штаба. Оказалось, что в Шепелевском доме хранились не только бумаги Ивана Ивановича, но и его вещи. Для составления описи определили коллежского асессора Верта и одного из адъютантов Главного штаба. Наблюдение за этой работой поручили генерал-майору Тизенгаузену и племяннику покойного Дибича флигель-адъютанту Его Императорского Величества ротмистру барону Карлу Карловичу фон Притвицу¹¹. Ротмистр К.К. Притвиц составил реестр тем вещам дядюшки, которые хранились у него, и попросил принять их, так как скоро должен уехать в полк. Их приняли и сложили в комнате в Шепелевском доме, где собрали все, что некогда принадлежало И.И. Дибичу.

Прошло два года. Комната в Шепелевском доме, где продолжали хранить вещи Дибича, понадобилась, ее попросили освободить. В декабре 1832 г. император уволил избранных еще самим Иваном Ивановичем душеприказчиков от исполнения лежавших на них по духовному завещанию обязанностей. Наследникам было дано право избрать других лиц в качестве попечителей. В результате Николай I утвердил попечителями генерал-адъютанта генерала от инфантерии графа К.Ф. Толя (1777–1842), генерала от кавалерии графа А.Х. Бенкендорфа (1783–1844) и сенатора тайного советника И. Журавлева. Они-то и приступили к разделу хранящихся в комнате Шепелевского дома вещей Дибича между наследниками¹².

Трудно сказать, была ли среди этих вещей И.И. Дибича в Шепелевском доме колодочка с миниатюрными фрачными медалями. Надписи на картонке, на которой укреплена колодка, сделаны умелой рукой хорошего писаря. Заголовок вверху гласит: «Медали, которые носил Г.Ф. Дибичь до 1828 года. Получены отъ Г.Л. Мендештерна». Внизу указано место хранения в музее: «Отделъ Императора Александра I^m». Размер картонки 179 x 209 мм. Вверху в два отверстия продет шнурок зеленого цвета, с помощью которого колодочка закреплена на картоне. Как видим, медали И.И. Дибича посчитали большой реликвией, раз поместили их в отдел, где хранились императорские вещи.

Кто же передал их? Обладатель хорошего почерка, вероятнее всего, ошибся в написании фамилии дарителя. Генерал-лейтенанта Мендерштерна не было, зато был генерал-лейтенант Мандерштерн, даже трое с такой фамилией. Три брата Мандерштерна дослужились до звания генерал-лейтенанта: Карл Егорович, Август Егорович и Евгений Егорович.

Старший брат Карл Мандерштерн (1785–1863) окончил в 1805 г. 2-й кадетский корпус. В сражениях 1805–1807 гг. отличился под Аустерлицем, Прейшиш-Эйлау, Фридландом. Во время войны против Турции участвовал в штурме Браилова, взятии Мачина, осаде Силистрии, штурме Базарджика, отличился под Шумлой и Рущуком. В Отечественную войну 1812 г. – обер-квартирмейстер 8-го корпуса. Отличился при Бородине, Тарутине, Малоярославце, Красном... Участник Заграничного похода 1813–1814 гг., штурма Парижа. Затем – обер-квартирмейстер Гвардейского корпуса, командир бригады в 3-й, затем в 1-й пехотной дивизии. Командовал отрядами при подавлении польского восстания 1830–1831 гг. С 1831 г. – генерал-лейтенант, командир 1-й пехотной дивизии, которой командовал восемь лет. В 1846 г. – генерал от инфантерии, с 1852 г. – комендант Санкт-Петербургской крепости¹³.

Мандерштерн Евгений (1796–1866) – участник Отечественной войны 1812 г., заграничных походов. В 1824–1828 гг. состоял для особых поручений при генерал-губернаторе новороссийском и наместнике Бессарабской области графе М.С. Воронцове. С 1844 г. – генерал-майор, комендант Динамюндской крепости. С 1853 – генерал-лейтенант. Уволен в 1855 г.

И, наконец, Август – окончил в 1808 г. Морской корпус. Офицер флота. С 1819 г. – офицер Лейб-гвардии Павловского полка. 1823 г. – полковник, 1831 г. – генерал-майор, 1844 г. – генерал-лейтенант. Участник польской кампании 1830–1831 гг. Командир 1-й бригады 3-й гренадерской дивизии. На службе по 1846 г.¹⁴

Какой же из трех братьев мог хранить у себя, а потом передать в музей медали И.И. Дибича?

Можно предположить, что передал медали Карл Егорович как человек более близкий Дибичу из всех братьев. Ровесник Дибича, он также служил по квартирмейстерской части. Вместе они сражались при Дрездене, Кульме, Лейпциге. В 1831 г. командир отряда К.Е. Мандерштерн после занятия города Августова соединился с главными силами Гренадерского корпуса и возглавил корпусной

авангард. Под общим командованием Дибича сражался при Остроленке. Предположение, что именно он сохранил медали заболевшего И.И. Дибича, а затем передал их в музей, вполне допустимо.

Надпись на картонке с укрепленными на ней медалями гласит, что И.И. Дибич их носил до 1828 г. Может быть, Иван Иванович снял их, отправляясь на театр военных действий против турок, чтобы не раздражать окружающих, прежде всего любящего порядок императора, неуставными, изготовленными не на Монетном дворе, знаками?

Серебряная медаль «В память Отечественной войны 1812 года» для награждения воинских чинов, ополченцев, медицинских чинов и священников, участников боевых действий против неприятеля в 1812 г. до 1 января 1813 г., была учреждена приказом от 5 февраля 1813 г., подписанным Александром I в Клодове (Польша). Фундаментальное исследование, посвященное созданию медали, было опубликовано В.В. Бартошевичем¹⁵. Основываясь на архивных источниках, автор обоснованно предположил, что идея рисунка принадлежала самому Александру I: «...на одной стороне должно быть изображено око провидения и достолавный 1812 год, а на другой портрет мой»¹⁶. Под первоначальным рисунком А.А. Аракчеев написал: «Высочайше утвержен 15 марта 1813 г.»¹⁷ Над эскизами и штемпелями работали главный медальер Монетного двора К. Леберехт и старший медальер К. Мейснер. 29 мая 1813 г. Александр I, рассмотрев варианты медали, приказал вместо своего портрета поместить надпись «не нам, не нам, а имени твоему», что привело к замене сторон медали. Сторона с изображением всевидящего ока стала лицевой, а с надписью «не нам, не нам, а имени твоему»¹⁸ – оборотной. Это приказание императора весьма согласовывалось с высочайшим манифестом, данным им в Париже 18 мая 1814 г.: «Всемогущий положил предел бедствиям. Мы, благоговея перед Господом, подателем всех благ, возсылая благодарственное моление из глубины души Нашей, повелеваем: да во всем пространстве Империи Нашей принесется торжественное молебенствие милосердному Богу. Уверены Мы, что Россия падет на колена и прольет слезы радости у Престола Всещедрого»¹⁹.

Д.И. Петерс выявил неизвестные ранее архивные источники, которые позволили дополнить опубликованные В.В. Бартошевичем сведения. Дмитрий Игоревич обнаружил в архиве записку императрицы Елизаветы Алексеевны, «из которой следует, что,

возможно, придворный медальер Карл Александрович Леберехт и подал императору идею о создании именно такой медали»²⁰. В записке Елизавета Алексеевна просила зайти президента Академии художеств А.Н. Оленина, чтобы обсудить проект новой медали, которую задумал отчеканить К. Леберехт. Ей же проект не понравился²¹.

Высочайший указ об изготовлении серебряных медалей последовал 16 марта 1816 г. Их чеканил Монетный двор из серебра 83¹/₃ пробы диаметром 1¹/₈ дюйма (28,6 мм).

В исследовании Д.И. Петерса опубликованы дополнительные сведения: медали диаметром 28,6 мм предназначались для награждения нижних чинов. Для награждения же офицеров чеканили медали диаметром 34 мм²². Сведения о медалях для офицеров такого большого диаметра требуют внимательного рассмотрения, поскольку самих медалей в опубликованных собраниях музеев и частных лиц не встречается²³. В коллекции ВИМАИВиВС (Артиллерийского музея) также нет медалей диаметром 34 мм. В конце данного исследования мы приводим изображения медалей из собрания Артиллерийского музея. До сих пор считалось, что «на Санкт-Петербургском монетном дворе находились штемпеля “медалей 1812 года” двух видов. Ими можно изготовить только медали диаметром 28,6 и 23,8 мм»²⁴. Речь идет о медалях как серебряных, так и бронзовых. О бронзовых медалях диаметром 23,8 мм рассказано ниже.

Серебряных наградных медалей на Санкт-Петербургском монетном дворе изготовили более 260 тысяч. Они пользовались огромной популярностью и были почитаемы во всех слоях русского общества²⁵.

Медаль «В память Отечественной войны» из темной бронзы для награждения отцов или старейшин дворянских семейств, а также купцов, содействовавших победе в Отечественной войне, была учреждена манифестом от 30 августа 1814 г.:

«...4. Благородное дворянство Наше, верная и крепкая ограда Престола, ум и душа народа, издревле благочестивое, издревле храброе, издревле многократными опытами доказавшее ничем ненарушимую преданность и любовь к Царю и Отечеству, наипаче же ныне изъяслявшее беспримерную ревность щедрым пожертвованием не токмо имуществ, но и самой крови и жизни своей, да украсится бронзовою на Владимирской ленте медалью с тем самым

изображением, каковое находится уже на медали, учрежденной на 1812 год. Сию бронзовую, крепости их сообразную, медаль да возложат на себя отцы или старейшины семейств, в которых, по смерти носивших оную, остается она в сохранении у потомков их, яко знак оказанных в сем году предками их незабвенных заслуг Отечеству.

5. Именитое купечество, принимавшее во всеобщей ревности и рвении знатное участие, да примет из уст Наших благоволение и благодарность. В ознаменование же тех из них, которые принесли отличные и важные заслуги, повелим Мы рассмотреть оные и по представлении вознаградим их тою же бронзовою, о которой выше упомянуто, медалью, на ленте ордена Святыя Анны»²⁶.

Разработанные Сенатом правила награждения купечества были обнародованы его указом от 31 марта 1817 г. «с прописанием высочайше утвержденного положения Комитета Министров о правилах раздачи бронзовых медалей купечеству с приложением формы акта, при коем они должны быть раздаваемы. Медали должны быть носимы теми, кто из купечества Правительствующим Сенатом удостоен будет, на немецком или русском платье в петлице на левой стороне»²⁷.

Рисунок бронзовых медалей был таким же, как серебряных, их чеканили тем же штемпелем. Дворяне носили медаль на владимирской ленте, представители купеческого звания – на аннинской. Всего на Санкт-Петербургском Монетном дворе было изготовлено 64 662 бронзовых медали диаметром 28,6 мм и 7606 бронзовых медалей диаметром 23,8 мм²⁸.

Бронзовые медали разрешалось носить награжденным дворянам обою пола, по своему усмотрению, стандартного или уменьшенного размера. Именной указ, объявленный Сенату министром юстиции, гласил: «...дозволить старейшим в дворянском роде женского пола, имеющим или не имеющим детей, кто желает носить обыкновенным образом бронзовые медали в память 1812 года установленные, не запрещая употребления их и в уменьшенном противу настоящих виде. Что же надлежит до дозволения носить оные в уменьшенном виде, то сие относится на всех вообще Дворян, как мужеского, так и женского пола»²⁹. Поэтому Монетный двор уже с 1816 г. начал их изготавливать двух указанных выше размеров³⁰.

Но по заказам частных лиц началось изготовление медалей разными мастерскими в таких больших количествах, что 11 сентября

1814 г. вышло постановление комитета министров, запрещающее всем золотых, серебряных и бронзовых дел мастерам изготавливать наградные и памятные нагрудные медали. Комитет министров рассмотрел и утвердил записку «Главнокондирующего в Санкт-Петербурге», которая гласила: «Разного рода медали выходят в продажу от мастеров золотых и серебряных дел, не считающих делание оных запрещенным, а через то могут те медали приобретать лица, которым носить их не следует, и происходят другие злоупотребления. Я полагаю объявить здесь через полицию всем золотых, серебряных и бронзовых дел мастерам с подписками, чтоб они отнюдь не имели штемпелей для вытеснения медалей, жалюемых за отличие или в награду или в знак незабвенной памяти случая, и оных медалей из какого бы то ни было металла, ни вытеснением штемпелями, ни вырезанием от руки, ни чеканкою не делали и не продавали, под опасением строжайшего взыскания: ибо все медали, устанавливаемые и жалюемые, нигде больше выбиты быть не могут, как на Монетном дворе. В магазинах, серебряных рядах и лавках о непродаже помянутых медалей также учинить подтверждение. Равномерно запрещение сделать как в Москве, так и повсеместно»³¹. Позднее, в 1837 г. запрет был подтвержден.

Колодка с медалями Дибича является одним из подтверждений того факта, что частные фирмы продолжали изготавливать медали, несмотря на запреты.

Весьма интересен и подбор миниатюрных медалей, которые Иван Иванович Дибич заказал мастеру. Он носил в колодочке две миниатюрные копии медалей «В память Отечественной войны 1812 года»: серебряную и бронзовую. Серебряную – в знак того, что был награжден серебряной медалью как участник сражений. А бронзовую медаль – на основании манифеста от 30 августа 1830 г., текст которого был приведен выше. Поскольку Правительствующий Сенат, претворяя в жизнь положения этого манифеста, «встретил сомнения», кто же из дворян имеет право на медаль «В память Отечественной войны 1812 года», он обратился в комитет министров и к министру юстиции. Принятое решение было объявлено сенатским указом от 12 апреля 1815 г. На получение бронзовой медали имели право практически все дворяне: «1. При живом отце сыновья отдельные и имеющие свои семейства. 2. Из братьев, у коих нет в живых отца, каждый имеющий наследственную

недвижимую собственность, несмотря на то, есть у них семейство или нет. 3. Не внесенные в Дворянскую родословную книгу, но имеющие собственность, в деревнях и домах заключающуюся. 4. Дворяне, не служившие и не имеющие чинов, участвовавшие в пожертвованиях по домам своим или пожертвованиям. 5. Дворяне несовершеннолетние, состоящие под опекою, у коих в роде нет старше их. 6. Служащие военные чиновники, имеющие недвижимую собственность или внесенные только в Дворянскую родословную книгу. 7. Но из числа Дворян, бывших под судом, имеют право на получение медали только те, кои судом оправданы...»³²

Из военных чиновников, находившихся в отставке, гражданских чиновников восьмого и высших классов, за которыми не значились недвижимые имущества и которые не были внесены в дворянскую родословную книгу, а также личные дворяне получали медали только в тех случаях, если участвовали в пожертвованиях. Не получали бронзовых медалей и дворяне, находившиеся в духовном сане (для них был учрежден особый знак), а также те, кто приобрел дворянство после 1812 г.

Поэтому ношение двух медалей – серебряной и бронзовой – не являлось редкостью. При внимательном рассмотрении портретов героев Отечественной войны 1812 г., можно увидеть много примеров ношения двух медалей в память Отечественной войны 1812 г. одновременно.

Обратимся к портрету генерала П.Д. Киселева работы Крюгера 1851 г. (холст, масло), хранящемуся в Государственном Эрмитаже. Портрет был опубликован в каталоге великолепной выставки произведений Франца Крюгера³³. В колодке на груди Павла Дмитриевича располагались серебряная медаль «В память Отечественной войны» на андреевской ленте, затем серебряная медаль «За взятие Парижа» на андреевско-георгиевской ленте, а вслед за ней бронзовая медаль «В память Отечественной войны» на владимирской ленте.

Другие примеры мы видим на ряде графических портретов.

На груди Ф.Ф. Эртеля (см. рис. на с. 250) – звезды орденов св. Александра Невского, св. Станислава. На шее – знак ордена св. Георгия 3-й ст. По борту знаки орденов св. Анны, св. Владимира, св. Иоанна Иерусалимского. Две медали «В память Отечественной войны 1812 года»: серебряная и бронзовая.

Генерал от инфантерии Федор Федорович Эртель³⁴ (1768–1825).

С декабря 1812 по 1815 гг. – военный генерал-полицмейстер 1-й армии. Издание:

«Литография Песоцкого, управляемая Геритом». 1820 г. Инв. № 1/3821. Из библиотеки Раевских

Генерал-майор Алексей Адрианович Протасов (1780–1833). С 1812 г. – командир Сводного кирасирского полка, с 1813 г. – Лейб-гвардии Конного полка. Ключвин. Литография Песоцкого, управляемая Геритом. 1820 г. Инв. № 1/3885. Из библиотеки Раевских

Генерал от инфантерии Александр Яковлевич Рудзевич (1776–1829). С 1811 г. – шеф 22-го егерского полка, с 1813 г. – командир егерской бригады, начальник авангарда корпуса генерала Ланжерона, затем авангарда левого крыла Силезской армии. Литография Песоцкого. 1820 г. Инв. № 1/3873

На груди генерала А.А. Протасова – ордена св. Владимира, св. Георгия, знаменитый Кульмский крест. В колодке за крестом св. Георгия 4-й ст. (1812) расположились две медали «В память Отечественной войны 1812 года»: светлая на андреевской и более темная на владимирской лентах.

На груди генерала А.Я. Рудзевича изображены звезды и кресты орденов свв. Александра Невского, Георгия 2-й ст. (1814), Владимира 2-й ст., звезда ордена Серафимов – высшего ордена королевства Швеции. В колодочке две медали – «В память Отечественной войны 1812 года» светлая на андреевской и бронзовая на владимирской лентах.

Но вернемся к рассмотрению фрачной колодочки И.И. Дибича. Наличие рядом с двумя медалями «В память Отечественной войны» миниатюрной медали «За взятие Парижа 19 марта 1814» позволяет уточнить время изготовления этой колодочки. Медаль «За взятие Парижа 19 марта 1814» была учреждена 30 августа 1814 г.: «Победоносное воинство Наше, которого храбрость и прежде, даже и в самые отдаленные времена всему свету была известна, и которое ныне новыми подвигами своими не токмо Отечество свое, но и всю Европу спасло и удивило, да вкусит сладкую награду в душе и совести своей. Всякое иное возмездие не сравнится с делами его и доблестию. Но Мы, однакож, в знак памяти содеянного им великого происшествия, желаем ознаменовать оное особою учрежденною для него медалью, с изображением на оной года и числа вступления в Париж»³⁵.

Вручение медалей происходило с 19 марта 1826 г. по 1 мая 1832 г.³⁶ За это время было выдано 150 тысяч медалей.

Если верить надписи на картонке, в 1828 г. Иван Иванович Дибич свою колодочку уже снял. Следовательно, можно предположить, что носил он ее недолго: с 1826 г. менее двух лет.

Прежде чем приступить, наконец, к описанию нашего уникального памятника, следует напомнить существующее мнение о том, что миниатюрные ордена и медали являются не наградами, а «фрачными знаками», лишь указывающими на то, что их владелец награжден настоящей медалью³⁷, хотя, думается, Иван Иванович Дибич мог носить их не только на фраке. А теперь о самой колодке.

Колодка изготовлена из куса плотной коричневой кожи в форме трапеции с выпуклыми боковыми сторонами. Высота по левому краю = 22 мм, по правому = 23 мм. Длина колодки по верху = 53 мм,

по низу = 48 мм. Три медали пришиты к колодке плотными суровыми нитями. Ленты двух крайних медалей ветхие, что объясняется не только давним временем бытования, возможным пребыванием под солнечными лучами, но, прежде всего, тем, что с обратной стороны прямо к лентам пришиты мощные для такой миниатюрной колодочки металлические крючки, с помощью которых колодка и крепилась к мундиру. Шелковые ленты не выдерживали нагрузки.

1. Медаль «В память Отечественной войны 1812 года».

Серебро 750 пробы (медаль, ушко, кольцо). Вес серебра в лигатуре = 6,0 г.

Д = 20,9 мм. Высота с ушком = 24,8 мм. На голубой андреевской ленте шириной = 22 мм. Лента этой медали самая ветхая. С ушком и кольцом. Ушко поперечное, выпуклое.

Лицевая сторона. Всевидящее око в сиянии на 14 длинных лучей. Внизу полукругом: «1812 годъ» (без точки).

Оборотная сторона. Надпись в четыре строки: «не намъ, не намъ, а имени твоему». Бортик у медали разной ширины: на лицевой стороне справа = 1,5 мм, слева = 1 мм. На оборотной стороне справа = 1,8 мм, слева = 1 мм. К ленте с оборотной стороны пришит металлический крючок.

2. Медаль «В память Отечественной войны 1812 года».

Темная бронза, чернение.

Д = 20,9 мм. Высота с ушком = 24,5 мм. На владимирской ленте шириной = 22 мм, ширина черных полос по 6 мм, красной полосы = 10 мм. С ушком и кольцом. Ушко поперечное, выпуклое.

Описание сторон аналогично серебряной. Бортик у медали разной ширины: на лицевой стороне справа = 1,5 мм, слева = 1 мм. На оборотной стороне справа = 1,8 мм, слева = 1 мм.

3. Медаль «За взятие Парижа 19 марта 1814».

Серебро 750 пробы (медаль, ушко, кольцо). Вес серебра в лигатуре = 6,0 г.

Д = 22 мм³⁸. Высота с ушком = 25 мм. На совмещенной андреевско-георгиевской ленте шириной = 21 мм (ширина андреевской ленты = 11 мм, георгиевской = 10 мм). С ушком и кольцом. Ушко поперечное, выпуклое.

Лицевая сторона. Вверху всевидящее око в сиянии, под ним в лучах четкое рельефное портретное изображение Александра I вправо в лавровом венке.

Оборотная сторона. По окружности лавровый венок. В четыре

строки надпись: «За взятие Парижа 19 марта 1814». К ленте с оборотной стороны пришит металлический крючок. Общая масса колодки = 20,82 г. Недрагоценный металл (крючки, бронзовая медаль), кожа, ленты = 8,82 г.

Инвентарный номер колодки 20/5587.

А теперь для сравнения с медалями И.И. Дибича приведем изображения других медалей «В память Отечественной войны 1812 года» и «За взятие Парижа 19 марта 1814» из собрания нашего

музея. При этом необходимо отметить, что утверждение А. Подмазо, на статью которого мы уже ссылались в данном исследовании, будто «надпись на медалях монетного двора “не намъ, не намъ, а имени твоему” образует идеальный квадрат»³⁹ ошибочно. Это показали результаты измерения надписей не только на медалях в собрании ВИМАИВиВС, но и на медалях, опубликованных в его же статье.

Колодка с наградами Дениса Васильевича Давыдова (1784–1839) из музея Лейб-гвардии Кексгольмского полка.

1. Орден св. Георгия 4-й ст., который Д.В. Давыдов получил за лихие партизанские действия в 1812 г.

На георгиевской ленте. С ушком без кольца. Ушко параллельное, плоское. Эмаль медальона с лицевой стороны розового цвета.

41 x 36 мм. Золото 583 пр., эмаль, медь (пластинка под эмалью в медальоне).

2. Крест «За сражение при Прейсиш-Эйлау».

На георгиевской ленте. С ушком без кольца. Ушко параллельное плоское. Пришит оборотной стороной, очевидно потому, что розетка с лицевой стороны утрачена. Крест, ушко – серебро 875 пр., позолота.

3. Медаль «За взятие Парижа 19 марта 1814».

На андреевско-георгиевской ленте (андреевская лента слева).

С ушком и кольцом. Ушко поперечное длиной 4 мм. Д = 24 мм.

Медаль, ушко – серебро 875 пр. Кольцо – серебро 600 пр.

4. Медаль «В память Отечественной войны 1812 года».

На андреевской ленте. С ушком и кольцом. Ушко поперечное круглое. Кольцо зашито лентой. На лицевой стороне сияние на 18 длинных лучей. Надпись «1812 годъ» без точки. Д = 22 мм. Медаль, ушко – серебро 875 пр.

5. Медаль «За персидскую войну 1826, 1827, 1828».

На георгиевско-владимирской ленте. Пришита оборотной стороной.

С ушком и кольцом. Ушко поперечное круглое. Кольцо зашито лентой. Д = 21,5 мм. Медаль, ушко – серебро 875 пр.

Общая масса колодки = 48,6 г. Инв. № 20/4210.

Жизнь колодочки с наградами «красноречивого забияки, повесы, пламенного поэта» Дениса Васильевича Давыдова была счастливой и безоблачной, пока она хранилась в специальной нише, сделанной в кожаной раме, в которую был оформлен портрет знаменитого героя Отечественной войны 1812 г. Портрет был подарен Лейб-гвардии Кексгольмскому полку и хранился в его богатейшем музее. После революции 1917 г. началась ломка старой армии, слияние полковых музеев. Сейчас невозможно установить, кто и зачем извлек колодочку из портретной рамы, где она потом мыкала горе. По ее состоянию видно, что судьба ей выпала нелегкая. В Артиллерийском музее, куда она поступила в 1937 г., она многие годы находилась на экспозиции, что также не улучшало состояния колодки – прежде всего, шелковых лент. Теперь, после всех страданий, колодочка с наградами Д.В. Давыдова отдыхает в фонде в тишине и покое.

Медаль «В память Отечественной войны 1812 года».

Серебро 875 пр. Д = 28,6 мм. Ушко параллельное. Надпись «1812 годъ» без точки. Бортик = 1,5 мм. Инв. № 20/5598-5.

Медаль «В память Отечественной войны 1812 года».
На андреевской ленте. Серебро 875 пр. Д = 28,8 мм. Ушко параллельное. Надпись «1812 годъ.» с точкой. Из собрания Великого князя Михаила Николаевича. Инв. № 20/2340-1

Медаль «В память Отечественной войны 1812 года».
Серебро 875 пр. Д = 28,6 мм. Ушко параллельное. Без кольца. Надпись «1812 годъ» без точки. Из музея Кавалергардского полка.
Эта медаль в составе коллекции из двадцати одной медали хранилась в музее полка в красивой деревянной витрине на бархатной подушечке. Инв. № 20/3047-1

Медаль «В память Отечественной войны 1812 года». На владимирской ленте. Бронза, чернение. Д = 28,6 мм. Ушко параллельное. Надпись «1812 годъ.» с точкой. Из собрания Великого князя Михаила Николаевича. Инв. № 20/2340-2

Медаль «В память Отечественной войны 1812 года». Бронза. Д = 23,5 мм. Ушко поперечное, круглое. Надпись «1812 годъ» без точки. Из собрания Великого князя Михаила Николаевича. Инв. № 20/96

Медаль «В память Отечественной войны 1812 года».
Бронза. Д = 26 мм. Ушко поперечное. Надпись «1812 годъ»
без точки. На владимирской ленте. Ширина полос 7 x 11 x 7 мм.
Из собрания генерала В.С. Комарова. Инв. № 20/3005

Медаль «За взятіе Парижа 19 марта 1814».
На андреевско-георгиевской ленте. Серебро 875 пр. Д = 28,6 мм.
Ушко поперечное, круглое. Из собрания Великого князя Михаила
Николаевича. Инв. № 20/2340-3

IX. Медаль «За взятие Парижа 19 марта 1814».
Серебро 875 пр. Д =12,2 мм. Ушко параллельное,
плоское, кольцо разъемное.

Из музея Кавалергардского полка. Эта медаль в составе коллекции из двадцати одной медали хранилась в музее полка в красивой деревянной витрине на бархатной подушечке. Инв. № 20/3047-20

¹ Кавалерами ордена св. Георгия всех четырех степеней со времени учреждения ордена в 1769 г. являлись только четверо: И.И. Дибич; И.Ф. Паскевич (за отличия в Русско-турецкую войну 1806–1812 гг. – ордена св. Георгия 4 и 3 ст., за взятие Эривани в Русско-персидскую войну 1826–1828 гг. – орден св. Георгия 2 ст., за взятие Эрзерума в Русско-турецкую войну 1828–1829 гг. – орден святого Георгия 1 ст.); М.И. Голенищев-Кутузов (в 1774 за бой у Шумлы – орден св. Георгия 4 ст., в 1791 г. за взятие Измаила и победу при Мачине – ордена св. Георгия 3 и 2 ст., в 1812 за поражение и изгнание неприятеля из пределов России – орден св. Георгия 1 ст.); М.Б. Барклай-де-Толли (в 1794 за взятие Вильны и истребление близ Гродно отряда Грабовского – орден св. Георгия 4 ст., в 1806 за отличие под Пултуском – орден св. Георгия 3 ст., в 1812 за отличие в Бородинском сражении – орден св. Георгия 2 ст., в 1813. за отличие в сражении под Кульмом орден св. Георгия 1 ст.).

² Вюртембергский Евгений-Фридрих Карл Павел Людви (1788–1857). Племянник императрицы Марии Федоровны (супруги императора Павла I). На русской службе с 1797 полковником Лейб-гвардии Конного полка. 1799 – генерал-майор, 1812 – генерал-лейтенант, 1814 – генерал от инфантерии. Участник кампаний 1806–1807, Отечественной войны 1812, кампаний 1813–1814, Русско-турецкой войны 1828–1829. С 1812 начальник 4-й пехотной дивизии, в 1813–1814 – командир 2-го корпуса, в 1818–1829 – командир 7-го армейского корпуса // Волков С.В. Генералитет Российской империи: энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. Т. I. М.: Центрполиграф, 2009. С. 305.

³ Полководцы, военачальники и военные деятели России в «Военной энциклопедии» Сытина. СПб.: «Экополис и культура», 1996. С. 106; Дибичи – русский графский и баронский род, происходящий из Силезии. В России род Дибичей пресекался в 1838. См.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. Ха (на корешке № 20). СПб., 1893. С. 569; Список генералам, штаб- и обер-офицерам всей российской армии. СПб., 1829. С. 8, 14, 471; Русский биографический словарь (Дабелов–Дядьковский). М., 1996. С. 351–370; Русские и немцы. 1000 лет истории, искусства и культуры. Каталог. Берлин, 2012. С. 148–149.

⁴ Великий князь Константин Павлович (27.04.1779 – 15.06.1831). В 1799 отец – император Павел I – пожаловал ему титул Цесаревича. Скончался по пути к Витебску от холеры. Тело оставалось в Витебске до 16 июля, 31 июля было перевезено в Гатчину, а 14 августа погребено в Петропавловском соборе, из-за карантина без особой торжественности. См.: Полководцы, военачальники и военные деятели России в «Военной энциклопедии» Сытина. С. 13–19.

⁵ РГИА. Ф. 472. Оп. 2. Д. 93. Л. 1–4.

⁶ Там же. Л. 6.

⁷ Полководцы, военачальники и военные деятели России в «Военной энциклопедии» Сытина. С. 108; Список генералам, штаб- и обер-офицерам всей российской армии. С. 8; Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. Ха. С. 569–570.

⁸ Русский биографический словарь. (Дабелов–Дядьковский). С. 353–370.

⁹ Шуберт Федор Федорович (1789–1865). Офицером с 1804. Служил по квартирмейстерской части. 1813 – полковник, 1820 – генерал-майор, 1831 – генерал-лейтенант, 1845 – генерал от инфантерии. Участник кампаний 1806–1807, Русско-шведской 1808–1809, Русско-турецкой 1806–1812, Отечественной 1812 войн, кампаний 1813–1814. Член Военно-ученого и Морского ученого комитетов, генерал-квартирмейстер Главного штаба. См.: Волков С.В. Указ. соч. Т. 2. С. 772.

¹⁰ Адлерберг Владимир Федорович (1791–1884). Граф. Окончил Пажеский корпус (1811). 1828 – генерал-майор, 1833 – генерал-лейтенант, 1843 – генерал от инфантерии. С 1828 директор канцелярии начальника Главного штаба. 1852–1870 – министр Императорского двора, с 1856 также командующий Императорской Главной квартирой и канцлер Императорских и царских орденов. См.: Волков С.В. Указ. соч. Т. 1. С. 35.

¹¹ Притвиц фон Карл Карлович (1797–1881). Генерал от кавалерии (1861), генерал-адъютант (1849). Происходит из древнего дворянского рода, известного в Силезии с начала XIV. Сын отставного ротмистра прусской службы Бернгарда Отто Карла фон Притвица (ум. 1842) от брака с баронессой Каролиной фон Дибич. В декабре 1828. произведен в ротмистры. Командуя эскадронном Лейб-гвардии Уланского полка, отличился при подавлении польского восстания 1830–1831. В мае 1831 – полковник, в апреле 1841 – генерал-майор с зачислением в свиту. 1849 – генерал-лейтенант, пожалован в генерал-адъютанты. С декабря 1854. состоял при особе Его Императорского Величества. Сопровождал Николая I в поездках по России и за границей. 1861 – генерал от кавалерии. См.: Федорченко В.И. Свита российских императоров. Кн. 2. М.: АСТ; Красноярск: Издательские проекты, 2005. С. 201–202; Пономарев В.П., Шабанов В.М. Кавалеры императорского ордена Святого Александра Невского. Т. 2. М.: Русский мир, 2009. С. 748.

¹² РГИА. Ф. 472. Оп. 2. Д. 93. Л. 23.

- ¹³ Пономарев В.П., Шабанов В.М. Указ. соч. С. 656.
- ¹⁴ Волков С.В. Указ. соч. Т. 2. С. 100–101.
- ¹⁵ Бартошевич В.В. В борении с Наполеоном. Наградная медаль участника Отечественной войны 1812 года как памятник эпохи. К.: ПЕКТОРАЛЬ совместно с «Купола», 2001. С. 4–50.
- ¹⁶ Око провидения – символ божественного всевидения и могущества. См.: Там же. С. 6.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Усеченная цитата из Библии: девятый стих 113 псалма Давида: «Не нам, Господи, не нам, а имени Твоему дай славу, ради милости Твоей, ради истины Твоей».
- ¹⁹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXXII. СПб., 1830. Ст. 25586.
- ²⁰ Петерс Д.И. Памятники фалеристики о подвигах и отличных деяниях россиян в борении с Наполеоном (наградные медали Российской империи 1806–1807, 1812–1814 гг.). М., 2012. С. 76.
- ²¹ Там же. С. 77.
- ²² Там же. С. 90.
- ²³ Например: Чепурнов Н.И. Российские наградные медали. Ч. 2. Медали XIX века. Чебоксары, 1993. С. 124–127; Селиванов М. Русские наградные медали Александра I (1801–1825) // Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования. Май 2007. С. 111–112.
- ²⁴ Подмазо А. «Медали 1812 года» – наградные и памятные медали, дубликаты, копии, новоделы и «фрачные знаки» // Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования. Декабрь 2007. С. 109.
- ²⁵ Бартошевич В.В. Указ. соч. С. 17–18; Петерс Д.И. Указ. соч. С. 94–96.
- ²⁶ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXXIII. СПб., 1830. Ст. 25671. С. 906–910.
- ²⁷ Награждать из купеческого сословия: тех, кто внес денежные или другие на военные нужды пожертвования, равные не менее десятой части капитала той гильдии, в которой состоят; кто принял в свой дом раненых офицеров или солдат, доставлял им особенный присмотр, пищу и все нужное из своей собственности и тем способствовал их выздоровлению; тех, кто, сделав описанные выше пожертвования, но был под судом, а затем оправдан. Те, кто пожертвовал меньше, чем указано выше, вознаграждается Высочайшим благоволением и благодарностью, уже объявленными в манифесте 30 августа 1814 г. Раздача медалей производилась от губернских правлений и правительств при актах за подписями одного члена и секретаря. См.: ПСЗРИ. Т. XXXIV. 1817. СПб., 1830. Ст. 26671. С. 129–131.
- ²⁸ Подмазо А. Указ. соч. С. 108–111, Селиванов М. Указ. соч.
- ²⁹ ПСЗРИ. Т. XXXIII. 1815–1816. Ст. 26134. С. 491–492.
- ³⁰ Бартошевич В.В. Указ. соч. С. 19; Петерс Д.И. Указ. соч. С. 109–110. М. Селиванов перечислил изготовленные на Монетном дворе в 1813–1823 медали в память Отечественной войны следующих диаметров: серебряные – 28,6; 28; 24; 22 мм, бронзовые – 28; 23; 21 мм. См.: Селиванов М. Указ. соч. С. 112.
- ³¹ ПСЗРИ. Т. XXXII. 1812–1814. № 25689. С. 1007.
- ³² Там же. Т. XXXIII. 1815–1816. Ст. 25821. С. 60–62.
- ³³ Асварищ Б.И. «Совершенно модный живописец». Франц Крюгер в Петербурге. СПб.: Славия, 1997. С. 106. № 33. Можно предположить, что на портрете А.И. Чернышова (литография Ф. Олдерманна с портрета Крюгера),

опубликованном в этой же книге на с. 134 под № 81, на груди у Александра Ивановича такое же расположение трех медалей, как у П.Д. Киселева.

³⁴ Эргель Федор Федорович (1768, Либау, Пруссия – 1825, Могилев). На русской службе с 1785. 1811 – генерал-лейтенант, 1823 – генерал от инфантерии. Участник Русско-шведской 1788–1790, Русско-турецкой 1806–1812, Отечественной, 1812 войн, кампаний 1813–1814. 1798–1800 – московский, 1802–1808 – Санкт-Петербургский обер-полицмейстер. 1812–1815 – военный генерал-полицмейстер действующей армии, с 1823 – генерал-полицмейстер 1-й армии. См.: Волков С.В. Т. 2. С. 803.

³⁵ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXXII. Ст. 25671. С. 906.

³⁶ Указ от 20 декабря 1831: «О непринимании после 1 числа мая 1832 года представлений о награждении медалями, установленными в память вступления войск в Париж. Марта 19 (30 июня) 1826 года Высочайше установлена медаль в память вступления Российских войск 19 марта 1814 года в Париж. Для приведения к окончанию производящегося в Инспекторском департаменте дела по сему предмету, Государь Император Высочайше повелеть соизволил, чтобы о снабжении означенными медалями сделаны были окончательные представления к 1 числу мая будущего 1832 года с тем, что по окончании сего срока никто уже не в праве будет просить медалей или входить о том с представлениями». См.: ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 6. СПб., 1832. С. 332. Ст. 5029.

³⁷ Подмазо А. Указ. соч. С. 111.

³⁸ Н.И. Чепурнов медали такого диаметра называет «кавалерийскими», то есть изготовленными для ношения чинами кавалерии между бортом мундира и португеей. См.: Чепурнов Н.И. Указ. соч. С. 125.

М. Селиванов в уже не раз упомянутой нами статье «Русские наградные медали Александра I (1801–1825)» привел изготовленные на Монетном дворе серебряные медали «За взятие Парижа» следующих диаметров: 28,5; 26 мм. Среди медалей, изготовленных частными мастерскими, в его коллекции есть и медали Д = 22 мм, как в колодке Дибича. См.: Там же. С. 116.

³⁹ Подмазо А. Указ. соч. С.108.

Е.Ю. Кириленко (Санкт-Петербург)

СУДЬБА ФРАНЦУЗСКОЙ МЕДАЛИ «ЗАЩИТНИКАМ ПОРТ-АРТУРА» (ПО МАТЕРИАЛАМ ВИМАИВ_иВС)

С 1998 по 2003 г. на территории Артиллерийского острова Санкт-Петербурга, в северо-восточной ее части, проводились археологические раскопки¹, в результате которых в собрание Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВ_иВС) были переданы разнообразные артефакты, среди которых оказалась и предметы быта, и фрагменты вооружения, а также французская медаль «Защитникам Порт-Артура»².

На лицевой стороне этой медали, на переднем плане, изображена фигура русского солдата, стоящего во весь рост на фоне крепостной стены, в шинели с военной амуницией, фуражке и с винтовкой в правой руке. Левой рукой он опирается на часть крепостного сооружения, с левой стороны которого виднеется ствол артиллерийского орудия. Чуть ниже изображены связки перевязанных прутьев (фашины). Над солдатом – аллегорическое изображение Франции, в виде женщины с венками в руках. В нижней части медали – изображение лежащего матроса, опирающегося левой рукой на фигурный щит с гербом Российской империи, а правой рукой – на тесак, расположенный перед щитом. За матросом справа: поврежденный лафет орудия и перспектива рейда с военными кораблями. Вверху, по окружности надпись: «Defense de Port-Arthur 1904» («Оборона Порт-Артура 1904»). По краю: «FR. MEURICE A. Allar».

На оборотной стороне³ изображен лев, стоящий на пьедестале, с надписью: «LA FRANCE AU GENERAL STOESEL ET A SES HEROIQUES SOLDATS» («Франция генералу Стесселю и его героическим солдатам»). С правой и с левой стороны от пьедестала – орлы с расправленными крыльями, держащие в лапах венки.

Рис. 1. Лицевая сторона медали «Защитникам Порт-Артура»

Рис. 2. Обратная сторона медали «Защитникам Порт-Артура»

В нижней части медали, по краю, надпись: «SOUSCRIPTION DE L'ÉCHO DE PARIS» («Подписка Эхо Парижа»).

Многие фалеристы, историки знают эту медаль, однако пока не известна точная дата ее создания. Оборона крепости Порт-Артур относится к июлю – декабрю 1904 г. Это событие взбудоражило не только соотечественников, но и зарубежную общественность. Так, по инициативе Анри Симона, издателя французской газеты «Эхо Парижа», была организована добровольная подписка⁴. Во Франции на средства, собранные газетой, были приобретены подарки⁵ для генерала Анатолия Михайловича Стесселя⁶ и его жены. В мастерской Ш.Ф. Фроман-Мориса (Ch.F. Froment-Meurice) отчеканены медали для награждения порт-артурцев, медальер А.Ж.Аллар (A.J. Allar)⁷. За то время пока проводилась чеканка и передача медалей и подарков от французского народа в Россию (вероятно, это вторая половина 1904–1907 гг.), начался суд над А.М. Стесселем, имя которого на медали указывается как имя главного защитника крепости. Это во

многим определило и судьбу самой медали.

Материалы, хранящиеся в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи, а также опубликованные документы позволяют уточнить некоторые «версии»⁸ бытования медали в России.

Судя по архивным документам, медали, присланные из Франции, первоначально хранились в Офицерском собрании армии и флота Санкт-Петербурга, а с ноября 1907-го по февраль 1911 г. в Артиллерийском историческом музее, откуда переданы в Кружок защитников Порт-Артура.

Предписание о передаче всех медалей на хранение в музей, датированное 6 сентября 1907 г., последовало от Главного артиллерийского управления (ГАУ). В связи с этим, 13 сентября 1907 г. из Офицерского собрания был направлен запрос заведующему АИМ Дмитрию Петровичу Струкову о том, «кто именно из приемщиков, с надлежащим удостоверением о личности, и когда будет командирован

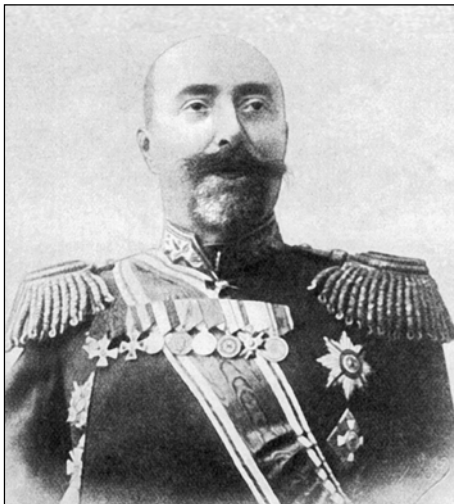

Рис. 3. А.М. Стессель

Рис. 4. Офицерское собрание. В наше время здесь находится Дом офицеров Западного военного округа

от музея за получением означенных медалей»⁹. В октябре 1907 г. для осмотра медалей в Офицерское собрание были направлены: помощник заведующего музеем штабс-капитан Георгий Владимирович Айвазов и надзиратель Соловьянов. По-видимому, необходимо было время и на решение вопроса о транспортировке медалей, потому что только через месяц, в ноябре 1907 г. смотритель здания Офицерского собрания отставной генерал-майор В.Н. Мордвинов сдал представителю музея французские медали, о чем заведующий музеем Д.П. Струков доложил в ГАУ. На хранение в музей было принято 37 тысяч 713 медалей (из которых: 1976 золоченых, 5977 серебряных и 29 760 бронзовых)¹⁰.

Передача медалей в музей получила освещение и в прессе. Так, в газете «Новое время» от 12 ноября 1907 г. сообщалось: «Как воспоминание о последней войне, в музей отданы на хранение большие деревянные ящики с 38 тысячами бронзовых медалей для раздачи Порт-Артурским героям». Информация о том, что медали хранятся в музее, публиковалась также в Военной энциклопедии, издательство Сытина (т. 3, 1911 г.), в газете «Биржевые ведомости» (за 1911 г., № 228), в журнале «Офицерская жизнь» (8.12.1908 г., № 148).

Необходимо отметить, что во второй половине 1907 г. произошло еще одно важное событие, которое также неразрывно связано с судьбой французских медалей. Дело в том, что 3 сентября 1907 г. состоялось утверждение устава Клуба защитников Порт-Артура, а 15 сентября было объявлено об официальном открытии клуба¹¹. Клуб не только получал от участников обороны крепости многочисленные вопросы и обращения по поводу выдачи медалей¹² (некоторые даже присылали деньги), но и сам пытался добиться разрешения на выдачу медалей, причем и через обращение в редакцию французской газеты, чтобы те прояснили ситуацию посредством «печатного слова» и с ходатайствами в Военное министерство.

Из опубликованного отчета совета клуба известно, что 24 марта 1908 г. членами совета были составлены рапорты в Главный штаб «о раздаче французских медалей артурцам по принадлежности и о передаче даров французского народа в музей обороны Порт-Артура». Из последовавшего ответа, датированного 22 апреля 1908 г., следует, что военный министр разрешил передать в музей только дары¹³, а о судьбе медалей не упоминалось ни слова.

К вопросу о выдаче медалей члены кружка вновь вернулись осенью того же года. Так, на заседании 7 ноября 1908 г. была избрана комиссия «для разработки проекта рассылки медалей в том виде, в котором они получены», так как совет кружка считал, «что нельзя сделать иного употребления этих медалей».¹⁴ Ходатайства Кружка защитников Порт-Артура в 1908 г. не получили удовлетворительного решения, поэтому в декабре 1908 г. принимается решение «отложить рассмотрение всех поступающих в Совет просьб о высылке французских медалей, до разъяснения вопроса об их раздаче».

Кружок продолжал направлять ходатайства по вопросу выдачи медалей и в следующем, 1909 году. Так, в марте 1909 г. из ответа начальника Главного штаба на имя председателя кружка генерал-лейтенанта Владимира Николаевича Никитина следовало, что военный министр генерал от инфантерии А.Ф. Редигер¹⁵ «изъявил свое согласие», чтобы эти медали были розданы распоряжением кружка и по порядку, им выработанному. Однако при этом было сделано уточнение по поводу внешнего вида медали и порядка ее ношения. Так как медали «не пожалованы правительственной властью, а принесены в дар по инициативе частного учреждения», они не могли носиться наравне со знаками отличия. Кроме того, военный министр А.Ф. Редигер поставил условие о необходимо снятии с медали «петли» и уничтожения фамилии Стесселя, до их раздачи¹⁶.

Такое решение не устроило совет кружка, поэтому было принято решение еще раз ходатайствовать уже перед новым военным министром, В.А. Сухомлиновым¹⁷, о том, чтобы медали, которые рассматривались членами кружка как «дары французского народа», были розданы «участникам славной обороны в том виде, как были приняты представителями Русской армии»¹⁸, а все поступавшие деньги на пересылку медалей, до выяснения вопроса о раздаче медалей, «иметь на особом счету». Однако только спустя 8 месяцев, а именно на заседании в ноябре 1909 г., поручение о составлении доклада было дано действительному члену кружка Иосифу Константиновичу Дунину-Слепцу¹⁹.

«Оказать возможное содействие» в решении вопроса о выдаче медалей обещал и вице-адмирал Иван Константинович Григорович. Совет также просил Ивана Константиновича «взять на себя хлопоты»²⁰ по выработке нагрудного знака для Порт-Артурцев.

В декабре 1909 г. совет вновь обсуждал и одобрил доклады на имя военного министра о выдаче французских медалей и об утверждении нагрудного знака для Порт-Артурцев, но решил их утверждение отложить до выяснения вице-адмиралом Григоровичем вопроса о том, кого из моряков считать имеющим право на ношение нагрудного знака²¹.

В январе 1910 г. вице-адмирал И.К. Григорович привез членам кружка образцы знаков (для офицеров и нижних чинов). Знаки и доклад решено было передать председателю совета кружка генерал-лейтенанту В.Н. Никитину, для представления через военного министра «на высочайшее благоусмотрение». В связи с этим, новое ходатайство о выдаче французских медалей участникам обороны Порт-Артура совет отложил до выяснения вопроса о нагрудном знаке²².

В Артиллерийском музее медали хранились «в особых сундуках», запечатанных печатью. Однако пока согласование по порядку выдачи медалей затягивалось, в апреле 1910 г. заведующий музеем Д.П. Струков получил распоряжение от ГАУ о необходимости доставить три медали (по одному экземпляру) его императорскому высочеству великому князю Георгию Михайловичу (золоченую, серебряную и бронзовую)²³.

Еще одна выдача медалей из музея произошла в ноябре 1910 г., когда по телефонограмме 15 медалей (по пять образцов каждого вида) были переданы в ГАУ²⁴. В октябре 1910 г. данные по временному хранению медалей были представлены военному министру Сухомлинову после посещения им музея.

Наконец, 1 декабря 1910 г. последовало «высочайшее соизволение», на раздачу медалей бывшим защитникам Порт-Артура. Военный министр возложил рассылку медалей «по принадлежности» на Кружок защитников Порт-Артура. В связи с этим, во второй половине января 1911 г. заведующий Артиллерийским историческим музеем Д.П. Струков получил предписание от Главного артиллерийского управления о передаче медалей «приемщику» кружка, и уже 17 февраля 1911 г. 37 тысяч 692 медали выдаются из музея уполномоченному кружка – казначею, штабс-капитану К.И. Ксидо, который оставил «три медали в витрине музея по одной каждого вида»²⁵. Из расписки, К.И. Ксидо: «Принято медалей: золоченых – 1972 (из которых 1970 медалей были в своих коробках, 1 – в коробке из-под серебряных медалей,

1 – ломаная), серебряных 5976 (из которых 5971 – в своих коробках, 4 – в коробках из-под золоченых медалей, 1 медаль поломана, 2 коробки пустых), бронзированных – 29 753 (в своих коробках) и 11 пустых коробок²⁶.

Кружок выдавал, а также рассылал медали при предъявлении удостоверений о награждении серебряными медалями «В память войны 1904–1905 гг.»: золоченые – для всех генералов, адмиралов, штаб и обер-офицеров, военных врачей, священнослужителей, классовых чиновников и сестер милосердия; серебряные – для всех унтер-офицеров; бронзовые – для всех «прочих» нижних чинов, санитаров, дружинников и портовых рабочих. Вдовы или дети погибших защитников имели право на получение для хранения в семье только одной медали, «полагавшейся убитому или умершему»²⁷.

За получением медали следовало обратиться лично или письменно²⁸ к казначею кружка, штабс-капитану Константину Ивановичу Ксидо. Медали выдавались лично под расписку или высылались наложенным платежом, «равным стоимости пересылки пакета».

О раздаче медалей сообщалось в 1911 г. на страницах нумизматического журнала «Старая монета», а в 1912 г. – на страницах «Вестника военного и морского духовенства»²⁹.

Три же медали «по одной каждого вида», любезно оставленные в музее членом Кружка защитников Порт-Артура К.И. Ксидо, были опубликованы в 1912 г. в Путеводителе по Артиллерийскому историческому музею³⁰. Позже в собрание музея переданы еще несколько таких медалей. В 2004 г. медаль «Защитникам Порт-Артура», из коллекции музея, экспонировалась на выставке «Русско-японская война 1904–1905 гг.» в Государственном концертно-выставочном зале «Смольный собор»³¹. И сегодня посетители ВИМАИВиВС могут увидеть этот миниатюрный памятник, запечатлевший в металле события начала XX в.

¹Археологические раскопки проводились в рамках научной программы «Археология Петербурга» Научно-исследовательским институтом комплексных социальных исследований.

² ВИМАИВиВС, инв. № ФОО ВС/884.

³ В некоторых публикациях эта сторона медали считается лицевой. На ней помещается название металла и клеймо фирмы в щитке в форме ромба. Изображенный на медали лев рассматривается как символ храбрости русских. На данной медали ушко спилено. Сохранились также медали с ушком и кольцом, в

виде фигурной V-образной подвески (двух дельфинов ?), соединенной скобой. К медали полагалась многоцветная ленточка, в центре которой проходила широкая полоса голубого цвета, а по обоим краям от нее чередующиеся полоски: белого, красного, белого и синего цветов.

⁴ По добровольной подписке было собрано около 100 000 франков. См.: Дуров В.А. Русско-японская война 1904–1905 гг. в боевых наградах // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 81–86; Петерс Д.И. Наградные медали России царствования императора Николая II (1894–1917 гг.) и периода Временного Правительства. М., 2005. С. 150–151. Предположительно время проведения подписки может датироваться как лето – осень 1904 г.

⁵ Шпага и модель памятника генерал-лейтенанту Р.И. Кондратенко.

⁶ Стессель А.М. (28.6 (10.7).1848–1915) – генерал-лейтенант, выпускник Павловского военного училища. Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., в подавлении Ихэтуаньского восстания в Китае в 1898–1901. С 12 августа 1903 г. комендант Порт-Артура, с января 1904 г. командир 3-го Сибирского корпуса, с марта 1904 г. начальник Квантунского укрепленного района. После длительной осады крепости 20 декабря 1904 г. (2 января 1905 г.) сдал Порт-Артур японцам. В 1906 г. ушел в отставку. В 1907 г. под давлением общественного мнения отдан под суд. В 1908 г. приговорен к смертной казни, замененной 10-летним заключением. В 1909 г. помилован.

⁷ Необходимо отметить, что отечественных наград для защитников Порт-Артура на тот момент не было. Так, 5 июня 1904 г. была учреждена медаль «За бой “Варяга” и “Корейца»». Защитники Порт-Артура награждались серебряной медалью «В память русско-японской войны 1904–1905 гг.», учрежденной 21 января 1906 г. Нагрудный знак «Защитникам крепости Порт-Артур» был утвержден позже, к 10-летию юбилею обороны крепости, 14 января 1914 г. Знак имели право приобрести все, кто находился постоянно или временно в Порт-Артуре и его укрепленном районе с 12 мая по 20 декабря 1904 г. Знак представлял собой крест с полированным ободком. В центр знака помещен шестиугольник, представляющий собой бастионную крепость, внутри которой изображен броненосец. На горизонтальных концах креста надпись: «Порт-Артур». Через середину знака проходят два меча, расположенных накрест. Диаметр знака – 40 мм. В циркуляре Главного штаба № 57 от 26 февраля 1914 г. разъяснялось, что знак являлся «лишь указанием на участие в обороне крепости» и не имел характера награды. Ношение его лицами, имевшими на то право, не обязательно. Удостоверения к знаку не было. Знаки изготовляла фирма «Эдуард», они стоили по 30 к., а рассылаемые по почте – 50 к. Приобретались они на личные средства. АВИМАИВИВС. Ф. 54. Оп. 1. Д. 26. Л. 1–42. Шевелева Е.Н. Нагрудные знаки Русской армии. СПб., 1993. С. 80. (Электронный ресурс): URL: www/Forum.faleristika.info

⁸ Так, Чепурнов Н.И. в издании «Наградные медали государства Российского» (М., 2001. С. 635–637) утверждает, что медали «в количестве 38 тысяч штук были присланы в Россию и долгое время в тайне хранились в Морском министерстве, где не могли решить, как с ними поступить!» (выделено мной. – Е. К.)

⁹ АВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 92. Д. 74. Л. 401. 417; Д. 80. Л. 379.

В музее медали были включены в 4-ю часть Описи Артиллерийского исторического музея, под названием «Книга для записывания вновь поступивших знамен и знаков отличия, а также и разных других предметов исторического характера». АВИМАИВиВС. Ф. 21. Оп. 111. Д. 7. Л. 124–125 об.

Офицерское Собрание армии и флота располагалось в здании на Литейном проспекте, д. 20 (открыто 22 марта 1898 г.). В настоящее время в этом здании находится Дом офицеров Западного военного округа.

¹⁰ АВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 92. Д. 74. Л. 455. Во время передачи медалей в музей были обнаружены пустые коробки и поломанные медали.

В публикациях Дурова В.А., Петерс Д.И. приводится другое количество изготовленных медалей: соответственно 2000 (1978) серебряных позолоченных, 6000 (5982) серебряных и 30 000 (29 780) бронзовых. Итого 38 000 (37 740) экземпляров.

11. Предложение об образовании кружка в целях «объединения всех артурцев, взаимопомощи, составления подробной истории и устройства музея обороны крепости», было высказано генерал-майором В.Г. Семеновым на собрании, которое состоялось 2 декабря 1906 г.

Владимир Григорьевич Семенов (1857–1908 гг.). Учился во 2-м военном Константиновском училище. Принимал участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Служил в лейб-гвардии Саперном батальоне. В течение 9 месяцев был помощником полицмейстера Санкт-Петербургского Михайловского театра. В 1903 г. назначен командиром 26-й Восточно-Сибирского полка. Принимал участие в Русско-японской войне. Находился в составе гарнизона Порт-Артура. За отличие при обороне города в 1904 г. назначен флигель-адъютантом. В 1904 г. произведен в генерал-майоры с зачислением в Свиту Его Величества и оставлением в должности командира полка.

¹² Из письма командира 7-й роты 15-го Восточно-Сибирского полка, присланного на имя секретаря кружка Леонида Ивановича Дебогирий-Мокриевича: «Кроме того желаем знать, что сделали с нашими французскими медалями. Меня осаждают отставные артурцы о судьбе этих медалей!» ВИМАИВиВС, ИДФ, КЕУ 2228. 22/273. Л. 310.

¹³ Отчет Совета кружка защитников Порт-Артура о деятельности кружка за с 2.12.1906 по 12.11.1908 гг. СПб., 1909. С 11. Получить «дары французского народа» было поручено 9 декабря 1908 г. казначею кружка, штабс-капитану К.И. Ксидо «под расписку» от председателя Офицерского собрания армии и флота и сделать для их хранения витрину. Отчет Совета кружка защитников Порт-Артура о деятельности кружка за с 12.11.1908 по 13.11.1909 гг. СПб., 1910. С. 1.

¹⁴ Отчет Совета кружка защитников Порт-Артура о деятельности кружка за с 2.12.1906 по 12.11.1908 гг. СПб., 1909. С. 12–13.

¹⁵ Редигер Александр Федорович (1853–1920). Занимал пост военного министра России с 15 июля 1905 г. по 11 марта 1909 г.

¹⁶ Отчет Совета кружка защитников Порт-Артура о деятельности кружка за с 12.11.1908 по 13.11.1909 гг. СПб., 1910. С 4

¹⁷ Сухомлинов Владимир Александрович (4 (16) августа 1848–1926 гг.). Назначен 11 марта 1909 г. Исполнял обязанности военного министра до 13 июня 1915 г.

¹⁸ Отчет Совета кружка защитников Порт-Артура о деятельности кружка за с 12.11.1908 по 13.11.1909 гг. СПб., 1910. С 4.

¹⁹ Отчет за 1908–1909 гг. С. 6. Дунин-Слепец И.К. – участник обороны Порт-Артура. В 1908 г. награжден орденом Святого Георгия 4-й ст. В 1917 г. полковник, командир 1-го крепостного полка гарнизона Выборгской крепости. Убит солдатами в августе 1917 г. Его дочь – Елена Иосифовна Писарева (1902–

1959) – мать Святейшего Патриарха Московского Алексия II)

²⁰ Отчет за 1909–1910 гг. С. 4. Григорович И.К. в 1909 г. – заместитель морского министра.

²¹ Там же. С. 4. Доклады были составлены подполковником Твердым.

²² Там же. С. 5. 13.05.1910 было прочитано извещение главного штаба о том, что утверждение нагрудного знака для Порт-Артурцев «высочайше отклонено».

²³ 9 апреля 1910 г. предписание было выполнено.

²⁴ АВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 111. Д. 7. Л. 124 об.–125.

²⁵ Там же. Оп. 92. Д. 81. Л. 37, 56, 90–91.

²⁶ Там же. Л. 31–31 об. Ксидо Константин Иванович (1879–1943 (?)), русский военный инженер, книгоиздатель, совладелец журнала «Русская Старина». Капитан. Окончил Николаевское инженерное училище. Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг., Первой мировой войны.

²⁷ Вестник военного и морского духовенства. 1912. № 2. Петерс Д.И. Наградные медали Российской империи XIX–XX вв. М., 1996. С. 266–267; Его же. Наградные медали России царствования императора Николая II (1894–1917) и периода Временного Правительства. М., 2005. С. 150–151.

²⁸ По адресу: Санкт-Петербург, Фонтанка, 18.

²⁹ Старая монета. 1911. № 7. С. 122–124. Вестник военного и морского духовенства. 1912. № 2.

³⁰ Струков Д.П. Путеводитель по АИМ. СПб., 1912. С. 75. № 466.

³¹ Русско-японская война 1904–1905 гг. Каталог выставки в ГКВЗ «Смольный собор». СПб., 2004.

***С.Н. Ковалев, В.Ю. Грибовский, А.П. Жарский,
Э.Л. Коршунов, А.А. Михайлов, А.Н. Щерба
(Санкт-Петербург)***

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОЮЗЫ В ЕВРОПЕ И РОССИЯ. XIX ВЕК

1. *Третья европейская коалиция (Англия, Россия, Австрия, Сицилия) против Франции. 1804–1805 гг.*

Главным противоречием в международных отношениях начала XX в. была борьба между Англией и Францией за политическую гегемонию в Европе. Первые дипломатические шаги правительства императора Александра I, вступившего на престол в марте 1801 г., свидетельствовали о желании сохранить в этой борьбе нейтралитет. Среди русских дипломатов широкое распространение получила концепция «свободы рук».

Однако сохранять нейтральную позицию России удалось очень недолго из-за агрессивной политики Наполеона I, который подчинял своему влиянию все новые и новые государства. Особую тревогу российских дипломатов вызывала усилившаяся активность Франции в Средиземноморье, ее стремление контролировать Балканский регион и сближение с Турцией. Сыграли свою роль также тесные экономические связи России с Англией, которая являлась основным потребителем российского сельскохозяйственного сырья.

В 1804 г. начались активные дипломатические контакты между Россией, Англией, Австрией и Швецией с целью создания 3-й антифранцузской коалиции. 25 октября (6 ноября) 1804 г. Россия и Австрия подписали декларацию о совместных действиях против Франции. В ней рассматривалась возможность совместных военных действий против Наполеона в случае его новой агрессии в Германии, Италии или владениях Османской империи.

В январе 1805 г., после долгих переговоров была подписана военная конвенция между Россией и Швецией (Швеция еще в декабре

1804 г. подписала военную конвенцию с Англией). В конце марта 1805 г. военную конвенцию заключили Россия и Англия. Осенью к этой конвенции присоединилась Австрия. Таким образом, оформилась 3-я антифранцузская коалиция, основу которой составили Россия, Англия, Австрия, Швеция. Союзники попытались привлечь в коалицию Пруссию, но успеха не добились.

В целом, согласно англо-русской конвенции, численность союзной армии должна была достигнуть 400 тыс. чел. (из них 250 тыс. австрийских войск, 115 тыс. – русских, остальное – прочие союзные державы). Англия брала на себя в основном финансовое обеспечение кампании. Совокупные военные силы союзников значительно превосходили по численности армию Наполеона, сконцентрированную в Булонском лагере, где она готовилась к вторжению в Англию (около 200 тыс. чел.). Но из-за несогласованных действий союзники не смогли использовать свое самое главное преимущество.

Австрия сформировала три армии, но самая крупная из них (140 тыс. чел.), под командованием эрцгерцога Карла, двинулась в Италию, к р. Адде. Ей содействовала 50-тыс. армия эрцгерцога Иоанна, направленная в Тироль. 80-тыс. армия под командованием эрцгерцога Фердинанда двинулась к границам Баварии, дабы не допустить ее оккупации французами и заставить курфюрста Баварии присоединиться к коалиции. На соединение с этой австрийской армией двигались две русские армии, примерно по 50 тыс. каждая: Подольская (командующий – М.И. Голенищев-Кутузов) и Вольнская (командующий – Ф.Ф. Буксгевден). Еще одна, 40-тыс. русская армия должна была через территорию Пруссии двигаться в Северную Германию. Русские войска высаживались также в Померании, для совместных действий со шведами.

Австрийцы развернули наступление на Баварию, не дожидаясь подхода русских войск. Но вопреки их ожиданиям баварский курфюрст не присоединился к ним, а просил о помощи Наполеона. В конце сентября 1805 г. армия эрцгерцога Фердинанда (фактически ею командовал генерал Макк) была окружена Наполеоном у г. Ульма. Большая ее часть, после нескольких неудачных попыток прорыва, сложила оружие. Армия М.И. Кутузова, хотя двигалась с невероятной скоростью (до 60 км в сутки), на соединение с австрийцами не успела. Между тем, Пруссия категорически отказалась пропускать через свою территорию русские войска. М.И. Кутузов, армии которого первоначально придавался вспомогательный характер,

оказался перед лицом превосходящих сил противника (примерно 65 тыс. русских против 150 тыс. французов).

Русский командующий блестяще организовал отход на соединение с армией Ф.Ф. Буксгевдена (армии соединились в начале ноября). Вместе с подошедшими австрийскими войскам силы Кутузова насчитывали 86 тыс. чел. Он предлагал уклоняться от сражения, изматывать противника арьергардными боями вплоть до подхода сильных армий эрцгерцогов Карла и Иоанна из Италии и Тироля. Однако, прибывшие к армии императоры Александр I и Франц I, опираясь на мнение австрийских военачальников, решили дать генеральное сражение. Одним из побудительных факторов такого решения стало неверное представление о численности армии Наполеона: по мнению союзников – около 40 тыс., на деле – 76 тыс. Позиция для сражения была избрана у г. Аустерлиц (ныне Славков, в Чехии). План сражения, разработанный австрийским генералом Ф. Вейротером, базировался на ошибочном предположении, что Наполеон изберет пассивный образ действий. В итоге в произошедшем 20 ноября (2 декабря) 1805 г. сражении при Аустерлице русско-австрийская армия потерпела сокрушительное поражение. 14 декабря 1805 г. Австрия подписала с Францией сепаратный Пресбургский мирный договор. 3-я антифранцузская коалиция распалась.

Неудачный исход действий 3-й коалиции, прежде всего, был определен плохой координацией действий союзников. Монархи России и Австрии, а также их окружение зачастую просто игнорировали реальность, выдавая желаемое за действительность. Первоначальный план компании был сорван уже после отказа Пруссии присоединиться к коалиции. Ошибкой были также скоропалительные действия Австрии, войска которой начали вторжение в Баварию до подхода русских сил. Наконец, Аустерлицкое сражение также было дано исходя из ложных представлений о состоянии армии Наполеона и его намерениях.

2. Четвертая европейская коалиция (Англия, Россия, Пруссия, Швеция) против Франции. 1806–1807 гг.

После распада 3-й коалиции русское правительство встало перед дилеммой: заключить с Францией мир или продолжить войну. Мнения сановников разделились. Некоторые из них выступали за продолжение борьбы в союзе с Англией, вторые – за возвращение к

политике «свободных рук», третьи признавали возможным заключение союза с Наполеоном на условиях разграничения сфер влияния в Европе и на Ближнем Востоке. Конкретным отражением этих колебаний стало одновременное ведение переговоров с Англией о новом союзе против Наполеона и с Францией о заключении мира (миссия П.Я. Убри). Русско-французские переговоры, однако, выявили, что Наполеон не намерен поступаться ни малейшей частью завоеваний и стремится диктовать Россию свою волю. Проект договора «о мире и дружбе», подписанный русским представителем П.Я. Убри в Париже в июле 1806 г. фактически признавал все завоевания Наполеона (в частности, закреплял его доминирующее влияние в Средиземноморье) и потому не был ратифицирован Александром I.

Наиболее вероятным союзником России в предстоящей борьбе с Францией, помимо Англии, могла стать Пруссия. Наполеон стремился (и не без успеха) привлечь эту державу на свою сторону, для чего в марте 1806 г. передал ей Ганновер, считавшийся наследственным владением британских монархов. Однако прусского короля Фридриха-Вильгельма очень тревожили решительные действия Наполеона по перекройке политической карты Германии и, особенно, создание подконтрольного Франции Рейнского союза.

1 июля 1806 г. прусский король подписал секретную декларацию, подтверждавшую Русско-прусский союзный договор 1800 г. Пруссия также обязалась оказать содействие России, если она вступит в конфликт с Францией из-за территорий Османской империи.

30 августа Александр I подписал манифест «О предстоящей войне с Францией», в котором выражалась готовность России применить силу, ради собственной безопасности и «общего спасения Европы».

Однако, как и в случае с 3-й коалицией, союзники по 4-й коалиции действовали не согласованно. 1 сентября Пруссия предъявила Франции ультиматум с требованием вывести войска за Рейн, а получив отказ, объявила ей войну. Численность армии Пруссии и союзной ей Саксонии составляла около 140 тыс. чел. (в основном – наемники, нанятые в различных германских государствах). Армия Наполеона, дислоцировавшаяся в Южной Германии, насчитывала около 200 тыс. чел., еще 10 тыс. выставляли страны Рейнского союза.

Если бы прусское правительство, прежде чем вступать в войну, дождалось подхода российских армий, союзники получили бы значительное численное преимущество. Однако Пруссия решила начать борьбу самостоятельно, что являлось большой ошибкой. Наполеон стремительным броском атаковал рассредоточенные силы пруссаков и наголову разгромил их 2(14) октября в сражении под Йеной и Ауэрштедтом.

Россия собрала для борьбы с Наполеоном армию численностью примерно в 160 тыс. чел. Ситуация, однако, осложнялась начавшимся в сентябре 1806 г. резким обострением русско-турецких отношений (ему активно способствовали французские агенты при султанском дворе). В ноябре 1806 г. 40-тыс. русская армия вступила на территорию Дунайских княжеств, правители которых были смещены султаном как сторонники России. Тем не менее, русская армия под командованием Л.Л. Беннигсена вступила в Восточную Пруссию, где развернула боевые действия против Наполеона.

Несколько сражений (под Голыминым, Пултуском, Прейсиш-Эйлау) не выявили победителя, но в июне 1807 г. под Фридландом русская армия потерпела поражение. Эта неудача, в сочетании со сложной ситуацией на Востоке (в декабре 1806 г. Турция официально объявила России войну) побудила российское правительство начать переговоры с Наполеоном о мире. Итогом стало подписание 25 июня (7 июля) 1807 г. Тильзитского мирного договора, в силу которого Россия взяла на себя некоторые продиктованные Францией обязательства, в том числе – присоединиться к континентальной блокаде Англии. В Тильзите был также подписан франко-прусский мир. 4-я коалиция прекратила существование. Главной причиной ее неудачи стали фактически изолированные действия ее участников.

3. Шестая коалиция (Англия, Россия, Пруссия, Швеция, Испания, Португалия) против Франции. Заграничные походы русской армии в Европу. Венский конгресс 1815 г. и его итоги

Как известно, конец XVIII – начало XIX вв. в европейской истории ознаменовались борьбой крупнейших держав Европы против революционной Франции, где к власти пришел выдающийся государственный деятель и полководец – Наполеон Бонапарт. Для борьбы с ним крупнейшими державами Европы были созданы несколько «антинаполеоновских» коалиций. Пять из них потерпели поражение,

и в начале XIX в. Наполеон превратился в фактического властителя Европы. Только шестая коалиция, созданная по инициативе российского императора, сумела добиться своей цели и положить конец многолетней гегемонии наполеоновской Франции в Европе.

В подготовленной к изданию работе¹ основное внимание акцентировано на военно-политических аспектах деятельности государств шестой коалиции. При этом, наиболее детально освещена роль и значение Российской империи в организации данной коалиции, в ее последующем укреплении и расширении. Показаны главные направления и характер настойчивой и целенаправленной дипломатической и военной деятельности императора Александра I и высшего командования русской армии по юридическому оформлению союзных отношений с крупнейшими государствами Европы и, в частности, на примере заключения известной Таурогенской конвенции между Россией и Пруссией.

На основе реальных исторических фактов показана ведущая роль России и ее армии в свержении наполеоновской гегемонии в Европе. Для реализации целей исследования в качестве основной фактологической базы использованы фундаментальные труды известных военных теоретиков России: М. Богдановича², Д. Бутурлина³, Г. Леера⁴. Для полноты военно-исторического анализа привлечены работы современных отечественных авторов, специализирующихся на научных исследованиях проблем, связанных с участием России в антинаполеоновских коалициях: Н. Троицкого⁵, О. Орлик⁶, В. Козлова, В. Сироткина⁷ и др.

С целью более детального показа общей военно-политической обстановки того времени, а также особенностей сложнейшей дипломатической борьбы по созданию, расширению и сплочению коалиции, использованы труды выдающихся отечественных историков и, в частности – С.М. Соловьева⁸. Для повышения полноты, глубины и объективности исследования использованы работы известного немецкого историка XIX в. О. Иегера⁹.

В целях повышения достоверности исследования, использованы архивные источники, часть из которых впервые вводится в научный оборот. В частности, материалы архива Санкт-Петербургского института истории РАН (СПб ИИИ РАН). Использованы документы фонда № 36 (Воронцовых), где хранятся материалы личного архива активного участника Заграничного похода русской армии и будущего генерал-фельдмаршала М.С. Воронцова.

На основе реальных исторических фактов показано, что вследствие широты коалиции и значительной дифференциации взглядов ее участников на цели и характер ведения войны, а также на будущее Франции и ее императора, среди участников коалиции имели место значительные противоречия. Они существенно затрудняли боевую деятельность союзников, а в отдельных случаях могли привести к развалу самой коалиции. Факты позволяют сделать вывод о том, что благодаря высокому авторитету России и лично императора Александра I удалось удержать коалицию от распада и довести войну до полного разгрома империи Наполеона.

Результаты деятельности европейских государств, вошедших в состав шестой антинаполеоновской коалиции, были огромны. В результате разгрома войск Наполеона на европейском континенте сложилась принципиально новая политическая система. Историки до сих пор по-разному оценивают ее сущность и характер, но это не отменяет масштабности итогов деятельности шестой коалиции и ее огромного влияния на последующее политическое развитие Европы и мира.

Однако, несмотря на имеющие место негативные оценки некоторых историков характера и итогов деятельности коалиции, нельзя отрицать тот факт, что именно она положила конец длительной гегемонии Наполеона в Европе. Это избавило европейские народы от постоянных войн и бесчисленных бедствий, которые они порождают. Кроме того, важнейшим историческим уроком, который следует извлечь из итогов ее деятельности, является то, что любая гегемония, даже несущая самые прогрессивные идеалы, не может быть принята народами. Идеи свободы не могут быть навязаны народам при помощи штыков.

Следует признать, что данная истина весьма современна, ибо созвучна многим социальным процессам, происходящим в современном мире, когда многие «стандарты» свободы упорно навязываются современной России и другим суверенным государствам из-за океана. При этом свобода и демократия нередко насаждаются с применением военной силы, как это было во времена Наполеона.

4. Священный союз (1815–1832 гг.) Австрии, Пруссии, России и Европа

Важнейшим итогом Венского конгресса 1814–1815 гг., завершившего эпоху наполеоновских войн, наряду с территориальным

переустройством Европы в пользу держав-победительниц, стало создание Священного союза, своего рода системы взаимопомощи монархов для борьбы с любыми попытками изменить как международную систему, так и государственный строй какой-либо из европейских стран. «Трактат братского христианского союза» был подписан монархами России, Австрии и Пруссии 14(26) сентября 1815 г. Первоначально Союз не содержал конкретной программы действий, но за его расплывчатыми, проникнутыми мистическим духом формулировками стояли вполне определенные задачи: сохранение существовавших политических режимов и правящих династий, защита принципов монархического легитимизма.

В ноябре 1815 г. в Священный союз вступила Франция, затем постепенно к нему присоединились практически все монархи континентальной Европы, кроме турецкого султана и римского папы. Англия в Священный союз не вступила, но координировала с ним свои действия и направляла своих представителей на проводившиеся державами-участницами Союза дипломатические конгрессы. Наиболее активными членами союза являлись Россия и Австрия.

Практически с первых лет существования Священного союза между его участниками наметились серьезные противоречия, что в конечном итоге и предопределило его распад. В 1818 г. состоялся первый в истории Союза конгресс в Аахене, на котором обсуждалась просьба Франции о досрочном выводе оккупационных войск с ее территории. Россия поддержала просьбу, так как видела в сильной Франции необходимый элемент европейского равновесия и, в первую очередь, противовес Австрии, с которой имела давние противоречия, которые диктовались стремлением обеих держав контролировать земли на Дунае и Балканах, оказывая влияние на Османскую империю.

В 1820 г. революционное движение охватило Испанию и Италию. Участники революции выступали за либеральные реформы, введение в стране конституции и политических свобод. На собравшемся в октябре 1820 г. в г. Троппау конгрессе представители стран-участниц Священного союза единодушно подписали протокол о допустимости вооруженного вмешательства во внутренние дела других государств для борьбы с революцией. Революционное движение в Испании было подавлено с санкции Союза французскими войсками, в Италии – австрийскими войсками.

Согласие России на оккупацию территории суверенных держав с целью подавления революции поставило ее в очень сложное политическое положение в 1821 г., когда вспыхнуло национально-освободительное движение греков в Дунайских княжествах и собственно в Греции.

Россия была заинтересована в поддержке национально-освободительной борьбы греков против власти турецкого султана: такая поддержка значительно повысила бы ее авторитет на Балканах. Однако помощь антиправительственному выступлению противоречила принципам Священного союза, и во имя его сохранения правительство Александра I от помощи грекам отказалось. Однако Россия постоянно пыталась привлечь союзников к решению греческого вопроса, убедить их оказать давление на султана, принудить его остановить жестокие репрессии против греков и, в перспективе, предоставить Греции автономию. Но все попытки подобного рода наталкивались на противодействие Австрии и Англии, которые не желали усиления России в Средиземноморье. В августе 1825 г. Александр I объявил европейским дворам, что Россия в «турецких делах» будет руководствоваться собственными резонами. Началась подготовка к войне с Османской империей, но смерть Александра I приостановила ее.

Восточный вопрос породил существенные противоречия между Россией и другими странами Священного союза. Возникли также противоречия между Союзом и Англией. Стремясь ослабить колониальную мощь Испании, Англия фактически поддержала национально-освободительное движение в испанских колониях в Латинской Америке.

Вступивший на русский престол в 1826 г. император Николай I взял курс на более независимую от Священного союза политику в Восточном вопросе. Одним из элементов нового курса стало сближение с Англией, в противовес Австрии. 24 июня (6 июля) 1827 г. Россия, Англия и Франция подписали Лондонский трактат, который подтверждал право Греции на автономию и предусматривал в случае неуступчивости турок совместные действия флота союзников у Морейского (Пелопонесского) побережья. В октябре 1827 г. англо-русско-французская эскадра наголову разгромила египетско-турецкий флот в Наваринском морском сражении.

В дальнейшем, однако, Англия и Франция не продолжали военных действий против Турции, ограничившись отзывом своих послов. В апреле 1828 г. Россия начала войну самостоятельно. Завершилась война в сентябре 1829 г. победой России и заключением выгодного для нее Адрианопольского мирного договора. Одним из последствий военного поражения Турции стало приобретение Грецией полной независимости, признание которой Россия, Англия и Франция закрепили 2-м Лондонским протоколом в январе 1830 г.

В июле 1830 г. во Франции началась буржуазная революция, приведшая к низложению династии Бурбонов и вступлению на престол Луи-Филиппа Орлеанского. Николай I занял враждебную к новому режиму позицию и, апеллируя к принципам Священного союза, даже зондировал вопрос о возможности интервенции во Францию. Однако прочие европейские державы признали нового короля, что поставило Россию в данном вопросе в изоляцию. Произошедшая в том же году революция в Бельгии, в ходе которой она провозгласила свою независимость от Нидерландского королевства, нанесла Священному союзу новый тяжкий удар. Россия ратовала за подавление бельгийской революции, но Великобритания и Франция признали независимость нового государства.

Французская и бельгийская революции ознаменовали распад Священного союза. Однако подрывало его и то обстоятельство, что российское правительство, призывая европейские монархии к совместной борьбе против революций, стремилось сохранить полную свободу рук в решении собственных внешнеполитических задач и, в первую очередь, в Восточном вопросе. Это наглядно проявилось в 1832 г., когда Россия, поддержав Турцию в конфликте с ее вассалом египетским хедивом (наместником), попыталась закрепить за собой исключительные права в пользовании проливами Босфор и Дарданеллы (Ункяр-Искелесийский договор). Встревоженные крайней активностью России в Средиземноморье, европейские державы сплотились против нее, что проявилось в изменении режима проливов в 1 и 2-й Лондонских конвенциях (1840–1841 гг.). Накануне Крымской войны 1853–1856 гг. Россия оказалась в дипломатической изоляции, причем одним из ее наиболее последовательных противников выступала Франция, в прошлом входившая в Священный союз.

5. Лондонский договор 24 июня (6 июля) 1827 г. между Англией, Францией и Россией о санкциях против Турции. Война с Турцией 1828–1829 гг.

Лондонский договор 1827 г. явился первым в истории союзным договором между Россией, Англией и Францией, своего рода предшественником Антанты. Он стал победой российской дипломатии, а его выполнение обеспечило не только завоевание греками независимости, но и значительное усиление позиций России на Черном море и на Балканах. Выполнение Турцией требований трех держав обеспечивалось примерно равными военными и финансовыми средствами.

Каждая сторона назначила в Средиземном море по 3 (Россия – 4) линейных корабля с фрегатами и малыми крейсерами, финансировала вооружение, содержание и снабжение, а также ремонт судов. При этом Англия представляла России за плату пользование услугами своих портов.

Совместные действия флотов увенчались Наваринским сражением, в котором турецко-египетскому флоту был нанесен тяжелый, правда, не смертельный удар. Тем не менее, уничтожение большей части флота лишило турок и египтян возможности усиливать и снабжать свои войска и положило начало освобождению Греции от турецкого ига.

В дальнейшем действия союзников, хотя и соответствовали духу Лондонского договора, но велись раздельно, так как после Наварина углубились противоречия между державами, каждая из которых преследовала свои цели. Действия английского и французского флотов имели определенное значение для достижения целей Лондонского договора. Но решающую роль в поражении Турции сыграла Россия.

Во время Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. именно успехи русского оружия обеспечили заключение выгодного для России Адрианопольского мирного договора, а в скором времени (1830 г.) достижение независимости Греции.

6. Участие России во внешнеполитических акциях 1848–1849 гг. в Европе

Начавшаяся в феврале 1848 г. во Франции революция и следовавшие за ней события в германских государствах и Австрии могли привести к изменению границ в Европе, поставили под

угрозу существования Венскую систему международных отношений. В этой ситуации, как следствие, закономерно подвергся опасности и союз Австрии с Россией.

Россия, декларируя сохранение своего суверенитета и невмешательство в дела других государств, предприняла меры военного характера, сосредоточила войска на западной границе. Правительство Николая I, отстаивая принципы легитимизма, заключило 19 апреля 1849 г. Балта-Лиманскую конвенцию с Турцией.

Для России была важна роль и Австрии как противовеса французскому влиянию на Апеннинском полуострове и в западных германских землях. Австрия, благодаря примерному паритету с Пруссией, обеспечивала благоприятный для России расклад сил в Германском союзе. Австрия для России также являлась одним из гарантов русских владений в Польше, а Россия – австрийских, что укрепляло основы длительного сотрудничества Австрии и России. Основу отношений империй составлял интерес поддержания порядка в Европе.

В тот сложный для Австрийской империи период ее правительство возлагало надежды на испытанную дружбу императора Николая I к Австрии. Но правительство России не стремилось вмешиваться во внутренние дела другого государства, сохраняя силы на случай развития событий в Польше и Германии.

Но постоянные перемены состава правительства Австрии, вызванные кризисом, заставляли Россию настороженно относиться к происходившим в этом государстве событиям. В то же время австрийское предложение ввести в Галицию русские войска было отклонено. При этом возможность присоединения к России славянских земель Австрией не рассматривалась.

С вступлением на австрийский престол императора Франца Иосифа I, ситуация изменилась, стало возможным восстановление прежних отношений в рамках династического союза, заключенного в 1833 г. в Мюнхенгреце.

Венгерская революция, приобретшая с начала 1849 г. крайне опасные размеры, заставила австрийское правительство просить помощи России. Император Николай I не отказался от данных им прежде обещаний – и союзный корпус русских войск был отправлен в Венгрию. Воля к сотрудничеству и общность консервативных интересов обеспечили поддержание союза Австрии и России.

Последствия распространившегося на Австрию революционного движения 1848 г. привели к формированию ряда проблем: обострению противоречий между различными народностями, входившими в состав многонациональной империи; революционеры Венгрии, получив политические права и льготы, стали на путь угнетения славян, входивших в состав этой части империи; как следствие – поддержка Вены со стороны сербов, примкнувших к правительству; возникновению и развитию внутреннего вооруженного конфликта.

Вооруженное столкновение в Венгрии следует разделить на два этапа: 1-й этап – с участием противоборствующих сторон, представляющих различные внутренние силы, и 2-й этап – с участием русских войск, прибывших на территорию Австрийской империи по приглашению правительства этого государства.

На 1-м этапе русские войска имели боестолкновения с венгерскими формированиями лишь в Трансильвании, куда они вошли по просьбе генерала Пухнера к командиру русского корпуса в Валахии (генералу Лидерсу).

Но после ухода русских войск из Трансильвании там начались кровавые все разрастающиеся междоусобные стычки. В последние дни 1848 г. в Трансильванию вступил корпус генерала Ю. Бема. Положение австрийских войск, деморализованных разными неудачами, было критическое. Австрийское правительство обратилось за помощью к России.

Сначала австрийское правительство хотело оговорить вступление русских войск рядом условий, но затем было вынуждено согласиться на ввод без всяких ограничений, подписав конвенцию о порядке снабжения русских войск на территории Австрийской империи.

Руку помощи австрийцам император Николай I протягивал при условии соблюдения следующих требований: 1) русские войска действуют отдельно от австрийских, 2) сила наших отрядов должна быть значительна для развития самостоятельных действий и 3) база русской армии устраивается в Галиции¹⁰.

23 апреля по телеграфу была получена депеша от австрийского канцлера Шварценберга, просившего отправить как можно скорее по варшавско-венской железной дороге русский отряд хотя бы в 25 тыс. в Вену. Паскевич направил австрийцам сводную дивизию генерала Панютина.

О начале ввода русских войск на территорию Австрийской империи было объявлено царским манифестом от 26 апреля 1849 г. В специальном разъяснении российского МИД утверждалось, что предпринятая акция соответствует интересам всех миролюбивых держав и сохранению спокойствия в Европе.

Главкомандующим русской армии в Венгрии был назначен фельдмаршал Паскевич-Эриванский. Командир 5-го корпуса генерал-адъютант Лидерс был в роли самостоятельного начальника на Трансильванском театре. Главным театром военных действий для русской армии послужили южные склоны Карпатских гор и долина р. Тисы; второстепенным театром являлась Трансильвания.

План кампании союзников состоял в выдвигании главных сил из Польши, через Галицию и Карпаты в Венгрию – на Будапешт. Русская армия выходила, таким образом, в тыл главным силам восставших мадьяр, действовавших против австрийцев в западной Венгрии. Наступление планировалось осуществить двумя колоннами: а) правая – Ридигера (31,5 тыс. чел.) через Неймарк и южные переправы Карпат, б) левая – Паскевича (71 тыс. чел.) из Дуклы на Кашау; после соединения обе колонны должны были наступать к Пешту. Отряд генерала Граббе (15 тыс. чел.) охранял Галицию. Отряд генерала Гротенгельма (8,5 тыс. чел.) вступал через Буковину в Трансильванию к р. Быстрице, отвлекая противника от главного театра. Австрийская армия с дивизией Панютина должна была перейти в наступление с запада к Коморну.

Одновременно с этим наступлением главных сил из Польши и Галиции генерал Лидерс с 5-м корпусом (2,5 пехотных, 1 кавалерийская дивизии – 35 000 человек, 80 орудий) должен был очистить Трансильванию от армии Бема, воспрепятствовав ее переброске на главное операционном направлении. В связи с ним должен был действовать 12-тыс. корпус австрийцев и 40-тыс. армия Бана Иелачича.

План действий по внешним операционным линиям войсками разных государств был достаточно сложным, учитывая, что войска союзников не были объединены общим командованием.

Во время маршей продовольственные транспорты сильно отставали, австрийцы, обещавшие доставлять все нужное, не исполняли в должной мере свои обязательства. С первых же дней изнурительного похода возникла эпидемия холеры. С 17 по 23 июня умерло около 2 тыс. чел. Санитарные средства армии оказались ничтожны, медицинский персонал был малочисленным.

Всего в Венгерском походе приняло участие до 170 000 русских войск. Потери немногим превысили 3000 человек (708 убитых, 2447 раненых), зато заболеваемость составила как раз половину всей армии (заболело 85 387, из них умерло – 10 885, главным образом от заболевания холерой). Потери от болезней превысили боевые в 28 раз. Материальные расходы составили 47 500 000 р.

Продолжительность военной кампании составила два месяца. В июне армия Паскевича продвигалась от Карпат к Будапешту. В июле – преследовала армию Гергея. Трансильванский поход представляет, по сути, самостоятельную операцию Венгерского похода.

Морально-психологическое состояние венгерских войск характеризовалось как устойчивое, но в силу их низкой подготовки они не могли считаться равноценными русским войскам. Для австрийских войск и Елачича они представляли равного противника.

Успешно завершившийся поход не стал поводом для его глубокого анализа. Не была организована работа по внедрению новых форм и способов применения войск, их материально-технического обеспечения на современном уровне. Впоследствии это пагубно отразилось на ходе Восточной войны 1853–1856 гг.

Важным фактором, сказавшимся на поддержании союзнических отношений, стало оказание финансовой помощи Австрии со стороны России. После подавления восстания в Австрии была списана значительная сумма, которую та должна была уплатить согласно конвенции от 29 мая 1849 г. Не потребовав какого-либо вознаграждения за Венгерский поход, Николай I поразил таким бескорыстием западных политиков.

Внешнеполитические акции 1848–1849 гг. подняли великодержавный престиж России в делах Европы. Но успехи консервативно-легитимистской политики Николая I оказались кратковременными. Они были сведены на нет поражением России в Восточной (Крымской) войне.

Это стало возможным и в результате того, что расчеты Петербурга на поддержку соседних империй не оправдались. Австрия в конце 1854 г. заключила союзный договор с Англией и Францией и заняла по отношению к России враждебную позицию.

7. Союз трех императоров (1873–1886 гг.). Русско-турецкая война 1877–1878 гг.

Внешнеполитические усилия России в конце 60-х – начале 70-х гг. XIX в. были, в основном, сосредоточены на отмене условий Парижского договора 1856 г., подписанного после поражения в Крымской войне. Избранный в те годы русским правительством курс определялся знаменитой фразой руководителя внешнеполитического ведомства князя А.М. Горчакова: «La Russie ne boude pas – elle se recueille»¹¹. Умелое маневрирование, тонкая игра на противоречиях сделали свое дело. В этой сложной политической ситуации можно полагать абсолютно правильным дипломатическим ходом канцлера А.М. Горчакова заключение с Германией и Австро-Венгрией (в 1873 г.) «Союза трех императоров». Этот союз, при условии ослабления позиций Франции, позволял России активизировать свои внешнеполитические усилия на Балканах. Вместе с тем, Шенбрунская конвенция от 25 мая (6 июня) 1873 г. (О союзе трех императоров) не несла никакой конкретной нагрузки, она, по сути, «...имея целью упрочить мир, господствующий ныне в Европе, и стремясь отдалить возможность войны...» являлась ничем иным, как только неким «протоколом о намерениях». С возникновением же кризиса на Балканах, ни Австро-Венгрия, ни Германия принимать участие в разрешении восточного кризиса и освобождении балканских народов от турецкого ига оказались не готовы.

Поэтому, несмотря на то что силы союзной Румынии (принявшие участие в войне на стороне России) были незначительны и большой роли в ходе боевых действий не сыграли, заключение военного союза с Румынским княжеством (в сложившейся накануне войны военно-политической ситуации) было верным ходом русской дипломатии. Румынское правительство обеспечило русской армии возможность свободного прохода через территорию Румынии и стратегического развертывания на главном Балканском ТВД, пользование ее железными дорогами, телеграфом и другими коммуникациями – что, в конечном итоге, способствовало успешной реализации русского плана войны.

Проблемы, возникавшие у союзников (препятствия в организации воинских перевозок по железным дорогам Румынии, руководство группировками русско-румынских войск и др.), решались оперативно и на ходе и исходе боевых действий не отразились.

Цели войны, поставленные русским военно-политическим руководством, были, в основном, достигнуты – Россия возвратила себе потерянный в Крымской войне быллой военный престиж на мировой арене и стала полноправным политическим «игроком» при решении Восточного вопроса. Балканские народы были освобождены от турецкого ига.

8. Тройственный союз (1882 г.). Германия, Австро-Венгрия, Италия против Франции и России

Вторая половина XIX в. ознаменовалась важнейшими историческими событиями, радикальным образом изменившими облик Европы. Образование в самом ее центре мощной Германской империи, безусловно, относится к числу подобных событий и, прежде всего, потому, что повлекло за собой разрушение всей существующей европейской политической системы и существовавших военно-политических союзов.

К сожалению, в существующей отечественной научной литературе материалов с глубоким анализом военной и политической деятельности Германии по созданию военного блока центральных держав крайне мало. Существующие отдельные монографические исследования и научные статьи лишь фрагментарно и весьма поверхностно освещают деятельность этого военного блока, что не позволяет в полной мере провести комплексный анализ его деятельности. Данное обстоятельство имеет своим следствием то, что до сих пор существуют самые различные точки зрения на характер деятельности Тройственного союза.

Как известно, в результате энергичной дипломатии Германии и лично имперского канцлера О. Бисмарка в 1879–1882 гг. был образован союз центральных держав, заключенный между Германией, Австро-Венгрией и Италией, который вошел в историю как Тройственный союз. Лидирующие позиции в этой военно-политической коалиции принадлежали Германии как державе наиболее мощной в экономическом и военном отношении.

Формально провозглашая целью нового союза укрепление европейского мира и безопасности, на практике Тройственный союз начал стремиться к установлению своей полной гегемонии в Европе. Анализ содержания договора показывает, что он был направлен, прежде всего, против России, которая являлась единственным реальным препятствием для Германии и

Тройственного союза на пути установления полного господства на европейском континенте.

Политика государств Тройственного союза весьма любопытна. Она представляет собой образец сложного дипломатического маневрирования с помощью тайной дипломатии и совершенно беспримерного двуличия с элементами политического маклерства. Данная политика направлялась умелой рукой немецкого имперского канцлера О. Бисмарка, поэтому противостоять ей было весьма сложно.

Благодаря этому на первых порах германской дипломатии удалось путем сложных дипломатических комбинаций связать Россию различными договорами с системой обязательств, имеющих целью не допустить возможного сближения России и Франции. Однако такое положение дел не могло длиться долго.

К середине 80-х гг. XIX в. совместные антироссийские акции стран-членов Тройственного союза привели нового императора России Александра III к окончательному убеждению о необходимости энергично противостоять немецкой экспансии. Эффективно осуществить это было возможно только в составе не менее сильной коалиции великих европейских держав. При этом, объективно реальным и естественным союзником России могла быть только республиканская Франция.

В результате интенсивных дипломатических контактов на самом различном уровне началось довольно быстрое сближение России и Франции, которое завершилось в начале 90-х гг. XIX в. заключением союзного договора. Образование двух военно-политических союзов в Европе резко усилило напряженность и положило начало невиданному по масштабам росту гонки вооружений и форсированной милитаризации экономик великих европейских держав.

На рубеже XIX–XX вв. противостояние между Тройственным союзом и франко-русским блоком постоянно нарастало. Как правило, инициатором этого являлись державы Тройственного союза и, в особенности, Германия, которая постоянно устраивала «военные тревоги» в Европе и за ее пределами, целенаправленно подталкивая европейские государства к большой войне.

В течение тридцати лет договор о Тройственном союзе несколько раз продлевался с определенным расширением сферы своего действия. Это свидетельствовало о том, что Тройственный союз и,

в особенности, его лидер – Германия – готовы добиваться своей стратегической цели по установлению гегемонии в Европе любыми средствами.

Первая мировая война, грянувшая в 1914 г., была закономерным следствием этой политики. Невиданные жертвы этой войны лежат на совести многих европейских политиков того времени, но научный анализ свидетельствует, что ее инициаторами следует признать, прежде всего, державы Тройственного союза. Результаты войны коренным образом изменили политический облик Европы. Государства Тройственного союза потерпели поражение в войне, и на карте Европы не стало Австро-Венгрии, существенно была урезана и территория Германии. Это стало закономерным следствием их агрессивной и, одновременно, крайне авантюристической политики.

Формально история Тройственного союза завершилась в 1918 г., но последствия его деятельности мы ощущаем и в настоящее время. События 90-х гг. XX в. на Балканах, наряду с объединением Германии, несут в себе реальную опасность повторения ситуации, сложившейся в Европе после образования Тройственного союза ровно 130 лет назад. Поэтому изучение и анализ исторических уроков его деятельности представляет несомненный практический интерес.

9. Франко-русский союз (1891 г.) против Германии, Австро-Венгрии и Италии

Австро-русско-германский блок – Союз трех императоров, оформившийся в 1872–1873 гг., в силу противоречий его участников, оказался недолговечным. Конфликт между Германией и Францией – «зимняя тревога» 1875 г. – стал началом охлаждения русско-германских отношений. Постепенно усиливалось противостояние Петербурга и Вены на Балканах. Но основным пунктом раскола стали итоги Берлинского конгресса 1878 г. и Сан-Стефанского договора, нивелировавшего итоги победы русского оружия над Турцией. Расчеты Александра II на поддержку Австро-Венгрии и Германии показали их иллюзорность.

Новые условия потребовали уточнения внешнеполитического курса России, получившего вектор, направленный на гарантирование безопасности ее западных границ.

Для внешней политики России в Европе были сформулированы следующие задачи: найти надежного союзника, создать противовес

Тройственному союзу Германии, Австро-Венгрии и Италии, сложившемуся в 1879–1882 гг.; противостоять Австрии в борьбе за влияние на Балканах.

Уже в 1884 г. российское МИД признало наличие непреодолимого антагонизма между Россией и Австрией. В мае 1890 г. последовал отказ Германии от возобновления «перестраховочного договора», подписанного в 1887 г. Эти условия стали решающими стимулами к заключению Россией союза с Францией.

Таким образом, ко времени начала русско-французского сближения окончательно сложились основные предпосылки франко-русской коалиции: наличие общего противника в лице Тройственного союза и французская финансово-экономическая поддержка России, которая должна была повлечь за собой политическое соглашение.

Русско-французское сближение в 1891–1893 гг. оформилось во франко-русский союз, позволявший поддерживать в Европе равновесие, нарушенное появлением Тройственного союза.

В ходе встреч руководителей военных ведомств России и Франции в 1890–1891 гг. была определена взаимная заинтересованность сторон в объединении сил для отражения возможной агрессии со стороны Тройственного союза. В начале 1892 г. французской стороной было представлено предложение о подписании военной конвенции.

Предложения Франции были направлены на заключение начальнику Главного штаба генералу Н.Н. Обручеву. В своем докладе Александру III он представил вывод о том, что они не в полной мере отвечали российским интересам: французская сторона готова была заключить конвенцию только на случай войны с Германией, не учитывая русско-австрийские противоречия. Обручев заключал, что Россия в случае войны с Австрией могла рассчитывать только на свои силы, и настаивал на заключении взаимовыгодного военного союза.

В результате взаимных уступок, достигнутых в ходе переговоров, подписанная в августе 1892 г. военная конвенция претерпела изменения. И в согласованном варианте, не нарушавшем равноправность обязательств сторон, в 1893 г. была утверждена Александром III (15 декабря) и президентом Франции С. Карно (23 декабря). В целом конвенция способствовала поддержанию военного равновесия в Европе. Франция возвращала статус великой державы, а Россия получала свободу действий после Восточной (Крымской) войны.

Военное сотрудничество сторон после подписания конвенции приобрело характер взаимных консультаций и обмена информацией между сторонами, а также военно-технического сотрудничества по широкому спектру вопросов.

Сотрудничество военных ведомств осуществлялось по следующим направлениям:

1. Разработка оперативных и мобилизационных планов русской и французской армий.
2. Подготовка Восточно-Европейского театра военных действий.
3. Строительство вооруженных сил.
4. Подготовка военных кадров.

Важным итогом подписания конвенции стало и то, что Франция в лице России приобрела реальную силу, которая способна была стать решающим фактором в обеспечении победы над Германией в предстоящей войне.

Оперативные планы генерального штаба Франции предусматривали, в основном, оборонительные действия. Но вместе с тем они разрабатывались с учетом действий войск России. Франция возлагала большие надежды на помощь России. Расчет на выигрыш в войне во многом строился на активных действиях русской армии, которая предварительно должна была обескровить германскую армию на восточном театре и тем самым создать выгодные условия для дальнейших действий французских войск на западе.

Подготовка стран и вооруженных сил к войне включала и подготовку театров военных действий. Болезненный для французского военного ведомства вопрос о возможности быстрого сосредоточения русской армии на германской границе обусловил оказание финансовой помощи со стороны Франции на развитие железнодорожной сети в России, в первую очередь в западных военных округах. Французские специалисты принимали участие в подготовке строительства железных дорог на ТВД.

Французские железнодорожные кредиты России составили к 1902 г. около 5 млрд франков, а к началу войны эта цифра утроилась. Это позволило России наращивать строительство стратегических железных дорог, имеющих чисто военное назначение. В результате реализации этого плана ежегодный прирост железнодорожных путей в России составлял 1230 верст, возрос парк паровозов и вагонов.

Широкое сотрудничество сторон развивалось и в строительстве и оборудовании крепостей с применением современных технологий, вооружении их современными артиллерийскими орудиями. Обмен делегациями и отдельными офицерами-специалистами позволял проследить динамику подготовки и развития крепостной обороны.

Военные ведомства России и Франции уделяли серьезное внимание организации связи между органами управления союзных армий в целях взаимодействия между ними. В результате проделанной работы осенью 1911 г. между Парижем и Петербургом была установлена радиотелеграфная связь. С вступлением Англии в Антанту возможности обмена по линиям телеграфной связи расширились. Линии связи, установленные между органами военного управления России и Франции были опробованы и к началу Первой мировой войны могли обеспечить надежную связь между военными ведомствами.

Вероятность войны с Тройственным союзом вынуждала государственное и военное руководство России и Франции придать строительству своих вооруженных сил приоритетное значение. Эту задачу они решали, опираясь на опыт военных действий русских и французских войск в начале XX столетия, подтвердивший прогнозы о возрастающей роли техники в войне и о коалиционном характере будущей войны.

Важную роль в развитии сотрудничества военных ведомств России и Франции играл взаимный обмен сведениями о перевооружении армий и испытании новых видов оружия и военной техники, в том числе авиационной.

Всего за период с 1890 по 1914 гг. французским военным ведомством было предоставлено в распоряжение русского ведомства несколько десятков изобретений военного характера. Русское военное министерство в свою очередь предоставило французским коллегам информацию о военно-технических новинках, имевшихся в его распоряжении. В частности, о новых артиллерийских прицелах, производстве бездымного пороха и др. Если первые шаги в военно-технической области сотрудничества были достаточно осторожными, то после 1906 г. французами предоставлялись в распоряжение русского военного ведомства даже целиком технологии некоторых производств.

В военно-экономической области сотрудничества начиная с 1888 г. Франция регулярно предоставляла России крупные денежные займы. Выгоды были бесспорны. Русские ценные бумаги приносили доход больший, чем французские. При помощи французских капиталовложений Россия сумела поднять свою военную промышленность на качественно иной уровень, существенно увеличив саму промышленную базу и долю акционерного капитала в ней. Только по июль 1894 г. Россией было приобретено французского оборудования для военных заводов на сумму в 6 млн франков. Французские займы оказывали существенное влияние на распределение военных заказов из России и на поставку ею стратегического сырья. После заключения конвенции вплоть до 1902 г. из 30 млрд франков заграничных капиталовложений Франции 7 млрд франков приходилось на долю России. По оценкам русских экономистов, к началу Первой мировой войны сумма французских инвестиций составляла 31,2 % общих капиталовложений (24 % принадлежали Англии и Германии).

Внешняя торговля Франции также получала преимущества: импорт французских товаров в Россию возрос в несколько раз. Французский рынок зерна практически заменил для России немецкий, утраченный во время таможенной войны.

В целом следует отметить, что сотрудничество военных ведомств в вопросах подготовки к войне носило взаимовыгодный характер.

С заключением в 1891–1893 гг. военной конвенции Россия и Франция создавали своеобразную базу для формирования антигерманской коалиции. Такая коалиция была образована в 1907 г. присоединением к союзу Англии: появилась Антанта. Однако главной составляющей коалиции на континенте оставались Россия и Франция.

* * *

В исследовании проанализирован и обобщен материал, позволяющий выявить внешнеполитические цели, характер и итоги деятельности европейских коалиций в течение XIX в. Проведен анализ хода военных действий и вклада каждого из союзников в их успех. Показан характер взаимодействия между командованиями русских войск (сил) и союзных государств в ходе войн. Тенденции, выявленные в исследовании, показывают, что характер взаимоотношений между союзниками изменялся в зависимости от военных успехов каждого из них.

Изучение и пропаганда опыта взаимодействия армии России со своими союзниками по европейским коалициям способны самым положительным образом содействовать формированию позитивного образа России как надежного и верного союзника. Это должно способствовать укреплению авторитета нашего государства на международной арене.

Практика последних лет наглядно продемонстрировала, что решать свои стратегические интересы можно только в системе эффективно действующих союзов. При этом необходимо учитывать, что союзные отношения необходимо строить на прагматичной основе с учетом всей совокупности наших национальных интересов. В этом отношении примером может служить опыт России, приобретенный в XIX в.

Анализ исторических фактов со всей очевидностью показывает, что современной России для достижения своих важнейших геополитических целей и стратегических интересов, а также для поддержания статуса великой державы необходимо более настойчиво и целеустремленно работать над созданием новых политических и военных коалиций со своим участием, а также более активно участвовать в существующих военно-политических союзах.

¹ Военно-исторический труд «Опыт создания и функционирования военно-политических союзов с участием России (СССР) в XVIII–XX вв. и его значение для современности». М.–СПб.: ВАГШ ВС РФ, 2013. 296 с.

² Богданович М. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. Т. 3. СПб.: Тип. Струговщикова, 1860.

³ Бутурлин Д. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году. Ч. 2. Изд. 2. СПб.: Военная типография, 1838.

⁴ Леер Г.А. Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. Ч. 2. СПб.: Изд. Главного упр. военно-уч. заведений, 1886.

⁵ Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. М.: Омега, 2007.

⁶ Орлик О.В. Гроза двенадцатого года. М.: Наука, 1987.

⁷ Сироткин В.Г., Козлов В.Т. Традиции Бородина: память и памятники. М.: Знание, 1989.

⁸ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 17. М.: Мысль, 1996.

⁹ Иегер О. Новейшая история / пер. и доп. П.Н. Полевого. Т. 4. СПб.: Изд. А.Ф. Маркса, 1894.

¹⁰ См.: Андрианов П.М. Венгерский поход в 1849 г. // История русской армии, 1812–1864 гг. СПб.: Издательство «Полигон», 2003. С. 665.

¹¹ Что в переводе с французского обозначало: «Россия не сердится, она сосредоточивается». См.: Энциклопедический словарь. СПб.: Издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1893. Т. IX. С. 341.

А.Ф. Коновалов (Санкт-Петербург)

СУВОРОВСКО-НАХИМОВСКАЯ ШКОЛА И КАДЕТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ РОССИИ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ (К 70-ЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ СВУ И НВМУ)

ТЕМА военно-подготовительных учебных заведений советского периода и современной России не нова. О ней много написано А.И. Владимировым, В.К. Левченко, И.Н. Лоциловым, Б.П. Сыченковым и рядом других авторов.

Одним из ведущих исследователей темы генезиса кадетского образования и воспитания в России является Н.С. Костоусов¹. Значима также работа Н.А. Милешиной² о кадетском образовании в России: исторических традициях и современных перспективах. Они показали исторические этапы историографии создания СВУ и НВМУ, а также современных кадетских корпусов и их содержания.

В работе Н.С. Костоусова впервые показан генезис кадетского образования и воспитания в России с XVIII по начало XXI в., как целостной педагогической системы, а также ее периодизация. Последние два периода этой периодизации характеризуют советский (5-й) и современный (6-й) периоды³. Раскрывая 5-й период, Н.С. Костоусов характеризует его как **трансформацию** кадетского образования, которая включает в себя два этапа: первый – подготовительный (1938–1943 гг.) – создание 16 средних специальных артиллерийских школ, позже морских и авиационных школ (1940 г.); второй – открытие и функционирование суворовских военных и нахимовских военно-морских училищ (типа старых кадетских корпусов) с 1943 по 1991 гг. 6-й период Н.С. Костоусов характеризует как **возрождение** кадетского образования и выделение его в специфическую образовательную область на федеральном, региональном и муниципальном уровнях с 1991 г. по настоящее время⁴.

В работе Н.С. Костоусова представлена общая концепция, принципы, тенденции, цели и задачи кадетского образования⁵. Во-первых, **цель** – формирование элиты для государственной службы. Во-вторых, **задачи** – забота о духовно-нравственном, патриотическом, трудовом и физическом воспитании, качественное общее среднее полное образование и предпрофессиональная подготовка детей, в том числе – сирот, детей из неполных и малоимущих семей. В-третьих, поэтапная разработка, эксперимент и введение ранжирования учебных заведений кадетского типа (в соответствии с разработанным Уставом учебных заведений) по примеру кадетских корпусов дореволюционной России на три класса⁶.

Цель данной работы – раскрыть историю учреждения, становления и развития суворовско-нахимовской системы образования и воспитания, а также современной кадетской школы и кадетского движения, как основы подготовки квалифицированных кадров с детства для государственной и военной службы (1943–2013 гг.).

Основные задачи:

1. Показать периодизацию, этапы становления и развития суворовско-нахимовской системы образования и воспитания.

2. Выяснить характерные черты, особенности и тенденции современного развития суворовско-нахимовской школы и кадетского движения.

3. Определить место и роль Военной реформы 2008–2012 гг. в решении проблем суворовско-нахимовской и кадетской школы.

Советский период оставил заметный след в истории военной педагогики. «Педагогическое наследие кадетского образования дореволюционной России оказалось способно к **трансформации** в советский период при наличии определенных факторов:

а) востребованность в аспекте подготовки элиты армии (Вооруженные силы Советского Союза и РФ – А.К.) в лице высокообразованных офицеров;

б) проявление благотворительности государства в заботе о детях погибших в Великой Отечественной войне государственных, партийных руководителей, офицеров и солдат. Несмотря на то, что в дореволюционных учебных заведениях нравственное воспитание базировалось на религиозном вероучении, а в суворовских (нахимовских – А.К.) училищах до 1991 г. – на коммунистической идеологии, категории чести, долга и ответственности во всех учебных заведениях составляли основу

целостного нравственного воспитания личности будущего офицера – защитника Отечества»⁷.

1943 г. остался в памяти старшего поколения Советского Союза как год надежды на скорую победу в затяжной и кровавой борьбе с фашизмом после победы в Сталинградской битве, как год коренного перелома в Великой Отечественной войне и всей Второй мировой войне в целом. «В начале августа 1943 г. в вечернем небе Москвы прогремел первый победный салют. Двенадцать артиллерийских залпов из ста двадцати орудий и огни красочного фейерверка возвестили миру о победе советских войск на Курской дуге, об освобождении Орла и Белгорода – старинных русских городов. В Курской битве немецкая армия потерпела сокрушительное поражение, и стратегическая инициатива целиком перешла к Красной Армии»⁸. Советские войска продолжали героическую борьбу с врагом на всех фронтах, приближая день Победы.

Создание и функционирование суворовских и нахимовских училищ в СССР (1943–1991)

21 августа 1943 г. Совет Народных комиссаров и Центральный комитет ВКП(б) приняли знаменитое **постановление № 901** «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации». Одной из этих мер явилось создание суворовских военных училищ (СВУ). В Постановлении говорилось, что училища создаются «для устройства, обучения и воспитания детей воинов Красной Армии и партизан Отечественной войны, а также детей-сирот, родители которых погибли от рук немецких оккупантов. <...> Установить, что СВУ имеют целью подготовить мальчиков к военной службе в офицерском звании и дать им общее среднее образование»⁹.

Народный комиссариат обороны (НКО) в течение двух месяцев – с октября по 1 декабря 1943 г. – должен был сформировать девять суворовских военных училищ: Краснодарское (г. Майкоп), Новочеркасское, Сталинградское (г. Астрахань), Воронежское, Харьковское (г. Чугуев), Курское, Орловское (г. Елец), Калининское, Ставропольское. Училища были подчинены Управлению военных учебных заведений Главного Управления кадров Наркомата обороны (НКО), затем переименованного в управление военных учебных заведений стрелковых войск (УВУЗ). Начальником УВУЗ был назначен генерал-лейтенант

В.И. Морозов, который в прошлом командовал 11-й, 63-й и 1-й Ударной армиями.

4 сентября 1943 г. СНК СССР принял постановление № 946 о создании суворовских военных училищ для детей пограничников и работников НКВД (МВД) в городах Кутаиси и Ташкенте¹⁰.

Свое наименование суворовские училища получили неспроста, а в память о великом полководце России генералиссимусе А.В. Суворове (1729–1800), неутомимом исследователе военной истории и военного искусства, выдающемся военном стратеге и непревзойденном тактике, преобразователе военного дела и военном реформаторе, знатоке солдатской души и военном педагоге. О Суворове отзывались с почтением, как и в прежние времена: «Батюшка Александр Васильевич для всех нас – крестный отец».

К 1 декабря 1943 г. был разработан основной руководящий документ – «Положение о суворовских военных училищах». Оно определяло цели и задачи училищ, порядок приема воспитанников, организацию жизни и быта, учебы и другие вопросы, а также правила внутреннего распорядка и поведения воспитанников. В нем, в частности, говорилось, что суворовцы получают среднее образование в условиях учебного заведения закрытого типа и носят специальную форму одежды из черного материала с алыми погонами и красными лампасами на брюках. Вице-сержанты и старшие вице-сержанты носят особые отличия на погонах. В каждом суворовском училище для проведения занятий, практических и лабораторных работ были созданы кабинеты: военный, радиотехнический, математики, физики, химии, черчения и рисования, русского языка и литературы, истории и географии, иностранных языков, а также автомобильные классы, тир, спортивный зал, столярные и слесарные мастерские¹¹.

1 декабря 1943 г. во всех СВУ в торжественной обстановке начался учебный год. Это событие отметили в специальных статьях и репортажах местные и центральные газеты.

В 1943 г. каждому училищу в торжественной обстановке было вручено Боевое Красное знамя. День его вручения стал большим праздником и считался Днем рождения училища. Для большинства СВУ этим днем стал 19 декабря 1943 г.

Для детей моряков были открыты нахимовские военно-морские училища. Инициатором идеи создания НВМУ стал народный комиссар ВМФ СССР Адмирал Флота Советского Союза

Н.Г. Кузнецов. Первым в 1943 г. было открыто Тбилисское НВМУ на основании Приказа Наркома ВМФ № 0785 «Об организации НВМУ». Оно было подчинено управлению военно-учебных заведений Военно-Морского флота СССР. Свое имя морские подготовительные училища получили в честь выдающегося флотоводца адмирала П.С. Нахимова (1802–1855), героя Крымской войны (1854–1855), чья судьба для многих поколений нахимовцев стала примером военного таланта, стойкости и силы духа, беззаветной верности Отечеству.

«Первоначально в училища принимались мальчики с 10-летнего возраста, окончившие 3 класса начальной школы. Срок обучения составил 7 лет. Почти 8 % воспитанников первого набора, отмечал генерал Панков, – дети погибших воинов. Война оставила в детских душах тяжелый, неизгладимый след. Им было известно, что такое холод, голод, смерть близких, жестокость врага. На этом фоне увереннее смотрелись мальчишки, прибывающие в училища с передовой. Фронтовики-пацаны щеголяли военной выправкой, на их груди поблескивали государственные награды. В числе первых суворовцев были Артур и Валя Чапаевы – внуки легендарного начдива, Коля Гастелло – сын Героя Советского Союза летчика Николая Гастелло»¹². Это были дети, испытывавшие ужасы войны, 75 % не имели отцов.

В советский период в основу системы нравственного воспитания был положен личный пример офицеров-воспитателей. Строгий уставной порядок и соблюдение субординации вырабатывали у суворовцев и нахимовцев правильное понимание повиновения: тот, кто подчиняется, получает право приказывать.

4 июня 1944 г. ГКО принял Постановление об открытии в СССР еще шести суворовских военных училищ в городах: Казань, Куйбышев, Горький, Саратов, Тамбов и Тула, а также НВМУ¹³ в освобожденном от блокады Ленинграде.

Правительство СССР, несмотря на трудности военного времени, проявило колоссальную энергию в создании необходимых условий для суворовских и нахимовских училищ, и в первую очередь в обеспечении их помещениями, питанием, обмундированием, в создании подсобных хозяйств и летних лагерей.

24 июня 1945 г. впервые суворовцы старших рот Горьковского СВУ и Тульского СВУ, а также рота барабанщиков Московского военно-музыкального училища под гром аплодисментов прошли

по Красной площади в Москве на Параде Победы, показав свою великолепную выправку и не по годам хорошую строевую выучку. Участие суворовцев и нахимовцев в Парадах Победы на многие десятилетия стало одной из примечательных традиций будущих офицеров и визитной карточкой праздничной Москвы и других городов Советского Союза, где располагались эти военные учебные заведения.

В 1945 победном году было открыто НВМУ в г. Рига. В 1948 г. первые выпускники СВУ стали курсантами военных училищ, а первые лейтенанты, носившие в юности алые погоны, пришли в армию в 1950-м¹⁴.

Первые училища были созданы прежде всего для детей, родители которых погибли или сражались на фронтах Великой Отечественной войны (1941–1945). Таких детей в первых наборах было свыше 80 процентов. Прошло несколько лет, условия изменились. Установленный ранее порядок комплектования училищ сиротами себя изжил, теперь в них предписывалось принимать преимущественно детей военнослужащих – здоровых, наиболее способных для военной службы мальчиков, достигших 11-летнего возраста после окончания ими начальной школы.

В 50-е годы XX в. открываются еще два суворовских училища: в 1953 г. – в Минске, в 1955 г. – в Ленинграде. Необходимо отметить, что география суворовских и нахимовских училищ во многом напоминала географию средних военно-учебных заведений царской России (кадетских корпусов, военных гимназий, прогимназий и училищ). Они нередко размещались в тех же помещениях. К этому времени в СССР функционировало **19 суворовских училищ и 3 нахимовских училища**. Это самая обширная сеть подготовительных военных училищ за все годы их существования. В них обучалось более 120 тысяч воспитанников¹⁵.

За свою 70-летнюю историю суворовские и нахимовские училища неоднократно реорганизовывались. Некоторые из них переводились в другие города, изменялись их названия. Так Кутаисское училище в мае 1946 г. переводится в г. Петродворец – пригород Ленинграда, и получает наименование Ленинградское суворовское пограничное военное училище (ЛСПВУ), Горьковское стало Московским, Курское – Уссурийским, Сталинградское – Оренбургским, Харьковское – Киевским, Краснодарское – Орджоникидзевским, Орловское – Свердловским.

С конца 50-х гг. в СССР берется курс на переоснащение Вооруженных сил новыми видами вооружений и боевой техникой, ставка делается на новые ракетные комплексы. Принято решение о сокращении Вооруженных сил СССР и в связи с этим произошло уменьшение численности офицерского состава. Поэтому, начиная с 50-х годов, часть суворовских и нахимовских училищ подлежала сокращению и последующей реорганизации (50–90-е гг. XX в.):

а) оно началось с изменения **численности** училищ. Так Рижское НВМУ было закрыто в 1953 г., Тбилисское НВМУ – в 1955 г., в 1960 г. были расформированы: Ленинградское СПВУ (СВУ), Саратовское, Тамбовское и Тульское суворовские училища, успешные сделать по 11 выпусков; в 1961 г. – Оренбургское (13 выпусков); в 1962 г. – Ставропольское (13 выпусков); в 1963 г. – Воронежское и Новочеркасское (по 15 выпусков); в – 1964 г. – Куйбышевское (15 выпусков); в 1968 г. – Орджоникидзевское (20 выпусков). В итоге всего осталось 8 училищ.

б) по **продолжительности обучения**: 1943–1950 гг. – 10 лет, 1950–1962 гг. – 7 лет, с 1964 до 1971 г. – 3 года, с 1969 до 1991 г. – 2 года. С этого времени в них принимались юноши в возрасте 15–16 лет для продолжения учебы только в 10–11 классах. С 1991 по 2011 г. – 3 года.

в) по **виду образования** от общего среднего – до среднего специального военного. В 1955 г. Ленинградское пехотное училище им. С.М. Кирова в качестве эксперимента было реорганизовано в Суворовское офицерское училище (СОУ), как и еще два – Киевское и Свердловское. В каждом из них были объединены два учебных заведения: СВУ и Пехотное училище. В таком виде они просуществовали до 1958 г., сделав по 4 выпуска офицеров. Практика, однако, показала, что сочетать в стенах одного училища по существу два военно-учебных заведения (ВУЗ) разного уровня и с разными задачами нецелесообразно. Поэтому эти СВУ вновь вернулись к обучению подростков, давая им среднее полное (общее) образование с предпрофессиональной военной подготовкой без специализации¹⁶.

В 1959 г. по решению Военного совета Сухопутных войск МО СССР открылись **Военно-педагогические курсы** переподготовки командиров рот и офицеров-воспитателей суворовских военных и нахимовского военно-морского училищ¹⁷. Вначале курсы размещались в Подмоскowie (п. Хлебниково), затем в 1960-е гг. они были

переведены в Ленинград и работали при Ленинградском суворовском военном училище с некоторым перерывом до 1971 г.

Учебный план Курсов включал такие дисциплины, как марксистско-ленинская подготовка, общая и военная педагогика, общая и военная психология, основы анатомии и физиологии, школьная гигиена, эстетика, методика воспитательной работы, военная подготовка и ее методика, физическая подготовка. Для чтения лекций, проведения семинарских занятий на курсах привлекались видные ученые из вузов Северной столицы и офицеры Ленинградского военного округа. Слушатели курсов получали высокую теоретическую подготовку, особенно по вопросам детской и юношеской психологии и педагогики. Они приобретали и практические навыки воспитательной работы: в соответствии с учебным планом слушали и проводили в ЛСВУ политинформации и беседы, присутствовали на диспутах и читательских конференциях. Слушателям курсов также читались лекции по вопросам науки, литературы и искусства. Учебной программой предусматривалось проведение тематических экскурсий в музеи и военно-учебные заведения города.

На Военно-педагогических курсах проводилась научно-методическая и исследовательская работа по обобщению и распространению передового опыта работы командиров рот и офицеров-воспитателей. Так, силами преподавателей и слушателей курсов проводились конкретные социологические исследования по выяснению мотивов поступления суворовцев в училище, факторов, влияющих на выбор военной профессии, эмоционального воздействия на суворовцев проводимых в училище воспитательных мероприятий и другие вопросы. На курсах проводились также научно-методические конференции, совместные заседания педсовета училища. В итоге слушатели курсов получали высокую теоретическую подготовку, особенно по вопросам психологии и педагогики.

На базе Курсов проводились учено-методические сборы начальников учебных отделов, старших преподавателей всех СВУ и НВМУ. К 20-летию СВУ на Курсах был издан «Историко-педагогический очерк о суворовских военных училищах» под редакцией начальника управления военно-учебных заведений Сухопутных войск МО генерал-лейтенанта А.И. Белогорского¹⁸.

В конце 60-х гг. открываются высшие военно-политические училища видов и родов войск ВС СССР. Вероятно, по этой причине

Военно-педагогические курсы в начале 70-х гг. были закрыты. Работа по совершенствованию педагогических и военных знаний офицеров и преподавателей была возложена на начальников суворовских военных и нахимовского военно-морского училищ. К сожалению, такая практика, как показало время, себя не оправдала.

Конечно, эта «перестройка» учебно-воспитательного процесса коренным образом меняла подходы и саму суть обучения и воспитания будущих офицерских кадров. Говорить о достаточно серьезном качестве подготовки офицерской смены в этих условиях не представлялось возможным.

И все же за данный исторический период суворовские и нахимовские училища накопили богатый передовой педагогический опыт по передаче знаний высокого качества по общеобразовательным дисциплинам, военно-патриотическому, морально-психологическому воспитанию, выработке высоких нравственных качеств личности будущего офицера, таких как: честь, долг, преданность Родине в сочетании с готовностью во имя нее к подвигу. В училищах и по сей день реализуется педагогическая система, созданная в 40–90-е гг. XX в. Она включает в себя ритуалы, традиции, пропаганду военной героики на уроках русского языка и литературы, истории и обществознания, внеурочную деятельность под руководством педагогов по внеклассной работе и офицеров-воспитателей. Целенаправленная педагогическая деятельность педагогов велась и ведется на основе учета индивидуальных особенностей суворовцев (нахимовцев), педагогического такта и уважения личности. За прошедшие десятилетия в учебном процессе наработаны межпредметные связи общеобразовательных и общевойсковых дисциплин: алгебра и геометрия – огневая подготовка; химия и биология – защита от оружия массового поражения; физика и математика – основы полета пули, снаряда и ракеты; география – основы военной топографии и т.д.

Основой военно-профессиональной ориентации воспитанников училищ, кадетских корпусов и классов стали и ныне являются беседы с военными психологами, офицерами-воспитателями и командирами рот, а также с командованием учебных учреждений. Она проявляется и через постоянные связи многих поколений суворовцев и нахимовцев: путем посещения училищ выпускниками разных лет, их встреч с нынешними суворовцами и нахимовцами, выступлений перед ними с беседами о поступлении в средние и

высшие военные учебные заведения и учебе в них, об особенностях воинской службы в офицерском звании в различных видах и родах войск, в целом о будущей жизни, военной карьере, быте и успехах на «гражданке». Сюда относится роль и значение в педагогической системе СВУ и НВМУ физического и нравственного воспитания, позволяющего сформировать у воспитанников такие качества, как выносливость, приспособляемость к разным жизненным ситуациям, способность к преодолению тягот и лишений воинской службы.

«Не отрицая утверждения идеологов кадетского движения зарубежья И.Н. Андрушкевича, А. Ермакова, А. Йордана о значимости военно-патриотических традиций отечественных кадетских корпусов дореволюционной России, мы утверждаем, что СВУ и НВМУ советского периода, несмотря на их коммунистическую идеологию, продолжили военно-патриотические традиции и накопили передовой педагогический опыт нравственного воспитания суворовцев и нахимовцев в служении Отечеству»¹⁹.

И в этом значительная роль принадлежит системе воспитательных мер, одним из важных звеньев учебно-воспитательного процесса которой являлись и являются училищные музеи. На сегодняшний день они существуют практически в каждом из прежних СВУ и НВМУ, открыты они (или готовятся к открытию) в ряде новых СВУ и кадетских корпусов. Регулярное посещение музеев дает воспитанникам возможность увидеть историю, если так можно выразиться, «живьем» и сформировать цельный, комплексный взгляд на историю кадетской системы обучения и воспитания, знать историю своего учебного заведения, выдающихся выпускников и героев, гордиться ими, брать с них пример и стараться быть похожими на них²⁰.

В итоге, результат налицо. Бывшие суворовцы и нахимовцы традиционно выделяются высоким уровнем подготовки. Но дело не только в образованности. Выпускники суворовских и нахимовских училищ обладали и обладают, как правило, высокими человеческими качествами, такими как целеустремленность, товарищеская спайка и сплоченность, ответственность за порученное дело, умение быстро приспосабливаться к различным жизненным обстоятельствам и др. Все они с особой теплотой вспоминают годы своей юности и продолжают поддерживать дружеские отношения на протяжении многих десятилетий.

За годы существования суворовских и нахимовских училищ из их стен вышло свыше 120 тысяч воспитанников, основная часть которых посвятила себя военной службе. Тут уместен вопрос: в какой мере вообще эти заведения являются преемниками императорских кадетских корпусов? Ответ неоднозначен, – отмечает историк кадетского движения И. Лоцилов, – тем более что советская власть противилась такому сопоставлению, навязывая подчас искаженные представления о предшественниках²¹. К слову сказать, русские кадеты зарубежья, не имея возможности воочию видеть жизнь в стране Советов в 40-х – начале 80-х гг., тоже имели о суворовских и нахимовских училищах весьма искаженное представление и упрекали их в том, что воспитание суворовцев и нахимовцев было слишком идеологизировано. С этим трудно спорить, отмечает далее И. Лоцилов. «Коммунистический режим, не имея вековых традиций, разработал собственные методы воспитания преданности своим идеям. И немало преуспел в этом. Проходило время, и суворовцы показывали такую же преданность, как и когда-то их предшественники»²². А преданность в отличие от предательства, всегда являлась безусловной военной доблестью. Что же касается морально-боевых качеств, то они полностью соответствовали лучшим традициям российского воинства. Следует помнить, что первых суворовцев и нахимовцев воспитывали офицеры – победители, не понаслышке знающие, что такое войсковое братство и какова ему цена. Многолетняя совместная жизнь юношей в условиях учебных заведений превращала учебное подразделение в единую семью, а для многих сирот она и была единственной, учила уважительности, честности, верности товарищескому долгу и многим другим качествам, которые отличали старых кадет. По этой причине первых суворовцев и нахимовцев можно без сомнения считать их прямыми наследниками. Эти традиции передавались младшим поколениям воспитанников СВУ и НВМУ.

Жизнь выпускников СВУ и НВМУ в 80-е гг. XX в. – начале XXI в. отличалась рядом характерных черт:

Во-первых. Встречавшиеся ранее между собой бывшие воспитанники суворовских военных и нахимовских военно-морских училищ по примеру зарубежных кадет во второй половине 80-х гг. XX в. стали создавать свои объединения, союзы и клубы в городах России. «Мы поняли, что единство кадетской семьи надо крепить в период распада великой страны. Такие союзы появились сначала

в Москве (1987 г.) и Ленинграде – 1989 г., а далее в Харькове, Киеве, Владивостоке, Минске, Екатеринбурге (Свердловске) и многих других городах. С 1990 г., как правило, в Москве стали проводиться межклубные встречи и собрания. В 1991 г. появился Всероссийский Суворовско-нахимовский клуб»²³. Основная тяжесть этой хлопотной организационной работы легла на плечи выпускников СВУ и НВМУ в основном 60–80-х гг. выпуска. Главными направлениями деятельности общественных объединений суворовцев, нахимовцев и кадет стали: ведение активной военно-патриотической работы среди молодежи, оказание разнообразной взаимной помощи. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы» предусматривает повышение роли государственных и общественных структур в формировании у граждан РФ высокого патриотического сознания. «Важнейшим элементом системы патриотического воспитания стали общественные объединения выпускников суворовских, нахимовских училищ и кадетских корпусов. Их основной задачей является передача молодежи опыта беззаветного служения своему Отечеству с юных лет. В первую очередь она реализуется через совместные мероприятия и проекты, в которых воспитанники кадетских учебных заведений участвуют вместе с ветеранами – кадетами. Эти отношения поддерживаются уже более четверти века. Это показано в таблице № 1.

Таблица 1

1998 декабрь	Отчетно-выборная конференция Межрегионального союза выпускников суворовских военных, нахимовских военно-морских училищ и кадетских корпусов (г. Москва)	
2004 Май	Учредительная конференция (Москва)	Создана Международная ассоциация суворовских, нахимовских и кадетских объединений «Кадетское братство»
2006 апрель	Учредительная конференция (Москва)	Создано «Российское кадетское братство»
2007 июль	Межрегиональная конференция представителей кадетских общественных объединений (г. Москва)	
2008 август	Учредительная конференция Международной ассоциации «Кадетское братство» (Москва)	МАСНКО прекратило свое существование. На ее базе создана МАКБ.

Так в 80-е гг. XX в. в Советском Союзе зародилось суворовско-нахимовское движение (как массовая общественная организация), оно расширялось и крепло уже в Российской Федерации и получило краткое, но емкое название – «кадетское движение России». Хотя, конечно, его становление проходило не без проблем.

Во-вторых. Укрепление кадетских связей, участие представителей руководства суворовско-нахимовского движения России в кадетских съездах Объединений кадет русского зарубежья. В сентябре 2012 г. исполнилось 20 лет с первой встречи русских зарубежных кадет с суворовцами, нахимовцами в Москве и Санкт-Петербурге. Этой встрече предшествовали сложные приготовления, начавшиеся немедленно после XII Кадетского Съезда, состоявшегося в 1990 г. в городе Санта-Роза, в Калифорнии. На этом Съезде был учрежден «Центр кадетской связи», которому было поручено установить связь с суворовцами и нахимовцами в России.

«Сегодня, через двадцать лет, уже нет в живых большинства зарубежных организаторов и участников этой встречи. Да и многих ее участников из России тоже уже нет среди нас <...> Посему необходимо, хотя бы вкратце, вспомнить по поводу этой 20-летней годовщины некоторые обстоятельства отмечаемой встречи, а также и резюмировать ее главные результаты.

В первую очередь, необходимо вспомнить стоявшие тогда перед русскими зарубежными кадетами задачи и цели. «Стратегической задачей русских зарубежных кадет было всемерное содействие расцвету идеи кадетского воспитания и возрождению русских кадетских корпусов в России, их сочувствию в возрождении России, а не увековечивание Русской Эмиграции в Изгнании. Сегодня важно напомнить, что с самого начала имелось в виду именно сердечное содействие, помощь и сотрудничество русских зарубежных кадет в процессах возрождения в России кадетских корпусов, без претензий на руководство или лидерство <...> В результате тогда было положено начало трем одновременным процессам:

- 1) установлению товарищеских кадетских контактов и связей с суворовцами и нахимовцами,
- 2) участие в возрождении русских кадетских корпусов в России,
- 3) возвратная передача русских кадетских традиций, заветов и девизов»²⁴.

В резолюции XIII съезда (26 января – 6 февраля 1992 г., Каркас, Венесуэла) одним из направлений деятельности зарубежных

кадетских объединений было предложено: «Сотрудничество с суворовско-нахимовскими клубами в России»²⁵.

Таблица 2

Сотрудничество российских и зарубежных кадет

1992 сентябрь	1-я Встреча зарубежных кадет Российских кадетских корпусов с суворовцами и нахимовцами России	Поездка на теплоходе Москва – Санкт-Петербург, посещение Новочеркасска и Воронежа. Кадетский бал в Адмиралтействе (Санкт-Петербург)
1993 сентябрь	50-летие создания СВУ и НВМУ	Встреча выпускников суворовских и нахимовских училищ с ветеранами кадет русского зарубежья на территории современной России.
1997 июль	2-я Встреча зарубежных кадет Российских кадетских корпусов с суворовцами и нахимовцами России	Открытие и освящение плиты на могиле Великого князя Константина Константиновича (Петропавловская крепость, Санкт-Петербург). Поездка зарубежных кадет в Москву и Новосибирск
1998 сентябрь	XVI съезд зарубежных кадет в России (Санкт-Петербург и Москва)	Кадетский бал в Нахимовском ВМУ (Санкт-Петербург)
2008 сентябрь	XX съезд зарубежных кадет (Вашингтон, США)	Участие в съезде делегаций региональных кадетских объединений из России
2009 июль	XXI заключительный съезд зарубежных кадет (Сербия, Югославия)	Участие в съезде делегаций региональных кадетских объединений из России

XIV съезд Нью-Йоркского объединения кадет русского зарубежья (12–17 сентября 1994 г., штат Пенсильвания, США) был посвящен 45-летию его создания. «XIV съезд был первым, – отмечает один из современных историков кадетского движения В.М. Меньшов, – на котором присутствовали единомышленники из России, имеющие прямое отношение к воспитанию подрастающего поколения военной молодежи. Они обогатили и конкретизировали работу съезда и помогли вынести резолюцию, отвечающую нуждам корпусов и училищ в России»²⁶. На съезд из России прибыли: генерал-майор запаса Друкарев А.А., полковник запаса Исаков Е.П.,

капитан 1р. Комаров А.А., контр-адмирал Малов Н.Н., генерал-майор Скоблов В.Н., генерал-лейтенант Чувакин А.Р. Говоря от имени всех суворовцев и нахимовцев, гости из России поздравили старших кадет-выпускников зарубежных кадетских корпусов с открытием XIV съезда, а Нью-Йоркское объединение кадет – с 45-летием со дня его основания и вручили съезду памятные подарки, в числе которых было полотнище Андреевского флага. Глеб Сперанский (руководитель Нью-Йоркского объединения кадет более 30 лет – А.К.) предложил, чтобы этот флаг стал переходящим символом связи от съезда к съезду²⁷.

Современный период развития суворовско-нахимовской школы и кадетского движения в России (с 1991 г. по настоящее время)

Начало 90-х гг. XX в. – точка отсчета нынешнего, современного периода в истории развития кадетского движения, воспитания и образования в России. Он имеет свои существенные особенности.

1. После распада Советского Союза в России остались действующими шесть суворовских военных училищ, Ленинградское нахимовское военно-морское и Московское военно-музыкальное училища. В последующие годы к ним добавились: Ульяновское СВУ (1991 г.) и Северо-Кавказское СВУ (2000 г.) во Владикавказе.

2. С 1991 г. началось **возрождение** кадетских корпусов старого типа. Это был новый этап развития военно-учебных заведений довузовского образования. Его особенностью стало то, что к имеющимся военным подготовительным училищам стали прибавляться кадетские корпуса не только силовых ведомств, но и под эгидой министерства образования и науки РФ. Это была своего рода региональная инициатива снизу. Инициатором явилось донское казачество, нашедшее моральную и материальную поддержку со стороны зарубежных кадет.

В 1994 г. в Новочеркасске открыл свои двери Донской Императора Александра III кадетский корпус, который унаследовал наименование, атрибутику и традиции своего предшественника, существовавшего в этом городе с 1883 по 1920 гг. Вслед за ним стали возникать новые заведения, претендующие на звание кадетских корпусов. Большинство из них представляли собой 1–2 класса обычной школы, ученики которых на несколько часов в неделю надевали форму и становились кадетами. Но даже при таком

режиме они уже после школьных каникул и нескольких месяцев учебы превосходили сверстников по собранности, сообразительности, опрятности, умению держать себя. Таковы последствия начальных импульсов военного воспитания.

Эта инициатива была одобрена и поддержана на федеральном уровне опубликованием Распоряжения Президента РФ № 155-рп от 3.04.1995 «О суворовских военных, нахимовских военно-морских училищах и кадетских корпусах МО и МВД Российской Федерации» и Распоряжения Президента РФ № 188-рп от 9.04.1997 «О создании общеобразовательных учреждений – кадетских школ (школ-интернатов)».

В последующие годы к вновь созданным учебным заведениям добавились Ракетно-артиллерийский кадетский корпус (1993), Морской кадетский корпус в Кронштадте (1996), 1-й кадетский корпус ФПС ФСБ РФ (1996) в Пушкине (Царском Селе), Военно-космический кадетский корпус (1996) в Санкт-Петербурге, Кадетский корпус железнодорожных войск РФ (1999) в Петродворце, СВУ МВД (1991) – в Ростове-на Дону, СВУ МВД – в Санкт-Петербурге (2003). Это государственные учебные заведения силовых ведомств, имеющие опытных педагогов и опирающиеся на современную учебно-материальную базу. Они давали своим питомцам всестороннюю подготовку, значительно выходящую за рамки обычной школы. Например, в них возродили курс военного перевода, дающий право выпускнику на получение удостоверения военного переводчика. В ряде учебных заведений введен курс «Культура и искусство», призванный ориентировать кадет в многообразных течениях мировой культуры и прививать им определенные эстетические вкусы; изучается комплекс основ психологических дисциплин, способствующих овладению навыками общения и организации работы с людьми. Все это – помимо предметов, ставших для кадет обязательными: общевойсковые дисциплины и углубленная физическая подготовка, музыка и танцы.

К 60-летию СВУ и НВМУ (2003 г.) была создана довольно стройная, управляемая система подготовки несовершеннолетних граждан в военно-учебных заведениях. Ценой больших усилий военному ведомству удалось не только сохранить, но и укрепить все положительное, систему довузовской военной подготовки в период различных реформ, которые происходят в нашей стране последние двадцать лет.

В итоге, в это время подготовку суворовцев, нахимовцев, воспитанников и кадет в России осуществляли 16 общеобразовательных учреждений МО: 8 СВУ МО РФ, расположенных во Владикавказе, Екатеринбурге, Казани, Москве, Санкт-Петербурге, Твери, Ульяновске и Уссурийске, Нахимовское военно-морское училище (Санкт-Петербург), Московское военно-музыкальное училище, а также вышеназванные 6 кадетских корпусов. Здесь учились и делали первые шаги в армейском строю более 8 тысяч человек. Ежегодно выпуск составлял около 2500 человек, большинство из которых поступали затем в вузы МО»²⁸.

3. Важным событием в рассмотрении проблематики суворовских военных и нахимовского военно-морского училищ явился выход в свет в 2000 г. книги В.А. Тараканова. В ней дана положительная оценка действовавшим Педагогическим курсам при Ленинградском СВУ. Автор также предлагает проводить строгий отбор командного и преподавательского состава при назначении их на должности в суворовские училища. Но возникает вопрос: где их взять? – отмечают В. Боков и А. Максимов. – В связи с этим хотелось бы высказать следующее предложение: «Настало время восстановить военно-педагогический институт либо открыть при одном из военных университетов факультет подготовки преподавателей и офицеров-воспитателей суворовских военных училищ и кадетских корпусов.

Суворовским военным, нахимовскому военно-морскому училищам и кадетским корпусам нужны также научные рекомендации. Без них решения даже на самом высоком уровне будут субъективистскими, что уже не раз бывало. Невольно напрашивается и практическая рекомендация о необходимости создания Курсов подготовки старших преподавателей и офицеров-воспитателей для суворовских военных (и нахимовского военно-морского – А.К.) училищ, которые стали бы центром разработки методов и средств достижения наших ближайших и перспективных целей, центром методической и воспитательной работы»²⁹.

4. Обучение и воспитание суворовцев, нахимовцев и кадет в современных условиях идет в неразрывной связи с историей нашего государства. «Мы всегда помнили, помним и будем помнить славные традиции наших предков, которые воевали за независимость и процветание Отечества. Что отличает, что наиболее полно характеризует тех, кто прошел школу становления, мужского

воспитания в стенах суворовских училищ? Главными чертами их характера в повседневной деятельности являются: верность воинскому долгу, патриотизм, глубокие профессиональные знания, широкая образованность и эрудиция, высокоразвитое чувство воинского товарищества, порядочности и чести»³⁰. Куда бы воинский долг не посылал выпускников СВУ и НВМУ, они с честью и достоинством служат Отчизне. За 70 лет работы «суворовские военные и нахимовские военно-морские училища, школы начальной военной подготовки воспитали около 150 тысяч лучших сынов Отечества, десятая часть которых, выполняя воинский долг, погибла во имя Родины. Среди бывших воспитанников немало известных и заслуженных людей: 12 Героев Советского Союза (один из них – летчик-космонавт генерал-майор В. Джанибеков – дважды Герой Советского Союза), 2 Героя Социалистического труда, свыше 40 Героев России, три генерала армии (В. Бобрышев, К. Кочетов и В. Казанцев), более 1000 генералов, Секретарь Совета безопасности России Игорь Иванов, 3 министра правительства СССР и России, 4 заместителя министра обороны, более 20 командующих военными округами и их заместителей, более 100 командующих армиями и представителей командного состава оперативно-стратегического уровня, 2 академика РАН, около 500 докторов наук, около десяти народных артистов СССР и России, целая плеяда известных творческих работников, более 30 чемпионов и призеров Олимпийских игр, многие десятки чемпионов мира и тысячи мастеров спорта³¹. На космическую орбиту выходил и Герой Советского Союза бывший суворовец Ю. Глазков (Ст СВУ-1957), а позже – Р. Романенко (Лн СВУ-1988). На жизненных примерах воспитанников СВУ – генерал-лейтенанта Е. Кузнецова, (первого «суворовского» генерала), а также генерал-полковника В. Миронова, генерал-лейтенантов Ю. Гусева, В. Колесова, А. Смирнова, И. Студеникина, А. Егорова и многих других – учатся суворовцы нынешнего поколения. Питомцы суворовских военных и нахимовских военно-морских училищ успешно трудятся в науке, культуре и искусстве, на общественном поприще. Министр иностранных дел РФ – И. Иванов – выпускник Московского СВУ; О. Михайлов (писатель, автор романов о А.В. Суворове, А.П. Ермолове, Г.Р. Державине) – выпускник Курского СВУ; бывший начальник Института военной истории МО РФ, академик генерал-майор В.А. Золотарев – выпускник Ленинградского СВУ; экс-губернатор Московской

области Герой Советского Союза генерал-полковник Б.В. Громов – выпускник Калининского СВУ; народный артист СССР Герард Васильев – выпускник Горьковского СВУ. Во всех видах и родах войск Вооруженных Сил, в главных и центральных управлениях Министерства обороны РФ можно встретить офицеров, которые с гордостью носят значки с профилями великого русского полководца генералиссимуса А.В. Суворова и прославленного русского флотоводца адмирала П.С. Нахимова. «Таким образом, ни одна другая национальная система обучения и воспитания граждан России не дала таких выдающихся результатов в чистом виде. А значит, у нее великое будущее. Сегодня России, может быть, как никогда нужны новые патриоты, которые хотели бы готовить себя к служению Родине на военном и государственном поприще с детства³². Конечно, здесь приведена лишь часть примеров из истории зарождения, становления и развития в нашей стране суворовского (и нахимовского – авт.) движения, из жизни настоящих патриотов России, тех, кто верен долгу защитника родной земли, когда ей угрожает враг, кто до конца верен девизу «Жизнь – Родине, честь – никому». «Закалку характера, нравственные ориентиры, стойкость в преодолении трудностей и мужество в принятии главных в судьбе человека решений они получили под путеводной звездой алых погон, которая светит юности России вот уже 60 лет»³³.

5. За 70 лет существования суворовских военных и нахимовских военно-морских училищ в них сложились свои устои и традиции³⁴. За эти годы выработана система подготовки молодежи к службе в Вооруженных силах, которая продолжает совершенствоваться. Так благодаря стараниям ветеранов суворовско-нахимовского объединений Москвы и Санкт-Петербурга руководством МО РФ принято решение о том, чтобы в течение 2008–2011 гг. был осуществлен перевод Екатеринбургского, Московского, Санкт-Петербургского, Тверского, Ульяновского, Уссурийского суворовских военных и нахимовского военно-морского училищ на 7-летний срок обучения. С 2009 г. в училища стали принимать школьников только после окончания ими 5-х и 6-х классов. В 2010 г. – после 4-х и 5-х классов. С 2011 г. – только после 4-го класса. Таким образом, к 2011 г. три военных общеобразовательных учреждения в Санкт-Петербурге – СВУ МО, Нахимовское военно-морское училище и Кронштадтский морской кадетский корпус – полностью перешли

на 7-летний срок обучения. То есть произошел возврат к проверенным временем изначально принятым кадетским устоям.

6. В Санкт-Петербурге к лету 2011 г. существовало два СВУ, НВМУ, пять кадетских корпусов силовых ведомств РФ и около 10 кадетских школ- интернатов и классов. По общему числу кадетских образовательных учреждений Петербург по-прежнему занимает ведущее место в Российской Федерации. Эти обстоятельства позволяют продолжить дореволюционную традицию называть Санкт-Петербург кадетской столицей.

Период возрождения кадетского образования и воспитания, а также кадетского движения исследован нами в виде анализа их современного состояния: **проблемы и перспективы**. За последние 20 лет, – отмечает Н.С. Костоусов, – выявились как положительные, так и отрицательные тенденции в современном кадетском образовании и воспитании.

К положительным тенденциям можно отнести:

а) количественный рост кадетских образовательных учреждений до реформы 2008 г. на федеральном уровне: с 7 СВУ, НВМУ и ВМУ и 10 кадетских корпусов Минобороны и других силовых министерств; на региональном уровне с 1 в 1992 г. до 69 кадетских образовательных учреждений Министерства образования и науки в настоящее время (на 2009 г. – А.К.). В них обучается около 21 тыс. кадет.

б) преемственность педагогических и военно-патриотических традиций: элитарность – не только высокий конкурс при поступлении в военно-учебные заведения, но в первую очередь нацеленность на качество среднего (общего) образования и духовно-нравственного воспитания³⁵. Как пример, становится традицией проведение выставок творчества и достижений воспитанников довузовских образовательных учреждений Министерства обороны РФ. Первая Всероссийская выставка была посвящена 70-летию суворовского движения в России (Санкт-Петербургское СВУ, ноябрь 2012 г.);

в) в аспекте ранней профессионализации целостной системы разработаны: комплекс традиций, обычаев, праздников и ритуалов, в которых на основе педагогической конвергенции учитываются общечеловеческие, религиозные и военно-патриотические ценности; система поощрений и наказаний³⁶;

г) благотворительность в аспекте решения важных социальных

задач по воспитанию детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, из малообеспеченных семей (63 % из общего числа воспитанников КК-сов);

д) в процессе исследования, отмечает Н.С.Костоусов, осуществлялось отслеживание важной составляющей кадетского образования – *нравственное воспитание*, т.е. процесс формирования у кадет, суворовцев и нахимовцев нравственного стержня будущего государственного служащего, включающего честь, долг, ответственность. Анкетирование прошли не только учащиеся, но и выпускники. Результаты подтвердили основные положения возрастной педагогики и возрастной психологии³⁷;

е) укрепление связей поколений выпускников суворовских, нахимовских училищ и кадетских корпусов. В последнее десятилетие стали регулярными совместные мероприятия на региональном и федеральном уровнях. Они имеют различные формы: выпуск исторических очерков и воспоминаний об училищах и корпусах; сбор и анализ исторических справок о кадетских школах и классах; издание газет и журналов, буклетов, альманахов и поэтических сборников; подготовка юбилейных знаков с символикой учебных заведений; создание электронной энциклопедии кадетского воспитания и образования «Кадеты России» (Санкт-Петербург, 2001), баз данных выпускников, аудио- и видеоматериалов и обмен ими, а так же проведение всероссийских и международных скайп-конференций; празднование юбилейных дат 50-летия и 60-летия образования СВУ и НВМУ; подготовка и проведение кадетских съездов в России³⁸; нынешняя подготовка ОС СНКР к празднованию 70-летнего юбилея образования СВУ и НВМУ, поддерживаемая на федеральном уровне Президентом РФ и др.

е) деятельность Музея истории кадетских корпусов России (МИККР). Решение о его создании в Санкт-Петербурге, кадетской столице России, было принято в 2001 г. Новый музей, ставший филиалом Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС) – старейшего военного музея России (образован в августе 1703 г. – А.К.), «призван побудить интерес наших граждан к военной истории Отечества, проблемам военного образования и воспитания юношества. Это решение лежит в русле давних кадетских традиций»³⁹.

Согласно научной концепции, Филиал музея является научно-исследовательским и культурно-историческим центром⁴⁰. В период

своего становления (за 11 лет) научные сотрудники музея применяли и продолжают использовать разнообразные формы работы.

В подготовительный период велась поисковая, собирательская и аналитическая работа по комплектованию музейных фондов предметами для подготовки их к экспонированию по всем разделам более чем 300-летней истории кадетского образования и воспитания, а также кадетского движения в России. Предметной базой музея станут предметы и коллекции по кадетской истории, хранящиеся в фондах существующих музеев, архивов и библиотек, в кадетских образовательных учреждениях, а также в региональных суворовско-нахимовских объединениях России, объединениях российских кадет за рубежом и частных коллекциях. Ее основу составят вещественные памятники (знамена и награды, нагрудные знаки и жетоны, образцы личного оружия, военной формы и снаряжения, предметы быта), а также художественные изделия, изобразительные предметы, письменные источники, документальные кино- и фотоматериалы.

Сотрудниками филиала музея активно проводятся и практические мероприятия по экспозиционно-выставочной, научно-исследовательской и научно-просветительской работе (музыкальная и экскурсионная деятельность – А.К.). Так в настоящее время идет подготовка тематической выставки «Честь мундира» (к 70-летию создания СВУ и НВМУ), которая откроется в сентябре 2013 г. В ней примут участие многие кадетские образовательные учреждения России. Параллельно ведется активная редакционно-издательская деятельность.

За относительно небольшой период существования музея благодаря исторической новизне собранных материалов и разнообразию форм работы с экскурсантами сотрудники филиала музея сумели привить интерес к кадетской тематике, используя новые подходы к ней, и привлечь внимание различных категорий экскурсантов, но, конечно, в первую очередь армейской, флотской и гражданской молодежи. Тем самым филиал музея, как новое и востребованное учреждение военной истории и культуры, смог доказать свою педагогическую состоятельность и практическую необходимость для воспитания суворовцев, нахимовцев и кадет, а также гражданской молодежи не только из Санкт-Петербурга, но и других городов России и зарубежья. Со временем МИККР должен стать методическим центром для музеев кадетских образовательных учреждений.

В дальнейшем, с открытием комплексной кадетской экспозиции, МИККР станет действенным инструментом реализации государственных программ военно-патриотического воспитания юношества России в современных условиях. Организаторы и музейные работники надеются, что со временем филиал музея станет одним из уникальных и посещаемых уголков военной истории и культуры в центре Петербурга. Здесь оживет история. В нем переплетутся эпохи, судьбы ветеранов и нынешних воспитанников, воинские ритуалы и кадетские традиции. В стенах музея будут формироваться чистота помыслов, ревностное отношение к чести и достоинству, твердость духа и характера молодых людей⁴¹.

ж) укрепление содружества МИККР и Санкт-Петербургского Союза суворовцев, нахимовцев и кадет (СПб ССНК), их взаимодействие с кадетскими образовательными учреждениями. В последние десять лет эти связи строились по ряду направлений: олимпиады по различным предметам обучения, научно-практические конференции, литературные и музыкальные конкурсы, приуроченные к ведущим культурно-историческим событиям в жизни России, где представители старших поколений воспитанников училищ выступали в качестве наставников, кураторов и экспертов; встречи, слеты, тематические вечера нынешних воспитанников с ветеранами Великой Отечественной войны и труда, блокадниками Ленинграда, выпускниками разных поколений училищ, которые делились своим жизненным опытом с молодежью. Эти встречи способствовали возрождению национальных культурных ценностей, одухотворяли и характеризовали процесс передачи воинских ритуалов и укрепления суворовско-нахимовских и кадетских традиций; нужно отметить также совместное участие в ежегодных городских и региональных совместных проектах⁴². Так, одним из последних совместных проектов стала подготовка и представление передвижной фотовыставки «Санкт-Петербург – кадетская столица России». Она содержательно представляет собой более чем 300-летнюю историю подготовительных военных учебных заведений в России и отражает императорский, советский и современный периоды становления и развития кадетской системы воспитания и образования. Главными акцентом выставки является преемственность кадетского образования и воспитания, определены три основных исторических события: 310-летие учреждения светского военного и военно-морского образования в России (1701 г.),

280-летие открытия Первого кадетского корпуса (1732 г.) и 70-летие образования суворовских военных и нахимовских военно-морских училищ (1943 г.). Презентация выставки, начиная с января 2012 г., прошла во всех кадетских образовательных учреждениях силовых ведомств, расположенных в Санкт-Петербурге, где она экспонировалась. В 2012–2013 учебном году презентация выставки прошла и в кадетских школах и классах Минобразования и науки, расположенных в северной столице. Члены СПб ССНК участвовали также в Днях знаний (1 сентября), последнем звонке для выпускников (25 мая) и выпуске из кадетских образовательных учреждений Санкт-Петербурга (июнь 2007–2012 гг.)⁴³;

з) финансовая поддержка: учреждение именных стипендий суворовцам, нахимовцам и кадетам, спонсирование проведения юбилейных, культурных и спортивных мероприятий, а также увековечивание памяти выпускников – Героев Советского Союза и России в стенах училища в виде барельефов, бюстов и памятников, поддержка сирот; увеличение объемов финансирования кадетского образования в отдельных регионах;

ж) важными событиями в современной кадетской жизни стали кадетские съезды⁴⁴ в России, которые имеют историческое значение.

Таблица 3

Совместное проведение кадетских съездов в России

2007 сентябрь	Совместное проведение XIX Общекадетского Съезда Объединений кадет РКК зарубежья и Первого съезда кадет России (Москва).	<ul style="list-style-type: none"> • Создано Открытое содружество суворовцев, нахимовцев и кадет России» (ОС СНКР); • Принята Декларация о принципах деятельности объединений кадет.
2009 сентябрь	Второй Общекадетский съезд ОС СНКР (Санкт-Петербург)	<ul style="list-style-type: none"> • Решал проблемы кадетского воспитания и образования; • Сформировал основы стратегии кадетского движения.
2011 сентябрь	Третий съезд ОС СНКР (Екатеринбург)	<ul style="list-style-type: none"> • Поиск точек соприкосновения межрегиональных кадетских связей; • Установлен День российского кадета (25 января).

Таким образом, кадетские съезды России стали ведущими событиями и историческими вехами в становлении и качественном развитии кадетского движения в России. В целом они отразили озабоченность и принципиальное отношение к проблемам в

современной жизни суворовско-нахимовской и кадетской школы как целостной, уникальной по своим особенностям и характеристикам педагогической системы. Как и в прошлые десятилетия, она требует пристального внимания не только со стороны руководящих структур государства, но и широкой военной и гражданской обществу.

Отрицательные тенденции⁴⁵ отражают и современные проблемы кадетского воспитания и образования:

а) отсутствие единого федерального законодательства по кадетскому образованию не дает ему развиваться системно, так как оно до сих пор не включено в единое правовое и образовательное пространство РФ, а межведомственность, отсутствие единого органа руководства им не позволяют даже посчитать общее количество образовательных учреждений, функционирующих в нашей стране;

б) тенденциозность отдельных руководителей кадетских учебных заведений в присвоении себе неопределенных законодательством прав: например, А.Ф. Бахвалов, Н.В. Бордюг, Н.В. Кораваец и другие руководители кадетских корпусов сибирского региона, создав общественный совет директоров кадетских корпусов, считают себя единственными законными представителями кадетских корпусов в стране, имеющими право участвовать в экспертизе вновь создаваемых корпусов, дабы подтвердить либо не подтвердить их статус;

в) амбициозность отдельных руководителей общественных кадетских движений – А.И. Владимирова, А.Н. Шишкова и других, которые в своих публикациях в недостаточно корректной форме излагают свои взгляды, идеи относительно современного кадетского образования и деятельности Минобрнауки РФ, ассоциируя как одно целое цели и задачи общественного кадетского движения с кадетским образованием, но однозначно – это различные по сущности, структуре, содержанию и функциям понятия и виды деятельности;

г) среди проблем наибольшую актуальность имеет отсутствие системы подготовки, профессионально-педагогической переподготовки и повышения квалификации руководящих кадров, офицеров-воспитателей и преподавателей.

Важным этапом в военном строительстве, развитии военного образования в современных условиях стала **Военная реформа**

в России 2008–2012 гг. Она выявила острые проблемы в ВС РФ, в том числе в военном образовании, современной суворовско-нахимовской и кадетской школе, которые требуют своего решения. Однако, увы, в большей степени она оказала негативное влияние на ее модернизацию. Сейчас, по прошествии определенного времени, все четче вырисовываются, на наш взгляд, контуры проводимой Военной реформы и ее последствия, которые имели больше минусов, чем плюсов.

Минусы:

1. Условия политического кризиса и экономического хаоса «лихих» 90-х годов, отсутствие четко выраженной национальной идеи и государственной идеологии в течение более 20 лет в целом, а также закоренелость политической системы общества в современной России с ее противоречиями – все это вело и, к сожалению, продолжает вести общество к недоверию власти, к размытости и вырождению основополагающих духовных ценностей, национальных устоев и традиций российского государства. Отсюда непонимание многими людьми (особенно молодежью) реальной ситуации в стране, направления ее движения. Как следствие – нестабильность и экстремизм, общественное противостояние, оглупление и деградация населения страны;

2. Создается впечатление, что военная реформа не прошла важных стадий: четко продуманной и выработанной комплексной программы действий, согласований ее с профессионалами, обсуждения ее с научной общественностью, широкого освещения ее целей и задач в СМИ, выделения критериев, в соответствии с которыми создавался новый облик Вооруженных Сил РФ»⁴⁶, что нанесло большой вред состоянию Вооруженных Сил РФ;

3. Руководство практически всех суворовско-нахимовских и кадетских региональных объединений выразило непонимание того, что к управлению ВС РФ в 2008–2012 гг. как в военной, так и в общеобразовательной областях, привлекались непрофессионалы, а подчас и просто некомпетентные чиновники и чиновницы⁴⁷;

4. Попытки и конкретные шаги новоявленных чиновников МО РФ в проведении поспешных реформ (перетасовка и ликвидация ряда состоявшихся училищ и кадетских корпусов МО), что вело к развалу и угрозе разрушения суворовско-нахимовской школы, а также могло привести вообще к ее ликвидации⁴⁸.

1-й этап развала суворовско-нахимовской школы (2009–2010 гг.):

- май 2009 – решением МО РФ суворовцы и нахимовцы отстраняются от участия в парадах Победы;
- июль 2009 – суворовцы и нахимовцы впервые **не могут** поступать в приоритетном порядке в ВУЗ МО и др. силовых ведомств;
- август 2009 – «Новые правила» поступления в СВУ, НВМУ и ККМО РФ. По сути, закрыт набор в Кз СВУ, Северо-Кавказ. СВУ, Ул. СВУ и КМКК;
- подготовлено изменение штатного расписания в СВУ и НВМУ: все штатные военные должности заменены гражданскими. Таким образом Министр обороны РФ обеспечивал «существенное» сокращение ВС РФ.
- подписано Распоряжение об открытии еще 3-х СВУ МВД (Астрахань, Елабуга и Чита). Количество СВУ МО = количеству СВУ МВД. Все это впечатляет и настораживает!
- с 2010 г. офицерам СВУ запрещено ходить в военной форме одежды на территории училищ;
- суворовцы и нахимовцы впервые **не приняли участие** в параде в честь 65-летия Победы;
- выпускников СВУ и НВМУ распределяют в «никуда», так как приостановлен набор в ВУЗ МО РФ.

2-й этап развала суворовско-нахимовской школы (2011–2012 гг.):

- 19.08.2011 принято правительственное решение: «в целях оптимизации сети общеобразовательных учреждений Минобороны России к 1 сентября 2011 г. «реорганизовать в форме слияния» три кадетских корпуса (ВККК, КРАК и КК ЖДВ РФ) на базе последнего, в Петергофе, и на их основе организовать ФГКОУ «Санкт-Петербургский кадетский корпус»⁴⁹;
- Тольяттинский военно-технический КК-с «влит» в Ул СВУ («*модернизация*»);
- Северо-Кавказское СВУ, Омский КК и Кемеровский КК РЭ переданы на баланс регионов;
- вместо СПб СВУ (переедет на место КРАК) предполагается разместить СПб ПКУ) как заведение для «элиты» («*инновация*»).
- Кадетские корпуса (КК) МО РФ предполагалось реформировать в военные гимназии (ВГ);
- передать управление СВУ, НВМУ и КК МО РФ в ведение

Минобрнауки. Сеем заметить, что подобное нововведение уже было в истории России в начале 60–80-х г. XIX в. и не выдержало испытание временем. Вот такая она, «**оптимизация – модернизация – инновация**» школы воспитания настоящих мужчин⁵⁰.

5. В то же время в 2010 г. Президент РФ Дм. Медведев с подачи МО РФ принял решение к существующим кадетским образовательным учреждениям МО РФ добавить и открыть под эгидой Президента РФ на базе МО РФ новые учебные заведения – Президентские кадетские корпуса (ПКК), по одному в каждом Федеральном округе (в Оренбурге в 2010 г.; в Ставрополе в 2011 г.; в Краснодаре в 2012 г.), что было выполнено. В ближайшие годы планируется размещение подобных училищ в ряде других городов: Благовещенске, Кемерово, Санкт-Петербурге, Туле и Челябинске⁵¹.

6. Так называемая «реформа» суворовских и нахимовского училищ затронула целый ряд категорий людей, профессионально знающих цену подготовки в этих учебных заведениях: это многотысячная армия выпускников СВУ и НВМУ всех выпусков, офицеры-воспитатели и другие категории офицерского, преподавательского состава и обслуживающего персонала училищ, а также и нынешние суворовцы и нахимовцы, обучающиеся в стенах училищ, ставших для них родными. Эти категории людей, а это сотни тысяч человек по России, с ужасом воспринимают кардинальные изменения, которые направлены на развал и разрушение эффективной суворовско-нахимовской и кадетской системы подготовки будущих офицеров;

7. Много горьких слов было высказано и написано ветеранами – суворовцами и нахимовцами различных годов выпуска, а также представителями различных госструктур и общественных организаций по поводу запрета Министром обороны РФ для нынешних воспитанников суворовских и нахимовского училищ участвовать в военных парадах, начиная с 2010 г., в том числе в Параде в честь 65-летия Победы на Красной площади в Москве. Этим решением руководство Министерства Обороны РФ взяло на себя ответственность за нарушение одной из основополагающих традиций суворовско-нахимовского братства, которая была заложена 68 лет назад на параде Победы 24 июня 1945 г.⁵²

8. Особое возмущение вызывала попытка руководства МО РФ не отвечать на протесты и обращения тысяч военных и гражданских людей, или в лучшем случае присылать им пустые отписки⁵³.

Таким образом, «...военная реформа (в том виде, в котором она проводилась – А.К.) не решила важнейшую проблему: не улучшила атмосферу взаимоотношений в воинских коллективах, в мышлении людей в погонах и их менталитет. Проведение реформы волевым, волонтаристским методом не находит поддержки прежде всего у офицеров, поскольку никто не хочет спросить их мнение».

Плюсы:

1. Благодаря реформе ВС РФ 2008–2012 гг. повышены некоторые социальные гарантии военнослужащих, денежное содержание офицеров, сержантов и солдат, а также пенсии офицерам запаса и в отставке (хотя только частично – А.К.); решаются вопросы строительства и предоставления жилья офицерскому составу, правда, со скрипом; вопросы создания современных образцов военной техники и вооружений, их закупка армией и флотом, а также оснащение ими воинских частей и кораблей;

2. Делаются некоторые шаги по восстановлению положительного имиджа ВС РФ (кино, ТВ);

3. С большим удовлетворением участники Второй отчетно-выборной конференции кадетского общественного объединения «Российское кадетское братство» (г. Москва, 24 апреля 2010 г.) встретили выступление председателя Санкт-Петербургского Союза суворовцев, нахимовцев и кадет А.И. Чечкова, который рассказал о том, что лидеры двух кадетских организаций пришли к соглашению о сотрудничестве, координации действий и проведении совместных общекадетских мероприятий⁵⁴.

4. Многие ветераны – суворовцы и нахимовцы, а также представители государственных и общественных структур за прошедшие годы на различных уровнях выражали готовность оказать практическую помощь в выработке правильных методов и необходимых форм проведения военных реформ, отвечающих безопасности государства, конкретных предложений по спасению суворовско-нахимовской и кадетской школы, дереформированию суворовских и нахимовского училищ⁵⁵.

В заключение отметим следующее. В начале ноября 2012 г. произошло желаемое и неизбежное событие. Решением Президента РФ, Верховного главнокомандующего Вооруженными Силами России В.В. Путина от должности МО РФ отстранен А.Э. Сердюков. От должности также отстранена бывшая руководитель департамента военного образования Е.Г. Приезжева.

На должность МО России назначен генерал армии С.К. Шойгу. Первым заместителем МО России – начальником Генерального штаба назначен генерал-полковник В.В. Герасимов. Первым заместителем МО России назначен генерал-полковник А.В. Бахин.

Ветераны суворовско-нахимовского движения вздохнули с неподдельным облегчением. На это событие откликнулись многие и электронные и печатные СМИ. Так, газета «Петербургское кадетство» напечатала по этому поводу следующее: «...тысячи ее читателей сердечно поздравляют Вас с важнейшей реформой Вооруженных Сил России – возвращением на высшие должности МО РФ группы самых авторитетных, опытных генералов. Одно из первых решений Министра обороны РФ – о возвращении суворовцам и нахимовцам права участвовать в военных парадах Победы обрадовало и обнадежило граждан страны любых возрастов.

Мы уверены, что в армии и на флоте теперь пойдет настоящая перезагрузка реформ с сохранением всего положительного нового и с восстановлением во многом утраченного военного статуса. Кадетская газета надеется и на то, что будет восстановлен военный статус суворовских военных и нахимовского военно-морского училищ: вернуться на свои штатные должности офицеры-воспитатели, генералы и адмиралы – начальники училищ. Будет восстановлено обучение военным дисциплинам, изучение воинских уставов, служба нарядом, вернут училищам военные оркестры. Будет восстановлена суворовская школа обучения и воспитания молодых патриотов – военных и гражданских государственных служащих»^{56,57}.

Таким образом, за семь десятилетий суворовско-нахимовская и кадетская школа, как целостная государственная военно-педагогическая система, а также кадетское движение России, состоящее из ее выпускников, прошли непростой, тернистый путь в своем становлении и развитии. За это время, несмотря на многие перипетии, они показали свою несомненную разностороннюю пользу советскому и российскому обществу как на военном, так и гражданском поприще, честного и ответственного исполнения своего гражданского долга, способность к стратегическому мышлению и отстаивание его в реализации продуманных государственных решений, ответственность за судьбу страны и массовую выдержку в защите своего Отечества – России.

- ¹ Костоусов Н.С. Генезис кадетского образования в России (XVIII–XXI в.). – Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук. Сургут. 2009.
- ² Милешина Н.А. Кадетское образование в России: исторические традиции и современные перспективы. Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2010. № 3. С. 54–57.
- ³ Костоусов Н.С. Указ. соч. С. 19–20.
- ⁴ Там же. С. 21–22.
- ⁵ Там же. С. 21.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же. С. 38.
- ⁸ Меньшов В.М. Российские кадеты: В 6 т. СПб.: Береста, 2003. Т. 2. С. 114.
- ⁹ Сыченков Б.П. Юные боги войны. Приложение 17. С. 359.
- ¹⁰ Плеханов А.М., Попов А.А. Наследники Суворова. От кадетских корпусов России к суворовским военным училищам войск НКВД (МВД), КГБ СССР (1731–1960). Исторический очерк (2-е изд., исправленное и дополненное). М., 2001. С. 41; Луизино. Сборник воспоминаний выпускников Ленинградского пограничного суворовского военного училища. М., 2001.
- ¹¹ Сыченков Б.П. Указ. соч. Приложение 18. С. 360–361.
- ¹² Панков Н.С. Путеводная звезда алых погон // Красная звезда. 21 августа 2003. С. 1.
- ¹³ Постановление СНК СССР № 745 от 21 июня 1944 года (Лн НВМУ).
- ¹⁴ Панков Н.С. Указ. соч. С. 1.
- ¹⁵ Лоцилов И. Памятка российского кадета. СПб., 2003. С. 20.
- ¹⁶ Бомбардир. 1995. № 2. С. 37.
- ¹⁷ Боков В., Максимов А. Наследники русской славы. СПб., 2005. С. 33.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Костоусов Н.С. Указ. соч. С. 21.
- ²⁰ Кунц Н.З. Суворовцы и нахимовцы – Герои. М.: Интерграф, 2003.
- ²¹ Лоцилов И. Указ. соч. С. 20.
- ²² Там же. С. 21.
- ²³ URL: <http://www.ruscadet.ru> Кадеты России. Энциклопедия кадетского воспитания и образования. Раздел: Кадетские общественные объединения.
- ²⁴ URL: <http://www.ruscadet.ru> Электронное письмо И. Андрушкевича. 20 лет первой встречи.
- ²⁵ URL: <http://www.ruscadet.ru> Раздел: Объединения кадет. Андрушкевич И. К 20-летию первой встречи зарубежных кадет с суворовцами, нахимовцами в России. Воспоминания о моей первой поездке в России (КП-77) // Кадетское письмо № 71 от июля 2011 г.
- ²⁶ Меньшов В.М. Указ. соч. Т. 2. С. 78.
- ²⁷ Там же. С. 80.
- ²⁸ Панков Н. Указ. соч. С. 1.
- ²⁹ Боков В., Максимов А. Указ. соч. С. 33.
- ³⁰ Панков Н. Указ. соч. С. 1.
- ³¹ Владимиров А.И. Вехи нашей истории // Красная звезда. 22 сентября 2007. С. 2.
- ³² Там же.
- ³³ Панков Н. Указ. соч.

³⁴ Милешина Н.А. Указ. соч.

³⁵ Костоусов Н.С. Указ. соч. С. 21; Дополнительное образование НВМУ: поиск, развитие, творчество. Альбом схем. НВМУ. 2012; Проведение историко-литературных конкурсов; конкурсов на изготовление макетов, моделей, поделок и других работ воспитанников и др.

³⁶ Костоусов Н.С. Указ. соч. С. 40.

³⁷ Там же. С. 41–42.

³⁸ URL: <http://www.ruscadet.ru> Раздел: Объединения кадет.

³⁹ Лоцилов И. Петербург – кадетская столица. СПб., 2003. С. 49.

⁴⁰ URL: <http://www.ruscadet.ru> Концепция МИККР. С. 1–6; Коновалов А.Ф. Хотелось бы всех поименно назвать! Обращение сотрудников МИККР к читателям и дарителям предметов // Кадетское братство. 2005. № 4 (47). С. 3; Он же. Анкета для выпускников СВУ, НВМУ и КК России и русского зарубежья. Там же.

⁴¹ Лоцилов И. Указ. соч. С. 50.

⁴² Ежегодные проекты Санкт-Петербургского Союза суворовцев, нахимовцев и кадет (СПб ССНК) с 2010 г.: «Честь и достоинство» (воссоединение «вечных огней» городов-героев и городов воинской славы СЗФО РФ (ВИМАИВиВС, Нарышкин бастион Петропавловской крепости, Пискаревское мемориальное кладбище); «Честь и призвание» (творческий конкурс среди воспитанников кадетских образовательных учреждений СПб.); «Под сенью Петербурга – Отечества сыны», посвященного сохранению памяти о национальных героях России (А.В. Суворова, М.И. Голенищева-Кутузова, М.Б. Барклай-де-Толли, П.С. Нахимова, М.Ю. Лермонтова и др.).

⁴³ См.: Отчет о деятельности Санкт-Петербургского Союза суворовцев, нахимовцев и кадет за 2012 г. // Почему я люблю Россию. Военно-патриотический альманах Санкт-Петербургского Союза суворовцев, нахимовцев и кадет. 2012. № 1(1). С. 59; Там же. 2012. № 2 (2). С. 77–78.

⁴⁴ Владимиров А.И. Съезд исторического значения // Красная звезда. 22 сентября 2007; Лермонтов Михаил. Помни имя свое // Красная звезда. 22 сентября 2007; www.ruscadet.ru – Раздел: Съезды. Третий съезд.

⁴⁵ Костоусов Н.С. Указ. соч. С. 41.

⁴⁶ Рукшин А. Некоторые итоги реформы Вооруженных Сил. Миллиарды потрачены, а престиж военной профессии не повысился // Военно-промышленный курьер [vprk-news.ru/articles/13125].

⁴⁷ Соколов-Хитрово В.А. Президенту Российской Федерации, Верховному Главнокомандующему Вооруженными силами РФ господину Медведеву Д.А. Запрос информации // Петербургское кадетство. Городская независимая газета. 2009. № 9 (26). С. 1; Снеговский В. Мамы – реформаторы // Там же. С. 6–8.

⁴⁸ Письмо офицеров Президенту РФ о губительности реформы // Петербургское кадетство. Городская независимая газета. 2009. № 9 (26). С. 2–4; Миронов С. Реформировать – не значит разрушать // Петербургское кадетство. Городская независимая газета. 2010. № 2 (28); Владимиров А. Выступление на слушаниях в Совете Федерации по вопросу «О положении с суворовскими военными училищами Министерства обороны РФ» // Петербургское кадетство. Городская независимая газета. 2010. № 4 (30). С. 7.

⁴⁹ URL: <http://www.ruscadet.ru> Распоряжение Правительства Российской Федерации № 1466-р от 19.08.2011 и Приказа МО РФ № 1350 от 19.08.2011.

⁵⁰ URL: <http://www.ruscadet.ru> О профессионализме и профпригодности военных дам.

⁵¹ Поручение по созданию Президентских кадетских корпусов (позже они получили наименование Президентские кадетские училища) было дано Президентом РФ Д.А. Медведевым в послании Федеральному Собранию 12.12.2011.

⁵² Иванов И. Мальчишки с лампасами. Где готовить будущих Суворовых и Жуковых? // Российская газета: Федеральный выпуск № 5146 (67) от 1 апреля 2010 г. (Перепечатка: Петербургское кадетство. Городская независимая газета. 2010. № 3 (29). С. 1; Суворовцы должны выйти на Красную площадь 9 мая // Петербургское кадетство. Городская независимая газета. 2010. № 3 (29). С. 5).

⁵³ Там же.

⁵⁴ Рукшин А. Указ. соч.

⁵⁵ URL: <http://www.ruscadet.ru> – Раздел: Кадетское воспитание и образование. Подраздел: Основы концепции; законы (проекты) и постановления о кадетском образовании; законодательные инициативы; конференции, «круглые столы» и сборы.

⁵⁶ Президенту РФ, Верховному Главнокомандующему Вооруженными силами России Путину В.В., Министру обороны России, генералу армии Шойгу С.К., Первому заместителю Министра обороны России – начальнику генерального штаба генерал-полковнику Герасимову В.В., Первому заместителю Министра обороны России генерал-полковнику Бахину А.В., заместителю Министра обороны России генерал-полковнику Остапенко О.Н. Текст поздравления // Петербургское кадетство. Городская независимая газета. 2012. № 20 (70). С. 1.

В.В. Коровин (Курск)

**РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО-ДИВЕРСИОННАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СПЕЦГРУПП НКВД НА
ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В 1941–1942
ГОДАХ**

С ЦЕЛЬЮ усиления подрывной, разведывательно-диверсионной и террористической деятельности в тылу противника четвертыми отделами Управлений НКВД СССР по Курской и Воронежской областям через линию фронта регулярно направлялись группы разведчиков и диверсантов, прошедших подготовку в спецшколах НКВД.

Мобильные диверсионные группы, насчитывавшие от 3 до 5 человек, в начале осени 1941 г. до вторжения немецко-фашистских войск в западные районы Курской области направлялись на территорию соседней Сумской области, частично занятой врагом. В первых числах октября 1941 г. в район Путивля – Глухова было десантировано 15 диверсионных групп с общим количеством 61 человек. В лесу у д. Кучеровки Глуховского района диверсионная группа, действовавшая под руководством Жигалкина¹, обнаружила два немецких танка. Диверсанты уничтожили их гранатами и бутылками с зажигательной смесью. Прибывшие на мотоциклах немецкие автоматчики обстреляли группу, но бойцам без потерь удалось скрыться в лесу².

На путях сообщения противника диверсии спецгрупп НКВД оказывали значительную помощь частям Красной Армии, особенно в период оборонительных боев. Так, 23 октября 1941 г. диверсионной группе в составе младшего лейтенанта госбезопасности И.В. Королькова и сержанта госбезопасности Ф.Ф. Березкина было дано задание – взорвать мост у районного центра Фатеж Курской области.

Заняв город, фашисты стали готовить этот мост для переправы танков в направлении Курска. Прибыв на место, чекисты выяснили, что объект находится под усиленной охраной автоматчиков. При поддержке танкистов 133-й отдельной танковой бригады полковника В.М. Полякова, открывших огонь по боевому охранению противника, диверсанты выполнили поставленную задачу. Тем самым на пять дней они приостановили продвижение гитлеровцев с севера к Курску³.

В Фатежский, Верхне-Любазский, Дмитриевский и Золотухинский районы Курской области, занятые противником, были направлены 8 диверсионных групп численностью 31 человек⁴. Перед руководителями групп была поставлена задача лишить оккупантов продовольствия и фуража. Диверсантам удалось уничтожить 80 скирд хлеба, 52 стога сена и 11 ометов соломы⁵.

С первых дней оккупации Курской области ценную информацию о противнике и положении на оккупированной территории добывала агентурная разведка органов НКВД. Так, прибывший в Управление НКВД 11 ноября 1941 г. из Курска агент 4-го отдела УНКВД сообщил о расположении в областном центре дивизии немецкой пехоты, артиллерийского полка на конной тяге, характере пропускного режима. 21 ноября 1941 г. агентурная разведка сообщила о продвижении противника на тимском и старооскольском направлениях⁶.

Разведывательно-диверсионные группы, прошедшие специальную подготовку, действовали партизанскими методами и наносили врагу ощутимый урон. Так, диверсионной группой Жиронкина за период с декабря 1941 г. по апрель 1942 г. было уничтожено 2 танка, 9 грузовых автомобилей, 4 подводы с боеприпасами, 1 мотоцикл, 60 солдат противника. Группа под руководством Куртенко подорвала 7 грузовых автомашин, 12 конных подвод с военными грузами, уничтожила блиндаж и истребила до 30 вражеских солдат⁷.

Как показывает статистика, наибольшая активность спецгрупп проявлялась зимой 1941–1942 гг., что объясняется увеличением числа подготовленных кадров и обретением ими опыта диверсионной работы. Специфика деятельности во вражеском тылу определяла выбор целей для совершения диверсий. Как правило, это были отдельные объекты транспорта на слабо охранявшихся коммуникациях.

Выполнив задания, разведывательно-диверсионные группы возвращались в УНКВД для доклада о проделанной работе и получения новых боевых задач. Как следует из оперативной сводки № 1 от 6 марта 1942 г., составленной 4-м отделом УНКВД, «4–5 марта 1942 г. в Старый Оскол из тыла возвратились 5 диверсионных групп, которыми уничтожено 6 грузовых и 1 легковая автомашина, 2 подводы и убито 7 немцев, в основном на шоссе Белгород – Обоянь. В эти же дни в тыл направлено еще 6 истребительно-диверсионных групп»⁸.

Одновременно диверсионные группы вели активную разведку расположения и численности немецко-фашистских войск. Некоторые из них участвовали в боях против оккупантов совместно с подразделениями Красной Армии или партизанскими отрядами. В оккупированные Солнцевский и Обоянский районы Курской области на разведку направлялись и разведчики 4-го отдела УНКВД по Воронежской области – работники Воронежского завода им. Кирова М.Т. Проскурин и П.П. Толубаева. Они возвратились с добытыми сведениями о противнике, которые помогли своевременно принять меры по строительству оборонительных позиций⁹.

Взаимодействие разведывательно-диверсионных групп с партизанскими формированиями в ряде случаев носило как кратковременный, так и продолжительный характер. Например, группа Деметьева, направленная в Сажновский отряд для обучения партизан подрывному делу, только 6 марта 1942 г. вернулась в Старый Оскол¹⁰.

В мае 1942 г. в Коньшевский район Курской области была направлена группа под руководством Бобрышова. Как следует из документов, находящихся на хранении в архиве УФСБ по Воронежской области, разведывательно-диверсионная группа, которой командовал курянин П.Н. Свечкин («Бобрышов»), носила кодовое наименование «Смерч»¹¹. Еще осенью 1941 г. П.Н. Свечкин и его сослуживец по отделению Военторга А.А. Мешков дали согласие участвовать в выполнении специальных заданий в тылу врага¹². После обучения в спецшколе УНКВД в конце ноября 1941 г. П.Н. Свечкина назначили старшим группы, которая была направлена на шоссе Обоянь – Белгород с диверсионно-разведывательным заданием. На поставленных диверсантами минах подорвались две подводы, было убито два немца-возчика и четыре лошади. Выполнив задание, группа вернулась в Старый Оскол.

В начале марта 1942 г. П.Н. Свечкин был назначен старшим группы и направлен в распоряжение Воронежского УНКВД. Из бойцов, прошедших спецподготовку в Воронеже, был сформирован ряд разведывательно-диверсионных групп. В состав группы «Смерч» вошли 5 человек. Перед группой была поставлена задача минировать железнодорожное полотно на участке Льгов – Лукашевка, выявлять и уничтожать предателей Родины. Разведчиков снабдили документами и вооружением.

В ночь с 11 на 12 мая 1942 г. диверсионная группа «Смерч» была переброшена самолетом в район Льгова. Приземлившись на территории Дмитриевского района Курской области, бойцам удалось взорвать мост у д. Соковника, в результате чего движение по нему было прервано на несколько дней. Но за эту диверсию оккупантами было расстреляно 5 мирных жителей. На группу была организована облава¹³. С 13 июля 1942 г. бойцы вступили в Дмитриевский партизанский отряд¹⁴.

Весной 1942 г. из Воронежской области в тыл противника было направлено 9 разведывательно-диверсионных групп численностью 63 человека. Бойцы проходили отбор в районных отделах НКВД, направлялись на учебу в 4-й отдел Управления НКВД по Воронежской области. В течение месяца они изучали оружие, диверсионно-подрывное дело, укладку и сбор парашюта, прыгали с парашютной вышки. В состав групп включались также бойцы, подготовленные отделением 4-го Управления НКВД СССР при особом отделе Юго-Западного фронта. Командирами групп в основном становились политработники РККА.

По данным УНКВД по Воронежской области в ходе Харьковской операции в мае 1942 г., по указанию Главкома Юго-Западного направления Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко, штабом истребительных батальонов УНКВД было переброшено за линию фронта 4 десантных истребительно-диверсионных группы (численностью 37 человек), 5 пеших групп (численностью 39 человек) и 28 разведчиков-одиночек¹⁵.

Большинству разведывательно-диверсионных групп, направленных в тыл противника 4-м отделом УНКВД по Воронежской области, не удалось выполнить поставленных задач. Причиной создавшегося положения, на наш взгляд, стали низкая парашютно-десантная, боевая и военно-тактическая подготовка их бойцов и командиров. Приземление групп в незаданных районах вызывало

затруднения в ориентировании на местности и установлении контактов с их жителями. Отбор кандидатов требовал для выполнения разведывательно-диверсионных заданий более глубокого изучения их морально-волевых качеств. Практика подбора кандидатов в диверсионные группы часто было непродуманной. Поэтому из присланных в Воронеж граждан для выполнения спецзаданий в тылу врага отсеивалось по разным причинам не менее 50%.

По состоянию на 31 июля 1942 г. в Курской области в тылу противника действовало 200 диверсантов, окончивших спецшколу 4-го отдела УНКВД. Кроме этого, 83 человека были переданы в партизанские отряды, 122 человека – в разведотделы войсковых частей и соединений, 8 человек – обкому ВЛКСМ для направления на нелегальную работу¹⁶. Необходимо отметить, что не все члены разведывательно-диверсионных групп вели активную подрывную деятельность в тылу. Некоторые из них, не выполнив задания, возвращались обратно или, оставаясь на оккупированной территории, бездействовали. Так поступили выпускники спецшколы Н.С. Аверкиев, И.В. Алехин, Г.Т. Ковалев, Ф.Н. Щербаков, А.Д. Федосов и др.¹⁷

С целью проведения глубокой военно-политической разведки вражеского тыла на оккупированную территорию были направлены сотрудники областного УНКВД лейтенанты государственной безопасности А.И. Зарубин и Н.Е. Стеганцев. В июле-августе 1942 г. они находились в расположении партизанских отрядов северо-западных районов Курской области. Чекистами был поставлен вопрос о создании единого штаба руководства¹⁸. Данные, доставленные партизанской разведкой, позволили им подготовить аналитическую справку о ситуации на оккупированной территории. Собранные разведывательные материалы были переданы в штабы партизанского движения и командованию действующей армии¹⁹.

Из архивных данных следует, что в течение первой половины 1942 г. на оккупированной территории Курской области диверсионные группы продолжали применять тактику уничтожения отдельных транспортных объектов противника. Недостаточная специальная подготовка и отсутствие необходимых материально-технических средств не позволяли им организовать крушения воинских эшелонов врага.

С сентября 1941 г. по июль 1942 г. в тыл противника на территорию Курской области 4-м отделом областного УНКВД было направлено 662 чел. с разведывательными целями, в том числе 56

женщин диверсанток-разведчиц, окончивших диверсионную школу. В результате разведки было добыто сведений: о расположении штабов противника – 138, о местах нахождения аэродромов и посадочных площадок – 17, о местах концентрации и расположении войск противника – 543, о расположении огневых точек противника – 836, о расположении баз, складов и мастерских – 51, о сооружаемых и сооруженных оборонительных укреплениях противника – 57, о местах дислоцирования разведпунктов противника – 2. Полученные разведанные своевременно сообщались штабам Юго-Западного и Брянского фронтов, 40-й и 21-й армий. К 31 июля 1942 г. из 167 подготовленных разведчиков 4-го отдела УНКВД по Курской области 134 чел. находились в тылу противника²⁰.

В связи с занятием немецко-фашистскими войсками правобережной части города Воронежа, организация разведывательной работы в ближнем тылу противника легла на Центральную оперативную группу УНКВД (ЦОГ), объединившую 7 июля 1942 г. восемь оперативных групп. Руководителем ЦОГ и координатором деятельности линейных оперативных групп был назначен заместитель начальника УНКВД по Воронежской области капитан госбезопасности В.С. Соболев. С 6 по 11 июля 1942 г. ЦОГ было перебросено 43 разведчика. 19 из них вернулись в кратчайшие сроки после выполненного задания²¹.

Своевременное и достаточно полное получение из-за линии фронта устных и письменных сообщений от агентуры ЦОГ позволяло сотрудникам УНКВД располагать значительными объемами информации о положении на оккупированной территории. На основании полученных данных оперативно готовились сводки для доклада командованию Воронежского фронта, которые оказывали существенную помощь в подготовке и проведении боевых операций²². Сомовская опергруппа, возглавляемая К. Могилиным, 18 июля 1942 г. переправила в тыл врага семь разведчиков. Из них четверых – с заданием в Семилукский район, одного – в Нижнедевицкий, двоих – в Воронеж²³.

С августа 1942 г. подразделения ЦОГ рассредоточились по конспиративным квартирам в пос. Сомово. В здании лесосеменной станции при ЦОГ начала действовать разведшкола. Выпускники Сомовской спецшколы осуществляли регулярную визуальную разведку оккупированной части Воронежа. Скрытно пересекая по ночам реку Ворона, юные разведчики под видом бездомных

попрошак и детей, потерявших родителей, сутками перемещались по городу, отмечая любые подробности дислокации и деятельности оккупантов.

11 августа 1942 г. немецкие патрульные задержали у Девичьего рынка и расстреляли 16-летнего К. Феоктистова. Но пули лишь ранили его в шею и подбородок. Отлежавшись в развалинах, разведчик с наступлением ночи сумел переправиться через реку Ворона к советским позициям. За проявленное мужество К.П. Феоктистов, впоследствии Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР, получил первую боевую награду – орден Отечественной войны 1-й степени²⁴.

В августе 1942 г. после оккупации правобережных районов Воронежской области немецко-фашистские войска повели отселение жителей из населенных пунктов, расположенных за 15–20 км от линии фронта. Поэтому около половины подготовленной агентуры оказалось отселенной, в том числе вся агентура города Воронежа и 84 чел., оставленные 4-м отделом УНКВД со специальным заданием. Попав в новые места жительства, агентура не знала новых условий и обстановки, не могла пользоваться доверием местных жителей, а также и оккупационных властей.

Несмотря на это, уже в первый месяц оккупации территории Воронежской области зафронтная агентура доставляла разведывательные данные. Так, бургомистр Землянска А.Д. Бунин, находясь в 25 км от линии фронта, передавал сведения военного характера, укрывал попавших в окружение военнослужащих Красной Армии, помогал им переходить линию фронта, саботировал мероприятия оккупантов. А.Д. Бунин был разоблачен немецкой тайной полевой полицией и вместе с семьей расстрелян²⁵.

Не удалось выполнить поставленные задачи многим агентам, оставшимся в оккупированной части Воронежа. Сказывались условия административного режима и отсутствие навыков агентурной работы. Агентура, завербованная из числа местного населения, зачастую привлекалась к работам по рытью оборонительных сооружений, очистке дорог, содержалась в лагерях. Таким образом, возможности для ведения разведывательной работы у нее были крайне ограничены, либо вовсе отсутствовали.

Осенью 1942 г. курским чекистам удалось установить связь с разведывательно-диверсионной группой под руководством П.П. Бабкина, созданной в оккупированном Курске. Как следует

из спецсообщения о диверсионной и разведывательной работе, проведенной в тылу врага оперативно-чекистской группой 4-го отдела УНКВД по Курской области в составе В.М. Казакова, А.Г. Жарикова, А.Т. Москаленко, «диверсионная резидентура, созданная недавно в Курске оперативно-чекистской группой 4-го отдела УНКВД, по разработанному плану произвела на Курском железнодорожном узле следующие диверсионные акты: в ночь с 4 на 5 ноября 1942 г. взорвала 5 паровозов, поданных под воинские составы. Паровозы полностью выведены из строя. Диверсия совершена путем подбрасывания в топки паровозов вместе с углем толковых шашек с детонаторами. Взрывом тола разрушались топки и котлы паровозов.

За период с 29 октября по 5 ноября 1942 г. на Курском железнодорожном узле выведено из строя 22 вагона с военными грузами. Достигнуто это путем подбрасывания в бунксы вагонов специальных таблеток, так называемого «буксида». Действие этого состава вызывало горение бунк в пути следования. Через 12–13 км пути от станции шейка колесного ската вагона полностью задирается, и таким образом скат выходит из строя»²⁶.

Начало деятельности группы П.П. Бабкина совпадает с моментом установления их связи с командованием Первой Курской партизанской бригады. Заместитель командира соединения по разведке А.Т. Москаленко регулярно направлял в оккупированный Курск для группы П.П. Бабкина разведывательно-диверсионные задания, а по возможности и взрывчатый материал – через связанных и разведчиц Е.П. Балабанову, К.М. Витяеву, М.В. Глушкову. С их помощью информация о совершенных диверсиях и разведывательные данные доставлялись в штаб Первой партизанской бригады.

К сожалению, в послевоенные годы руководитель группы П.П. Бабкин и некоторые ее члены в своих воспоминаниях были склонны несколько преувеличивать масштабы подпольной деятельности. Так, если в первоначальном списке разведывательно-диверсионной группы, подписанном ее руководителем и хранящемся в ГАОПИКО²⁷, значится 21 чел., то уже в последующих печатных публикациях ее состав доведен до 30 чел. и более²⁸.

В конце 1942 г., после гибели организации под руководством С.С. Аниканова, на Льговском железнодорожном узле, имевшем стратегическое значение, была создана новая подпольная группа,

состоявшая из железнодорожников²⁹. Инициатором ее создания стал заместитель командира Первой Курской партизанской бригады по разведке А.Т. Москаленко. Общее руководство разработкой разведывательно-диверсионной сети осуществлял начальник 4-го отдела УНКВД по Курской области В.Ф. Кремлев. В его служебной характеристике сказано: «С декабря 1942 г. тов. Кремлев находился в тылу противника со специальными заданиями НКВД, где руководил агентурно-оперативной и диверсионной деятельностью. В результате руководства т. Кремлевым этой работой, с его личным участием были созданы 4 разведывательно-диверсионные резидентуры на железнодорожных узлах Курск и Льгов. Через резидентуры было уничтожено в тылу врага 12 паровозов, 81 вагон с военным грузом, один военный склад, одна угольная эстакада, организовано крушение двух воинских эшелонов противника»³⁰.

Значительный вклад в осуществление перечисленных выше диверсий внесла подпольная разведывательно-диверсионная группа, возглавляемая Н.И. Быковым. Рабочие Г.Г. Винокуров, И.А. и М.А. Беляевы провели ряд диверсий, взорвали семь паровозов на маршрутах Льгов – Воробжа, Льгов – Курск. Через разведчицу Н.И. Кузьмину подпольщики были связаны со штабом 1-й Курской партизанской бригады. От партизан они получали взрывчатку, замаскированную под уголь.

26 декабря 1942 г. в стойле паровозного депо Льгов-2 машинисты С.А. Костюченко, И.И. Лебедев и бригадир осмотрщиков вагонов Т.М. Будников сожгли паровоз № 56-305. Арестованные жандармами, они были расстреляны в Рьльске³¹. Всего подпольщики из группы Н.И. Быкова вывели из строя 7 паровозов, устроили крушение воинских эшелонов; занимались сбором разведывательной информации. 5 февраля 1943 г., взорвав цистерну с горючим, они обеспечили световую сигнализацию советским самолетам, бомбившим Льговский железнодорожный узел³². Умелая конспирация позволила подпольной группе действовать вплоть до освобождения территории района от немецко-фашистских захватчиков.

Осенью 1942 г. разведывательная и диверсионная деятельность воронежских чекистов имела ряд особенностей, главной из которых была тесная взаимосвязь с разведывательными структурами частей Воронежского фронта. Так, в одной из сводок за 24 сентября 1942 г., направленной командиру 6-й стрелковой дивизии генерал-майору М.Д. Гришину, сообщалось: «...по данным нашей

зафронтной разведки и агентуры, прибывшей из тыла противника, <...> в городе Воронеже около берега видели два блиндажа, а напротив Архиерейской рощи виткообразное заграждение <...> Землянский район. В 2-х километрах от села Лебяжье на северо-восток в овраге «Репье» расположен штаб немецкой части <...> из блиндажа выходят три телефонных провода <...> В лесу «Вилово» (в 3-х км на юг от с. Лебяжье) находятся два миномета <...> в 50 метрах от минометов установлены 3 дальнобойных орудия <...> В селе Б.-Трещевка немцами организован распределительный лагерь военнопленных красноармейцев и перебежчиков <...> 13–16 сентября через Землянск в сторону сс. Верейки, Каверня, Лебяжье пришла пешим порядком колонна из 800 солдат в полном вооружении...»³³.

В сводке УНКВД по Воронежской области за 24 ноября 1942 г., направленной командующему войсками Воронежского фронта генерал-лейтенанту Ф.И. Голикову, отмечалось, что «по данным зафронтной агентуры в районе Землянска 340-я немецкая дивизия значительно пополнилась резервными войсками, вышедшими из района Белостока. Возле села Перлевки Землянского района сконцентрированы большие силы противника. Здесь же находится штаб немецкой армии. В село Землянск со станций Курбатово и Касторная беспрерывно поступают боеприпасы, горючее и войска противника. В селах Сомово, Ст. Ольшанка, Землянск находится гестапо. В с. Хохол находится германский штаб. Эти данные сообщены командованию 38-й Армии»³⁴.

Действовавшей в прифронтной полосе на территории Воронежской области Семилукской опергруппой руководил начальник районного отдела НКВД младший лейтенант госбезопасности А.А. Сидоров. Наряду с контрразведывательной деятельностью опергруппа занималась формированием диверсионно-разведывательных групп и подготовкой разведчиков для нелегальной работы на временно оккупированной территории. К семилукским чекистам обратился 50-летний экономист рудника «Стрелица» А.А. Ладыженский, хорошо владевший немецким языком, бывший офицер царской армии, отравленный газами на германском фронте в первую мировую войну. Он писал: «Хотя я по возрасту не могу быть призванным в армию, но мое место на переднем крае борьбы с врагом...». Учитывая личные качества А.А. Ладыженского, его включили в состав одной из ДРГ УНКВД. Он успешно выполнил ряд

ответственных заданий по сбору сведений о воинских подразделениях противника, сосредоточенных под Белгородом. Всего Семилукской опергруппой было подготовлено и направлено в тыл противника 70 разведчиков³⁵.

Осенью 1942 г. для диверсионной и разведывательной работы в тылу противника, на его коммуникациях и железных дорогах, оперативной группой Воронежского обкома ВКП(б), совместно с разведотделом Воронежского фронта, были переброшены 6 разведывательно-диверсионных групп и 11 связистов. Всем группам были приданы рации с радистами³⁶.

Деятельность разведывательно-диверсионных групп, направленных в тыл противника, часто оказывалась малоэффективной. В Уколовском районе группы задания не выполнили. Их члены прибыли в свои семьи и жили на легальном положении³⁷. И.Д. Безруков и Я.П. Кудрявцев из группы, переброшенной в Кантемировский район, были расстреляны оккупантами, а Ф.А. Медведев и П.З. Бугров работали до освобождения района и передавали в разведотдел штаба Воронежского фронта сведения разведывательного характера. Но задание по связи с партизанскими отрядами группа не выполнила³⁸.

Переправленная в Россошанский район группа в составе А.Ф. Девятки, М.Д. Павлова, Т.К. Бардюгова и радистки Игуровой боевое задание не выполнила. Два бойца группы были арестованы немцами и расстреляны. А.Ф. Девятка и радистка Игурова проживали у родственников, бездействовали, причем имевшаяся у них рация была расшифрована, о ее наличии знало население³⁹.

21 октября 1942 г. в район Острогожск – Рыбальчино через линию фронта была переправлена диверсионная группа из 5 человек во главе с И.Д. Журавлевым. Вооружившись взрывчаткой, партизаны-подрывники благополучно перешли Дон, вышли к заданному району, и хотя полностью выполнить задание не удалось, своими действиями они оказали существенную помощь советским войскам. Недалеко от села Колодяжного Подгоренского района, откуда они были родом, партизаны были схвачены и после пыток казнены⁴⁰.

Переброшенная осенью 1942 г. в Писаревский район спецгруппа в составе 18 чел. во главе с П.А. Шевченко проводила агитационную работу с населением, распространяла листовки, давала задания по саботажу мероприятий противника. 22 ноября 1942 г. группа по доносу предателя была окружена итальянскими солдатами.

Ведя бой в окружении, П.А. Шевченко, будучи раненым, подорвал себя и фашистов гранатой⁴¹.

В связи с подготовкой наступления Красной Армии в декабре 1942 г. Центральная оперативная группа УНКВД по Воронежской области свернула свою работу. Вместо нее для агентурно-оперативного обеспечения Воронежского фронта и усиления зафронтовой деятельности в тылу противника были созданы пять оперативных групп УНКВД с дислокацией их при штабах армий, действовавших на Воронежском направлении. За 87 дней существования ЦОГ УНКВД в тыл врага на оседание и с разведывательными заданиями было переправлено 166 разведчиков, которые проводили работу по сбору данных о противнике, по выявлению предателей и пособников противника. В декабре 1942 – январе 1943 гг. 10 диверсионно-разведывательных групп (28 подрывников и разведчиков), подготовленных Воронежским штабом партизанского движения, были направлены в тыл противника⁴².

Деятельность на оккупированной территории Центрального Черноземья разведывательно-диверсионных групп и агентуры, организованных 4-ми отделами областных Управлений НКВД, имела важное военно-политическое значение, т.к. позволила усилить взаимодействие между партизанскими формированиями, развернуть широкомасштабную разведку по сбору ценных сведений о дислокации германских войск, их передвижении, политике оккупационных властей, отношении населения к мероприятиям захватчиков. Направляемые в тыл противника оперативные группы добывали разведывательную информацию, совершали диверсии, внося вклад в борьбу с врагом.

¹ Здесь и далее приводятся оперативные псевдонимы руководителей разведывательно-диверсионных групп.

² Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее – ГАОПИКО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 15. Л. 43.

³ На страже порядка. Курск, 2002. С. 117.

⁴ Архив Управления ФСБ РФ по Курской области (далее – АУФСБ КО). Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 130. Л. 2.

⁵ ГАОПИКО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15. Л. 52.

⁶ Суровая правда войны. 1941 год на Курской земле в документах архивов. Часть 1. Сб. документов. Курск, 2002. С. 230, 239.

⁷ ГАОПИКО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 26. Л. 17.

⁸ АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД КО. Д. 140. Л. 3.

⁹ Архив Управления ФСБ РФ по Воронежской области (далее – АУФСБ ВО).

Оп. 8. Д. 45. Л. 13.

¹⁰ АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД КО. Д. 140. Л. 5.

¹¹ АУФСБ ВО. Ф. 9. Оп.1. Д.14. Л. 27.

¹² Малоизвестные страницы диверсионной войны в тылу врага (по воспоминаниям курянина П.Н. Свечкина) // Курский край. Научно-исторический журнал. № 6–7 (56–57). Курск, 2004. С. 27.

¹³ АУФСБ ВО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 14. Л. 27; Д. 48.

¹⁴ Малоизвестные страницы диверсионной войны... С. 35.

¹⁵ Протасов Ю.С. Добровольческие формирования в структуре НКВД в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: на материалах Центрально-Черноземного региона. Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1999. С. 71–72.

¹⁶ ГАОПИКО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 26. Л. 17 об.

¹⁷ Там же. Д. 90. Л. 4, 5, 20, 46, 51.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 8. Д. 134. Л. 19.

¹⁹ АУФСБ КО. Ф. 4. Отд. Д. 129. Л. 6–15.

²⁰ ГАОПИКО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 26. Л. 14–22-а.

²¹ АУФСБ ВО. Оп. 10. Д. 55. Т. 2. Л. 73–74.

²² Шетухин М.В. Деятельность органов государственной безопасности СССР против разведывательно-подрывных акций немецко-фашистских войск на территории Воронежской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2001. С. 99.

²³ Там же. С. 103.

²⁴ Токарев М.Л. Спецподготовка подростков в СССР к участию в разведывательно-диверсионной деятельности в годы Великой Отечественной войны // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 3. М., 2007. С. 282.

²⁵ Шетухин М.В. Указ. соч. С. 77–78.

²⁶ АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 129. Л. 61.

²⁷ ГАОПИКО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 90. Л. 1.

²⁸ Народные мстители. Воспоминания курских и белгородских партизан и подпольщиков. Воронеж, 1966. С. 187.

²⁹ Москаленко А.Т. Без права на ошибку // Противостояние. Воронеж. 1991. С. 118–119.

³⁰ ГАОПИКО. Ф. 1. Оп. 11. Д. 1200.

³¹ Гришков И.Г. Курская область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Курск, 1999. С. 83; ОАОКО Ф. 16. Оп. 1-ЛД. Д. 1000. Л. 1, 3; Ф. 19. Оп. 1-ЛД. Д. 144. Л. 3.

³² ОАОКО. Ф.16. Оп.1-ЛД. Д.1000. Л.1 об., 3; Книга Памяти. Т. 4. С. 434.

³³ АУФСБ ВО. Оп 8. Д. 49. Л. 537–538.

³⁴ Там же. Л. 638.

³⁵ Шетухин М.В. Указ. соч. С. 107–108.

³⁶ Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (далее – ГАОПИВО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 4560. Л. 11.

³⁷ Там же. Ф. 3478. Оп. 1. Д. 151. Л. 12, 15.

³⁸ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4560. Л. 25.

³⁹ Там же. Ф. 3478. Оп. 1. Д. 140. Л. 5.

⁴⁰ АУФСБ ВО. Оп. 10. Д. 44. Т. 2. Л. 110.

⁴¹ Протасов Ю.С. Указ. соч. С. 75.

⁴² АУФСБ ВО. Оп. 10. Д. 55. Т. 2. Л. 81.

Э.Л. Коршунов, А.П. Жарский (Санкт-Петербург)

**...ЕСЛИ БЫ ВСЕ РУССКИЕ, ДЕЙСТВОВАВШИЕ
В ИТАЛИИ, ШВЕЙЦАРИИ И ГОЛЛАНДИИ,
БЫЛИ СОЕДИНЕННЫ...»¹
(ПОЧЕМУ, НЕСМОТРЯ НА РЯД
БЛИСТАТЕЛЬНЫХ ПОБЕД СУВОРОВА В
ИТАЛИИ, СОЮЗНИКИ ЭТУ ВОЙНУ ПРОИГРАЛИ)**

КОНЕЦ XVIII в. ознаменовался великими потрясениями, вызванными Французской революцией. С 1792 г. почти все монархии Европы (в т. ч. Англия, Австрия и Пруссия) находились в войне с Французской республикой². Союзники призывали к «монархической солидарности» и Россию. Однако Екатерина II, громко осуждавшая ужасы Французской революции и всячески порицавшая «французских мятежников», на войну против «цареубийц» не послала ни одного русского солдата.

Сложившуюся вокруг Франции ситуацию императрица использовала в собственных державных интересах, занявшись решением насущных геополитических задач (т. е. укреплением западных и южных рубежей России). «Я стараюсь, – говорила она, – втянуть берлинский и венский дворы в дела французские. У меня много предприятий неконченных, и надобно, чтобы они были заняты и мне не мешали»³. Вместе с тем к Первой антифранцузской коалиции⁴ она все же присоединилась, но в широкомасштабные боевые действия не ввязывалась и решение вопроса со снаряжением экспедиционной армии откладывала⁵.

Боевые действия Первой коалиции шли с переменным успехом, но поражение австрийских войск в Италии и смерть (осенью 1796 г.) Екатерины II (повлекшая за собой временную смену внешнеполитического курса России) практически подкосили коалицию. В 1797 г. этот союз распался. Однако заключенный

между противоборствующими сторонами Кампоформийский мир не мог быть прочным, т. к. он стал результатом торжества одной стороны (Франции) и изнеможения другой (т. е. коалиционных сил)⁶.

В сложившейся (после развала Первой антифранцузской коалиции) военно-политической ситуации Павел I имел вполне обоснованные опасения (судя по секретным статьям Кампоформийского договора 1797 г.), что расширение пределов Франции и приближение ее на Адриатическом побережье к Турции будет способствовать созданию в этом регионе нестабильной ситуации. К тому же присутствие здесь Франции могло «...связать Россию в этой части Европы по рукам и лишить возможности принимать соответствующее своему значению участие в ее делах»⁷. Кроме того, назревал конфликт и по польскому вопросу, «...где происки Наполеона могли создать для России неблагоприятную обстановку»⁸. По сути, никого из союзников по Первой коалиции Кампоформийский мир не устранил.

Поэтому уже в начале 1798 г. начала формироваться новая (вторая по счету) антифранцузская коалиция. В ее состав вначале вошли: Англия, Австрия, Турция и Неаполитанское королевство, а позднее (в декабре 1798), после некоторых колебаний, решение об участии в европейской войне (т. е. о присоединении к новой коалиции) принял и Павел I⁹.

Основная цель вступления России во Вторую коалицию была сформулирована в союзном договоре с Англией, а именно: «наиболее действительным образом содействовать к остановке дальнейших успехов французского оружия, распространения правил безначалия и к заключению прочного мира, равно и восстановлению европейского равновесия»¹⁰.

Война должна была вестись на трех театрах военных действий (ТВД): в Италии – русские войска под началом фельдмаршала А.В. Суворова, совместно с австрийскими войсками; в Голландии – Русский экспедиционный корпус генерала Германа – с английскими войсками и на Средиземном море – флот адмирала Ушакова совместно с Англией и Турцией¹¹.

Итальянский и Швейцарский походы А.В. Суворова

Главным содержанием Второй коалиционной войны стали совместные действия русских и австрийских войск под командованием фельдмаршала А.В. Суворова в Италии и Швейцарии

(Итальянский и Швейцарский походы Суворова в апреле – декабре 1799 г.) Русские войска вводились в Италию и действовали в соответствии с Трактатом оборонительного союза, заключенного между Россией и Австрией 3(14) июля 1792 г. (на 8 лет)¹² и Декларацией о тройном союзе между Россией, Англией и Австрией от 17 сентября 1795 г.¹³

Договорные условия при этом были следующими: «Сии войска должны снабдены быть полевой артиллериею, аммуницією и всем для них нужны – просимой стороною, кроме того просимый Двор имеет производить им жалованье и ежегодно дополнять их рекрутами. Что же касается до рационов и порционов, производимых провиантом и фуражем, равно как и до квартир, оныя даваемы им будут от просящаго Двора немедленно по выходе их из своего Государства, и точно по тому положению, как оне содержат или содержать будут собственныя свои войска в походе и на квартирах»¹⁴.

Прежде чем перейти к рассмотрению совместных боевых действий коалиционных сил на итальянском ТВД, остановимся на таком немаловажном факторе, как соотношение сил противоборствующих сторон, а также организация и состояние их армий.

Так, данные по численности войск Австрии и Франции по разным источникам¹⁵ отличаются, в этой связи мы сочли возможным за основу принять сведения, опубликованные в фундаментальном труде Д.А. Милютина¹⁶. Вместе с тем некоторые цифры по тексту являются результатом расчетов и выкладок авторов.

К началу военных действий против Франции Австрия имела под ружьем около 255 000 чел., а под седлом примерно 50 000 лошадей¹⁷. После проведенной в начале 1799 г. реорганизации, австрийская армия состояла из 60 линейных и 17 пограничных пехотных полков, 15 батальонов легкой пехоты и 42 кавалерийских полков¹⁸. Пехотные полки состояли из трех батальонов (по 6 рот в каждом) и двух гренадерских рот (которые должны были, с началом боевых действий, передаваться в сводные гренадерские батальоны). В состав кавалерии входили – 12 кирасирских и 15 драгунских полков (по 6 эскадронов в каждом), а также 12 гусарских, 2 уланских и 1 конно-егерский полк (по 18 рот в каждом).

При этом для военных действий против Франции могло быть выделено 214 000 чел., в т. ч.¹⁹ армия эрцгерцога Карла в составе 54 батальонов и 138 эскадронов, в нее входили войска в Богемии, под командованием генерала Старая (до 15 000 чел.); корпус фель-

дмаршал-лейтенанта Готце (численностью до 26 000 чел.); армия фельдмаршал-лейтенанта графа Бельгарда численностью 48 000 чел. (50 батальонов и 14 эскадронов) и итальянская армия под командованием фельдмаршала Меласа, насчитывавшая 75 000 пехоты и 11 000 кавалерии (81 батальон и 76 эскадронов), которая и предназначалась для действий в составе союзных сил под командованием Суворова.

Австрийские войска были полностью укомплектованы и состояли большей частью из старослужащих и опытных солдат, хорошо вооруженных и обмундированных; в войсках поддерживалась строгая дисциплина²⁰.

К началу войны численность русских войск в Италии и Швейцарии, по данным источника²¹, составляла 65 000 чел. В т. ч. корпуса Розенберга – 20 000; Германа (впоследствии Ребиндера) – 11 000; Нумсена (впоследствии Римского-Корсакова) – 27 000 и принца Конде – 7000 чел.

Кроме того, вдоль западных границ России в полной готовности были сосредоточены армии Ласси, Гудовича и корпус Шюца, общей численностью до 88 500 чел. Таким образом, численность всех русских войск, которые могли принять участие в коалиционной войне, доходила до 153 500 чел.²²

Русские войска состояли из гвардейских и армейских полков. Численность гвардии на этот период составляла примерно 14 000 чел. (трех пехотных полков – Преображенского, Семеновского, Измайловского – и лейб-егерского батальона; трех кавалерийских полков – конно-гвардейского, лейб-гусарского и лейб-казачьего; а также одного артиллерийского батальона)²³.

Армейская пехота состояла из 13 гренадерских, 68 мушкетерских и 20 егерских полков (каждый полк включал в себя по два батальона пятиротного состава). Кроме того, в гренадерском и мушкетерском полках было по две гренадерские роты, которые в бою должны были передаваться в особые сводные гренадерские батальоны. Армейская кавалерия состояла из 19 кирасирских, 18 драгунских, 9 гусарских, 2 легко-конных и 2 регулярных казачьих полков (кирасирские и драгунские полки имели по 5 эскадронов, а остальные по 10).

Артиллерия включала в себя: 3 осадных, 10 полевых пеших и один конный батальон (в каждом батальоне по 5 рот, а в артиллерийской роте по 12 орудий). Кроме того, в каждом пехотном полку было по два орудия малого калибра²⁴.

Все пехотные и кавалерийские полки, кроме гвардейских, назывались по именам своих шефов. Кроме гвардии все прочие полки были распределены по квартирным округам, которые назывались инспекциями, во главе которых стояли два инспектора – пехоты и кавалерии. С началом войны в состав действующих армий назначались войска по особому Высочайшему повелению и главнокомандующим давался соответствующий «ордер-де-баталь»²⁵.

Французская армия уступала коалиционным силам. Численность французских войск составляла 195 000 чел. Распределение войск было следующим: в Римской и Партенопейской республиках под началом генерала Шампиннэ (позднее его сменил генерал Макдональд) находилось 30 000 чел.; в Средней Италии, под командованием Шерера, были сосредоточены войска в количестве 25 000 чел.; в Швейцарии стоял корпус генерала Массены численностью 30 000 чел.; дунайская армия под началом генерала Журдана дислоцировалась в районе Страсбурга (она насчитывала 37 000 чел.); северней стояла дивизия Бернадотта численностью 8000 чел.; и, наконец, в Голландии располагался 15-тыс. корпус генерала Брюна. Кроме того, во Франции под ружьем находилось 50 000 чел. Французы также могли рассчитывать на союзников голландцев и пьемонтцев, цезальпийцев и поляков. Всего вместе с сателлитами Франция могла выставить против войск Второй коалиции около 235 000 чел.²⁶

Организация вооруженных сил Франции после революции претерпела ряд изменений, и к 1799 г. войска республики состояли из пехоты в составе 110 линейных и 30 легких полубригад (в полубригаде насчитывалось около 3180 чел.; при этом она включала в себя 3 батальона, по 9 рот в каждом); кавалерии в составе 26 линейных, 20 драгунских, 25 конно-егерских и 12 гусарских полков (линейный полк состоял из 3 эскадронов, а остальные – из 4; в эскадрон входило по 2 роты, из которых одна – численностью 86, а другая – 112 чел.); артиллерия состояла из 8 полков пеших и 8 полков конной артиллерии (при этом полк пеших артиллерии включал в себя 20 рот, а конной – по 6; пешая рота насчитывала 93 чел. и имела на вооружении 6 орудий, конная насчитывала 80 чел.) и инженерных войск в составе 5 саперных батальонов (по 8 рот), 6 минерных рот и двух рот аэростатистов (воздухоплатателей). Вооружение пехоты было однообразным – ружье со штыком²⁷.

Высшим тактическим соединением французской армии как в мирное, так и военное время, являлась дивизия. Состав соединений

был непостоянен. Дивизия включала в себя части всех родов войск и могла состоять из 3 или 4 полубригад пехоты, 2 полков кавалерии, 1 пешей и 1 конной артиллерийских батарей, а также нескольких инженерных частей²⁸.

Боевые порядки французских войск состояли из застрельщиков и «боевых колонн» атаки²⁹. Таким образом, французские войска начали применять новый вид боевого построения войск³⁰, т. е. традиционным линейным боевым порядкам впервые были противопоставлены элементы «глубоких боевых порядков»³¹.

Характеризуя организацию и тактику боевого применения французских войск, нельзя не отметить еще одну, на наш взгляд, немаловажную деталь – это организация тыла. Дело в том, что республиканское правительство приняло все меры к уменьшению обозов (кроме того, французы отказались от палаточного лагеря и начали располагаться биваками или по квартирам); магазины также не разворачивались (фуражом и продовольствием армия обеспечивалась «местными средствами края»)³².

В соответствии с планом французского командования, войска, выдвигавшиеся из Центральной и Южной Италии, должны были соединиться с войсками, находившимися в Северной Италии, и объединенными силами в генеральном сражении разбить русско-австрийские войска³³.

В начале 1799 г. французы перешли в решительное наступление и нанесли поражение австрийской армии фельдмаршала Меласа. В результате к весне 1799 г. почти вся Северная Италия и Швейцария оказались заняты французскими войсками.

А.В. Суворов, прибыв 4 апреля 1799 г. в Валеджио («главную квартиру австрийских войск»)³⁴ и вступив в командование союзными войсками в Северной Италии, решил сосредоточить силы на избранных направлениях и решительными наступательными действиями разгромить силы противника по частям, а затем перенести военные действия на территорию Франции³⁵.

Для повышения мобильности войск он сократил обозы и сохранил подвижные магазины с продовольствием и боеприпасами. В армии был сформирован главный артиллерийский резерв³⁶. Ускоренная подготовка союзников к наступлению (в течение 10 дней) позволила предупредить противника и вырвать у него стратегическую инициативу. Выделив часть сил для блокирования крепостей Пескьера и Мантуя, Суворов (8 апреля) с главными

силами выступил против армии Шерера и 14 апреля вышел к р. Адда³⁷.

К этому времени командование французской армией, расположенной на ее западном берегу, принял генерал Моро. Решив нанести главный удар на Милан, Суворов предпринял демонстративные действия на других направлениях. В трехдневном сражении (15–17 апреля) на р. Адда союзные войска нанесли армии Моро поражение и, развивая успех, в течение 6 недель заняли почти всю Северную Италию³⁸.

Французское командование, подтянув силы, намеревалось двумя охватывающими ударами разгромить союзные войска. Главный удар должна была нанести армия Макдональда (36 тыс. чел.) из Тосканы в направлении на Модену, Парму, Пьяченцу; вспомогательный – армия Моро (14 тыс. чел.) из района Генуи на Тортону³⁹.

Перейдя в наступление, Макдональд 1 июня нанес поражение австрийцам у Модены и двинулся на Парму. Суворов разгадал замысел французов. Оставив у Александрии заслон против Моро, он с остальными войсками (около 22 тыс. чел.) двинулся навстречу армии Макдональда. За 48 часов войска Суворова прошли 85 км и 6 июня неожиданно для противника вышли к р. Треббия. При полуторном превосходстве французов в силах, во встречном сражении при р. Треббия (6–8 июня) Суворов добился успеха⁴⁰.

Армия Макдональда в беспорядке отступила. Для ее преследования Суворов выделил австрийские войска, а главные силы (12 июня) повернул против Моро. Узнав о приближении войск Суворова к Александрии, Моро поспешно отступил к Генуе для соединения с остатками армии Макдональда⁴¹.

В конце июля объединенная французская армия (35 тыс. чел.) под командованием генерала Жубера перешла в наступление из района Генуи на Александрию против главных сил союзников (численностью до 50 тыс. чел.).

4 августа в сражении при Нови Суворов разбил армию Жубера, нанеся ей сокрушительные удары во фланг и тыл⁴². Сражение при Нови с обеих сторон велось с огромным ожесточением. В час дня, вследствие невыносимой жары, противники были вынуждены приостановить битву. Во время паузы к союзникам подошли отряды Розенберга. Возобновившееся в четыре часа дня сражение проходило для обеих армий исключительно кроваво. Сразу же после возобновления боевых действий был смертельно ранен командующий

французскими войсками генерал Жубер⁴³. Французы потеряли 6500 чел. убитыми и ранеными, 4500 попали в плен. Союзные войска тоже дорого заплатили за победу. Их потери составили без малого 8100 чел.⁴⁴

Это сражение явилось классическим образцом умелого использования Суворовым вспомогательных ударов для обеспечения разгрома противника на главном направлении.

К концу лета 1799 г. в результате успешных действий коалиционных сил под командованием Суворова французское господство в Италии было ликвидировано. Союзники, добившись с помощью русских войск захвата Северной Италии и опасаясь в дальнейшем усиления русского влияния в Средиземном море, выдвинули новый план боевых действий. Согласно этому плану – вместо австрийских войск в Швейцарии должны были действовать русские войска под командованием Суворова. Павел I с этим предложением согласился, при условии, что до ухода австрийских главных сил Швейцария будет ими очищена от французских войск. Однако австрийское командование пошло лишь на то, чтобы задержать незначительную часть австрийских войск в Швейцарии. Командующий австрийской армией эрцгерцог Карл оставил Швейцарию и выступил на Средний Рейн, не ожидая прибытия русских войск. Возражения и протесты Суворова союзные дворы во внимание не принимали⁴⁵.

В середине августа 1799 г. Суворов получил из Вены предписание австрийского императора, санкционированное Павлом I, об отводе союзных войск через Альпы в Швейцарию для соединения с корпусом Римского-Корсакова, чтобы оттуда развернуть наступление на Францию.

Результаты Итальянского похода Суворова стали крупным и, пожалуй, единственным военно-политическим достижением Второй антифранцузской коалиции. Союзные войска, при решающей роли русской армии, нанесли французам ряд крупных поражений. Вместе с тем назревающие политические противоречия внутри коалиции, различие в стратегических концепциях союзных армий, а также стремление австрийского правительства переложить основную тяжесть вооруженной борьбы с общим противником на русскую армию – все это не способствовало успешному решению союзными войсками стоящих перед коалицией задач.

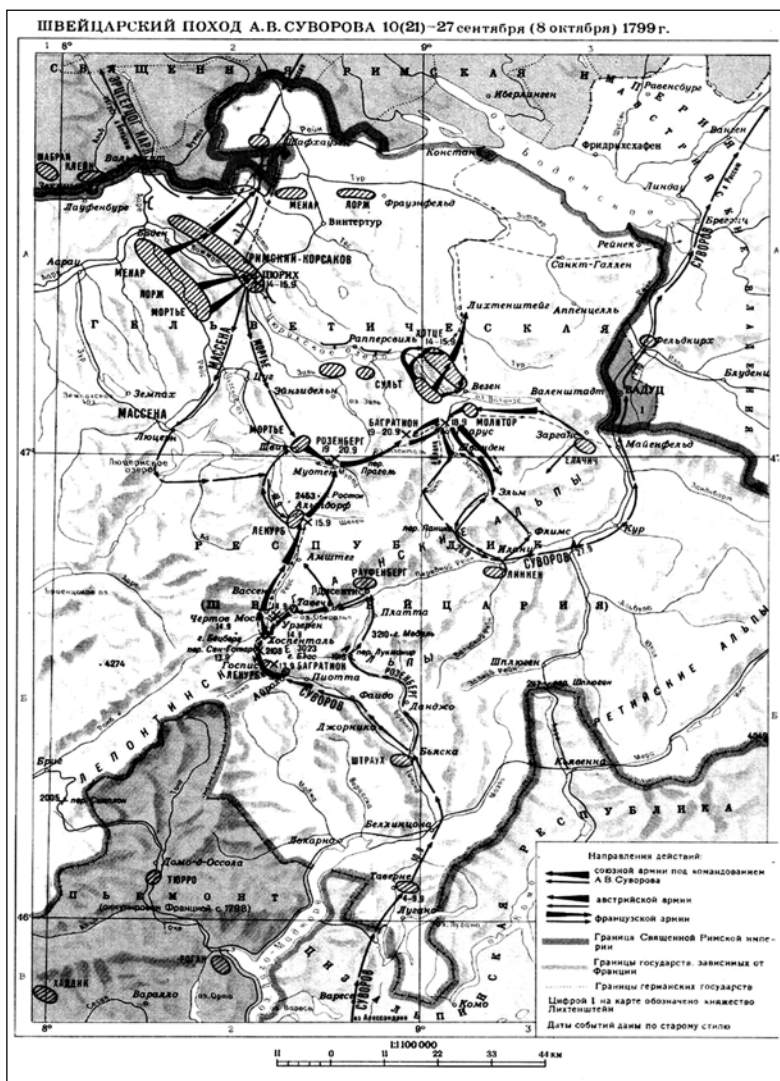

Рис. 2. Швейцарский поход Суворова

К началу похода Суворова в Швейцарию там действовала французская армия генерала Массены (84 000 чел.), главные силы которой были сосредоточены в Муотенской долине. Против них вели боевые действия русский корпус генерала А.М. Римского-Корсакова

(24 000 чел.), австрийский отряд генерала Готце (10 500 чел.), а также 5 других небольших австрийских отрядов общей численностью около 23 000 чел.⁴⁶ Опасаясь, что французы могут разбить русско-австрийские войска по частям, Суворов решил кратчайшим путем прорваться через Альпы, оттянуть на себя главные силы армии Массены, а затем совместными усилиями всех союзных отрядов, ударом по сходящимся направлениям на Люцерн, Цуг, Эйнзидельн, окружить их и разгромить⁴⁷. Австрийское командование должно было подготовить в Таверно для войск Суворова 1430 мулов, боеприпасы и 4-дневный запас продовольствия⁴⁸.

31 августа (11 сентября) войска Суворова (21 500 чел., в т. ч. 4500 чел. австрийцев) выступили в поход и, пройдя за 5 дней 150 км, 4 (15) сентября сосредоточились в Таверно⁴⁹. Ввиду того что австрийцы не выполнили своевременно своих обязательств по обеспечению похода (по подготовке вьючных животных, боеприпасов и продовольствия), войска Суворова вынуждены были здесь задержаться на 5 дней. Только 10 (21) сентября русские войска двумя колоннами двинулись на соединение с корпусом Римского-Корсакова по кратчайшему, хотя и более трудному пути – через перевал Сен-Готард⁵⁰.

Наступление на Сен-Готард осуществили путем обхода позиций противника. 13 сентября его главные силы атаковали перевал. На следующий день был взят Чертов мост. Французы поспешно отступили. Преследуя их, войска Суворова вышли к Альтдорфу у Люцернского озера и 15-го выбили оттуда неприятеля⁵¹. За три дня боев они преодолели в горных условиях более 60 км. Суворов стремился к Цюриху на соединение с Римским-Корсаковым. До его корпуса оставалось около 50 км. Однако на север Швейцарии прямого пути не было. Австрийцы дали Суворову явно неверные карты. Оставалась только дорога через Росштокский хребет.

Вместе с тем, как только командующему французскими войсками генералу Массене стало известно, что основная часть австрийских войск во главе с эрцгерцогом Карлом покинула пределы Швейцарии, он начал готовиться к наступлению. Массена внимательно следил за продвижением Суворова и выбрал момент нападения таким образом, чтобы успеть нанести поражение по отдельности корпусу Римского-Корсакова, войскам Готце и в то же время чтобы армия Суворова не успела прийти на помощь австрийцам и русским, находясь в пределах досягаемости его войск. После разгрома

Корсакова и Готце, главные силы своей армии Массена планировал повернуть против Суворова.

14 (25) сентября, когда передовые части Суворова находились на подступах к Альгдорфу, войска французской дунайской армии начали боевые действия. Левое крыло французской армии под началом генерала Сульта атаковало расположенные в бассейне верхнего Рейна войска Готце. Одновременно войсками центра и правого фланга Массена силами 35 000 чел. (т. е. значительно превосходящими русские) нанес удар по корпусу Римского-Корсакова (20 000 чел.). 14 (25) и 15 (26) сентября прошли в ожесточенных боях, в результате которых французы одержали победу⁵². За два дня союзники потеряли убитыми и пленными более четверти своего состава. В сражении погиб Готце, один из лучших австрийских генералов.

16 сентября Суворов узнал о поражении войск Римского-Корсакова и Готце и об уходе австрийских отрядов Елачича и Линкена.

В складывающейся обстановке Суворов увидел надвигающуюся серьезную опасность для армии. Был созван военный совет, на котором мнение русских генералов было едино – причиной столь основательного поражения союзников является уход Карла из-под Цюриха. Также единогласно этот уход был расценен как очередное предательство австрийской стороны. О дальнейшем марше на Цюрих более не могло быть и речи. Стало ясно, что после выхода из дела русского и австрийского корпусов (по крайней мере, временного, пока разрозненные, преследуемые противником отступающие части не проведут реорганизацию и не обретут способность к дальнейшему сопротивлению) русские численностью чуть более 20 000 чел. не в состоянии на равных сражаться с имеющим двойное превосходство противником.

На этом совете генералы открыто поставили вопрос – «Что мы здесь делаем? Ведь ежели волею нашего императора мы здесь, ежели русские солдаты здесь воюют и погибают ради того, чтобы Австрия получила назад свои земли, а Англия решила свои проблемы, то по крайней мере мы имеем право рассчитывать на уважительное отношение к себе, к русской армии и к ее победам. Но ежели мы терпим от союзников не только свинское отношение, не только мелочные унижения и обиды, но и открытое предательство, то не разумнее ли почитать за лучшее прекратить участие в кампании, более не сражаться с ненадежными союзниками за чуждые России

интересы?»⁵³ На совете решили отступить на северо-восток, по направлению к России. Ближайшая цель – Гларус, лежащий от лагеря примерно в 30 км по прямой.

19 (30) сентября авангард П.И. Багратиона вышел к местечку Гларус, где в течение двух дней вел ожесточенный бой с войсками генерала Молитора, спешившими на соединение с Массена. Багратион разбил Молитора и освободил путь главным силам. Тем временем в Муттенской долине авангард А.Г. Розенберга сдерживал натиск войск генерала Мортье, высадившихся на восточном берегу Люцернского озера. Французы атаковали русских с ходу, но те «ударили на неприятеля выстрелами и штыками, испровергли его замыслы прогнали верст за шесть от Муттена по дороге к Швицу». На поле боя прибыл Массена с 15 тыс. войск. Однако французы снова потерпели поражение, Массена с частью своих войск отступил.

В последний день сентября, после сбора в муттенском лагере всех частей, началось отступление. В авангарде выступили части генералов Багратиона и Павало-Швейковского. Авангард смял заслоны противника и продвигался, ведя непрекращающиеся бои с небольшими неприятельскими отрядами, пытающимися преградить отход русской армии и задержать ее до подхода главных французских сил. Возглавляемый Багратионом авангард преодолел расположенный на высоте 1550 м Прагельский перевал и дошел до Кенталерского озера. Здесь отряды авангарда и вскоре подошедшие главные силы сделали привал на ночь.

Утром 20 сентября (1 октября) авангард, а за ним вся армия (через 10 км марша), повернув почти строго на запад, достигли городка под названием Линталь. Сделав очень короткий привал, чтобы пополнить запасы пороха и пуль, авангард продолжил движение. Спротивление французов уже после Кенталера значительно ослабело, а на последнем 10-км переходе Линталь – Гларус французы тревожили авангард лишь редкими перестрелками и наскоками небольших кавалерийских отрядов. 21 и 22 сентября (2 и 3 октября) 1799 г. Гларус постепенно подтянулись основные силы с артиллерией и обозом (часть артиллерии, предварительно выведя ее из строя, и часть обоза пришлось оставить в лагере под Мутеном). Лишь 23 сентября (4 октября) 1799 г. подошел арьергард, которым командовал генерал Розенберг⁵⁴. Четыре дня части Розенберга прикрывали

отступление армии. Также как и авангард, дивизия Розенберга вела непрерывные бои с нападающими французами.

Четвертого октября в лагере русской армии состоялся еще один военный совет. На котором было принято решение дальше двигаться на Кур, расположенный примерно в 25 км по прямой на юго-восток от Гларуса. «Из-за значительного удаления от своих баз французы вряд ли осмелятся идти дальше Кура. Ежели осмелятся, то они могут превратиться из охотников в дичь». При этом маршрут следования Суворов выбрал таким образом, чтобы на узкой дороге относительно небольшими силами арьергарда можно было сдерживать превосходящие силы неприятеля.

Вечером четвертого полностью измотанные войска прикрытия вошли в Гларус. На последнем переходе арьергард смог несколько оторваться от преследователей. Утром пятого октября русская армия снова на марше. На этот раз Суворов поставил в арьергард отдохнувшую дивизию Багратиона. Массена, поняв, что русские уходят от преследования, непрерывно атаковал. Однако Багратион сдерживал непрекращающиеся атаки сразу двух дивизий генералов Молитора и Луасона. Пройдя перевал и достигнув города Иланца, армия сделала там однодневный привал. Затем войска уже по относительно равнинной местности продолжили движение. 10 октября армия вошла в Кур. Из вышедших 30 сентября из мутенского лагеря 21 000 чел. в Кур пришло не более 15 000 чел. За неделю непрерывных боев русская армия потеряла более 6000 чел.⁵⁵ В Куре закончился Швейцарский поход русской армии, а с ним и участие России в войне Второй коалиции.

Суворов, дав отдохнуть войскам в Куре сутки, двинулся дальше на север. Через несколько дней марша армия пришла в город Фельдкирх. Пробыв несколько дней в Фельдкирхе, армия продолжила движение на север и 19 октября вышла к Линдау, расположенному на северном берегу Баденского озера, армия Суворова соединилась с частями корпуса Корсакова. 6 ноября объединенная армия пришла в район Аугсбурга. Русская армия встала на зимние квартиры между реками Лех и Иллер. По прибытию в Аугсбург фельдмаршал получил известие о том, что русский император отказался от дальнейшего участия России в военных действиях Второй коалиции, и 28 ноября первые части армии начали марш на родину. В конце марта – начале апреля 1800 г. армия достигла границ Российской империи.

Голландская экспедиция

Описывая боевые действия сухопутных войск коалиции, историки обычно упускают события, связанные с участием русских войск в бесславной кампании союзных войск в Голландии⁵⁶, и больше обращают внимание на Итальянский и Швейцарский походы Суворова. Вместе с тем, в военных планах союзников Голландской экспедиции отводилось заметное место.

Англо-русский корпус в Голландии должен был выполнять роль своего рода вспомогательной и отвлекающей силы и тем способствовать успешному нанесению русско-австрийскими войсками главного удара (через Франш-Конте) на Париж. Кроме того, по мнению союзников, успех в Голландской экспедиции должен был способствовать вовлечению в войну против Франции «несговорчивой» Пруссии. Предполагаемое сотрудничество коалиционных сил с недовольными французским господством голландцами считалось одной из главных гарантий успеха в предстоящей операции.

11 июня 1799 г. между Англией и Россией была подписана дополнительная союзническая конвенция, которая целиком касалась совместной экспедиции в Голландию. Она определяла силы русской части экспедиционного корпуса в 17 593 человека, английской – в 13 или 8 тыс.⁵⁷ Разница в количестве войск должна была (английской стороной) компенсироваться деньгами. Финансовые вопросы непосредственно между сторонами были оговорены в подписанном 18 декабря 1798 г. англо-русском союзном трактате. Согласно этому договору Англия обязывалась выплачивать в русскую казну ежемесячно, на период ведения военных действий, по 44 000 фунтов стерлингов⁵⁸.

При этом следует заметить, что эти средства в полной мере не могли компенсировать затраты на содержание русских экспедиционных войск. По этому поводу Павел I впоследствии напишет, что «суммы, Англией нам за войско переводимые, отнюдь недостаточны суть; руководствуемся мы только усердием нашим...»⁵⁹.

Сроки сбора и отправки русского корпуса из Ревеля тщательно скрывались. О них даже не знали лица, отвечавшие за материальное обеспечение экспедиции (ни государственный казначей барон А.И. Васильев, ни вице-президент Военной коллегии И.Б. Ламб). За время подготовки экспедиционного корпуса трижды менялось и место его дислокации. По мнению очевидцев⁶⁰, при подготовке экспедиции «во всем царила чрезвычайная неразбериха».

Русский корпус комплектовался случайным образом, состоя в большей своей части из батальонов, выделяемых от разных полков. Командующий русским экспедиционным корпусом генерал-лейтенант И.И. Герман, по свидетельству современников, талантами не блистал, хотя участвовал во многих походах и был известен как строитель Херсона и генерал-квартирмейстер русской армии в Литве⁶¹. Многие вопросы по снаряжению и боевой подготовке войск решены не были.

В этой связи, 28 июля, генерал Герман писал Ламбу: «По сие время изготовленной трехмесячной провизии для корпусу моего начальства я не получил ничего и не знаю где она находится; дивизия генерал-майора Эссена отправилась в море более уже недели, взяв с собой провизии не более как на полтора месяца и то заимствуюсь у адмиральства Ревельского... Первого или второго при благополучном ветре думаю выйти в море, не имея провизии своей вовсе и даже при Ревеле довольствуются войски аглинскою...»⁶² В письме от 3 августа Герман также сообщает о том, что во многих полках солдатские мундиры до того обносились и обветшали, что в таком виде «едва пристойно показаться чужим народам...»⁶³.

Снабжение конским составом, в соответствии с договорными обязательствами, брали на себя англичане. Однако, забегая вперед, следует заметить, что обещания своего не выполнили. Вследствие чего, по прибытии в Англию, русская артиллерия (60 орудий) получила лишь по 2 коня на упряжку, верховых же лошадей не было поставлено вовсе⁶⁴.

Касаюсь подготовки к Голландской экспедиции англичан, следует отметить, что свободных регулярных войск в Англии в это время не было, и поэтому в экспедиционные части набирали необученных новобранцев из состава милиции графств. Выбор командного состава британских войск, отправляемых в Голландию, также оставлял желать лучшего.

В частности, крупной ошибкой было назначение главнокомандующим (в соответствии с дополнительной декларацией от 11 июня 1799 г., над всеми союзными экспедиционными силами) герцога Йоркского. Военные способности герцога метко охарактеризовал английский посол в Берлине граф Джеймс Малмсбери: «Его представления о военном деле – это представления армейского поручика»⁶⁵. Командуя английским корпусом во Фландрии и Брабанте во время Первой коалиционной войны (1793–1794), Йорк был

наголову разбит французами. Павел I был также недоволен выбором такого главнокомандующего и еще 10 июня в письме к графу С.Р. Воронцову требовал найти на этот пост «кого-либо другого». При Йорке был создан совет из высших офицеров, однако, к сожалению (по отзывам очевидцев), в него не попал ни один действительно толковый военный специалист⁶⁶.

В конце июля 1799 г. в Ревель прибыла английская эскадра командора Ферриса (в составе девяти линейных кораблей, двух фрегатов и семи транспортных судов), предназначенная для доставки русского экспедиционного корпуса к голландским берегам. «Августа 6-го, – повествует “Журнал экспедиции Голландской” Ивана Федорова, – снялась с якоря Аглинская эскадра с российскими войсками...»⁶⁷

Первоначально операция представлялась союзникам легкой прогулкой. Оптимистично был настроен и Суворов: «Операция в Голландии... преуточит нам розы и лилеи, как Франция изнуряется. Да и провидение нам благопоспешно должно быть. Тамо меньше препон»⁶⁸. Англичане сами, еще до прибытия русских войск, овладели Гельдером (30 августа 1799 г.).

Обманчиво легкое начало экспедиции дезориентировало англичан. В Лондоне даже задержали открытие парламентской сессии в предвкушении новых побед экспедиционного корпуса. Полагали, что известие о них сможет украсить королевскую речь перед членами палаты общин. При этом, говоря о победных реляциях в Лондон командовавшего высадкой генерал-лейтенанта Р. Аберкромби, нельзя здесь же не заметить, что русские войска в них не упоминались ни словом (хотя в составе десанта на судах эскадры вице-адмирала Митчелла находилось 850 русских солдат и матросов и в ее составе были два русских корабля: «Ретвизан» и «Мстислав»)⁶⁹. Факт этот сам по себе достаточно красноречив. Ибо он показывает, каково изначально было отношение английского командования к русским союзникам.

Уже на начальном этапе экспедиции английским командованием была допущена существенная ошибка. Аберкромби, захватив Гельдер и о. Тексель, занял выжидательные позиции, своим бездействием дав возможность французскому командующему, генералу Брюну перебросить войска на север Голландии и взять инициативу в свои руки. Уже 30 августа Брюн атаковал Аберкромби. Эта атака была отбита, но показала всю неосновательность надежд

на поддержку экспедиционного корпуса со стороны голландцев. «Мы обнаружили едва ли одного друга в [этой] стране, – вспомнил впоследствии адъютант герцога Йоркского, – очень мало голландских джентльменов прибыло в нашу армию...»⁷⁰

1 сентября в Гельдер прибыли последние английские части и главнокомандующий герцог Йоркский, 2 сентября на Текселе высадились русские войска, прибывшие с эскадрой Ферриса, а 7 сентября у берегов Голландии отшвартовалась и эскадра контр-адмирала П.В. Чичагова⁷¹. Таким образом, все союзное войско, состоявшее из 32 000 чел. было в сборе.

С первых же дней пребывания в Северной Голландии русские войска столкнулись с нехваткой продовольствия и лошадей. Дождливая, сырая погода оказывала на солдат, не имевших никаких укрытий, гнетущее действие. 7 сентября русскому корпусу «при вечернем приказе отдано было повеление оставить намокнувшие плащи на батареях и раздать по манеркам, каждому рядовому по две порции рому, с строгим подтверждением, чтобы каждый выпил не более одной порции, оставляя другую на случай счастливой победы»⁷².

8 сентября 1799 г. в 4 часа утра союзники атаковали французов и потерпели неудачу при Бергене. Русские войска лишились двенадцати орудий и двух знамен; из общих людских потерь союзников в 4 тысячи человек на долю русских приходилось 3068 (1792 убитыми и 1276 ранеными). В плен к французам (наткнувшись на французский пикет) попал и генерал-лейтенант Герман. Очевидец событий пишет: «Печальная весть, дошедшая в главную квартиру о потере Начальника (генерала Германа), поразила всех как громовым ударом... Уныние отнимало силу, и никто не знал, за что приняться»⁷³. В какой-то момент даже разнесся слух о полном разгроме русской части корпуса. В приказе по русскому корпусу от 13 сентября генерал-лейтенант Н.И. Эссен (сменивший плененного Германа) прямо говорит о случаях дезертирства солдат в ходе сражения. «Но как скоро, – признает Эссен, – некоторые из них удалились от трусости или будучи увлечены подлым желанием грабежа, то успехи, мужественно начатые, были остановлены... Я думаю, – продолжает он, – что не малая часть наших были перебиты в беспорядке недостойными своими товарищами; и столь велик был сей беспорядок, что все мною употребленные старания и других храбрых офицеров для собрания войск, все наши усилия были бесполезны»⁷⁴.

Второе сражение, и снова при Бергене, произошло 21 сентября 1799 г. На этот раз союзники одержали победу. Однако перелома в ходе военных действий не наступило. Третье (и последнее) сражение с французами состоялось через четыре дня (25.9.1799) у Бакума.

Здесь почти в точности повторилось первое сражение под Бергеном. Русские войска успешно атаковали противника, «но аглинская колонна, назначенная для прикрытия правого нашего фланга, – рапортовал Эссен Павлу I, – не двинулась... в половине второго часа (сражение к тому моменту продолжалось пять с половиной часов) превосходный числом неприятель, чувствуя важность занятых нами возвышенностей, устремил на них все свои силы и, видя наш правый фланг без защиты, окружил его». Русские потери на этот раз превысили тысячу человек (381 убитыми и 735 ранеными).

Войска же выглядели отнюдь не блестяще. «С прискорбием должен я донести Вашему Императорскому Величеству, – писал Эссен в рапорте царю от 26 сентября, – что некоторые офицеры укрываются от сражения – именно, по рапортам полковых и батальонных начальников, бежали с сражения Гренадерского Жеребцова полку адъютант порутчик Хартлинг и сего ж полку сводно-гренадерского Митюшина подпорутчик Ластушкин 1-ой, которые до высочайшего В.В. повеления содержатся в Гельдере под арестом»⁷⁵. Резолюция Павла не заставила себя ждать: «Выключить из службы с лишением чинов, дворянства и преломить шпаги над головами»⁷⁶. Но ни суровые наказания, ни призывы к мужеству и порядку уже ничего не могли изменить.

Надо сказать, что в Петербурге были осведомлены о плачевном положении дел в русском экспедиционном корпусе. Граф Ф.В. Ростопчин (занимавший в то время пост главы Коллегии иностранных дел) писал Суворову 29 сентября 1799 года: «Какое постыдное поведение войск наших в Голландии; в первом деле бросились грабить. Оставили генералов и оттого разбиты; в другом не хотели идти, полк лег на землю. О, проклятые! Генерал-майор Арбениев, штаб-офицер и еще три офицера бежали, и только море их одно могло остановить. За 40 верст. Арбениев исключен, а те ошельмованы»⁷⁷.

За шесть недель Голландской кампании союзники понесли значительные потери. Русские потери составили более 30 % от списочного состава (из убывших из Ревеля 17 000 погибло 6400 чел.)⁷⁸. Новые пополнения не прибывали, и без того неудовлетворительное снабжение войск продовольствием еще более ухудшилось.

Почти ежедневно в полковые списки русских частей вносились приказы о выключении из этих списков русских солдат, умерших в военном госпитале в Гельдере и других местах. Путь на юг Голландии был наглухо заперт войсками Брюна. По приказу герцога Йоркского русские войска в ночь на 27 сентября отступили и заняли свои прежние позиции.

Отношения между союзниками приобрели крайне натянутый характер. Они взаимно обвиняли друг друга в неудаче похода. Масла в огонь подлил и сам главнокомандующий, герцог Йоркский, он обозлил русских офицеров, находившихся под его началом, выказывая им свою нелюбовь и крайнее презрение и открыто насмехаясь над ними за столом²². В довершение всех несчастий окончательно испортилась погода. Экспедиция потерпела полный провал.

7 октября 1799 г. в Алькмааре герцог Йоркский капитулировал, подписав конвенцию с генералом Брюном. Было заключено перемирие до 19 ноября; к этой дате союзники обязались очистить пределы Голландии и без всяких условий освободить 8 тыс. пленных французов и батавцев⁷⁹.

Переговоры и заключение конвенции велись герцогом скрытно от русских. Остатки экспедиционного корпуса, в соответствии со ст. VII дополнительной декларации от 11.06.1799 г., были отправлены в Англию⁸⁰.

Неудача экспедиции в Голландию тяжело отразилась на союзе между Лондоном и Санкт-Петербургом, положив начало кризису в англо-русских отношениях.

Средиземноморский поход Ушакова (1798–1799)

В соответствии с союзническими обязательствами с Англией император Павел I направил в Средиземное море для действий против французов черноморскую эскадру адмирала Ф. Ушакова (6 линейных кораблей, 7 фрегатов, на которых находилось свыше 9000 чел., в т. ч. 1700 десантников). В Дарданеллах к эскадре Ф. Ушакова присоединились и турецкие корабли, которые вошли к нему в подчинение. Главной целью действий эскадры Ф. Ушакова был захват Ионических островов – ключевой позиции французов в Ионическом и Адриатическом морях. Эти острова могли стать плацдармом для возможного вторжения французских войск на Балканы.

С 28 сентября по 1 ноября 1798 г. Ф. Ушаков овладел четырьмя островами Ионического архипелага⁸¹. Остался последний крупный хорошо укрепленный остров Корфу. Его оборонял гарнизон под командованием генерала Шабо численностью 3700 чел. На острове находились две мощных крепости (старая венецианская и новая, переоборудованная французами). С моря город Корфу прикрывал небольшой гористый остров Видо, на котором находилось пять береговых батарей и гарнизон в 800 чел. Взять этот хорошо укрепленный комплекс было очень сложно. Поэтому Ф. Ушаков решил до подхода подкреплений осуществлять блокаду Корфу. С 24 октября 1799 г. потянулись трудные месяцы холодного и дождливого зимнего стояния, которые принесли русским больше потерь, чем во время боевых действий.

После подхода дополнительных сил (в декабре 1798 – январе 1799) Ушаков решил штурмовать острова. Первый удар 18 февраля 1799 г. был нанесен по острову Видо. Вначале в бой вступила корабельная артиллерия. Против каждой из французских батарей действовала определенная группа кораблей. Благодаря слаженным действиям эскадры, мощи и точности артиллерийского огня все батареи на Видо к 11 часам утра были разрушены. После этого на остров высадился 2-тыс. десант союзников, который после упорного трехчасового боя выбил французов из всех укреплений. Из 800 чел., оборонявших остров, в плен попало 442 человека. Потери союзников составили свыше 300 чел. (125 – русских и 180 – турок).

Овладев Видо, Ушаков сосредоточил весь огонь по Корфу. Одновременно высадившиеся там десанты пошли на штурм крепостных бастионов. После яростного боя передовые укрепления Новой крепости пали. 19 февраля комендант Шабо, видя бессмысленность дальнейшего сопротивления, согласился сдаться⁸². Ионические острова перешли под российское покровительство. Тем самым Россия подорвала господство Франции в восточном Средиземноморье и приобрела там важную военно-морскую базу.

Весной – осенью 1799 г. эскадра Ушакова действовала близ побережья Италии, в т. ч. во взаимодействии с английским флотом адмирала Нельсона. Русские высаживали десанты, которые очищали от французов итальянское побережье. Так, десантный отряд капитана Белли 3 июня штурмом взял Неаполь, а 16 сентября тысяча русских десантников под командованием капитана Балабина

вступили в Рим⁸³. Кроме того, Ушаков, по просьбе фельдмаршала Суворова, воюющего в Северной Италии, направил отряд кораблей под командованием контр-адмирала Пустошкина сначала для блокады Анконы, а затем и порта Генуи⁸⁴. Корабли Ушакова блокировали Геную, пресекая подвоз морем к французской армии продовольствия и боеприпасов. 31 декабря 1799 г. Ушаков получил приказ императора Павла I возвращаться домой, и в начале 1800 г. эскадра вернулась в Севастополь.

Таким образом, подводя краткий итог вышеизложенному, можно сделать вывод о том, что главная задача коалиционных сил «...принудить Францию войти в прежние границы и тем восстановить в Европе прочный мир и политическое равновесие», решена не была.

Основными причинами неудач коалиционных сил можно считать:

распыление сил союзников на ТВД и несогласованность их действий (т. е. отсутствие в коалиционной стратегии «...неразрывной связи, между операциями в Италии, Швейцарии и на Рейне»);

недолжное выполнение австрийской и английской сторонами своих союзнических обязательств по снабжению русской армии лошадьми, гужевыми вспомогательными средствами (муллами), продовольствием и фуражом (Голландская экспедиция и Швейцарский поход Суворова);

плохая подготовка голландских экспедиционных сил (как с английской, так и с русской стороны);

неудачный подбор английской стороной высшего командного состава голландского экспедиционного корпуса.

¹ Наполеон I по поводу поражения Второй антифранцузской коалиции заметил: «...если бы все русские, действовавшие в Италии, Швейцарии и Голландии, были соединены и употреблены отдельно под началом Суворова, то он при полной свободе действий дал бы скорый и решительный оборот в пользу коалиции». См.: Военная энциклопедия. СПб.: Т-во И.Д. Сытина, 1913. Т. XII. С. 627.

² Там же. С. 612.

³ Брикнер А.Г. История Екатерины II. СПб., 1885. С. 529.

⁴ Антифранцузские коалиции – военно-политические союзы европейских государств, стремившихся к восстановлению во Франции монархической династии Бурбонов, павшей в период Французской революции 1789–1790 гг. Всего было создано 7 коалиций. В научной литературе первые две коалиции именуют «антиреволюционными», начиная с третьей – «антинаполеоновскими».

- ⁵ Военная энциклопедия. Т. XII. С. 521–528.
- ⁶ Милютин Д.А. История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I. СПб., 1852. Т. 1. С. 46.
- ⁷ Байов А. Курс истории русского военного искусства (эпоха Императора Павла I). СПб.: Типогр. гр. Скачкова, 1910. Т. VI. С. 56–57.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Керсновский А.А. История Русской армии. М.: Голос, 1992. Т. 1. С. 183.
- ¹⁰ Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций заключенных Россиею с иностранными державами (По поручению министерства иностранных дел). СПб.: Типогр. Министерства путей сообщения, 1892. Т. IX. С. 418.
- ¹¹ Керсновский А.А. Указ. соч. С. 184.
- ¹² Мартенс Ф. Указ. соч. Т. II. С. 192–214.
- ¹³ Там же. С. 248–260.
- ¹⁴ Мартенс Ф. Указ. соч. Т. II. С. 208.
- ¹⁵ См. например: Байов А. Указ. соч. С. 59–61; Керсновский А.А. Указ. соч. С. 183–190; Богданович М.И. Походы Суворова в Италию и Швейцарии. СПб., 1846. С. 37–38; Обзор войн России от Петра Великого до наших дней (под общей ред. генерал-лейтенанта Леера). СПб.: Изд-во Березовского, 1893. Ч. 1. С. 101; Милютин Д.А. История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I. СПб., 1852. Т. 1. С. 145–181; Т. 2. С. 7–12, приложение 6 (С. 412–416); Т. 3. С. 7 и др.
- ¹⁶ Милютин Д.А. Указ. соч. Т. 2. С. 7; Приложение 6 (С. 412–416).
- ¹⁷ Однако, по данным некоторых источников, для отчетов (от которых зависел размер финансовой помощи со стороны Англии) австрийской стороной численность войск завышалась до 438 000 чел. и 102 000 лошадей.
- ¹⁸ Милютин Д.А. Указ. соч. Т. 1. С. 147.
- ¹⁹ Там же. С. 147–148.
- ²⁰ Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. Ч. 1. С. 103.
- ²¹ Там же.
- ²² Следует также отметить, что если, при расчетах с Англией у Австрии в численности армии был резко выражен отрицательный баланс, то есть разница между численностью армии по документам, оплаченным по ведомостям Англией, и реальной численностью составила 183 000 чел., то русская армия, напротив, имела отчетливый положительный баланс. Разница между оплаченными солдатами и солдатами, должными принять участие в войне, составила примерно 22 000 чел.
- ²³ Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. Ч. 1. С. 105.
- ²⁴ Там же. С. 105–106.
- ²⁵ Т. е. указания по боевому расписанию войск. Подробнее см.: Военная энциклопедия. Т. IV. С. 589.
- ²⁶ Милютин Д.А. Указ. соч. Т. 1. С. 167.
- ²⁷ Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. Ч. 1. С. 101–103.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же. С. 102–103.
- ³⁰ Следует заметить, что эти новые тактические приемы предварительно были испытаны во время американской войны за независимость, в которой активное участие принимали добровольцы из французских офицеров. Впоследствии они стали широко внедрять этот опыт у себя на родине.
- ³¹ Военная энциклопедия. Т. IV. С. 594.

- ³² Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. С. 104.
- ³³ Строков А.А. История военного искусства. М.: Воениздат, 1963. С. 172.
- ³⁴ Голицын Н.С., князь, член военно-ученого комитета Главного штаба. См.: Всеобщая военная история новейших времен (Ч. 2: 1792–1801.). СПб.: Изд-во «Общественная польза», 1875. С. 233.
- ³⁵ Строков А.А. Указ. соч. С. 173.
- ³⁶ Советская военная энциклопедия. М.: Воениздат, 1978. Т. 3. С. 658.
- ³⁷ Русская военная сила (История развития военного дела с начала Руси до нашего времени) / под ред. члена Военно-ученого комитета Главного штаба Генерального штаба генерал-майора А.Н. Петрова. М.: Изд-во тов-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1897. С. 442.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Голицын Н.С. Указ. соч. С. 264.
- ⁴⁰ Там же. С. 277.
- ⁴¹ Там же. С. 278.
- ⁴² Там же. С. 296–303.
- ⁴³ Военная энциклопедия. Т. XVII. С. 23.
- ⁴⁴ Там же. С. 24.
- ⁴⁵ Бескровный Л.Г. Итальянский и швейцарский походы А.В. Суворова // Военно-исторический журнал. 1974. № 8. С. 98–103.
- ⁴⁶ Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. Ч. 1. С. 150.
- ⁴⁷ Советская военная энциклопедия. М.: Воениздат, 1980. Т. 8. С. 499.
- ⁴⁸ Байов А. Указ. соч. С. 140.
- ⁴⁹ Там же. С. 141.
- ⁵⁰ Милютин Д.А. Указ. соч. Т. 4. С. 167.
- ⁵¹ Там же. С. 59.
- ⁵² См.: Цюрихское сражение 1799 г. в Советской военной энциклопедии. М.: Воениздат, 1980. Т. 8. С. 439.
- ⁵³ Байов А. Указ. соч. С. 155–156.
- ⁵⁴ Там же. С. 163.
- ⁵⁵ Милютин Д.А. Указ. соч. Т. 5. Ч. VI. С. 162.
- ⁵⁶ Единственным исследователем, частично осветившим материалы по подготовке и проведению экспедиции, был генерал-фельдмаршал Д.А. Милютин (Милютин Д.А. Указ. соч. Т. 5. СПб., 1853).
- ⁵⁷ Дополнительная союзническая конвенция, подписанная между Англией и Россией 11 июня 1799 г. См.: Мартенс Ф. Указ. соч. Т. IX. С. 431.
- ⁵⁸ Там же. С. 421–424.
- ⁵⁹ Архив внешней политики Российской империи. Историко-документальный департамент МИД РФ (далее АВПРИ). Ф. Отношения России с Англией. Оп. 35/6. Д. 507. Л. 55.
- ⁶⁰ Дубянский А.Я. Записки военнопленного российского штаб-офицера во время Голландской экспедиции 1799 года // Сын Отечества. Ч. 2. № IX. СПб., 1824. С. 49–63; там же. № X. С. 97–114; № XI. С. 149–166; № XII. С. 197–216; № XIII. С. 245–262; № XIX. С. 293–305.
- ⁶¹ Вейдемейер А. Двор и замечательные люди России во второй половине XVIII столетия. Ч. 2. СПб., 1846. С. 208.
- ⁶² Архив СПб. Института истории РАН (ИИ РАН). Ф. 36 (Воронцовы). Оп. 1. Д. 213. Л. 6–7.
- ⁶³ Там же.

- ⁶⁴ Керсновский А.А. Указ. соч. С. 183.
- ⁶⁵ Архив СПб. Института истории РАН (ИИ РАН). Ф. 36 (Воронцовы). Оп. 1. Д. 213. Л. 6.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Там же. Л. 8.
- ⁶⁸ Там же. Л. 5.
- ⁶⁹ АВПРИ. Ф. Отношения России с Англией. Оп. 35/6. Д. 507. Л. 71.
- ⁷⁰ Архив СПб. Института истории РАН (ИИ РАН). Ф. 36 (Воронцовы). Оп. 1. Д. 213. Л. 11.
- ⁷¹ В соответствии с «отдельной статьей» дополнительной декларации от 11 июня 1799 г. (подписанной в С.-Петербурге Россией и Англией), российская сторона в целях ускорения переброски войск обязывалась предоставить и часть своих судов под командованием адмирала Чичагова (не оговоренных в трак- тате), а именно: *6 кораблей, 5 фрегатов и 2 транспортных судна*.
- ⁷² Дубянский А.Я. Указ. соч. С. 53.
- ⁷³ Там же. С. 57.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ Архив СПб. Института истории РАН (ИИ РАН). Ф. 36 (Воронцовы). Оп. 1. Д. 213. Л. 17.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ Там же.
- ⁷⁸ Голицын Н.С. Указ. соч. С. 407.
- ⁷⁹ Шлоссер Ф. Всемирная история. СПб.-М.: Изд-во М.Ф. Вольфа, 1872. Т. VI. С. 449.
- ⁸⁰ См.: Дополнительная союзническая конвенция, подписанная между Англией и Россией 11 июня 1799 г. – Мартенс Ф. Указ. соч. Т. IX. С. 431–432.
- ⁸¹ История Русской армии и Флота. М.: Мосиздат «Образование», 1913. Т. 9. С. 43–50.
- ⁸² Военная энциклопедия. Т. XIII. С. 209.
- ⁸³ Там же.
- ⁸⁴ История Русской армии и Флота. Т. 9. С. 43–50.

А.А. Костин (Санкт-Петербург)

**УЧАСТИЕ А.П. СУМАРОКОВА В ПОДГОТОВКЕ
ФЕЙЕРВЕРКА НА НОВЫЙ 1760 ГОД
(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА ВОЕННО-
ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ АРТИЛЛЕРИИ,
ИНЖЕНЕРНЫХ ВОЙСК И ВОЙСК СВЯЗИ)**

«О ПИСАНИЕ огненного представления в первый вечер нового года, 1760»¹ является во многом уникальным в обширном корпусе сочинений А.П. Сумарокова. Служивший в конце 1759 г. директором русского театра, Сумароков был известен как автор определявших репертуар театра трагедий и комедий, соперник М.В. Ломоносова и В.К. Третьяковского в споре за главенствующее место на русском Парнасе, издатель первого в России частного журнала «Трудолюбивая пчела». Между тем, создание инвенций (содержательных проектов) и описаний официальных фейерверков и иллюминаций на протяжении 1740–1760-х гг. оставалось во многом монополией профессора красноречия Петербургской Академии наук Я.Я. Штелина. Лишь в первой половине 1750-х гг. его смог немного потеснить М.В. Ломоносов, фейерверки по проектам которого представлялись перед императрицей в 1752–1753 гг.; однако начиная с 1754 г., хотя канцелярия Академии наук и продолжала давать поручения о составлении проектов огненных представлений обоим профессорам, предпочтение неизменно отдавалось проектам Штелина, результатом чего стал категорический отказ Ломоносова в начале 1755 г. участвовать в дальнейшем в подобных «конкурсах»². Поэтому тот факт, что в 1759 г. подготовка описания очередного новогоднего фейерверка была поручена Сумарокову, никогда до того времени не принимавшему участия в подобных проектах (для сравнения – Ломоносов, прежде чем сочинить свой первый проект, на протяжении 5 лет переводил стихотворные надписи к проектам Штелина), не может не вызывать интереса.

До сих пор единственным объяснением этого факта был фрагмент из «Краткой истории искусства фейерверков в России» Я.Я. Штелина, посвященный фейерверку на 1760 год: «Александр Сумароков захотел сочинить аллегорическое представление для фейерверка. Фельдцейхмейстер граф Шувалов не стал отказывать ему в попытке. Но хороший русский поэт, который мало или ничего не понимал в сочинении картин, получил от публики, уже при- выкшей к новому, общий приговор: существует большая разница между сочинением стихов и сочинением аллегорических картин»³. Фрагмент этот требует комментария, поскольку не отвечает на важный вопрос: почему с такой легкостью в столь важном деле, как подготовка новогоднего фейерверка (наиболее публичной и зрелищной формы манифестации государственной идеологии), предпочтение было отдано хотя и известному, но вовсе не опытному в этой области поэту.

Изучение истории подготовки проектов фейерверков и иллюминаций 1740–1750-х гг. строилось до сих пор преимущественно на материалах архива Академии наук, где служили два основных инвентора этого времени, Штелин и Ломоносов, и где издавались печатные описания огненных представлений. Подобный подход неизбежно вел к определенному искажению в понимании природы подготовки фейерверков. Дело в том, что Академия наук и формально, и в реальной логике работы Канцелярии главной артиллерии и фортификации была лишь одним из исполнителей таких масштабных предприятий, требовавших совместных усилий многих ведомств (Адмиралтейств-коллегии, Медицинской коллегии, полиции и т. д.) и сотен людей (военнослужащих, вольнонаемных мастеров, частных поставщиков). И если в начале 1730-х гг. компетентных специалистов в области фейерверков можно было найти в России лишь в Академии наук, если на протяжении 1745–1756 гг., когда должность генерал-фельдцейхмейстера оставалась по большей части вакантной, по традиции подготовка фейерверка начиналась с запроса его проекта у Академии наук, то с приходом к руководству артиллерией в 1756 г. П.И. Шувалова ситуация в этой области начала существенно изменяться. Еще в начале 1755 г. стараниями Шувалова в русскую службу поступил прославившийся своими фейерверками в Лондоне⁴ итальянский специалист Дж. Сартти, с начала 1750-х оттачивали свое техническое мастерство в этой сфере М.В. Данилов, П.И. Мелиссино и особенно М.Г. Мартынов –

именно он стал основным организатором этих представлений с 1757 г. В первое время после назначения Шувалова генерал-фельдцеймекстером артиллерийское ведомство продолжало заказывать проекты фейерверков и иллюминаций у Академии наук, однако последний подобный заказ относится к иллюминации 20 сентября 1757 г.⁵ Уже фейерверк на новый 1758 год фейерверкеры артиллерийского ведомства готовили самостоятельно, обратившись в Академию наук лишь когда возникла необходимость напечатать тираж описания будущего фейерверка с изображениями его планов⁶. Подобный порядок сохранялся до тех пор, пока летом 1761 г. из-за болезни Шувалов не отошел от руководства артиллерией, а временно исполняющим его обязанности не был назначен А.И. Глебов⁷. Показательно, что если до 1756 г. лицом, утверждавшим проекты огненных представлений, являлась императрица⁸, то с конца 1757-го апробация проектов становится прерогативой исключительно Шувалова⁹. Начиная с апреля 1757 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» перестают публиковаться подробные описания фейерверков и иллюминаций, до того времени не только исправно в них появлявшиеся, но и дословно повторявшие составленные служащими академии проекты и стихи.

Таким образом, под руководством Шувалова не только техническая, но и содержательная сторона подготовки фейерверков стала прерогативой служащих артиллерийского ведомства, в первую очередь – М.Г. Мартынова. Так, например, подпись под гравюрой к фейерверку на новый 1759 год: «Фейерверк сочин<ил> подполк<овник> Мартынов»¹⁰ вполне соотносится со сведениями о подготовке этого фейерверка, содержащимися в протоколах Канцелярии главной артиллерии и фортификации. «Учиненный» им план фейерверка был представлен Мартыновым в канцелярию 3 ноября 1758 г., причем он сообщал: «...онный и его сиятельством господином генералом-фельдцейхмейстером, сенатором и кавалером графом Петром Ивановичем Шуваловым опробован, и от его сиятельства приказано по оному плану токмо с некоторою в трофеях от надворного советника Штелина по приличности переменною ... экземпляры напечатать»¹¹. С подобной степенью задействованности в подготовке фейерверка соотносится и ведомость о суммах награждений готовившим его, утвержденная императрицей в январе 1759 г. В соответствии с этой ведомостью, Мартынов должен был получить 1000 р., в то время как Штелин – лишь 400¹².

Сохранившиеся в Архиве ВИМАИВиВС документы о подготовке фейерверка на 1760 год позволяют наиболее отчетливо увидеть, что представляла собой работа по составлению проектов фейерверков под руководством Мартынова и какое место в этой работе отводилось описанию фейерверка.

Предложение о подготовке фейерверка по устному указанию императрицы было отправлено Шуваловым в Канцелярию главной артиллерии и фортификации 7 сентября 1759 г. В нем сообщалось, что «как оный по примеру прежде бывших пред новым зимним Ее императорского величества домом представлен быть имеет, то канцелярии особливо рекомендовать артиллерии полковнику Мартынову, майору Мелисину и италианцу Сартию, чтоб крайне они старались сочинить оный с такою предосторожностью, дабы народу ни малейшей опасности от повреждения не было, чего ради и большим воздушным ракетам не быть, кроме люсткуглей, шверманов и низкого от земли огня, а каким образом расположен сей фейерверк быть должен и с какою идеею, о том полковник Мартынов его сиятельства (так! – А. К.) докладываться будет»¹³. В соответствии с этим предложением 9 сентября канцелярией было принято решение: «...каким образом оный фейерверк расположен быть должен и с какою идеею, о том, как проект со описаниями опробован будет»¹⁴, Мартынову предписывалось сообщить в канцелярию.

Судя по всему, даже первоначальный проект такого плана Мартынов не представил в канцелярию по меньшей мере до 30 сентября, поскольку, когда в этот день Мелисину запросил о выделении средств на закупку материалов для изготовления «зеленого огня», ему было отказано до получения санкции от Шувалова, так как проект Мартыновым представлен не был, а без этого не могли производиться никакие другие работы¹⁵. Можно предположить, что первоначальный проект обсуждался Мартыновым напрямую с Шуваловым, поскольку различные закупки для фейерверка производились на протяжении октября, а 1 ноября в канцелярии был заключен контракт с живописцем Вотчинной канцелярии И. Канатчиковым на изготовление восьми живописных полотен для фейерверка: «Одну главную длиною на десяти, вышиною на трех с половиною саженьях; две, к сторонам оной главной, состоящих из дерев, длиною по две сажени, а вышиною от центра той же главной картины склонением, да четыре, состоящих из гербов круглые, величиною в диаметре в сажень, да сверх тех одну фигуру длиною в

четыре аршина, а вышиною в сажень». Все указанные полотна входили в состав первой части фейерверка – «Франкфуртской баталии», «изобретение» которой было сделано, как следует из печатного текста описания фейерверка, Мелиссино¹⁷. Таким образом, к этому времени проект, по меньшей мере, этой части не только был готов, но по нему придворным художником Ф. Градицци были созданы эскизы.

О времени полного завершения работы над проектом можно уверенно говорить лишь начиная с 3 декабря, когда, после внесения Мартыновым в Канцелярию главной артиллерии и фортификации двух утвержденных Шуваловым чертежей, было принято решение об отправке их в Академию наук для гравирования досок и последующего печатания 600 экземпляров «купно и со описанием, которое бригадиром Сумороковым учинено будет»¹⁸. Не было готово описание и 7 декабря, когда Мартынов представил канцелярии для передачи в академию еще один, также апробованный Шуваловым, чертеж, «причем объявил, что ... описание еще не сочинено»¹⁹.

Можно сказать, что составление описания фейерверка оказывалось лишь одной из последних и, по сути, малозначащих задач в подготовке фейерверка, существенно уступая разработке общей его идеи и визуального наполнения. Показательно, что в передававшемся через Шувалова на утверждение императрице реестре представляемых к награждению за устройство фейерверка Мартынов счел нужным в случае с Сумароковым указать лишь, что он «сочинял стихи к фейерверку»²⁰. Такая формулировка вызвала удивление Шувалова, и он обратился к Мартынову со срочным запросом: «Прислать сей час в походную его сиятельства канцелярию записку, г[оспо]д[и]н бригадир Сумороков только ль стихи к фейерверку сочинял, или он и прожектировал, или ж прожектировал советник Штелин»²¹. Ответ Мартынова во многом проливает свет на то, что представляло собой сотрудничество фейерверкера и поэта: «Г[оспо]д[и]н бригадир Сумороков по идее от меня и по общему согласию сочинил стихи и описание, а на французский и немецкий язык переводил кадетский капитан Остервальд, а г[оспо]д[и]на советника Штелина идеи сей год во употреблении не было»²².

Это свидетельство отчетливо показывает, что указание в печатном тексте описания фейерверка: «Описание огненного представления г. Сумарокова»²³ вполне отражает объем проделанной в данном случае Сумароковым работы. Если он и принимал участие в

разработке идеи фейерверка, характеризовать его можно как минимальное (ср. в продолжении процитированного ранее текста Штелина: «...его инвенция заключалась в сочинении бюста Петра Великого перед входом в храм. Итак, к его проекту хорошо подошло ... выражение императрицы Анны: как будто не умеют представить ничего другого, как сожжение монарха».)²⁴ Неудивительно поэтому, что в окончательном реестре награжденных за подготовку фейерверка Шувалов счел нужным изменить изначально предложенную Мартыновым сумму награждения поэта (он занимал, как и Штелин годом ранее, первое место в списке, и ему предлагалось заплатить такую же сумму – 400 р.), сократив ее до 300 р. Впрочем, по-видимому, зная вспыльчивый нрав поэта, Шувалов посчитал нужным добавить к этому сугубо денежному награждению знак высочайшей монаршей милости – табакерку, что и нашло отражение в окончательном реестре награжденных²⁵.

Таким образом, можно с уверенностью говорить, что в эпоху «шуваловских» огненных представлений отвечавшие до того лишь за техническую сторону фейерверкеры артиллерийского ведомства стали в полной мере отвечать и за их содержательное наполнение. Во многом это было обусловлено повышенным вниманием П.И. Шувалова к технической стороне артиллерии, проявившемся в буме артиллерийских изобретений, пришедшемся на 1756–1761 гг. Фейерверк должен был предстать в первую очередь зрелищем, показывающим технические новшества, идейная нагрузка отходила в таком случае на второй план. Становилось поэтому не так уж важно, кто будет сочинять описание фейерверка, приобретающее характер реляции. И если для такого важного события, как новогодний фейерверк, по традиции предполагавшего стихотворное оформление, следовало все же прибегать к услугам известных поэтов, то, например, описание фейерверка в Ораниенбауме к годовщине бракосочетания великокняжеской четы могло быть написано устроителями самостоятельно²⁶. В подобной ситуации М.Г. Мартынов и его помощники оказывались вольны в выборе исполнителей подобного заказа, и становится понятным, почему не обладавший опытом в подготовке фейерверков Сумароков стал автором описания.

- ¹ Описание огненного представления в первый вечер нового года, 1760. СПб., 1759. Текст был опубликован также Н.И. Новиковым во втором издании «Полного собрания всех сочинений» Сумарокова (М., 1787. Т. 1. С. 317–324).
- ² Об устройстве фейерверков в России в царствование Елизаветы Петровны см.: Павлова Г.Е. Проекты иллюминаций Ломоносова // Ломоносов. Сборник статей и материалов. Сб. 4. Л., 1960. С. 219–237; Фейерверки и иллюминации в графике XVIII века. Выставка / сост. Алексеева М.А. Л., 1978; Зелов Д.Д. Официальные светские праздники как явление русской культуры конца XVII – первой половины XVIII века (история триумфов и фейерверков от Петра Великого до его дочери Елизаветы). М., 2002; Наймарк Е.А. Фейерверки в официальных торжествах России первой половины XVIII века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010; Werret S. Fireworks: pyrotechnic arts and sciences in European history. Chicago, 2010; Дедова Е.Б. Аллегорические образы в искусстве фейерверков и иллюминаций в России середины XVIII века. К проблеме панегирического направления в художественной культуре елизаветинского времени. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2011.
- ³ Штелин Я. Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России. М., 1990. Т. 1. С. 257, 259.
- ⁴ Ruggieri G., Sarti G. A Description of the Machine for the Fireworks; with all its ornaments, and a detail of the manner in which they are to be exhibited. London, 1749.
- ⁵ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. № 225. Л. 4–19.
- ⁶ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ГП. № 476. Л. 229; СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. № 226. Л. 368.
- ⁷ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. № 265. Л. 74–93.
- ⁸ См., например: Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ГП. № 452. Л. 64, 112, 244.
- ⁹ Архив ВИМАИВиВС. № 476. Л. 229.
- ¹⁰ Аллегорическое изображение фейерверка в честь ее императорского величества Елисаветы Петровны самодержицы всероссийския и прочая, и прочая, и в знак всеподданнейшего и усерднейшего желания в новый год 1759, представленного пред Императорским Зимним домом. СПб., 1758.
- ¹¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ГП. № 488. Л. 26.
- ¹² Там же. Оп. ШГФ. № 902. Л. 156; № 959. Л. 15.
- ¹³ Там же. Оп. ГП. № 2585. Л. 70.
- ¹⁴ Там же. Л. 70 об.
- ¹⁵ Там же. Л. 262.
- ¹⁶ Там же. № 2587. Л. 23–23 об.
- ¹⁷ Ср.: «Представление четырех зеленых деревьев, Франкфуртское сражение и гербы с прочими огненными украшениями исполнения г. Мелисина»; «Представляется при Франкфурте русского с прусским войском жестокое сражение <...> Изображение это представляется на освещенной картине. Над местом ужасного сражения видно раскаленное солнце с именем великия Елизаветы <...> По окончании грома <...> возлетает Победа к имени Ее императорского величества <...> По сем является российский императорский герб и гербы четырех подвластных Ее величеству царств, изображенные на прозрачных в огне картинах» (Описание огненного представления... СПб., 1759).
- ¹⁸ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ГП. № 2588. Л. 42.
- ¹⁹ Там же. Л. 110.

²⁰ Там же. Оп. ШГФ. № 902. Л. 199; № 959. Л. 15.

²¹ Там же. № 959. Л. 19.

²² Там же.

²³ Описание огненного представления... СПб., 1759.

²⁴ Штелин Я. Указ. соч. Т. 1. С. 259.

²⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. № 959. Л. 15. Для сравнения: за исполнение работ по созданию полотен для фейерверка русский живописец И. Канатчиков запросил плату в 450 р. и не соглашался ее уменьшать, мотивируя свою позицию тем, что за ту же работу Ф. Градицы требовал 800 р. (Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ГП. № 2587. Л. 23 об.–24).

²⁶ Описание увеселительных огней представленных на день брачного сочетания их императорских высочеств государя великого князя Петра Феодоровича и государыни великой княгини Екатерины Алексеевны в Ораниенбауме августа 21 дня 1760 года. СПб., 1760. Авторство этого описания указано в его завершении: «Сии увеселительные огни сочинены под смотрением от артиллерии полковника г. Мартынова артиллерии ж поручиком Немовым».

И.В. Косточкин (Астрахань)

ВООРУЖЕНИЕ, ОРГАНИЗАЦИЯ, СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ВОЙСКА МОСКОВСКОЙ РУСИ В БИТВЕ ПРИ МОЛОДЯХ

БИТВА при Молодах (Молодех) – одно из значительных сражений XVI в. Оно значительно не только (и не столько) своими последствиями, сколько самим ходом боя – необычным с точки зрения предшествующей эпохи. Образно говоря, битва при Молодах так же отличается от баталий средневековья, как, скажем, Астраханский кремль от замков Хотин или Курессааре.

Постараемся пояснить эту мысль. Сам ход сражения, о котором идет речь, необычен – в отличие от предыдущих битв, вся баталия распадается на несколько «фронтов». Причем действия обеих сторон имеют некое стратегическое направление – взятие (оборона) стратегически центрального пункта – Москвы.

Решающую роль играет не столкновение главных сил, а захват стратегической инициативы. В этой связи вся тактика сторон носит подчиненный стратегии характер. Налицо отвлекающий маневр, форсированное перемещение значительной массы войск и т. п. Причем со стороны москвичей военные действия носили характер активной обороны, а со стороны крымцев – маневренного наступательного боя. Что же способствовало переменам в характере ведения боя?

Первым и во многом решающим фактором было появление в поле огнестрельного оружия. Стрелковое оружие подорвало господство тяжелой конницы, однако вытеснить ее с поля боя еще долго не могло. Этому препятствовал ряд факторов: громоздкость фитильных мушкетов и плохая прицельность огня. Поэтому сам мушкетер нуждался в защите. Поэтому войско середины XVI–XVII вв. являло собой пеструю смесь из отживающего феодального ополчения, бригадских банд и новейших полков и эскадронов.

Необходимо отметить, что причины, ход и последствия Молодинского сражения изучались не одним поколением историков. Начиная с эпохи Карамзина и заканчивая такими крупными учеными Российской Империи как С.М. Соловьев и Н.И. Костомаров, в дореволюционной историографии ученые кратко рассматривали основные моменты кампании 1572 г. и давали им свою оценку. Данная картина была существенно дополнена советскими исследователями, которые переработали и ввели в научный оборот основную массу источников, опубликованных еще в конце XIX в. Молодинскую битву изучали такие известные советские медиевисты как В.В.Каргалов, В.И. Буганов, Р.Г. Скрынников, Д.Н. Альшиц. Это событие продолжают разбирать такие специалисты российской историографии по военному делу как В.А. Волков и В.В. Пенской.

Безусловно, важным моментом для исследователей является то, что источников по Молодинской битве сохранилось достаточно много. События весны 1572 г. воспроизводят многие летописные своды Московской Руси: Архангелогородский, Московский, Пискаревский, Соловецкий летописец, а также 2-я Новгородская летопись. Кроме того, сохранилась и так называемая «Повесть о бою воевод московских с неверным ханом», которая, по мнению В.И. Буганова, была написана современником, а возможно и участником данных событий. В.И. Бугановым были опубликованы и пять наиболее важных документов Разрядного и Посольского Приказов, касающиеся Молодинской битвы. Это наказ воеводе М.И. Воротынскому, полковые росписи его войска и командного состава, а также грамота Девлет-Гирея Ивану IV. Сохранились упоминания о Молодинской битве и в иностранных источниках, из которых следует отметить сочинения Г. Штадена, который лично принимал участие в этом сражении.

И тем не менее, несмотря на обилие источников и научной литературы по данному вопросу, существуют определенные пробелы, не дающие возможность полностью реконструировать события весны 1572 г.

На наш взгляд, проблема заключается не только в существующих между исследователями разногласиях, но и в оценке социального состава войска Воротынского; историки просто перечисляют категории, указанные в источниках, не раскрывая их социальной сущности. Разношерстная феодальная орда Ивана Грозного

нивелируется термином «поместная конница», что, в свою очередь, ведет к неверному пониманию как самого сражения, так и всей эпохи. Недостаточно разобрать один лишь военный аспект, необходимо дать точный социально-экономический расклад всех вооруженных сил того времени, их характерные черты и традиции.

Для воссоздания более полного представления о войске Московского государства были задействованы общепризнанные источники, достаточно давно введенные в научный оборот. Главная задача, на которую направлена эта работа, как раз и заключается в тщательном анализе уже имеющихся ресурсов, а не в отыскивании новых «эльдорадо». Это, в первую очередь, знаменитое «Уложение о службе 1556 года», так называемая «Боярская книга», являющаяся наиболее яркой иллюстрацией феодальной гвардии Ивана IV. Кроме того, были задействованы и свидетельства иностранцев, начиная с конца XV в. (Иосафат Барбаро) и заканчивая «смутным временем» (Жак Маржете). Среди них особенно хотелось бы выделить Сигизмунда Герберштейна и Марко Фоскарини как людей, не только знакомых с военным делом, но и способных вникать в его суть.

События XIV в. выдвинули на первый план московских «Рюриковичей». К тому времени Москва уже приобрела определенный международный авторитет. Но молодое государство переживало трудности формирования и становления. Ситуацию конца XV – второй четверти XVI вв. в Московском государстве можно сравнить с ситуацией того же периода в Англии, когда сильная централизованная власть уже могла противостоять магнатской вольнице, но была недостаточно сильна, чтобы сломать ей хребет.

Перемены, происходившие в то время, были типичны для значительной территории Европы: бурно шел процесс этнической консолидации. Мощные подвижки претерпевало село – основа экономики феодализма. К концу XIV в. крепостничество сдает позиции. В сельском хозяйстве начинает активно распространяться сезонный найм. В глубоком кризисе находились и города. Все эти факторы способствовали высвобождению громадных масс населения. Обилие мелких ремесленников, не связанных узами цехового строя, и распространение мелкой торговли в невиданных доселе масштабах подрывало самые основы феодализма.

В XV в. территория русских княжеств была разделена на два крупных региона; княжества в составе Великого Княжества Литовского и княжества Восточной Руси (Тверь, Москва, Рязань).

Территория Восточной Руси, как и Литвы в то время, не была областью развитых крепостнических отношений. Крепостное право существовало здесь в архаичных, неразвитых формах, активно распространялось кустарное ремесло, не связанное с цехом (на востоке Руси, в Литве и Молдавии развитым слабо). Общественные слои и прослойки, не связанные с сельской общиной и не состоящие в крепостной или личной зависимости, были налицо.

Основой и опорой тогдашней власти было войско. Традиции истинным воином признавали только рыцаря. Однако к этому времени само рыцарство находилось в состоянии крайнего разложения. Вплоть до унижительной, с точки зрения феодальной морали, службы в гусарах. Часть рыцарства, в скрытой форме, искала возможность заложить свой меч подороже, часть, гордая происхождением, догнивала в родовых поместьях, не гнушаясь разбоем на большой дороге.

Состояние класса феодалов было таково, что царская власть не могла опереться ни на один из его отрядов. Зарождающемуся самодержавию требовалась дополнительная опора.

Судя по дошедшим до нас документам и памятникам изобразительного искусства, военное дело XV в. оставалось, в общем, в рамках предыдущего периода – феодального войска X–XIV вв. Однако весь совокупный опыт войн на территории Евразии четко указывает – дисциплинированное крестьянское ополчение, оснащенное новым оружием, вполне могло противостоять тяжелой коннице.

Около 1550 г. образуются стрелецкие полки. Сами по себе формирования стрелков из фитильного мушкета новостью не были, но в условиях Западной Европы сколачивать подобные полки в большинстве случаев приходилось путем найма. В условиях относительно отсталой Московской Руси основой для подобных формирований послужили, как говорилось выше, развившиеся к тому времени слои мелких ремесленников, промысловиков и торговцев, что и оговаривают документы середины XVI в.

Стрелецкое войско служило не просто эффективной военной силой, но и противовесом рыцарским полкам удельных князей и бояр. С другой стороны, царская власть не могла опираться на «мужика» (военное дело еще долго оставалось приоритетом рыцаря). Поэтому армии того времени имеют, в описании, причудливый, многогранный облик.

Интересны выдержки из знаменитого документа рубежа XV–XVI вв., известного как «Записки янычара», написанного, как считают, Константином Острожецким в конце XV в.¹ Автор перечисляет виды вспомогательного (с точки зрения рыцарства) войска: всадники «акандие» – набравшиеся на добровольной основе и ходившие в походы на свой кошт; «скарахоры» («то, что у нас солдаты») – набирались из «добровольных всадников» (видимо из тех же акандие), являясь по призыву оружно, с установленной платой; «маргалосы» (от греческого «арматолы»), по Константину, комплектовались из христиан: «служба их длится столько, сколько каждый захочет. Снаряжение они имеют такое же, как скарахоры, если он хочет иметь его больше, то это его дело».

Эти категории составляли легкую кавалерию. Но несмотря на их активную роль, ядром османского войска, как следует из описаний того же Константина, оставалась рыцарская конница – феодальное ополчение (их два: Румелийское и Анатолийское) куда входят знамена князей и рыцарей (спахия). Константин называет и «войнуков», которые используются в качестве прислуги при войске.

«Янычары», набравшиеся из христианских мальчиков в завоеванных землях, составляли гвардию (около 4 тыс. чел.). По вооружению янычары разделяются на лучников, пушкарей, мушкетеров и арбалетчиков. В бою янычары использовались как пехота. Основная пехота состояла из «азапов», набравшихся из крестьян. Этим же словом именовались солдаты гарнизонной службы и матросы.

Представление о европейской армии конца XV – начала XVI вв. мы имеем благодаря работе итальянского историка Паоло Джовио, давшего развернутое описание войску французского короля Карла VIII². Основу этого формирования и его большую часть составляло французское рыцарство, явившееся на службу «конно, людно, оружно». Легкую конницу составляли конные стрелки из луков. Пехота состояла из аркебузирова и гасконских арбалетчиков. В состав войска входила и артиллерия, применение последней и определило победу французской короны. Этот момент и нам интересен!

Как видим, войска двух крупных государств имели аналогичное устройство, с незначительными частностями, легко объяснимыми некоторой разницей в экономическом (внутреннем) укладе.

Как же набиралось войско Московской Руси в середине XVI века?

Рассмотрим сначала документ, известный как «Полковая роспись Воротынского»³. Бросается в глаза сам характер документа – он полностью феодальный! Воины делятся не по виду вооружения и не по роду войска, а по их социальному статусу.

В документе выделяются следующие военно-социальные категории – высшая феодальная знать (князья, бояре, наместники), рыцарство («дети боярские»), стрельцы, казаки, наемники. При этом даже при однородном вооружении, например, у мушкетеров, стрелки делятся как «стрельцы», «казаки с пищалями», «немцы с пищалями» – сословность налицо.

Причем рыцарство переписано в соответствии со своим статусом; в Большом полку выявляются следующие категории «детей боярских» – вассалы командующих (представителей аристократии), пришедшие со своими сюзеренами, пришедшие с какими-либо командирами («головами»). Видимо, это непосредственно царские вассалы и арьервассалы, судя по тому что «головы» оговорены не во всех отрядах, логично предположить, что мы имеем дело с назначенными непосредственно царской администрацией начальниками. При этом указывается, по тому же Большому Полку: «3 боярином и воеводою со князем Михаилом Ивановичем Воротынским: детей боярских выборных 40 чел., вязмич 180 чел., суздальцов 210 чел., ржевич 200 чел., зубцовлян 60 чел., Шолонские пятины 300 чел.»⁴.

И тут же ниже перечисляется число «детей боярских», но тут четко названы начальники: коломнич 170 чел., их ведет «князь Василей Меньшой княж Иванов сын Кривоборского», коширяне 430 чел. (Иван Михайлов сын Бутурлин), мещане 150 чел. (Дмитрей Андреев сын Замытцкого), черниговцовы 100 чел. (во главе с наместником Федором Нагово), причем указано: «а в Чернигове осадчика оставити». Вассалы церкви («с митрополита и со владык») также идут отдельным списком, командиры у них также не указаны, что косвенно подтверждает предыдущий тезис.

Полк Правой руки состоит исключительно из вассалов командиров (Одоевского и Шереметьева) с приданным им отрядом Григория Долгорукова, также состоящим из его вассалов. Та же картина и в остальных полках.

Характерно, что стрельцы присутствуют не во всех полках, их нет влевой Руке, и в Сторожевом Полку, там указаны казаки с пи-

щалами. Стрелецкое войско было войском царским и ставилось по усмотрению центральной власти.

Отношение к артиллерии также подчеркивает феодальный характер московского войска – в войсковых списках она вообще не указана, а только упомянута «в наказе Воротынскому», как «наряд», численность прислуги тоже не указана (она по традиции отнесена к «мастеровым»).

Войско, пришедшее на Оку в июле 1572 г., было в основном конным. Численность его можно назвать довольно точно: конница (феодалное ополчение) – 12 999 чел., казаки – до 1300 чел., конные стрелки (казаки) – 500 чел., мушкетеры – 4235 чел., в том числе стрельцы – 2035 чел., казаки – 2300 чел., немецкие наемники – видимо немного, так как численность не определена, пехотинцы (немецкие ландскнехты) – 500 чел. Как видим, в московском войске абсолютно преобладает конница. Но какая?

На известном полотне «битва под Оршей» хорошо изображены типы вооружения начала XVI в.: тут и тяжелая конница, и гусары. Вооружение воинов Московской Руси также изображено неплохо и перекликается с тем, что описано позднее западноевропейскими путешественниками – Герберштейном, Ченслером и др.

Но картина становится несколько иной благодаря дошедшим до нас документам самой Московской Руси.

В документе 1556 г. «Уложение о службе» сказано следующее: «...а с вотчин и с поместья уложеную службу учини же: со ста четвертей добрые угожей земли человек на коне и в доспехе полном, а в далной поход о дву конь»⁵.

Что же подразумевается под полным доспехом? Берем текст другого документа – «Боярской книги»⁶, памятник написан в 1556/57 г., и дошел до нас в подлиннике. В ней перечислены вассалы великого князя Ивана IV и указаны размеры и вид их земельных держаний. Проведенный анализ дает следующую картину: ленников, являющихся по призыву Великого Князя, в данном отрывке перечислено 117 человек. Из них 91 человек имел полный комплект нательного защитного снаряжения. Это называется «в доспесе». Комплект имеется в виду вполне определенный, так как в 47 случаях оговаривается: «сам на коне в доспесе и в шеломе», или «сам о дву конь в доспесе и в шапке». За это говорят и 2 таких фрагмента: «Никифор Федоров сын Вышеславцов. Сам на аргамаке в доспесе в юмшане и в шеломе, а на верх доспеха приволока

бархатна»; «Будай Угримов сын Болтин. Сам на коне в доспесе в пансыре и в шеломе и в наручах с лохти». В первом случае указан тип доспеха – «юшман» (сейчас принято произносить – «юшман»), во втором перечисляются составные части, что наводит на мысль о том, что в случаях, когда эти предметы не оговорены, имеется в виду сплошной доспех западноевропейского типа.

Еще 16 человек являлись в несколько облегченных доспехах: «сам на коне в пансыре и в шеломе», «на коне в пансыре, на пансыре тегилай толстой камчат», «сам на коне в бехтерце и в шапке»⁷. В тегилаях явились только двое, а 8 человек прибыли вообще без всякой защиты.

Среди арьервассалов, соотношение несколько иное: полный доспех здесь имеют 348 человек, 66 выступают в «некомплектном» снаряжении, а 212 защищают тело тегилаями. Как видим, и среди них преобладает тяжелое вооружение.

Для полноты картины следует упомянуть документ «Десятни XVI века»⁸, точнее его фрагмент, относящийся к 1577 г. В документе перечислены «дети боярские» и «новики», имеющие держания в районе Коломны. К подавляющему большинству воинов выдвинуто требование металлического защитного снаряжения. Названы – панцирь, зеркало, кольчуга, юшман. Интересно, что в списке «голов» войска Воротынского коломнички имеют начальника от царя («С коломнички князь Василей Меньшой княж Иванов сын Кривоборского») и входят в Большой Полк.

Венецианский посол Марко Фоскарини в своей книге «Историческое сказание о Московском государстве» (издана в 1557 г.) дает следующие данные о войске Ивана «Грозного»: «Когда произведен был смотр войск, то оказалось, что в них насчитывается в настоящее время 3 тысячи тяжеловооруженных и 10 тысяч легкой кавалерии, <...> 20 тысяч конных стрелков на саксонский манер, они называются по-нашему «фернахи»; причем из них особенно выделяются стрелки из мушкетов, которых хочется обозвать убийцами; 30 тысяч стрельцов по образцу швейцарских...»⁹.

Рафаэль Барберини в книге «Путешествие в Московии» (1565 г.), приводит список товаров, желательных для продажи в Москве, и наряду с другими упоминает: «Одно полное вооружение: мерою на высокий рост, с открытою грудью, для вдвевания нагрудника; шлем без забрала, высокий и остроконечный, без козырька спереди и сзади, но круглый»¹⁰.

Для полноты картины приводим выдержку из книги Ф. Тьеполо «Рассуждение о делах Московии Франческо Тьеполо» (1560-е гг.): «Персы и армяне привозят пряности, жемчуг, шелковые материи и другие вещи, производимые ближайшими к ним областями, и, что особенно важно для герцога, оружие тончайшей работы <...> Конница из более знатных и богатых одевается в панцирь из тонких и хорошо закаленных металлических пластинок и островерхий шлем, равным образом сделанный из пластинок; причем все это производится в Персии. Эти (конники) в большинстве действуют копьем, прочие же все вместо лат носят толстые (стеганные) кафтаны, очень плотно набитые хлопком, они хорошо противостоят ударам, особенно стрелами. Среди них есть большой отряд аркебузьеров, а все другие действуют луком. Общим для всех оружием является меч и кинжал, а немногие выделяются железными палицами»¹¹.

Эта картина соответствует той, что дана и в документах, и в воспоминаниях иностранных гостей. Однако вопрос можно поставить и по-другому: почему, например, такой внимательный автор как Сигизмунд Герберштейн и в описании, и в рисунках показывает больше воинов в тегиляях? Ответ, пожалуй, можно дать следующий: преобладание в вооружении «детей боярских» облегченных и неметаллических комплектов защитного снаряжения объяснить можно тем, что большинство всадников было мелкими землевладельцами, и тегиляй, меч и лук – наиболее доступные для них предметы вооружения. «Детям боярским» приходилось, в основном, иметь дело не с тяжеловооруженным всадником, а с бунтующим общинником, звероловом-лесовиком, не желающим покоряться, или с ногайским огланом – ввиду отрезанности от крупных центров оружейного ремесла вынужденным довольствоваться минимумом.

Тяжелую конницу в этом регионе могли выставить Речь Посполита, Крымское ханство, Ливонский орден.

Вернемся к социально-экономической стороне войска. Из той же «Боярской книги» следует, что для проверки боеспособности регулярно проводились военные смотры. Причем для этого царская администрация не дожидалась, когда «гром грянет», в документе названы воинские смотры, проводившиеся исключительно для контроля. Полный доспех требовался со всадника, имеющего доход со 100 четвертей (четей) «доброй» земли. При этом «качество»

феода было разнообразным, как то: домен (вотчина) – из 180 ленников отрывка домениальное держание имеют 79; полный лен, без оговоренных ограничений, таких 14 человек; держание лена определенный срок (кормление), часто год или два; поместное держание. При этом срочное держание ни разу не выступает как единственное – как правило, сочетаясь с другим видом держаний – в большинстве случаев (40) с поместным, иногда с вотчинным. Довольно редким было чисто поместное держание. Помещиков, не имеющих других держаний, в списке только 4 человека. Имеется и денежная форма лена, она известна как вид феода с XII в. При этом применялась как непосредственная оплата (прямо из казны), таких пятеро, из них один «княж сын», так и определенный доход, с какого-либо ремесла или промысла – 6 человек, из них один князь. Подобная форма известна как по Ирану и Средней Азии, где она носила название «икта», так и по Западной Европе. Сам объект дохода при этом не становился собственностью держателя, последний имел право лишь на оговоренную сумму.

В картуляриях епископа парижского за 1197–1207 гг. имеется такая запись: «Рауль де-Мори – ближний вассал господина епископа за 55 ливров дохода от перевоза через Конфлан», «Тибо состоит в ближней вассальной зависимости за 45 ливров»¹².

В вышеуказанной «Боярской книге» имеются следующие записи: «Степан Федоров сын Нагаева. Взял из писчие в Русе откупу 50 рублей», «Курдюк Федоров сын Сумина. Имал з Балахны по 25 рублей на год», «Лущик Федоров сын Сумина. Имал с Балахны по 25 рублей на год»¹³. И такая запись (она одна): «Матфей Шаблыкин Кормилицын. Давати ему по 15 рублей. В 25 статье 6 рублей да на (ч) з земли 2 рубля, да на передаточных людей 12 рублей, а не додати ему рубля, потому что не додал на передаточного человека шелома»¹⁴.

Интерес вызывает группа в 33 человека, берущая держание в откуп, то есть превращающая классический феодал в денежный, путем права на сбор налогов. Из них 12 человек получили в откуп свое же, бывшее срочное держание.

Существует и право не ходить лично в поход, выставя своих людей, либо предоставляя средства. В списке таковыми являлись 63 человека. 117, как уже говорилось, шли воевать сами. Этот вид феодальной службы также известен издавна: «Феррик де-Брунуа – ближний вассал Парижского епископа за все селение Жантильи.

Должен за это свечу в 20 солидов и двух рыцарей с содержанием от епископа»; «Эренбурга, супруга Рено рыцаря, держит от Парижского епископа, в качестве феода, земли в Френ <...> и несет службу дачей коней»¹⁵.

Из «Боярской книги», вышеупоминавшийся Луциха: «Вотчины сказал Луциха матери его приданные на 40 четвертей, поместья в Микулине на 500 четвертей, а мати их, сказал, в черницах, а ту вотчину держит и ныне за собою. В Серпухове людей его 4 (ч) в доспесех да 3 юки. А по уложению взяти с него 3 земли 4 (ч) в доспесех да (ч) в тегиляе. И не додал (ч) в тегиляе. А по новому окладу дати на его голову в 17 статье 20 рублей да на люди 3 земли 7 рублей, а не додати ему 2 рублей»¹⁶.

Аналогия, как видим, полная.

В заключение следует отметить, что кризис рыцарского сословия коснулся и Московской Руси, и остальной Европы. В той же мере рыцарство вынуждено было сдавать свои социальные позиции, переходя под патронат крупных магнатов. Зачастую рыцарство утрачивало и свою военную функцию, переходя из разряда тяжелой конницы в разряд легкой кавалерии, задачей которой во все времена было обеспечение действий на поле боя основных сил войска; для рассматриваемого периода это были тяжелая конница и отряды мушкетеров. Тем не менее, наиболее устойчивая в экономическом плане часть мелких и средних феодалов продолжала нести свою традиционную функцию – тяжеловооруженного конного копейщика, и Московская Русь не представляла исключения.

¹ Записки янычара. М.: Наука, 1978. С. 106–109.

² Хрестоматия по истории средних веков: В 3 т. Т. 2. М.: Соцэкгиз, 1961. С. 206–209.

³ Буганов В.И. Документы о сражении при Молодях // Исторический архив. № 4. 1959.

⁴ Там же. Документ № 2. С. 172.

⁵ ПСРЛ. Т. 13. СПб., 1905. С. 268–269.

⁶ Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Кн. 3. М., 1861. Отд. 2. С. 27–80.

⁷ Там же. С. 31.

⁸ Десятни XVI века // Описание документов и бумаг, хранящихся в московском архиве министерства юстиции. Кн. 8. М., 1891. С. 28–32.

⁹ Иностранцы о древней Москве (Москва XV–XVII веков): Сборник. М., 1991. С. 56.

¹⁰ Барберини П. Путешествие в Московию Рафаэля Барберини. СПб., 1843. С. 13.

¹¹ Рассуждения о делах московских Франческо Тьеполо // Исторический архив. Т. III, М.; Л., 1940. С. 58, 60.

¹² Хрестоматия по истории средних веков... С. 138.

¹³ Архив историко-юридических сведений... С. 47.

¹⁴ Там же. С. 51.

¹⁵ Хрестоматия по истории средних веков... С. 139.

¹⁶ Архив историко-юридических сведений... С. 62.

П.В. Крапошин (Москва)

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ СТВОЛА РУЖЬЯ МАСТЕРСКОЙ КАРЛА ГИБЕНХАМА

НА ТЕРРИТОРИИ комплекса Конного двора был обнаружен ружейный ствол, на котором сохранилась надпись – «Giebenham». Научные сотрудники Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи установили, что это ствол кремневого батарейного охотничьего ружья, изготовленного в Польше в мастерской, основанной Карлом Людвигом Гибенхамом. Варшавский мастер К. Гибенхам являлся специалистом по короткоствольному огнестрельному оружию. Показателем высокого уровня его мастерства выступает тот факт, что в 1783 г. им был получен заказ от имени короля Станислава Августа Понятовского на изготовление пары пистолетов, которые должны были быть подарены английскому королю Георгу III. Во время восстания Тадеуша Костюшко эта мастерская работала во дворце Тернера. В дальнейшем выполняла заказы польской армии.

На территорию усадьбы «Вяземы» ружье попало, вероятно, в ходе войны 1812 г. В состав войск Наполеона входил 5-й пехотный корпус Юзефа Понятовского, который участвовал как в Бородинской битве, так и в походе на Москву. Корпус Понятовского вместе с 7-м и 8-м пехотным и 4-м кавалерийским корпусами составляли правое крыло главной армии под начальством короля Вестфальского, которая должна была действовать против 2-й русской армии князя Багратиона. Попытка перегородить ему дорогу, как и атаковать

Смоленск, успехом не увенчалась. Под Бородином Понятовский командовал правым крылом армии на старой Московской дороге, а после занятия Москвы составил часть авангарда Неаполитанского короля, двигавшегося за русской армией к Красной Пахре. Во время бегства французов из России он сражался с остатками корпуса при Вязьме и при Березине.

После Бородинского боя армия Кутузова, отступая к Москве, останавливалась в усадьбе Вяземы. Усадьба была избрана Главной квартирой. На следующий день после отхода Кутузова Вяземы были заняты войсками Наполеона, который повелел организовать в ней штаб, а также базу, где держали военнопленных. Их в дальнейшем перегоняли этапом до Дорогобужа. В числе войск, находившихся в Вяземах, была также часть Вестфальского корпуса. Можно предположить, что ружье было оставлено как раз тогда. Но наиболее вероятным представляется то, что оно принадлежало кому-либо из ополченцев.

Известно, что во время войны 1812 г. народные ополчения сыграли значительную роль в победе над армией Наполеона. Согласно рескрипту Александра I, данного московскому военному генерал-губернатору графу Федору Васильевичу Ростопчину, для защиты Москвы были созданы Московское, Тверское, Ярославское,

Владимирское, Рязанское, Тульское и Калужское ополчения. При организации ополчения возникли проблемы с его вооружением, хотя помещики, которые отправляли своих крестьян в ополчение, были обязаны предоставить им оружие. В Российском Государственном военно-историческом архиве сохранились документы, связанные с организацией ополчения во время войны 1812 г. Среди них – «Отношение Московского уездного предводителя дворянства А.А. Арсеньева Московскому обер-полицмейстеру П.П. Ивановскому о приеме воинов в ополчение и порядке приема». В этом документе содержится пункт следующего содержания: «Если кто будет представлять воина без одежды и оружия, то хотя такового и позволено принимать, однако же с таким обязательством, чтоб в течение двух недель после отдачи доставлены были ружья со штыками или пики, также обувь и одежда по положению». Несмотря на это, в большинстве случаев помещики этим пунктом пренебрегали. Задачу по вооружению ратников (т. е. ополченцев) решало также командование армии. В числе документов РГВИА, касающихся событий войны 1812 г., хранится также письмо М.И. Кутузова Ф.В. Ростопчину об усилении армии ополчением и о вооружении ополченцев оружием из Московского арсенала. В письме говорится о том, что в Московском арсенале имелось годных 11 845 ружей и 2000 мушкетов и карабинов, кроме того, разного вида оружие, требующее починки, в количестве 18 000 штук. Кутузов предложил использовать это оружие для вооружения ополченцев, что не было сделано. В результате после занятия Москвы армией Наполеона значительная часть этого оружия досталась ей. В арсенале содержались как русские, так и иностранные ружья,

но нет сведений о наличии ружей, изготовленных в мастерской Карла Гибенхама.

Есть вероятность, что ружье, ствол которого найден на Конном дворе, был подобран кем-либо из ратников на поле боя. Можно предположить, что оно было подобрано после Бородинского боя или после столкновения французских войск с отрядом генерала Дорохова недалеко от усадьбы Вяземы. Но, кроме того, вероятно также, что оно было брошено уже при уходе армии Наполеона из Москвы и могло быть найдено как в самой Москве, так и в Подмосковье. М.И. Кутузов принял решение собрать оружие, брошенное неприятелем, и 5 декабря 1812 г. издал соответствующее предписание, в котором в первую очередь говорилось об отправке в армию оставшихся ополченцев.

30 марта 1813 г., когда военные действия на российской территории уже в течение длительного времени не велись, император Александр I издал указ о роспуске Московского и Смоленского ополчений. А в ноябре этого же года последовал указ Ф.В. Ростопчина о том, что оружие, которое находилось в распоряжении ратников в период военных действий, должно быть сдано. Возможно, не все бывшие ополченцы решили повиноваться этому указу, и поэтому ружье и было спрятано. В настоящее время невозможно сказать, кто именно его спрятал. Из крестьян села Вяземы в ополчение отправились 10 человек. Но маловероятно, что если кто-либо из них и был обладателем этого ружья, стал бы его прятать на Конном дворе. Вероятно, это мог сделать кто-либо из дворовых людей. Невозможно исключить, что найдено оно было на территории самой усадьбы «Вяземы» – штаб Наполеона находился здесь в течение месяца и, когда его армия начала покидать Москву, был поспешно снят.

Ствол от ружья, изготовленного в мастерской Карла Гибенхама, является ценной находкой. В коллекциях других российских музеев аналогичных предметов не выявлено. Известно, что такое ружье входит в собрание одного из музеев в Варшаве. Государственный историко-литературный музей-заповедник А.С. Пушкина «Вяземы» в настоящее время является единственным обладателем памятника такого рода в России и, возможно, вторым в мире. Круг отечественных источников по истории данного памятника военного дела и мастерской, в которой он был изготовлен, ограничен. Дальнейшие исследования предполагают изучение иностранной литературы и, возможно, знакомство с экспозицией музея в Варшаве.

А.С. Кручинин (Москва)

С.Н. БУЛАК-БАЛАХОВИЧ И БАЛАХОВЦЫ В БОРЬБЕ ЗА ПСКОВ ОСЕНЬЮ 1918 ГОДА

1. **Псков при немцах.** Для разворачивания Белого движения на Северо-Западе России, колыбелью которого стала Псковская губерния, крайне существенным и во многом даже определяющим фактором было присутствие в этом регионе германских оккупационных войск, после своего наступления в феврале – марте 1918 г. установивших демаркационную линию с РСФСР сразу же за восточной окраиной Пскова. Вокруг города германцы соорудили внушительные заграждения, так описанные очевидцем: «У рогатки на заставе стоит немецкий пост. В обе стороны от него бегут три ряда колючей проволоки. В среднем ряду на кольях белеют фарфоровые чашки: здесь пущен электрический ток. Пугают грозные черные доски, развешанные по проволоке, с начертанными на них белыми черепами, костями, красными стрелами и надписями на русско-немецком языке (так в первоисточнике – А. К.), так широко вещающими: «прикосновение смертельно!» Это заграждение и эти немецкие посты кольцом охватывают Псков <...>. Всех постов – 8»¹.

Однако угрожающие черепа и надписи не препятствовали проникновению во Псков советской агентуры: на всех постах «немецкие солдаты пропускали, с платой от 2 до 5 рублей, любого из граждан. У немцев и во взятках была система»². Такой порядок стал следствием разложения оккупантов, быстро почувствовавших себя «на мирном положении» (несмотря на продолжавшуюся на Западном фронте войну) и начавших «заниматься товарообменом и торговлей»: «Они продавали шнапс, электрические фонарики и батарейки, бритвы и т. п. чепуху, а покупали мыло, муку и вообще продукты первой необходимости. <...> С особенной жадностью немцы

набрасывались на мануфактуру...»³. Будучи заинтересованным в поддержании притока отовсюду продавцов на псковский рынок, столь волновавший их солдат, германское командование наряду с этим крайне подозрительно относилось к русским офицерам, обращавшимся с просьбами разрешить формирование хотя бы местной самообороны.

Помимо общей враждебности немцев к русским национальным силам (в отличие от готовой на любые уступки РСФСР), существуют и другие причины этого. Наименее обеспеченная, наиболее активная, ненавидящая большевиков и в определенной степени авантюристично настроенная часть офицерства, устремившаяся бы в такие формирования, конечно, не усидела бы за германской проволокой и партизанскими действиями против красных не только сорвала бы процветающую во Пскове торговлю, но, вероятно, и вызвала бы дипломатические осложнения между союзниками – Германией и РСФСР. Примером является краткая история «небольшого отряда, человек 20–25» с одним пулеметом, сформированного предположительно в конце лета 1918 г. «Немцы всячески укрощали военный пыл этого отряда, – вспоминал один из офицеров. – Так, например, капитан Клеван, начальник и организатор этого отряда, предложил – взять станцию Торошино <...>. Ввиду того, что торошинцы могли знать всех участников отряда (а у большевиков вследствие этого появилось бы основание обвинить немцев в нарушении мирных договоренностей – А. К.), решено было идти наступать в масках. Псковские гимназистки принялись шить маски, и вскоре весь отряд мог щеголять в изящных черных масках, в которых можно было показаться на любом костюмированном вечере или бал-маскараде»; однако немцы запретили эту авантурную диверсию на советской территории и рекомендовали Клевану и его подчиненным отправиться на Дон, где формировалась монархическая «Южная Армия»⁴ (Клеван впоследствии вернулся во Псков). Настроения германского командования принципиально изменились лишь к октябрю, по причинам, изложенным в первом приказе «Отдельному Псковскому Добровольческому Корпусу».

«Ввиду крайне тяжелого положения частей Псковской и Витебской губерний, которые по очищении их, согласно дополнительного договора к Брест-Литовскому мирному договору, германскими войсками подвергнутся вторжению большевистских банд, – писал 12 октября в этом приказе генерал А.Е. Вандам, – я, по приглашению

представителей Псковской и Витебской губерний, решил встать во главе предположенных к формированию вооруженных сил и временно на правах диктатора вступить в управление частями Псковского, Островского, Люцинского, Режицкого и Двинского уездов по очищению таковых германскими войсками»⁵. У этого решения, впрочем, была своя предыстория...

2. Белый Псков и «красные» конники. В приглашении Вандама на пост командующего формируемыми добровольческими частями немалую роль сыграл человек, пришедший во Псков из-за демаркационной линии, с советской стороны, – штабс-ротмистр Борис Сергеевич Пермикин (распространены ошибочные варианты написания его фамилии: «Пермыкин», «Перемыкин» и др.). Ранее он состоял в тайной антибольшевистской организации, связываемой в исторической и мемуарной литературе с именем генерала А.В. фон Шварца, «пытавшегося под лозунгом “Армия вне политики” воссоздать Русскую Армию для борьбы с немцами, занявшими в то время Прибалтику. При приближении белых эти полки должны были перейти на их сторону»⁶. Однако планы заговорщиков сорвались, на организацию обрушились удары, а ее членам пришлось спасаться. Шварцу удалось выехать на Украину, а Б.С. Пермикин со старшим братом Всеволодом и поручиком Владимиром Видякиным, скрываясь от преследований, бежали в Лугу, где штабс-ротмистр Станислав Никодимович Булак-Балахович формировал красноармейский конный полк⁷.

Эта часть (в источниках и литературе встречаются названия «Отряд имени атамана Пунина»⁸, «1-й Лужский партизанский конный полк»⁹, «3-й Петроградский кавалерийский полк»¹⁰, «Особый конный дивизион»¹¹, «Особый конный полк»¹², – по-видимому, речь идет об одном и том же) вообще была прибежищем офицеров, враждебно относившихся к Советской власти и исподволь готовившихся к борьбе против нее. Видякин, скрывавшийся под фамилией «Ревдинский», был зачислен во «взвод особого назначения» (разведывательный), а старший Пермикин, под своей собственной фамилией, принял командование этим взводом¹³. Место, занимаемое в полку Пермикиным-младшим (возможно, он уже тогда пользовался псевдонимом «Орлов», под которым работал позже¹⁴), неизвестно, сам же он через много лет в мемуарах приписывал себе едва ли не определяющее влияние на Балаховича, якобы и приведшее командира полка в лагерь контрреволюции: «Я

убедил Балаховича, что он только “калиф на час”. Балахович согласился принять в его дивизионы несколько моих знакомых офицеров, а также пропускать их в Псков. Я стал посылать офицеров – все бывшие студенты – и в деревни за Псков для работы среди крестьян»¹⁵ (впрочем, это заявление кажется нам преувеличением).

К осени тучи начали сгущаться и над Особым полком: дозорную службу у демаркационной линии (с возможностью подпольной работы) грозило сменить вынужденное участие в междоусобной войне. 14 сентября начальник Полевого штаба РВСР Н.И. Ратэль отдал распоряжение: «конный полк со взводом артиллерии, конной пулеметной командой и саперной командой» направить «[через] Москву в Козлов для дальнейшего направления в пункт по указанию военрук[а] Южного участка Чернавина»; как поясняли при передаче телеграммы в штаб 3-й Петроградской дивизии, куда входил Особый полк, «речь идет о конном полке, формируемом Балаховичем, который и надлежит вам немедленно отправить»¹⁶. Балаховича такая перспектива сильно беспокоила, и он жаловался генералу Г.И. Гончаренко на положение, в котором очутился: «Усмиряй мужичье, не то на Волгу пошлем против чехов!.. Или на Дон, против деникинских белогвардейцев!..» – «а главное, малейшая пусяковина, – “к стенке!”»¹⁷.

Подозрения у властей вызывал и состав Особого полка, однако, по утверждению советского автора, Балаховичу удалось установить «тесную связь с контрразведкой штаба 4-й [Петроградской] дивизии»¹⁸, а в результате – получить возможность хорошо ориентироваться во внутренней обстановке (один из ближайших соратников Балаховича, полковник-артиллерист Д. Смирнов, свидетельствует, что разведка в полку была поручена младшему брату командира, штабс-капитану Иосифу Балаховичу¹⁹; он же впоследствии вел переговоры с представителями Псковского корпуса²⁰). Вероятно, в конце сентября – начале октября, с получением из-за демаркационной линии сведений о разворачивающейся во Пскове работе по формированию русских частей, было принято решение наладить с ними контакт.

Во Псков были тайно переправлены Видякин-Ревдинский и Пермикин-Орлов, а возможно, и ряд других офицеров из взвода особого назначения, который после этого пришлось расформировать (Всеволод Пермикин принял 1-й эскадрон)²¹. Явившись к организаторам будущего Псковского корпуса (ротмистры

Лейб-Гвардии Кирасирского Ее Величества полка В.Г. фон Розенберг и Г.А. Гоштовт, полковник Лейб-Гвардии Финляндского полка барон Н.Е. Людинкгаузен-Вольф и др.), Видякин подробно рассказал о составе и истории балаховского полка и сообщил о готовности его присоединиться к русским добровольческим формированиям²². Пермикин же, быстро оценивший ситуацию («псковичам нужен был генерал» для возглавления нового корпуса), очевидно, строил далеко идущие планы.

«Взяв представителей от города Пскова, – вспоминал он, – я их повез в будущую Эстонию в имение моего двоюродного брата, генерала графа Петра Стенбока, <...> чтобы этот боевой офицер возглавил наши формирования. У него жил Генерального штаба генерал Вандам, женатый на его сестре. К сожалению, Стенбок решил, что Вандам, занимавшийся до Первой мировой войны политикой и написавший книгу о союзе России с Германией (за что он ушел в отставку), будет лучше него. Долгие колебания генерала Вандама заставили меня вернуться в Псков без него, но представители Пскова все же его уговорили и привезли»²³.

3. Переход Пермикина. Командование Псковского корпуса склонялось к мысли о необходимости планомерной организационной работы, но дерзкие и отважные молодые офицеры этим удовлетвориться не могли и практически сразу же начали совершать партизанские набеги на советскую территорию. Самой известной из таких операций стала предпринятая около 21 октября экспедиция Пермикина-Орлова на Талабские острова (Псковское озеро, вблизи его восточного берега), ликвидация местных большевиков и формирование отряда из населявших острова рыбаков²⁴. На болотистом берегу озера, напротив островов, отделенный от них расстоянием примерно в десять верст по прямой линии, располагался Спасо-Елеазаров монастырь, в котором был размещен 1-й эскадрон Особого конного полка Балаховича. Командовал эскадроном, как мы помним, старший из братьев Пермикиных.

«Связь между братьями была полная, так что в отношении вооруженных действий со стороны красных бояться не приходилось», – свидетельствовал современник со слов Бориса Пермикина²⁵, который впоследствии вспоминал: «Когда приехали из Петрограда комиссары в один из дивизионов Балаховича и потребовали открыть по островам огонь из орудий, все снаряды перелетали через острова (учитывая дистанцию и дальноточность русских трехдюймовок,

правильнее говорить не о перелетах, а о недолетах – А. К.). На островах мы жгли большие костры, изображая пожары. Когда они (комиссары – А. К.) хотели арестовать офицеров, то были сами арестованы, и один дивизион с артиллерией перешел в Псков»; более того, Пермикин-младший утверждал, будто именно Пермикин-старший этим поступком «заставил и Балаховича с другим его дивизионом через несколько дней перейти к белым»²⁶. На самом же деле история перехода во Псков 1-го эскадрона (а не дивизиона) Особого полка заслуживает более внимательного рассмотрения.

Анонимный автор неоконченного очерка «Формирование Северной Армии», следуя за собранными им показаниями современников и подчеркивая «невыдержанность» В.С. Пермикина, описывал эти события как совершенно спонтанные и даже нарушавшие общий план антисоветского выступления. В монастыре же, согласно этой версии, 26 октября произошло следующее:

«В Елизаров монастырь <...> прибыла проверочная комиссия. Во время выпивки один из комиссаров встал и поднял чарку “за здоровье советской власти”. Есаул Пермыкин не выдержал и ответно крикнул:

– За здоровье белых и генерала Вандама[,] ура!

Комиссары заволновались, а Пермыкин, схватив шашку и револьвер, крикнул вестовому и подоспевшим солдатам:

– Тишка, бей их! Меня хотят арестовать. Не выдавай, братцы.

Солдаты связали комиссаров, сели по коням и отправились с пленниками в Псков»²⁷.

В этом случае речь должна была бы идти не о «невыдержанности», а о преступном легкомыслии, ибо последовавший переход совершался в спешке, если не в панике, и уж точно – неорганизованно: забрав с собою два орудия, Пермикин бросил зарядные ящики (их удалось вывезти во Псков Пермикину-младшему, сделавшему набег с островов на берег)²⁸. Балаховцы еще сумели разоружить роту советского 16-го Гдовского полка, которая могла помешать переходу²⁹, но и сами были, по-видимому, обескуражены всем происходящим. Современник через несколько лет так описывал их появление в городе: «...Псков вдруг наполнился шумом и гамом. На улицах появились какие-то субъекты, одетые в красноармейскую форму, с развевающимися лохматыми шевелюрами и наглыми манерами»; «по улицам без толку скакали всадники, сидящие на хороших конях, и громко перекликались со своими товарищами,

не обращая ни на кого никакого внимания»³⁰. А дополнительный свет на историю перехода Пермикина проливает статья тогдашних военкома Я.Ф. Фабрициуса и командира батареи Травинского.

Согласно им, «однажды Перемыкин, будучи пьян, поспорил с коммунистами. Последние заявили ему, что при желании они могут отправить его, Перемыкина, и любого из командиров на Гороховскую (правильно – «на Гороховую»; улица в Петрограде – А. К.) в ВЧК. Перемыкин тут же пристрелил одного из коммунистов. Сознавая, что это убийство будет иметь для него дурные последствия, Перемыкин со спровоцированными им красноармейцами своего отряда переходит в Псков к белым...»³¹. Поскольку еще один советский источник, уже современный событиям, также говорит о «праздестве», во время которого вспыхнул конфликт, можно предположить, что командированные в полк коммунисты действительно начали куражиться (и даже намекать, «не является ли командир 1-го эскадрона тем самым Пермикиным, которого искали в Петрограде»³²). Разговор, вероятно, дошел до той стадии, когда оружие начинает стрелять само, и вопрос лишь – кто первый его вытащит. Первым успел Пермикин, и на следующий день, 27 октября, его конники, слегка ошалевшие, уже въезжали на улицы Пскова.

4. Переход Балаховича. В Северо-Западной Армии поговаривали, что Станислав Балахович «перешел на белую сторону» не столько в результате собственного решения, сколько «под давлением своих офицеров»³³. О колебаниях командира Особого конного полка как будто говорит и заметный интервал между конфликтом в Елеазаровом монастыре (26 октября) и днем, когда остатки полка во главе с братьями Балаховичами также двинулись к демаркационной линии (6 ноября). Что же известно об этом периоде?

Прежде всего, задержка в принятии решения могла быть связана просто с необходимостью менять планы действий, причем кардинально: существует версия, согласно которой первоначально предполагалось не уходить за демаркационную линию (то есть отступить с советской территории), а производить переворот в местах стоянок, расширив плацдарм до линии Гдов – Луга³⁴ (за чем естественно должно было последовать наступление русских войск из Пскова в волости, быть может, уже подготовленные для антибольшевистских выступлений и мобилизации). Теперь же, вследствие выходки старшего Пермикина, силы резко уменьшились, а большевики, напротив, наращивали свои: из Петрограда в Москву

сообщалось, что «образован полевой революционный штаб в Луге с подчинением ему всей 3[-й] Петроградской дивизии, Чудской флотилии и красноармейских частей Гдовского, Лужского и Псковского уездов и пограничной охраны. Указанные уезды и участки железных дорог объявлены на осадном положении. Из Петрограда в распоряжение революционного штаба направлены две роты с пулеметами, полтора эскадрона, артиллерийский взвод, пулеметный броневик»³⁵. Одновременно от Балаховича требовали клятв в верности Советской власти и перевода ослабленного полка в Петроград.

Другой причиной заминки могло оказаться ожидание достоверных сведений из-за демаркационной линии: доходили слухи, охотно подхватываемые на советской стороне, не только о разоружении во Пскове эскадрона Пермикина, но и о заключении его в тюрьму³⁶. На самом деле, после кратковременного разоружения и, возможно, первичной фильтрации, эскадрону (как впоследствии и остальным подразделениям балаховцев) помещения каторжной тюрьмы были предоставлены <...> для квартирования³⁷: место неприветливое, но иного, очевидно, в переполненном штабами и отрядами городе не нашлось.

Собрав тайное совещание с четырьмя наиболее доверенными офицерами, братья Балаховичи решили во исполнение требований советского командования отправить в Петроград солдат, в верности которых они сомневались, «негодные повозки, двуколки и нескольких больных лошадей»³⁸, самим же прорываться во Псков. О прорыве приходилось говорить, поскольку подтягивавшиеся красные войска начинали занимать полосу между станциями Струги-Белые и Торошино, образуя заслон на кратчайшем пути из Луги, где стоял штаб Балаховича, к демаркационной линии. Присоединившись к собранным остаткам полка, Балахович в ночь на 6 ноября, уклонившись к югу и обойдя заслон, вышел ко Пскову не с северо-востока, а с востока, от станции Карамышево³⁹.

Красная конница силами свыше эскадрона бросилась в погоню, а тем временем движение балаховцев сильно замедлилось: дорога, «когда-то сделанная из бревен, потонула в болоте, и местные крестьяне с большим трудом перевели Балаховича и его людей, местами в грязи по пояс, на большую проселочную дорогу». Настигая хвост уходящей колонны, красные сделали попытку атаковать, но, увязая в трясине и неся потери от открытого балаховцами огня, вынуждены были прекратить преследование⁴⁰. Отряд благополучно

добрался до Пскова и составил значительную долю собравшихся там сил (к 20 ноября по официальной сводке штаба корпуса: 42 офицера, 6 военных чиновников и 398 солдат, большею частью конных, при 10 пулеметах и 2 трехдюймовых орудиях с тремя сотнями снарядов; всего же во Пскове насчитывалось 478 офицеров и 1708 солдат⁴¹).

5. Псковская смута. Впечатление, произведенное балаховцами на командование корпуса, оказалось двойственным. С одной стороны, после их перехода появилась своя конница, очевидно лихая и, в отличие от большинства остальных частей, до известной степени крепко сколоченная; с другой, – очутившись на свободе после долгих месяцев рискованной «двойной жизни» в РСФСР, многие партизаны не могли сдержать широту своей натуры, а кое-кто, вероятно, и сомневался, правильно ли сделал, уйдя от красных, и был podatливym элементом для подпольной советской пропаганды. Всеволод Пермикин, утвержденный в чине подьесаула (Балахович-старший – в чине ротмистра), рассказывал, быть может, брагуируя и преувеличивая, о своих методах искоренения недовольства (не очень понятно, правда, до или после перехода): «Построил отряд, вызвал взвод и объявил: если вы недовольны мной, стреляйте в меня, и приказал стрелять, взвод растерялся, тогда он (Пермикин – А. К.) приказал выйти зачинщикам, вышло три красноиндейца (так называли их во Пскове), и подьесаул пристрелил их на глазах у отряда из браунинга»⁴². Главная угроза смуты и дезорганизации, однако, исходила не снизу, а сверху, не от балаховской вольницы, а от старшего командования и приближенных к нему офицеров.

Борис Пермикин, чей авторитет во Пскове сразу возрос после захвата Талабских островов, через много лет отмечал в мемуарах: «Только люди исключительно волевые и обладающие максимальным духом предприимчивости были способны вести гражданскую войну», – и вспоминал свое разочарование в 1918 г.: «Вандам оказался нерешительным человеком и не понимающим самого главного: **психологии Гражданской войны** (подчеркнуто в первоисточнике – А. К.)», в частности, не поддержавшим проектов Пермикина об объявлении мобилизации⁴³. Так же думали и многие другие офицеры, и недовольство вылилось, по-видимому, в провокацию (поскольку о пристрастии Вандама к спиртному вроде бы ничего не известно): генерал, «возвращаясь 15-го ноября с ужина в отряде

Булак-Балаховича, где его слишком усиленно чествовали, зашел на семейный вечер в «Пушкинский дом» (сноска первоисточника: «“Пушкинским домом” называлось Дворянское собрание в гор[оде] Пскове» – А. К.) и там своим поведением дал повод к разговорам о его несоответствии должности командующего корпусом». Повод годился и для более решительных действий, и на следующий день «два племянника генерала Вандам[а]» – братья Пермикины – доложили ему о фактически выраженном офицерством недоверии⁴⁴.

Упоминание «ужина в отряде Булак-Балаховича» настораживает, а другие утверждения, встречающиеся в мемуаристике, и вовсе звучат обвинительным актом: «Все корни заговора вели начало из отряда Балаховича и, по-видимому, единственной целью имели выдвижение его на пост командующего»; «дерзость балаховских офицеров дошла до того, что они нагло требовали назначения на должность командующего армией своего “батьки” Балаховича»⁴⁵. Другой современник, однако, свидетельствовал (опираясь, скорее всего, на рассказы или воспоминания такого осведомленного участника событий, как ротмистр Розенберг): «Сам ротмистр Булак-Балахович не принимал [в этом] никакого участия и был против назначения его командующим корпусом, о чем он совершенно открыто и заявил. Старались же провести его в командующие некоторые из офицеров, надеясь, что с этой переменной изменится и их положение к лучшему и им удастся играть руководящую роль»⁴⁶.

Последнее очень похоже на правду: ряд офицеров, к которым прочно приклеится кличка «балаховцев» (Видякин, старший Пермикин, сотник Аксаков, штабс-ротмистр Щуровский), вскоре перебегут от «Батьки» к генералу А.П. Родзянко с тою же целью: продвигать его на командные посты и самим оставаться закулисными манипуляторами⁴⁷. Следует сказать, что в этом они преуспели – так, поручик Видякин в недалеком будущем окажется полковником, – причем генерал Вандам (с июня 1919 г. – начальник штаба Северо-Западной Армии) не изменил своего благожелательного отношения к тем, кто «свергал» его в ноябре 1918-го, и адмирал В.К. Пилкин (близкий помощник Н.Н. Юденича) писал о нем в дневнике: «И все-таки Вандам не очень хороший человек: провел в дежурные генералы Ведякина (так в первоисточнике – А. К.), не то родного, не то приемного сына, каналью ужасного и всего-то состоящего на службе не то пять, не то шесть лет. Потом покровительствует

Пермикиным, не то племянникам, не то другим каким-то родственникам»⁴⁸. Но если мотивы «балаховцев-переворотчиков» в общем понятны, то каковы были мотивы Балаховича, отказавшегося от выдвижения собственной кандидатуры и, вероятно, разочаровавшего своих слишком рьяных сторонников?

Прежде всего, нельзя отвергать самого простого объяснения: заслуженно высоко оценивая себя как партизанского командира, «Батька» в тот период еще не решался брать под начало крупные соединения. Но есть и другая немаловажная составляющая: «свержению» Вандама активно содействовали... представители германского командования, поддерживавшие даже идею о созыве для этого «общего собрания всех [русских] офицеров»⁴⁹. Германофоб Балахович, и на советской службе продолжавший поддерживать тайные контакты с военными миссиями Антанты, вполне мог сразу же почувствовать недоверие к действиям «немецкой руки» и отказаться участвовать в инспирируемом ею перевороте.

Мотивы же немцев представляются довольно очевидными: не разрушая полностью русских формирований, внести в их командование смуту; предоставить Псковскому корпусу роль щита, на который обрушились бы большевистские удары, но не давать ему укрепиться и развернуться, поскольку русское командование подняло бы вопрос об использовании в качестве базы Курляндии, которую немцы надеялись оставить за собой. С таким ненадежным «союзником» корпусу и предстояло встретить советское наступление.

6. Бой, поражение, отступление. Ненадежность германского союзника определялась не только двуличием командования, но и тем, что после окончания Мировой войны и начала революции в Германии офицерство оккупационных частей все больше утрачивало контроль над солдатами: «Немецкие солдаты продолжали увозить из Пскова все, до детских кроватей включительно, они теперь продавали пулеметы, винтовки, револьверы и лошадей, <...> алчность и желание вернуться домой, вот что руководило теперь ими»⁵⁰. А между тем после аннулирования большевиками Брест-Литовского договора (13 ноября) следовало ожидать уже не переноса демаркационной линии, а наступления советских войск.

По сведениям разведки Псковского корпуса, группировка противника насчитывала «8000 штыков, 300 сабель и 42 орудия, 2 броневых машины и бронированных поезда»⁵¹. Это было преувеличением – по советским данным, здесь сосредотачивалось «5400 штыков

и сабель, 22 орудия, один бронепоезд и броневик» и «местные отряды, сформированные Карамышевским и Торошинским военреволюционными»⁵² (хотя орудий, установленных на железнодорожных платформах, было, похоже, больше). Но и в этом случае перевес оказывался на стороне частей Красной Армии, тем более, что наступать им следовало вдоль сходящихся железных дорог (Луга – Торошино – Псков и Старая Русса – Карамышево – Псков). Командование Псковского корпуса, который теперь возглавлял полковник Г.Г. фон Неф, приняло решение об активной обороне: «отогнать красных, поднять крестьян <...> и, укрепившись на новой линии, продолжать спешно свое формирование»⁵³. Почти все наличные силы объединялись под началом подполковника Генерального Штаба Д.Р. Ветренко. Для противодействия еще не разведанной советской группировке его отряд концентрировался у почтовой станции Кресты, причем значительный участок позиций вокруг Пскова оставался прикрытым только «союзными» немецкими войсками.

Именно последние сыграли роковую роль во время начавшегося 25 ноября боя, открыв фронт красным, беспрепятственно проникшим в город. Другим враждебным поступком стало лишение защитников Пскова их единственного бронепоезда, который немцами был тайком «прицеплен к товарному поезду и увезен в Валк». Обвиняли их и в отказе передать на Талабские острова Борису Пермикину приказ высадить десант и действовать в тылу правого фланга красных⁵⁴, но, правда, и о самом Пермикине впоследствии говорили, «что он, шадя своих солдат, отходил, не предупреждая соседей», то есть подчас действовал самовольно и в ущерб общей задаче⁵⁵; так и отказ от десанта мог стать результатом оценки Пермикиным обстановки (через несколько дней он ушел с отрядом с Талабских островов на кораблях белой Чудской флотилии). «Отшел, не предупреждая», и Всеволод Пермикин, назначенный «военным полицмейстером Пскова» и уведший из города свой отряд в 90 всадников вопреки распоряжениям штаба⁵⁶.

Глубокую диверсию предполагалось произвести и за левым флангом красных, для чего от Крестов в обход двинулся конный отряд Балаховича. Позже сам Балахович и служивший в штабе корпуса подпоручик Зацкий (Зацкой?) независимо друг от друга свидетельствовали о захвате станции Карамышево, штаба одного из красных полков, денежного ящика, пленных и обоза⁵⁷. Однако продвижение в советский тыл оказалось... слишком глубоким (около 25

верст) и не успело непосредственно отразиться на ходе боя вблизи Крестов, а быстрое падение города предопределило общее поражение Псковского корпуса. Командующий, штаб, начальник штаба, резервы и отряд полковника Ветренко (вытягивавшийся из боя) отходили порознь, не имея между собою связи и оставив без связи отряд Балаховича, который утром 26 ноября обнаружил, что мимо него, уже без боя, на Псков двигаются советские части⁵⁸. Не ввязываясь более в стычки, Балахович скрытно, уклоняясь к югу, перешел шоссе Псков – Остров, а затем – вброд – реку Великую и двинулся на Изборск.

Отступление корпуса было чрезвычайно тяжелым. Местное население, под влиянием просачивавшейся с советской стороны пропаганды, еще не зная об уготованных ему комбедах и продотрядах, готово было выместить на русских войсках все недовольство германской оккупацией. Один из участников отступления вспоминал: «В целом ряде деревень (Дитятино, Гнилище, Дубник) крестьяне цепями залегали вдоль дорог и, науськанные большевистскими агитаторами, встречали «баронские банды» пулеметно-ружейным огнем. <...> В этом растревоженном муравейнике, когда отовсюду был фронт, даже раненые принимали участие в боях, прямо из телег открывая стрельбу по наступающим, сплошь да рядом получая новые раны, ибо и обоз был под обстрелом»⁵⁹. Балаховцами, не сразу нагнавшими отряд Ветренко и двигавшимися за ним в некотором отдалении, начинало овладевать ожесточение, вылившееся в убийства захваченных ранее пленных. Один из офицеров балаховского отряда считал, что вид оставленных вдоль дороги тел расстрелянных «надолго отбил охоту у красноармейцев переходить к белым»⁶⁰; другой утверждал, что многие пленные были сразу же поставлены в строй и приняли участие в расстрелах тех, кого сами же выдали как активных приверженцев большевизма⁶¹. Как бы то ни было, в дальнейшем военнопленные традиционно являлись одним из главных резервов пополнения балаховских частей, а сам «Батюка» хвастался, что, «получая красных, тотчас поворачивал их против красных»⁶².

События октября – ноября 1918 г. для отряда Балаховича представляются, в сущности, цепью неудач: плохо организованный и поспешный переход во Псков, интриги и неумное политиканство некоторых офицеров, оказавшийся безрезультатным рейд по красным тылам и тяжелое отступление. Тем не менее, именно в этот

период сплачивается ядро балаховцев и укрепляется авторитет их начальника, складывается своеобразная репутация «Батьки и его сынков», о которой так писал офицер, в их рядах прошедший с боями от Пскова до Гатчины: «Солдаты на первый взгляд, откровенно говоря, производили впечатление весьма темных личностей, но я уверен, что если бы вся армия состояла из таких воинов, Петроград несомненно сменил бы красный флаг на трехцветный»⁶³.

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-6462. Оп. 1. Д. 13. Л. 3-4.

² Там же. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 348. Л. 8.

³ Там же. Д. 426. Л. 8 об.-9.

⁴ Там же. Л. 12 об.-13 об.

⁵ Там же. Ф. Р-6462. Оп. 1. Д. 24. Л. 13 об.

⁶ Гершельман А.С. В рядах добровольческой Северо-Западной Армии: Вооруженная борьба с III-им Интернационалом, 1919 год. [Ч.] 1. М., 1997. С. 46.

⁷ Дом Русского Зарубежья им. А. Солженицына (ДРЗ). Архив. Ф. 39. Оп. 2. Д. 13. Л. 4.

⁸ Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Ф. Р-1623. Оп. 1. Д. 2. Л. 13.

⁹ Фабрициус Я.Ф., Травинский. Две измены // Гражданская война, 1918-1921. Т. 1: Боевая жизнь Красной Армии. М., 1928. С. 251.

¹⁰ Корнатовский Н.А. Борьба за красный Петроград (1919). Л., 1929. С. 37.

¹¹ РГА ВМФ. Ф. Р-1623. Оп. 1. Д. 1. Л. 21.

¹² ДРЗ. Архив. Ф. 39. Оп. 2. Д. 13. Л. 2 об.

¹³ Там же. Л. 4 и об.

¹⁴ Гершельман А.С. Указ. соч. [Ч.] 1. С. 46.

¹⁵ Пермикин Б.С. Генерал, рожденный войной: Из записок 1912-1959 гг. М., 2011. С. 46.

¹⁶ Телеграмма из штаба 4-й Петроградской в штаб 3-й Петроградской дивизии от 15 сентября 1918 г. за № 671. Автор благодарит А.В. Ганина, любезно предоставившего фотокопию телеграммы, хранящейся в частном архиве.

¹⁷ Галич Ю. [Гончаренко Г.И.]. Красный Хоровод. Кн. 1. Рига, 1929. С. 138, 142.

¹⁸ Дроздов В. Балахович в Пскове // Спутник большевика. Псков, 1926. № 10-11 (62-63). С. 68.

¹⁹ ДРЗ. Архив. Ф. 39. Оп. 2. Д. 13. Л. 5 и об.

²⁰ Корнатовский Н.А. Указ. соч. С. 40.

²¹ ДРЗ. Архив. Ф. 39. Оп. 2. Д. 13. Л. 5 об.

²² Авалов П.М. [Бермондт П.Р.]. В борьбе с большевизмом. Глюкштадт; Гамбург, 1925. С. 75.

²³ Пермикин Б.С. Указ. соч. С. 47.

²⁴ Мальцев Ю.П. К истории белого рейда на Талабские острова // Белое движение на Северо-Западе и судьбы его участников: [Материалы 2-й международной конференции]. Псков, 2005. С. 9-16.

²⁵ Гершельман А.С. Указ. соч. [Ч.] 1. С. 46.

- ²⁶ Пермикин Б.С. Указ. соч. С. 50, 121.
- ²⁷ ДРЗ. Архив. Ф. 39. Оп. 2. Д. 14. Л. 7.
- ²⁸ Там же. Д. 13. Л. 8 об.
- ²⁹ Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922 гг.). Т. 1. М., 1971. С. 247.
- ³⁰ Смирнов К.К. Начало Северо-Западной армии // Белое Дело: Летопись Белой Борьбы. [Кн.] 1. [Берлин], [1926]. С. 129.
- ³¹ Фабрициус Я.Ф., Травинский. Указ. соч. С. 253.
- ³² ДРЗ. Архив. Ф. 39. Оп. 2. Д. 13. Л. 6.
- ³³ Гершельман А.С. Указ. соч. [Ч.] 1. С. 27.
- ³⁴ ДРЗ. Архив. Ф. 39. Оп. 2. Д. 14. Л. 7; ср.: Корнатовский Н.А. Указ. соч. С. 40.
- ³⁵ Директивы командования фронтов... Т. 1. С. 248.
- ³⁶ Фабрициус Я.Ф., Травинский. Указ. соч. С. 253.
- ³⁷ ДРЗ. Архив. Ф. 39. Оп. 2. Д. 13. Л. 8.
- ³⁸ Там же. Л. 6 об.–7.
- ³⁹ Корнатовский Н.А. Указ. соч. С. 48–49.
- ⁴⁰ ДРЗ. Архив. Ф. 39. Оп. 2. Д. 13. Л. 7 об.–8.
- ⁴¹ ГА РФ. Ф. Р-6462. Оп. 1. Д. 24. Л. 14.
- ⁴² Там же. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 348. Л. 9.
- ⁴³ Пермикин Б.С. Указ. соч. С. 51, 162.
- ⁴⁴ Авалов П.М. Указ. соч. С. 80, 81.
- ⁴⁵ Смирнов К.К. Указ. соч. С. 134.
- ⁴⁶ Авалов П.М. Указ. соч. С. 81.
- ⁴⁷ ДРЗ. Архив. Ф. 39. Оп. 2. Д. 22. Л. 2 и об.
- ⁴⁸ Пилкин В.К. В Белой борьбе на Северо–Западе России: Дневник, 1918–1920. М., 2005. С. 224.
- ⁴⁹ Авалов П.М. Указ. соч. С. 80.
- ⁵⁰ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 348. Л. 19–20.
- ⁵¹ Там же. Л. 17.
- ⁵² Интервенция на Северо-Западе России, 1917–1920 гг. СПб., 1995. С. 133, 134.
- ⁵³ ГА РФ. Ф. Р-6462. Оп. 1. Д. 24. Л. 4 об.
- ⁵⁴ Там же. Лл. 4 и об., 5 об.
- ⁵⁵ Гершельман А.С. Указ. соч. [Ч.] 1. С. 47.
- ⁵⁶ Авалов П.М. Указ. соч. С. 89.
- ⁵⁷ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 348. Л. 21; Розенталь Р. Северо-Западная армия: Хроника побед и поражений / Пер. с эстонского. [Таллин], [2012]. С. 32.
- ⁵⁸ ДРЗ. Архив. Ф. 39. Оп. 2. Д. 11. Л. 2.
- ⁵⁹ ГА РФ. Ф. Р-6462. Оп. 1. Д. 15. Л. 4 об.
- ⁶⁰ ДРЗ. Архив. Ф. 39. Оп. 2. Д. 11. Л. 4.
- ⁶¹ Розенталь Р. Указ. соч. С. 33.
- ⁶² Иванов Н.Н. О событиях под Петроградом в 1919 году // Архив Гражданской войны. Вып. 1. Берлин, [б. г.]. С. 155 (приложения).
- ⁶³ ДРЗ. Архив. Ф. 39. Оп. 2. Д. 11. Л. 1.

Л.В. Кудзеевич (Санкт-Петербург)

ПОХОД ДИВИЗИИ ГЕНЕРАЛА А.И. РЕПНИНА В ПОЛЬШУ В 1715 ГОДУ

ПОСЛЕДНИЙ заграничный поход русских войск периода Северной войны 1715–1718 гг. состоял почти исключительно из переходов с места на место и остановок между ними. Общий ход военных и политических событий за этот период хорошо известен, но что происходило в войсках на уровне дивизий и полков, пока изучено недостаточно. Интересные сведения об этом походе содержат письма князя Аникиты Ивановича Репнина, адресованные фельдмаршалу Борису Петровичу Шереметеву и хранящиеся в архиве Санкт-Петербургского института истории РАН в фонде походной канцелярии А.Д. Меншикова¹. Достаточно полно представлены письма за 1715 г., и вместе с письмами Шереметева, адресованными Петру I², они позволяют составить довольно полную картину состояния дел в дивизии князя в первый год похода.

Разногласия союзников России – Дании, Пруссии и Польши – сильно осложняли ведение войны в 1714–1715 гг. Только в конце июня 1715 г. Петр I получил просьбу датского, польского и прусского королей прислать в Померанию русские войска для помощи в осаде Штральзунда. Главнокомандующим над войсками, отправляемыми в Померанию, был назначен фельдмаршал граф Б.П. Шереметев. В команду ему были определены три драгунских полка под начальством генерал-поручика Боура и 15 пехотных, разделенных на дивизии генералов Репнина и Вейде. Шереметев сначала планировал отдать 8 полков Вейде и 7 – Репнину, но в итоге Репнин пошел в марш с 10 полками. Восемь из них располагались в Лифляндии (1 и 2 Гренадерские, Бутырский, Смоленский, Белгородский, Ренцелев, Пермский и Нарвский), а два (Черниговский и

Ярославский под командованием генерал-майора Ласси) – в Курляндии. Вейде же остались пять полков, которые необходимо было сперва укомплектовать: шедшие к границе из разных мест Гренадерский Вейдов, Лефортовский, Киевский, Вятский и Невский³.

Подготовка к походу началась для Репнина с сосредоточения полков к Риге (письмо к Шереметеву из Юнфоргофа от 11 июля): «Сего июля 10 дня... получил я Его Царского Величества указ из Санктпетербурха сего июля в 5 день писанный в котором повелевает дабы мне пешие полки собрать все вместе в своих рубежах (а в Курляндии оставить один конный полк) и быть с ними в марш готову чтоб по получении второго указу <... > не мешкая можно было идти в назначенный путь. А ныне в Курляндии два пехотные полки Черниговский и Ярославский обретаются в Либаве от Риги 30 миль, а от (Мемля?) 12 миль и по вышеозначенному указу велел им быть к Риге, а ежели марш дивизии моей будет в прусы, а в прусы путь мимо Либавы тот же и помянутым полкам будет напрасного труда миль 50».⁴

Сразу же возникла проблема с источником финансирования текущих нужд дивизии. 20 июля Репнин пишет фельдмаршалу, что не может присылать требуемые рапорты «понеже на канцелярию на бумагу, сургуч, чернила и свечи ниоткуда денег не дано, а расходу не мало» – всегдашние рапорты к Царскому Величеству, и к самому Шереметеву, и в Сенат, и в команду указы. К тому же, если посылать нарочного, то нужны деньги на прогоны, по почте – тоже за деньги. Из главного комиссариата резолюции он не получил и «по крайней нужде» обращается и просит определить, откуда деньги получать⁵. Определять в итоге пришлось самому Петру, который в письме Шереметеву из Ревеля от 26 июля не велит по письму князя Репнина отпускать ему для рассылки курьеров и других расходов денег. «Для того, – заключает Государь, – что сами (вы) там будете команду иметь, и такое отправление будет уже от вас чиниться, а не от него»⁶.

21 июля князь Репнин получил указ Петра от 17 июля следовать с дивизией к Ковне и вдоль прусской границы к Торуню. В тот же день он доложил Шереметеву, что будет «по тому указу в марш управляться»: «И от сего числа надеюся в два дня перебраться через реку <... > А генерала майора Леся пошлю указ дабы он маршировал на мой путь, токмо провианта он взял августа до 10 дня, а на здешние полки возьму с собой провиант на месяц сухарями». Маршрут

следования от Риги был намечен следующий: Митава – Янышки – Шавля – Кейданы – Ковна – Гродна – Тикотин – Тарунь⁷. Тяжелая экономическая и сложная политическая ситуация в Польше, где два года был неурожай и стояли на содержании саксонские войска, предвещала дополнительные проблемы в и без того нелегком походе.

Сложности и задержки начались у дивизии Репнина с первых же дней. В двух письмах от 26 июля он сообщает о нехватке снаряжения и выражает опасения, что его люди останутся без провианта, так как у обер-кригс-комиссара людей нет, а если послать его пехоту, «то разбегутся». Кроме того, ему нужны 120 лошадей, чтобы везти провиант⁸. Через Двину полки переправились только 26-го, а 28 июля князь в последний раз докладывал Шереметеву из Юнфоргофа: «в марш я вступил сего часа и принял марш на два коломна: Я с четырьмя полками на Митаву; на Янышки; на Кейданы где прибудет генерал маер Леси от Ливавы с двумя полками: и до Ковны, а генерал порутчик Албедин с четырьмя полками на Бовск: на *(неразб.)*: на *(Полвоу?)*: на Ремиголы и до Ковны. И оное учинил на два коломна для лучшей выгоды людям и лошадям»⁹.

Задержки в движении корпуса вызывали недовольство фельдмаршала, докладывавшего Петру: «я с армией Вашего Величества следую в Померанию со всяким поспешанием»¹⁰. Но Репнину не впервой было за них оправдываться. 31 июля он пишет Шереметеву из Митавы: «а ныне укусел ради того: лошади сыты и еще не вошли: еще ж перед маршем незадолго от комиссарства даны в полки лошади: начальные которые никогда в возах не ходили: и оные мнуться и многое портят: также перебирался при Митаве через реку два дня и завтра надеюсь с достальными перебраться и маршировать»¹¹. Жалоба на сытых лошадей довольно интересна, поскольку обычно и сам генерал, и другие командиры жалуются на худых и слабых лошадей. А тут еще, кроме сытых, дали «начальских», то есть верховых лошадей

Дальше дела пошли еще хуже. 16 августа князь пишет из Ковны: «Марш мой вельми труден от великих дождей: лошадей много пристало: возы ломаются и на людях платье и обувь огнило... А ныне во многих полках ружье старое ненадежное, также и портупей несколько нет: несут шпаги в руках. А мундиром Нарвский полк весь наг: и срамно и жалко смотреть... А на иные полки дано платья, а епанчев нет, и от великих и всегдашних дождей то платье до срока положенного не

выдержит. А у солдат вычеты всегдашняя полные, и в том есть немалый стыд и убыток»¹². И это было еще не все: «а ныне несчастье наше что солдаты-извозчики бегут много без всякой причины, а паче новые Смоленской губернии... И уже офицеров утрудил посылая искать и нескольких привели и штраф некоторым по артикулу учинен, однакож не унимаются бежать»¹³. Проблема с солдатами из Смоленской губернии была отнюдь не новая – Репнин здесь же сетует, что в канцелярии Сената даже записан царский указ «чтобы из оной губернии рекрут нам в полки не давать», но сенаторы его не исполняют.

О событиях же похода сообщается следующее: «сего августа 14 дня прибыли с полками к Ковне также и генерал поручик Албедин, и генерал маеор Леси с полками прибыли же: и генерал маеор Леси с двумя полками через Неман уже перебрался, а ныне полки которые со мною пришли перевозятся... а генерал поручику Албедину с 4 полками велел маршировать по сю сторону Немана: на *(неразб.)* на Меречь до Гродна»¹⁴. И опять напоминает о провианте, пополнения которого на марше до Гродно не ожидается. А 18 августа Репнин докладывает о дальнейших маршрутах следования: «А я с полками своими через Неман перебрался, а завтра рано марш приму. Генерал-поручик Албедин командою здешною стороною на Меречь: и генерал маер Леси для оскудения провианту дву полков в Либаве бывших другою стороною на Балберишки в марш вступили»¹⁵.

Шереметев, сообщая 18 августа Петру о состоянии дел в корпусе Репнина, дополняет картину: «Ныне у двух полков Черниговского и Ярославского, кои пришли из Курляндии, провианту нет; а в Ковне собрано самое малое число, и для збору на оные полки послан майор на половину дороги к Гродне, только провианту не дают, и никто не везет; а и другим полкам в провианте срок сентября месяца наступает»¹⁶. Но в это время до марширующих полков докатилась первая волна дипломатических интриг, ведшихся союзниками вокруг русского экспедиционного корпуса. 20 августа Шереметев получает новые инструкции из Петербурга, которые тут же и исполняет: «ныне конным и пехотным полкам по указу Вашего Величества идти велел тихо, и чтоб нам в провиантах между тем же временем хотя мало исправиться»¹⁷.

По мере углубления дивизии на территорию Речи Посполитой и получении более точных сведений о состоянии там дел Репнин все больше беспокоится о будущем своих полков. 22 августа он

сообщает из Бальберишек, что в Гродне встать на квартиры вряд ли будет возможно, так как там стоят саксонские генералы, а в Литве – саксонские войска. Осталась и проблема с деньгами – князь не мог даже послать письма министрам при датском и прусском дворах, так как в его канцелярии осталось «всего рублей с семдесят денег мелких... так же и собственных имею: всего (*неразб*) таляров со сто: и оные по воле вашей употребил для покупки овса и муки в Гродне с офицером нарочным». А чтобы войскам не было нужды, заключает он, если в Гродне не будет провианта и Шереметев не приедет, то пойдет в марш четырьмя колоннами и при каждой генерал будет «с добрым и жестоким ордером»¹⁸.

24 августа Репнин прибыл с четырьмя полками в местечко Се-реи, где получил известия из Гродно, что поляки готовы дать провиант только после решения сейма, а посланные из Гродно в поветы офицеры с деньгами провиант тоже пока не собрали¹⁹. А 26-го из Весей пишет Шереметеву, что задержаться у Гродно для отдыха «весьма потребно, токмо было бы чем людей кормить», так как с одного места с саксонцами трудно²⁰.

Тем временем фельдмаршал догнал пехотные полки, и это отчасти исправило положение. 29 августа они подошли к Гродно и встали лагерем за милю. Борис Петрович вызвал к себе представителей местной польской администрации и шляхты и после долгих споров и препирательств уговорил дать провиант: «и обещали дать провианту только 700 бочек в Виленскую меру, и свесть в магазин, который будет нам вперед для маршу, и на несколько дней солдат шляхта согласилась поставить в Гродненском повете на квартиры по обе стороны реки Немона, и велено пропитание иметь, что будут сами хозяева есть без всяких прихотей, и о том жестокие указы выданы»²¹. 4 сентября до Гродно дошел указ Петра от 21 августа, в котором он велел Шереметеву с войсками следовать, по требованию союзников, «в путь свой немедленно обыкновенным маршем; чтоб два дни быть в марше, а третий отдыхали». Через два дня последний сообщил, что «по нынешнему Вашего Величества указу все полки с квартир соберутся, и от сего числа в марш вступят на третий день, и буду с оными путь продолжать»²².

Следующий отрезок пути прошел, насколько было возможно, благополучно, и 21 сентября Репнин доносил: «люди провиантом и лошади фуражом неголодны, и в запасе провианту на неделю у людей есть. А ныне я с тремя полками прибыл к местечку Рожаном,

где перевоз через Нарову и нашел токмо один малой плот, однако буду сыскивать других. А генерал маер Леси с тремя ж полками марширует правую стороною в таком же состоянии, и на его тракте через Нарову есть мост, по которому сей день перебираться будет. А генерал поручика репортов уже не имею с неделю»²³. От Гродно полки шли разными дорогами, содержание имели по дворам на своем пути и даже смогли создать недельный запас продовольствия. Проблема была только с кормом для лошадей, отчего те начали слабеть. 26 числа, когда Шереметев писал царю, полки Репнина все еще перевозились, «понеже паромов не довольно, а вода зело великая». Четыре пехотных полка, с которыми шел генерал-поручик Албедиль, так же подходили к Пултовску, с Албедилем же случилось следующее: «помянутого генерал-поручика в 11 числе сего месяца убила параличная болезнь, а в 21 числе от той болезни умре»²⁴. Команду над этими полками принял генерал-майор Штаф. От Пултовска до Торуни было решено идти по-прежнему разными маршрутами, поскольку посол Долгорукий, договорившись с воеводами о провианте, не упомянул о фураже, и Репнин боялся поморить лошадей²⁵.

Недостаток продовольствия все равно давал себя знать, и в письме от 1 октября из Млавы Репнин просит Шереметева разрешить задержаться возле Торуни хотя бы на неделю для приготовления запаса провианта, «понеже от Торуни по дороге к Познани много пустоты, токмо песок и бор»²⁶. Плохое питание и осенняя погода сказывались и на здоровье – князь сообщает, что сам болен, «ибо вся причина, что учинилось над генералом поручиком, также и генерал-майор Леси всегда болен мало что здоров бывает»²⁷. 5 октября договор с прусским королем о содержании наших войск еще не был подписан и Шереметев решил остановить их возле Торуни. Шесть полков князя Репнина уже стояли в окрестностях города, а четыре полка с генерал-майором Штафом, с большим трудом перебравшиеся 2-го через Нарев, были на марше²⁸. Сам князь прибыл к Торуни 7 октября и разложил полки в Хлеминском воеводстве, а генерал-майору Штафу «множды протверждал указами, чтоб покой оставил и маршировал, которой отвечает с противностию»²⁹.

Обстановка в Польше тем временем накалилась, начались открытые столкновения поляков с саксонцами. «Коронное войско составило конфедерацию при Сендомире; начались у конфедератов

битвы с саксонскими войсками, причем последние, захватываемые по частям, терпели сильный урон; многие воеводства уже садились на коней для соединения с восставшими»³⁰. Надеясь предотвратить разрастание восстания, князь Долгорукий просил Шереметева оставить войска в Польше и приехать в Варшаву, куда тот прибыл 8 октября. Проведя пару дней в нервном общении с послом, поляками и саксонцами, фельдмаршал принял решение, о котором сообщал царю 11-го: «и для того я советовал с послом князем Долгоруковым по прошению польских министров и генерал-фельдмаршала Флеминга велел пехотным четырем полкам, при которых генерал-майор Штаф идет по правой стороне Вислы, не дошед Торуню остановиться на время». Штаф, пришедший к тому времени к Плоцку, получил указ разложиться с 4 полками по квартирам и иметь пикеты по 50 человек от полка, а в Варшаву отправить роту со знаменем для караула к князю Долгорукому³¹.

Как раз в это время союзники опять захотели видеть русских солдат под Штральзундом, и российские министры при датском и прусском дворах стали торопить Шереметева. Кормить, правда, этих солдат короли не хотели. Князь Репнин, получив из Померании письма и трактаты, описывал (12 октября) предлагаемые условия в самых мрачных тонах: солдатам положен провиант самый малый, от чего многие побегут, не выдержав голоду, а офицеры от вычетов и дороговизны совсем разорятся; порций и раций хотят давать только от Штетина и кровли дать не хотят, пока полки будут в лагере. «А мы здесь квартиры имеем гораздо недовольные», – добавляет он³².

16 октября в расположение полков Репнина прибыли из Померании от короля Дании генерал-адъютант полковник Местинг и подполковник Загушинский, и от короля прусского генерал-адъютант подполковник Гребен. Они были посланы навстречу российским войскам, которые рассчитывали встретить у Познани, чтобы проводить до Штральзунда, где их ожидали к 6 ноября по н. с.³³ Уже зная об этих требованиях, Шереметев 15-го приказал полкам Репнина перебираться через Вислу под Торунью, а полкам Штафа – под Плоцком, пройти по познанскому тракту и встать вдоль него на новые квартиры на отдых. Репнин получил указ 19-го и в ответном письме сообщил, что капитан Бруно, который стоит в Варшаве с ротой на карауле у князя Долгорукова, доносит, «что солдаты живут в сарае без соломы, от чего может мундир весь пропасть, а

офицеры лошадям фуража не имеют», и предложил менять караул каждую неделю³⁴. Но в сборах князь с командой опять задержались, и только 25 октября он сообщил фельдмаршалу: «...полки сего числа пошли за реку, а завтра и сам поеду в назначенные квартиры»³⁵.

Б. П. Шереметев, будучи 3 ноября в Торуня, все еще не имел новых указаний от Петра, в то время как прусский и датский генерал-адъютанты требовали привести войска к бранденбургской границе к 20 ноября. Направив в войска соответствующий указ, фельдмаршал выехал вперед них в Шкверин³⁶. В этот период генерал Репнин регулярно докладывал ему о продвижении дивизии и состоянии дел.

12 ноября из Сваренц: «Прибыл я с двумя полками к Познани за милю и имею роздых, а утре пойду в путь назначенной за Познань, а четыре полка отправил с генералом маером Леси правою стороною на (*Вронен?*) и до Шкверина. А четыре полка с генералом маером Штафом левою стороною на Шрим и до Шкварина и оное разделил для лучшего довольства нашим людям и обывателю, ибо здесь к Познани места пустые лесные пришли и также и везде уже такого довольства людям и лошадям за лесом и за пустотою и за теснотою между границ найти невозможно, и где два или три дня полкам задержаться невозможно, разве свой приготовленный провиант съесть»³⁷.

14 ноября из деревни Гау: «Я с полками вчерашнего дня Познань прошел 3 мили и тут буду сего числа раздах иметь, а завтра буду небольшим маршем маршировать и ожидать Вашего Превосходительства указу. А генерал-маер Штаф с полками марширует позади меня»³⁸.

18 ноября из Межихода: «...вчерашнего числа прибыл я в местечко Межиход, которое расстоянием от Шкверина 3 мили, также и 6 полков, которые маршировали с генералом маером Леси, прибыли и поставлены в околичности того места. А генерал маер Штаф сего числа писал ко мне, что он прибыл с полками к веске (деревне. — Л.К.) (Мождзр?), отсюда за 8 миль»³⁹.

Когда же 19 ноября Шереметев, а 20-го первые полки Репнина пришли на границу, оказалось, что прусский король их к себе уже не требует. Войска опять встали в ожидании указаний из Петербурга и от послов от Штральзунда. Репнин, остановившийся в Блезно, произвел реорганизацию в управлении дивизией, расписав

команды следующим образом: «Генерал маер Леси – полки: 1 Гренадерский, Бутырский, Черниговский, Ярославский. Генерал маер Штаф – полки: 2 Гренадерский, 1 батальон Смоленский, Белгородский, Ренцелев. Бригадиру Трейдену – полки: 2 батальон Смоленский, Пермский, Нарвский»⁴⁰. Полки опять оказались в тяжелых условиях: «репортуют ко мне сюда генералы маиоры по рапортам полковников что квартирами великая теснота и довольствовать людей начинают своим приготовленным провиантом, а лошадей принуждены выпускать в поля», – докладывал князь 24 ноября⁴¹.

Среди этих неприятностей весьма кстати оказалось известие о рождении 29 октября царевича Петра Петровича: «А ту радостную ведомость я получил сего ноября 25 дня в Межеричах, и случились у меня быть генералы князь Репнин, Лессий, Штаф, Глебов, для совету о некоторых делах Вашего Величества, и как о той всем нам всеобщей радости услышали, и быв столь обрадованы, и воздав хвалу Богу и благодарение, довольно веселились. А сегож ноября 27 дня буду я генералитет трактовать при границе прусской в местечке Шкверине публично, и с пушечною пальбою по молебном пении», – писал Шереметев Петру в ответ⁴².

Положение дивизий снова заболевшего Репнина и Боура, собранных в одном месте, ежедневно ухудшалось. 28 ноября фельдмаршал отдал им приказы о тихом марше обратно в Польшу, о чем и сообщил царю: «Полки все шедшие от 20 дня сего месяца по сие число стояли около Шкверина в не малой тесноте, и жителям здешним великую тягость принуждены нанести, что уже людям и лошадям не возможно стало быть довольным: с совету генеральского от сих мест в марш вступили разными колонны; пехотные 10 полков к Поморскому воеводству к Жулавам Гданским, к Бискупству Варминскому, кавалерия к воеводству Калишскому и к Брести Куявской; и тот марш станут иметь по малу, для того что между тем временем буду я дожидаться Вашего Царского Величества указу»⁴³.

Чем дальше экспедиционный корпус находился в подвешенном состоянии, тем запутанней становилась ситуация. Чтобы прокормить людей и лошадей, нужны были хорошие отношения с местными жителями и дворянством, для чего Шереметеву приходилось давать им «лебертации» – освобождение от постоя, что, в свою очередь, уменьшало «субсистенцию» (Subsistence – средства к существованию) русских войск. «Вчерашнего числа писали ко мне: генерал маиор Леси и бригадир Трейден, что которым они трактом

маршируют и по тому во многих местах имеют Вашего Превосходительства лебертации, чтоб никому не стоять и ничего не иметь, и ежели в оных квартерах не стоять и не довольствоваться, то недовольная будет субсистенция», – так 6 декабря из Старогоринца описывал ситуацию Репнин⁴⁴.

А 9 декабря из Вронок он прислал даже два письма с жалобами на то, как все плохо: «Полки команды моей некоторые уже сблизились к границе Померанского воеводства. А без указа в то воеводство вступать не смеют. А где ныне стоят, людям и лошадям в супсистенции негораздо довольство, и обывателем разорение»: «А что нашим войскам неотступно отсюда в назначенные места, на генеральном совете, и тому быть невозможно, извольте поверить, истину доношу. Что я здесь во Вронках токмо одних своих лошадей немогу пропитать, чего ради прошу о позволении к полкам ехать, а больше как до воскресенья быть невозможно. Да и по пути [пишут господа генералы маеры и бригадир] зело нужную супсистенцию имеют, ибо везде уже мы маршировали, и которую супсистенцию и достают, с воплем великим от обывателей»⁴⁵.

Пока полки были на марше, вновь изменились внешние обстоятельства – 12 декабря сдался Штральзунд. В связи с чем Август II 16 декабря вызвал Шереметева к себе в Межеричи, где сообщил, что Поморское воеводство и Жулавы Гданские отводятся для зимовки его саксонским войскам, идущим из Померании. Российским же войскам в данных обстоятельствах в Польше вообще быть не для чего. Вернувшись в Шкверин, Шереметев собрал генералитет, и на совете было решено ответить королю, что войска пойдут обратно к границам, а самим «итти к Висле помалу, на день по миле и по полторы» и ждать указа Петра⁴⁶.

Скопление войск в одном районе привело к увеличению проблем с их довольствием и размещением. 23 декабря из Поданина и 26-го из местечка Ходши Репнин сообщал: «Репортовали меня генерал майор Леси и бригадир Трейден, что уже к границам Померанского воеводства приступили, где нашли квартиры тесные и недовольные. И в тех же квартирах и саксы стоят, и во оные ж приезжают от команды господина генерала поручика Боура и занимают квартиры ж постой полками, и на оное вскоре ожидаю Вашего Превосходительства указ, дабы полкам конечной нужды не принять»; «А ныне и оба генералы майоры и бригадир пишут, что квартиры скудные и людей и лошадей обыватели довольствовать не

могут, к тому же драгунские наши и саксонские полки пришли и в тех же местах стали, чего ради *неотходно* приезжают и слезно просят обыватели, дабы не приведены были в конечное разорение. И генерал майор Леси для самой нужды принужден от своей команды несколько людей перевести за Вислу и расположить»⁴⁷.

К началу января 1716 г. Петр и русские министры достигли договоренностей об использовании корпуса Шереметева в будущую кампанию в Померании и оставлении их на зиму в Польше между Гданьском и бранденбургской границей.

¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83.

² Письма к государю императору Петру Великому от генерал-фельдмаршала... Б. П. Шереметева. Ч. 4. М., 1779. (Далее Письма...)

³ Письма... С. 59, 64; Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 7013. Все даты даны по старому стилю.

⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 7013.

⁵ Там же. Д. 7030.

⁶ Письма... С. 67–68; Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России... Т. 6. М., 1838. С. 325.

⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 7031.

⁸ Там же. Д. 7034 и 7036.

⁹ Там же. Д. 7040.

¹⁰ Письма... С. 70.

¹¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 7045.

¹² Там же. Д. 7057. Л. 2.

¹³ Там же. Л. 1.

¹⁴ Там же. Л. 1 об.

¹⁵ Там же. Д. 7059. Л. 1 об.

¹⁶ Письма... С. 73–74.

¹⁷ Там же. С. 75–76.

¹⁸ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 7064.

¹⁹ Там же. Д. 7066.

²⁰ Там же. Д. 7071.

²¹ Письма... С. 79–80.

²² Там же. С. 81–82.

²³ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 7093. Л. 1–1 об.

²⁴ Письма... С. 84–85.

²⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 7093. Л. 2; Письма... С. 87.

²⁶ Там же. Д. 7116. Л. 1.

²⁷ Там же. Л. 2.

²⁸ Письма... С. 92.

²⁹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 7130. Л. 2.

³⁰ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 16. Гл. 2.

³¹ Письма... С. 101, 105; Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 7134, 7137.

³² Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 7137.

- ³³ Там же. Д. 7141.
- ³⁴ Письма... С. 106; Архив СПБИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 7147. Л. 1, 2.
- ³⁵ Архив СПБИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 7155. Л. 1 об.
- ³⁶ Письма... С. 110, 117.
- ³⁷ Архив СПБИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 7177.
- ³⁸ Там же. Д. 7178.
- ³⁹ Там же. Д. 7180.
- ⁴⁰ Там же. Д. 7181.
- ⁴¹ Там же. Д. 7197.
- ⁴² Письма... С. 120.
- ⁴³ Архив СПБИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 7194; Письма... С. 123–124.
- ⁴⁴ Там же. Д. 7221. 1 об.
- ⁴⁵ Там же. Д. 7225 и 7226.
- ⁴⁶ Письма... С. 136–139.
- ⁴⁷ Архив СПБИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 7254 и 7256.

Н.А. Кузнецов (Москва)

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ВОДОЛАЗНОЙ И СПАСАТЕЛЬНОЙ ПАРТИИ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА – ПЕРВОГО ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ АВАРИЙНО-СПАСАТЕЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВМФ

«**В** ОДОЛАЗНОЕ дело кажется маленьким в повседневной жизни Флота, но в известных случаях от водолазов требуется серьезная и рискованная работа, и, если водолазная профессия сопряжена, подчас, с риском смерти или, по крайней мере, заболеваний при несоблюдении известных инструкций, то, следовательно, необходимо поддерживать постоянную организацию этого дела, дабы не было разрухи»¹, – писал в 1918 г. инженер-механик капитан 2 ранга В.Ф. Желиховский² (рис. 1), создатель подразделения, о котором пойдет речь в данной работе. Между тем, как на этапе становления, так и в дальнейшем (по сути, вплоть до вступления СССР во Вторую мировую войну), организация водолазного и аварийно-спасательного дела в отечественном Военно-морском флоте практически постоянно претерпевала изменения, к сожалению, не всегда приносившие пользу. Начальный этап создания этой важнейшей отрасли военно-морского дела оказался в настоящее время практически забыт историками.

Рис. 1.
В.Ф. Желиховский.
Фотография
эмигрантского периода

Традиционно (и вполне справедливо) датой рождения водолазной службы Российского флота считается 23 апреля 1882 г.³ В этот день была основана Водолазная школа в Кронштадте – уникальное учебное заведение, готовившее водолазных специалистов из числа офицеров, унтер-офицеров и нижних чинов⁴. До 1918 г. она находилась в Кронштадте, а впоследствии, в ходе Гражданской войны, неоднократно перебазировалась (в Петроград, Саратов, Вольск и Казань). В апреле 1922 г. школа вновь вернулась в Кронштадт, а с 1924 г. ее перевели в Севастополь, где включили в состав Учебного отряда Черноморского флота. Нужно отметить, что даже в тяжелых условиях Гражданской войны удалось подготовить более 200 водолазов⁵.

К началу Первой мировой войны 1914–1918 гг. система подготовки кадров военно-морских водолазов была отлажена, основные нормативные документы, регламентирующие службу, утверждены⁶. Между тем, их ведомственная подчиненность и место в организационной структуре Российского Императорского флота не были четко определены. Об этом писал В.Ф. Желиховский уже в 1918 г. в одном из своих многочисленных докладов и рапортов, направленных на улучшение деятельности водолазной службы. «Заведывание водолазной частью в бывшем Российском флоте всегда было приткнуто к таким центральным техническим органам управления, которые, не имея в своей среде специалистов водолазного и спасательного дела или хотя бы любящих и интересующихся этим делом – не могли споспешествовать прогрессу водолазной и спасательной отрасли – не было “хозяина”, некому было позаботиться, а потому и дело не развивалось. С основания некоторой организации водолазной части в бывшем Российском флоте (с 1881 г.) часть эта была сначала в ведении Минного Отдела Мор[ского] Техн[ического] Комитета, затем водолазную часть передали в Отдел Кораблестроения, и наконец она была навязана Отделу Подводного плавания, а в результате – “воз и ныне там”»⁷.

Циркуляром Главного морского штаба от 31 мая 1886 г. № 73 было предусмотрено назначение на корабль (без указания разделения по рангам) не менее трех водолазов из нижних чинов, окончивших курс в Водолазной школе. Непосредственное заведывание водолажным аппаратом возлагалось на офицера – выпускника школы, а при его отсутствии – на старшего судового механика⁸. Это был первый документ, определяющий место водолажных

специалистов на корабле. 27 марта 1888 г. было Высочайше утверждено «в виде опыта на 3 года» (в дальнейшем оно несколько раз пересматривалось и усовершенствовалось) «Положение о Водолазной школе и партии»⁹. В положении было отмечено, что «заведывающий водолазной школой во время плавания командует водолазной партией, получает название начальника партии и пользуется относительно состоящих при партии чинов, правами командира судна 3-го ранга». Плавучие средства и личный состав партии определялись программой плавания¹⁰. Хотя, как видно из документов, Водолазная партия была, прежде всего, учебным подразделением, ее личному составу постоянно приходилось принимать участие в практических водолазных работах (при поиске затонувшей броненосной лодки «Русалка», броненосца «Гангут» и в других случаях).

26 января 1905 г. из Штаба Черноморского флота и портов Черного моря в адрес командования Водолазной школы был отправлен запрос на присылку инструкций для практических занятий с водолазами во время плавания. 17 февраля начальник школы выслал имеющиеся материалы¹¹.

Тем не менее, на Черноморском флоте вопрос организации водолазной службы в течение долгого времени не был решен. Примером тому служит тот факт, что в штатном расписании должностей Севастопольского порта не было предусмотрено должности портового водолазного офицера и заведующего складом водолажных принадлежностей. Хотя статьями 14–18 «Правил по водолазному делу», утвержденных морским министром 26 апреля 1897 г., такие должности были предусмотрены¹². С 1903 г. первую из них в инициативном порядке занимал механик Пристрелочной станции капитан Е.Н. Бакин (выпускник Кронштадтской школы 1902 г.), а вторую – содержатель двора Лазаревского Адмиралтейства коллежский регистратор Ф.А. Шпакович. Феоктист Андреевич Шпакович (1879–1964) (рис. 2), один из самых известных водолазных специалистов нашей страны, стоял у истоков создания Водолазной и спасательной партии Черноморского флота и, впоследствии, знаменитого ЭПРОНа – Экспедиции подводных работ особого назначения. 10 января 1909 г. исполняющий должность главного командира Севастопольского порта капитан 1 ранга Н.С. Маньковский ходатайствовал перед морским министром о том, чтобы Шпакович начал официально исполнять должность портового водолазного

Рис. 2. Могила Ф.А. Шпаковича на кладбище в Севастополе (улица Пожарова), 2008 г. Фото автора

офицера и заведующего складом водолазных принадлежностей. Основные препятствия к этому заключались в следующем – отсутствии у Шпаковича звания водолазного офицера (в 1907 г. он окончил Водолазную школу, но не имел звания водолазного офицера, т. к. на момент окончания еще не состоял в чине¹³) и необходимости установления ему оклада по должности.

19 октября 1909 г. морской министр разрешил предоставить Шпаковичу права и преимущества водолазного офицера (без объявления об этом по морскому ведомству)¹⁴. Таким образом, первая проблема была преодолена. Главный минер порта (в ведении которого находилось с 1906 г. водолазное дело)

предлагал утвердить на должность именно Шпаковича, присвоив ему оклад по должности, которую он и так исполнял, в размере 2400 рублей в год¹⁵. Еще два года ушло на разрешение вопроса об отсутствии нужной вакансии в штатах порта. 16 декабря 1909 г. товарищ морского министра предложил сократить одну из должностей портовых содержателей, для того чтобы иметь возможность выплачивать жалование портовому водолазному офицеру¹⁶. Переписка по этому вопросу тянулась до января 1911 г. В итоге, Главный морской штаб разрешил временно (до 31 декабря 1911 г.) выдавать Шпаковичу содержание за счет остатков от сумм, ассигнуемых на содержание личного состава управления Севастопольского порта¹⁷. В 1916 г. Шпакович продолжал числиться в прежней должности – содержателя в мастерской Механической части Севастопольского порта¹⁸. Настоящая «кадровая история» приведена здесь в качестве примера неповоротливости

Морского министерства при решении проблем организации водолазной службы на Черном море.

В 1914 г. вопрос об организации подразделения аварийно-спасательной службы вновь приобрел острую актуальность. Это было связано прежде всего с начавшейся Первой мировой войной. Также необходимость создания аварийно-спасательной партии была обусловлена вступлением в строй в октябре 1911 г. первого спасательного судна Черноморского флота – буксирно-спасательного парохода «Черномор» (рис. 3), который первоначально использо-

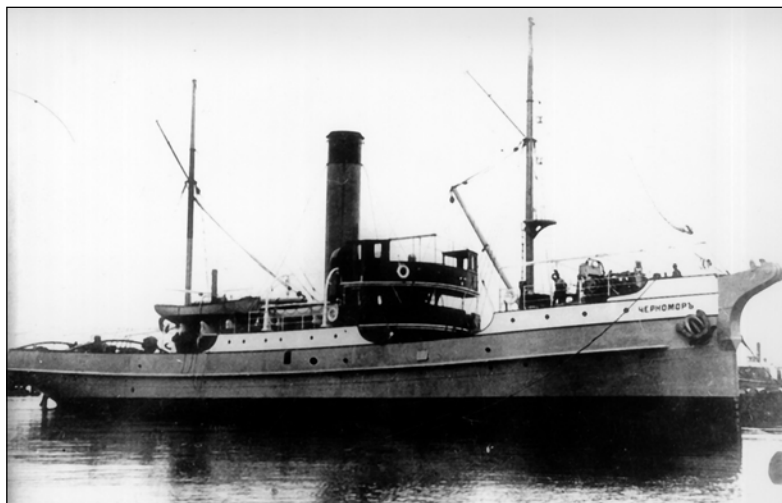

Рис. 3. Буксирно-спасательный пароход «Черномор»

вался не по своему прямому назначению, а в качестве обычного буксира¹⁹. 20 сентября 1914 г. инженер-механик капитан 2 ранга В.Ф. Желиховский – флагманский водолазный офицер Штаба командующего Черноморским флотом – подал командованию обстоятельную докладную записку, в которой обосновывал необходимость создания специального подразделения. Этот интереснейший документ, характеризующий развитие водолазного дела в Российском Императорском флоте, достоин того, чтобы быть впервые опубликованным практически в полном объеме:

«Если флоты сильнейших держав давно уже обеспечены хорошо развитыми водолазными и спасательными организациями, то, надо полагать, что это должно быть общим правилом для всех флотов.

Прискорбным исключением является наш Черноморский флот.

Флот Балтики имеет Водолазную школу и партию; там есть и специальное судно для подъема затонувших подводных лодок²⁰, да, наконец, в случае необходимости, Балтийский флот имеет возможность обратиться к услугам частных спасательных обществ (напр[имер,] Шведского, Ревельского), которые так часто работали при авариях судов Балтийского флота.

В Балтике мы видим, что ни одна работа у потерпевших аварию или затонувших судов, или вообще там, где требуются большие водолазные работы – никак не обходится без самого активного участия Водолазной школы и партии.

[...]

Вообще, если ознакомиться с деятельностью Водолазной партии Балтийского моря, то можно констатировать, что она, помимо ежегодного обучения водолазов, производит попутно и работы, ... от которых не гарантирован и наш Черноморский флот.

В прошлом и нынешнем году Водолазная партия Балтийского флота исключительно своими средствами произвела огромные водолазно-подрывные работы по углублению рейда Штандарт по желанию Государя Императора.

В деятельности Водолазной партии Балтийского флота зарегистрированы такие блестяще выполненные разнообразные командировки отдельных малых партий, как, напр[имер], к сидевшему зимой 1899 года на камнях у о[стро]ва Гогланд броненосца береговой обороны “Генерал-Адмирал Апраксин”, работы на р[еке] Волге, работы по исследованию каптажа источника Нарзан и т. п.

Если результаты работ, производимых водолазами, перевести на деньги, то получается, по словам начальника Водолазной школы и партии капитана 1-го ранга фон Шульц, весьма внушительная цифра, которая безусловно окупает затраты на водолазное дело и спасательные средства.

Все вышеизложенное, мне кажется, достаточно ясно показывает ту несомненную пользу, которую приносит Балтийскому флоту Водолазная партия.

Обратимся теперь к Черноморскому флоту.

Вспомним катастрофу с подводной лодкой “Камбала” в 1909 году. Гибель одного водолаза с первого же дня работ по подъему ее и командирование вслед за этим на работы начальника и инструкторов той же Водолазной партии Балтийского флота – все это только

указывает, что у нас не бывает (и нет до сих пор) как достаточного количества водолазов, привычных к большим глубинам, так и соответствующей организации для подобных спасательных работ²¹.

С другой стороны, присылка к нам специалистов Балтийского флота подчеркивает лишний раз то солидное положение, которое очевидно завоевала себе Водолазная партия в Балтийском флоте.

Итак, с самого начала водолазных работ на “Камбале” стало ясно, что в Черноморском флоте существует пробел, что Черноморскому флоту необходимо создать свою Водолазную и спасательную партию и тренировать водолазов постоянного ее состава, чтобы в нужный момент иметь всегда наготове кадр опытных людей этого дела, а не ожидать помощи из Балтики, в особенности, когда эта помощь должна быть подана немедленно.

В связи с обнаружившимися недочетами по снабжению флота водолазно-спасательными средствами и в частности – по вопросу о подъеме подводной лодки “Камбала”, была тогда же в 1909 г. назначена у нас в Черном море комиссия, результаты [деятельности] которой мне, к сожалению, неизвестны. Без сомнения, работа этой комиссии очень интересна, и она может оказаться весьма ценной, если только в настоящее время будет признано принципиально необходимым провести наконец в жизнь то, что до сего времени считается “необходимым” лишь на бумаге и о чем мы спохватываемся каждый раз, как только произойдет какой-либо новый печальный случай, будь то с судном, будь то с водолазом.

Взять хотя бы для примера только что погибшую к[анонерскую] лодку “Уралец”²². Разве этот случай не показал, что у нас действительно нет соответствующих спасательных средств и что вообще спасательная партия, как постоянная, стройная, специальная организация, отсутствует.

Наконец, возьмем самый обыденный случай из жизни нашего флота. В начале этой кампании потребовалось командировать водолазов на стрельбы Минной дивизии в Евпаторию. Для этого пришлось снять водолазов с боевого крейсера (“Память Меркурия”, правда, стоявшего в резерве), барказ отобрать у буксирно-спасательного портового судна, находившегося в море (“Черномор”, он был в распоряжении бригады линейных кораблей на стрельбе) и в результате водолазы, откомандированные, таким образом, в отдельную партию, оказались без руководства специального офицера. Очевидно, что такой выход из положения ненормален в смысле

организации дела и идет вразрез с требованиями водолазных инструкторов.

Все эти приведенные выше самые разнообразные случаи, подобных которым всегда можно ожидать в службе флота, заставляют немедленно и серьезно подумать о заполнении серьезного пробела в средствах, обслуживающих активный флот, – об организации самостоятельной Водолазной и спасательной партии в Черном море, тем более, что во время военных-то действий уж конечно должно ожидать всевозможных водолазно-спасательных, кессонных и подрывных работ (П[орт]-Артур), а следовательно нам необходимо немедленно к сему приготовить личный состав и средства.

Состав плавучих средств Водолазной партии планируется следующий:

1) Постоянная база водолазной партии, как блокшив для жизни части личного состава, главным образом – состава водолазных ботов партии (одно из старых малых судов, сданных к Порту).

2) Учебно-водолазное судно (матка Водолазной партии), снабженное рекомпрессионной камерой и, по крайней мере, двумя водолазными аппаратами, могущее следовать за Флотом (как спасательное судно в числе транспортов), так и ходить на минные стрельбы миноносцев. Оно, следовательно, должно быть достаточно мореходным и приспособленным для работ вдали от порта.

3) Два водолазных бота с двумя водолазными аппаратами на каждом. Бота эти обязательно должны быть моторные (15–20 сил). Ширина ботов: 12–15 фут и длина 48 ф[ут]. Самоходность водолазных ботов – положительно необходимое качество их для самостоятельного и быстрого выхода к месту работ²³. Отсутствие двигателя, например, на существующей у нас в настоящее время учебно-водолажной барже, а также недостача в порту буксирных катеров обрекает баржу эту на сравнительное бездействие, если не считать водолазных спусков с места ее стоянки у Подводного плавания (глубина до 9 саж[еней]). Между тем, эта баржа, оборудованная специально для водолазных работ на больших глубинах, теряет существенную часть своего назначения, раз нет средств для выхода ее за пределы рейда. Установить на ней двигатель – нет никакого смысла, так как баржа эта сама по себе очень ветха, а кроме того, она числится в порту, как “водоналивная” баржа, почему порт против ее переделки.

На постройку нового специального судна внесено в смету 1915 года 17 000 руб., однако эта сумма, если даже и будет ассигнована,

все же недостаточна, чтобы можно было построить судно, как матку Водолазной партии, а к тому же на это надо и время.

Полагал бы выйти из создавшегося положения назначением теперь же учебно-водолажным судном партии хотя бы портового судна “Черномор”, тем более, что судно это и числится ”водолажно-спасательным”. При постройке “Черномор” был снабжен шестью электромоторными водолажными насосами, которые в настоящее время сняты, и сам “Черномор” исполняет функции рядового буксира. Если этот пароход назначить “маткой” отдельной Водолазной партии, то спасательные качества его от этого только выиграют, и тогда он действительно будет “спасательным судном при флоте”²⁴.

Водолазная партия в составе такого судна и двух ботов, имея у себя на борту рекомпрессионную камеру, как самое радикальное средство лечения профессиональных заболеваний водолазов, может систематически и самостоятельно выходить для тренировки водолазов на больших глубинах, не ожидая тщетно, как до сего времени, присылки буксирного катера.

Под руководством специалиста такая партия будет иметь всегда хорошо тренированных водолазов и, будучи посылаема, как для общих работ всей партией, так и врозь, несомненно в нужную минуту сделает свое дело и окупит сторицею те небольшие сравнительно произведенные на нее затраты. Такая партия будет способствовать повторительным занятиям водолазов всех судов Черноморского флота, поддержанию у них необходимых знаний, работоспособности и привычки к пребыванию на большой глубине.

Несомненно, что такое разрешение вопроса улучшит, во-первых, состояние водолажного дела в нашем флоте, а во-вторых – флот будет обеспечен надежно организованной партией опытных водолазов постоянного ее состава»²⁵.

Еще одной возможной задачей Водолажно-спасательной партии Желиховский видел обеспечение ежегодного медицинского переосвидетельствования, повторительных занятий и ежегодных «испытаний» водолазов Черноморского флота (в 1915 г. их насчитывалось 107)²⁶.

По мнению Желиховского, в состав партии должны были войти следующие «специальные группы»:

- 1) Водолазная партия и водолазы Севастопольского порта.
- 2) Специальные мелкосидящие одно или два портовых судна,

снабженные сильными водоотливными средствами.

- 3) Понтонная партия с подъемными понтонами.
- 4) Кессонная партия к кессонам.
- 5) Партия переносных водоотливных средств.
- 6) Подрывная партия и партия с железискателем²⁷.

28 октября 1914 г. Желиховский подал начальству дополнение к проекту, основным содержанием которого было обоснование необходимости использования по прямому назначению спасательного парохода «Черномор». В документе вполне логично отмечался тот факт, что «Употребление сравнительно дорого стоящего специального водолазно-спасательного судна в роли рядового буксира очевидно ненормально и слишком не экономично. Рациональнее будет, если предоставить “Черномору” нести службу по своему прямому назначению – предоставить его исключительно под отдельную водолазную спасательную партию»²⁸.

Здравые и более чем своевременные предложения Желиховского были услышаны, и уже 10 ноября 1914 г. приказом командующего Черноморского флота адмирала А.А. Эбергарда № 868 была создана водолазная и спасательная партия (рис. 4),

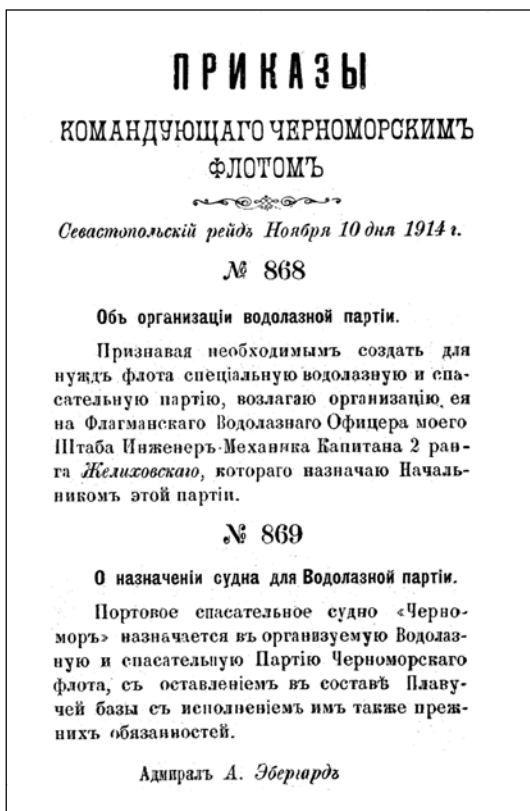

Рис. 4. Приказ о создании Водолазной и спасательной партии Черноморского флота

а Желиховский назначен ее начальником. Приказом № 869 от того же числа спасательный буксир «Черномор» был назначен в состав партии.

Приказом командующего Черноморского флота № 46 от 21 января 1915 г. было объявлено утвержденное 10 января 1915 г. (на период войны) «Положение о водолазной и спасательной партии Черноморского флота»²⁹. Основной ее задачей было: «...обслуживать флот всевозможными водолазными и спасательными работами и способствовать поддержанию соответствующих знаний у всех судовых водолазов». В случае необходимости данное подразделение также должно было готовить кадры водолазов³⁰.

В состав партии, помимо «Черномора», входили два водолазных моторных бота, база-блокшив (бывший плавучий маяк), две шлюпки («двойка» и «шестерка»), впоследствии в распоряжение партии был передан блокшив «Гонец» (бывший транспорт, сданный к порту в 1906 г.)³¹ (рис. 5).

Нижним чинам постоянного состава партии были присвоены ленты на матросские фуражки («бескозырки») с надписью: «Водолаз. и Спасат. Партия»³².

В годы Первой мировой войны на долю моряков и водолазов партии выпало немало трудных операций, вошедших в летопись аварийно-спасательной службы. Не останавливаясь подробно на рассмотрении каждой из них (тем более что многие из них описаны в литературе³³), назовем главнейшие: подъем турецкого крейсера «Меджидие», подорвавшегося на минах 21 марта 1915 г. недалеко от Одессы (25 марта – 26 мая 1915 г.) (рис. 6); снятие выскользившего на мель в районе Евпаторийской косы транспорта «Сухум» (29 февраля – 2 марта 1916 г.); снятие с мели недалеко от маяка Тарханкут

Рис. 6. Ф.А. Шпакович (в фуражке) во время работ на крейсере «Меджидие»

транспорта № 97 (21–23 августа 1916 г.); оказание помощи подорвавшемуся на минах в Констанце эсминцу «Беспокойный» (28 августа – 6 сентября 1916 г.); участие в работах на затонувшем в результате взрыва на севастопольском рейде 7 октября линкоре «Императрица Мария» (7–31 октября 1916 г.); снятие с мели в районе евпаторийского маяка транспорта «Констанца» (14–16 ноября 1916 г.); снятие с мели у мыса Большой Фонтан транспорта № 109 (1–7 декабря 1916 г.) и другие.

Успешная с самого начала деятельность Водолазной и спасательной партии и огромный энтузиазм ее начальника обратили на себя внимание командующего Черноморским флотом, который в сентябре 1915 г. писал морскому министру адмиралу И.К. Григоровичу: «Считая ... деятельность и назначение партии, оборудованной уже многими ценными приспособлениями и принадлежностями специально для глубоководных водолазных и спасательных работ, весьма полезными и необходимыми для флота не только в военное, но и в мирное время, прошу Ваше Высокопревосходительство об утверждении прилагаемого при сем “Положения о Водолазной и спасательной партии Черноморского флота” и на мирное время, с внесением в таблицу комплектации и в программу плавания указанных в этом “Положении” чинов и плавучих средств»³⁴. Скорее всего, новое положение утверждено не было, во всяком случае документальных подтверждений об этом не обнаружено.

Так как опыт деятельности Водолазной и спасательной партии на Черном море оказался положительным, то спустя полтора года аналогичные подразделения были созданы на Балтике и на Белом море – секретным приказом начальника Морского штаба Верховного главнокомандующего от 9 июля 1916 г. была создана Спасательная партия Балтийского моря. Секретным приказом морского министра по управлению Беломорским и Мурманским районами от 15 июля 1916 г. была организована Спасательная партия Белого моря³⁵.

К февралю 1917 г. «Положение о водолазной и спасательной партии Черноморского флота» было пересмотрено. Планируемые изменения касались, прежде всего, личного состава парохода «Черномор». Предполагалось заменить вольнонаемный личный состав военным, при условии, что служащие на «Черноморе» гражданские чины останутся на нем и в дальнейшем, до тех пор, пока сами не поменяют место службы или не получат повышения. По мнению

Желиховского, наибольшее значение имела замена военнослужащими не административного состава, а команды, т. к. совместная служба военных и гражданских лиц порождала некоторые неудобства «в столовом и дисциплинарном смыслах». Из-за малых, по сравнению с другими транспортами, окладов содержания было трудно найти новых специалистов в случае необходимости замены, а кроме того, команда «Черномора» должна была постоянно находиться в часовой готовности (в отличие от других плавсредств, где служба осуществлялась в две смены). Недостающих по штату вольнонаемных специалистов (в первую очередь водолазов и кочегаров) приходилось заменять нижними чинами срочной службы. Также Желиховский предполагал увеличить штат личного состава «Черномора» одним радиотелеграфистом и одним фельдшером³⁶. К марту 1917 г. был подготовлен новый вариант «Положения», который, впрочем, утвержден не был (скорее всего, из-за начавшихся революционных событий)³⁷.

С началом развала России и ее вооруженных сил в 1917 г. командование уделяло значительно меньше внимания столь важной отрасли Военно-морского флота, как водолазное дело. Примером тому служит тот факт, что в новых штатах Штаба Черноморского флота, объявленных в приказе начальника Морского штаба Верховного главнокомандующего от 1 января 1917 г., отсутствовала должность флагманского водолазного офицера флота. По мнению Желиховского, она «...была пропущена, вероятно, не по причине ненужности, а лишь случайно...»³⁸. Понадобился почти год усилий и активной переписки для того, чтобы эта должность была восстановлена. Это произошло 20 октября 1917 г. (приказание командующего Черноморским флотом № 4408)³⁹. 5 ноября 1917 г. В.Ф. Желиховский вступил в должность флагманского водолазного офицера Черноморского флота, сдав командование Водолазной и спасательной партией капитану 2 ранга Н.И. Штернфельс⁴⁰.

С этого момента можно говорить о «закате» деятельности Водолазной и спасательной партии Черноморского флота, связанном с событиями военно-политической обстановки. Последние попытки возродить работу партии В.Ф. Желиховский предпринимал в 1918 г. В этот период значительная часть кораблей, судов и частей Черноморского флота формально принадлежала Украинской державе – государственному образованию, существовавшему в апреле – декабре 1918 г., которое возглавлял гетман П.П. Скоропадский.

23 октября 1918 г. капитан 1 ранга В.Ф. Желиховский (в этот чин он был произведен 3 июня 1918 г., а ранее – 15 апреля 1917 г. из инженер-механиков его перевели в строевой состав флота⁴¹), занимавший должность водолазного офицера Технической части штаба официального представителя морского министра Украинской державы в Крыму, подал официальному представителю обширную докладную записку о состоянии и перспективах развития водолазного дела на Черноморском флоте. В докладе была сделана попытка обосновать необходимость создания Водолазно-спасательного отделения при Технической части Морского министерства, а также Водолазной школы, либо должности флагманского специалиста водолазной и спасательной специальности. Водолазную и спасательную партию предполагалось создать в Одессе, как базе украинского флота⁴². Но, в условиях Гражданской войны недолго просуществовавшему украинскому флоту было не до систематической организации водолазного дела, поэтому планы, предложенные Желиховским, реализованы не были. Сам же он уехал в Польшу, где 25 марта 1919 г. начал службу в составе создающегося польского ВМФ⁴³.

История отечественной аварийно-спасательной службы в период Гражданской войны и в последующее время – отдельный этап в развитии этой отрасли Военно-морского флота. Рассмотрев начальный период ее становления, хотелось бы отметить тот факт, что дата создания Водолазной и спасательной партии Черноморского флота, на наш взгляд, является, по сути, датой рождения именно аварийно-спасательной службы Российского Военно-морского флота в целом. Начиная с 2002 г. 5 мая в России отмечается День водолаза – праздник, приуроченный к юбилею создания Кронштадтской водолазной школы. Между тем, военные и гражданские морские спасатели имеют разные мнения о точной дате рождения отечественной аварийно-спасательной службы. Так, в официальном труде «Спасатели военно-морского флота», выпущенном в 1996 г., говорится о том, что «5.01.1921 г. был издан декрет Совета Народных Комиссаров (СНК), по которому все судоподъемные средства передавались в ведение Наркомата по морским делам, а личный состав, занятый судоподъемными работами, считался состоящим на военной службе. Этот день является днем рождения ныне существующего Управления поисковых и аварийно-спасательных работ ВМФ, родоначальником которого была организованная в 1923 г.

Экспедиция подводных работ особого назначения (ЭПРОН)⁴⁴. В статье, посвященной юбилею Морской аварийно-спасательной службы, действующей в настоящее время в системе Росморречфлота, автор пишет: «17 декабря 1923 г. была создана Экспедиция подводных работ особого назначения (ЭПРОН) в составе Наркомата путей сообщения Советской России. Эта дата отмечается всеми морскими спасателями нашей страны»⁴⁵.

Между тем, опираясь на исторические документы, в т. ч. процитированные в настоящей работе, днем рождения аварийно-спасательной службы Российского флота вполне можно считать 10 (23) ноября – это дата создания Водолазной и спасательной партии Черноморского флота. На наш взгляд, предстоящий вековой юбилей этого события достоин того, чтобы его отметить, если не в общефлотском масштабе, то хотя бы на уровне Черноморского флота Российской Федерации.

¹ Российский государственный архив Военно-Морского флота (РГА ВМФ). Ф. 609. Оп. 3. Д. 424. Л. 52.

² Витольд Фаддевич Желиховский (1879–1968) – выдающийся офицер, внесший значительный вклад в развитие водолазного дела в России и создавший водолазное дело в независимой Польше. Его биография еще должна занять свое достойное место в истории отечественного флота.

³ Все даты, относящиеся к периоду до 1918 г., приводятся по старому стилю.

⁴ Есинов Н.А. Материалы к историческому очерку 25-летия Водолазной школы 1882–1907 гг. Кронштадт, 1907. С. 9.

⁵ Спасатели Военно-морского флота. М., 1996. С. 29.

⁶ К 1917 г. ими были: глава «О водолазах» Морского устава издания 1914 г. (Свод морских постановлений. Книга десятая. Морской устав. Издание 1914 года. Пг., 1914); книга тринадцатая Свода морских постановлений, регламентирующая довольствие водолазных специалистов и «Правила по водолазному делу», изданные в 1897 г. (РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 3. Д. 424. Л. 93).

⁷ РГА ВМФ. Ф. р-338. Оп. 1. Д. 101. Л. 11об.

⁸ Есинов Н.А. Указ. соч. С. 127–128.

⁹ Там же. С. 153 – 161.

¹⁰ Там же. С. 158.

¹¹ Там же. С. 355–356.

¹² РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2776. Л. 2.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Л. 5.

¹⁵ Там же. Л. 2об.

¹⁶ Там же. Л. 11.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Список личного состава судов флота, строевых и административных учреждений Морского ведомства. Пг., 1916. С. 800.

- ¹⁹ Подробнее см.: Кузнецов Н.А. Удивительная судьба спасательного буксира «Черномор» // Морской сборник. 2009. № 7. С. 67–76.
- ²⁰ Спасательное судно «Волхов» (с 1922 г. – «Коммуна») было заложено в 1912 г., в 1915 г. вступило в строй. С 1967 г. по настоящее время входит в состав Черноморского флота.
- ²¹ Подводная лодка «Камбала» погибла 29 мая 1909 г. во время выполнения учебной атаки в ходе маневров, будучи протараненной эскадренным броненосцем «Ростислав».
- ²² Канонерская лодка «Уралец» погибла 18 ноября 1913 г., возвращаясь из Средиземного моря, налетев на скалы вблизи Круглой бухты.
- ²³ Помимо указанных плавсредств В.Ф. Желиховский предлагал также включить в состав партии две малых шлюпки: двойку и моторную четверку (РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 402. Л. 69–71об.).
- ²⁴ Помимо собственно водолазно-спасательного судна, автор проекта предлагал «...взять под учебно-водолазное судно сразу побольше «Черномора» – какое-нибудь небольшое из взятых по реквизиции или захваченных как приз (2000–3000 тонн)» (Там же. Л. 72об.).
- ²⁵ Там же. Л. 69–71об.
- ²⁶ Там же. Л. 72.
- ²⁷ Там же. Л. 73.
- ²⁸ Там же. Л. 74об., 75.
- ²⁹ Там же. Оп. 3. Д. 411. Л. 33–36об.
- ³⁰ Там же. Л. 34.
- ³¹ Там же. Л. 35–35об.
- ³² Там же. Л. 36об.
- ³³ См., например: Шпакович Ф.А. Подъем турецкого крейсера «Меджидие» // ЭПРОН. 1936. № XVI–XVIII. С. 235–236. Перепечатано: Флотомастер. 2006. № 3. С. 24–33; Пузыревский К.П. Повреждения кораблей, борьба за живучесть и спасательные работы. М.-Л., 1942; СПб., 2001 и др.
- ³⁴ РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 3. Д. 411. Л. 56.
- ³⁵ Там же. Д. 424. Л. 51.
- ³⁶ Там же. Д. 411. Л. 103.
- ³⁷ Там же. Л. 106–117об.
- ³⁸ Там же. Д. 424. Л. 281–281об.
- ³⁹ Там же. Л. 97.
- ⁴⁰ Там же. Л. 108.
- ⁴¹ Там же. Ф. р-338. Оп. 1. Д. 101. Л. 7.
- ⁴² Там же. Л. 11–18об.
- ⁴³ Kadry Morskie Rzeczypospolitej. T. II, Polska Marynarka Wojenna. Cz. I, Korpus oficerów 1918–1947. Gdynia, 1996. P. 528.
- ⁴⁴ Спасатели Военно-морского флота. С. 3.
- ⁴⁵ Карев В. Морской аварийно-спасательной службе России – 50 лет // Морской флот. 2007. № 1. С. 13.

А. Н. Кулинский (Санкт-Петербург)

ТУРКЕСТАНСКИЕ ГЕНЕРАЛЫ- АДМИНИСТРАТОРЫ И ИХ КОЛЛЕКЦИИ (СЕРЕДИНА XIX ВЕКА – 1917 ГОД)

В ДАННОЙ статье представлены очередные результаты исследований по истории частных коллекций оружия в дореволюционной России, публикация которых была начата отдельной книгой в 2004 г. и затем продолжена несколькими статьями в 2005–2010 гг.¹ Основная задача этих исследований – составление по возможности максимально полного биобиблиографического словаря-справочника коллекционеров и владельцев частных собраний оружия в Российской империи. В 2004 г. такой словарь насчитывал около 240 фамилий, в настоящее время автор располагает сведениями более чем о 1200 частных коллекциях оружия. Кроме того, постоянно пополняется своего рода «резервная» база данных, в которую включаются персоналии, чья собирательская деятельность в этой специфической сфере коллекционирования или наличие у них собраний оружия пока не имеет достаточного подтверждения.

При выявлении такого количества новых имен и сведений невозможно обойти вниманием историю освоения азиатских окраин Российской империи. На этот раз мы обратимся к Туркестану², с которым связаны биографии многих русских офицеров и генералов. Среди них были и те, кто оставил свой след в истории русских частных оружейных собраний.

Это были, во-первых, пионеры-первопроходцы, разведчики и следопыты – словом, все те, кого мы относим к путешественникам и исследователям и, с не меньшим основанием, к русским военным востоковедам. Для них приборы для астрономических наблюдений и топографической съемки были такой же неотъемлемой частью снаряжения, как винтовка, револьвер и шашка. Выполняя в

длительных опасных экспедициях секретные задания военного ведомства, они одновременно собирали этнографические, археологические, энтомологические, зоологические и другие коллекции, которые впоследствии передавали в музеи или научные общества. Некоторые военные востоковеды за годы службы на Востоке составили большие личные коллекции, в том числе и оружейные.

Оружие собирали также боевые офицеры и генералы. Они служили на командных должностях и не имели отношения к управленческим структурам окраинных территорий. Не получив специального военно-востоковедческого образования, некоторые из них, в силу продолжительной и специфической службы на азиатских окраинах России, были все же в той или иной степени вовлечены в процесс изучения Востока. За долгие годы службы в Средней Азии (и на Кавказе), участия в военных действиях и боевых походах у них складывались коллекции трофейного оружия, иногда весьма внушительные.

Наконец, оружейные собрания, формировавшиеся особым образом (на что, собственно, и хотелось обратить внимание этой публикацией), имелись у некоторых генералов, которые руководили военной администрацией в Туркестане.

Разумеется, границы между этими группами весьма условны. Многие военные администраторы Туркестана имели богатый опыт участия в экспедициях и военных походах, в кампаниях 1853–1856 и 1877–1878 гг., неоднократно командировались в зарубежные страны Востока с разведывательными целями. Их оружейные (и не только) коллекции закладывались уже тогда. Впоследствии, когда они занимали в крае высокие должности, восточное оружие попадало к ним вместе с другими дарами и подношениями, составлявшими так называемое *силяу* – неотъемлемую часть азиатской культуры взаимоотношений.

Известнейший русский военный востоковед М.А. Терентьев в своей монографии «Россия и Англия в Средней Азии» (СПб., 1875) посвятил целую главу *силяу* как «азиатской культуре подношений», всячески подчеркивая важность этой процедуры.

Обмен подарками (ковры, породистые скакуны, оружие, дорогие материи, ювелирные изделия) был обязательной частью дипломатического протокола, а их ценность служила мерилom и уважения, и страха.

После установления российского протектората над Бухарским эмиратом в 1868 г. эмир, его родичи и сановники постоянно делали подношения членам российской императорской фамилии, высшим чиновникам, а также руководству администрации среднеазиатских владений России – в первую очередь, Туркестанского генерал-губернаторства. Богатые подношения (например, оружие, украшенное драгоценными металлами и камнями) самими бухарскими правителями воспринимались как знак уважения и подчинения вышестоящему монарху и вместе с тем как символ собственной значимости и богатства.

Русские сановники, в свою очередь, были вынуждены делать ответные дары не менее ценные, чем получали: стоимость ответного подарка символизировала степень могущества и богатства российского государя, которого представляла имперская администрация в Средней Азии. Кроме того, ценный подарок от имени государя или туркестанского генерал-губернатора означал также и признание высокого статуса бухарского эмира или хивинского хана в глазах их собственных подданных – а сильная власть местного правителя означала спокойствие в регионе и, соответственно, отсутствие проблем для российского правления.

На подарки, прием и содержание послов туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман, например, получал из казны 35 тыс. рублей, но этой суммы явно не хватало на покрытие действительных расходов по этим статьям. Поэтому генерал-губернатор вынужден был даже «передаривать» гостям какие-то вещи, полученные от других, или пускать их в продажу, чтобы на вырученные деньги приобретать на месте необходимые для ответных подарков ценные предметы³.

С этой же проблемой сталкивались и губернаторы областей, а также, вероятно, их предшественники в более ранний период становления военной администрации в крае (1840-е – 1860-е гг.). И все же все одариваемые имели возможность какие-то особо понравившиеся предметы оставить себе. Для военного человека вполне естественным было в таких случаях оставить на память подаренное оружие, пусть даже и не самое дорогое.

Впрочем, одариваемые генералы иногда оставляли себе и другие подарки, иногда очень дорогие, и даже деньги! Разумеется, при этом они чувствовали себя обязанными совершить какие-либо действия в пользу дарителей, которые при каждой встрече старались вручить

богатые подношения, а затем постоянно требовали каких-либо уступок или административных решений в свою пользу.

Да, воспоминания современников сохранили для нас свидетельства не самых бескорыстных поступков некоторых представителей русской военной администрации в Туркестане. Вот что писал генерал М.В. Грулев об «антикоррупционной» деятельности туркестанского генерал-губернатора С.М. Духовского:

«Зная меня еще по моей службе на Амуре, Духовской вызвал меня из Ташкента в Петербург. Находясь еще в Петербурге, новый генерал-губернатор начал управление Туркестанским краем до некоторой степени самоотверженным актом: мне приказано было составить всеподданнейший доклад, что генерал-губернатор полагает необходимым раз навсегда отменить традиционные подарки бухарского эмира вновь прибывающим генерал-губернаторам.

Дело в том, что эти скандальные подарки, воспетые в саркастической прозе и стихах, иллюстрированные даже в юмористической живописи, имеют свою очень пикантную историю. В Туркестане по рукам ходила серия юмористических рисунков, в которых изображено было, как предшественник Вревского, генерал Розенбах, со своей свитой, этими традиционными подарками чуть ли не догола обрали эмира; одному из адъютантов ничего не досталось, и он тянет с эмира штаны. Вот, зная эти толки и пересуды, Духовской и хотел с первого шага проявить самоотверженное бескорыстие. Мой доклад был одобрен. Акт бескорыстия оценен в высших сферах. Высочайшим повелением подарки были отменены.

Здесь я вынужден, для цельности рассказа, перескочить немного через события и довести этот эпизод с подарками до финала. По прибытии в край, при торжественной встрече Духовского бухарским эмиром, этот последний во время «досторхана» (угощения) просил принять заготовленные подарки: богатые ковры, шелковые материи и прочее, что было сначала отклонено генерал-губернатором; но когда в свите узнали, что среди подарков имеется для жены Духовского очень ценное жемчужное ожерелье, то он, под влиянием, вероятно, своей супруги, раскаялся в своем опрометчивом бескорыстии и послал телеграмму военному министру Куропаткину, что эмир настаивает на принятии подарков, что отказ в их принятии, по утверждению эмира, будет для него оскорблением в глазах его подданных, так как это будет толковаться как немилость со стороны генерал-губернатора, и проч. Ответ Куропаткина был краток

и внушительен: «считаю неудобным входить с новым докладом по состоявшемуся уже высочайшему повелению». Духовской повторил свое ходатайство, обещая передать подарки в благотворительные учреждения, и затем, не дожидаясь ответа из Петербурга, распорядился о принятии подарков. Кое-что было действительно передано в благотворительные учреждения из того, что «на тебе, боже»; но ожерелье и лучшие ковры были направлены по старой традиционной дорожке»⁴.

Генерал М.Г. Черняев, личная порядочность которого, при всей противоречивости оценок его административной деятельности, никогда и никем не ставилась под сомнение, в короткий период пребывания в должности туркестанского генерал-губернатора (с мая 1882 г. по 1 января 1884 г.) успел провести ряд преобразований, которые затронули личные интересы многих любителей «принимать подарки». Некоторые чиновники лишились доходных должностей, поскольку по отношению к фактам взяточничества и коррупции Черняев был бескомпромиссным. В частности, он категорически выступил против назначения начальником штаба Туркестанского военного округа генерал-майора В.Н. Троицкого, бывшего военного губернатора Сырдарьинской области, запятнавшего честь пристрастием к денежным подношениям; по настоянию Черняева Троицкий уехал из Туркестана⁵.

Оставляя необычайно актуальную в наши дни тему борьбы с коррупцией, попробуем определить круг туркестанских военных администраторов – потенциальных владельцев оружейных собраний, но прежде необходимо дать краткую историко-географическую справку.

В состав Туркестана как историко-географического региона Центральной Азии в XIX – начале XX вв. входили территории современных Узбекистана, Туркмении, Таджикистана, Киргизии и Казахстана (южной его части), Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая, а также тюркоязычные регионы юга Сибири, север Афганистана и Ирана. Во второй половине XIX в. Туркестан условно делили на Западный (русский), Восточный (китайский) и Южный (северная часть Афганистана и Ирана).

Под историко-географическим названием «Туркестан» в Российской империи обычно подразумевали Западный Туркестан, вернее только три его области: Самаркандскую, Ферганскую и Сырдарьинскую. Но весь Туркестанский край (официальное название с

1886 г.) к началу XX в. включал пять областей, расположенных одна за другой к востоку от Каспийского моря по границе Российской империи с Персией, Афганистаном и Китаем, а именно: Закаспийскую (с 1897 г., ранее в Кавказском генерал-губернаторстве; центр – Ашхабад), Самаркандскую (центр – Самарканд), Ферганскую (центр – Коканд), Сырдарьинскую (центр – Ташкент, резиденция генерал-губернатора) и Семиреченскую (в 1867–1882 и с 1899 г.; центр – Верный), а также Бухарское и Хивинское ханства.

В более широком смысле Среднеазиатские владения империи включали в себя также Акмолинскую, Семипалатинскую, Тургайскую и Уральскую области; сегодня это территория Республики Казахстан. Эти области никогда не входили в состав Туркестанского генерал-губернаторства, но с ними в той или иной степени были связаны биографии некоторых персон, которые упоминаются в статье.

Непосредственное завоевание территории будущего Туркестанского генерал-губернаторства началось с захвата в 1847 г. устья Сырдарьи, где было построено Раимское (с 1851 г. Аральское) укрепление. В 1853 г. была взята кокандская крепость Ак-Мечеть, и на ее месте построено укрепление Форт Перовский, которое вместе с фортами № 1 (урочище Казала), № 2 (урочище Кармакчи), № 3 (урочище Куван-Дарья) и укреплением Джулек составили Сырдарьинскую линию на южных рубежах Оренбургского генерал-губернаторства. В 1855 г. Аральское укрепление было упразднено, его личный состав был переведен в форт № 1.

Управление командующего Сырдарьинской линией, сформированное в июле 1854 г., было переименовано в декабре 1861 г. в Управление Сырдарьинской линией, которое было упразднено в марте 1865 г. в связи с образованием Военного управления Туркестанской области.

В начале 1864 г. была создана Ново-Кокандская линия, подчинявшаяся Западно-Сибирскому генерал-губернаторству. В нее входили города Туркестан и Аулие-Ата, а также укрепления Мерке и Токмак. Начальником Ново-Кокандской линии был назначен Михаил Григорьевич Черняев, настоящий профессионал степной пограничной войны.

В феврале 1865 г. из территорий Сырдарьинской, Ново-Кокандской линий и завоеванных частей Кокандского ханства была образована Туркестанская область, находившаяся в подчинении

оренбургского генерал-губернатора. В 1866 г. к ней были присоединены только что занятые русскими войсками Ташкент, Ходжент и Зачирчикский край.

11 июля 1867 г. император Александр II одобрил Положение об образовании из земель «Туркестанской области, Ташкентского района, земель, занятых в 1866 году за Сыр-Дарьею, и части Семипалатинской области, лежащей к югу от Тарбагатайского хребта» особого Туркестанского генерал-губернаторства в составе двух областей – Сырдарьинской и Семиреченской, с подчинением края в порядке высшего административного управления военному министерству. Одновременно был создан Туркестанский военный округ, командующим которым был генерал-губернатор.

В 1868 г. на землях генерал-губернаторства к югу от Ташкента был образован Зеравшанский округ, в январе 1887 г. преобразованный в Самаркандскую область. В 1876 г. из земель захваченного Кокандского ханства образована Ферганская область. В 1897 г. в состав Туркестана была включена образованная в 1881 г. и подчинявшаяся до этого Кавказскому генерал-губернаторству Закаспийская область. С 1886 г. генерал-губернаторство официально называлось Туркестанским краем.

Приведем списки военных администраторов в крае с середины XIX в. до 1917 г., в том числе и высшей оренбургской администрации, поскольку до 1867 г. дела, связанные со Средней Азией, находились в ее ведении.

Оренбургские военные губернаторы:

1833–1842 – генерал-майор Перовский Василий Алексеевич

1842–1851 – генерал-лейтенант Обручев Владимир Афанасьевич

Оренбургские и самарские генерал-губернаторы:

1851–1857 – генерал от инфантерии Перовский Василий Алексеевич

1857–1860 – генерал-лейтенант Катенин Александр Андреевич

1860–1865 – генерал от артиллерии Безак Александр Павлович

Оренбургский генерал-губернатор:

1865–1881 – генерал от артиллерии Крыжановский Николай Андреевич

Командующие Сырдарьинской линией:

1856–1857 – генерал-майор барон Фитингоф Александр Максимович

Туркестанские генералы-администраторы и их коллекции (сер. XIX в. – 1917 г.)

1857–1859 – генерал-лейтенант Данзас Александр Логинович

1859–1862 – генерал-лейтенант Дебу Александр Осипович

1862–1865 – полковник Веревкин Николай Александрович

Начальники Туркестанской области:

1865–1866 – генерал-майор Черняев Михаил Григорьевич, фактически до 31.03.1866, когда был отозван в СПб.

1866–1867 – Романовский Дмитрий Ильич

1867 – Головачев Николай Никитич

Туркестанские генерал-губернаторы и командующие войсками Туркестанского военного округа:

1867–1882 – фон Кауфман Константин Петрович, фактически до 25.03.1881, когда его разбил инсульт и полный паралич.

21.03.1881–1.07.1882 – Колпаковский Герасим Алексеевич, временно исполнял дела генерал-губернатора.

25.05.1882–1884 – Черняев Михаил Григорьевич, фактически прибыл в Ташкент и принял дела 5.10.1882 и убыл из Ташкента в Петербург в январе 1884.

1884–1889 – фон Розенбах Николай Оттонович

1889–1898 – Вревский Александр Борисович

1898–1901 – Духовской Сергей Михайлович

1901–1904 – Иванов Николай Александрович

1904–1905 – Тевяшев Николай Николаевич

1905–1906 – Субботич Деан Иванович

Август – декабрь 1906 – Мациевский Евгений Осипович, временно исполнял дела генерал-губернатора.

1906–1908 – Гродеков Николай Иванович

1908–1909 – Мищенко Павел Иванович

1909–1914 – Самсонов Александр Васильевич

1914–1916 – Мартсон Федор Владимирович

1916–1917 – Куропаткин Алексей Николаевич

Правители (с 1887 г. управляющие) канцелярии туркестанского генерал-губернатора:

1867–1869 – генерал-майор Гейнс Александр Константинович

1869–1877 – генерал-майор Гомзин Андрей Иванович

1877–1881 – действительный статский советник Каблуков Платон Петрович

1881–1883 – статский советник Щербинский Николай Степанович

1883–1899 – Несторовский Константин Александрович; дослу-

жился в этой должности с чина коллежского советника до тайного советника

1899–1901 – действительный статский советник Бродовский Михаил Иванович

1901–1906 – тайный советник Федоров Георгий Павлович

1906–1911 – полковник, затем генерал-майор Мустафин Владимир Андреевич

1911–1917 – статский советник, затем действительный статский советник Ефремов Николай Васильевич

Военные губернаторы Сырдарьинской области:

1867–1877 – генерал-лейтенант Головачев Николай Никитович

1878–1883 – генерал-лейтенант Троцкий Виталий Николаевич

1883–1892 – генерал-лейтенант Гродеков Николай Иванович

1892–1905 – генерал-лейтенант Корольков Николай Иванович

1905–1906 – генерал-лейтенант Федотов Иван Иванович

1906–1911 – генерал-лейтенант Романов Михаил Яковлевич

1911–1917 – генерал-лейтенант Галкин Александр Семенович

Начальники Зеравшанского округа, с 1887 г. военные губернаторы Самаркандской области:

1868–1877 – полковник, затем генерал-майор Абрамов Александр Константинович

1877–1883 – генерал-майор Иванов Николай Александрович

1883–1891 – генерал-майор, затем генерал-лейтенант Яфимович Александр Михайлович

1891–1897 – генерал-лейтенант Ростовцев Николай Яковлевич

1897–1899 – генерал-майор Федоров Яков Дмитриевич

1899–1905 – генерал-лейтенант Мединский Виктор Юлианович

1905–1908 – генерал-майор Гескет Сергей Данилович

1908–1911 – генерал-лейтенант Галкин Александр Семенович

1911–1914 – генерал-лейтенант Одишелидзе Илья Зурабович

1914–1917 – генерал-майор Лыкошин Нил Сергеевич

Военные губернаторы Ферганской области:

1876–1877 – генерал-майор Скобелев Михаил Дмитриевич

1877–1883 – генерал-лейтенант Абрамов Александр Константинович

1883–1887 – генерал-майор Иванов Николай Александрович

1887–1893 – генерал-лейтенант Корольков Николай Иванович

1893–1898 – генерал-лейтенант Повало-Швейковский Александр Николаевич

1898–1901 – генерал-майор Чайковский Андрей Петрович

1901–1904 – генерал-майор Арендаренко Георгий Алексеевич

1904–1907 – генерал-майор Покотило Василий Иванович

1907–1911 – генерал-лейтенант Сусанин Владимир Николаевич

1911–1917 – генерал-лейтенант Гишпиус Александр Иванович

Военные губернаторы Семиреченской области (в 1882–1899 гг. в составе Степного генерал-губернаторства):

1867–1882 – генерал-майор, затем генерал-лейтенант Колпаковский Герасим Алексеевич

1882–1887 – генерал-майор Фриде Алексей Яковлевич

1887–1890 – генерал-майор, затем генерал-лейтенант Иванов Григорий Иванович

1890–1907 – генерал-лейтенант Ионов Михаил Ефремович

1907–1908 – генерал-лейтенант Покотило Василий Иванович

1908–1917 – генерал-лейтенант Фольбаум Михаил Александрович

Начальники, с 1901 г. военные губернаторы Закаспийской области (в составе Туркестана с 1897 г., ранее в Кавказском генерал-губернаторстве):

1881–1883 – генерал-лейтенант Рербург Петр Федорович

1883–1890 – генерал-лейтенант Комаров Александр Виссарионович

1890–1898 – генерал-лейтенант Куропаткин Алексей Николаевич

1898–1901 – генерал-лейтенант Боголюбов Андрей Андреевич

1901–1902 – генерал-лейтенант Субботич Деан Иванович

1902–1905 – генерал-лейтенант Усаковский Евгений Евгеньевич

1905–1908 – генерал-майор Косаговский Владимир Андреевич

1908–1911 – генерал-лейтенант Евреинов Михаил Дмитриевич

1911–1913 – генерал-лейтенант Шостак Федор Александрович

1913–1916 – генерал-лейтенант Леш Леонид Вильгельмович

Первый туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман был наделен неограниченными полномочиями «к решению всяких политических, пограничных и торговых дел» и даже «к ведению переговоров и подписанию трактатов» с другими странами. Недаром

местные жители дали ему прозвище «ярим-подшо» – «полуцарь». Как писал один из российских публицистов конца XIX в., «генерал-губернатор олицетворял власть единую и сильную, входившую во все интересы текущей жизни и потому хорошо понятную туземцам, десятки веков жившим в принципах автократического правления»⁶. Надо ли говорить, насколько были заинтересованы в налаживании с ним хороших отношений посланцы правителей Хивы и Бухары, представители местной знати, крупного купечества, дипломатические агенты сопредельных государств.

Центральным исполнительным органом являлась генерал-губернаторская канцелярия, имевшая очень большое влияние (особенно ее руководитель) на жизнь в крае. Это отмечал в своих воспоминаниях Г.П. Федоров, прослуживший в Туркестане около 40 лет, возглавлявший канцелярию генерал-губернатора в 1901–1906 гг.: «При том огромном значении, при той власти, которыми обладал, особенно первые годы, генерал-губернатор, канцелярия, как его единственный в крае орган, всегда имела очень большое значение. Через канцелярию проходили все предначертания начальников края; в ней разрабатывались все законодательные проекты; через нее проходили огромные денежные суммы»⁷. Т. о., правители, с 1887 г. управляющие канцелярией туркестанского генерал-губернатора, безусловно, должны были находиться «в зоне особого внимания» дарителей. Эту должность могли занимать как военные, так и лица, состоявшие на гражданской службе, но имевшие чин по Табели о рангах не ниже VI-го класса, т. е. коллежского советника, соответствующего чину полковника.

Наконец, местным элитам надо было выстраивать отношения с руководителями региональных администраций – военными губернаторами областей, одновременно являвшимися командующими войсками, наделенными еще и полицейскими, и судебными функциями. Они также нередко получали подарки, так сказать, «по чину», и среди даров наверняка присутствовало оружие.

В 1886 г. было принято новое «Положение об управлении Туркестанским краем», которое вывело из-под контроля туркестанского генерал-губернатора судебное, финансовое, контрольное, учебное и почтово-телеграфное ведомства. Остальные министерские структуры взаимодействовали с центральными органами в Санкт-Петербурге через канцелярию генерал-губернатора. Но начальникам учреждений, образованных позднее утверждения Положения 1886 г.,

разрешалось вступать в непосредственное взаимодействие с соответствующим министерством и получать директивы из столицы, минуя генерал-губернатора.

На административные посты в Туркестане стали назначать и гражданских чиновников, что вело к падению престижа российских властей в крае, поскольку коренное население привыкло, что русскую власть представляют исключительно военные. Туркестанский генерал-губернатор генерал от инфантерии барон А.Б. Вревский в отчете за 1889–1895 гг. высказался на этот счет предельно четко: «Край еще не настолько благоустроен, а население его не настолько благонадежно и в гражданском отношении развито, чтобы опыты введения и насаждения в крае обще-губернских порядков могли бы рассчитывать на твердый устой. Трехмиллионную массу враждебных нам по своим религиозным убеждениям мы держим в послушании и покорности, опираясь не на гражданские учреждения, а на страх перед нашими военными гарнизонами»⁸.

В восприятии сбитого с толку коренного населения, привыкшего «уважать лишь власть твердую и единую» и не понимавшего принципа разделения властей «в виде учреждений разрозненных, действующих независимо одно от другого и притом не всегда в строгом согласии между собой»⁹, генерал-губернатор перестал быть единственным и всевластным представителем российского императора.

В новых условиях характер подношений определенным категориям чинов туркестанской администрации несколько изменился. Дарить гражданскому чиновнику оружие было бы не совсем уместным, а вот дорогие ковры, произведения декоративно-прикладного искусства вполне соответствовали статусу одариваемого. Кроме того, бухарский эмир щедро раздавал ордена. Например, правители канцелярии туркестанского генерал-губернатора гражданские чиновники К.А. Несторовский, М.И. Бродовский и Г.П. Федоров, последовательно занимавшие эту должность с 1883 по 1906 г., были награждены Бухарской звездой с бриллиантами.

В 1898 г. военный министр А.Н. Куропаткин, уже вступивший в должность военного министра, представил императору Николаю II ходатайство о полной отмене приема посольств от среднеазиатских вассальных правителей с подарками. Тем не менее, практика бухарских и хивинских подношений представителям российских властей не только сохранилась, но и была даже упорядочена.

В частности, был определен круг лиц, который мог принимать подарки от вассальных среднеазиатских правителей и сановников, стоимость подарков, которые одаряемые могли оставлять у себя (более ценные дары полагалось передавать в казну), определен размер ответных даров¹⁰.

Таким образом, институт подношений руководителям администрации в Туркестане сохранялся на протяжении всего рассматриваемого периода. Из этих подарков могли даже формироваться личные коллекции, характер которых зависел в первую очередь от личных пристрастий их владельцев. Но в большинстве случаев такие коллекции были смешанными, несистематизированными, с преобладанием оружия и ковровых изделий. Судьба этих коллекций во многих случаях остается невыясненной. После выхода владельцев в отставку они могли храниться в городских квартирах или родовых имениях в европейской части России. Возможно, какие-то предметы передавались в различные музеи, что-то переходило к наследникам. Поиск ответов на эти вопросы – тема дальнейших исследований.

Теперь приведем общий список администраторов Туркестана, расположив их фамилии в алфавитном порядке. В списке не указаны те генералы и гражданские чиновники, которые занимали свои посты в течение всего нескольких месяцев или временно исполняли должностные обязанности. Жирным курсивом в списке набраны фамилии владельцев коллекций оружия, обычным курсивом выделены обладатели других коллекций.

Абрамов Александр Константинович Зеравш. округ 1868–1877; Ферг. обл. 1877–1883.

Арендаренко Георгий Алексеевич Ферг. обл. 1901–1904.

Безак Александр Павлович Оренб. и Самарск. ген.-губ. 1860–1865.

Боголюбов Андрей Андреевич Закасп. обл. 1898–1901.

Бродовский Михаил Иванович Прав. канц. Турк. ген.-губ. 1899–1901.

Веревкин Николай Александрович Сырдар. линия 1862–1865.

Вревский Александр Борисович Турк. ген.-губ. 1889–1898.

Галкин Александр Семенович Семипалат. обл. 1903–1908; Самарк. обл. 1908–1911; Сыр-дар. обл. 1911–1917.

Гейнс Александр Константинович Прав. канц. Турк. ген.-губ. 1867–1869.

- Гескет Сергей Данилович Самарк. обл. 1905–1908.
Гишпиус Александр Иванович Ферг. обл. 1911–1917.
Головачев Николай Никитич Турк. обл. 1867; Сырдар. обл. 1867–1877.
Гомзин Андрей Иванович Прав. канц. Турк. ген-губ. 1869–1877.
Гродеков Николай Иванович Сырдар. обл. 1883–1892; Турк. ген-губ. 1906–1908.
Данзас Александр Логинович Сырдар. линия 1857–1859.
Дебу Александр Осипович Сырдар. линия 1859–1862.
Духовской Сергей Михайлович Турк. ген-губ. 1898–1901.
Евреинов Михаил Дмитриевич Закасп. обл. 1908–1911.
Ефремов Николай Васильевич Прав. канц. Турк. ген-губ. 1911–1917.
Иванов Григорий Иванович Семиреч. обл. 1887–1890.
Иванов Николай Александрович Зеравш. округ 1877–1883; Ферг. обл. 1883–1887; Турк. ген-губ. 1901–1904.
Ионов Михаил Ефремович Семиреч. обл. 1890–1907.
Каблуков Платон Петрович Прав. канц. Турк. ген-губ. 1877–1881.
Катенин Александр Андреевич Оренб. и Самарск. ген.-губ. 1857–1860.
Кауфман Константин Петрович, фон Турк. ген-губ. 1867–1882.
Колтаковский Герасим Алексеевич Семипалат. обл. 1865–1867; Семиреч. обл. 1867–1882.
Комаров Александр Виссарионович Закасп. обл. 1883–1890.
Корольков Николай Иванович Ферг. обл. 1887–1893; Сырдар. обл. 1892–1905.
Косаговский Владимир Андреевич Закасп. обл. 1905–1908.
Крыжановский Николай Андреевич Оренб. ген.-губ. 1865–1881.
Куропаткин Алексей Николаевич Закасп. обл. 1890–1898; Турк. ген.-губ. 1916–1917.
Леш Леонид Вильгельмович Закасп. обл. 1913–1916.
Лыкошин Нил Сергеевич Самарк. обл. 1914–1917.
Мартсон Федор Владимирович Турк. ген-губ. 1914–1916.
Мединский Виктор Юлианович Самарк. обл. 1899–1905.
Мищенко Павел Иванович Турк. ген.-губ. 1908–1909.
Мустафин Владимир Андреевич Прав. канц. Турк. ген.-губ. 1906–1911.
Несторовский Константин Александрович Прав. канц. Турк. ген.-губ. 1883–1899.

- Обручев Владимир Афанасьевич Оренб. воен. губ. 1842–1851.
Одишелидзе Илья Зурабович Самарк. обл. 1911–1914.
Перовский Василий Алексеевич Оренб. воен. губ. 1833–1842;
Оренб. и Самарск. ген.-губ. 1851–1857.
Повало-Швейковский Александр Николаевич Ферг. обл. 1893–
1898.
Покотило Василий Иванович Ферг. обл. 1904–1907; Семиреч.
обл. 1907–1908
Рерберг Петр Федорович Закасп. обл. 1881–1883.
Розенбах Николай Оттонович, фон Турк. ген.-губ. 1884–1889.
Романов Михаил Яковлевич Сырдар. обл. 1906–1911.
Романовский Дмитрий Ильич Турк. обл. 1866–1867.
Ростовцев Николай Яковлевич Самарк. обл. 1891–1897.
Самсонов Александр Васильевич Турк. ген.-губ. 1909–1914.
Скобелев Михаил Дмитриевич Ферг. обл. 1876–1877.
Субботич Деан Иванович Закасп. обл. 1901–1902; Турк. ген.-губ.
1905–1906.
Сусанин Владимир Николаевич Ферг. обл. 1907–1911.
Тевяшев Николай Николаевич Турк. ген.-губ. 1904–1905.
Троцкий Виталий Николаевич Сырдар. обл. 1878–1883.
Усаковский Евгений Евгеньевич Закасп. обл. 1902–1905.
Федоров Георгий Павлович Прав. канц. Турк. ген.-губ. 1901–1906.
Федоров Яков Дмитриевич Самарк. обл. 1897–1899.
Федотов Иван Иванович Сырдар. обл. 1905–1906.
Фольбаум Михаил Александрович Семиреч. обл. 1908–1917.
Фриде Алексей Яковлевич Семиреч. обл. 1882–1887.
Чайковский Андрей Петрович Ферг. обл. 1898–1901.
Черняев Михаил Григорьевич Ново-Кокандская линия 1864–
1865; Турк. обл. 1865–1866; Турк. ген.-губ. 1882–1884.
Шостак Федор Александрович Закасп. обл. 1911–1913.
Щербинский Николай Степанович Прав. канц. Турк. ген.-губ.
1881–1883.
Яфимович Александр Михайлович Зеравш. округ 1883–1887;
Самарк. обл. 1887–1891.

Сравнение этого списка с общей базой данных коллекционеров и владельцев различных домашних собраний в дореволюционной России, составляемой автором уже более 10 лет и считающейся к настоящему времени около 15 тыс. персоналий,

дает нам возможность несколько расширить представление о личностях некоторых военных администраторов Туркестана.

Гейнс Александр Константинович (1833–1893) – генерал-лейтенант (1881). Член Русского географического общества, Императорского Общества любителей естествознания и этнографии. Собирал живопись, этнографические памятники Востока, восточные рукописи. Музею Академии наук передал коллекции, собранные им в киргизских степях, Публичной библиотеке пожертвовал собрание восточных рукописей на арабском, персидском, турецком и татарском языках. Был хорошо известен в художественных кругах, близко знаком с В.В. Верещагиным, портретирован И.Е. Репиным¹¹.

Данзас Александр Логинович (1810–1880) – генерал от инфантерии (1867). Библиофил. Имел отличную историческую библиотеку численностью около 3000 томов, которую начал собирать в молодости, когда служил в л.-гв. Семеновском полку. Библиотека была завещана им Лицею Цесаревича Николая в Москве¹².

Корольков Николай Иванович (1838–1906) – генерал-лейтенант (1892). В Туркестане с 1867 по 1905 г. Участвовал в боевых походах. Считался выдающимся ботаником, но был более известен европейским специалистам в этой области науки, чем в России. Много сделал для развития садоводства в Средней Азии. С 1898 по 1905 г. был президентом Туркестанского сельскохозяйственного общества. На протяжении многих лет собирал гербарии¹³.

Мустафин Владимир Андреевич (1867–1933, Париж) – генерал-майор (1910). Библиофил. Собирал книги по истории права, искусству¹⁴.

Ростовцев Николай Яковлевич (1831–1897) – граф, сын декабриста, впоследствии генерала от инфантерии Я.И. Ростовцева (1803–1860). Генерал-лейтенант (1892). В 1877–1880 гг. главный распорядитель при сосланном в Ташкент великом князе Николае Константиновиче. Проявляя большой интерес к изучению и сохранению культурно-исторического наследия Средней Азии, добился государственного финансирования археологических раскопок, привлечения в регион большой группы ученых-востоковедов, в том числе и из Академии наук. Основатель Музея природы, археологии, этнографии и ремесла при Статистическом комитете Самаркандской области, открытого в 1896 г. Неоднократно жертвовал музею чучела птиц, монеты, другие предметы из личных коллекций¹⁵.

Фриде Алексей Яковлевич (1838–1896) – генерал-лейтенант (1894). В Туркестане с 1868 по 1887 г., участвовал во многих военных походах. Был известен как коллекционер старинных рукописей¹⁶.

Что касается владельцев оружейных собраний, то биографии А.А. Боголюбова, Н.И. Гродекова, Г.А. Колпаковского, А.В. Комарова, В.А. Перовского, М.Д. Скобелева и М.Г. Черняева были представлены в предыдущих публикациях по истории частных коллекций оружия¹⁷.

Ниже приведены биографические справки о тех руководителях военной администрации Туркестана, наличие коллекций оружия у которых выявлено в последнее время и подтверждается, хотя бы косвенно, сведениями, содержащимися в различных публикациях.

**Абрамов Александр
Константинович (1836–
1886)**

Дворянин Новгородской губернии. Воспитывался в Дворянском полку, из которого был выпущен в 1854 г. прапорщиком в артиллерию. В 1858 г. был переведен в Сибирскую пешую батарею. С 1862 г. проходил службу в Средней Азии. Участвовал в боях, был награжден орденом Св. Анны 4 степени. В 1864 г. был произведен в штабс-капитаны. В 1865 г. за отличие при взятии Ташкента был награжден орденом Св. Георгия 4 степени, произведен в капитаны, в 1866 г. за отличие в боях с бухарцами произведен в подполковники и назначен командиром батареи. Весной 1868 г. в чине полковника участвовал в военных действиях против бухарцев, приведших к занятию 2 мая Самарканда. В 1869 г. был награжден золотой саблей с надписью «За храбрость». В 1870 г. был произведен в генерал-

А. К. Абрамов

майоры, награжден орденом Св. Георгия 3 степени. В 1877–1883 гг. был военным губернатором Ферганской области, в 1879 г. произведен в генерал-лейтенанты. С ноября 1883 г. командовал 4-й пехотной дивизией, затем был членом комиссии по составлению Положения об управлении Туркестаном. После годичного отпуска в мае 1886 г. был назначен командиром 13-й пехотной дивизии.

За годы службы в Средней Азии собрал большие коллекции оружия и монет. С 1870 г. состоял действительным членом Императорского русского географического общества, содействовал ученым исследованиям, проводившимся на вверенных его управлению территориях¹⁸.

Арендаренко Георгий Алексеевич (1846–1908, Варшава)

Дворянин Черниговской губернии, сын коллежского ассессора Алексея Ивановича Арендаренко (1807–?) и Марии Федоровны, урожденной Н. В 1865 г. окончил Павловское военное училище, был выпущен в Оренбургский стрелковый батальон. В 1870 г. произведен в поручики, в 1877 г. в капитаны, в 1881 г. в майоры, в 1884 г. в подполковники, в 1892 г. в полковники, в 1900 г. в генерал-майоры. Участвовал в военных действиях в Средней Азии. Проходил службу в Туркестане уездным судьей, Самаркандским уездным начальником, в 1901 г. был назначен военным губернатором Ферганской области. В 1904 г. был уволен от службы по домашним обстоятельствам.

Г. А. Арендаренко

Во время службы Арендаренко живо интересовался этнографией местного населения, очень много публиковался в различных центральных и местных изданиях, был активным членом Ташкентского отделения Императорского общества востоковедения. В 1889 г. вышел его фундаментальный труд «Досуги в Туркестане», насыщенный большим количеством военно-статистических

и этнографических сведений по Туркестанскому краю и сопредельным странам. За годы службы в Туркестане Арендаренко собрал обширную этнографическую коллекцию, в которой было представлено и оружие. В 1900 г. на международной выставке в Париже экспонировалась его уникальная коллекция среднеазиатских ковров. Судьба этнографической коллекции и собрания оружия неизвестна¹⁹.

А. Б. Вревский

Вревский Александр Борисович (1834–1910, Франция)

Барон, сын барона Бориса Александровича Вревского (1805–1888) и Евпраксии Николаевны, урожденной Вульф (1809–1883). Б.А. Вревский был побочным сыном князя Александра Борисовича Куракина от крестьянки Акулины Дмитриевны Самойловой. Его отец дал ему фамилию по названию родового села Врев Псковской губернии. Титул барона Б.А. Вревский получил в 1806 г. от австрийского императора,

благодаря хлопотам своего отца. В 1822 г. баронский титул был подтвержден Александром I.

Александр Борисович окончил Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, с 1852 г. служил в л.-гв. Кирасирском его величества полку. В 1854–1856 гг. учился в Николаевской академии Генерального штаба, после окончания которой был определен на службу в департамент Генерального штаба. В 1858 г. был произведен в капитаны Генерального Штаба. В 1861–1864 гг. состоял в распоряжении военного министра и генерал-квартирмейстера, а также был обер-квартирмейстером 2-го резервного корпуса. В 1864–1867 гг. состоял для особых поручений и научных занятий

при Главном управлении Генерального штаба. В 1867–1875 гг. являлся чиновником VII класса в Главном штабе. В 1876–1884 гг. занимал должность начальника штаба 7-го армейского корпуса, в 1884–1889 гг. был начальником штаба Одесского военного округа. В 1889–1898 гг. являлся Туркестанским генерал-губернатором и командующим войсками Туркестанского военного округа. В 1898 г. был произведен в генералы от инфантерии и в том же году назначен членом Военного Совета. В 1906 г. был уволен от службы «согласно прошению».

Был большим любителем старины и страстным коллекционером, собирал среди прочего старинное оружие, в том числе восточное. В 1895 г. по его инициативе в Ташкенте был создан Туркестанский кружок любителей археологии (ТКЛА) – первый востоковедческий научный центр в Центральной Азии, изучавший, помимо археологии, историю, этнографию, географию, языки народов Туркестана и сопредельных стран с момента его создания до роспуска в 1918 г. Вревский стал его почетным председателем и идейным вдохновителем его деятельности.

Практически все работы по исследованию края проводились на базе ТКЛА. Однако определяющую роль в охране памятников этого края играло военное ведомство. Оно субсидировало ремонтные работы. Так, в 1914 г. военное министерство открыло кредит в 10 тысяч рублей на поддержку памятников старины. По инициативе председателя ТКЛА А.Б. Вревского были приняты меры к охране мечети Тамерлана в Самарканде. По его же ходатайству эмир бухарский издал распоряжение об охране памятников в бухарских владениях²⁰.

Галкин Александр Семенович (1855–1920)

Дворянин Киевской губернии. Выдающийся востоковед. Военное образование получил в Михайловском артиллерийском училище (1874), из которого был выпущен в 6-ю конно-артиллерийскую батарею. В 1878 г. был произведен в поручики, в 1879 г. в штабс-капитаны. В 1884 г. окончил Николаевскую академию Генерального штаба, произведен в капитаны. Службу проходил на штабных должностях в Омском военном округе, затем в Средней Азии. В 1888 г. был произведен в подполковники. В 1891–1893 гг. – начальник штаба войск Самаркандской области. В 1892 г. был произведен в полковники, в 1902 г. в генерал-майоры, в 1908 г. в

А. С. Галкин

Н. Н. Головачев

генерал-лейтенанты. В 1903–1908 гг. – военный губернатор Семипалатинской области, в 1908–1911 гг. – военный губернатор Самаркандской области, в 1911–1916 гг. – военный губернатор Сырдарьинской области. В 1916 г. вышел в отставку. После 1917 г. проживал с женой и сыном в Сочи. Был убит бандитами на глазах родных.

На службе в Туркестане Галкин провел в общей сложности 25 лет, совершил несколько путешествий по краю и сопредельным странам. За годы службы собрал ценную коллекцию древностей Туркестана, включавшую и оружейное собрание, великолепную коллекцию ковров. Член Туркестанского кружка любителей археологии, автор ряда военно-географических трудов и работ по истории и археологии Средней Азии. Судьба коллекций неизвестна²¹.

Головачев Николай Никитич (1823–1887)

В 1844 г. окончил Главное Инженерное училище, из которого был выпущен прапорщиком; служил в инженерном ведомстве. В 1848 г. был зачислен в 77-й пехотный Тенгинский полк с чином подпоручика, принимал участие в военных

действия на Кавказе. Был награжден орденом Св. Анны 4 степени с надписью «За храбрость».

В 1854 г. в чине капитана был переведен в 78-й пехотный Навагинский полк, в котором командовал ротой. В 1860 г. за отличие в делах против горцев был произведен в полковники и назначен командиром 79-го пехотного Куринского полка; одновременно был начальником Ичкерийского округа. В 1867 г. был произведен в генерал-майоры, с назначением в Туркестан военным губернатором Сырдарьинской области; состоял в этой должности до 1877 г. За отличие в Бухарской кампании 1868 г. был награжден орденом св. Георгия 4 степени. В 1869 г. был награжден золотой саблей с бриллиантами и надписью «За храбрость», в 1873 г. за Хивинский поход орденом Св. Георгия 3 степени, в том же году был произведен в генерал-лейтенанты. В 1875 г. участвовал в подавлении восстания в Коканде.

После выхода в отставку жил в своем имении Мен в Черниговской губернии, с 1884 г. до кончины был предводителем дворянства Сосницкого уезда Черниговской губернии.

Имел большую коллекцию монет, а также собрание оружия. Коллекции были собраны за время службы на Кавказе и в Средней Азии²².

Духовской Сергей Михайлович (1838–1901)

Сын преподавателя Михаила Петровича Духовского (1796–1888) и Елены Матвеевны, урожденной Алымовой (1812 – между 1840 и 1846). В 1855 г. окончил 1-й кадетский корпус, из которого был выпущен прапорщиком в л.-гв. Конно-гренадерский полк. В 1857 г. окончил Николаевскую инженерную академию. В 1859 г. был произведен в поручики. В 1860–1862 гг. учился в Николаевской академии Генерального штаба, окончил ее с

С. М. Духовской

малой серебряной медалью. В 1861 г. был произведен в штабс-капитаны. С 1862 г. состоял при штабе Кавказской армии, принимал участие в боевых действиях. В 1864 г. был произведен в капитаны Генерального штаба. В 1865 г. за отличие при покорении Западного Кавказа был произведен в подполковники. В 1867 г. получил чин полковника и был назначен на должность начальника штаба Кубанской области. В 1870–1872 гг. состоял в должности помощника начальника штаба Кавказского военного округа. В 1873 г. был произведен в генерал-майоры. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. принимал участие в сражениях на Кавказском театре военных действий, был награжден несколькими орденами, в том числе орденом Св. Георгия 4 степени. В 1879–1881 гг. начальник штаба Московского военного округа. В 1886 г. был произведен в генерал-лейтенанты.

В 1893–1898 гг. состоял в должности приамурского генерал-губернатора и командующего войсками Приамурского военного округа, проявив себя деятельным и энергичным администратором. При нем были заведены регулярные пароходные рейсы между Европейской Россией и Дальним Востоком, оборудован Владивостокский порт, Хабаровск соединен с Владивостоком железной дорогой, начата колонизация северных областей края и урегулировано сообщение с этими окраинами по берегу Охотского моря и Камчатки. Духовской принимал живое участие в организации Приамурского отдела Императорского географического общества и много сделал для развития в крае учебных заведений, устройства помещений для войск, улучшения быта офицеров, учреждения военных собраний и библиотек при них.

С 28 марта 1898 г. по декабрь 1900 г. Духовской был туркестанским генерал-губернатором и командующим войсками Туркестанского военного округа. В декабре 1900 г. был произведен в генералы от инфантерии, 1 января 1901 г. был назначен членом Государственного совета.

В 1899 г. ему и его жене ташкентская городская дума присвоила звание «почетный гражданин Ташкента».

Сергей Михайлович был женат на Варваре Федоровне, урожденной княжне Голицыной (1854 – не ранее 1913), детей в браке не имел.

Его родной брат Евгений Михайлович (1844–?), с 1871 г. владевший усадьбой Мерчик в Харьковской губернии, в одной из комнат

дворца устроил мемориальный музей, посвященный памяти С.М. Духовского. Подробное описание музея пока не выявлено, возможно, оно и не существовало. Однако из воспоминаний современников известно, что в нем находились в числе прочего принадлежавшие генералу различные произведения восточного декоративно-прикладного искусства, ковры. Можно с уверенностью говорить о том, что в музее хранилось не только личное оружие генерала, но и восточные трофеи.

В 1919 г. Е.М. Духовской уехал из Мерчика и вывез с собой незначительную часть библиотеки. Во время гражданской войны состоял в рядах Вооруженных Сил Юга России. В 1920 г. эмигрировал в Югославию. Судьба мемориального музея С.М. Духовского неизвестна²³.

Кауфман Константин Петрович, фон (1818–1882)

Сын генерал-лейтенанта Петра Федоровича фон Кауфмана (1784–1849) и Эмилии Ивановны, урожденной Ватсон (? – не ранее 1849). Окончил Главное инженерное училище, из которого в 1838 г. был выпущен поручиком в полевые инженерные части. С 1839 г. служил в западном инженерном округе, в 1843 г. был произведен в штабс-капитаны и переведен в Кавказский отдельный корпус. В 1844–1852 гг. участвовал в экспедициях против горцев в Чечне и Дагестане, был дважды ранен, награжден орденом Св. Георгия

4 степени. В 1848 г. был зачислен в л.-гв. Саперный батальон и произведен в капитаны, в 1851 г. в полковники и назначен командиром батальона в Дагестанский пехотный полк. Во время восточной кампании 1853–1856 гг. командовал Кавказским саперным батальоном, участвовал в сражениях, был награжден золотой саблей с надписью

«За храбрость». В 1855 г., после блокады и взятия крепости Карса, исполняя обязанности начальника походного штаба при главнокомандующем, заключил с английским генералом Вильямсом условия сдачи Карса и турецкой анатолийской армии. В 1856 г. был переведен на штабную работу, произведен в генерал-майоры. В 1858 г. был пожалован в свиту. В 1861–1865 гг. директор канцелярии военного министерства, в 1864 г. был произведен в генерал-лейтенанты и пожалован в генерал-адъютанты. В апреле 1865 – октябре 1866 г. был виленским, ковенским, гродненским и минским генерал-губернатором, главным начальником Витебской и Могилевской губерний и командующим войсками Виленского военного округа. В июле 1867 г. был назначен командующим войсками Туркестанского военного округа, оставался в этой должности до конца жизни. В 1868 г. в нескольких сражениях разгромил войска бухарского эмира, который признал протекторат Российской империи. За это Кауфман был удостоен ордена Св. Георгия 3 степени. В 1873 г. за покорение Хивинского ханства был награжден орденом Св. Георгия 2 степени, 1 января 1874 г. произведен в инженер-генералы. В 1875 г. разгромил войска Кокандского ханства, был награжден за это золотой шпагой, украшенной алмазами, с надписью «За поражение кокандцев 22-го августа 1875 года». Из покоренного ханства была образована Ферганская область, самая богатая часть Туркестана.

Во вверенном ему крае Кауфман уделял очень большое внимание развитию местной администрации, народного образования (при нем было открыто 60 школ и 4 гимназии); покровительствовал научным экспедициям, изучавшим Туркестан. По его инициативе была создана первая в крае газета, в Ташкенте основана публичная библиотека.

Кауфман был председателем Туркестанского отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, почетным членом Императорского Русского Географического Общества, почетным членом Петербургской Академии наук. Его сравнивали с французскими и английскими генералами, которые обогатили музеи своих стран различными памятниками истории и культуры, художественными произведениями, костюмами разных народов.

Относительно коллекций, которые могли быть лично у Кауфмана, имеются противоречивые сведения. Известно, что он неоднократно передавал различные предметы в Музей антропологии

и этнографии. Увлекался ли он сам коллекционированием, сказать трудно. Безусловно, он имел собрание оружия, состоявшее из кавказских и азиатских трофеев, а также подарков и подношений местной знати, которые он получал в Туркестане. Какие-то оружейные памятники он передавал в музеи. Например, в 1879–1880 гг. передал в дар Артиллерийскому музею трофеи Хивинского похода: три ружья, саблю, седло, латы, наручи.

В одной из старых газетных публикаций было помещено сообщение о том, что спустя некоторое время после смерти Кауфмана на один из воскресных ташкентских базаров «было вынесено для продажи с аукциона имущество его, состоявшее из разных кабинетных вещей, носильного платья, головного убора (фуражки и каски), книг и проч. В их числе была масса фотографических снимков разных местностей Средней Азии, посещенных до 1881 г. русскими путешественниками и фотографами. Все эти материалы были приобретены за 36 рублей одним чиновником – сослуживцем К.П. Кауфмана». Оружие в этом сообщении не упоминалось. Возможно, оружейная коллекция перешла к единственному сыну К.П. фон Кауфмана и его жены Юлии Морицевны, урожденной Берх (1820–1906), Михаилу (1858–1891), офицеру гвардейской конной артиллерии, флигель-адъютанту.

В 1891 г. поручик Михаил фон Кауфман покончил с собой. История его самоубийства – отдельный сюжет, с историей коллекции оружия никак не связанный. Если коллекция все же хранилась у Михаила, то все равно судьба ее после смерти Михаила неизвестна²⁴.

Косаговский Владимир Андреевич (1857–1918)

Сын статского советника Андрея Павловича Косаговского (1829–1901) и Любови Ивановны, урожденной Герасимовой. Генерал-лейтенант, востоковед-иранист. Проходя службу в Закавказье,

В. А. Косаговский

участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Затем в Китае был командиром гарнизона Ляоянского укрепленного района, в Средней Азии командовал отдельной Приморской бригадой 2-го Туркестанского армейского корпуса. В 1884–1903 гг. заведовал обучением казачьей бригады персидского шаха в Тегеране. Оставил обстоятельные дневники о жизни и политических событиях в Персии. В 1905–1908 гг. был военным губернатором Закаспийской области.

Собрал богатейший архив, библиотеку книг о Востоке, главным образом о Персии, а также коллекцию восточного оружия и предметов искусства. С 1913 г. был членом Общества русских ориенталистов.

В 1908 г. Владимир Андреевич вышел в отставку и жил в своем имении Погостиха в Новгородской губернии. Серьезные материальные затруднения привели его к мысли о продаже коллекций и имения, но этот план так и не был реализован.

В сентябре 1918 г. имение было разграблено, а В.А. Косаговский там же расстрелян. Коллекции оружия к этому моменту в усадьбе уже не было. Очевидно, вскоре после революции Владимир Андреевич передал ее на сохранение семье проживавшего в Валдае инженера путей сообщения Николая Дмитриевича Оранжереева. Во время гражданской войны семья Оранжереевых переехала в Петроград, сумев перевезти туда и коллекции, которые в 1920 г. были переданы ими в Археологический институт. После ликвидации института коллекция оружия была частично утрачена, большая часть сохранившихся предметов поступила в этнографический отдел Русского музея. Позднее были выделены 9 разделов сохранившегося собрания, в том числе: 2-й раздел – коллекция японских древностей: вооружение самурая; 3-й раздел – коллекция корейских древностей: оружие; 8-й раздел – коллекция персидского вооружения. Часть предметов (в том числе, возможно, и оружие) перешла в Кунсткамеру и Эрмитаж²⁵.

Куропаткин Алексей Николаевич (1848–1925)

Дворянин Псковской губернии. Сын отставного капитана Корпуса топографов Николая Емельяновича Куропаткина (1817 – до 1889) и Александры Павловны, урожденной Арбузовой (1826–1908). В 1866 г. окончил Павловское военное училище и был зачислен подпоручиком в 1-й Туркестанский стрелковый батальон.

А. Н. Куропаткин

В 1867–1868 гг. участвовал в походе против бухарцев. В 1874 г. окончил по первому разряду Николаевскую академию Генерального штаба. В 1876 г. был произведен в штабс-капитаны, в 1877 г. в подполковники, назначен начальником штаба 16-й пехотной дивизии, которой командовал М.Д. Скобелев. Отличился под Ловчей, Плевной, при переходе через Балканы; получил звание почетного гражданина Плевны. В 1878 г. был произведен в полковники, в 1879 г. назначен командиром Туркестанской стрелковой бригады, в 1882 г. произведен в генерал-майоры, в 1890 г. назначен начальником Закаспийской области и произведен в генерал-лейтенанты. В 1898 г. назначен управляющим военным министерством, в 1900 г. – военным министром, произведен в генералы от инфантерии, в 1902 г. пожалован в генерал-адъютанты. Во время русско-японской войны 1904–1905 гг. был уволен от должности военного министра и назначен командующим 1-й Манчжурской армией (февраль – октябрь 1904 г., март 1905 – февраль 1906 г.), Главнокомандующим сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против Японии (октябрь 1904 – март 1905 г.). С 1906 г. член Государственного совета. В сентябре 1915 г. был назначен командующим Гренадерским корпусом, в декабре того же года командующим 5-й армией, в феврале 1916 г. командующим Северным фронтом. В июле 1916 г. в связи с волнениями в Туркестане был назначен туркестанским генерал-губернатором и командующим войсками Туркестанского округа. В ходе февральской революции 1917 г. был отстранен от должности, арестован, но вскоре освобожден Временным правительством. С мая 1917 г. и до самой смерти жил в своем имении Шешурино в Псковской губернии, был одним из организаторов народного музея в г. Холм, преподавал

в сельскохозяйственной школе. Новая власть сохранила за ним дом с богатой библиотекой и коллекциями, среди которых имелось и собрание оружия. В годы гражданской войны Куропаткин отказался выступить против советской власти и отклонил предложение французского посла Ж. Нуланса эмигрировать во Францию.

За годы службы по Генеральному штабу Алексей Николаевич стал крупным военным востоковедом, неоднократно командировался с военно-научными целями в восточные страны: Алжир, Кашгар, Турцию, Персию, участвовал в Ахал-Текинской экспедиции. Оружейное собрание, численность и состав которого неизвестен, формировалось, скорее всего, именно в результате восточных экспедиций Куропаткина. Наверняка, в него входили и какие-то трофеи русско-турецкой 1877–1878 гг. и русско-японской 1904–1905 гг. войн. К сожалению после смерти Алексея Николаевича, последовавшей 14 января 1925 г., его дом, огромная библиотека и коллекции были частично разграблены местными жителями. Коллекция оружия или ее остатки до 1937 г. хранились в музее города Холм, затем были вывезены в Государственный Исторический музей в Москву.

Алексей Николаевич был женат первым браком на Кларе-Эмили-Цецилии Эрнестовне, урожденной фон Прюссинг, вторым браком с 1890 г. на Александре Михайловне Щербинской, урожденной Тимофеевой. Во втором браке имел сына Алексея (1892–1919)²⁶.

Мищенко Павел Иванович (1853–1918)

Сын полковника Ивана Кузьмича Мищенко. Образование получил в 1-й Московской военной гимназии, 1-м Павловском училище (1871) и Офицерской артиллерийской школе. Из училища был

П. И. Мищенко

выпущен в 38-ю артиллерийскую бригаду. Участвовал в Хивинском походе 1873 г., в войне с Турцией 1877–1878 гг., в Ахал-Текинской экспедиции 1880–1881 гг. Командовал батареей 2-й гренадерской артиллерийской бригады. В 1896 г. был произведен в полковники. В 1899 г. был назначен помощником начальника Охранной стражи КВЖД полковника А.А. Гернгросса, начальником Порт-Артурской линии дороги. Сражался под Мукденом, Ляояном, Айсаньдзяном, на реке Шахэ с китайскими повстанцами летом – осенью 1900 г., 22 декабря 1900 г. был награжден орденом Св. Георгия 4 степени. В 1901 г. был произведен в генерал-майоры. С 1901 по 1902 гг. командовал 1-й бригадой 39-й пехотной дивизии в Квантунской области. С 1903 г. – начальник отдельной Забайкальской казачьей бригады. В 1904 г. был пожалован в генерал-адъютанты. Командовал бригадой в период русско-японской войны 1904–1905 гг., заслужил репутацию одного из лучших кавалерийских командиров русской армии. В августе 1904 г. был награжден золотой шашкой, украшенной бриллиантами, с надписью «За храбрость». В 1906–1908 гг. командовал 2-м Кавказским армейским корпусом. В 1908–1909 гг. – Туркестанский генерал-губернатор, командующий войсками Туркестанского военного округа. В 1911 г. был произведен в генералы от артиллерии. С февраля 1911 г. войсковой наказной атаман Войска Донского. С марта 1915 г. командовал 31-м армейским корпусом, действовавшим на Юго-Западном фронте.

Во время чистки высшего комсостава после Февральской революции был отстранен от поста командира корпуса и в апреле 1917 г. уволен от службы по болезни с мундиром и пенсией. В том же году уехал на родину в Дагестан. Несмотря на угрозу расправы, постоянно носил форму и знаки различия; когда к нему в дом ворвались большевики и при обыске отобрали погоны и награды, он застрелился.

Был женат на Любови Алексеевне, урожденной Слюсаренко, имел сына Михаила.

В 1909 г. передал внушительное собрание оружия (часть личной коллекции) в Ташкентский музей. Судьба остальной части личного собрания оружия, принадлежавшего П.И. Мищенко, неизвестна²⁷.

В заключение хотелось бы напомнить стихотворение Н. Гумилева «Туркестанские генералы» из сборника «Чужое небо» (1912),

посвященное Н.И. Гродекову. Оно вполне могло бы стать эпиграфом к этой статье, но ведь эпиграфы обычно очень кратки, а здесь вряд ли можно что-то сократить.

Под смутный говор, стройный гам,
Сквозь мерное сверканье балов,
Так странно видеть по стенам
Высоких старых генералов.
Приветный голос, ясный взгляд,
Бровей седеющих изгибы
Нам ничего не говорят
О том, о чем сказать могли бы.
И кажется, что в вихре дней,
Среди сановников и денди,
Они забыли о своей
Благоухающей легенде.
Они забыли дни тоски,
Ночные возгласы: «к оружию»,
Уньлые солончаки
И поступь мерную верблюжью;
Поля неведомой земли,
И гибель роты несчастливой,
И Уч-Кудук, и Киндерли,
И русский флаг над белой Хивой.
Забыли? – Нет! Ведь каждый час
Каким-то случаем прилежным
Туманит блеск спокойных глаз,
Напоминает им о прежнем.
«Что с вами?» – «Так, нога болит».
«Подагра?» – «Нет, сквозная рана».
И сразу сердце защемит
Тоска по солнцу Туркестана.
И мне сказали, что никто
Из этих старых ветеранов,
Средь копий Греза и Ватто,
Средь мягких кресел и диванов,
Не скроет ветхую кровать,
Ему служившую в походах,
Чтоб вечно сердце волновать
Воспоминаньем о невзгодах.

Прочитав эти строки, трудно поверить, что их автор никогда не бывал в Туркестане. Тем не менее, знакомый жены поэта, Анны Андреевны Ахматовой, военный востоковед полковник Крылов, как-то сказал ей, что «Туркестанские генералы» Гумилева – это лучшее, что когда-либо было сказано о русской армии на Востоке.

¹ Частные коллекции оружия в дореволюционной России. М., 2004; Кулинский А.Н. К истории дореволюционных частных оружейных собраний в составе фондов ВИМАИВиВС // Бомбардир. 2005. № 18.; Кулинский А.Н. Коллекционеры оружия в дореволюционной России: новые данные исследований // Бомбардир. 2008. № 20; Кулинский А.Н. Частные коллекции оружия в западных губерниях Российской империи // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Международная научно-практическая конференция 12–14 мая 2010 г. СПб., 2010; Кулинский А.Н. Частные коллекции оружия в дореволюционной Сибири и на Урале // Во славу российского оружия. Сборник материалов научно-практической конференции (Златоуст, 1 октября 2010 г.). Златоуст, 2010.

² В статье речь идет о Туркестане как историко-географическом регионе Центральной Азии. Туркестаном называется также один из древнейших казахских городов, расположенный в Южно-Казахстанской области современной Республики Казахстан. В XVI–XVIII вв. был столицей Казахского ханства.

³ Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1875. С. 329–344; Дмитриев С.В. «Бухарские подарки»: старинный восточный обычай в контексте российско-бухарских отношений конца XIX – начала XX в. // Рахмат-наме: Сб. статей к 70-летию Р.Р. Рахимова. СПб., 2008. С. 119–121, 127–128; Почекаев Р.Ю. Взятка или официальный сбор? К вопросу о подношениях представителям власти в тюрко-монгольских государствах // Национальная история татар: теоретико-методологическое введение. Казань, 2009. С. 173–184.

⁴ Грулев М.В. Записки генерала-еврея. М., 2007. С. 201–202.

⁵ Корнеев В.В. «...мне не с чем было выехать из покоренного мной края...» // Военно-исторический журнал. 1998. № 5. С. 72–82.

⁶ Покоритель и устроитель Туркестанского края генерал-адъютант К.П. фон-Кауфман I-й. (Материалы для биографического очерка) // Кауфманский сборник, изданный в память 25 лет, истекших со дня смерти покорителя и устроителя Туркестанского края генерал-адъютанта К.П. фон-Кауфмана I-го. М., 1910. С. LXXV.

⁷ Федоров Г.П. Моя служба в Туркестанском крае (1870–1910 года) // Исторический вестник. 1913. № 12. С. 893.

⁸ Шушкова М.Е. Реформа управления Туркестанским краем в начале XX в.: разногласия между С.-Петербургом и Ташкентом // Новый исторический вестник. Журнал Российского Государственного Гуманитарного Университета. 2012. № 2. С. 6–19.

⁹ Там же.

¹⁰ Почекаев Р.Ю. Указ. соч. С. 173–184.

¹¹ Боткина А.П. Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве. М., 1951. С. 281; Переписка И.Н. Крамского. М., 1953. С. 344.

- ¹² Экслибрисы и штемпели частных коллекций в фондах Исторической библиотеки. М., 2001. С. 33.
- ¹³ Русские ботаники. Биографо-библиографический словарь. Т. 4. М., 1952. С. 365–366; Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. III, отд. IV. Затворницкий Н.М. Память о членах Военного совета. СПб., 1907. С. 753–755.
- ¹⁴ Шуманский Е.А. Справочная книга для русских библиофилов и коллекционеров. Одесса, 1905. С. 73.
- ¹⁵ Назарьян Р. Самаркандская старина. Книга первая. СПб., 2010. С. 91–100.
- ¹⁶ Немцы России. Энциклопедия. Т. 3. М., 2006. С. 678–679.
- ¹⁷ См.: Частные коллекции оружия в дореволюционной России. М., 2004; Кулинский А.Н. Указанные выше работы.
- ¹⁸ Чабров Г.Н. История музейного дела в Средней Азии (дореволюционный период). Ташкент, 1952. Машинопись // Архив ВИМАИВиВС. Ф. Зр. Оп. 2. Ед. хр. 389. С. 45, 48.
- ¹⁹ Басханов М.К. Русские военные востоковеды до 1917 года. Биобиблиографический словарь. М., 2005. С. 18–20; Станишевский А.В. Несколько слов о журналах Г.А. Арендаренко // Бухара и Афганистан в начале 80-х годов XIX в. М., 1974.
- ²⁰ Горшенина С. Туркестанская коллекция Леона Барщевского и ее следы в Узбекистане, Франции, Польше и России // Общественное мнение. 1998. № 2. С. 144–149.
- ²¹ Басханов М.К. Указ. соч. С. 57–58.
- ²² Чабров Г.Н. Указ. соч. С. 45, 48.
- ²³ Там же. С. 131; Духовская В.Ф. Туркестанские воспоминания. СПб, 1913; Туркестанские ведомости. 1909. № 44.
- ²⁴ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 111. Д. 5. Л. 164 об.–169 об., 177 об.–178, 182 об.–184, 309 об.–310, 333 об.–334; Л. К. Ю. Составление Туркестанского альбома // Туркестанские ведомости. 1899. № 36; Богданов В.В. Всеволод Федорович Миллер. К столетию со дня рождения (1848–1948). Очерк из истории русской интеллигенции и русской науки // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. X. М., 1988. С. 163; Прищепова В.А. Иллюстративные коллекции по народам Центральной Азии второй половины XIX – начала XX века в собраниях Кунсткамеры. СПб., 2011. С. 122–124.
- ²⁵ Аничков И.В. Обзор помещичьих усадеб Новгородской губ. Новгород, 1916. С. 46–47; Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991). СПб., 2003. С. 456; Басханов М.К. Указ. соч. С. 126–127; Мазурина В.Н. К истории коллекции Оранжевых в Государственном музее истории религии // Судьбы музейных коллекций. Материалы VII Царскосельской научной конференции. СПб., 2001; Дмитриев С.В. 1919 год в формировании оружейной коллекции этнографического отдела Русского музея // Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения 2000–2001 гг. Краткое содержание докладов. СПб., 2002. С. 146–147; Мазурина В.Н. Восточная коллекция генерала В.А. Косоговского. История и судьба // Россия – Восток. Контакт и конфликт мировоззрений. Материалы XV Царскосельской научной конференции. Ч. I. СПб., 2009. С. 337–347.
- ²⁶ Коломыцева Н. Военный министр // Псковская земля. История в лицах. «Дворяне все родня друг другу...». М., 2006. С. 265–272.
- ²⁷ Чабров Г.Н. Указ. соч. С. 131.

У.И. Кулянина (Сызрань)

УЕЗДНАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ НАЧАЛА XX ВЕКА КАК АГЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ РУССКОЙ ГЛУБИНКИ О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

ПРЕССА играет в жизни социума одну из ведущих ролей. Через газеты и журналы осуществляется идеологическое воздействие, формируется общественное мнение. В столь протяженной стране, как Россия, периодическая печать вовлекала в политическую жизнь удаленное от столиц и крупных промышленных центров население глубинки, являлась основным каналом информационного обмена вплоть до распространения цифровых информационных технологий. В переходные моменты развития страны значение данного социального института только возрастало.

Основой данного исследования является уездная периодическая печать Среднего Поволжья начала XX в. Самарская, Симбирская и Пензенская губернии качественно отличались от индустриально развитых районов страны и представляли собой типичную российскую сельскую и мещанскую глубинку.

С конца XIX в. уездная периодика здесь была представлена изданиями органов местного самоуправления, отчетами общественных организаций, частными справочными газетами, а также изданиями телеграмм «Санкт-Петербургского Телеграфного Агентства». Жестко ограниченная цензурным законодательством, она формировала общественное мнение в весьма ограниченном, сугубо экономическом, сегменте.

Появившаяся в ходе первой русской революции либеральная периодика стала оппозицией официальной российской печати, стремившейся замолчать большую часть событий или дать им выгодное власти освещение и толкование. Именно в заполнении информационного вакуума, остро чувствовавшегося в российской

глубинке, видели предназначение газет большинство местных издателей.

Так, в передовой статье первого выпуска «Бугульминской газеты» редактор отмечал, что «...все, без различия сословий, классов и национальностей, все стремятся узнать достоверные сведения, правдивые известия, а приходится вместо того довольствоваться слухами, случайными пересказами, часто ошибочными и нередко лживыми. Все ... хорошо знают, как редко и с каким трудом доходит каждое известие извне к нам в наши далекие деревни, где тоже живут ведь живые люди, которые тоже хотят, наконец, знать правду и следить за жизнью»¹. С аналогичными заявлениями выступили и иные издания.

Новая пресса уже не только обслуживала нужды предпринимателей, но и отражала чаяния общества, выступала с активной критикой органов местного самоуправления и государственного управления. Появление независимой прессы свидетельствовало о готовности социума вести диалог с властью и о поиске способов реализовать эти желания. Но от того, кто вел этот диалог, кому общество делегировало право расставлять акценты и обозначать проблемы, напрямую зависела дальнейшая эволюция самих общественных взглядов.

В 1905–1914 гг. внимание прессы было приковано к внутривитуполитическим вопросам: событиям первой русской революции, выборам в I и II Государственную Думу, ходу экономических реформ и т. д. Однако с началом Первой мировой войны вопросы, касающиеся внутривитуполитических аспектов, пропали со страниц местной периодики. Что было обусловлено сразу несколькими факторами.

Во-первых, вступление России в войну на некоторое время сняло остроту социальных противоречий. Фронтовые события и связанные с ними изменения местной жизни надолго вытеснили из сознания обывателя все прочие общественные нужды.

Во-вторых, утверждение «Временного положения о военной цензуре»² привело к тому, что вскоре военная цензура стала всеобъемлющей, включила в себя политическую цензуру и под запрет попали практически любые темы, даже не касающиеся военных действий.

Согласно «Временному положению», военная цензура устанавливалась «в полном объеме» в местах военных действий и «частично» – вне их. 20 января и 12 июля 1915 г. был обнародован «Пе-

речень сведений», которые запрещалось публиковать по военным соображениям³. В секретном письме начальнику Генерального штаба от 14 декабря 1915 г. новый председатель Совета министров И.Л. Горемыкин указывал: «Военная цензура, просматривая предназначенный к выпуску в свет газетный материал, должна оценивать последний не с одной лишь узко военной точки зрения, а и с общеполитической»⁴. Под запрет попадали любые темы, даже не касающиеся военных действий. Выход газеты «Сызранский курьер» под редакцией Н.И. Батракова был приостановлен на один месяц за статью по поводу недостатка в Сызрани сахара⁵, а редактор-издатель газеты «Заволжье», коллежский регистратор В.Н. Добролюбов за текст: «Мы слышали слова о единении с народом. Но до сих пор не было еще сделано ни одного шага. Напротив, на каждом шагу мы видим проявление исключительно бюрократических приемов», опубликованный 27 июля 1914 г., был подвергнут заключению в тюрьму на три месяца (издание было приостановлено на все время действия в Самарской губернии положения о чрезвычайной охране)⁶.

Политический обозреватель В. Новоселов писал: «Цензурная вакханалия дошла вскоре же до того, что презрела всякий здравый смысл и обратилась в сплошной произвол. Один цензор из одного органа делал “выемку”, не допуская к печати “крамольный материал”; другой в другом органе беспрепятственно пропускал отреченное первым. В столицах одному органу разрешалось печатать то, что не разрешалось другому. В провинции цензура вычеркивала разрешенное столичными цензорами, а администрация налагала штрафы на подцензурные издания. Не было такого вопроса дня, даже касавшегося прямо военных событий, который мог быть использован свободно целиком в печати. Журналы и газеты выходили усеянные пробелами. Редакции вынуждены были заявлять, что такая-то статья по независящим обстоятельствам не может появиться в номере или что не могла появиться своевременно и появляется задним числом, когда уже острый момент ее злободневной темы был упущен...»⁷

Принимая меры по нейтрализации влияния оппозиционной журналистики, правительство одновременно стремилось вдохнуть жизнь и в свои официальные органы печати. Разрешения на выдачу газет, печатающих только официальную информацию, выдавались беспрепятственно. Более того, создается впечатление, что в

некоторых губерниях распространение официальной информации посредством периодической печати носило директивный характер. Так, в Государственном архиве Пензенской области хранятся свидетельства от 22 сентября 1914 г. о разрешении Чембарской, Нижне-Ломовской, Наровчатской, Мокшанской, Краснослободской, Керенской, Инсарской, Городнищенской уездным земским управам выпуска бюллетеней Петроградского телеграфного агентства. Данные свидетельства последовательно пронумерованы от № 26602 до № 26609⁸. В случае, если в уезде не было типографий для полноценной печати бюллетеней, предполагалось, что издания будут отпечатаны на собственных ротаторах и шапирографах земских управ, а в случае отсутствия и таковых – на пишущих машинках. Так, на пишущих машинках печатались бюллетени Петроградского телеграфного агентства Краснослободской и Городищенской уездными земскими управами.

О востребованности периодики данного типа свидетельствует и то, что на протяжении двух месяцев 1914 г. (июль – август) пензенским губернатором были выданы разрешения на выпуск телеграмм Санкт-Петербургского телеграфного агентства почетному гражданину Н.А. Тонитрову в Краснослободске, губернскому секретарю М.Г. Никитину в Саранске, нотариусу С.И. Переяславцеву в Керенске⁹, в 1915 г. были выданы свидетельства о разрешении издавать указанные бюллетени в одном только г. Чембаре сразу двум гражданам – Я.Т. Фролову и И.И. Смирнову¹⁰. Схожая ситуация сложилась и в других средневожских губерниях.

В 1914 г. Петербургское телеграфное агентство было переименовано в Петроградское (ПТА). Только переименованием дело не ограничилось: власть, чтобы оградить прессу от иноземного и лоббистского влияния, сконцентрировало сбор и распространение зарубежной информации в своем агентстве при непосредственном контроле со стороны Министерства внутренних дел и военного ведомства.

С 1916 г. печатные бюллетени с телеграммами ПТА было разрешено перепечатывать частным лицам. Этим достигалось значительное увеличение аудитории, получавшей дозированную правительством информацию. Таким образом, агентство не только информировало о событиях на фронтах, но и успешно манипулировало общественным мнением в политических целях правительства¹¹.

И все же основное сражение за формирование взглядов социума развернулось на страницах частных общественно-политических газет. Они изменились в соответствии с новыми запросами читательской аудитории. Структурообразующим стал отдел «Война», занимавший от одной до полутора полос, существенное место отводилось отделу «Телеграммы». Редакции старались дополнить официальные новости статьями из центральной прессы и местными материалами. Причем тематика авторских заметок уездных журналистов была весьма разнообразной. Область информационного внимания включала: события на фронте, героизм русских воинов, зверства противника, экономическое положение страны и региона, беженцев. Причем до середины 1917 г. все издатели уездной периодики были весьма единодушны в оценках происходящего и формировали представления о Первой мировой в едином направлении.

Все издания единогласно прославляли доблесть русского оружия. Достаточно быстро на страницах газет появились рассказы раненых офицеров и солдат о событиях на фронтах¹² и о прифронтовой жизни¹³. Как правило, такие заметки были исполнены патристических настроений и содержали описания подвигов русских воинов¹⁴. Например, подпоручик Л. в своих воспоминаниях рассказывал о нижнем чине пулеметной роты Максиме Кошеварове: «Кошеварову оторвало ногу. Понимая, что он, как наводчик пулеметов, очень нужен, Кошеваров потребовал, чтобы ему сделали перевязку тут же, на позиции. <...> И без ноги, истекая кровью, остался на своем посту до конца, внося меткой стрельбой из пулемета опустошение в немецкие отряды»¹⁵.

Пресса была едина и в создании образа врага¹⁶. Причем дегуманизации подверглись не только германские солдаты, но и соседи-немцы, подданные русской короны. Например, в августе 1914 г. со страниц газеты «Сызранский курьер» Сергей Загайдачный призывал земляков к бойкоту магазина немца Германа Лума, утверждая, что «после всех немецких насилий и гнусностей, в сердце русского не может остаться не только симпатий, а и просто корректного отношения, даже и к этим мирным немцам, перешедшим в русское подданство»¹⁷. Встречались и заметки, возбуждающие ненависть к населению близлежащих колоний поволжских немцев¹⁸. Пресса призывала отказаться от приобретения немецких товаров. Так, Сызранский биржевой комитет, ратуя за устранение немецкой

конкуренции, обратился к местным торговым фирмам с призывом отказаться от закупок товаров и оборудования в Германии и Австрии, отдав предпочтение отечественной или французской продукции¹⁹.

Несмотря на то что Среднее Поволжье представляло собой глубоко тыловой регион, война изменила мирный уклад местной жизни: городская и сельская глубинка потеряли часть трудоспособного населения, мобилизованного на фронт, а взамен получили раненых, беженцев и пленных.

Их включение в местный социум стало важной задачей провинции. В ее решении периодика стала не только информационным ресурсом, но и неким консолидирующим средством. На страницах газет публиковались списки раненых земляков²⁰ и солдат в местных лазаретах²¹, всесторонне освещалось устройство земствами и монастырями врачебных пунктов в провинции²² и организация лазаретов частными лицами²³, раздавались призывы поддержать таковые начинания, обозначались проблемы адаптации и расселения беженцев²⁴.

Ежедневно пресса обращалась к обывателям с просьбами о помощи. Благотворительность журналисты называли чуть ли не самым действенным способом хоть как-то удовлетворить нужды пострадавших. Периодические издания объявляли о проводящихся акциях по сбору средств и вещей для фронта, газет и журналов для размещенных в уезде раненых, денег в пользу семей, оставшихся без кормильцев, освещали итоги акций²⁵. Журналисты ставили перед местным самоуправлением вопрос о постоянной поддержке хотя бы семей рекрутов-крестьян²⁶. Предлагались и возможные варианты помощи. Например, в Сызрани периодика призывала сформировать трудовую дружину при реальном училище по примеру уже существовавших в России подобных организаций²⁷.

Желая поощрить благотворительность, пресса публиковала пришедшие в адрес редакций с фронта послания с выражениями признательности. Например, благодарность всем жителям Сызрани за теплые вещи от нижних чинов 179-го пехотного Усть-Двинского полка²⁸ или письмо старшего унтер-офицер И. Певнева двум девочкам с теплыми словами за заботу о солдатах: «...маленьким гражданам г. Сызрани с сердцем благородных людей, Миличке и Светику, за их чувство братской любви»²⁹.

Первые изменения в тематике и подаче материалов с театра военных действий произошли после поражения русской армии в Галиции весной 1915 г. и последующих неудач на фронте. События на передовой посеяли в обществе тревогу, волнения и прямое недовольство действиями правительства и верховного командования, что сразу отразилось и в периодической печати. Цензурные и административные преследования прессы тут же усилились. В марте 1916 г. Думой был утвержден проект нового закона о военной цензуре³⁰. Но, несмотря на все меры, принятые властью по недопущению публикации негативных материалов, журналисты все чаще стали писать о вызванном войной ухудшении положения народа³¹, дороговизне товаров первой необходимости³².

Уже к осени 1915 г. в Среднем Поволжье обозначился продовольственный кризис, возникли затруднения со снабжением городского населения сахаром, пропала мука. Газетчики отреагировали на это едкими фельетонами, обвиняющими в спекуляции банки³³. Проблемы с сахаром не исчезли, стало не до смеха, и в 1916 г. фельетоны сменились справочными информацией о сроках, ценах и пунктах его продажи³⁴. Тогда же начались перебои и с другими продуктами. Вот как «Сызранский курьер» пишет о пропаже из магазинов картофеля, «притом, что закупили его “вороха”»: «Лабазник становится неумолим. “Нет картофелю”, – говорит он. И покупатель напрасно будет искать глазами картофель: он не увидит его. Картофель появится, когда цены на него поднимутся снова»³⁵. Такая же ситуация сложилась в городе и с черным хлебом³⁶, хотя дефицита хлеба в это время не наблюдается. (Более того, газеты пишут об удовлетворении сельскими обществами просьбы Министерства земледелия о продаже хлеба, «находящегося в хлебо-запасных магазинах Сызранского уезда»³⁷). Таким образом, периодическая печать не давала «замалчивать» наметившуюся проблему, что отчасти не позволяло распространяться слухам, сеять в обществе панику.

После Февральской революции ситуация со снабжением хлебом еще более ухудшилась. Теперь и власти стали предпринимать шаги для успокоения населения, обращаясь в прессе к населению через лиц, имеющих влияние на местах. Например, в «Сызранском курьере» было напечатано обращение к гражданам архиепископа Владимирской губернии Алексея, в котором он призывал «самим помогать себе всеми доступными нам средствами»: «Пусть

наступающим летом площадь полей, которые вы засеиваете, не уменьшается ни в каком случае, площадь огородов не сокращается ни на одну грядку»³⁸.

Газеты старались отразить объективную картину, писали о положении дел не только в близлежащих уездах, но и в целом по России. Например, о реквизиции и отправке на фронт и на уральские предприятия хлеба, «самочинно вывозимого» за пределы Челябинска³⁹, или о позитивном опыте распределения муки в Нижнем Новгороде⁴⁰. На протяжении всего года издания отлеживали динамику закупок и продажи сахара⁴¹, чая⁴², тканей⁴³, топлива⁴⁴. Слово «голод» на страницах периодических изданий появилось только концу 1917 г., когда в хлебных магазинах начались беспорядки⁴⁵.

Отличительной особенностью 1917 г. стала крайняя политизация прессы. Связано это в первую очередь с изменением цензурного законодательства. В марте 1917 г. Временное правительство ликвидировало основной центр царской цензуры – Главный комитет по делам печати – и ввело должность комиссара по делам печати. 27 апреля 1917 г. был принят новый Закон о печати, провозгласивший беспрепятственный выпуск, распространение и торговлю печатными изданиями любых политических направлений⁴⁶. После чего в провинции распространилось огромное количество крайне низкого качества прессы, в том числе – печать леворадикального направления.

В июле 1917 г., после провала наступления на фронте и расформирования революционных воинских частей, Временное правительство постаралось ограничить свободу слова⁴⁷, и военному министру было предоставлено право закрывать издания, призывающие к военному бунту и неповиновению на фронте. Но большевистскую пропаганду в прессе это уже не могло остановить. Главным дискуссионным вопросом для провинциальной печати стал вопрос «о мире».

Среди беспартийной периодики (а подавляющее количество газет позиционировали себя как беспартийные) в вопросе «о мире» царил единодушие: «Дело свободы должно быть увенчано успешным отпором натиску германского милитаризма и победным окончанием войны»⁴⁸.

В этот период в одной газете рядом могли оказаться бравурные призывы «Война до победного конца!», статьи с обсуждением

предполагаемых планов союзников,⁴⁹ материалы о плачевном состоянии русской армии, массовом дезертирстве⁵⁰, отчаянные призывы к крестьянству обеспечить солдат продовольствием⁵¹.

Если консервативные и либеральные СМИ революционного года демонстрировали решительность и призывали сохранять верность союзническому долгу, то леворадикальные обличали империалистические чаяния правительства и требовали заключения сепаратного мира, описывали братания на фронте, сеяли упаднические настроения.

Отметим, что в середине 1917 г. такие настроения не находили поддержки провинциальной аудитории. Напротив, в это время на страницах уездной периодики очень часто встречается критика РСДРП (б). Так, беспартийная газета «Утро свободы» писала: «В то время как наше Временное правительство и сознательная часть народа в лице солдатских, рабочих и крестьянских депутатов высказались категорически за продолжение [войны] с заклятыми врагами нашей Родины – немцами, – зашевелился муравейник шпионов, хлынувших из Германии в Россию, а вместе с ними заработали клеветы “запломбированного” германцами вождя политической партии большевиков»⁵². «Под красным знаменем свободы они куют новые цепи рабства русскому народу, цепи еще более тяжкие, чем старые, ибо нет ничего деспотичнее господства одного только класса над всей Россией, да еще опирающегося на германские штыки»⁵³.

Общее недовольство деятельностью большевиков имело и неожиданные последствия: местные типографии просто отказывались тиражировать номера их газет, а собственной полиграфической базы у провинциальных ячеек РСДРП (б) попросту не было.

Для организации на местах газетной работы и формирования общественного мнения в пацифистском направлении, из центра в глубинку были направлены профессионалы. Например, в тот же Сызранский уезд Симбирской губернии прибыл журналист И. Берлинский. Однако оказалось мало наладить выпуск «левых» изданий, необходимо было удалить из медиапространства их конкурентов. Практически сразу после прихода большевиков к власти Совет народных комиссаров принял Декрет о печати, положивший конец «контрреволюционной» прессе.

- ¹ Гор. Бугульма. 1 января 1906 г. // Бугульминская газета. 1906. № 1. С. 1.
- ² Временное положение о военной цензуре // Собрание узаконений и распоряжений правительства. СПб., 1914. 20 июля. № 191. С. 3015.
- ³ См.: Ахмадулин Е.В. Система журналистики России между двумя буржуазно-демократическими революциями (1907–1917) // Известия южного федерального университета. Ростов-на-Дону, 2008. № 3. С. 109.
- ⁴ Лемке М.К. 250 дней в царской ставке. 1916. Мн.: Харвест, 2003. С. 112.
- ⁵ Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 76. Оп. 1. Д. 1216. Л. 6.
- ⁶ Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 1. Оп. 58. Д. 2. Л. 266.
- ⁷ Волковский Н.Л. История информационных войн. В 2 ч. Ч. 2. СПб., 2003. С. 49.
- ⁸ Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 7976. Л. 15–22.
- ⁹ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7976. Л. 1, 3, 7.
- ¹⁰ Там же. Л. 49, 54–55.
- ¹¹ Ахмадулин Е.В. Указ. соч. С. 111.
- ¹² Никулин Л. По Галиции // Сызранский курьер. 1915. № 33. С. 3.
- ¹³ Фильсон Йонг. На западном фронте (письмо из Арраса) // Там же. 1917. № 4. С. 3.
- ¹⁴ Чествование героя // Там же. 1916. № 250. С. 3.
- ¹⁵ С поля битв // Там же. 1914. № 192. С. 3
- ¹⁶ Наши враги. Германский милитаризм // Там же. 1915. № 19. С. 3; Кровавые деньги // Там же. 1914. № 194. С. 3.
- ¹⁷ Загайдачный С. Венская сосиска в Сызрани // Там же. 1914. № 184. С. 3.
- ¹⁸ Немцы // Там же. 1914. № 192. С. 3.
- ¹⁹ Борьба с засилием немецких промышленников и торговцев // Там же. 1914. № 197. С. 3.
- ²⁰ Раненые Сызранского уезда // Там же. 1915. № 37. С. 2.
- ²¹ Раненые в сызранских госпиталях // Там же. 1915. № 222. С. 3.
- ²² Лазарет // Там же. 1914. № 197. С. 3.
- ²³ Пожертвования // Там же. 1914. № 197. С. 3.
- ²⁴ Волна страданий // Там же. 1915. № 170. С. 3; Письмо в редакцию // Там же. 1915. № 175. С. 3; Ссуды беженцам // Там же. 1917. № 6. С. 3.
- ²⁵ Письмо в редакцию // Там же. 1915. № 217. С. 3; Белье солдатам // Там же. 1914. № 205. С. 3; Собрание сызранского купечества // Там же. 1914. № 205. С. 3.
- ²⁶ Помощь хозяйствам призванных на войну // Там же. 1915. № 115. С. 3; Организация помощи взятым на войну // Там же. 1914. № 174. С. 3.
- ²⁷ О дружине из сызранских реалистов // Там же. 1915. № 164. С. 3.
- ²⁸ Солдатские письма // Там же. 1915. № 6. С. 3.
- ²⁹ Из армии // Там же. 1915. № 10. С. 3.
- ³⁰ Ахмадулин Е.В. Указ. соч. С. 112.
- ³¹ Местная жизнь // Там же. 1916. № 250. С. 3; Экономическая борьба после войны. // Там же. 1917. № 6. С. 3.
- ³² 1916-й год в Сызрани // Там же. 1917. № 1. С. 3.
- ³³ Летучие заметки. Сказка о муке и сахаре // Там же. 1915. № 217. С. 3.

- ³⁴ Выдача сахара // Там же. 1916. № 225. С. 3.
- ³⁵ Картофель исчез // Там же. 1916. № 225. С. 3.
- ³⁶ Недостаток черного хлеба // Там же. 1916. № 250. С. 3.
- ³⁷ Закупка хлеба // Там же. 1916. № 248. С. 3.
- ³⁸ Обращение архиепископа к гражданским по поводу продовольствия // Там же. 1917. № 37. С. 2.
- ³⁹ Вывоз хлеба // Крестьянин. 1917. № 1. С. 1.
- ⁴⁰ У нижегородских мукомолов // Там же. 1917. № 36. С. 2.
- ⁴¹ Сахарная монополия // Известия Николаевского совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. 1917. № 36. С. 3; В уездном Совете крестьянских депутатов // Крестьянин. 1917. № 1. С. 3. и др.
- ⁴² Чай // Сызранский курьер. 1917. № 165. С. 2.
- ⁴³ Распределение тканей // Известия Николаевского совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. № 36. С. 3; Дороговизна тканей // Сызранский курьер. 1917. № 4. С. 3.
- ⁴⁴ Торговая спекуляция с керосином // Сызранский курьер. 1916. № 279. С. 3; Зимой в деревне // Там же. 1917. № 5. С. 4.
- ⁴⁵ Повышение цен на муку // Там же. 1917. № 4. С. 3; Беспорядки в хлебных лавках // Солдат, рабочий и крестьянин. 1917. № 36. С. 2.
- ⁴⁶ Закон о печати 27 апреля 1917 г. // Вестник Временного правительства. 5 марта 1917. № 55. С. 101.
- ⁴⁷ Цит. по: Волковский Н.Л. Указ. соч. С. 61.
- ⁴⁸ Воззвание главных комитетов земского союза, союза городов «Земгора» // Бюллетени Осведомительного бюро Новоузенского комитета народной власти и общественной безопасности. 1917. № 5. С. 2.
- ⁴⁹ Мир за счет России? // Известия Николаевского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. 1917. № 36. С. 1.
- ⁵⁰ Голодные солдаты оставляют фронт // Народный путь. 1917. № 1. С. 1; Фронт накануне голода // Крестьянин. 1917. № 1. С. 1.
- ⁵¹ Крестьянам от крестьянина // Земля и воля. 1917. № 59. С. 3.
- ⁵² Большевизм и армия // Утро свободы. 1917. № 18. С. 1.
- ⁵³ Трагедия русской революции // Республиканская мысль. 1917. № 26. С. 1.

*Н.Л. Курсанина, А.И. Галенко
(Киев, Республика Украина)*

ЯТАГАНЫ В МУЗЕЯХ УКРАИНЫ

ЦЕЛЬ данного сообщения – представить ныне малоизвестные ятаганы из музейных собраний и частных коллекций, находящихся в Украине. Ятаган в силу своего внешнего своеобразия и распространенности часто выступает символом османского оружия, так же как янычары, которые были основными пользователями ятаганов, выступают в роли основного символа вооруженных сил Османской империи. Поэтому неудивительно, что когда речь идет об определении места ятагана в классификации холодного оружия, то его называют «турецким мечом» («Turkish sword»).

Ятаган относится к памятникам исторического прошлого Украины, учитывая то, что значительная часть юга Украины в течение более трех веков, с конца XV в. до начала XIX в., входила в состав Османской империи¹. Здесь находились важные османские крепости, в которых размещались большие и малые янычарские гарнизоны (Кефе, Ин-Керман, Килия, Измаил, Ак-Керман, Очаков). В XVII в. Хотин, Каменец-Подольский и Чигирин стали свидетелями больших сражений с участием янычар. Однако в Украине пока довольно мало известно ятаганов. Думается, что причину этого следует отнести прежде всего на счет значительной «национальной» специфичности этого вида оружия, ведь, например, сабли являлись престижным и желанным трофеем в тогдашней казацкой Украине², как, впрочем, и в Московском государстве³, а османские ружья казаки даже заимствовали под названием «янычарок».

Наиболее известные на сегодня ятаганы представлены в коллекциях Одесского краеведческого музея и Национального исторического музея Украины. Представляемые в этом сообщении образцы

данного оружия пока мало известны. Это, прежде всего, ятаган, подаренный прославленному советскому партизанскому командиру Сидору Артемьевичу Ковпаку, представленный в экспозиции Мемориального комплекса «Национальный музей истории Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» в Киеве (инвентарный номер ОТ698)⁴, ятаган Национального военно-исторического музея Украины (инвентарный номер ОФ12310/ВТО1319)⁵ и три ятагана из коллекции частного Музея истории оружия г. Запорожья В.Г. Шлайфера (инвентарные номера Я65, Я67, Я68)⁶.

Ятаган – это своеобразный, легко узнаваемый вид длиннокликового холодного оружия. Характеристики ятагана как колющего и рубящего оружия сочетают в себе свойства сабли и кинжала. Ятаган сродни греческой махайре или непальским кукри. Однако, если последние больше предназначены для рубящих ударов, то ятаган также эффективен как колющее оружие. В этом случае оно поражает противника не столько за счет тяжести клинка, а, следовательно, силы проникновения, сколько наносит обширные проникающие ранения за счет двойной линии изгиба. Помощь в таком прорезании оказывает рукоять, выполненная в форме двух «ушей». Такая рукоять обеспечивает отличное удержание оружия в ближнем бою при возвратном движении клинка или рубке «с оттягом». Острие ятагана хоть и ориентировано для колющего удара, но отсутствие гарды, о которую бы оперлась кисть во время нанесения такого удара, говорит о том, что колющий удар не был доминирующим в рукопашной схватке.

Каждая часть ятагана – клинок и рукоять – не являются уникальными и встречаются на оружиях разного вида, начиная с рубежа II–I тысячелетия до н.э. от Апеннинского полуострова и до Южной Индии. Но совмещенные вместе, они образуют классический ятаган, распространившийся во второй половине XVI в. как оружие янычар-пехотинцев и моряков⁷.

Хотя первые известные образцы ятаганов относятся к середине XVI в., широкое распространение ятаган получил во второй половине XVII в. с усилением политического влияния янычар. Детали этого остаются невыясненными⁸, но янычары добились от султанов права на повседневное ношение личного оружия, не сдаваемого в арсенал в период между военными действиями. Если в XIV в. общая численность янычарского корпуса составляла 1000 человек, то в XVIII в. оно выросло до 113 400 человек (а в некоторые годы

численность перекрывала 200 000)⁹. Не считаясь вполне боевым оружием – его нередко выдавали за нож (по-турецки «бычак» или «ятаган бычагы») – ятаган стал предметом янычарского обмундирования и оказался исключительно грозным оружием во время частых янычарских мятежей.

Ятаган в качестве неотъемлемого элемента янычарского костюма подчеркивал особый статус владельца – янычара. И хотя к началу XVIII в. янычары уже были разнородной, многочисленной, недисциплинированной и полностью неэффективной «организацией», состоять в списках янычарского корпуса было выгодно и престижно из-за получаемых привилегий¹⁰. Этот статус подчеркивал особый вид оружия, носимого как с церемониальным платьем, так и с повседневной одеждой.

Увеличение количества янычар повлекло за собой и количество заказываемого оружия, которое во второй половине XVIII в. уже массово производилось как в европейской части Османского государства, так и на юге и западе Малой Азии, и в районах Трапезунда и Эрзурума¹¹. В отличие от сабель и палашей, заказываемых казной и выдаваемых из арсенала в период боевых действий, ятаганы заказывались в индивидуальном порядке и за собственный счет. Поэтому украшение ятаганов становилось личным делом заказчика и мастера. Вместе с тем, орнаментация и украшения не выходили за рамки принятого в определенном регионе художественного оформления.

Все пять ятаганов имеют клинки с изгибом в двух направлениях – сначала, в первой части клинка, слабый изгиб идет к обуху, а во второй части – к лезвию. У ятагана из Музея истории оружия г. Запорожье (инв. № Я65) лезвие во второй части расширено, но это не сильно влияет на весь изгиб клинка.

Первый ятаган (рис. 1) представлен в экспозиции Мемориального комплекса «Национальный музей истории Великой Отечественной войны 194–1945 гг.» (инвентарный номер ОТ698). Ятаган был подарен дважды Герою Советского Союза, командиру

Рис. 1. Ятаган из фондов МК «Национальный музей истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.»

Сумского партизанского соединения генерал-майору Сидору Артемьевичу Ковпаку (26.05.1887–11.12.1967) в 1949 г. представителями Югославии.

Клинок ятагана стальной с долем и доликом, проходящими вплотную под разложистым обухом. Общая длина ятагана 756 мм, длина клинка 630 мм. Клинок имеет два изгиба: по лезвию (в сторону обуха) на расстоянии 190 мм от пяты – 11,5 мм; на острие (в сторону лезвия) – 20 мм. По обуху клинка идет ребро.

Ятаган имеет выполненную из моржовой кости рукоять с сильно разложистыми «ушами» навершия, рукоять прикреплена к хвостовому стержню с помощью четырех заклепок. Между двух частей рукояти находится медный оклад с выступающими бутонами цветов, выполненными в одной манере с накладкой на пяте. Медная накладка на пяте имеет густую чеканку цветами и листьями. Верх пяты охватывает обоймица, выполненная в стиле зерни. Длина рукояти 114 мм. Ширина «ушей» 99 мм. Рабочее пространство рукояти занимает 84 мм.

Клинок имеет украшение орнаментом и надписями, выполненными в стиле таушировки золотом в стамбулийском или балканском стилях¹².

Картуши с надписями (рис. 2) находятся с левой стороны клинка и заканчиваются тремя последовательными виньетками с растительными рисунками. Длина орнамента – 289 мм. С правой стороны клинка находится картуш с растительным узором, покрывающий практически всю середину клинка. Длина узора – 290 мм.

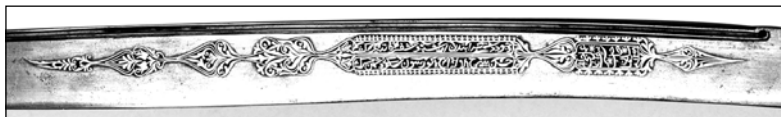

Рис. 2. Картуш с надписью

Прочтение надписей на ятаганах дает нам возможность понять, кто и для кого сделал данный ятаган. Не раз на ятаганах помещались тексты, выражавшие отношение заказчика к данному оружию и содержанием, и качеством исполнения надписей, и их эстетическим оформлением. Поэтому для более полного изучения отношения собственников к их оружию целесообразно будет также проанализировать его палеографию, орфографию и эстетику нанесения надписей.

Картуш, ближайший к рукояти:

Текст (по-арабски)	Транскрипция по-турецки ¹³
عمل شريف جنبي اغا صاحب سليمان سنه ١٢٥٩	°Amala Şerif Çelebi Ağa. Sahib Süleyman. Seneti 1259.

Перевод:

Сработал Шериф Челеби Ага

Владелец Сюлейман.

Года 1259 (31.01.1843–20.01.1844)

Картуш, ближайший к острию:

Текст (двустипше на османско-турецком)	Транскрипция
وجود دشمننه ايندن اشبو شفرهء تيرك حسن سرح لاله اج كورسون سكرنى دشمن جرك	Vücut-i düşmanına abından, işbu şefre-'i tirak, Hasen surh lale aç, görşün şükünü düşman-i çarık

Перевод:

Из сострадания к телу врага, пусть вот это лезвие дротика

Раскроет чудный алый тюльпан и увидит, как успокоится боль врага

Стихотворный перевод:

Пусть лезвие этого дротика явит милость к телу врага –

Дивный алый тюльпан в нем раскроет и избавит от мук на века.

Проанализируем содержание надписей:

1. Имя мастера включает два почетных титула «челеби»¹⁴ и «ага»¹⁵, что свидетельствует о его авторитетном положении в обществе, и позволяет предполагать в нем представителя ремесленной цеховой элиты.

2. Имя собственника не сопровождается никакими почетными титулами, подсказывая, что данное оружие едва ли предполагало публичную демонстрацию для подчеркивания общественного статуса собственника. Дата изготовления отстоит на 17 лет от роспуска Янычарского корпуса – основную среду обращения ятаганов. Очевидно, что данное оружие свидетельствует о его продолжавшейся популярности.

3. Стихотворение представляет довольно редкий образец иронично-ласкательного обращения к ятагану, что точно отражает трепетное отношение к нему со стороны заказчика. Для последнего это

не столько оружие борьбы во имя веры, сколько верный и надежный спутник, защитник, а также объект эстетического наслаждения. Отсутствие идеологических деклараций, которые были обычными на ятаганах более раннего времени, согласуется, впрочем, с тем, что во время его изготовления Янычарского корпуса уже не существовало. Таким образом, выбор данного текста указывает на превращение ятагана в это время в исключительно персональное оружие.

Палеография. Почерк индивидуальный, написание букв правильное, но каллиграфические пропорции не соблюдены.

Орфография правильная. Обращает на себя внимание лишь отождествление букв ج «джим» и چ «чим», а также вставки ненужных диакритических знаков в конце строк (ك «гяф» вместо ك «кяф»).

Эстетические особенности. Надпись имеет декоративную функцию как составляющая часть выразительной орнаментальной композиции, нанесенной по обеим сторонам клинка. Чтобы уравнять интенсивность заполнения участков с надписями с участками, заполненными стилизованным растительным орнаментом, в свободные промежутки между буквами текста вставлены чисто декоративные знаки наподобие «стрелочек», «астериков». Ту же функцию заполнения свободного пространства выполняют и обводы каждой строчки надписи рамкой с полукруглыми боковыми торцами и внесение элементов основного растительного орнамента в поле надписи.

Достаточно уверенно можно предположить, что надпись была сделана тем же ремесленником-золотарем, который выполнил сами картуши.

Ножны представляют собой деревянную основу с серебряным покрытием, украшены сложной чеканкой в виде повторяющегося в верхней и нижней части рисунка с изображением шатра и разнобразного оружия. Устье ножен выполнено из 5 рядов медных орнаментированных растительным узором колец, украшенных кораллами. Наконечник заканчивается стилизованной головкой дельфина.

Вес ятагана составляет 900 г, общий вес с ножнами – 1650 г.

Второй рассматриваемый нами ятаган хранится в фондах Национального военно-исторического музея Украины (инвентарный

номер ОФ12310/ВТО1319) и являет собой пример оружия янычар Османской империи.

Общая длина данного ятагана составляет 695 мм, длина клинка 555 мм. Клинок выкован из стали и имеет двойной изгиб. На расстоянии 410 мм от пяты начинается плавный изгиб клинка в сторону лезвия, на острие отклонения от линии обуха доходит до 13 мм. По обуху клинка идет ребро. Клинок имеет тонкий долик, который идет возле самого обуха до острия.

Рукоять ятагана сделана из слоновьей кости и прикреплена к хвостовику с помощью четырех заклепок. Правая часть рукояти дополнительно удерживается еще тремя гвоздями. Обоймица и накладка рукояти стальные и имеют многочисленные повреждения. На пяте следы накладки, которая отсутствует. Длина рукояти – 112 мм.

На правой стороне клинка на расстоянии 90 мм от пяты расположен цветочный орнамент, сделанный в технике инкрустации серебряной проволокой. Длина орнамента 175 мм.

На левой стороне клинка на расстоянии 117 мм от пяты расположен инкрустированный серебром орнамент с двумя картушами. Первый картуш (рис. 3) с надписью обрамлен растительным орнаментом. Вторая надпись расположена в середине загнутой двойной линии с орнаментом из трех цветов и листка, под линией надпись продолжается.

Рис. 3. Первый картуш ятагана из фондов Национального военно-исторического музея Украины

По типу отделки данный ятаган можно отнести к первой группе малоазиатского типа.

Ниже приводится текст, нанесенный на клинке.

Ятаганы в музеях Украины

Текст (на арабском и османско-турецком)	Транскрипция по-турецки
عمل ابراهيم صاحب عمر باشى سقا باشى على خالف عدل عمر	[Seneti] 1234. 'Amala Ibrahim. Sahib 'Ömer Başa. Sakka-başı 'ala halif-i 'adl 'Ömer

Перевод:

[Года] 1234 (30.10.1818 – 18.10.1819). Сработал Ибрагим. Владелец Омер Баша. Начальник водоносов при халифе справедливости Омере.

Имя владельца оружия Омер Баша содержит почетный титул «баша» (возможно произношение «беше»), которым пользовались солдаты и младшие офицеры Янычарского корпуса¹⁶. Упоминание его должности *сакка-баши* («начальника водоносов») указывает на то, что заказчиком данного ятагана был офицер в звании *белок-баши* – командир подразделения, численностью равного роте; это была одна из их обязанностей во время боевых действий¹⁷.

Заявление собственника о службе *сакка-баши* при «халифе справедливости» Омаре – это идеологическая декларация преданности идеалам исламской справедливости и суннизму. Она была характерна для ятаганов времени существования Янычарского корпуса, являясь признаком публичного ношения этого оружия. Омар – второй из четырех так называемых праведных халифов, почитаемых суннитами (правил в 634–644 гг.). Он стяжал себе особенную славу справедливого законодателя, которая также поддерживалась в Османской империи¹⁸.

Палеография. Текст выполнен линиями одинаковой толщины, отчетливыми, но схематическими (некаллиграфическими) буквами. Декоративное искажение в начертании букв допущено только для буквы *ر* (ре) – дугообразное завершение наверх.

Декоративные характеристики. Надпись является составляющей асимметричной орнаментальной композиции. В ее центре – двойная круглая петля, имитирующая элемент официальной султанской монограммы (тугры). Она обрамляет имя владельца «Омер Баша» и таким образом указывает на желание заявить о своей причастности к султанскому окружению, что было обосновано для членов корпорации *капы-кулу* («рабов порога»), к которой относились янычары.

Ножны ятагана изготовлены из дерева и обиты латунными накладками, между которыми находится бархатная вставка длиной 123 мм. Латунные накладки имеют чеканный растительный орнамент. Длина первой накладки 163 мм, длина второй 348 мм.

Третий из рассматриваемых нами ятаганов (рис. 4) находится в экспозиции Музея истории оружия г. Запорожье (инвентарный номер Я65).

Рис. 4. Ятаган из фондов Музея истории оружия, г. Запорожье (инв. номер Я65)

Общая длина ятагана 771 мм. Клинок стальной с доликом вдоль обуха. Длина клинка 637 мм. Клинок имеет двойной изгиб: первый изгиб лезвия внутрь к обуху на расстоянии 265 мм от пяты – 17,6 мм, второй изгиб на острие в сторону лезвия равняется 16,2 мм.

Рукоять сделана из моржовой кости и имеет длину 160 мм. «Уши» навершия широкие, разложистые. Оклад рукояти украшен розетками с кораллами. На стальной накладке находятся две розетки диаметром 8,3 мм с зеленым камнем. Обоймица стальная, украшена ромбовидным узором.

С правой стороны клинка находится изображение шестиконечной звезды, вписанной в круг и с кругом в центре (рис. 5) – в исламской символике «Печать Сюлеймана».

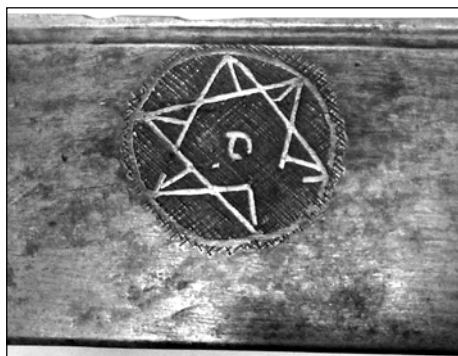

Рис.5. Изображение «Печати Сюлеймана»

Добавление центральной линии в каждом луче позволяет также прочесть в этом изображении слово **الله** «Аллах», шесть раз описывающее центральный круг, который представляет последнюю букву этого слова **ه** «ха». «Печать Сюлеймана» – в исламской мистике популярный символ удачи и оберег от дурного ока. Его изображение часто помещалось как на бы-

товых предметах, так и на оружии¹⁹. Сочетание «печати Сюлеймана» с именем «Аллах», которое придает данному символу дополнительный религиозно-идеологический и мистический смысл, также распространено. В данном случае, правда, написание слова «Аллах» отступает от правил арабского письма в угоду привлекательности изобразительной композиции, что также вполне обычно для каллиграфически-геометрических композиций в исламском искусстве²⁰.

Левая сторона имеет надпись, сделанную в технике поверхностной инкрустации (насечки), которая выполнена на предварительно заштрихованной в обе стороны поверхности. Картуш небольшой, плотно прилегающий к обуху имеет две части (рис. 6). В одну, меньшую часть вписан год изготовления ятагана, во вторую данные о мастере и владельце:

Рис.6. Картуш с надписью

Текст (по-арабски)	Транскрипция по-турецки
عمل حسين صاحب حسين اغا سنة ١٢٧٣	Amala Hüseyin. Sahib Hüseyin Ağa. Seneti 1273

Перевод: Сработал Хюсейн. Владелец Хюсейн Ага. Года 1273 (31.08.1856 – 21.08.1857)

Содержание надписи ограничивается указанием имен изготовителя и владельца. Учитывая довольно позднее происхождение оружия, детальная идентификация социального положения этих лиц не представляется возможной. Поздняя дата изготовления оружия указывает на продолжавшуюся его популярность среди подданных Османской империи.

Графические характеристики. Надпись выполнена четкими, схематичными, слегка растянутыми в длину буквами. В тексте имеются

декоративные стрелки. Обрамление состоит из трех частей: справа – схематичный растительный орнамент, соединяющий надпись с началом клинка, центральная часть – прямоугольник, содержащий имена мастера и владельца, слева – каплевидная дуга, повторяющая очертания слова «год» и заключающая дату.

Следующий, четвертый ятаган (рис. 7) также из частной коллекции «Музея Оружия» (инвентарный номер Я68).

Рис.7. Ятаган из фондов Музея истории оружия, г. Запорожье (инв. номер Я68)

Клинок стальной, имеет два долика, расположенных возле обуха. Общая длина ятагана 654 мм. Длина клинка 515 мм. Клинок имеет двойной изгиб: на расстоянии 200 мм от пяты лезвие изгибается в сторону обуха на 11,5 мм, второй изгиб – острие отклоняется в сторону лезвия на 19 мм.

Этот ятаган имеет интересную рукоять из слоновьего бивня с небольшим переходом между основной рукоятью и навершием (рис. 8). Уши небольшие, округлые. Накладки рукояти удерживаются на хвостовике с помощью четырех заклепок. На обоймице выполнен растительный узор в технике золотой таушировки, продолжающийся вместо накладки на пяте. Длина рукояти составляет 125 мм.

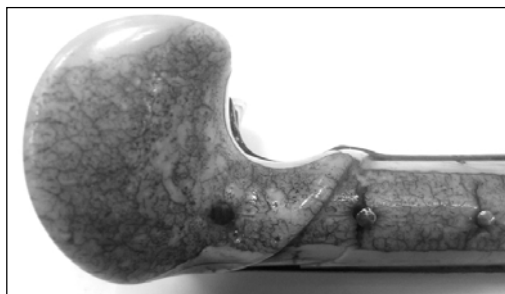

Рис. 8. Рукоять ятагана

Картуши с обеих сторон выполнены в технике золотой таушировки по процарапанному фону.

С правой стороны клинка надпись сочетается с «Печатью Сюлеймана»:

Ятаганы в музеях Украины

Текст (по-арабски)	Транскрипция по-турецки
يمليحا ميسلينا مكلينا مرنوش دبرنوش شازهنوش كفتستايوش قطمير	Yemliha, Mekselina, Mislina, Mernüş, Debernüş, Şazenüş, Kefestatayuş, Kıtmir

Перевод: Емлиха, Мекселина, Мислина, Мернюш, Дебернюш, Шазенюш, Кефестатаюш, Кытмир.

Вписанные в круг имена представляют распространенные в мусульманском мире имена персонажей из легенды, пересказанной в Коране (Сура 18 «Пещера»). Будучи версией легенды о так называемых семи спящих отроках Эфесских, которые укрылись в пещере, спасаясь от преследования римского императора-язычника Деция, в Коране она географически привязана к Сирии (конкретно – Петре), а также представлена в качестве примера мусульманской стойкости и доказательства покровительства Аллаха. Спящие отроки, упомянутые в Коране, обрели известность под именем *Асхабу-ль-Кахв* (*Асхаб-ы Кехв* в османско-турецком), т.е. «пещерников». В Коране не сообщаются ни число, ни имена отроков, упоминается только один пес, стороживший их во время трехсотлетнего сна. Имена «пещерников» и их сторожевого пса (*Кытмир*) наверняка существовали при жизни Мухаммада, но в том виде, в котором они написаны в данной композиции, они стали известны гораздо позже, не раньше X в.²¹ Еще позже, скорее всего, возникла и сама эта композиция-символ. Очевидно, что янычары, охотно украшавшие свое оружие этим символом, демонстрировали тем самым как свою набожность, так и упование на покровительство Аллаха.

Центр данной круглой графической композиции занимает «Печать Сюлеймана» в сочетании с именем «Аллах». Обращает внимание, что ее автор избежал в написании слова «Аллах» нарушения правил арабского письма. Для этого он поместил в центре шестилучевой «астерикс», выступающий в роли шестикратно написанного ¹ «алифа» в начальной форме – первой буквы слова «Аллах», а каждый луч представлял остальную часть слова с последней буквой «ха» в финальной форме (الله).

С левой стороны расположен картуш (рис. 9) с надписью, выполненной также в стиле таушировки золотом по процарапанному фону:

Рис. 9. Картуш с надписью

Текст (по-арабски)	Транскрипция по-турецки
سنه ١٢٤٠	Seneti 1240
صاحب حسين اغا	Sahib Hüseyin Ağa
عمل عبدالله	‘Amala ‘Abd-al-Lah
توكلت على الله	Tevekkaltu ‘ala-l-Lah

Перевод:

Года 1240 (25.08.1824 – 14.08.1825).

Владелец Хюсейн Ага.

Сработал Абдуллах.

Да положусь я на Аллаха!

Титул «Ага» в имени владельца/заказчика выдает его принадлежность к офицерскому составу Янычарского корпуса.

Упрощенные репрезентации «печати Сюлеймана» в виде простых шестиконечных звезд также использованы в общей композиции на обеих сторонах клинка, очевидно, для усиления мистических функций оружия.

Упование на покровительство Аллаха дополнительно декларировано прозрачной словесной формулой «Да положусь я на Аллаха!», помещенной в композиции на левой стороне клинка.

Декоративные характеристики. Надписи выполнены линиями одной толщины, но с каллиграфическими пропорциями. Кроме того, графическая композиция, сочетающая имена «пещерников» (*Асхаб-ы Кехв*) с шестилучевой «печатью Сюлеймана», геометрически правильно организована, что выдает в исполнителе профессионального мастера каллиграфии, владеющего знанием пропорций и навыками исполнения данной графическо-геометрической композиции. Эта композиция, несомненно, была призвана доставлять созерцателю удовольствие.

Пятый ятаган несколько отличается от всех предыдущих. Он тоже представляет собой экспонат Музея истории оружия г. Запорожье (инвентарный номер Я67). Однако этот ятаган имеет рукоять, выполненную не из кости моржа или слоновьего бивня, а бронзовую (рис. 10). Такая рукоять не описана в книге Эммы Григорьевны Аствацатурян,

Рис. 10. Рукоять ятагана (инв. номер Я67) из фондов Музея истории оружия, г. Запорожье

поэтому мы можем только ее описать для дальнейшей атрибуции. Рукоять имеет по всей длине растительный узор в виде изогнутых линий, выполненный в технике резьбы. Между линий видны кружки чеканки – возле обоймицы чеканки между линиями нет, она появляется на середине рукояти и полностью занимает пространство между линиями узора на вершини. «Уши» на вершини небольшие, круглые. Длина рукояти без ушей – 90 мм.

Клинок стальной, имеет один тонкий дол под разложистым обухом. Изгиб лезвия на 200 мм от пяты в сторону обуха равен 16,6 мм, изгиб острия в сторону лезвия 14 мм.

Посередине клинка с двух сторон расположены картуши с надписями и узорами, выполненными в растительном стиле. Однако часть узоров была повреждена или затерта специально.

Правая сторона. Ближний к рукояти картуш.

Текст (на османско-турецком)	Транскрипция
يا محمد قیل	Ya, Mehmed! Kıl
شفاعت	şefaʿat!
عمتك دندر	ʿUmmetindedir.
سنه ۱۲۳۷	Seneti 1237

Перевод: О, Мехмед! Окажи заступничество!

[Имярек] есть в твоей общине.

Года 1237 (27.09.1821 – 16.09.1822)

Правая сторона. Второй от рукояти картуш.

Текст (по-арабски)	Транскрипция
توكلت على الله	Tevekkaltu ʿala-l-Lah
ما شاء الله	Ma ša`-l-Lah

Перевод: Да положусь я на Аллаха!

Так хочет Аллах!

Правая сторона. Третий картуш.

Текст (по-арабски)	Транскрипция
لا اله الا الله	La ilaha illa-l-Lah
محمد رسول الله	Muhammadu rasul al-Lah

Перевод: Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – пророк Аллаха! (символ исламской веры).

Левая сторона. Картуш возле острия.

Текст (по-арабски)	Транскрипция
ما شاء الله	Ma ša`-l-Lah

Перевод: Так хочет Аллах!

Поверхность оружия плотно покрыта стандартными религиозными формулами, что подчеркивает набожность и, может, даже показную религиозность заказчика. Обращает внимание отсутствие имен изготовителя и заказчика оружия. Даже в формуле «Окажи заступничество. Такой-то в твоей общине», которая предполагала начертание имени заказчика²², оно отсутствует. Дата – единственное техническое клеймо.

Размещение надписей отвечает стандарту: у рукояти расположены надписи, касающиеся владельца (пусть даже неполные в этом случае), тогда как ближе к острию вынесены символ веры и «машалла» – формулы, призванные придать оружию миссию орудия самого Аллаха и таким образом усилить его эффективность.

Рассмотренные в нашей статье пять ятаганов, хранящихся в украинских музеях, представляют собой разные по типам и видам ятаганы Османской империи XIX в. Изучением ятаганов, хранящихся в музеях Украины, как отдельной темой в данный момент никто не занимается, хотя ятаганы из Национального

исторического музея Украины, Одесского краеведческого музея, частных коллекций, которые открывают свои двери для научных работников, несомненно представляют собой большой научный интерес как и для оружейников Украины, так и для оружейников других стран.

¹ Последним владением Османской империи на территории Украины была южная часть современной Одесской области, отошедшая к Российской империи по Бухарестскому миру 1812 г.

² Тоїчкін Д. Козацька шабля XVII–XVIII ст.: Історико-зброєзнавче дослідження. Київ: Стило, 2007.

³ Список оружия из Оружейной палаты Московского Кремля, составленный Л. Яковлевым в 1862 г., также сообщает о большом количестве турецких и персидских сабель, причем украшенных исламскими религиозными надписями, но не содержит ни одного упоминания о ятаганах. См.: Елисеев Е.А. Арабские надписи на старом русском оружии XVI–XVII веков // Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Реконструкция всеобщей истории. Исследования 1999–2000 годов. Новая хронология. М., 2000. С. 515–546.

⁴ Фонды Мемориального комплекса «Национальный музей истории ВОВ 1941–1945 гг.».

⁵ Фонды Национального военно-исторического музея Украины.

⁶ Фонды Музея истории оружия г. Запорожье.

⁷ Куланда М. Османский ятаган // Журнал «Восточная коллекция». (15)/ 2003. № 4. М., ФГБУ «Российская государственная библиотека. С. 112; Askeri Müzesi yatağan Koleksyonu. İstanbul: Askeri Müzesi ve Kültür Sitesi Komutanlığı, 2009. S. 18–21.

⁸ Умалчивает об этом и знаменитый трактат о янычарах, написанный в начале XVII в. «История происхождения законов Янычарского корпуса»; в нем вообще не упоминается слово «ятаган»: Мебде-и канун-и йеничери оджагы тарихи (История происхождения законов янычарского корпуса) / Изд. И. Е. Петросян, под ред. А. Н. Кононова. М.: Наука-ГРВЛ, 1987.

⁹ Богданович Б. Холодное оружие Османской империи и Албании. М.: Фонд «Русские витязи», 2011. С. 8.

¹⁰ Там же. С. 13.

¹¹ Миллер Ю.А. Художественное оформление холодного оружия Турции: XVII–XVIII вв. // Труды Государственного Эрмитажа, 1958. Т. 2. С. 174.

¹² Аствацатурян Э.Г. Турецкое оружие. СПб.: ООО «ТПГ «Атлант»», 2002. С. 157–164.

¹³ Учитывая турецкоязычную среду Янычарского корпуса, эта и другие надписи на ятаганах транскрибированы по-турецки, а не в соответствии с нормами арабского литературного языка.

¹⁴ Почетный титул и способ обращения, которого удостоивались представители правящего класса в Османской империи, аналогичен титулам мирза и эфенди, которые завоевали популярность в XVIII–XIX вв.: Barthold W., Spuler B. Çelebi // Encyclopaedia of Islam. 2nd ed. Vol. II. P. 19.

¹⁵ Почетный титул, имевший первоначальное значение «старший брат»,

который также широко использовался в сложносоставных названиях должностей в значении «глава, распорядитель». Bowen H. Agha // *Encyclopaedia of Islam*. 2nd ed. Vol. I. P. 245.

¹⁶ Deny J. Pasha // *Encyclopaedia of Islam*. 2nd ed. Vol. VIII. P. 279–281.

¹⁷ См. Мебде-и канун-и йеничери оджагы тарихи (История происхождения законов янычарского корпуса) / Указ. изд. С. 135.

¹⁸ См. в поэме Ахмеди «Искендер-наме» (нач. XV в.) представление Омара эталоном справедливости в характеристике Орхана, второго правителя династии Османов: Munsif idi Orhan-i dad-ger / Unuduldi anuñ-ile ahd-i Ömer (Судил Орхан с беспристрастности даром / Так что с ним позабылось правление Омара). Выдержки из этой поэмы были вставлены в рукопись одной из популярных османских хроник (датирована сент. 1561 г.): Mehmed Neşri. Kitâb-i Cihan-nümâ (Neşri Tarihi) / Hazırlayan Faik Reşit Unat, Mehmet A. Köymen. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1949. S. 146–147.

¹⁹ Askeri Müzesi yatağan Koleksyonu. İstanbul: Askeri Müzesi ve Kültür Sitesi Komutanlığı, 2009. S. 35; Türelî, İdil. Türk sanatında alti köşeli yıldız: Mühr-i Süleyman. İstanbul: Kitabevi, 2011.

²⁰ См.: Grabar O. *The Mediation of Ornament*. Princeton: Princeton University Press, 1992. P. 47–118.

²¹ Имена «пещерников» были перечислены в сборнике хадисов (историй из жизни Мухаммеда), составленном Абу-л-Касымом Сулайманом Ибн Ахмедом Ибн ат-Табарани (873–970), где их имена еще поданы так, что в некоторых из них узнаваемы латинский прототипы, напр. Муксалмина (Мекселина) < Максими́н, Маргунис (Мернюш) < Марций, Кааститиунис (Кефестетайюш) < Константинус. Изменение правописания и произношения имен вызвано недостатками арабского письма в передаче иностранных слов, ошибками переписчиков и многоязычием мусульманского мира; в частности приведенная форма имен имеет следы персидского влияния. О самом сказании и его смысле подробнее см.: Пиотровский М.Б. *Коранические сказания*. М.: Наука, 1991. С. 134–137.

²² Askeri Müzesi yatağan Koleksyonu. İstanbul: Askeri Müzesi ve Kültür Sitesi Komutanlığı, 2009. S. 35.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Брель Ольга Владимировна – Национальный историко-культурный заповедник «Чигирин» (Чигирин, Республика Украина), старший научный сотрудник

Галенко Александр Иванович – Институт истории Украины Национальной Академии наук Украины, зав. сектором, кандидат исторических наук

Грибовский Владимир Юльевич – Научно-исследовательский институт военной истории Военной академии Генерального штаба ВС РФ (далее НИИ военной истории) (Санкт-Петербург), кандидат исторических наук

Данков Михаил Юрьевич – Национальный музей Республики Карелия, научный сотрудник, действительный член Русского Географического общества

Джиоева Анна Рослановна – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее ВИМАИВиВС) (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, кандидат исторических наук

Диденко Янина Леонидовна – Национальный историко-культурный заповедник «Чигирин» (Чигирин, Республика Украина), ученый секретарь, доктор исторических наук

Дроздова Елена Ефимовна – Тульский государственный музей оружия, заведующая отделом, доктор исторических наук

Дуров Иван Герасимович – (Белгородская область), доктор исторических наук, кандидат военных наук

Егорейченко Сергей Александрович – Национальный историко-культурный музей-заповедник «Несвиж» (Несвиж, Республика Беларусь), начальник отдела

Егоров Андрей Михайлович – Псковский юридический институт ФСИН России, полковник внутренней службы, доцент, кандидат исторических наук

Ефимов Сергей Владимирович – ВИМАИВиВС (Санкт-Петербург), заместитель директора, кандидат исторических наук

Жарский Анатолий Петрович – НИИ военной истории (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, кандидат военных наук

Журавлев Дмитрий Алексеевич – Военно-медицинский музей Министерства обороны Российской Федерации (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Иванюк Сергей Александрович – Волгоградский государственный университет, соискатель

Ивлева Ольга Борисовна – Тульский государственный музей оружия, старший научный сотрудник

Игошин Константин Георгиевич – Музей-панорама «Бородинская битва» (Москва), старший научный сотрудник

Изонов Виктор Владимирович – НИИ военной истории (Москва), главный научный сотрудник, доктор исторических наук, профессор

Ильина Татьяна Николаевна – ВИМАИВиВС (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, кандидат исторических наук

Кириленко Елена Юрьевна – ВИМАИВиВС (Санкт-Петербург), ведущий научный сотрудник, кандидат культурологии

Ковалев Сергей Николаевич – НИИ военной истории (Санкт-Петербург), ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук

Коновалов Александр Федорович – ВИМАИВиВС (Санкт-Петербург), младший научный сотрудник

Коровин Владимир Викторович – Юго-Западный государственный университет (Курск), профессор, доктор исторических наук

Коршунов Эдуард Львович – НИИ военной истории (Санкт-Петербург), начальник отдела

Костин Андрей Александрович – Институт русской литературы РАН (Санкт-Петербург), ученый секретарь, кандидат филологических наук

Косточкин Илья Валерьевич – Астраханский государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник, научный сотрудник

Крапошин Петр Валентинович – Государственный историко-литературный музей-заповедник А.С. Пушкина (Москва), научный сотрудник

Кручинин Андрей Сергеевич – Дом русского зарубежья им. А.И. Солженицына, ведущий научный сотрудник

Кудзеевич Леонид Владимирович – Государственный музей политической истории России (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник

Кузнецов Никита Анатольевич – Дом русского зарубежья им. А.И. Солженицына, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук

Кулинский Александр Николаевич – ВИМАИВиВС (Санкт-Петербург), главный хранитель оружейных фондов, профессор ЮУрГУ
Кулянина Ульяна Ивановна – Самарский государственный технический университет (Сызрань), преподаватель, кандидат исторических наук

Курсанина Наталия Леонидовна – Национальный военно-исторический музей Украины, научный сотрудник, Национальная Академия руководящих кадров культуры и искусств, старший преподаватель

Михайлов Андрей Александрович – НИИ военной истории, научный сотрудник, доктор исторических наук, доцент

Щерба Александр Николаевич – НИИ военной истории (Санкт-Петербург), доктор исторических наук

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Данков М.Ю.</i> Загадочная «фортеция» на Онежском озере и чертеж М. Витвера первой четверти XVIII века	3
<i>Джиоева А.Р.</i> Артиллерийское полковое знамя: материалы к истории бытования	25
<i>Диденко Я.Л., Брель О.В.</i> Музей «История Чигиринской крепости». Проблемы и перспективы создания постоянной экспозиции	35
<i>Дроздова Е.Е.</i> Тульский государственный музей оружия: новое здание — новая экспозиция	42
<i>Дуров И.Г.</i> Русская баня — незаменимое народное средство личной гигиены и поддержания здоровья военных и морских чинов в XVIII веке	54
<i>Егорейченко С.А.</i> Оружие и доспехи арсенала Несвижского замка в собрании музея «Метрополитан» (Нью-Йорк). Перспектива изучения, экспозиционного сотрудничества и «мягкой» формы реституции	99
<i>Егоров А.М.</i> Опочечное ЗРВУ — школа мужества и боевого мастерства	110
<i>Ефимов С.В.</i> «Тот, кто не хочет стать посмешищем, должен быть покорным». Европейские позорные маски XVI—XVII веков	121
<i>Ефимов С.В.</i> Шведские артиллеристы в русском плену (1709—1721)	147
<i>Журавлев Д.А.</i> Оказание медицинской помощи американским гражданам на территории Европы, освобожденной от противника в период Второй мировой войны	172
<i>Иванюк С.А.</i> Андрей Ушаков — командир партизанского отряда Петра Великого	182
<i>Излева О.Б.</i> Роль С.Б. Вартазаряна в организации оружейного производства в Туле	196
<i>Игошин К.Г.</i> Система Аракчеева и чертежи полевой артиллерии 1805 года	206

<i>Изонов В.В.</i> Восьмой эстонский стрелковый корпус: История. Люди. Подвиги	224
<i>Ильина Т.Н.</i> Медали, которые носил И.И. Дибич	239
<i>Кириленко Е.Ю.</i> Судьба французской медали «Защитникам Порт-Артура» (По материалам ВИМАИВиВС)	262
<i>Ковалев С.Н., Грибовский В.Ю., Жарский А.П., Коршунов Э.Л., Михайлов А.А., Щерба А.Н.</i> Военно-политические союзы в Европе и Россия. XIX век	272
<i>Коновалов А.Ф.</i> Суворовско-нахимовская школа и кадетское движение России вчера и сегодня (К 70-летию создания СВУ и НВМУ)	296
<i>Коровин В.В.</i> Разведывательно-диверсионная деятельность спецгрупп НКВД на оккупированной территории Центрального Черноземья в 1941–1942 годах	329
<i>Коршунов Э.Л., Жарский А.П.</i> «... если бы все русские, действовавшие в Италии, Швейцарии и Голландии, были соединены ...» (Почему, несмотря на ряд блистательных побед Суворова в Италии, союзники эту войну проиграли)	342
<i>Костин А.А.</i> Участие А.П. Сумарокова в подготовке фейерверка на новый 1760 год (По материалам Архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи)	367
<i>Косточкин И.В.</i> Вооружение, организация, социальный состав войска Московской Руси в битве при Молодях	375
<i>Крапошин П.В.</i> К вопросу о происхождении ствола ружья мастерской Карла Гибенхама	387
<i>Кручинин А.С. С.Н.</i> Булак-Балахович и балаховцы в борьбе за Псков осенью 1918 года	392
<i>Кудзеевич Л.В.</i> Поход дивизии генерала А.И. Репнина в Польшу в 1715 году.	407
<i>Кузнецов Н.А.</i> К истории создания Водолазной и спасательной партии Черноморского флота – первого подразделения аварийно-спасательной службы отечественного ВМФ	419
<i>Кулинский А.Н.</i> Туркестанские генерал-администраторы и их коллекции (середина XIX века – 1917 год)	436
<i>Кулянина У.И.</i> Уездная периодическая печать начала XX века как агент формирования общественного мнения русской глубинки о Первой мировой войне	469
<i>Курсанина Н.Л., Галенко А.И.</i> Ятаганы в музеях Украины	480
Сведения об авторах	497

Научное издание

Война и оружие
Новые исследования и материалы
Труды Четвертой Международной
научно-практической конференции

В четырех частях

Часть 2

Редактор: *Е.М. Пожидаева, М.Д. Андрианова*
Художник: *Н.Ю. Якубовская*
Технический редактор: *В.И. Хоронeko*
Верстка: *В.И. Хоронeko*
Компьютерный набор: *Я.В. Камашина*

Лицензия ПД № 2-69-528

Подписано в печать 24.04.13.
Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 18,6.
Бумага офсетная. Гарнитура PeterburgC.
Тираж 300 экз.

Отпечатано в ЦОП ГУ ВИМАИВиВС.
Санкт-Петербург, Александровский парк, 7.
Тел./факс: (812) 610-33-01, 610-33-29

ФГКУ «ВИМАИВиВС» МО РФ.
197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 7.

==== Для заметок =====

==== Для заметок =====